

ЦАРСТВОВАНИЕ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I.

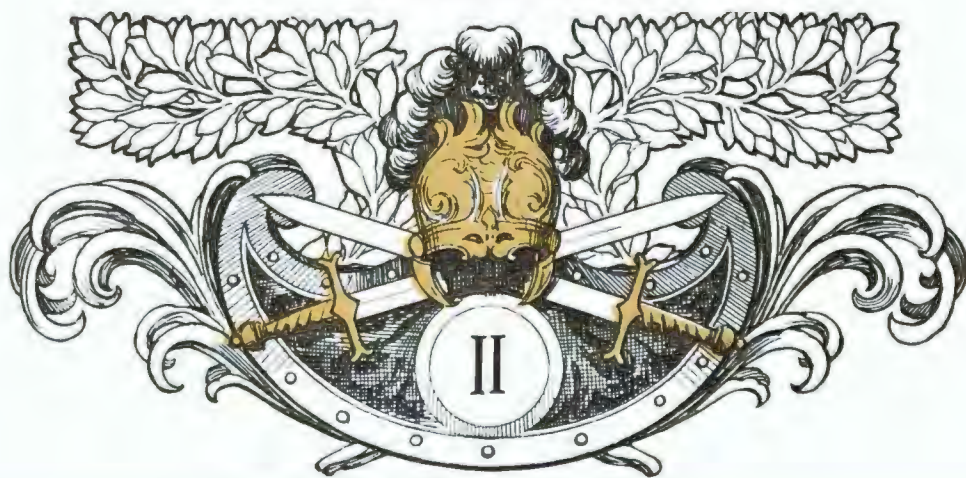

СТОЛѢТІЕ
ВОЕННАГО МИНИСТЕРСТВА

ИМПЕРАТОРСКАЯ

ГЛАВНАЯ КВАРТИРА.

ИСТОРИЯ ГОСУДАРЕВОЙ СВИТЫ.

Н. САМОКИШЪ.

ИМПЕРАТОРСКАЯ ГЛАВНАЯ КВАРТИРА

ИСТОРИЯ ГОСУДАРЕВОЙ СВИТЫ.

СТОЛѢТІЕ
ВОЕННАГО МИНИСТЕРСТВА
1802—1902.

ИМПЕРАТОРСКАЯ ГЛАВНАЯ КВАРТИРА
ИСТОРИЯ ГОСУДАРЕВОЙ СВИТЫ.

ЦАРСТВОВАНИЕ
ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОРЪ генераль-отъ-кавалеріи Д. А. СКАЛОНЪ.

Составили: генераль-маіоръ В. В. КВАДРИ и капитанъ В. К. ШЕНЕЪ.

Помощники: штабсъ-капитанъ Г. С. ГАБАЕВЪ, Н. Н. МЕРЛИНЪ и М. К. СОКОЛОВСКІЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ ПОСТАВЩИКОВЪ ДВОРА ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ
Васильевскій Островъ, 16 линія, д. 5—7

1908

ПЕЧАТАНО ПО РАСПОРЯЖЕНІЮ ВОЕННАГО МИНИСТЕРСТВА
ВЪ КОЛИЧЕСТВѢ 2210 ЭКЗЕМПЛЯРОВЪ,
ИЗЪ КОИХЪ
10—ДЛЯ ВѢЧНАГО ХРАНЕНІЯ.

Клише Т-ва Голикъ и К*, наборъ и печать тип. Т-ва М. О. Вольфъ.

* * *

Въ составленіи настоящей книги участвовали, какъ редакторы: состоявшій въ распоряженіи Командующаго ИМПЕРАТОРСКОЙ Главной Квартиры генераль-маіоръ В. В. К в а д р и, начавшій собирать матеріалы, а затѣмъ, въ дальнѣйшей работѣ,—дѣлопроизводитель Военно-Походной Канцеляріи ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, Л.-Гв. Стрѣлковаго полка капитанъ В. К. Ш е н к ъ.

Выборку и обработку архивныхъ матеріаловъ производили: Л.-Гв. Сапернаго баталіона штабсъ-капитанъ Г. С. Г а б а е в ъ, Н. Н. М е р л и н ъ и М. К. С о к о л о в с к і й.

Груды по извлеченію изъ варшавскаго „Архива Старыхъ Дѣлъ“ нѣкоторыхъ документовъ о чинахъ Свиты, служившихъ въ польской арміи и переводъ таковыхъ, любезно принялъ на себя подполковникъ Генеральнаго штаба А. И. Ф е д о т о в ъ.

Н. Самокиш

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Настоящій выпускъ Исторіи ГОСУДАРЕВОЙ Свиты,—царствованіе ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I-го,—по своему содержанію нѣсколько разнится отъ принятаго плана бытописаній Свиты предыдущихъ царствованій, такъ какъ въ этомъ выпускѣ довольно много мѣста отведено жизни Великаго Князя НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА до Его вступленія на престоль.

Самобытный характеръ, выдающіяся способности и энергія ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I-го оставили по себѣ навсегда неизгладимый слѣдъ въ исторіи Россіи и это царствованіе, рѣзко отграничивая сѣдую русскую старину, дало начало новому направленію государственной жизни.

Непрестанно заботясь о военной мощи Россіи, ИМПЕРАТОРЪ, создавъ систему безсрочно отпускныхъ, довелъ, не обременяя бюджета, численность русскихъ войскъ до высшихъ размѣровъ по сравненію съ сосѣдними государствами; особенное Монаршее вниманіе ГОСУДАРЬ обратилъ на военно-учебныя заведенія и тѣмъ обновилъ командный составъ арміи. Онъ строилъ крѣпости, входилъ во всѣ подробности военного дѣла, наконецъ, Онъ создалъ «Николаевскаго» солдата, ставшаго во всей Европѣ нарицательнымъ именемъ для опредѣленія исключительной военной выправки, выносливости, дисциплины и рыцарской чести.

Однако, направивъ всю Свою энергію на воспитаніе воинскаго духа въ арміи, и сдѣлавъ се въ этомъ отношеніи образцовою, ИМПЕРАТОРЪ, къ сожалѣнію, мало удѣлялъ Своего вниманія на новѣйшія военныя техническія усовершенствованія, что и отразилось на исходѣ Его дней,—въ Крымскую кампанію.

Главная-же заслуга передъ родиной ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА выразилась въ томъ, что во всѣхъ отрасляхъ Государственнаго строя Онъ всегда находилъ людей истинно талантливыхъ, преданныхъ исполнителей Его Царскихъ предначертаній, которымъ и умѣлъ внушить Свою неутомимую энергію и желѣзную силу воли.

А потому вполне понятно, что если рядовые исполнители воли ГОСУДАРЯ были проникнуты всецѣло «Николаевскимъ духомъ», то лица ГОСУДАРЕВОЙ Свиты, «ближніе слуги» Царя, были еще болѣе ревностными и беззавѣтными исполнителями своего долга. Выборъ лицъ, жалующихъ въ Свитское званіе, былъ особенно тщателенъ и достаточно вспомнить такія имена, какъ графъ В. Ѳ. Адлербергъ, графъ А. Х. Бенкендорфъ, князь М. С. Воронцовъ, баронъ И. И. Дибичъ,

князь А. С. Меншиковъ, графъ А. Ѳ. Орловъ, свѣтлѣйшій князь И. Ѳ. Паскевичъ, Я. И. Ростовцовъ, свѣтлѣйшій князь А. И. Чернышевъ, чтобы сразу представить себѣ весь нравственный обликъ Свиты ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ.....

Вступленіе НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА на престоль, при исключительныхъ до того обстоятельствахъ, дало возможность юному ГОСУДАРЮ оцѣнить командный составъ Гвардіи и затѣмъ влить въ ряды Своей Свиты много энергичныхъ и преданныхъ Ему людей, доказавшихъ свою вѣрность въ тяжелый день 14-го Декабря 1825 года. Эти новыя лица ГОСУДАРЕВОЙ Свиты значительно освѣжили старый составъ и на все время царствованія придали ей особый, трогательный и величественный, чисто рыцарскій отпечатокъ.

14-ое Декабря 1825 года показало, что ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ вступилъ на престоль уже съ твердо установившимся характеромъ, при чемъ характеръ этотъ выработывался постепенно въ юные годы Великаго Князя. Вотъ почему въ предлагаемомъ читателю настоящемъ выпускѣ впервые помѣщены автобіографія Великаго Князя НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА и архивъ его приказовъ и распоряженій по Л.-Гв. Дворянской ротѣ, въ которой Онъ несъ службу младшаго офицера еще въ 14—15-лѣтнемъ возрастѣ, во время Отечественной войны, а равно не мало вниманія удѣлено здѣсь и событіямъ, сопровождавшимъ вступленіе на престоль ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I-го.

Не остановится подробно на Особѣ Самого ИМПЕРАТОРА, отразившаго Свой личный характеръ и Свои рыцарскіе взгляды на Его Свитѣ, при составленіи исторіи Свиты—было нельзя.

1—Государь Императорь **НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧЪ**; 2—Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ и Великій Князь **Александръ Николаевичъ**; 3—Великій Князь **Михаилъ Павловичъ**; 4—Генераль-адъютантъ, Свѣтлѣйшій князь **П. М. Волконскій**, Министръ Двора; 5—Генераль-адъютантъ, графъ **А. Х. Бенкендорфъ**, Шефъ Жандармовъ и Командующій Имп. Главн. Квартирою; 6—Генераль-адъютантъ, Фельдмаршалъ, Свѣтлѣйшій князь **Варшавскій**, графъ **И. Ѳ. Паскевичъ-Эриванскій**; 7—Генераль-адъютантъ, графъ **А. И. Чернышевъ**, Военный Министръ.

Съ акварели Винберга.

Изъ собранія Ф. Г. Козлянинова.

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ I^я И ЕГО СВИТА.

ОРИГИНАЛЪ НАПИСАНЪ КРЮГЕРОМЪ И НАХОДИТСЯ ВЪ ПОРТРЕТНОМЪ ЗАЛЪ АЛЕКСАНДРОВСКАГО ДВОРЦА,
ВЪ ЦАРСКОМЪ СЕЛЪ.

Клише и печать С. М. Прокудинъ-Горскаго. СПб.

ГЛАВА I.

Великій Князь Николай Павловичъ.

„Сегодня въ три часа утра Мамаша ¹⁾ родила большущаго мальчика, котораго назвали Николаемъ“, записала Державная бабка, Государыня Императрица Екатерина II-я, 25-го Юня 1796 года ²⁾. „Голосъ у него басъ, которымъ онъ кричитъ оглушительно. Длинной онъ аршинъ безъ двухъ вершковъ, а руки его почти равны моимъ. Въ жизнь мою не видала подобнаго рыцаря. Если онъ будетъ продолжать такъ, какъ началъ, его братья будутъ карлами по сравненію съ этимъ колоссомъ“. Такими знаменательными словами отмѣтила Державная бабка рожденіе будущаго Императора. Лакруа ³⁾ приписываетъ Екатеринѣ и слѣдующія, еще болѣе знаменательныя слова, сказанныя ею при посѣщеніи Новорожденнаго:

„Я стала бабкой третьяго внука, который по необычайной силѣ своей предназначенъ, мнѣ кажется, царствовать, хотя у него есть два старшихъ брата“.

¹⁾ Великая Княгиня Марія Теодоровна.

²⁾ Письмо къ Фридриху Гримму отъ 25-го Юля 1796 г. Сб. Импер. Русск. Истор. Общ. т. 23-й, стр. 679, № 263.

³⁾ «Histoire de la vie et du règne de Nicolas I, Empereur de Russie». Paris 1864, t. I, p. 3.

Самъ Императоръ Николой въ записанныхъ собственноручно, впервые печатаемыхъ, воспоминаніяхъ о Своемъ рожденіи и младенческихъ годахъ говоритъ ¹⁾):

„Мои родители извѣстны всѣмъ, и я могу лишь къ этому добавить, что родился въ Царскомъ Селѣ, 25 іюня 1796 года.

„Говорятъ, будто рожденіе мое доставило большое удовольствіе, какъ послѣдовавшее послѣ рожденія шести сестеръ подрядъ и послѣ чувствительнаго удара, перенесеннаго моими родителями и происшедшаго благодаря не состоявшемуся бракосочетанію моей старшей сестры Александры со Шведскимъ королемъ Густавомъ-Адольфомъ, тѣмъ самымъ, котораго впослѣдствіи такъ жестоко преслѣдовала судьба, лишивъ его наслѣдія предковъ—престола, разлучивъ съ женою и дѣтьми, обрекиши его на существованіе безъ пристанища и на скитаніе изъ города въ городъ, не позволяя нигдѣ надолго остановиться.

„Причиной этого не состоявшагося брака было, какъ говорятъ, съ одной стороны—упрямство короля, не желавшаго согласиться на то, чтобы моя сестра имѣла при себѣ православную часовню, а съ другой—неумѣлость графа Моркова, которому было поручено составленіе брачнаго договора, и который, желая устранить затрудненіе, возникающее отъ одного изъ существеннѣйшихъ пунктовъ договора, откладывалъ заключеніе самаго договора до послѣдняго момента, а между тѣмъ безъ этого пункта, не принимаемаго королемъ, Императрица Екатерина не давала согласія на бракъ. Въ тотъ моментъ, когда пришло распоряженіе объ отмѣнѣ предстоящаго брака, моя сестра была уже причесана и всѣ ея подружки въ сборѣ—ожидали лишь жениха. Это событіе, по словамъ свидѣтелей, чуть не стоило жизни Императрицѣ, такъ какъ съ ней случился апоплексическій ударъ, отъ котораго она не могла уже оправиться.

„Мнѣ думается, что мое рожденіе было для Императрицы Екатерины послѣднимъ счастливымъ событіемъ: она желала имѣть внука, а я, говорятъ, былъ большимъ и здоровымъ ребенкомъ, такъ какъ даже она, благословляя меня, сказала: „Экій богатырь!“ Слабое состояніе ея здоровья не позволяло ей принимать личнаго участія въ об-

¹⁾ Собственная Его Величества бібліотека Зимняго дворца. Рук. Отд. шкафъ V, полка 2, карт. 65, № 1992/а.

Факсимиле воспоминаній написано на французскомъ языкѣ и воспроизведено въ Приложеніяхъ къ настоящему тому.

Его Императорское Высочество
Великій Князь
НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧЪ.

Съ портрета Боровиновскаго.

Гатчинскій дворецъ.

рядѣ крещенія, въ виду чего во время крестинъ она находилась на хорахъ Царскосельской Придворной церкви. Воспреемниками моими были Великій Князь Александръ и сестра моя—Александра.

„Съ давнихъ поръ существовалъ обычай опредѣлять къ каждому изъ насъ, въ качествѣ няньки, по англичанкѣ и по нѣсколько дамъ, которыя должны были въ теченіе всего перваго года по очереди находиться при нашихъ кроватяхъ. Ко мнѣ были назначены взятая отъ генеральши Чичериной шотландка миссъ Лайонъ, а для ночныхъ дежурствъ—г-жи Синицына и Панаева; кромѣ нихъ при мнѣ находились еще четыре горничныхъ и кормилица — крестьянка Московской Славянки.

„При жизни Императрицы Екатерины, скончавшейся 6-го Ноября того же года, мои братья и сестры находились постоянно при ней; такимъ образомъ мы, разлученные съ отцомъ и матерью, оставались на попеченіи уважаемой и прекрасной женщины, графини Ливенъ, которую страшно любили, и которая всегда была образцомъ неподкупной правдивости, справедливости и привязанности къ своимъ обязанностямъ. По вступленіи на престолъ мой отецъ утвердилъ ее въ этой должности, которую она и исполняла съ примѣрнымъ усердіемъ. Обязанности же ея при жизни Императрицы были тѣмъ болѣе тяжелы, что отношенія между сыномъ и матерью бывали часто натянутыми, а она, находясь постоянно между обѣими сторонами, всегда умѣла выходить съ честью изъ этого труднаго положенія исключительно благодаря своей незабываемой прямотѣ и тому довѣрію, которое она этою прямою внушала.

„6-го Ноября отецъ удостоилъ зачислить меня въ Конную гвардію, а братьевъ моихъ—во 2-й и 3-й гвардейскіе полки. По возвращеніи изъ Итальянскаго похода въ 1799 г. братъ Константинъ былъ переведенъ въ Конную гвардію, я же за нее получилъ 3-й гвардейскій полкъ, который съ тѣхъ поръ навсегда и сохранилъ за собою. Впечатлѣніе, произведенное на меня этимъ извѣстіемъ, было такъ сильно, что оставило въ памяти моей живой слѣдъ о томъ, какимъ образомъ я объ этомъ узналъ и какъ мало былъ польщенъ этимъ назначеніемъ. Въ Павловскѣ я ожидалъ однажды отца въ нижней комнатѣ, и когда онъ возвращался, то я вышелъ навстрѣчу къ калиткѣ малаго сада у балкона; онъ же, отворивъ калитку и снявъ шляпу, сказалъ: „Поздравляю, Николаша, съ новымъ полкомъ: я тебя перевелъ

изъ Конной гвардіи въ Измайловскій полкъ, въ обмѣнъ съ братомъ“.

„Я объ этомъ упоминаю лишь для того, чтобы показать, насколько то, что льститъ или оскорбляетъ, оставляетъ въ раннемъ возрастѣ глубокое впечатлѣніе—мнѣ въ то время было едва три года!

„Вскорѣ послѣ кончины Императрицы Екатерины ко мнѣ была приставлена въ видѣ старшей вдова полковника, госпожа Адлербергъ, урожденная Багговуть. Я съ сестрою Анною въ то время были настолько малы, что не могли сопутствовать Государю ни въ поѣздѣ его для коронаванія ни въ его путешествіяхъ, а потому оставались въ Петербургѣ подъ присмотромъ оберъ-шенка Загряжскаго, гдѣ одновременно съ сестрою же Анною намъ была привита оспа—событіе въ то время необычайное, совершенно незнакомое въ домашнемъ обиходѣ. Оспа у меня была слабая, у сестры же была сильнѣе, хотя мало оставила слѣдовъ.

„Одновременно съ нами также привили оспу сыну и единственной дочери госпожи Адлербергъ, сыну Панаева и еще нѣсколькимъ дѣтямъ. Такъ какъ это происходило въ Зимнемъ дворцѣ и въ виду того, что въ то время мы собирались переѣзжать въ Павловскъ, то насъ отдѣлили отъ прочихъ и помѣстили съ сестрою въ домѣ Плещеева. Михаилъ же, родившійся 28 января 1798 года, находился въ то время съ Дурновымъ сначала въ Мраморномъ дворцѣ, а затѣмъ—въ Царскомъ Селѣ.

„Когда мы поправились, насъ взяли въ Зимній дворецъ, гдѣ я былъ помѣщенъ въ верхнемъ этажѣ, надъ комнатами Государя, близъ малаго садика. Событія того времени сохранились весьма смутно въ моей памяти, и я могу перечислить ихъ лишь безъ соблюденія послѣдовательности. Такъ помню, что видѣлъ Шведскаго Короля, выше-названнаго Густава-Адольфа, въ Зимнемъ дворцѣ, въ прежней голубой комнатѣ моей матушки; онъ мнѣ подарилъ фарфоровую тарелку съ фруктами изъ бисквита. Въ другой разъ помню, что въ Зимнемъ дворцѣ, въ комнатѣ моего отца, видѣлъ католическихъ священниковъ въ бѣлыхъ одѣяніяхъ или курткахъ и страшно ихъ испугался. Припоминаю также свадьбу моей сестры Александры въ Гатчинѣ съ Эрцъ-Герцогомъ Австрійскимъ, ожидавшимъ начала церемоніи въ спальнѣ моей матушки. Императрица, въ то время еще Великая Княгиня, Елисавета возила меня на шлейфѣ своего платья.

„Во время вѣнчанія по православному обряду я былъ посаженъ въ кресло на хорахъ, и такъ какъ сильно испугался раздавагося

пушечнаго выстрѣла, то меня унесли; во время же католическаго вѣнчанія, происходившаго въ большомъ верхнемъ залѣ, престолъ былъ устроенъ на камнѣ. Мнѣ помнится, что я видѣлъ желтые сапоги гусаръ венгерской дворянской гвардіи. У меня еще сохранилось въ памяти смутное представленіе о лагерѣ Финляндской дивизіи, пришед-

Великіе Князья НИКОЛАЙ и МИХАИЛЬ ПАВЛОВИЧИ и Великая Княжна
МАРІЯ ПАВЛОВНА.

Писалъ В. Боровиковскій.

шей на осенніе маневры въ Гатчину; стрѣлки были поставлены на передовыя линіи въ лѣсу; я былъ этимъ пораженъ такъ же, какъ и всѣмъ порядкомъ лагеря того времени. Помню также, какъ несли первые штандарты кавалеровъ Мальтійской гвардіи. То были серебряные орлы, держащіе съ помощью цѣпочекъ малиновую полосу матеріи съ серебрянымъ на ней крестомъ ордена Св. Іоанна. Во время происходившаго на Гатчинскомъ дворѣ парада, отецъ, бывшій на конѣ, поставилъ меня къ себѣ на ногу. Однажды, когда я былъ испуганъ шумомъ пикета Конной гвардіи, стоявшаго въ прихожей моей матери, въ Зимнемъ дворцѣ, отецъ мой, проходившій въ это время, взялъ меня на руки и заставилъ перецѣловать весь карауль.

„Пока я числился въ Конной гвардіи, носилъ курточку и панталоны сперва вишневаго цвѣта, потомъ оранжеваго и наконецъ краснаго, согласно различнымъ перемѣнамъ въ цвѣтахъ парадной формы полка. Звѣзда Св. Андрея и крестикъ Св. Іоанна были пришиты къ платью; при парадной формѣ лента носилась подъ курточкой, иногда же—супервестъ Св. Іоанна изъ золотой парчи съ серебрянымъ крестомъ подъ обыкновенной дѣтской курточкой.

„Отецъ мой насъ нѣжно любилъ, и однажды, когда мы пріѣхали въ Павловскъ, я увидѣлъ его, идущаго ко мнѣ навстрѣчу со знаменемъ у пояса, которое онъ мнѣ подарилъ и которое въ то время такъ именно носили; другой разъ оберъ-штабмейстеръ графъ Ростопчинъ, отъ имени отца, подарилъ мнѣ маленькую золоченую коляску съ жокеемъ и парюю шотландскихъ воронныхъ лошадей.

„Въ это время я познакомился съ дѣтьми госпожи Адлербергъ: дочь ея, Юлія, была 8-ю годами старше меня, а сыну, Эдуарду, пять лѣтъ. Я шелъ по Зимнему дворцу къ моей матушкѣ и тамъ увидѣлъ маленькаго мальчика, поднимавшагося по лѣстницѣ на антресоли, которыя вели изъ библіотеки. Мнѣ хотѣлось съ нимъ поиграть, но меня заставили продолжать путь; въ слезахъ пришелъ я къ матушкѣ, пожелавшей узнать причину этихъ слезъ, — приводятъ маленькаго Эдуарда, и наша 25-ти лѣтняя дружба зародилась въ это время. Сестра моя въ то же время нашла въ лицѣ Юліи подругу, которая 25 лѣтъ спустя должна была сдѣлаться гувернанткой моей старшей дочери.

„Образъ нашей дѣтской жизни былъ довольно схожъ съ жизнью прочихъ дѣтей, за исключеніемъ этикета, которому тогда придавали необычайную важность. Съ момента рожденія каждаго ребенка къ нему приставляли англійскую бонну, двухъ дамъ для ночного дежурства, четырехъ нянекъ или горничныхъ, кормилицу, двухъ камердинеровъ, двухъ камеръ-лакеевъ, восемь лакеевъ и восемь истопниковъ. Во время церемоній крещенія вся женская прислуга была одѣта въ фижмы и платья съ корсетами, не исключая даже кормилицы. Представьте себѣ странную фигуру простой русской крестьянки изъ окрестностей Петербурга въ фижмахъ, въ высокой прическѣ, на помаженную, напудренную и затянутую въ корсетъ до удушія. Тѣмъ не менѣе это находили необходимымъ. Лишь при рожденіи Михаила отецъ мой освободилъ этихъ несчастныхъ отъ столь смѣшной пытки. Дежурныя дамы находились ночью при дѣтской кровати, чередуясь между собой въ теченіе лишь

перваго года, по прошествіи котораго онѣ присутствовали только днемъ, на почъ же оставались няньки съ одной горничной.

„Когда насъ возили на прогулку въ экипажѣ, что при жизни Императрицы никогда не случалось безъ предварительнаго ея разрѣшенія, а послѣ ея смерти—безъ позволенія графини Ливень, то мы, т. е.

Государыня Императрица МАРІЯ ТЕОДОРОВНА съ Вел. Княземъ
НИКОЛАЕМЪ ПАВЛОВИЧЕМЪ.

Съ части картины Кюгельена.

я съ сестрою, обыкновенно выѣзжали въ полдень; впоследствии, когда сестра стала выѣзжать одна, я катался вмѣстѣ съ Михаиломъ.

„Нашъ выѣздъ представлялъ изъ себя позолоченную шестимѣстную карету, которой предшествовали два гвардейскихъ гусара; позднѣе, впереди ѣхали два вѣстовыхъ въ сопровожденіи конюшеннаго офицера съ вѣстовымъ; два лакея—сзади за каретой. Въ праздничные дни карета была въ семь стеколъ, т. е. вся прозрачная, кромѣ спинки. Двѣ

англичанки, съ дѣтьми на колѣняхъ, занимали заднее сидѣніе, двѣ дежурныя дамы помѣщались противъ нихъ. Когда госпожа Адлербергъ была приставлена ко мнѣ, то она выѣзжала со мною въ сопровожденіи дежурной дамы.

„Ничего не дѣлалось безъ разрѣшенія часто насъ навѣщавшей графини Ливенъ. Обѣдали мы, будучи совсѣмъ маленькими, каждый отдѣльно, съ нянькой; позднѣе же я обѣдалъ вмѣстѣ съ сестрою. Обыкновенно это давало поводъ къ частымъ спорамъ между дѣтьми и даже между англичанками изъ-за лучшаго куска.

„Спали мы на желѣзныхъ кроватяхъ, которыя были окружены обычной занавѣской; занавѣски эти такъ же, какъ и покрышки кроватей, были изъ бѣлаго канифаса и держались на желѣзныхъ треугольникахъ такимъ образомъ, что ребенку, стоя въ кровати, едва представлялось возможнымъ изъ нея выглядывать; два громадныхъ валика изъ бѣлой тафты лежали по обоимъ концамъ кроватей. Два волосяныхъ матраца, обтянутыхъ холстомъ, и третій матрасъ, обтянутый кожей, да двѣ подушки, набитыя перьями, составляли самую постель; одѣяло лѣтомъ было изъ канифаса, а зимою ватное изъ бѣлой тафты. Полагался также бѣлый, бумажный, ночной колпакъ, котораго мы, однако, никогда не надѣвали, ненавида его уже въ тѣ времена. Ночной костюмъ, кромѣ длинной рубашки, наподобіе женской, состоялъ изъ платья съ полудлинными рукавами, застегивавшагося на спинѣ и доходившаго до шеи.

„Скажу еще нѣсколько словъ о занимаемыхъ нами помѣщеніяхъ въ Царскомъ Селѣ. Я помѣщался съ самага дня моего рожденія во флигелѣ, занятомъ въ настоящее время лицеемъ, въ комнатѣ, находившейся противъ помѣщенія покойной Александры, устроенной не такъ давно для Императрицы. Братъ мой помѣщался за мною съ противоположной стороны. Въ Зимнемъ дворцѣ я занималъ все то же помѣщеніе, которое занималъ Императоръ Александръ до своей женитьбы. Оно состояло, если итти отъ Салтыковскаго подъѣзда, изъ большой прихожей, зала съ балкономъ по срединѣ надъ подъездомъ и антресолей въ глубинѣ, полукруглое окно которыхъ выходило въ самое зало. Зало это было оштукатурено, и въ немъ находились только античныя позолоченныя стулья да занавѣси изъ малиновой камки, такъ какъ оно предназначалось въ сущности для игръ; комната эта, пока я не научился ходить, была обтянута въ нижней части стѣнъ такъ же, какъ и самый полъ, стеганными шерстяными подушками зеленаго цвѣта;

позднѣ эти подушки были сняты. Стѣны были покрыты бѣлой камкой съ большими разводами и изображеніями звѣрей, стулья—съ позолотой, обитые такой же матеріей; въ глубинѣ стоялъ такой же диванъ съ маленькимъ полукруглымъ столомъ—маркетри; двѣ громаднхъ круглыхъ печи занимали два угла, а между окнами помѣщался столъ бѣлаго мрамора съ позолоченными ножками.

„Затѣмъ слѣдовала спальня, въ глубинѣ которой находился альковъ; эта часть помѣщенія, украшенная колоннами изъ искусственнаго мрамора, была приурочена къ помѣщенію въ ней кровати, но тамъ я не спалъ, такъ какъ находили, что было слишкомъ жарко отъ двухъ печей, занимавшихъ оба угла; между ними, у алькова, крайне узкаго, находились

два дивана, упиравшіеся въ печи; два шкафа въ стѣнѣ алькова помѣщались въ двухъ углахъ напротивъ печей, а рядомъ со шкафомъ, стоящимъ съ правой стороны, находилась узкая, одностворчатая дверь, которая вела къ извѣстному мѣсту.

„Комната была оштукатурена, съ богатой живописью фресками въ античномъ вкусѣ по золоченому фону; такой же былъ и карнизъ; паркетъ великолѣпнаго рисунка былъ сдѣланъ изъ пальмоваго, розоваго, краснаго, чернаго и другого дерева, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сильно попорченный ружейными прикладами и эспантонами моихъ старшихъ братьевъ,—изъянъ, который Михаилъ и я съ тѣхъ поръ старались еще усугубить, сваливъ конечно все это на нашихъ братьевъ. Два большіе трюмо стояли одно противъ другого, при чемъ одно помѣщалось между двумя окнами этой комнаты, а другое—между двумя

Графиня Шарлота Карловна
Ливень.

(съ гравюры Райта, сдѣланной съ портрета, пис. Доу.)

Великій Князь
Николай Павловичъ.

Съ гравированнаго портрета того времени. Эрмитажъ.

арками алькова. Въ комнатѣ стоялъ античный позолоченный диванъ, крытый зеленой камкой съ ярко-зелеными разводами, и огромные стулья съ съемными пуховыми подушками. Диваномъ, крытымъ подобной же матеріей и помѣщавшимся у лѣвой стѣны, пользовалась англичанка; передъ диваномъ находился маленькій полукруглый столикъ, украшенный деревянной мозаикой. Два наброска, писанные масляными красками: „Александръ у Апеллеса“ и тотъ же „Александръ, отвергающій подаваемый ему воинномъ племъ съ водой“, висѣли на боковыхъ стѣнахъ одинъ противъ другого.

„На лѣво подъ этимъ наброскомъ находился рисунокъ карандашомъ моей матери — бѣлая ваза, подъ которой висѣлъ миниатюрный портретъ отца. Между окнами помѣщался бѣлый мраморный столикъ на ножкѣ изъ краснаго дерева, а треугольный, краснаго же дерева, столикъ, находившійся въ лѣвомъ углу комнаты, предназначался для образовъ; существовалъ обычай, — и я его сохранилъ для моихъ дѣтей, — что Императрица дарила каждому новорожденному икону его святого, сдѣланную по росту ребенка въ день его рожденія. За этой комнатой слѣдовала другая, узенькая, въ одно окно, по стѣнамъ которой стояли большіе, краснаго дерева, шкафы; въ нихъ въ прежнее время помѣщались книги Императора Александра, а самая комната служила ему кабинетомъ; въ глубинѣ этой комнаты находилась лѣстница, о которой я упоминалъ выше.

„Маленькая одностворчатая дверь вблизи этой лѣстницы вела въ другую, сходную съ ней по размѣрамъ, комнату, оканчивающуюся

большую стеклянную дверь; эти двѣ комнаты предназначались: первая—для дежурной горничной, позднѣе—для храненія халатовъ, а вторая была отведена остальнымъ служащимъ; для храненія вещей прислуга имѣла маленькую каморку подъ этими деревянными лѣстницами, которыя вели къ тѣмъ же антресолямъ, какъ и другая лѣстница; эти антресоли были расположены надъ обѣими комнатами и находились подъ помѣщеніемъ госпожи Адлербергъ; въ нихъ моя англичанка занимала одну часть, а госпожа Адлербергъ—другую.

„Насъ часто посѣщали доктора: господинъ Роджерсонъ, англичанинъ, докторъ Императрицы, господинъ Рюль, докторъ моего отца, господинъ Блокъ, другой его докторъ, господинъ Росбергъ, хирургъ, господинъ Эйнбротъ и привившій намъ оспу докторъ Голлидей.

„Говоря о свадьбѣ моей сестры Александры, я забылъ сказать, что смутно вспоминаю мое прощаніе съ нею въ ея комнатахъ въ Гатчинѣ, но не могу припомнить ни ея вида ни ея лица; съ трудомъ представляю себѣ лицо моей сестры Елены. То же самое могу сказать и относительно Великой Княгини Анны, первой супруги брата моего Константина, которую припоминаю тоже лишь въ рѣдкихъ случаяхъ; такъ, помню ее во время спуска кораблей „Благодать“ и „Св. Анна“, изъ коихъ спускъ перваго не удался—событіе, надѣлавшее въ то время много шума, въ особенности же въ моихъ ушахъ. Насъ помѣстили у Императрицы Елисаветы. Бастіонъ Адмиралтейской крѣпости находился тогда какъ разъ подъ ея окнами, и, когда раздался пушечный выстрѣлъ, я съ крикомъ бросился на диванъ; Великая Княгиня

Великій Князь
Михаилъ Павловичъ.

Съ гравированнаго портрета того времени. Эрмитажъ.

Анна старалась, насколько возможно, меня успокоить. Видѣлъ я ее на вечерѣ у моей матушки въ голубой комнатѣ; я стоялъ тогда за ея карточнымъ столомъ. Это было въ одинъ изъ вечеровъ, когда мой отецъ, проходившій всегда черезъ спальню, дверь которой Кутайсовъ ему открывалъ съ внутренней стороны комнаты, далъ мнѣ пачку гравюръ, которую онъ держалъ подъ мышкою; гравюры эти представляли нашу армію въ прежней формѣ; фигуры были такія же, какъ онѣ изображены въ коллекціи прусской арміи временъ Фридриха II.

„Одно изъ послѣднихъ событій этой эпохи, воспоминаніе о которомъ будетъ для меня всегда драгоцѣннымъ, это удивительное обстоятельство, при которомъ я познакомился со знаменитымъ Суворовымъ. Я находился въ Зимнемъ дворцѣ, въ библиотекѣ моей матери, гдѣ увидѣлъ оригинальную фигуру, всю увѣшанную орденами, которыхъ я не зналъ; эта личность меня поразила. Я его осыпалъ множествомъ вопросовъ, а онъ сталъ передо мной на колѣни и имѣлъ терпѣніе все показать и объяснить. Я видѣлъ его потомъ нѣсколько разъ во дворѣ дворца на парадахъ, слѣдующимъ за моимъ отцомъ, который шелъ во главѣ Конной гвардіи. Это повторялось нѣкоторое время каждый день. По окончаніи парада мой отецъ свертывалъ знамя собственноручно. Я помню также нѣсколько не удавшихся парадовъ. Мой отецъ нѣсколько разъ заставлялъ проходить неудачно парадировавшую гвардію.

„Часть лѣта мы проводили обыкновенно въ Царскомъ Селѣ. Помню тамъ парадъ и ученіе на дворѣ. Подъ колоннадой, близъ аркады, находился артиллерійскій пикетъ, который шелъ въ караулъ подъ начальствомъ офицера; я помню, что присутствовалъ при его смѣнѣ; одна батарея была расположена близъ спуска къ озеру. Какъ мнѣ кажется, именно въ это время скончалась маленькая Великая Княжна Марія Александровна въ новомъ дворцѣ; я былъ у нея передъ ея смертью одинъ или два раза. Припоминаю также парадъ Семеновскому полку во время моего пребыванія въ Петергофѣ и о происшедшемъ отъ удара молніи взрывѣ порохового погреба въ Кронштадтѣ. Когда произошелъ взрывъ, я находился въ портретной комнатѣ близъ балкона.

„Надо думать, что чувство страха или схожее съ нимъ чувство почитанія, внушаемое моимъ отцомъ женщинамъ, насъ окружающимъ, было очень сильно, если память объ этомъ сохранилась во мнѣ до настоящаго времени, хотя, какъ я уже говорилъ, мы очень любили

отца и обращеніе его съ нами было крайне доброе и ласковое, такъ что впечатлѣніе объ этомъ могло быть мнѣ внушено только тѣмъ, что я слышалъ и видѣлъ отъ насъ окружавшихъ.

„Я не помню времени переѣзда моего отца въ Михайловскій дворецъ; отъѣздъ же насъ, дѣтей, послѣдовалъ нѣсколькими недѣлями позже, такъ какъ наши помѣщенія не были еще окончены. Когда насъ туда перевезли, то помѣстили временно всѣхъ вмѣстѣ, въ четвертомъ этажѣ, въ анфиладѣ комнатъ, находившихся не на одинаковомъ уровнѣ, при чемъ довольно крутыя лѣстницы вели изъ одной комнаты въ другую. Отецъ часто приходилъ насъ провѣдывать, и я очень

Михайловскій дворецъ.

По рис. Патерсона.

хорошо помню, что онъ былъ чрезвычайно веселъ. Сестры мои жили рядомъ съ нами, и мы то и дѣло играли и катались по всѣмъ комнатамъ и лѣстницамъ въ саняхъ, т. е. на опрокинутыхъ креслахъ; даже моя матушка принимала участіе въ этихъ играхъ.

„Наше помѣщеніе находилось надъ апартаментами отца, рядомъ съ церковью; смежная комната была занята англичанкою Михаила; затѣмъ, по порядку, слѣдовала спальня, комната брата, общая столовая и находящаяся непосредственно надъ спальнею отца и чрезвы-

чайно похожая на нее—моя спальня; рядомъ съ нами помѣщались сестры, и смежную, круглую, угловую комнату занимала сестра Анна; за моей спальней находилась темная витая лѣстница, спускавшаяся въ помѣщеніе отца. Помню, что всюду было очень сыро и что на подоконники клали свѣжеиспеченный хлѣбъ, чтобы уменьшить сырость. Всѣмъ было очень скверно, и каждый сожалѣлъ о своемъ прежнемъ помѣщеніи въ Зимнемъ дворцѣ.

„Само собою разумѣется, что все это говорилось шопотомъ и между собою, но дѣтскія уши часто умѣютъ слышать то, чего имъ знать не слѣдуетъ, и слышать лучше, чѣмъ это предполагаютъ. Я помню, что тогда говорили объ отводѣ Зимняго дворца подъ казарму; это возмущало насъ, дѣтей, болѣе всего на свѣтѣ.

„Мы спускались регулярно къ отцу въ то время, когда онъ причесывался; это происходило въ собственной его опочивальнѣ; онъ бывалъ тогда въ бѣломъ шлафроѣ и сидѣлъ въ простѣнкѣ между окнами. Мой старый Китаевъ, въ формѣ камеръ-гусара, былъ его парикмахеромъ и завивалъ букли. Насъ, т.-е. меня, Михаила и Анну, впускали въ комнату вмѣстѣ съ англичанками, и отецъ съ удовольствіемъ любовался нами, когда мы играли на коврѣ, покрывавшемъ полъ этой комнаты.

„Какъ только прическа была окончена, Китаевъ съ шумомъ закрывалъ жестяную крышку отъ пудреницы, помѣщавшейся близъ стула, на которомъ сидѣлъ мой отецъ, и стулъ этотъ отодвигался къ камину; это служило сигналомъ камердинерамъ, чтобы войти въ комнату и его одѣвать, а намъ,—чтобы отправляться къ матушкѣ,—гдѣ мы нѣкоторое время играли передъ большимъ трюмо, стоявшимъ между окнами, а затѣмъ насъ посылали играть въ парадныя комнаты; серебряная балюстрада, украшающая теперь Придворную церковь и окружавшая прежде кровати большой опочивальни, была мѣстомъ нашихъ встрѣчъ, и ее-то мы постоянно избирали для лазанія.

„Однажды вечеромъ въ большой столовой былъ концертъ, во время котораго мы находились у матушки и подсматривали въ замочную скважину; послѣ же того, какъ отецъ ушелъ, мы, поднявшись къ себѣ, принялись за обычныя игры. Михаилъ, которому тогда было три года, игралъ въ углу одинъ, въ сторонѣ отъ насъ; англичанки, удивленные тѣмъ, что онъ не принимаетъ участія въ нашихъ играхъ, обратили на это вниманіе и задали ему вопросъ, что онъ дѣлаетъ; онъ, не колеблясь, отвѣчалъ: „Я хороню своего отца!“ Какъ ни

малозначащи были такія слова въ устахъ ребенка, они тѣмъ не менѣ испугали нянекъ. Ему, само собою разумѣется, запретили эту игру, но онъ все-таки продолжалъ ее, замѣняя слово „отецъ“—Семеновскимъ гренадеромъ. На слѣдующее утро моего отца не стало... То, что я здѣсь говорю, есть дѣйствительный фактъ.

„Событія этого печальнаго дня сохранились также въ моей памяти, какъ смутный сонъ.—Я былъ разбуженъ и увидѣлъ передъ собою графиню Ливенъ.

„Когда же меня одѣли, то мы замѣтили въ окно на подъемномъ мосту подъ церковью караулы, которыхъ не было наканунѣ; тутъ былъ весь Семеновскій полкъ въ крайне небрежномъ видѣ. Никто изъ насъ не подозрѣвалъ, что мы лишились отца; насъ повели внизъ къ матушкѣ, и вскорѣ оттуда мы отправились съ нею, сестрами, Михайломъ и графиней Ливенъ въ Зимній дворецъ. Караулъ вышелъ во дворъ Михайловскаго дворца и отдалъ честь. Моя мать тотчасъ же заставила его молчать. Когда мы были уже въ Зимнемъ дворцѣ и туда вошелъ, въ сопровожденіи Константина и князя Николая Ивановича Салтыкова, Императоръ Александръ, моя матушка лежала въ глубинѣ комнаты. Онъ бросился передъ нею на колѣни, и я еще до сихъ поръ слышу его рыданія... Ему принесли воды, а насъ увели.

„Для насъ было счастьемъ опять увидѣть наши комнаты и, долженъ сказать по правдѣ, тѣхъ деревянныхъ лошадокъ, которыхъ мы, переѣзжая въ Михайловскій дворецъ, забыли“...

Кромѣ приведенныхъ выше собственноручныхъ воспоминаній не менѣ интересны и нѣкоторыя другія данныя о младенческихъ и отроческихъ годахъ Великаго Князя Николая Павловича.

Приведемъ нѣкоторыя изъ нихъ, наиболѣе ярко рисующія въ немъ характерныя черты будущаго Императора еще въ самыя ранніе годы его жизни.

Какъ сказано было выше, самыми интересными данными о рожденіи и первыхъ дняхъ жизни Великаго Князя являются письма его Державной бабки къ Гримму. Одно изъ нихъ, отъ 25-го Іюня 1796 года, приведено выше; изъ другихъ же—упоминанія о Великомъ Князѣ содержать письма отъ 2-го и 5-го Іюля того же года ¹⁾.

Въ первомъ изъ нихъ мы читаемъ: „въ воскресенье будемъ крестить рыцаря Николая, здоровье его чудесно“.

¹⁾ Сборн. Импер. Русск. Истор. Общ. т. 23-й, стр. 681, № 265.

Въ другомъ: „Рыцарь Николай уже три дня какъ ѣсть кашку, такъ какъ онъ хочетъ ѣсть поминутно; думаю, что никогда восьмидневный младенецъ не получалъ подобнаго угощенія; это не слыхано. У нянекъ просто руки опускаются; если такъ продолжится, то въ шесть недѣль придется отнять его отъ груди. Онъ всѣхъ обводитъ глазами и поворачиваетъ голову не хуже меня“.

6-го Ноября того же 1796 года скончалась Державная бабка Новорожденнаго, Великая Екатерина, и на престолъ вступилъ отецъ его, Императоръ Павелъ Петровичъ, нѣжно любившій своего третьяго сына.

Изъ камеръ-фурьерскихъ журналовъ видно, что къ своимъ младшимъ дѣтямъ Императоръ приходилъ всегда совершенно одинъ и, почти всегда, послѣ ухода своей супруги; только однажды, 10-го Февраля 1797 г., онъ навѣстилъ Великаго Князя Николая въ сопровожденіи генераль- и флигель-адъютантовъ.

Баронъ Корфъ въ своемъ почтенномъ трудѣ о юности Великаго Князя Николая говоритъ ¹⁾, что Императоръ Павелъ страстно любилъ своихъ младшихъ сыновей.

„Когда только являлся досугъ, онъ игралъ съ ними и забавлялъ ихъ, какъ отецъ семейства въ частномъ быту. Великихъ Князей Николая и Михаила Павловичей онъ обыкновенно называлъ: „мои барашки, мои овечки“, и ласкалъ ихъ весьма нѣжно, что никогда не дѣлала ихъ мать“.

¹⁾ Матеріалы и черты къ биографіи Императора Николая I-го и къ исторіи Его царствованія. Рожденіе и первые двадцать лѣтъ жизни (1796—1817 гг.). Сборн. Импер. Русск. Истор. Общ. томъ 98-й, стр. 20.

Трудъ этотъ составленъ на основаніи: 1) камеръ-фурьерскихъ журналовъ съ 1796—1800 г.; 2) вседневныхъ журналовъ и рапортовъ на французскомъ языкѣ дежурныхъ кавалеровъ (воспитателей) при Великихъ Князяхъ съ 3-го Юля 1802 г. до Сентября 1816 г. (62 тома in 4°); 3) приходо-расходныхъ книгъ суммъ Великаго Князя Николая Павловича съ 1797 г. по 17 Юля 1817 г.; 4) собственноручныхъ писемъ Императрицы Маріи Феодоровны за 1814—1816 гг.; 5) разсказовъ Императора Николая I, Адлерберга и др. лицъ.

Императоры Николай I и Александръ II и другія лица Императорской фамиліи, которымъ были поднесены экземпляры книги, сдѣлали цѣнныя помѣтки на поляхъ (хранятся въ Собственной Его Величества библиотекѣ Зимняго дворца—Рукоп. Отд., Шк. Б, полка 3, № 394). Трудъ обширно снабженъ ссылками на первоисточникъ.

Серьезность труда барона Корфа позволяетъ при изслѣдованіи обстоятельствъ юности Великаго Князя Николая перѣдко обращаться къ этому труду, какъ къ надежному источнику, въ особенности въ отношеніи приводимыхъ фактовъ. Въ вопросѣ освѣщенія этихъ фактовъ Корфъ не всегда былъ правъ, что можно изяснить тѣмъ, что ему не были извѣстны нѣкоторые важные документы, разысканные послѣ изданія его труда, какъ, напримѣръ, приведенная ниже переписка Л.-Гв. Дворянской роты и помѣщенные выше воспоминанія Императора Николая о раннихъ годахъ Его дѣтства, записанныя имъ собственноручно.

Противъ этого мѣста труда Корфа Великая Княгиня Анна Павловна приписала по-французски:

Великій Князь НИКОЛАІ ПАВЛОВИЧЪ съ Великой Княжной
АННОЙ ПАВЛОВНОЙ.

Съ картины Боровиковскаго.

Гатчинскій дворець.

„Мой отецъ любилъ окружать себя своими младшими дѣтьми и заставлялъ насъ, Николая, Михаила и меня, являться къ нему въ ком-

наты играть, пока его причесывали, въ единственный свободный моментъ, который былъ у него. Въ особенноти часто это случалось въ послѣднее время его жизни. Онъ былъ нѣженъ и такъ добръ съ нами, что мы любили ходить къ нему. Онъ говорилъ, что его отдалили отъ его старшихъ дѣтей, отобравъ ихъ отъ него съ самого рожденія, но что онъ желаетъ окружить себя младшими, чтобы познакомиться съ ними“.

Приведенныя указанія о душевной теплотѣ и сердечности отношеній Императора Павла къ его младшимъ дѣтямъ подтверждаются словами самого Императора Николая въ его воспоминаніяхъ о годахъ ранняго дѣтства ¹⁾).

О томъ впечатлѣніи, которое осталось у него объ отцѣ, Николай Павловичъ записалъ:

„Надо думать, что чувство страха или схожее съ нимъ чувство почитанія, внушаемое моимъ отцомъ женщинами, насъ окружавшимъ, было очень сильно, если память объ этомъ сохранилась во мнѣ до настоящаго времени; мы очень любили нашего отца, и обращеніе его съ нами было крайне доброе и ласковое“.

Подобная замѣтка достаточно характеризуетъ какъ самое отношеніе Императора Павла къ своимъ младшимъ дѣтямъ, такъ равно и то направленіе, которое онъ старался дать въ дѣлѣ ихъ воспитанія.

Впечатлѣнія военнаго характера глубоко врѣзались въ дѣтскую душу Николая Павловича съ раннихъ лѣтъ: въ своихъ воспоминаніяхъ онъ говоритъ ²⁾ о бивакахъ финляндской дивизіи въ Гатчинѣ, объ артиллерійскихъ ученіяхъ въ Царскомъ и вспоминаетъ разные случаи, сталкивавшіе его съ войсками. Малозначащій фактъ, какъ напр. указанный выше случай, когда Императоръ Павелъ на разводѣ въ Гатчинѣ взялъ Николая Павловича къ себѣ на лошадь, оставляетъ въ памяти юнаго автора „воспоминаній“ глубокой слѣдъ и заносится имъ какъ событіе необычайной важности. Съ этого то времени, съ самыхъ раннихъ лѣтъ, у юнаго Великаго Князя стала развиваться страсть ко всему военному, страсть, сдѣлавшая его впоследствии знакомомъ военнаго дѣла и выдвинувшая на первый планъ знаменитую „Николаевскую выpravку“ и „Николаевскаго солдата“.

¹⁾ Собственная Его Величества бібліотека Зимнаго дворца. Рук. Отд., Шк. V, полка 2, Карт. 65, № 1992/а.

²⁾ Ibid.

6-го Ноября 1796 года, въ день кончины Своей бабки, Императрицы Екатерины, 4-хъ мѣсячный Великій Князь Николай Павловичъ былъ зачисленъ воцарившимся отцомъ Своимъ Лейбъ-Гвардіи въ Конный полкъ (Приказъ отъ 7-го Ноября), первому баталіону коего ¹⁾ присвоено было его имя.

Въ званіи полковника онъ уже получилъ за Сентябрьскую треть 1796 года и первое свое жалованье (1105 руб.).

Прежде чѣмъ перейти къ передачѣ воспоминаній Великаго Князя о его раннемъ шефствѣ, коснемся главныхъ мѣропріятій Императора Павла по отношенію къ гвардіи, поскольку это необходимо для выясненія запутанныхъ вопросовъ шефства Великихъ Князей.

Въ самый день вступленія на престоль (7-го Ноября 1796 г.) Императоръ Павелъ принялъ званіе шефа и полковника всѣхъ 4-хъ полковъ Лейбъ-Гвардіи, зачисливъ своихъ сыновей: Александра — въ Семеновскій, Константина — въ Измайловскій и 4-хъ-мѣсячнаго Николая — въ Конный полки.

Черезъ день, 9-го Ноября, въ составѣ гвардіи были произведены крупныя перемѣны. Состоявшіе при трехъ пѣхотныхъ полкахъ артиллерія и егеря были изъ нихъ выдѣлены и вмѣстѣ съ Гатчинскими ротами той же спеціальности составили Л.-Гв. Егерскій и Л.-Гв. Артиллерійскій баталіоны.

Въ составъ же старыхъ полковъ Лейбъ-Гвардіи были включены: въ пѣхотные — по два баталіона Гатчинскихъ войскъ, а въ Конный — Гатчинскіе: Кирасирскій (Жандармскій) и Драгунскій полки. При этомъ въ составъ Преображенскаго полка поступилъ баталіонъ бывший Наслѣдника, въ Семеновскій — Великаго Князя Александра Павловича и въ Измайловскій — Великаго Князя Константина Павловича.

Съ этого времени 1-ые баталіоны названныхъ полковъ стали называть: Преображенскаго — Его Величества, Семеновскаго — Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Александра Павловича и Измайловскаго — Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Павловича, а Коннаго (сперва эскадронъ) — Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Николая Павловича.

Въ Мартѣ 1800 года всѣ 4 гвардейскихъ полка были переименованы: Преображенскій — въ Л.-Гв. Его Императорскаго Величества,

¹⁾ Сборн. Импер. Русск. Истор. Общ., т. 98, стр. 17. Напечатанное курсивомъ исправлено Собственноручно Императоромъ Александромъ II.

Семеновскій—въ Л.-Гв. Его Императорскаго Высочества Александра Павловича, Измайловскій—въ Л.-Гв. Его Императорскаго Высочества Константина Павловича и Конный—въ Л.-Гв. Его Императорскаго Высочества Николая Павловича.

28-го Мая того же года Конный полкъ былъ переданъ Великому Князю Константину Павловичу, а Измайловскій—Великому Князю Николаю Павловичу, съ переименованіемъ по новымъ шефамъ.

14-го Марта 1801 года полки перестали именоваться по шефамъ и получили свое прежнее наименованіе.

О своемъ шефствѣ Императоръ Николай писалъ въ выше помѣщенныхъ воспоминаніяхъ.

Изъ прихода - расходныхъ книгъ суммъ Великаго Князя видно, что первый военный мундиръ былъ надѣтъ Великимъ Княземъ ранѣе 3-хъ лѣтъ отъ роду, въ Апрѣлѣ 1799 г., когда онъ оправился отъ привитой ему оспы. Это былъ мундиръ малиновый, гарусный, по цвѣту офицерскихъ вицъ-мундировъ Лейбъ-Гвардіи Коннаго полка, по новой формѣ, опредѣленной въ началѣ 1799 года.

До этого же времени костюмчики Великаго Князя были общаго дѣтскаго покроя, но большею частью краснаго цвѣта, „присвоеннаго офицерскимъ вицъ-мундирамъ Л.-Гв. Коннаго полка ко-его онъ былъ шефомъ“, какъ отмѣтилъ Императоръ Александръ II при чтеніи книги Корфа.

Въ Ноябрь 1799 года Великому Князю было сдѣлано два мундира, алыхъ, шальевой матеріи, праздничныхъ, съ бархатными лацканами и золотыми петличками того же Лейбъ-Гвардіи Коннаго полка ¹⁾.

Великій Князь
Александръ Павловичъ.
Съ грав. Дюкло и Десмарца.

¹⁾ Сборн. Импер. Русск. Истор. Общ., т. 98, стр. 23. Напечатанное курсивомъ написано Собственноручно Императоромъ Александромъ II.

Съ того же времени Великій Князь сталъ носить замшевыя форменныя перчатки.

Въ 1800 году не заказывалось уже болѣе малиновыхъ мундировъ и только однажды является пуццовый, пальевой матеріи.

Зеленый съ золотыми ¹⁾ петлицами мундиръ Измайловскаго полка, котораго Великій Князь назначенъ былъ шефомъ 28-го Мая

Великій Князь
Константи́нъ Павловичъ.

1800 года, сдѣланъ былъ въ первый разъ въ слѣдующемъ Юлѣ, и съ тѣхъ поръ Николай Павловичъ до 1808 года носилъ исключительно мундиръ этого полка.

Еще ранѣе пошенія этихъ мундировъ, Императоръ Павелъ предписывалъ надѣвать своему сыну и орденскіе знаки; по крайней мѣрѣ по счетамъ видно, что еще въ 1797 году покуналась для годовалаго Великаго Князя Андреевская лента, а въ Апрѣлѣ 1800 года—въ первый разъ Андреевская звѣзда.

Кромѣ знаковъ ордена Св. Андрея Первозваннаго, а иногда и ордена Св. Анны, Великій

Князь еще ранѣе двухъ лѣтъ отъ рожденія началъ носить знаки ордена Св. Иоанна Иерусалимскаго.

Изъ камеръ-фурьерскаго журнала видно, что 20-го Марта 1798 года, т. е. почти за годъ до принятія Павломъ званія гроссмейстера Мальтійскаго ордена, посоль этого ордена Графъ Литта, на парадной аудіенціи, поднесъ Императору Павлу, для Великаго Князя Николая Павловича, Мальтійскій крестъ, который, съ соблюденіемъ особенныхъ церемоній, тутъ же былъ отнесенъ въ покои Князя.

Часто облакаемый въ военное платье, малолѣтній Великій Князь и среди игрушекъ находилъ, главнымъ образомъ, атрибуты военнаго дѣла.

Изъ приходо-расходныхъ книгъ суммъ Великаго Князя видно, что

¹⁾ Напечатанное курсивомъ написано Собственноручно Императоромъ Александромъ II. (Въ то время петлицами украшались не только воротникъ и обшлага, но и борта мундира).

изъ игрушекъ у него раньше всѣхъ другихъ было въ рукахъ деревянное ружье ¹⁾, дѣтскія литавры ²⁾ и деревянные шпаги ³⁾).

По воцареніи Александра I-го, его малолѣтній братъ Николай продолжалъ попеременно съ дѣтскими костюмами носить военные мундиры и при нихъ орденскіе знаки.

Мундиры эти шились въ родѣ курточекъ съ шитымъ воротникомъ и двумя бортами ⁴⁾, панталоны были спереди пришиты къ мундиру.

Съ установленіемъ въ 1808 г. особаго генеральскаго мундира и съ введеніемъ эполетъ, таковыя стали носить и Великій Князь Николай Павловичъ. Это обстоятельство подало Корфу поводъ утверждать, что „въ 1808 году Великій Князь былъ произведенъ въ генеральскій чинъ и получилъ право носить первые свои эполеты—генеральскіе“.

Противъ этихъ словъ Корфа Императоръ Александръ II помѣтилъ ⁵⁾: „Это неправильно; онъ никогда другого чина не имѣлъ; въ 1808 же году надѣлъ въ первый разъ генеральскій мундиръ, который только тогда и былъ установленъ, ибо дотолѣ генералы носили одни только мундиры своихъ полковъ“.

Ношеніе мундира и офицерской шпаги очень цѣнилось мальчикомъ; 12-ти лѣтняго генерала въ наказаніе за ссоры съ братомъ заставляли, въ торжественныхъ случаяхъ, одѣвать короткую шпагу его младшаго брата, что на примѣръ отмѣчено въ камеръ-фурьерскомъ журналѣ отъ 14-го Марта 1808 года.

Однако, изъ приходо-расходныхъ книгъ видно, что Николай Павловичъ, вѣроятно по волѣ своей родительницы, до конца 1813 года продолжалъ носить попеременно съ военнымъ платьемъ и гражданское, при чемъ, совершенно наперекоръ привычкамъ послѣдующихъ годовъ, одѣвался зимою чрезвычайно тепло.

Конечно, подобная внѣшняя связь съ войскомъ, глубоко льстившая малолѣтнему Великому Князю, значительно способствовала развитію его военныхъ наклонностей.

Но не все благопріятствовало воинственнымъ вкусамъ мальчика

¹⁾ Августъ 1798 г.

²⁾ Ноябрь 1799 г.

³⁾ Декабрь 1799 г. Августъ 1800 г.

⁴⁾ Напечатанное курсивомъ написано Собственноручно Императоромъ Александромъ II.

⁵⁾ Сборн. Импер. Русск. Истор. Общ., т. 98, стр. 58.

и ему пришлось не мало претерпѣть за нихъ отъ Императрицы-матери и воспитателей, старавшихся искоренить эти вкусы.

Во главѣ противниковъ развитія въ Августѣйшемъ юношѣ этихъ вкусовъ стояли Императрица Марія Ѳеодоровна и главный воспитатель—генераль Матвѣй Ивановичъ Ламсдорфъ, которому былъ порученъ надзоръ за воспитаніемъ Великаго Князя Николая Павловича еще при жизни Императора Павла, въ послѣдній годъ его царствованія.

Однажды, рано утромъ, Ламсдорфу, бывшему въ это время директоромъ 1-го кадетскаго корпуса и кавалеромъ при Цесаревичѣ Константинѣ, вѣльно было явиться въ Зимній дворецъ ¹⁾, и Павелъ Петровичъ сказалъ ему: „Я избралъ Васъ воспитателемъ моихъ сыновей“; на отвѣтъ же Ламсдорфа, что онъ вполнѣ чувствуетъ великую къ нему милость и довѣріе Монарха, но не смѣетъ принять столь лестное порученіе, опасаясь исполнить его не съ тѣмъ успѣхомъ, котораго ожидаютъ, Павелъ Петровичъ возразилъ: „Если Вы не хотите взяться за это дѣло для меня, то Вы обязаны исполнить это ради Россіи; скажу Вамъ лишь одно, не сдѣлайте изъ моихъ сыновей повѣсь, каковы нѣмецкіе принцы“.

Сохранился рассказъ, что на другой день по кончинѣ Императора Павла, Императрица Марія Ѳеодоровна привела своихъ младшихъ сыновей къ воцарившемуся Императору Александру и сказала: „Теперь ты ихъ отецъ“.

Юный Императоръ передалъ воспитаніе своихъ младшихъ братьевъ всецѣло въ руки своей Августѣйшей матери. Ея ближайшимъ помощникомъ остался главный воспитатель Великихъ Князей—генераль Ламсдорфъ.

Ставши въ непосредственно подчиненное къ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ положеніе, Ламсдорфъ ²⁾ всего болѣе сообразовался съ ея волею и стремился къ выполненію той программы, которая ею была избрана; а въ этой программѣ главнымъ пунктомъ было: отвлечь обоихъ Великихъ Князей отъ страсти ко всему военному и, въ особенности, къ виѣшности военной службы, къ которой Великіе Князья, и преимущественно Николай Павловичъ, съ раннихъ лѣтъ обнаруживали чрезвычайную, неодолимую склонность.

¹⁾ Сборн. Импер. Русск. Истор. Общ., т. 98, стр. 25 и 26.

²⁾ Ibid., стр. 33.

Поддерживаемые въ своихъ природныхъ вкусахъ и склонностяхъ ко всему военному Государемъ, Цесаревичемъ и всею окружающею обстановкою, юные Великіе Князья оказывали стараніямъ ихъ матери и воспитателя Ламсдорфа упорное и постоянное сопротивленіе.

Подобное положеніе вещей озлобляло Ламсдорфа. Въ особенности не пользовался расположеніемъ воспитателя Николай Павловичъ, который былъ самостоятеленъ и не терпѣлъ насилія надъ своей волею. Ламсдорфъ вмѣсто того, чтобы умѣрять этотъ характеръ мѣрами кротости, обратился къ мѣрамъ строгости, почти безчеловѣчной, позволяя себѣ, по словамъ Адлерберга ¹⁾ и записямъ дежурныхъ кавалеровъ, даже бить Великихъ Князей линейками, ружейными шомполами и пр.

По словамъ самого Императора Николая I, рассказаннымъ впоследствии Корфу Императоромъ Александромъ II, не разъ случалось, что въ ярости своей онъ хваталъ мальчика за грудь или за воротникъ и ударялъ его объ стѣну такъ, что тотъ почти лишался чувствъ ²⁾.

Несмотря на все противодѣйствіе, по словамъ Лакруа ³⁾, военное призваніе Николая Павловича обнаружилось съ младенческихъ лѣтъ и постоянно проявлялось; онъ носилъ ружье, размахивалъ шпагою, колотилъ въ барабанъ, прежде чѣмъ сталъ держаться на погахъ, и едва сталъ говорить и понимать смыслъ словъ, какъ уже съ наслаженіемъ прислушивался къ разговорамъ о войнахъ и сраженіяхъ. Цѣлыми днями готовъ онъ былъ слушать ихъ и, выслушавъ, просилъ начинать снова. Въ эти минуты большіе голубые глаза Великаго Князя разгорались воинственною отвагою,

Главный воспитатель Великихъ Князей
Николая и Михаила Павловичей
Графъ Матвѣй Ивановичъ
Ламсдорфъ

Съ совр. миниатюры.

¹⁾ Сborn. Импер. Русск. Истор. Общ. т. 98, стр. 27.

²⁾ Ibid., т. 98, стр. 27.

³⁾ Лакруа, т. I, стр. 40—41.

лицо отражало на себѣ всѣ волненія впечатлительной души, и не было для мальчика лучшей награды, какъ дни, когда его привозили на парадъ войскъ. Онъ слѣдилъ съ напряженнымъ любопытствомъ за малѣйшими подробностями зрѣлища и возвращался во дворецъ задумчивый, весь занятый тѣмъ, что видѣлъ. Быть въ мундирѣ своего Измайловскаго полка составляло для него истинное счастье.

Корфъ рассказываетъ, что ¹⁾ едва вставши утромъ съ постели, Великіе Князья почти сейчасъ же принимались за военныя игры. У нихъ были въ большомъ количествѣ оловянные солдатки, которыхъ, если нельзя было выходить со двора, за дурной погодой, или въ зимнее время, они разставляли въ комнатахъ по столамъ; лѣтомъ же они играли этими солдатками въ саду, строили редуты, крѣпости, и атаковали ихъ. Кромѣ оловянныхъ солдатиковъ, команда ихъ комплектовалась фарфоровыми. Изъ прочихъ игрушекъ, военныхъ, у нихъ были еще ружья, алебарды, гренадерскія шапки, деревянные лошади, барабаны, трубы, зарядные ящики и проч. Какъ кажется, эти игры были весьма оглушительны, потому что Ахвердовъ (воспитатель), не терпѣвшій никакого шума вообще и военнаго въ особенности, нерѣдко приказывалъ имъ покрывать свои барабаны платками, чтобы заглушить нестерпимый для него трескъ.

Кавалеры (воспитатели) и по собственному вкусу, и по приказанію Ламсдорфа, и самой Императрицы, старались отвлекать своихъ воспитанниковъ отъ этихъ игръ, но всетаки самъ же Ахвердовъ, быть можетъ еще больше прочихъ не любившій всего военнаго, иногда, въ желаніи сдѣлать пріятное Великому Князю, самъ училъ его строить или рисовать крѣпости, дѣлалъ ему изъ воску бомбы, картечи, ядра, а также показывалъ ему, какъ нападать на гавани и оборонять ихъ. Николай Павловичъ любилъ вырѣзывать разныя фигуры изъ бумаги, напримѣръ: крѣпости, артиллерію, гавани, корабли и прочее, а Ахвердовъ толковалъ ему, какъ употреблять эти фигуры для игръ.

Тотъ же историкъ рассказываетъ о малолѣтнихъ Великихъ Князьяхъ, что нерѣдко утромъ ²⁾ одинъ изъ нихъ шелъ будить другого, надѣвъ гренадерскую шапку и съ алебардою на плечѣ, для рапорта. Иногда же, подражая часовымъ, которыхъ у нихъ такъ много было

¹⁾ Сборн. Импер. Русск. Истор. Общ., т. 98 стр. 33.

²⁾ Ibid., т. 98 стр. 36 и 37.

передъ глазами, они по цѣлымъ часамъ стояли на часахъ и даже,—сохранилось преданіе,—несмотря на строгій присмотръ кавалеровъ, иногда по ночамъ вскакивали съ постели, чтобы хоть немножко постоять на часахъ съ алебардою или съ ружьемъ у плеча.

Лакруа же, вѣроятно со словъ кого-либо изъ очевидцевъ¹⁾, сообщаетъ интересный рассказъ о томъ, какъ однажды, пріѣхавъ въ Царское Село со своею Августѣйшею родительницею, малолѣтній Великій Князь Николай Павловичъ узналъ, что на слѣдующій день Измайловцы, которыхъ онъ былъ шефомъ, вступятъ во внутренній дворцовый караулъ. Еще до разсвѣта, когда все вокругъ спало, всталъ онъ потихоньку съ постели, одѣлся въ форму полка, вышелъ изъ своей комнаты съ ружьемъ на плечѣ, и, никѣмъ не замѣченный, приблизился къ покоямъ Государя. Дверь была затворена; но, по волѣ Его Величества, часового не было, ибо Императоръ Александръ, какъ онъ самъ выражался, хотѣлъ быть охраняемъ лишь любовію своихъ подданныхъ. Великій Князь сталъ у дверей и въ продолженіи добраго часа не трогался съ поста, который самъ себѣ назначилъ. Къ счастью, Государь пробуждался рано, и не мало удивился, увидѣвъ своего маленькаго брата стоящимъ у дверей подъ ружьемъ.

— „Ба! Николай, что ты тутъ дѣлаешь?“

— Стою на часахъ у покоевъ Вашего Величества,—отвѣчалъ Великій Князь, отдавая честь.—Полкъ мой долженъ занимать сегодня внутренній караулъ; я выбралъ себѣ самый почетный постъ и занялъ его съ ранняго утра, чтобы меня не смѣнили.

— Хорошо дружокъ,—отвѣчалъ Государь, стараясь сохранить серьезный видъ,—но что бы ты сдѣлалъ, если бы пришелъ патруль? Вѣдь ты не знаешь пароля?

— Это точно, всегда отдають пароль и лозунгъ,—отвѣчалъ Великій Князь смущенно и недовольный самъ собою.—Все равно,—прибавилъ онъ,—я не пропустилъ бы никого, даже и генерала Аракчеева, который всюду проходитъ“.

Чѣмъ бы ни занимали мальчика, онъ всюду вносилъ военный отѣнокъ: учили ли его рисованію—онъ предавался изображенію военныхъ сценъ, типовъ арміи, мундировъ и т. п. старались ли занять его музыкой—онъ, по словамъ Лакруа²⁾, сочинялъ, прежде чѣмъ умѣлъ

¹⁾ Лакруа т. I стр. 40—41.

²⁾ Ibid. т. I, стр. 40.

писать ноты, военные марши, не лишённые своеобразности, и находил большое удовольствіе слушать ихъ въ исполненіи хора музыкантовъ своего Измайловскаго полка.

Въ подтвержденіе того, до какой степени все военное было на первомъ планѣ, Корфъ говоритъ, что Николай Павловичъ, даже когда строилъ для няни или гувернантки дачу изъ стульевъ, земли или игрушекъ, то никогда не забывалъ укрѣпить ее пушками, „для защиты“, и добавляетъ интересное наблюденіе,—по его словамъ, Михаилъ Павловичъ, будучи гораздо живѣе своего брата, столько же любилъ разрушать, сколько тотъ любилъ строить крѣпости, гавани, мосты и проч., и потому старшій братъ часто боялся даже присутствія младшаго при своихъ постройкахъ.

Однакоже и среди излюбленнаго имъ военнаго дѣла Великій Князь проявилъ особую склонность къ одной изъ отдѣльныхъ отраслей этого дѣла—мы говоримъ о военно-инженерномъ дѣлѣ.

Изъ журналовъ видно, что склонность Николая Павловича къ строительной части начала выражаться очень рано: въ его играхъ замѣчалось постоянное стремленіе ко всякаго рода постройкамъ; онъ очень любилъ рисовать домики и крѣпости. Въ журналѣ отъ 15-го Декабря 1802 года записано, что когда за обѣдомъ былъ разговоръ объ Александровской мануфактурѣ и о машинѣ ея, которую собирались устроить вновь съ особенною прочностью, потому что за годъ передъ тѣмъ ледъ испортилъ ее, то 6-ти лѣтній Великій Князь вскричалъ: „А для этого надобно вотъ что: вбить сваи въ Неву, или поставить столбы, обить ихъ желѣзомъ и сверху поставить машину“.

По словамъ Адлерберга ¹⁾ изъ всѣхъ учебныхъ занятій своихъ Великій Князь всего болѣе любилъ уроки полковника Джанотти, преподававшаго ему инженерную часть. Корфъ отмѣчаетъ, что уже будучи Императоромъ, Николай часто говорилъ: „Мы инженеры“... „Наша инженерная часть“...

Однако въ своихъ увлеченіяхъ военнымъ дѣломъ юный Великій Князь встрѣчалъ препятствіе не только со стороны воспитателей, но и въ собственной робости, которую онъ преодолевалъ лишь постепенно и съ не малымъ трудомъ. Робость эта продолжалась еще въ 1804 году, и дежурный кавалеръ замѣчаетъ въ журналѣ отъ 28-го Января, что,

¹⁾ Сборн. Импер. Русск. Истор. Общ., т. 98, стр. 37.

когда къ Великому Князю явился генералъ Аракчеевъ съ нѣсколькими офицерами, то онъ принималъ ихъ „очень застѣнчиво, хотя и зналъ впередъ объ этомъ приѣмѣ“. Подобную же застѣнчивость выказывали оба Великихъ Князя, когда имъ случалось быть въ лагерѣ и видѣть

Великій Князь НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧЪ.

Съ портрета Лампи.

большое собраніе военныхъ. Тогда, встрѣчаясь съ военными, они уже издали снимали шляпы и кланялись. Записи о томъ дежурныхъ кавалеровъ сдѣланы 4-го Октября 1803 года и даже 9-го Августа 1804 года.

Застѣчивость эта проходила постепенно и въ журналѣ отъ 28-го Января 1808 года отмѣчено, что, какъ извѣстно, испанскаго посланника и всѣхъ представлявшихся Великій Князь принялъ съ большою свободою и достоинствомъ.

Великій Князь МИХАИЛЬ ПАВЛОВИЧЪ.

Съ портрета Лампи.

Въ началѣ трусливость Великихъ Князей простиралась до того, что они боялись даже ступить на маленькій фрегатъ, стоявшій въ Павловскѣ. Чтобъ приучить мальчиковъ къ пугавшимъ ихъ пушкамъ.

снастямъ и проч. начальникъ Императорскихъ шлюпокъ, капитанъ Клокачевъ, подарилъ имъ 29-го Сентября 1802 года краснаго дерева модель 74-хъ пушечнаго корабля, который особенно понравился Николаю Павловичу. На всѣхъ частяхъ корабля были поставлены номера, и Великій Князь по цѣлымъ часамъ¹⁾ разспрашивалъ Клокачева о названіи, назначеніи и употребленіи сихъ частей. Съ этого времени онъ обратилъ особенное вниманіе на морскую службу, и пристрастіе къ ней дошло до такой степени, что когда, въ 1802 году, княгиня Дашкова спросила его, какую службу онъ больше любитъ, то онъ отвѣчалъ: „морскую и кавалерійскую“.

Изъ журналовъ видно, что кромѣ подробностей морского дѣла, Великимъ Князьямъ объясняли также подробности нѣкоторыхъ отраслей военнаго дѣла, большею частью посредствомъ игръ и игрушекъ. Ахвердовъ ознакомилъ Николая Павловича съ первоначальными понятіями артиллерійскаго и инженернаго дѣла. Точно также Генераль Корсаковъ преподавалъ ему первыя понятія о піонерной части. 7-го Декабря 1802 года онъ поднесъ обоимъ Великимъ Князьямъ маленькіе понтоны со всѣми ихъ принадлежностями и даже инструментами, а на другой день прислалъ піонерныхъ офицеровъ для объясненія построенія и употребленія понтоновъ.

Указанія на высокій жребій, ожидавшій Великаго Князя Николая Павловича.

Существуетъ не мало данныхъ, что грядущій жребій Великаго Князя Николая Павловича, какъ бы предсказанный ему его Державною бабкою съ колыбели, не разъ еще былъ предугазанъ въ дни его дѣтства и юности, и что многіе считали его наслѣдникомъ русскаго Престола, особенно послѣ брака Цесаревича Константина съ графинею Анною Грудзинскою въ 1820 году.

Указанія подобнаго рода относятся и къ самымъ раннимъ годамъ дѣтства.

Лакруа приводитъ разсказъ о томъ, что не задолго до смерти Екатерины, Цесаревичъ Павелъ осыпалъ упреками своихъ сыновей, Великихъ Князей—Александра и Константина, приписывая имъ желаніе устранить его отъ престола.

¹⁾ Кам.-фур. журналъ 19 Октября 1802 года.

Въ отвѣтъ Александръ будто-бы сказалъ: — „Батюшка, мы докажемъ Вамъ, что мы далеки отъ честолюбивыхъ замысловъ, которые Вамъ угодно намъ приписать, такъ какъ мы умоляемъ Васъ, Государь, не считаться нисколько съ правами, которыя у насъ могли бы быть, и передать Вашу корону нашему брату Николаю“ ¹⁾).

Къ сожалѣнію Лакруа не указываетъ на источникъ этого интереснаго разсказа, но въ виду того, что онъ пользовался указаніями современниковъ и вообще черпалъ изъ источниковъ вполне достовѣрныхъ, но нынѣ уже утраченныхъ ²⁾). этотъ разсказъ заслуживаетъ вниманія.

Существуетъ разсказъ, что во время послѣдняго посѣщенія Великаго Князя Николая Павловича Императоромъ Павломъ, 11-го Марта 1801 г., наканунѣ кончины послѣдняго, Великій Князь, которому уже шель пятый годъ, обратился къ своему родителю съ вопросомъ, отчего его называютъ Павломъ Первымъ. „Потому что не было другого Государя, который носилъ бы это имя до меня“, — отвѣчалъ ему Императоръ. — „Тогда“, — продолжалъ Великій Князь, — „меня будутъ называть

¹⁾ Лакруа, т. I, стр. 18.

²⁾ Трудъ Лакруа печатался въ Парижѣ съ 1864 года, по 1873 г. и доведенъ до VIII тома, заканчивающагося описаніемъ событій 1840 года. Изданъ при содѣйствіи Русскаго посла въ Парижѣ, Генераль-Адъютанта Графа Киселева и составленъ подъ руководствомъ барона М. А. Корфа, бывшаго въ то время Директоромъ Императорской публичной бібліотеки, доставившаго въ распоряженіе Лакруа массу цѣнныхъ историческихъ матеріаловъ. Не менѣе цѣнно то обстоятельство, что, при собираніи матеріаловъ въ Россіи, Лакруа широко пользовался разсказами современниковъ и сподвижниковъ покойнаго Государя, въ особенности князя А. Ѳ. Орлова и графа К. В. Нессельроде.

Соглашаясь съ мнѣніемъ Н. Епанчина (Очеркъ похода 1829 г. въ Европейскую Турцію, часть I-я изд. 1905 г. стр. 4-я), что, несмотря на интересное изложеніе, трудъ Лакруа не удобенъ для пользованія за неимѣніемъ ссылокъ на источники, считаемъ возможнымъ все же пользоваться этимъ трудомъ, въ виду серьезности автора и крайняго интереса широко-использованныхъ имъ богатыхъ источниковъ, часть которыхъ, какъ напримѣръ разсказы современниковъ, нынѣ уже утрачены. Въ предисловіи къ выдержкамъ изъ этой книги, помѣщеннымъ въ Военномъ Сборникѣ (1867 г., № 10, стр. 329 и 334) дана въ краткихъ чертахъ правильная оцѣнка этого капитальнаго труда.

«Поль Лакруа, извѣстный въ литературѣ подъ псевдонимомъ «Библіофиль Жакобъ», говоритъ тамъ, «принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ французскихъ историческихъ писателей, которые не злоупотребляютъ исторіей для какихъ бы то ни было предвзятыхъ цѣлей. Во все время своей продолжительной литературной дѣятельности (начало ея относится къ тридцатымъ годамъ) онъ всегда стремился въ своихъ историческихъ трудахъ къ достиженію одной цѣли: воспроизводить на основаніи достовѣрныхъ источниковъ избранную эпоху или избранное лицо, быть чуждымъ предвзятой исключительности, служить, однимъ словомъ, исторической правдѣ, на сколько то представлялось возможнымъ при большемъ или меньшемъ числѣ достовѣрныхъ матеріаловъ.

«Что всѣ факты, заключающіеся въ книгѣ Лакруа, исторически вѣрны, въ этомъ мы не имѣемъ права сомнѣваться, зная изъ какихъ источниковъ черпалъ авторъ матеріалы, зная его критическій тактъ и его добросовѣстность».

Николаемъ Первымъ“.— „Если ты вступишь на престолъ“,— замѣтилъ ему Государь. Погрузившись затѣмъ въ раздумье и устремивъ долгое время свои взоры на Великаго Князя, Павелъ крѣпко поцѣловалъ сына и быстро удалился изъ его комнаты.

Недовѣріе, проявлявшееся Императоромъ Павломъ къ его старшимъ сыновьямъ въ послѣдній періодъ его жизни, даетъ почву для предположеній о его намѣреніи передать корону помимо Александра и Константина другому лицу — таковымъ одно время считали принца Евгенія Виртембергскаго, и нѣтъ ничего невозможнаго въ предположеніи о желаніи Государя передать корону третьему сыну.

Со вступленіемъ на престолъ Императора Александра положеніе Николая Павловича, какъ возможнаго наслѣдника престола, почти не измѣнилось, такъ какъ Цесаревичъ Константинъ, на котораго событія 11 Марта произвели потрясающее впечатлѣніе, внушившее ему, какъ онъ впослѣдствіи выразился, „отвращеніе къ наслѣдованію престола“, не высказывалъ склонности къ роли наслѣдника.

Въ своихъ „Запискахъ о времени Императора Павла и его кончинѣ“, при описаніи послѣдней, Н. А. Саблуковъ передаетъ свой разговоръ съ Цесаревичемъ Константиномъ ¹⁾.

„Однажды утромъ, спустя нѣсколько дней послѣ ужаснаго событія (11-го Марта), мнѣ пришлось быть у Его Высочества по дѣламъ службы. Онъ пригласилъ меня въ кабинетъ и, заперевъ за собою дверь, сказалъ: „Ну, Саблуковъ, хорошая была каша въ тотъ день!“

— „Дѣйствительно, Ваше Высочество, хорошая каша“, отвѣтилъ я, „и я очень счастливъ, что въ ней былъ не при чемъ“.

— „Вотъ что, другъ мой“, сказалъ торжественнымъ тономъ Великій Князь, „скажу тебѣ одно, что послѣ того, что случилось, братъ мой можетъ царствовать, если это ему нравится, но если бы престолъ когда-нибудь долженъ былъ перейти ко мнѣ, я, навѣрно, отъ него отказался бы“.

Въ исторической литературѣ существуютъ указанія на болѣе положительныя данныя, по которымъ видно, что мысль о назначеніи Николая Павловича наслѣдникомъ не переставала занимать Императора Александра, его Августѣйшую мать и была извѣстна нѣкоторымъ изъ лицъ, близкихъ къ Нимъ.

Довѣренный секретарь Императрицы-матери, Григорій Ивановичъ

¹⁾ Историч. Вѣстн. 1906 г. № 3, стр. 845.

Вилламовъ, записалъ въ дневникѣ свои впечатлѣнія разговора съ Императрицей Маріей Ѳеодоровной 16-го Марта 1807 года: „Она видитъ, что престолъ все-таки со временемъ перейдетъ къ Великому Князю Николаю, и по этой причинѣ его воспитаніе особенно близко ея сердцу“.

Въ трудѣ Корфа о юности Великаго Князя Николая ¹⁾, при описаніи записки профессора Шторха, читавшаго Великому Князю „естественное право“, о программѣ преподаванія Великому Князю, отмѣчено: „Самое любопытное мѣсто въ этой запискѣ есть то, которое какъ бы указывало собою на существовавшую еще въ 1810 г. у Императрицы Маріи Ѳеодоровны (а потому должно бы думать и у Императора Александра) мысль о возможности для Великаго Князя занять когда-либо престолъ“.

Въ концѣ своей записки Шторхъ говоритъ: „Да представитъ себѣ Ваше Величество удовлетвореніе, съ какимъ просвѣщенный гражданинъ, любящій своего Государя и родину, увидитъ въ этомъ трудѣ ²⁾ соединенными великія нравственныя истины и охранительныя начала государства. Эти истины, скажетъ онъ, были познаны тѣмъ, кто вѣроятно будетъ управлять нами, эти начала—его начала, по нимъ берется онъ царствовать, такъ какъ онъ согласился, чтобы они были изданы подъ его именемъ“.

Корфъ отрицаетъ возможность предположенія о сообщеніи профессору Шторху тайныхъ намѣреній Императора Александра I и приводитъ запутанныя и натянутыя объясненія словъ Императора неясностью выраженій. Великая Княгиня Анна Павловна въ своей помѣткѣ противъ этого мѣста труда Корфа вполне просто освѣтила этотъ вопросъ: „Господинъ Шторхъ положительно не былъ освѣдомленъ о намѣреніяхъ, которыя могъ имѣть Императоръ Александръ насчетъ Николая, и которыя сохранялись въ тайнѣ. Когда онъ былъ моимъ преподавателемъ, то говаривалъ мнѣ о важности образованія моего брата Николая, котораго будущность могла сдѣлаться столь важною для Россіи въ виду того, что Императоръ былъ много старше его и безъ будущности ³⁾. Итакъ это предположеніе было вполне естественно и вытекало изъ вѣроятности“.

¹⁾ Сборн. Импер. Русск. Истор. Общ., т. 98, стр. 64—66.

²⁾ «Cours d'études politiques de S. A. I. le Grand-Duc Nicolas».

³⁾ Въ подлинникѣ: «Sans postérité»—очевидно имѣя въ виду отсутствіе сыновей у Александра Павловича.

Не касаясь указаний о предназначении Великого Князя Николая къ занятію престола, имѣвшихъ мѣсто послѣ развода Цесаревича въ Январѣ 1820 года и вторичнаго брака его въ Маѣ того же года, приведемъ цѣлый рядъ интересныхъ данныхъ о подобныхъ указа- ніяхъ, имѣвшихъ мѣсто до 1820 г. и помѣщенныхъ у Лакруа, повторивъ, что хотя у автора и нѣтъ ссылокъ на возможность снова черпать изъ первоисточниковъ, которыми пользовался Лакруа — т.-е. рассказовъ современниковъ, однако трудъ этотъ даетъ право поль- зоваться его указаніями, конечно, съ не меньшею, но зато и не большею, осторожностью, чѣмъ мемуарами и записками современниковъ.

Выписки изъ него у насъ сдѣланы возможно подробнѣе, такъ какъ трудъ Лакруа не былъ переведенъ полностью на русскій языкъ и боль- шинству читающей публики неизвѣстенъ.

Прежде чѣмъ перейти къ прорывавшимся не разъ у Императора Александра словамъ, дававшимъ почву къ предположенію о взглядѣ его на Николая, какъ на наслѣдника престола, остановимся на тѣхъ предсказаніяхъ объ ожидавшемъ Великого Князя призваніи, которыя происходили не изъ точныхъ данныхъ о намѣреніи Государя, а изъ одной печати царственности Великого Князя, поражавшей многихъ чуткихъ лицъ, видѣвшихъ Николая въ юности.

Изъ числа такихъ предсказаній о занятіи престола Николаемъ Павловичемъ, приведенныхъ у Лакруа, большинство относятся къ пре- быванію Великого Князя за границей.

Такъ, по словамъ Лакруа ¹⁾, Императоръ Александръ, часто посѣ- щавшій гостиную баронессы Крюденеръ, бывалъ тамъ иногда вмѣстѣ съ Ве- ликими Князьями, Николаемъ и Михаиломъ. Обоимъ младшимъ братьямъ Императора всегда было скучно и неловко въ этомъ обществѣ, по- ходившемъ скорѣе на протестанскій храмъ, такъ какъ собранія окан- чивались обыкновенно проповѣдью и общею молитвою. Къ тому же баронесса, къ большому неудовольствію Князей, прозвала ихъ „сѣвер- ными сіаніями“. Вотъ причины, почему Князья только по необходимости, желая сдѣлать угодное своему Августѣйшему брату, посѣщали баро- нессу.

— Ваше Высочество! Вы будете Императоромъ,—сказала однажды Крюденеръ Великому Князю Николаю Павловичу самоувѣренно-про- роческимъ голосомъ.

¹⁾ Лакруа т. I, стр. 104—105.

— Императоромъ?—повторилъ Великій Князь, смущенный неожиданнымъ къ нему обращеніемъ.—Царскій вѣнецъ, который надлежало бы приобрѣсть потерю моего благодѣтеля и брата моего Константина, былъ бы для меня терновымъ вѣнцомъ.

— Молодой человѣкъ!—торжественно произнесла Крюденеръ.— Вспомните, что судьбы владыкъ земныхъ въ десницѣ Божіей. Вспомните, что они получаютъ свою власть отъ Царя царствующихъ, что Богъ самъ руководитъ своими представителями на землѣ... покоритесь же Его волѣ и ждите повелѣнія свыше.

Другое подобное предсказаніе, по словамъ того же Лакруа ¹⁾, Великому Князю пришлось выслушать въ 1817 г.

Во время своего пребыванія въ Англіи Великій Князь встрѣтился съ Вальтеръ-Скоттомъ. Проницательный романистъ, удивленный благородно-величавою осанкою юноши, его глубокимъ взглядомъ, выразительными чертами лица, какъ будто угадалъ въ немъ того, кто долженъ былъ править судьбами Россіи; онъ поднесъ Николаю Павловичу стихотвореніе, въ которомъ предрекалъ ему царскій вѣнецъ.

— Поэты, къ счастью, не оракулы,—замѣтилъ Великій Князь своему адъютанту,—мнѣ, стало быть, нечего огорчаться пророчествомъ, которое, благодареніе Богу, не исполнится никогда.

Однако мнѣніе, выраженное Вальтеръ-Скоттомъ въ поэтической формѣ, утвердилось въ Англіи не только среди аристократіи, но и въ народѣ. Когда Николай Павловичъ проѣзжалъ верхомъ по улицамъ или по лондонскимъ паркамъ, публика, любуясь его красивою и величавою осанкою, говорила: „взглянувъ на него, какъ не скажешь, что это наслѣдникъ Русскаго Императора“.

Третье предсказаніе Великому Князю пришлось выслушать въ 1820 г. Лакруа объ этомъ говорить ²⁾:

„Въ Пруссіи, куда онъ предпринялъ поѣздку съ Великою Княгинею, въ Октябрѣ 1820 г., ему безпрестанно дѣлали болѣе или менѣе явные намеки на назначеніе его наслѣдникомъ престола. Между радостными восклицаніями, которыми берлинцы привѣтствовали молодую чету, къ досадѣ Великаго Князя слышались возгласы: „Да здравствуетъ Великій Князь, наслѣдникъ русскаго престола“...“

Когда король представлялъ своему зятю Александра Гумбольдта,

¹⁾ Лакруа, т. I, стр. 135.

²⁾ Ibid, т. I, стр. 231.

знаменитый ученый, остановившись какъ бы въ изумленіи передъ Великимъ Княземъ и безмолвно посмотрѣвъ на него, сказалъ вполголоса королю:— „Нли я ошибаюсь, или теперешній Великій Князь будетъ величайшимъ Монархомъ своего времени“... Великій Князь удалился съ холоднымъ видомъ и не говорилъ болѣе съ Гумбольдтомъ.

Изъ русскихъ, пораженныхъ величіемъ вида Великаго Князя, оставилъ о томъ запись Козловскій, видѣвшій его въ 1818 г. ¹⁾.

„Если Великій Князь Николай вступитъ когда-либо на престолъ, — писалъ онъ, — то я не сомнѣваюсь, что ему будутъ служить съ восторгомъ, будутъ повиноваться ему охотно, какъ Государю, на котораго всегда можно взирать съ гордостью и къ которому публика можетъ, по справедливости, примѣнить два знаменитые стиха Веренки:

„En quelque obscurité que le
ciel Peût fait naître,
Le monde, en le voyant, eût
reconnu son maitre“.

„Притомъ, Великій Князь, подъ печатью величавости, которую надѣлила его природа, таитъ высокій умъ, усиливающий впечатлѣніе, производимое его истинно-царственною наружностью“.

Но, конечно, еще больній интересъ представляютъ не случайныя предсказанія постороннихъ лицъ, а тѣ слова Александра I-го, которыя подтверждаютъ его намѣреніе избрать своимъ преемникомъ Великаго Князя Николая.

Наибольшее число подобныхъ указаній приведено также у Лакруа.

¹⁾ Лакруа т. I., стр. 157.

В. Деминъ рис.

С. Сибирскій скульп.

ЕГО ВЫСОЧЕСТВО
ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ МИХАИЛЪ ПАВЛОВИЧЪ.

Такъ онъ говоритъ ¹⁾, что:

„Въ 1812 году, при вторженіи Наполеона въ Россію, Великому Князю Николаю Павловичу минуло шестнадцать лѣтъ. Не только онъ, но и пятнадцатилѣтній Михаилъ Павловичъ съ горестью жаловались родительницѣ своей, что имъ суждено оставаться посторонними зрителями войны за честь и независимость государства. Марія Ѳеодоровна отвѣчала Великому Князю Михаилу, выразившему свои сѣтованія съ обыкновенною ему живостью:

„Ты, Михаилъ, слишкомъ молодъ для того, чтобы быть солдатомъ; а ты Николай,—прибавила Императрица, обращаясь къ стар-

М. В. Перинъ рис.

Ф. В. Сивковъ оф.

**ЕГО ВЫСОЧЕСТВО ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ
НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧЪ.**

стыдно,—говорилъ Великій Князь въ своемъ благородномъ и трогательномъ письмѣ,—видѣть себя бесполезнымъ на землѣ существомъ, не пригоднымъ даже для того, чтобы умереть смертью храбраго на полѣ битвы“.

¹⁾ Лакруа т. I, стр. 53—55.

шему,—не смотря на твое нетерпѣніе, которое я понимаю и которое меня радуетъ, ты долженъ остаться здѣсь потому, что тебя ждетъ иной жребій... Святая Русь, дѣти, не останется безъ защитниковъ“.

Не удовлетворенный такимъ отвѣтомъ и не стараясь проникнуть въ его смыслъ, Великій Князь Николай Павловичъ обратился письменно прямо къ Императору и умолялъ позволить ему исполнить долгъ русскаго подданнаго, вступить въ ряды арміи, тѣмъ болѣе, что, будучи шефомъ Измайловскаго полка, онъ чувствовалъ себя способнымъ командовать имъ. „Мнѣ

Императоръ Александръ, отечески относившійся къ Николаю Павловичу, призвалъ его къ себѣ, встрѣтилъ ласковѣе обыкновеннаго, стараясь утѣшить въ невольномъ бездѣйствіи, и сказалъ съ серьезнымъ и грустнымъ видомъ, что время выдвинуть его въ первые ряды придеть, быть можетъ, скорѣе, чѣмъ это можно предвидѣть.

„А покамѣсть,—прибавилъ Государь,—займись исполненіемъ другихъ обязанностей; доверши свое воспитаніе; сдѣлай себя достойнымъ того мѣста, которое ты займешь со временемъ: это будетъ такая служба нашему дорогому отечеству, какую долженъ нести наслѣдникъ престола“.

По словамъ того же Лакруа, лѣтомъ 1815 года, ознакомивъ брата съ актомъ Священнаго Союза, на восторженный о немъ отзывъ Великаго Князя, Государь замѣтилъ ¹⁾:

„Ты еще не достигъ соответствующаго возраста для подписанія акта Священнаго Союза, но помни, ты къ нему приобщенъ (adhéré) съ сегодняшняго дня. Мнѣ пріятно вѣрить, что въ будущемъ (un jour) ты будешь самой сильной его опорой“.

1-го Января слѣдующаго, 1816 года, Государь высказалъ Великому Князю свое намѣреніе привлечь его къ участию въ дѣлахъ правительственныхъ и для начала, по ходатайству Абоскаго университета, наименовалъ его канцлеромъ этого университета ²⁾. „Я самъ носилъ до нынѣ это почетное званіе; постарайся доказать при всякомъ случаѣ, что ты способенъ занять Мое мѣсто“, сказалъ Государь.

Въ 1817 году, отъѣзжая за границу, Государь объявилъ Великому Князю Николаю ³⁾, что возлагаетъ на него обязанность содѣйствовать Императрицѣ-матери во всѣхъ тѣхъ обстоятельствахъ, гдѣ должна быть олицетворена Императорская власть.

„Тебѣ надобно приучиться къ ремеслу Императора. Кто знаетъ, что можетъ случиться!“—прибавилъ Государь съ улыбкою.

Въ болѣе ясной формѣ свои предположенія Государь повидимому сообщилъ своему другу Фридриху-Вильгельму при обрученіи его дочери съ Великимъ Княземъ Николаемъ Павловичемъ.

Разсказывали ⁴⁾, что кронпринцъ прусскій проявилъ неудоволь-

¹⁾ Лакруа т. I, стр. 111 и 112.

²⁾ Ibid. т. I, стр. 121.

³⁾ Ibid. т. I, стр. 153.

⁴⁾ Ibid. т. I, стр. 120.

ствіе по поводу помолвки принцесы Шарлоты съ Великимъ Княземъ Николаемъ.

Утверждали также, что на замѣчаніе кронпринца о томъ, что принцесса могла бы выйти за Государя или, по крайней мѣрѣ, за послѣднаго принца, король отвѣчалъ, улыбаясь: „Придетъ время, когда ты поблагодаришь меня за то, что я выбралъ тебѣ подобнаго зятя; но, во всякомъ случаѣ, ты можешь считать его наслѣдникомъ престола, пока у Императора не будетъ прямого наслѣдника“...

Послѣ развода Цесаревича Константина съ Великою Княгинею Анною Теодоровной и женитьбы его на Аннѣ Грудзинской указанія на грядущій жребій Великаго Князя стали опредѣленнѣе.

Указанія, непосредственно связанныя съ отреченіемъ Цесаревича, приведены ниже при описаніи роли Цесаревича въ Декабрьской смутѣ 1825 года, здѣсь же добавимъ лишь указанія другого рода, тщательно собранныя Лакруа.

Въ Іюнѣ 1823 года жизни Императора грозила явная опасность: на возвратномъ пути Государя изъ Варшавы, при проѣздѣ его черезъ деревянный мостъ близъ Порхова, мостъ обрушился, и открытая коляска, въ которой сидѣлъ Государь, свалилась въ рѣчку. Императора, получившаго сильный ударъ въ голову, подняли безъ чувствъ. Случай этотъ, къ счастью, не имѣлъ вредныхъ послѣдствій.

На радостныя слова, сказанныя при свиданіи Великимъ Княземъ Николаемъ Павловичемъ по поводу избавленія Государя отъ опасности во время Порховской катастрофы, Александръ отвѣчалъ:

„Николай, мы всегда должны быть готовы къ смерти, которая часто не даетъ намъ времени вручить душу нашу Богу; но, по естественному порядку вещей, Я и Константинъ оставимъ этотъ міръ прежде тебя“.

— Ахъ, Государь, я бесполезенъ для Россіи, а Ваше Величество ей необходимы, для счастья и славы!—воскликнулъ Великій Князь съ увлеченіемъ.

„Нѣтъ, Моя обязанность кончена, —твоя начинается скоро“, возразилъ Императоръ ¹⁾.

Какъ извѣстно, наводненіе 7-го Ноября 1824 г. произвело потрясающее впечатлѣніе на Императора Александра. Государь, стоя на балконѣ, выходящемъ на Неву, и, глядя со слезами на глазахъ на

¹⁾ Лакруа т. I, стр. 254.

ужасную картину, неоднократно спрашивалъ: ¹⁾ не во дворцѣ ли Великій Князь Николай Павловичъ? забывая, что послѣдній въ это время былъ въ Берлинскомъ дворцѣ, куда немедленно были отправлены курьеры съ извѣстіемъ о наводненіи и съ приказаніемъ, чтобы Великій Князь поспѣшилъ возвратиться въ Петербургъ.

Извѣстно также, что Императоръ Александръ, въ сопровожденіи генераль-адъютанта Бенкендорфа, сѣлъ въ двѣнадцати-весельный катеръ и, разѣзжая по залитымъ водою улицамъ, собственноручно спасъ десять или двѣнадцать утопавшихъ. Великій Князь Михаилъ изъявилъ желаніе сопутствовать ему въ этомъ опасномъ плаваніи.

„Нѣтъ, твое мѣсто у матушки, и Я запрещаю тебѣ выходить изъ дворца до Моего возвращенія,—возразилъ Государь рѣшительно.— „Если же случится несчастье,—прибавилъ онъ,—и Я раздѣлю участь тѣхъ, которые зовутъ Меня на помощь, да будетъ воля Божія... Не предпринимайте ничего до возвращенія брата Николая... Впрочемъ, матушкѣ извѣстно все, и братъ Константинъ знаетъ, какъ надобно будетъ поступить...“

Въ послѣдніе два года подобные разговоры стали особенно часты.

Отъѣзжая въ Таганрогъ и прощаясь съ Великимъ Княземъ Николаемъ Павловичемъ, который долженъ былъ замѣнять его въ Петербургѣ во всѣхъ торжествахъ, Государь, поцѣловавъ, сказалъ ему съ чувствомъ:

„Я назначилъ тебя ²⁾, 15 минувшаго Марта, Начальникомъ 2-й гвардейской дивизіи, но этотъ годъ, думается мнѣ, не пройдетъ безъ того, что бы ты не былъ призванъ къ званію на много высшему“.

При послѣднемъ своемъ отъѣздѣ изъ столицы (въ 1825 г.) Государь выразилъ желаніе, чтобы Великій Князь Николай Павловичъ принялъ болѣе прямое участіе въ дѣлахъ управленія и, въ частности, наказалъ ему слѣдить за ходомъ дѣлъ и наблюдать за событіями, дѣйствіями министровъ и высшихъ сановниковъ государства. Кромѣ того, онъ просилъ его чаще писать ему конфиденціальныя письма, излагая въ нихъ выводы своихъ наблюденій и свои политическія предположенія.

„Революція повсюду въ Европѣ,—сказалъ Государь,—она есть и въ Россіи, хотя и скрывается лучше, чѣмъ тамъ, а потому мы, съ

¹⁾ Лакруа т. I, стр. 365—366.

²⁾ Ibid. т. I, стр. 271.

Божьей помощью, должны удвоить бдительность и усердіе. Мы, государи, отвѣтственны передъ Богомъ за хорошія порядоки и хорошее управленіе страной. Тебѣ, братъ Мой, суждено закончить великое дѣло, которое Я предпринялъ, основавъ Священный Союзъ Государей, подъ покровительствомъ Духа Святого“ ¹⁾).

Вечеромъ, 11-го Сентября, за день до отъѣзда Государя на югъ Россіи, Великій Князь Николай Павловичъ, уѣзжавшій въ Бобруйскъ, прощался съ Государемъ и Государыней; онъ еще разъ съ чувствомъ благодарилъ своего благодѣтеля, какъ онъ называлъ Государя, за всѣ его милости, почтительно просилъ у него приказаній и послѣднихъ указаній. Александръ дважды крѣпко поцѣловалъ брата со словами: „Благословить тебя Богъ, братъ Мой, и, въ случаѣ военныхъ событій, поступай согласно Моимъ и матушки указаніямъ“ ²⁾).

Характеръ будущаго Императора сказался въ Великомъ Князѣ съ самыхъ раннихъ лѣтъ не только въ отношеніи его воинственныхъ наклонностей и любви къ военному дѣлу. Уже, начиная съ 1802 года, кавалеры неоднократно отмѣчали въ своихъ журналахъ, что Николай Павловичъ во всемъ своемъ обращеніи почти всегда серьезенъ, задумчивъ, кромѣ игръ.

Проявленіе характера будущаго Императора въ ранніе годы жизни Великаго Князя Николая Павловича.

По словамъ друга его дѣтства, Адлерберга ³⁾), уступая Михаилу Павловичу въ остроуміи, наружномъ блескѣ и ловкости, онъ оставлялъ за собою командованіе и начальство во всѣхъ играхъ, и съ самоувѣренностью хвалилъ одного себя, тогда какъ Михаилъ Павловичъ, чувствуя превосходство старшаго брата, всегда хвалилъ его, а не себя. Изъ журналовъ видно, что Михаилъ Павловичъ былъ съ дѣтства насмѣшливъ, а Николай Павловичъ, при желаніи посмѣяться надъ кѣмъ-либо, подстрекалъ и подзадоривалъ на насмѣшки и подшучиванія своего брата, въ то же время, съ своей стороны, не сносилъ никакой шутки, казавшейся ему обидною, и не выносилъ ни малѣйшаго выраженія неудовольствія. „Однимъ словомъ“, говоритъ Корфъ: „онъ какъ бы постоянно считалъ себя и выше, и значительнѣе всѣхъ“. Во всѣхъ играхъ съ братомъ и съ другими сверстниками первая роль принад-

¹⁾ Лакруа т. I, стр. 287.

²⁾ Ibid. т. I, стр. 294.

³⁾ Сборн. Импер. Русск. Истор. Общ. т. 98, стр. 46.

лежала всегда Николаю Павловичу. Корфъ рассказываетъ, что ¹⁾ послѣ коронаціи Александра I-го, когда у дѣтей осталось въ памяти воспоминаніе о тогдашнихъ праздникахъ, они часто представляли коронацію: Императрицею была Великая Княжна Анна Павловна, а Императоромъ всегда—Николай Павловичъ.

Конечно, при проявленіяхъ стремленія Великаго Князя повелѣвать, не обходилось безъ шероховатостей. Въ журналѣ 1803 года сохранились записи о томъ, что обращеніе Великаго Князя было грубое, заносчивое и самонадѣянное, что особенно проявлялось въ тѣхъ случаяхъ, когда Великій Князь изображалъ военнаго. По словамъ кавалеровъ, онъ „часто забывался, полагая, что, изображая военныхъ, надо быть грубымъ“.

Но наравнѣ съ подобными свойствами характера, переработка которыхъ въ другія, болѣе благородныя формы, поглотила не мало времени и стараній Великаго Князя, у мальчика съ раннихъ лѣтъ проявлялись безусловно положительныя качества.

Къ числу таковыхъ относятся его раннее умѣніе правильно судить объ историческихъ событіяхъ и дѣятеляхъ, почтительное преклоненіе передъ памятью его отца Императора Павла и Великаго Пращура—Петра и строгое отношеніе къ слабымъ правителямъ.

Въ журналѣ о занятіяхъ Великаго Князя отмѣчено, что 13-го Октября 1803 года, при чтеніи русской исторіи, еще будучи всего семилѣтнимъ мальчикомъ, Великій Князь сильно порицалъ раздоры удѣльныхъ князей и приходилъ въ восторгъ отъ Владиміра Мономаха, который, побѣдивъ половцевъ, оставилъ всю добычу воинамъ.

Въ тѣхъ же журналахъ сохранились двѣ интересныя записи.

Такъ, 23-го Юля 1802 года, когда поэтъ графъ Хвостовъ поднесъ Великому Князю свою книгу, въ предисловіи которой было сказано, что авторъ представляетъ эту книгу Николаю Павловичу подобно тому, какъ Сумароковъ поднесъ такую же Императору Павлу, то Великій Князь схватилъ книгу и поцѣловалъ то мѣсто, гдѣ стояло имя его родителя. Точно также, 28-го Августа 1808 года, когда ему показали въ первый разъ въ Пріоратѣ, въ Гатчинѣ, стулья съ высокими спинками, на которыхъ находился шифръ Петра Великаго, онъ подошелъ къ одному стулу и молча поцѣловалъ изображеніе имени Великаго своего Пращура.

¹⁾ Собрн. Импер. Русск. Истор. Общ. т. 98, стр. 37.

Лакруа рассказываетъ, что однажды юный Великій Князь во время исторіи поразилъ одного изъ своихъ наставниковъ, Дю-Пюже ¹⁾, сказавъ: „Людовикъ XVI не исполнилъ своей обязанности и былъ наказанъ за то. Быть милосерднымъ не значить быть слабымъ. Государь имѣетъ право прощать врагамъ государства. Людовикъ XVI имѣлъ передъ собою дѣйствительный заговоръ, покрытый ложнымъ именемъ свободы. Онъ избавилъ бы свой народъ отъ множества бѣдствій, если бы не пощадилъ заговорщиковъ“.

Въ періодъ юности черты эти только развивались и укрѣплялись.

Корфъ говоритъ о томъ, что къ его времени еще сохранилось свѣдѣніе, что въ 1812 году оба Великихъ Князя рвались на войну ²⁾, въ которой пламенно желалъ принять участіе всякій русскій; но ни Императоръ Александръ, ни Императрица на то не соглашались и всѣ просьбы Николая и Михаила Павловичей оставались тщетными; они получили соизволеніе своей родительницы и Императора лишь тогда, когда война была перенесена во Францію; но и тутъ они поспѣли въ Парижъ, когда уже все было кончено, благодаря медленности, съ которою ихъ везъ Ламсдорфъ ³⁾.

Выше приведенъ рассказъ о благородномъ и патріотическомъ порывѣ Августѣйшаго юноши стать въ ряды арміи въ годину отечественной войны и о неудачѣ этой попытки, окончившейся знаменательнымъ разговоромъ съ Императоромъ Александромъ, впервые при этомъ указавшимъ Великому Князю на ожидавшую его роль наследника престола.

Описавшій этотъ случай, Лакруа, добавляетъ, что юный Великій Князь удалился погруженный въ размышленія о слышанныхъ имъ таинственныхъ словахъ, которыя глубоко запали въ его душу, и что, повинувшись волѣ своего старшаго брата и Государя, онъ пересталъ искать чести служить подъ отечественными знаменами, какъ вождь или простой воинъ. Съ этихъ же поръ, по словамъ Лакруа, юноша совершенно переродился: его уже не занимали ни буйныя игры, ни шумныя забавы брата Михаила и сверстниковъ; онъ удалялся отъ ихъ слишкомъ веселаго и шумнаго общества, становился все болѣе и болѣе серьезнымъ, спокойнымъ и задумчивымъ, сдержаннымъ въ дѣлахъ, что придавало

¹⁾ Лакруа т. I, стр. 39.

²⁾ Сborn. Импер. Русск. Истор. Общ. т. 98, стр. 74.

³⁾ Набранное курсивомъ написано въ трудѣ Корфа рукою Императора Александра II.

его лицу отъѣнокъ холодный и строгій, который не удавалось разсѣять веселымъ выходкамъ его брата. Можно сказать, что Великій Князь Николай Павловичъ не зналъ юности: онъ разомъ перешель отъ дѣтскихъ лѣтъ къ зрѣлому возрасту.

„Мнѣ кажется, Николай, ты готовишься сдѣлаться отшельникомъ“, сказалъ однажды въ шутку Великій Князь Михаилъ, котораго добродушіе и живость рѣзко противорѣчили сосредоточенности и серьезности его брата. „Еще вчера мы были товарищами, а сегодня ты разыгрываешь роль старшаго брата, человѣка разсудительнаго, философа!“

„Михаиль,—прервалъ его съ грустною улыбкою Великій Князь Николай,—у тебя не достало бы духу шутить, если бы ты зналъ, какія мысли занимаютъ меня. Я думаю о томъ, что непріятель въ Москвѣ, а я сижу здѣсь въ Петербургѣ“.

Оставляя эти подробности на отвѣтственности Лакруа, можно вполнѣ допустить, что событія 1812 года и неудачныя попытки попасть на войну оставили въ душѣ впечатлительнаго юноши глубокой слѣдъ и усилили его природную сдержанность и серьезность.

Учебныя занятія Великаго Князя Николая Павловича общеобразовательныя и военныя.

Прежде чѣмъ перейти къ изображенію развитія личности Великаго Князя въ періодъ совершеннолѣтія, укажемъ на нѣкоторыя данныя о полученномъ имъ образованіи.

Образованіе это нельзя назвать блестящимъ, хотя Великаго Князя промучили надъ книгами не мало.

Изъ журналовъ, подававшихся ежедневно Императрицѣ Маріи, видно, что правильныя учебныя занятія съ 6-тилѣтнимъ Великимъ Княземъ Николаемъ и его 5-тилѣтнимъ братомъ начались осенью 1802 года съ закона Божія, русскаго и французскаго языковъ и чистописанія.

Законоучителемъ Великаго Князя былъ духовникъ Императорской Фамиліи, отецъ Павелъ Криницкій, начавшій свои занятія съ объясненія молитвъ и приготовленія къ предстоявшему Великому Князю въ томъ же году таинству причащенія.

Русской азбукѣ Великаго Князя научила, еще раньше, его няня миссъ Лайонъ, систематическіе же уроки давали дежурныя кавалеры, начиная съ Ушакова, давашаго первый урокъ 29-го Октября 1802 г.

Первые уроки французскаго языка были даны Великому Князю его Августѣйшей матерью (18 Октября и 13 Ноября), а затѣмъ, съ сере-

дины Ноября, въ урокамъ приступилъ Дю-Пюже, учившій Великаго Князя также и чистописанію.

Въ тѣхъ же журналахъ сохранились указанія на первыя книги Великаго Князя Николая Павловича: гувернантки рассказывали или читали обоимъ братьямъ маленькія повѣсти изъ „Magasin des enfants“ и изъ „Magasin des adolescents“: 17-го Іюля 1802 года Ахвердовъ принесъ имъ „Золотое зеркало“, которое они разсматривали съ величайшимъ любопытствомъ, равно какъ и „Индостанскіе виды“ и рисунки Чесменскаго сраженія съ описаніемъ его, подаренные имъ Императрицею.

15-го Іюня 1803 года начались уроки верховой ѣзды у придворнаго берейтора Эггера, и Великій Князь съ самаго начала не обнаруживалъ страха.

Въ 1804 году прибавились новые уроки: Ахвердова—по ариѳметикѣ, русской исторіи и русской географіи; Дю-Пюже—по исторіи и всеобщей географіи; Аделунга—по нѣмецкому языку и Акимова—по рисованію.

Съ 1806 года начались уроки Крафта—по геометріи, алгебрѣ и инженерному искусству, а съ 1807 года его же уроки по физикѣ.

Изъ журналовъ видно, что физическіе опыты сильно интересовали Николая Павловича, и даже въ наказаніе за проступки его иногда лишали опытовъ, нарочно для него приготовленныхъ; такъ было 28-го Іюля 1809 года.

Закончивъ свои занятія по названнымъ предметамъ, Аделунгъ и Дю-Пюже остались преподавать: Аделунгъ—древніе языки и миѳологію, а Дю-Пюже—космографію.

Съ 1809 года въ курсъ вошло преподаваніе нѣкоторыхъ высшихъ наукъ. Описывая этотъ періодъ, Корфъ замѣчаетъ, что „главное вниманіе было устремлено на распредѣленіе часовъ дня и времени занятій не только въ продолженіи классовъ, но и внѣ ихъ; какъ кажется, все стараніе было приложено къ тому, чтобы Великому Князю некогда было ни вздохнуть свободно, ни подумать ни о чемъ другомъ, кромѣ книгъ, наставниковъ и тетрадокъ“.

Преподаватели представляли Императрицѣ виды детальныя таблицъ лекцій и занятій, и она сама не только просматривала и исправляла, но и лично составляла подобныя таблицы.

Съ того же (1803) года начались и уроки фехтованія у Сивербрика. Корфъ отмѣчаетъ, что, въ то время, какъ Великаго Князя „учили

или желали учить всему, даже латинскому и греческому языкамъ, даже такой воображаемой наукѣ, какъ мораль, въ курсъ его не была введена естественная исторія, хотя она, въ воспитаніи того времени, играла уже важную роль“, а также указываетъ, что „законовѣдѣніе осталось

совершенно внѣ курса Великихъ Князей“.

Въ послѣднемъ указаніи явное противорѣчіе съ указаніями дневныхъ журналовъ, (которыми пользовался и Корфъ) ясно указывающихъ, что среди вновь приглашенныхъ въ 1813 г. профессоровъ были и преподаватели юридическихъ наукъ: Шторхъ—читавшій политическую экономію, Кукольникъ—естественное право и Балугьянскій—энциклопедію и исторію права. Ниже приведенъ отзывъ Императора Николая Павловича объ этихъ профессорахъ и ихъ преподаваніи, которымъ окончательно уничтожаются сомнѣнія о фактѣ преподаванія Великому Князю юридическихъ наукъ.

Великій Князь
Николай Павловичъ.
Съ гравюры Кардели.

Одновременно съ названными профессорами были приглашены Вальгемуть—для преподаванія физики и Седжеръ—для преподаванія англійскаго языка.

Этотъ составъ профессоровъ оставался при Великому Князѣ до окончанія послѣднимъ его учебныхъ занятій.

Срокъ, назначенный Императрицею для воспитанія Великаго Князя Николая Павловича и прохожденія имъ учебнаго курса, истекъ еще въ Юнѣ 1813 года, когда ему минуло 17 лѣтъ и пройдены были все намѣченные курсы, но Императрица всячески старалась продлить срокъ учебныхъ занятій и, по выраженію Корфа, „удержать еще немного своего сына въ классныхъ комнатахъ, посреди книгъ, учителей, отчетовъ, программъ и журналовъ“.

Занятія продолжались до самаго отъѣзда Великаго Князя въ дѣй-

ствующую армию. Для нѣкоторыхъ же высшихъ наукъ: исторіи финансовъ, наукъ военныхъ и другихъ, лекціи возобновились и по возвращеніи его въ Петербургъ, въ концѣ 1814 года. Впрочемъ, съ этого времени лекціи уже не велись съ прежнею правильностью, потому что оба Великихъ Князя получили возможность совершенно свободно предаваться своимъ любимымъ военнымъ занятіямъ: парадамъ, ученіямъ, посѣщеніямъ арсеналовъ и другихъ военныхъ учрежденій, смотрѣть новоприводимыхъ рекрутовъ и проч.; кромѣ того, имъ приходилось присутствовать также и на разныхъ придворныхъ торжествахъ и церемоніяхъ. Все это естественно отнимало много времени, необходимаго для правильныхъ занятій и слушанія лекцій.

Изъ всего сказаннаго выше видно, что въ теченіе 12 лѣтъ (1802—1814 г.) съ Великими Князьями велись усиленныя учебныя занятія. Къ сожалѣнію, эти занятія не принесли ожидаемой пользы.

Причину этому надо искать въ составѣ преподавателей.

Насколько неумѣло вели свои занятія указанные преподаватели, видно изъ словъ самого Императора Николая, сказанныхъ имъ 26-го Октября 1847 года барону Корфу, преподававшему наслѣднику престола правовѣдѣніе ¹⁾:

„Не надо слишкомъ долго останавливаться,—сказалъ Государь,— на отвлеченныхъ предметахъ, которые или забываются, или не находятъ никакого приложенія въ практикѣ. Я помню, какъ насъ (съ младшимъ братомъ) мучили надъ этимъ два человѣка, очень добрые, можетъ статься, и очень умные, по оба несноснѣйшіе педанты: покойный Балугьянскій и Кукольникъ. Одинъ толковалъ памъ, на смѣси всѣхъ языковъ, изъ которыхъ не зналъ хорошенько ни одного, о римскихъ, нѣмецкихъ и Богъ знаетъ какихъ еще законахъ, другой что-то о мнимомъ „естественномъ“ правѣ. Въ прибавку къ нимъ являлся еще Шторхъ съ своими усиленными лекціями о политической экономіи, которыя читалъ памъ по своей печатной французской книжкѣ, ничѣмъ не разнообразивъ этой монотоніи. И что же выходило? На урокахъ этихъ господъ мы или дремали, или рисовали какой-нибудь вздоръ, иногда собственныя ихъ карикатурныя портреты, а потомъ къ экзаменамъ выучивали кое-что въ долбяшку, безъ плода и пользы для будущаго. По-моему, лучшая теорія права—добрая нравственность, а она должна

¹⁾ Сборн. Импер. Русск. Истор. Общ. т. 98, стр. 30.

быть въ сердцѣ, независимо отъ этихъ отвлеченностей, и имѣть своимъ основаніемъ — религію“.

Основываясь на этихъ словахъ Государя, Корфъ приходитъ къ правильному выводу, что условія и моральнаго, и умственнаго воспи-

Первый офортъ, сдѣланный Великими Князьями въ 1816 году: Вел. Кн. НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧЪ — награвировалъ голову въ каскѣ, Вел. Кн. МИХАИЛЬ ПАВЛОВИЧЪ — подписи и художникъ Кипренскій — голову слѣва, вверху.

танія Великаго Князя Николая Павловича были самыя невыгодныя, даже если и смотрѣть на нихъ вообще, а тѣмъ болѣе для личности столь богато одаренной и исключительной, требовавшей въ руководителяхъ ея знанія, опытности и провицательности совершенно необыкновенныхъ. И если, не смотря на безконечныя препоны, положенныя развитію его самостоятельности и особенностей его характера, если, вопреки всѣмъ стараніямъ, уничтожить въ немъ исключительность его природы и подвести ее подъ общій уровень, все-таки изъ этого тяжкаго горнила выработалось нѣчто столь

могучее, самобытное, то, конечно, Великій Князь все́мъ обязанъ былъ единственно своей силѣ и той особенной печати, которую Провидѣніе даровало ему для будущности.

О своемъ религіозномъ воспитаніи Императоръ Николай сказалъ статсъ-секретарю барону Корффу ¹⁾:

„Въ отношеніи религіи моимъ дѣтямъ лучше было, чѣмъ намъ, которыхъ учили только креститься въ извѣстное время обѣдни, да говорить наизусть разныя молитвы, не заботясь о томъ, что дѣлалось въ нашей душѣ“.

Въ иномъ положеніи, чѣмъ остальные учебныя занятія Великаго Князя, находились его занятія военными науками и рисованіемъ.

Къ тому и другому Великій Князь проявлялъ влеченіе съ ранняго дѣтства.

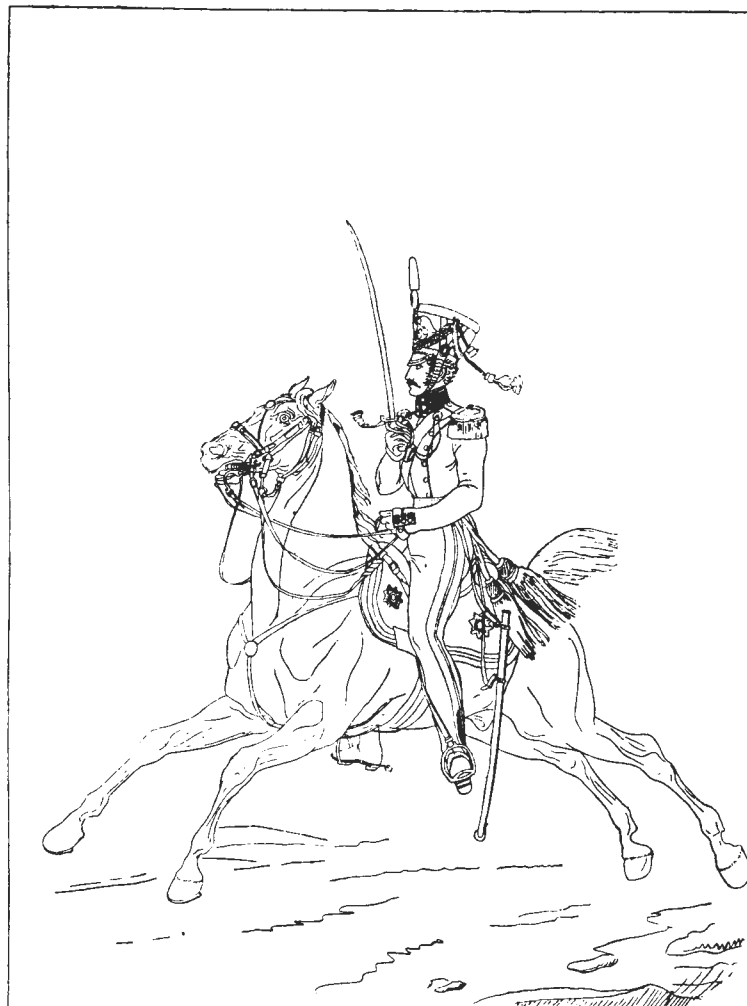
„Между тѣмъ какъ младшій братъ“, говоритъ Корфъ ²⁾, „никогда не чувствовалъ къ этому искусству ни малѣйшей склонности, старшій съ самаго нѣжнаго возраста имѣлъ къ нему такое особенное расположеніе, что не проходило дня, въ который онъ не употребилъ бы нѣсколькихъ часовъ на любимое свое занятіе; можно сказать безъ преувеличенія, что Николай Павловичъ не менѣе любилъ рисовать, чѣмъ играть въ военныя игры. Михаилъ Павловичъ, почти во всемъ ему подражавшій, по его примѣру, много разъ пробовалъ приниматься за рисованіе, но у него ничего не выходило, и, при недостаткѣ терпѣнія, обыкновенно кончалось тѣмъ, что онъ замарывалъ или рвалъ рисунокъ, бросалъ его и шелъ играть. Великій же Князь Николай Павловичъ усердно рисовалъ всякій день. Въ первое время онъ заставлялъ котораго-либо изъ своихъ кавалеровъ (особенно Ахвердова), иногда герцога Людвигъ Виртембергскаго, нарисовать что-нибудь карандашемъ, а самъ раскрашивалъ красками, и многіе такіе рисунки посылались въ подарокъ Императрицѣ, или бывшей гувернанткѣ, г-жѣ Адлербергъ, или дарились нянѣ; но потомъ Великій Князь рисовалъ все самъ, простыми или пастельными карандашами, или же водяными красками“.

Первые систематическіе уроки рисованія Великій Князь сталъ брать 8-ми лѣтъ у художника Акимова (въ 1804 г.).

¹⁾ Сборн. Импер. Русск. Истор. Общ., т. 98, стр. 45.

²⁾ Ibid., стр. 49.

Съ начала 1810 года Акимовъ былъ замѣненъ знаменитымъ тогда профессоромъ живописи Шебуевымъ, начавшимъ уроки рисованія

Конно-піонерный офицеръ.

Гравировано Великимъ Княземъ НИКОЛАЕМЪ ПАВЛОВИЧЕМЪ въ чертежной Инженернаго Департамента.

Доска хранится въ Главномъ Инженерномъ Управленіи.

съ гипсовъ. Однако главнымъ сюжетомъ рисунковъ Великаго Князя всегда были военные типы и сцены.

Въ Собственной Его Величества библиотекѣ хранится папка съ массой рисунковъ, акварелей и набросковъ Великаго Князя Николая Павловича, сюжеты которыхъ являются исключительно военные типы,

большую частью облеченные въ своеобразную военную форму, отличительной чертой которой являлись медвѣжи кивера, вродѣ наполеоновскихъ гренадерокъ, съ примѣненіемъ, въ качествѣ приборныхъ цвѣтовъ, лишь черной, голубой и серебряной красокъ.

Уже призванный къ самостоятельной дѣятельности Великій Князь не потерялъ интереса къ рисованію.

Корфъ рассказываетъ, что въ 1816 году, Великіе Князья захотѣли попробовать, какъ гравировать на мѣди крѣпкой водкой ¹⁾ (офортъ).

Живописецъ Кипренскій, при нихъ находившійся, взялъ все нужное у гравера Уткина, начертилъ на приготовленной доскѣ, для примѣра, одну фигуру, и Великій Князь Николай Павловичъ также нарисовалъ гравировальной иглой солдата; младшій братъ, не умѣя или не желая рисовать, написалъ иглой свое имя. Оттискъ этой доски хранится въ Императорской Публичной библиотекѣ.

Далѣе Корфъ сообщаетъ ²⁾, что „въ Императорской Публичной библиотекѣ сохраняется коллекція военныхъ костюмовъ (въ листъ) времени Императора Александра I, награвированная крѣпкой водкой Николаемъ Павловичемъ, съ рисунковъ Зауервейда“. Гравюры эти свидѣлствуютъ о твердой, увѣренной рукѣ ихъ автора. Подписанный подъ нимъ шифръ по словамъ Корфа, означаетъ „Николай, третій Романовъ“, т.-е. третій изъ сыновей Императора Павла. Изъ приведенной ниже переписки Л.-Гв. Дворянской роты видно, что это значитъ: „Романовъ третій“—всегдашняя подпись Великаго Князя въ ротной перепискѣ.

Акварели, служившія оригиналами для Великаго Князя и рисованныя не Зауервейдомъ, а Шифляромъ, по повелѣнію Императора Александра I, хранятся въ Собственной Его Величества библиотекѣ въ Зимнемъ дворцѣ ³⁾.

Мѣдныя доски, числомъ 9, гравированныя Великимъ Княземъ, хранятся въ Главномъ Инженерномъ Управленіи. Въ 1902 году онѣ были выпрямлены и приведены въ порядокъ въ мастерской профессора Маттэ и съ нихъ было сдѣлано нѣсколько оттисковъ, послѣ чего, для предупрежденія порчи, онѣ были покрыты лакомъ.

¹⁾ Сборн. Императ. Русск. Историч. Общ., т. 98 стр. 45.

²⁾ Ibid. стр. 60.

³⁾ Собственная Его Величества библиотека Зимняго дворца, шк. 51, полка 1.

Рисунки на этих досках изображают форму обмундирования Гвардейских саперъ и конно-піонеръ въ эпоху 1820—1822 гг.

Весьма вѣроятно, что преданіе о томъ, будто доски эти Великій Князь гравировалъ въ чертежной Инженернаго Департамента, въ бытность свою Генераль-Инспекторомъ по Инженерной части, вполне справедливо.

Какъ уже отмѣчено было выше, главною страстью юноши было все, что касалось военной службы.

Попытки побѣдить убѣжденіемъ крайнее пристрастіе Великаго Князя ко всему военному не имѣли успѣха.

Въ журналѣ отъ 21-го Декабря 1810 года сохранилась интересная запись Ахвердова о томъ, какъ Великому Князю задано было темою русскаго сочиненія: „доказать, что военная служба не есть единственная служба дворянина, но что и другія занятія для него столько же почтенны и полезны“. Великій Князь ничего не написалъ, такъ что Ахвердовъ, объяснившій себѣ этотъ поступокъ Великаго Князя недостаткомъ внимательности или предубѣжденіемъ въ пользу военнаго сословія, жалился надъ Великимъ Княземъ и самъ продиктовалъ ему все сочиненіе.

Неудивительно поэтому, что при такомъ пристрастіи ко всему военному, занятія Великаго Князя близкими его сердцу военными науками были несравненно болѣе плодотворны, чѣмъ прочія его учебныя занятія, да и выборъ преподавателей военныхъ предметовъ былъ болѣе удаченъ.

Корфъ даетъ обстоятельное описаніе постановки этого вопроса ¹⁾.

По его словамъ: „въ отношеніи къ военнымъ наукамъ Императрица покорила свое нерасположеніе ко всему военному разсчетомъ той будущности, которая, какъ нельзя было сомнѣваться, ожидала ея младшихъ сыновей. Къ этой побѣдѣ нѣжной матери надъ личными своими вкусами способствовали, конечно, и обстоятельства того времени, когда непрерывныя войны, внесенныя въ Европу завоевательнымъ духомъ величайшаго военнаго генія новыхъ временъ—Наполеона, должны были убѣдить въ невозможности для юношей, принадлежащихъ къ Русскому Императорскому Дому, исключительно гражданскаго воспитанія. Словомъ, признано было за необходимое пригласить особыхъ профес-

¹⁾ Сборн. Импер. Русск. Истор. Общ. т. 98, стр. 61 и 62.

соровъ, которые прочитали бы Николаю Павловичу военныя науки въ возможно большей полнотѣ“.

Первымъ приглашеннымъ для этого профессоромъ былъ математикъ Крафтъ, который въ рапортѣ своемъ Императрицѣ, въ Ноябрь 1809 г., писалъ, что, пользуясь совѣтами и указаніями генерала Сухтелена, тогдашняго начальника инженерной части, онъ уже изложилъ Великому Князю Николаю Павловичу все то изъ науки фортификаціи,

Инспекторъ Инженернаго Корпуса
КАРЛЪ ИВАНОВИЧЪ
ОППЕРМАНЪ.
Оригиналъ въ Зимнемъ дворцѣ.

что самъ зналъ, какъ теоретикъ, а такъ какъ совѣсть запрещаетъ ему итти далѣе, то онъ проситъ, для продолженія занятій Его Высочества, избрать практическаго инженера.

Выборъ палъ на Оппермана, уже и въ то время извѣстнаго своими свѣдѣніями инженернаго генерала, который явился къ Великому Князю, и, проэкзаменовавъ его, нашелъ, что онъ имѣетъ основательныя свѣдѣнія въ ариѳметикѣ, геометріи и тригонометріи, въ первыхъ началахъ алгебры, механики и фортификаціи, но вмѣстѣ съ тѣмъ отказался отъ чести взять на себя преподаваніе Его Высочеству этихъ наукъ, за недостаткомъ времени вслѣдствіе многочисленныхъ служеб-

ныхъ обязанностей, и просилъ поручить ему только общій надзоръ по этой части. Его просьба была уважена, и съ этихъ поръ Опперманъ принялъ дѣятельнѣйшее участіе въ военномъ образованіи Николая Павловича.

Въ рапортѣ Императрицѣ 2 Марта 1810 года Опперманъ, между прочимъ, писалъ ¹⁾, что такъ какъ желательно было бы, однако же, изложить Великимъ Князьямъ техническія названія артиллерійскія, по части теоретической и практической, на русскомъ языкѣ, то онъ и предлагаетъ, для преподаванія артиллеріи, полковника артиллеріи Мар-

¹⁾ Сборн. Импер. Русск. Истор. Общ. т. 98, стр. 63 и 64.

кевича (состоявшаго при второмъ кадетскомъ корпусѣ), отзываясь о немъ такъ: „у него много теоретическихъ и практическихъ знаній и, зная французскій языкъ, онъ читаетъ и изучаетъ на этомъ языкѣ сочиненія его специальности. Къ тому же у него мягкій характеръ“.

Это предложеніе было принято, какъ и предыдущее, и полковники Джанотти и Маркевичъ поступили въ число преподавателей Великихъ Князей съ 1 мая 1810 года, подъ надзоромъ Оппермана, письменными и словесными программами и инструкціями котораго они руководствовались.

Маркевичъ, занимая своихъ воспитанниковъ серьезными упражненіями, въ то же время старался доставлять имъ и нѣкоторыя развлеченія. Такъ, на примѣръ, мы видимъ изъ ежедневныхъ кавалерскихъ журналовъ, что вскорѣ по своемъ поступленіи, а именно лѣтомъ 1810 года, онъ уже дѣлалъ для нихъ, въ Гатчинѣ, небольшіе фейерверки; предметомъ же своимъ онъ занималъ ихъ не только теоретически, но и практически, упражняя, между прочимъ, въ черченіи, снятіи мѣстностей и проч.

Для преподаванія тактики Опперманъ избралъ (въ 1812 году) сочиненіе Гибера, считая это лучшимъ для изученія новѣйшаго способа вести войну и опираясь при этомъ, какъ онъ писалъ въ рапортѣ отъ 28 Августа 1812 г., „на отзывахъ Фридриха Великаго, Вашингтона и Наполеона“. вмѣстѣ съ тѣмъ, Великому Князю начато было изложеніе исторіи кампаній Тюренна, принца Евгенія, Фридриха Великаго, Суворова и Наполеона.

Джанотти, по словамъ современниковъ, успѣлъ приобрести особенное расположеніе своего ученика, который и впослѣдствіи продолжалъ очень его любить.

Въ началѣ 1815 года ¹⁾ къ числу военныхъ лекцій Великаго Князя прибавились „бесѣды съ генераломъ Опперманомъ о военныхъ наукахъ“. Онѣ состояли въ томъ, что Великій Князь читалъ разрабатываемыя имъ самимъ сочиненія и трактаты о какихъ-нибудь предполагаемыхъ военныхъ дѣйствіяхъ или планы войны на извѣстномъ стратегическомъ пунктѣ, и долженъ былъ давать отвѣтъ на всѣ детальныя вопросы Оппермана. Бесѣды эти, судя по рапортамъ сего послѣдняго Императрицѣ, весьма его удовлетворяли. Такъ, когда въ февралѣ и мартѣ

¹⁾ Сборн. Импер. Русск. Истор. Общ., т. 98, стр. 82 и 83.

1815 г., Николай Павлович долженъ былъ отдавать отчетъ въ составленномъ имъ большомъ трактатѣ о войнѣ противъ соединенныхъ силъ Пруссіи и Польши, преподаватель находилъ, что Великій Князь судилъ весьма вѣрно о фізіономіи и топографическихъ массахъ тогдашней западной нашей границы; вѣрно распредѣлялъ части войскъ, нужныхъ на разныхъ пунктахъ дѣйствій; по правиламъ науки производилъ ходы и обдумывалъ свои резервныя силы, и вообще, не только съ большимъ тщаніемъ изучилъ планъ кампаніи и мѣстности, но и выказалъ здѣсь столь блестящія способности и тактическія соображенія, что при первомъ чтеніи Опперману пришло даже на мысль, не имѣлъ ли его ученикъ въ своихъ рукахъ во время этой работы мемуаръ, написанный о томъ же предметѣ однимъ русскимъ генераломъ. По артиллерійской части результаты оказались не менѣе удовлетворительными, и въ заключеніе курса военныхъ наукъ Опперманъ нашелъ нужнымъ изобразить фиктивную войну, въ которой Михаилу Павловичу поручена была часть оборонительная, а Николаю Павловичу—наступательная. Сверхъ того онъ совѣтовалъ послѣднему читать подробныя исторіи замѣчательныхъ кампаній, черезъ что, писалъ онъ, „неминуемо должны усовершенствоваться въ Великомъ Князѣ его блестящія военныя способности, выражавшіяся въ талантѣ вѣрно и ясно судить о военныхъ дѣйствіяхъ“.

Но всѣ эти занятія не долго продолжались: возгорѣвшаяся вновь война съ Наполеономъ вызвала еще разъ войска наши за границу, и, на этотъ разъ, Великіе Князья, уже безъ особеннаго, какъ кажется, затрудненія, получили дозволеніе находиться при арміи.

Описаніе младенческихъ лѣтъ и ранней юности Великаго Князя Николая Павловича закончимъ обслѣдованіемъ въ высшей степени интересныхъ документовъ.

При розысканіи матеріаловъ, могущихъ освѣтить нѣкоторые вопросы, касающіеся юности Великаго Князя Николая Павловича, удалось найти цѣлое собраніе документовъ, доселѣ никѣмъ не изслѣдованныхъ и дающихъ возможность установить, въ какую форму вылились увлеченія военнымъ дѣломъ Великаго Князя Николая Павловича въ возрастѣ отъ 14 до 17 лѣтъ, а также какія мѣры были приняты къ

Служба Великаго Князя Николая Павловича въ Лейбъ Гвардіи Дворянской ротѣ.

тому, чтобы дать Августѣйшему юношѣ возможность прагматически ознакомиться со строевой службой еще въ ранніе годы.

Матеріалы эти хранятся въ Собственной Его Величества библиотекѣ въ Зимнемъ дворцѣ ¹⁾ и составляютъ довольно обширное собраніе рукописныхъ приказовъ, записокъ, рапортовъ и списковъ „Лейбъ-Гвардіи Дворянской роты“.

Часть эта, о которой до настоящаго времени не появлялось никакихъ свѣдѣній въ исторической литературѣ, была составлена изъ пажей, согласно Высочайшаго указа отъ 5-го Сентября 1810 года.

Главнѣйшій интересъ безспорно представляютъ „приказы по Л.-Гв. Дворянской ротѣ“ и „записки“ къ фельдфебелю этой роты Ушакову, такъ какъ и тѣ и другія писаны Великимъ Княземъ Николаемъ Павловичемъ собственноручно и лучше всего даютъ возможность возсоздать картину оригинальной воинской части, своего рода—„потѣшныхъ“, среди которой Великіе Князья Николай и Михаилъ несли службу младшихъ офицеровъ и душой которой былъ Великій Князь Николай Павловичъ.

Собственноручныхъ приказовъ и записокъ Великаго Князя сохранилось до 50-ти. Какъ документы первостепеннаго интереса всѣ они воспроизведены въ приложеніяхъ въ настоящей книгѣ.

Кромѣ того сохранилось „описаніе Л.-Гв. Дворянской роты“, о которомъ подробнѣе будетъ сказано ниже; остальную же часть собранія документовъ Л.-Гв. Дворянской роты составляютъ рапорты фельдфебеля роты Ушакова на имя Великаго Князя и списки чиновъ роты. Тѣхъ и другихъ насчитывается листовъ по 80-ти, но въ приложеніи приведены лишь болѣе интересные. Попадаютъ и другіе листы, касающіеся нарядовъ Л.-Гв. Дворянской роты въ караулы.

Описанные документы представляютъ огромный интересъ не только по своей новизнѣ, но и потому, что съ совершенно новой стороны освѣщаютъ жизнь Великихъ Князей Николая и Михаила въ возрастѣ отъ 14 до 17 лѣтъ и опровергаютъ нѣкоторые изъ установившихся въ исторической литературѣ взглядовъ на нѣкоторыя обстоятельства изъ юности Августѣйшихъ братьевъ. Опираясь на приводимые документы Л.-Гв. Дворянской роты, рассмотримъ главное изъ превратныхъ представленій о юности Великихъ Князей.

¹⁾ Рукописный отдѣлъ № 806 и 810.

Описание А. Т. Д. Р.

А. Т. Д. Р. сложена в 1810 ^{гг.} году, в ^{г.} Санкт-Петербурге; она составлена из 17 частей частей, из 124 частей, одного еврейского Трактата-адвентарта, 2 офицеров пафеского корпуса, два класса шпера: фамилии и отного паковника по армии.

Законы А. Т. Д. Р.
Всех Дворянств.

Никагда более 20 редовцев.
Не бить и под каравы
не сажать
За малыйшея невоинно-
веней кь карабникаше из-
ключаете из списков.

Штаб А. Т. Д. Р.

Полковник 1. Капитанов 1.
Штаб-Капитанов 4. Флид-
седей 1. Поручиков - прапор-
ушек 1. Под-прапорушек 1.
Турецко-офицеров 11. Редовцев 20
Парашушков 4. Флид-ушек 4.

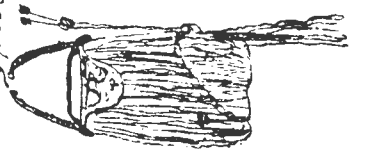
Мундир

А. Т. Д. Р. Велетбий об синиши отво-роташа, на дьш роташа об вер-ер гранатъ. Штатъ с офи-церов черепъ кое очко зкое под шивъ ша-панъ, короткии шивъ с шовъ с салтант олов шивбий шивбий с штеръ-офице-ровъ два все середнее. Пан-тамонъ шансе с шовъ, шовнос-тин. Шитки-взаконъ.

Трава А. Т. Д. Р.

Во шперо А. Т. Д. Р. состав-ляетъ первая роты старинно еврейского паковника Одиш Шператоръ паковник Штатъ ея шферовъ об шиво-ловъ паковника.

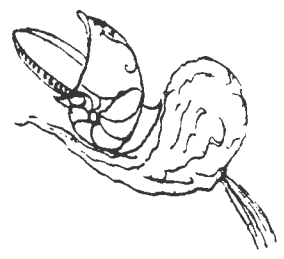
Капитанов ея еше Полковник Штаб-Капитанов Под-каковники, Флид-седей шера Трактат-адвентарта изъ еврейи, Поручиков - прапорушек Поручикъ, Под-прапорушек Подпоручикъ, Турецко-офицеров Прапорушки, еврейи; а еврейи барачники и флид-ушки под.пор. шив.

Шевроновская шапка.

Носится ее в первом батальоне по 1. Шах.

Первая отбрасываемая пушиком в офицерском казимеи отбрасываемая саидат и энтер-офицерская проросная офицерская; бляхи из серебра.

Каска Дива

Лата; Дива в виде тугого диска.

Шитые

Офицерская.
 1. Саидат
 2. Энтер-офицерская
 3. Д. С. Д. Д.

Шапка

Пампаконь Обица
 Лонгаст а.
 Кобраная

Корфъ, какъ историкъ, не знакомый съ существованіемъ Л.-Гв. Дворянской роты, утверждаетъ ¹⁾, что въ 1809 г., когда наступило время болѣе серьезныхъ учебныхъ занятій Великихъ Князей, „то не только самыя игры прежняго времени, но и присутствіе мальчиковъ, раздѣлявшихъ эти забавы съ Великими Князьями, были признаны неумѣстными и вредными для продолженія нравственнаго и умственнаго ихъ образованія: полагали, что, находясь въ обществѣ постороннихъ, они только развлекаются больше чѣмъ слѣдовало бы, и, оставаясь въ сопрікосновеніи съ другими дѣтьми, именно отъ нихъ заимствуютъ нелюбовь и невнимательность къ наукамъ и особенное пристрастіе ко всему военному“.

„Поэтому Императрица Марія Ѳеодоровна признала за благо удалить отъ своихъ младшихъ сыновей прежнихъ товарищей ихъ игръ, которые, болшею частью, были помѣщены въ военно-учебныя заведенія на казенный счетъ, или на счетъ Великихъ Князей. Такъ, Панаева, Адлерберга и Ушакова опредѣлили въ Пажескій корпусъ, а прочіихъ— въ другія казенныя заведенія“.

Противъ слѣдующаго за симъ мѣста рукописи Корфа, гдѣ говорилось о намѣреніи Императрицы Маріи Ѳеодоровны дать своимъ младшимъ сыновьямъ гражданское и общественное воспитаніе, Императоръ Александръ II приписалъ ²⁾: „Императрица Марія Ѳеодоровна желала даже отправить сыновей своихъ въ Лейпцигскій университетъ, чему, однако, рѣшительно воспротивился Императоръ Александръ Павловичъ. Взамѣнъ того, ему пришло на мысль образовать въ Царскомъ Селѣ Лицей, гдѣ бы младшіе братья его могли слушать публичныя лекціи“.

По словамъ Корфа мысль эта не осуществилась потому, что „Лицей былъ открытъ 19-го Октября 1811 года, когда надъ Россією висѣли уже тучи войны“, и онъ подтверждаетъ свое мнѣніе тѣмъ, будто Императоръ Николай и Великій Князь Михаилъ Павловичи неоднократно говорили ему, что „лишь это обстоятельство помѣшало имъ сдѣлаться его товарищами“.

Но и барону Корфу кажется, что „есть, впрочемъ, поводъ пред-

¹⁾ Сборн. Импер. Русск. Истор. Общ., т. 98, стр. 57—58.

²⁾ Ibid. стр. 58.

полагать, что еще важнѣйшею или прямѣйшею къ тому причиною была воля Императора Александра, которому съ первой минуты не нравилась мысль воспитывать своихъ братьевъ въ общественномъ заведеніи“.

Съ легкой руки Корфа установилось мнѣніе, что Великіе Князья Николай и Михайлъ Павловичи въ возрастѣ наиболѣе воспріимчивомъ были лишены общенія съ товарищами и по возможности изолированы отъ впечатлѣній, могущихъ поддержать и развить ихъ вкусъ ко всему военному. Существованіе же Л.-Гв. Дворянской роты и роль, которую играли въ ней Великіе Князья, въ особенности Николай, совершенно опровергаютъ это ходячее мнѣніе.

Изъ документовъ о Л.-Гв. Дворянской ротѣ явствуетъ, что не миролюбивыя стремленія Императрицы Маріи Ѳеодоровны одержали верхъ, а сознаніе Государя, что его братья призваны стать во главѣ его арміи и должны смолоду изучить военную службу.

Императоръ и Цесаревичъ не заглушали, подобно Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, а наоборотъ поощряли и развивали любовь къ военному дѣлу своихъ младшихъ братьевъ, и Государь далъ имъ возможность не только съ 14 лѣтъ нести строевую службу, но и попутно подготовляться къ достойному несенію обязанностей начальника.

Службу Августѣйшихъ юношей въ ротѣ пажей, въ средѣ сверстниковъ и подъ непосредственнымъ руководствомъ своихъ наставниковъ и воспитателей, нельзя не признать цѣлесообразнымъ средствомъ для выработки въ юныхъ Великихъ Князьяхъ командныхъ навыковъ и, наравнѣ съ этимъ, умѣнья подчиняться своимъ начальникамъ.

Однако же, для выработки изъ Великихъ Князей будущихъ военноначальниковъ недостаточно было окружить ихъ пажами и поставить подъ руководство воспитателей; надо было поставить юношей въ такое положеніе относительно сверстниковъ и воспитателей, чтобы благоприятныя условія для пополненія ихъ воспитанія, даваемая существованіемъ Л.-Гв. Дворянской роты, были использованы возможно полнѣе.

Назначеніе кого-либо изъ юношей командиромъ этой части могло, давши командный навыкъ, повредить имъ, не пріучивъ къ подчиненію, а исключительно подчиненная роль не дала бы развиться самостоятельности, чувству отвѣтственности и начальническому глазомѣру. Изъ этого положенія былъ найденъ остроумный выходъ—Великимъ

Полковникъ. Л. Т. Д. Р. Ео. И. В. Т. И.
Капитанъ. — — — — Полк. Шаковъ.

Штабъ-Капитанъ. — — — — { Клингенбергъ.
~~Дитер~~
~~Степановъ.~~
Романовъ 3. ^и
Романовъ 4. ^и
Дитерикъ

Портъней-Праторщикъ. Заградскій.

въ должности Фельдъвебля, П. С. Слободкинъ
са отвѣтственнo оного.

За писменными делами и Секретеръ Шаковъ
особенными поручениями. 3. ^и

въ должности Староубо Ташинъ.
Тарабанскаго.

Другихъ чинов не имется.

Потомъ Секретарь,
Секретеръ

въ должности временной
Потомъ адъютанта, Штабъ-Ка-
питанъ,
Романовъ 3. ^и ~~Романовъ~~

Князьямъ была дана возможность распоряжаться, но безъ назначенія кого-либо изъ нихъ командиромъ всей роты. Юноши были назначены лишь командирами полувзводовъ, причемъ Николай Павловичъ взялъ еще на себя адъютантскія обязанности. Въ дѣйствительности же всѣ приказы, приказанія, рапорты, взысканія и т. п. исходили отъ Августѣйшаго полувзводнаго командира Л.-Гв. Дворянской роты— „Штабсъ-Капитана Романова 3“, конечно, подъ контролемъ и надзоромъ его воспитателя Ушакова, носившаго званіе командира роты.

Только что изложенныя соображенія даютъ право подробнѣе остановиться на разборѣ документовъ Л.-Гв. Дворянской роты.

Основанія, на которыхъ была сформирована эта часть, лучше всего выясняются изъ „Описанія Лейбъ-Гвардіи Дворянской роты“, составленнаго юнымъ Великимъ Княземъ Николаемъ Павловичемъ собственноручно. Они изложены въ описаніи подъ рубриками „Законы Л. Г. Д. Р.“ и „Права Л. Г. Д. Р.“ и представляются нижеслѣдующими:

Въ строю Лейбъ-Гвардіи Дворянская рота составляетъ первую роту старшаго Гвардейскаго пѣхотнаго полка.

Одинъ Императоръ можетъ быть ея шефомъ съ титуломъ полковника.

Всѣ чины ея — дворяне.

Никогда болѣе 120 рядовыхъ. Не бить и подъ караулъ не сажать.

За малѣйшее неповиновеніе начальникамъ — исключается изъ списковъ.

Составъ роты установленъ слѣдующій:

- 1) Полковникъ роты (шефъ)—Государь.
- 2) Капитанъ роты (командиръ)—полковникъ по арміи.
- 3) Штабсъ-Капитановъ—4, съ правами подполковника арміи.

Изъ нихъ два назначались изъ Особъ Императорской Фамиліи, а другіе два—изъ офицеровъ Пажескаго корпуса.

- 4) Фельдфебель—оберъ-офицеръ Гвардіи изъ плацъ-адъютантовъ.
- 5) Портупей-прапорщикъ . . . 1, съ правами поручика гвардіи.
- 6) Подпрапорщикъ . . . 1, „ „ подпоручика „
- 7) Унтеръ-офицеровъ . . 11, „ „ прапорщика „
- 8) Рядовыхъ 120,)
- 9) Барабанщиковъ 4,) „ „ подпоручика арміи.
- 10) Флейщиковъ 4,)

Для замѣщенія вакансій назначались: 17 камеръ-пажей и 124 пажа. Вышеозначенные офицерскіе чины они получали при окончаніи курса въ корпусѣ.

Сохранившіеся списки даютъ возможность судить о томъ, какъ вышеприведенная организація Л.-Гв. Дворянской роты была осуществлена въ дѣйствительности и каковъ былъ ея составъ.

Рота дѣлилась на 4 полувзвода или отдѣленія, во главѣ которыхъ стояли штабсъ-капитаны, и по фамиліямъ которыхъ назывались эти полувзводы, лишь изрѣдка именуясь по номерамъ.

Полувзводъ состоялъ изъ 3 унтеръ-офицеровъ, 30 рядовыхъ, 1 барабанщика и 1 флейщика; рядовые были раздѣлены между 3 унтеръ-офицерами.

За время существованія роты распредѣленіе командировъ полувзводовъ было слѣдующее: 1-мъ и 4-мъ полувзводомъ командовали старшіе штабсъ-капитаны—подполковники Клингенбергъ и Степановъ, а 2-мъ и 3-мъ—Великіе Князья, именовавшіе себя поручиками Романовымъ 1-мъ и Романовымъ 2-мъ. Въ 1812 г. Степанова замѣнилъ капитанъ Дитерихсъ. Августѣйшіе поручики были произведены въ штабсъ-капитаны—сперва Николай, затѣмъ Михаилъ, и стали именовать себя Романовымъ 3-мъ и Романовымъ 4-мъ (считая Романовымъ 1-мъ—Императора Александра и Романовымъ 2-мъ—Цесаревича Константина). Вскорѣ Великій Князь Николай принялъ отъ Дитерихса 4-й полувзводъ, сдавъ ему свой 2-й полувзводъ.

Кромѣ должностей, распредѣленныхъ между взводами, были еще должности фельдфебеля и портупей-прапорщика, а также появились, не предусмотрѣнныя при формированіи роты, должности адъютанта, секретаря и барабаннаго старосты, замѣщавшіяся чинами роты независимо отъ ихъ штатныхъ должностей. За то должность подпрапорщика не замѣщалась, а вмѣсто одного подпрапорщика и 11 унтеръ-офицеровъ во всѣхъ спискахъ показано 12 унтеръ-офицеровъ.

Что касается состава роты, то списки даютъ слѣдующія данныя: полковникомъ роты все время состоялъ Государь, капитаномъ—полковникъ Ушаковъ, штабсъ-капитанами, или полувзводными командирами были юные Великіе Князья Николай и Михаилъ и 2 офицера Пажескаго корпуса.

Съ 1813 г., за уходомъ коренныхъ штабсъ-капитановъ Степанова и Дитерихса, составъ офицеровъ роты получаетъ крайне перемѣнный

характеръ. Рапорты Ушакова за это время пестрятъ новыми фамиліями уходящихъ и поступающихъ офицеровъ—Клостермана, Ратмиллера, Криштафовича, Мацнева, Симони и Кругена. Пребываніе ихъ, какъ кратковременное, конечно не могло отражаться на обликѣ роты. По временамъ же дѣло доходило до того, что, кромѣ Клингенберга, оставался одинъ лишь гувернеръ, и почтенный педагогъ несъ дежурства черезъ день. Объ этомъ положеніи вещей фельдфебель Ушаковъ 30-го Августа 1812 г. доносилъ: „Въ прочемъ, Ваше Высокоблагородіе, у насъ все хорошо, кромѣ только въ томъ, что недостатокъ въ гувернерахъ, ибо у насъ только одинъ капитанъ Мацневъ и подполковникъ и гофмейстеръ Клингенбергъ, который, по сему недостатку, самъ дежуритъ за простого гувернера черезъ день, что его очень беспокоитъ исполнять столь тяжелую должность“.

Должность фельдфебеля Л.-Гв. Дворянской роты все время, за исключеніемъ кратковременныхъ отлучекъ, исполнялъ плацъ-адъютантъ Л.-Гв. Егерскаго полка подпоручикъ Ушаковъ. Остальными чинами роты были камеръ-пажи и пажи, причемъ когда не хватало до штатнаго числа строевыхъ пажей, то дополняли недостающее число нестроевыми, какъ свидѣтельствуется распоряженіе Великаго Князя, написанное Ушакову: „Изволь скорѣе сдѣлать хорошій списокъ всѣмъ тѣмъ изъ Васъ, кои ходятъ въ карауль, и пришли; ежели ихъ менѣе 120, то добавь число ихъ самыми большими изъ нестроевыхъ“. Когда же и подобная мѣра не помогала, то молодежь для содержанія ранжирныхъ списковъ въ порядкѣ прибѣгала къ уловкѣ, показывая одного и того же пажа по списку нѣсколько разъ подрядъ.

Отъ состава роты перейдемъ къ главнымъ членамъ этой оригинальной корпораціи и къ ихъ роли въ жизни роты.

Склонный къ властвованію Великій Князь Николай сразу выдвинулся на первый планъ, сведя роль брата на вторую степень, и, какъ отмѣчено выше, ограничиваясь офиціально званіемъ „штабсъ-капитана“, т. е. младшаго офицера роты, да должностью адъютанта фактически онъ былъ душой и руководителемъ всей затѣи и истиннымъ начальникомъ этихъ „потѣшныхъ XIX вѣка“.

Ближайшимъ сотрудникомъ его былъ Ушаковъ-отецъ, воспитатель Великаго Князя, и его сыновья, изъ которыхъ старшій былъ уже офицеромъ, а остальные пажами. Изъ офицеровъ роты болѣе значительную роль игралъ полковникъ Клингенбергъ.

Самымъ же дѣятельнымъ помощникомъ и правой рукой Великаго Князя былъ Алексѣй Ушаковъ—фельдфебель, а затѣмъ квартирмейстеръ .І.-Гв. Дворянской роты.

Объ этихъ лицахъ удалось установить слѣдующее:

Капитанъ роты—полковникъ по арміи, Павелъ Ушаковъ, состоялъ при Великомъ Князѣ Николаѣ Павловичѣ въ качествѣ „кавалера“,

Полковникъ
Карль Федоровичъ.
Клингенбергъ.

т. е. одного изъ дежурившихъ при немъ помощниковъ его главнаго воспитателя, генерала Ламсдорфа, съ самаго времени передачи воспитанія юности въ мужскія руки, т. е. съ 1802 года.

Въ противоположность своему начальнику, генералу Ламсдорфу, Ушаковъ избѣгалъ суровости и сумѣлъ привлечь къ себѣ сердце Августѣйшаго воспитанника и заслужить его довѣріе и уваженіе.

Баронъ Корфъ говоритъ ¹⁾: „Проставленные къ Великому Князю кавалеры—въ началѣ ихъ было трое: генераль-маіоръ Ахвердовъ, полковники Арсеньевъ и Ушаковъ—были несравненно лучше своего начальника (генерала Ламсдорфа). Какъ замѣтно, они были гораздо образованнѣе его, знали разныя науки, такъ что могли преподавать Великому Князю многіе предметы. У нихъ проглядываютъ мѣры кро-

тости, желаніе подѣйствовать на мораль молодого воспитанника, избѣгать тѣхъ мѣръ строгости, которыя были въ программѣ воспитанія, и потому не удивительно, что Николай Павловичъ, обладавшій уже и въ томъ возрастѣ нѣжнымъ любящимъ сердцемъ, чувствовалъ много привязанности къ этимъ наставникамъ“. И далѣе, говоря объ Ушаковѣ, добавляетъ: „Великіе Князья его любили. Когда онъ являлся изъ отлучекъ, то они радостно вскрикивали: „Павлинька, Павлинька!“ бросались къ нему на шею и цѣловали его“.

Понятно, что Ушаковъ и его сыновья, въ особенности старшій—офицеръ, какъ бывшіе товарищи дѣтскихъ игръ Великаго Князя Николая,

¹⁾ Сборн. Импер. Русск. Истор. Общ. т. 98, стр. 27.

какъ указано выше, составляли ядро Л.-Гв. Дворянской роты и были ближайшими помощниками Августѣйшаго штабсъ-капитана.

О товарищахъ дѣтскихъ игръ Великихъ Князей Корфъ ¹⁾ говорить, что къ числу дѣтей, которыхъ разрѣшено было приводить играть къ Великимъ Князьямъ, принадлежали: „два брата Ушаковы, сыновья кавалера“, а изъ дневныхъ журналовъ видно, что молодые Ушаковы были приводимы почти всегда въ тѣ дни, когда былъ дежурнымъ ихъ отецъ.

Очевидно, что удаленіе товарищей дѣтскихъ игръ, о которомъ говоритъ Корфъ въ приведенномъ ранѣе отрывкѣ, если и имѣло мѣсто въ дѣйствительности, то продолжалось не болѣе года, такъ какъ уже въ 1810 г. отданные въ Пажескій корпусъ Ушаковы, Адлербергъ и Панаевъ являются первыми помощниками своего Августѣйшаго товарища дѣтства.

Къ сожалѣнію ни въ перепискѣ Л.-Гв. Дворянской роты, ни въ исторіи Пажескаго корпуса, ни въ приказахъ о производствѣ пажей въ офицеры ²⁾, не упомянуты имена младшихъ Ушаковыхъ, и трудно установить, кто изъ нихъ какую роль игралъ въ Л.-Гв. Дворянской ротѣ.

Изъ воспитателей Пажескаго корпуса, несшихъ обязанности младшихъ офицеровъ Л.-Гв. Дворянской роты, наибольшимъ вліяніемъ пользовался гофмейстеръ, полковникъ Карлъ Ѳеодоровичъ Клингенбергъ, выдающійся просвѣщенный педагогъ, всю свою, болѣе чѣмъ полувѣковую службу, посвятившій воспитанію юношества.

Въ исторіи Пажескаго корпуса ³⁾ приведенъ отзывъ о немъ его питомцевъ—пажей: „одинъ нашъ гофмейстеръ, полковникъ Клингенбергъ, былъ къ намъ близокъ и жилъ нашею жизнью. Это былъ душа человѣкъ, простой, ласковый, симпатичный, хотя немного крикливый; пажи любили, уважали и боялись его“.

Умеръ Клингенбергъ въ 1849 г. въ чинѣ генералъ-лейтенанта и должности директора Павловскаго кадетскаго корпуса.

Изъ остальныхъ офицеровъ-гувернеровъ Пажескаго корпуса долѣе

¹⁾ Сборн. Импер. Русск. Истор. Общ. т. 98, стр. 35 и 36.

²⁾ Въ приказахъ о производствѣ пажей и камеръ-пажей въ офицеры указано производство Ушаковыхъ: одного—31 Декабря 1811 г. въ Л.-Гв. Литовскій полкъ, другого—29 Ноября 1812 г. въ Свиту Его Величества по квартирмейстерской части и третьяго—13 Юля 1813 г. въ 33-й Егерскій полкъ.

³⁾ С. Н. В. 1902 г. стр. 29.

другихъ пробыли въ Л.-Гв. Дворянской ротѣ подполковникъ Николай Теодоровичъ Степановъ и замѣстившій его въ 1812 г. капитанъ Карлъ Ивановичъ Дитерихсъ. Остальные гувернеры, уже переименованные выше, пробыли недолго и вліянія на жизнь роты оказать не могли.

Конечно, главный интересъ представляетъ не выясненіе жизни и быта самой Л.-Гв. Дворянской роты, а вліяніе службы въ ней на Августѣйшихъ юношей.

Приведенные цѣликомъ въ приложеніяхъ собственноручные приказы и распоряженія Великаго Князя по Л.-Гв. Дворянской ротѣ и записки его къ фельдфебелю Ушакову, а также и рапорты послѣдняго, даютъ богатый матеріалъ для изученія духовнаго склада Царственнаго юноши, въ которомъ уже съ этихъ лѣтъ, наравнѣ съ чертами, свойственными его возрасту, проявлялась ясность взгляда, непреклонность и твердость воли, строгое уваженіе къ закону и умѣніе повелѣвать, вылившіяся впоследствии въ эпическій образъ прирожденнаго Самодержца.

Прежде всего остановимся на тѣхъ чертахъ, которыми юноша отдавалъ дань своему возрасту. Начнемъ со способности легко предаваться изъ за пустяковъ вспышкамъ досады, острота которыхъ скрашивалась добродушіемъ и юморомъ.

Нѣкоторыя рѣзкости въ отзывахъ, попадающіяся въ запискахъ Великаго Князя къ Ушакову, простительны, если вспомнить ту восторженную влюбленность къ своей игрушкѣ-ротѣ, которою дышатъ всѣ записки Великаго Князя Николая; поэтому понятно, что всѣ недочеты юноша принималъ слишкомъ близко къ сердцу.

Молодость и малорослость пажей, вновь вступившихъ въ роту, вызываетъ комическую бутаду: „нѣтъ братецъ, что это за дрянъ къ намъ навалили, все дѣти, это не Лопухины, не Адлерберги, а особливо не Пуціны 1-е“.

Физическіе недостатки пажей, какъ портившіе строй любимой роты Великаго Князя, бросались ему въ глаза: „скажи, когда ты за нами шель по набережной, кто это шель намъ на встрѣчу косолапый пажъ“, пищеть онъ Ушакову. Иногда досаду на наличность въ ротѣ неприятныхъ ему пажей юноша выражалъ чисто дѣтскими вспышками гнѣва: „скажитко, что К. вашъ не сынъ ли Павловскаго, этой чучелы, которую бы надобно было бы запречь на мѣсто иноходца въ сани. Что за несчастье какое постигло насъ, что мы должны сына его имѣть товарищемъ“; или же „Анрепъ, что за гусь, ей-ей онъ той породы“.

Сестры Кашеръ-Потанинъ Матвеевы, что она находится
что они зоватъ и не проворны; сообщено когда не
спрашивать шаль тогда или не свивать, или шаль
шляпа обвѣтъ, стогать сапогами и шпоролами и какъ
бешевые берать не знаа сама куда, что въ надѣтъ
на извѣроть шаль; Это егеев братъ туркаты
не мочтъ. Емокъ.

Сего 12го ноября,
1813го

М.В.Р.М. К.
Пашинъ г.г.

Въ запискахъ къ Ушакову много образцовъ болѣе добродушнаго проявленія юмора Великаго Князя.

Приведемъ обращеніе въ родѣ:

„Знаешь ли что, я чуть было не узналъ тебя въ твоей насаленной головѣ въ воскресенье; ахъ что за фигура!“ или „мучаюсь раздѣлить нашихъ кое-какъ на нашъ манеръ“. Въ другомъ же мѣстѣ: „какъ вы (одинъ) за всю Л. Г. Д. Р. драли кожу съ Французовъ ¹⁾), то и Его Величество въ вознагражденіе за услуги жалуется васъ въ Квартер-мистры Л. Г. Д. Р.;“ и наконецъ: „я ужъ тебя произвелъ въ послѣдней запискѣ, примѣтилъ ли ты? Что братъ любо, служить съ нами; поятъ, кормятъ, дарятъ, и все тутъ; а намъ то братъ ни чего, производства нѣтъ!“—фраза, указывающая на то, что лишь Великіе Князья не получали отъ своей службы никакихъ преимуществъ.

Особеннымъ же юморомъ отличается картина, вѣрнѣй карикатура, на неловкихъ пажей Императрицы Маріи Ѳеодоровны въ запискѣ отъ 12-го Ноября 1813 года: „Скажи Камеръ-Пажамъ Матушки, что она жалуется что они зѣваютъ и не проворны; особливо когда спросить шаль тогда или не слышать, или хлопъ шляпу обзѣмъ, стучать сапогами и шпорами и какъ бешеные бегутъ не зная сами куда, чтобъ надѣть на изъворотъ шаль; это сдѣсь братъ терпѣть не могутъ“.

Приведенные образцы могутъ служить къ характеристикѣ простыхъ и задушевныхъ отношеній Великаго Князя къ Ушакову. Послѣднему хотя и попадало иногда за какія-либо неисправности, и хотя Великій Князь иногда рѣзко обращался къ нему съ замѣчаніями въ родѣ: „что ты братъ навралъ“, но за то не скупился на благодарность за всякую работу, ласково называя Ушакова другомъ и заканчивая записки радушнымъ „чмокъ“. Одна же записка дышетъ рѣдкою сердечностью: „Дружокъ пишитъ—ко мнѣ въ тѣ дни въ которые Папа ²⁾) у меня дежурный, и присылай всегда ко мнѣ письмо въ вечеру съ лакеемъ который Папушичку раздѣваетъ, и такимъ образомъ онъ дастъ письмо Папинькѣ, а Папа мнѣ. Чмокъ“.

Съ своей стороны Ушаковъ присылалъ Великому Князю рапорты,

Всѣ извлеченія изъ документовъ Л. Гв. Дворянской роты, помѣщенные въ текстѣ, переданы съ сохраненіемъ орѳографіи.

¹⁾ Какъ офицеръ Л.-Гв. Егерскаго полка подпоручикъ Ушаковъ принималъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ 1812 г.

²⁾ Т. е. отецъ подпоручика Ушакова—полковникъ Ушаковъ, дежурившій при Великому Князѣ въ качествѣ «кавалера», т. е. воспитателя.

имѣющіе заголовокъ: „Лейбъ-Гвардіи Дворянской роты Г^ну Штабсъ-Капитану Романову 3-му, Фельдфебеля Ушакова, Рапортъ“, гдѣ Великій Князь неизмѣнно титуловался „Благородіемъ“, а рапорты неизмѣнно подписывались „Фельдфебель Ушаковъ“. Кромѣ того сохранилась записка, начинающаяся съ обращенія „Ваше Высочество“ и подписанная „Вашъ подданный слуга Алексѣй Ушаковъ“.

Наиболѣе официальную часть переписки Л.-Гв. Дворянской роты составляли приказы, которые отдавались Великимъ Княземъ Николаемъ, за подписью „Штабсъ-Капитанъ Романовъ 3“, болѣею частью отъ своего имени, но нѣкоторые отдавались и отъ имени Государя. Сюда относились не только приказы о производствѣ служившихъ въ ротѣ пажей въ офицеры и квартирмейстры роты, но также и о назначеніи чиновъ роты въ командировки, объ увольненіи ихъ въ отпуска, о разслѣдованіи „дурачествъ“ пажей, по вопросамъ о постройкѣ обмундированія для роты и т. д.

Нѣкоторые изъ приказовъ этого рода свидѣтельствуютъ о томъ, что Государь возлагалъ на своего юнаго брата разрѣшеніе довольно отвѣтственныхъ и серьезныхъ вопросовъ по внутреннему быту роты. Такъ, приказъ отъ 2-го Декабря 1812 года гласитъ:

„Его Императорское Величество указать соизволилъ слѣдующее.

„Узнавъ чрезъ Генерала Клингера, что въ Пажескомъ Корпусѣ сдѣлано было большее дурачество; приказалъ мнѣ непременно узнать что это; и кто виноватые; извольте черезъ 24 часа по полученіи письма разобрать дѣло и рапортовать. Но ежели же вы не исполнитѣ во всей точности приказанное вамъ то къ сожаленію долженъ буду васъ смѣнить.

„Итакъ не теряя времени примитесь за дѣло; виноватые будутъ судимы военнымъ закономъ нашимъ; и Его Величество нарядить изволилъ для сего Нашего Капитана, Ш. -К. Клингенберга и меня“.

Въ отвѣтъ на это фельдфебель Ушаковъ рапортомъ отъ 8-го Декабря донесъ въ достаточно лаконической формѣ: „Ваше Благородіе приказаніе ваше исполнено. Г-нъ Штабсъ-Капитанъ Клингенбергъ разобралъ дѣло которое вы приказали судить правые оправданы, а виноватые наказаны“.

Отвѣтъ фельдфебеля Ушакова на грозный приказъ Августѣйшаго штабсъ-капитана показываетъ, насколько правильно поставлена была

служба въ Л.-Гв. Дворянской ротѣ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда Великій Князь по молодости брался за исполненіе возложенныхъ на него порученій съ чрезчуръ большимъ рвеніемъ, его ближайшіе сотрудники-руководители умѣли свести на нѣтъ слишкомъ крупный размахъ юнаго начальника, не соотвѣтствовавшій важности обстоятельствъ.

Былъ и другой случай, когда Августѣйшій полувзводный командиръ, будучи роднымъ братомъ Государя и близко принимая къ сердцу дѣла Л.-Гв. Дворянской роты, все же имѣлъ далеко не точныя свѣдѣнія по вопросу весьма важному для его юныхъ сослуживцевъ. Такъ 13-го Января 1813 г. онъ писалъ Ушакову: „Я скажу Вамъ, что на вѣрное nebudeтъ выпуску ибо и Клиндеръ и Гогель; мнѣ сказывали педели съ двѣ тому назадъ что не только нынѣшняго, но даже и черезъ два года, некого будить производить въ Камеръ-Пажи, а темъ мѣнѣе и въ Офицѣры“, а уже 13-го Юня того же года 22 пажа были произведены въ офицеры, о чемъ и было отдано въ приказѣ по ротѣ ¹⁾).

Подобныя недоразумѣнія, всегда возможныя, конечно не лишали юношу его авторитета, къ которому прибѣгали его сотрудники въ нѣкоторыхъ затруднительныхъ случаяхъ. Такъ, вернувшійся въ роту изъ отпуска фельдфебель Ушаковъ пишетъ 26-го Января 1813 года: „Явившись при пріѣздѣ Лейбъ - Гвардіи въ дворянскую роту, по приказанію Вашего Благородія принялъ всѣ бумаги отъ исправляющаго фельдфебельскую должность Пажка Ушакова 2-го. Нашелъ Канцелярію въ безпорядкѣ и приказавъ оному Ушакову 2-му исправно доставлять мнѣ рапорты о перемѣнахъ и экстранностяхъ случающихся во внутренности команды получилъ отъ него грубой отзывъ будто ему нѣтъ время. О чемъ Вашему Благородію имѣя честь донести почтѣннѣйше ожидать буду разрѣшеніе“.

Случай съ дурачествомъ пажей показываетъ, съ какимъ рвеніемъ и горячностью, но вмѣстѣ съ тѣмъ съ какою точностью и неуклонностью юноша исполнялъ данныя ему порученія; строгій къ себѣ уже съ этихъ лѣтъ, Великій Князь Николай Павловичъ былъ требователемъ къ другимъ, неуклонно и неумолимо требуя педантичнаго и точнаго исполненія обязанностей и порученій.

¹⁾ Выпуски изъ пажей въ офицеры были ежегодно, а потому слова Великаго Князя представляются нѣсколько загадочными; документальныхъ данныхъ, разъясняющихъ причины ихъ противорѣчія съ дѣйствительностью, розыскать не удалось, но можно предположить, что говорилось объ ускоренномъ выпускѣ пажей по случаю войны.

Кромѣ приведеннаго типичнаго приказа о „дурачествахъ“ пажей, о твердости и непреклонности юноши свидѣтельствуютъ другіе указы. Слогъ ихъ, не допускающій возраженій и требующій немедленнаго и точнаго исполненія—„къ сему тотъ - часъ же по полученіи сего и приступить“, „извольте отдать приказъ Фельдвобелю, рапортовать вамъ чаще“, или, наконецъ, въ приказѣ Ушакову: „за не исправность въ присылкѣ списка дежурныхъ пажей 3го Февраля; и за редкое присыланіе рапортовъ; отъ имени Капитана дѣлаю Вамъ выговоръ; съ прибавкой что ежели въ предъ случится опять, то будете лишены должности“— является прекраснымъ матеріаломъ для характеристики Августѣйшаго полувзводнаго командира.

Его Императорское Высочество Великій Князь
НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧЪ.

Съ рис. Кипренскаго.

Грав. Е. Скотниковъ.

На ряду съ

такую категоричность и суровость Великаго Князя ярко проявляется уваженіе къ закону: „за чемъ посадили Фельдвобеля подъ караулъ, это противъ ротныхъ законовъ; выпустить сей часъ, и наказать какъ должно если онъ виноватъ“,—пишетъ юноша въ приказѣ отъ 9-го Февраля 1813 г.

Не смотря на свою молодость, Великій Князь Николай оказался заботливымъ, распорядительнымъ и предусмотрительнымъ начальникомъ.

Заботясь о здоровьи своихъ подчиненныхъ, Великій Князь 24-го Января 1813 года отдалъ приказъ квартирмейстеру роты:

„По случаю прилипчивыхъ болѣзней, находящихся въ городѣ; принять слѣдующія мѣры, по Высочайшему повелѣнію.

1. Курить смолой.

2. Надѣть всѣмъ рядовымъ, унтеръ-офицѣрамъ, и музыкантамъ чеснокъ въ мешечкахъ на шеѣ.

Причемъ смотрѣть за симъ препоручается вамъ“.

Съ рѣдкою осторожностью и предусмотрительностью относился Августѣйшій штабсъ-капитанъ къ выбору своихъ сотрудниковъ — унтеръ-офицеровъ роты.

Характерны его доводы о неудовлетворительности представляемыхъ кандидатовъ: „что меня очень удивляетъ, есть то“, пишетъ юноша фельд-фебеля Ушакову, „что вы выбрали В. скаго и Ушакова; это невозможно; ибо В. скій суцїй разгильдй, а притомъ такъ нечистъ, грубъ и молодъ, что непонимаю какъ онъ попалъ въ Камеръ-пажи. А Ушакова, потому что ни когда не дежурить, и что мы его еще не разобрали; итакъ Л. Г. Д. Р. nebudeтъ на время имѣть Фельд-вебеля; а въ Портупей-прапорщики нарядить старшаго Камеръ-Пажа“.

Въ другой запискѣ къ Ушакову Великій Князь пишетъ: „По общему выбору не смотря на старшенство; фельдвебеля должность отправлять Лопухину, а Портупей-Прапорщика Хомутову“.

Всѣ подготовительныя работы по личному составу роты Великій Князь бралъ на себя. „Я мучусь раздѣлить нашихъ кое-какъ на нашъ манеръ“, пишетъ онъ Ушакову, „осю пору еще не кончилъ; когда все будетъ готово такъ и пришлю къ тебѣ списать; да каждое отдѣленіе особо; смотри не ошибись пожалуй. Фельдвебелемъ будетъ не-премѣнно К. Долгорукій; а портупей-прапорщикомъ Г. Зубовъ. Въ прочемъ все по прежнему; ежели К. Багратіонъ ходитъ у васъ въ строй, то онъ будетъ 2^{мъ} старшимъ барабанщикомъ; а по старшинству тамбуръ-маіоромъ Алсуфіевъ“.

Почти во всѣхъ приказахъ и запискахъ къ Ушакову попадаются напоминанія и просьбы о высылкѣ списковъ пажей, что также весьма рельефно подтверждаетъ горячій интересъ Великаго Князя къ личному составу Л.-Гв. Дворянской роты.

Много работая самъ, Великій Князь часто торопилъ и понуждалъ своихъ помощниковъ. Рядъ приказовъ Великаго Князя свидѣтельствуетъ

о томъ: „рапорты же присылать мнѣ черезъ него (Ушакова). Къ чему тотъ-часъ по полученіи сего и приступить“; „Господинъ Квартермистръ! извольте отдать приказъ Фельдфебелю, рапортовать вамъ чаще; и присылайте мнѣ ихъ во всяко дежурство нашего Капитана“, или: „за неисправность въ присылкѣ списка дежурныхъ пажей 3го Февраля; и за редкое присыланіе рапортовъ; отъ имени Капитана дѣлаю вамъ выговоръ“, и наконецъ: „Мы ѣдимъ въ Павловскъ; такъ прекратить рапорты; а каждую неделю въ воскресенье присылай недѣльный обстоятельный рапортъ“.

Послѣдній приказъ доказываетъ, что и въ разлукѣ съ ротою юноша не переставалъ думать и заботиться о ней, требуя постоянныхъ и регулярныхъ сообщеній объ ея жизни.

О начальнической распорядительности и предусмотрительности Великаго Князя свидѣтельствуетъ также рядъ приказовъ и распоряженій по Л.-Гв. Дворянской ротѣ, касающихся несенія этою ротою разнаго рода карауловъ и нарядовъ.

Здѣсь надо отмѣтить, что свою службу рота несла при особо почетныхъ условіяхъ. Такъ фельдфебель Ушаковъ 12-го Января 1813 г. доноситъ Великому Князю Николаю: „Дежурство Л: Г: Д: Р: при тѣлѣ Принца было отказано ибо наша Рота бываетъ только тогда, когда бываетъ Царская Фамилія“. Дѣйствительно, рота занимала караулы лишь во дворцахъ, при чемъ оба юныхъ Великихъ Князя несли обязанности караульныхъ начальниковъ, наравнѣ съ другими офицерами роты.

Кромѣ несенія карауловъ въ Петербургѣ во дворцахъ, въ очередь съ другими войсками, преимущественно въ праздничные дни, какъ о томъ свидѣлствуютъ слова Великаго Князя въ запискѣ къ Ушакову: „у насъ кромѣ праздниковъ карауловъ нѣтъ“, рота занимала караулы въ Павловскѣ во время пребыванія тамъ юныхъ Великихъ Князей и ихъ Августѣйшей матери. Объ этомъ сохранилось приказаніе Ушакову: „Его Императорское Величество указать соизволилъ по причинѣ отъѣзда Ея Импера: Величес: Госу: Импе: Маріи Ѳеодоровны въ Павловскъ, выступить оставшейся полуротѣ за день до отъѣзда ея также въ оное мѣсто. Что сообщая вамъ приказываю увѣдомить всѣхъ особъ принадлежащихъ къ оной“, и приказъ: „Л. Г. Д. Р. будетъ содержать ежедневно караулъ изъ 1 унтеръ-офицѣра и 10 рядовыхъ, надъ парадною лѣстницѣю во дворцѣ. Квартіры Л. Г. Д. Р.“

въ бывшей крѣпостѣ Бибсѣ. Знамя остается въ казначействѣ Пажескаго корпуса. Ротѣ выступить Параднымъ маршемъ изъ корпуса и дойдетъ такимъ образомъ до Московской заставы сѣсть на подводы“.

Всѣ распоряженія о караулахъ и другихъ нарядахъ исходили отъ Великаго Князя и замѣчательны по точности и предусмотрительности всѣхъ данныхъ въ нихъ указаній.

О нарядѣ въ Новогодній караулъ 1-го Января 1813 года сохранился приказъ отъ 28 -го Декабря, гласящій: „1го Числа Генваря 1813го года по утру въ 9 часовъ отдѣленіе Романова 4го вступить въ караулъ въ зимній дворецъ, въ комнатѣ верхняго гвардейскаго пѣхотнаго пикета; въ 6 часовъ вечера онъ возвратится въ казармы; быть въ новыхъ мундирахъ, безъ ранцовъ, флягъ, котловъ и шинелей“.

О караулѣ въ сочельникъ Рождества 1813 года и на первый день праздника тоже сохранился приказъ отъ 23-го Декабря, послѣдній изъ всѣхъ датированныхъ.

„Л. Г. Д. Р. имѣть караулъ 24го числа въ обыкновенной Конно-гвардейской комнатѣ до окончанія обѣдни, 25го числа караула не имѣть а въ Казанскую послать 6 Унтеръ-офицѣровъ, и 12 рядовыхъ для внутреннихъ постовъ. При нихъ быть Штабсъ-Капитану дежурному“.

О другомъ нарядѣ въ то же мѣсто сохранился не датированный приказъ: „По случаю молебна въ Казанской Его Императорское Величество указать соизволилъ Л. Г. Д. Р. быть въ караулѣ въ оной въ новыхъ мундирахъ“.

Особенной же подробностью отличаются приказы конца 1812 и начала 1813 года о нарядахъ отъ роты въ Петровскую кирку для отданія почестей тѣлу почившаго принца.

Приказы о томъ Великаго Князя настолько обстоятельны, что приводимъ ихъ.

Первый отъ 28-го Декабря 1812 года гласитъ:

„Въ тотъ же день (1-го Января) въ вечеру въ 9 часовъ; взводъ 1^й, Л. Г. Д. Р., идетъ въ Петровскую кирку; стать карауломъ у воротъ; караульня отведена будетъ въ кирочномъ домѣ; ставить часовыхъ: два у воротъ, 2 у дверей кирки, 2 унтеръ-офицера у дверей въ нутри. Нарядить: Оберъ-Офицеровъ 2, Штабсъ-Капитановъ Клингенберга и Дитрикса. Унтеръ-Офицеровъ 7, Барабанщиковъ 2, Флейшиковъ 1, Рядовыхъ 60, и того 72. Прежній приказъ отмѣненъ“.

Во второмъ и третьемъ приказахъ (оба отъ 7-го Января 1813 г.) значится—во второмъ: „Въ 6 часовъ взводъ Клингенберга пойдетъ въ Петровскую кирку. Стать въ самой церквѣ, въ доль стѣнь до олтарной решетки; держать съ плеча, офицеры шпаги въ пожнахъ, у самой решетки; унтеръ-офицеры у дверей два, а прочіе при своихъ капральствахъ; барабанщики и флейщикъ въ другой компатѣ; шапки снимать“; и въ третьемъ: „Смена пойдетъ во всѣ сін дни въ 8^{мѣ} часовъ утра. Стоять по предписанному; только 10го числа; когда подымуть тѣло чтобъ нести къ могилѣ; то падѣтъ шапки взять на плечо, а офицеры шпаги вонъ и стануть у самой могилы. Когда начнутъ опускаться; то дѣлать на караулъ. Потомъ возвратиться въ корпусъ когда уже вся публика выдетъ“.

Получавшій эти распоряженія Ушаковъ дописалъ 24-го Декабря: „... Тѣло покойнаго Принца будетъ привезено, то день и ночь по четыре нашихъ рядовыхъ будутъ стоять у гроба и смѣна будетъ всякія два часа, также и Кам:-паж: будутъ дежурить по смѣнно. Впрочемъ ваше благородіе, все будетъ исправно и такъ какъ надлѣжитъ при таковомъ случае. Всѣ наряды сдѣланы и флеръ закупленъ и суммы Экономической главной канторы“.

12-го Января Ушаковъ донесъ, что дежурствамъ роты у тѣла принца отказано, ибо эта рота бываетъ только тогда, когда бываетъ Царская Фамилія.

Для полноты и законченности картины службы и нарядовъ Л.-Гв. Дворянской роты приведемъ всю переписку объ одномъ изъ такихъ нарядовъ, а именно на 15 Сентября 1811 года.

Сентября 15-го дня 1811 года отъ Лейбъ Гвардіи Дворянской Роты нарядъ въ караулъ.

		Унт.- офицеры.	Рядо- вые.	Музы- канты.
На Главную Гоубвахту	Штабсъ-Капитанъ Романовъ 3-й	3	50	2
На каменный островъ	Штабсъ-Капитанъ Клингенбергъ	3	30	1
Въ Пажескій корпусъ	—	1	12	—
Въ кавалергардскую залу, во дворцѣ	—	2	16	—
Въ театръ	Порутчикъ Романовъ 4-й	2	12	—
На вѣсти къ Государю Импер.	—	1	1	—

Л. Г. Д. Р. Штабсъ-Капитанъ Романовъ 3-й.

Сентября 15го дня. 1811го года.

Отъ Лейбъ Гвардіи Дворянской Роты
Капитану Ушакову дневной Рапортъ.

По списку состоятъ:

Офицеровъ	5
Унтеръ-офицеровъ	17
Рядовыхъ	124
Музыкантовъ	3

Въ расходѣ:

	Унт.	Ряд.	Муз.	Нестр.
Въ командировкѣ	1	3	0	0
Въ лазаретѣ . . .	1	2	1	0
Въ околлодкѣ . . .	0	1	0	1
На лицо	15	118	2	2

Въ должности Ротнаго Фельдфебеля
Лейбъ Гвардіи Егерскаго Полка
Подпоручикъ *Ушаковъ*.

Вашему Императорскому Высочеству
Рапортъ.

Л. Г. Д. Р. чинамъ, бывшимъ въ парадѣ, въ караулѣ и на лицо
отъ Л. Г. Д. Р. Капитана Ушакова.

въ С^{тѣ} Петербургѣ, Сего 15го числа, Сентября, 1811го года.

Сего 15го Сентября 1811го года.

Офицеровъ	5	1		1		3
Унтеръ-офицеровъ	15	3		1	2	9
Музыкантовъ	8	2		2		4
Рядовыхъ	120	30	10	20	10	60
и того	148	36	11	25	11	76

въ зимнемъ дворцѣ Штабсъ-Капитанъ Романовъ 3-й.
въ каменноостровскомъ ————— Клингенбергъ.
Л. Г. Д. Р. Капитанъ *Ушаковъ*.
въ Должности ротнаго Фельдфебеля, Л. Г. Е. п. Подпору: *Ушаковъ*.

Прежде чѣмъ закончить описаніе Л.-Гв. Дворянской роты, коснемся того обмундированія, которое создалъ для нея Великій Князь, что интересно и въ томъ отношеніи, что избранный имъ образецъ формы очевидно долго и сильно интересовалъ его, такъ какъ во всѣхъ его рисункахъ и гравюрахъ, какъ одноцвѣтныхъ, такъ и раскрашенныхъ акварелью (нынѣ хранящихся въ Собственной Его Величества библиотекѣ), изображена, за малыми вариантами, та же форма и тѣ же цвѣта, которые были присвоены Л.-Гв. Дворянской ротѣ, а именно: темно-зеленый мундиръ съ голубымъ лацканомъ, чакчиры съ серебряными лампасами и медвѣжьи шапки, по образцу наполеоновскихъ гренадероѣвъ. Тѣ же цвѣта: основной—темно-зеленый и прикладные—голубой и серебряный, повторяются на всѣхъ рисункахъ Великаго Князя.

О томъ, что рота дѣйствительно имѣла особое обмундированіе, свидѣтельствуетъ приказъ по ротѣ отъ 30-го Марта 1813 года, гласившій:

„Его Императорское Величество указать изволилъ следующее:

„Въ силу указа объ основаніи Л. Г. Д. Р., 5го Сентября 1810го года строить новые мундиры и панталоны на всю роту; но за дороговизной ни кивероѣвъ, ни шапокоѣвъ, ни каскетоѣвъ походныхъ, ни всякой другой новой амуниціи не строить а сумму назначенную для оной надо оставить у военнаго министра“.

Существованіе особой формы у чиновъ роты подтверждаетъ и приказъ по ротѣ отъ 27-го Декабря 1812 года, которымъ ротѣ предписано: „быть въ новыхъ мундирахъ, безъ ранцоѣвъ, флягоѣвъ, котлоѣвъ и шинелей“ и не датированный: „По случаю молебна въ Казанской Его Императорское Величество указать соизволилъ Л. Г. Д. Р. быть въ караулѣ въ оной въ новыхъ мундирахъ“.

Правда, по этому поводу сохранилась переписка—рапортъ Ушакова отъ 27-го Декабря 1812: „По приказанію вашему чтобъ у нашихъ Солдатоѣвъ были бы новые меховые шапки для Крещенскаго параду то изъ главной ротной суммы не возможно ибо у насъ мало денегъ по причинѣ лѣтнихъ передѣлоѣвъ во всѣхъ козармахъ, и такъ ваше благородіе, слѣдуетъ представить сіе Его И: В: шефу и по его приказанію дѣйствовать. А я ваше благородіе буду на ето дожидать отвѣта;“ и загадочный отвѣтъ Великаго Князя: „что ты братъ навралъ въ рапортѣ 27го числа; я отъ-роду не писалъ тебѣ

Три казв.

Его Императорское Величество оказало израильтянам
следующее:

В силу указа объ основаниях А. Т. Д. Р.
5.го Сентября 1810.го года; открыты были
школы и патшалы на всю Россию, но за
дородовизкою ни киверов, ни шапок, ни каски
мод

подобиев, ни в какой другой новой амби-
ции не строить а своим собственным
днем свои надо оставить а вечною мне
трус.

(На подлинном подписано так)

Сего 29го марта 1913 года
всенобщ. Министр в.
К. Горчаков 1.

А. Т. Д. Р. Ш. К. Горчаков 1913

что-либо объ медвежьихъ шапкахъ; экая пустошь; не выдумвай отъ себя ни чего; а отвѣчай на мои письма“.

Но очевидно, что здѣсь идетъ рѣчь о шапкахъ новаго измѣненнаго образца или, по крайней мѣрѣ, новой заготовкѣ, такъ какъ сомнѣнія въ существованіи шапокъ отпадаютъ при чтеніи приказовъ отъ 7-го и 21-го Января 1813 года, гдѣ упоминаются шапки, тогда какъ головнымъ уборомъ пажей въ то время были лишь треугольныя шляпы, и шапки могли очевидно быть присвоенными только Дворянской ротѣ.

Приведеннымъ описаніемъ обмундированія Л.-Гв. Дворянской роты закончимъ посвященныя ей страницы.

Существованіе свое Л.-Гв. Дворянская рота закончила въ началѣ 1814 года съ отъѣздомъ Великихъ Князей Николая и Михаила за границу.

Предпоследній изъ датированныхъ приказовъ Л.-Гв. Дворянской роты отъ 21-го Декабря 1813 года гласитъ:

„Его Императорское Величество: Государь Императоръ въ Присутствіи своемъ сегодня въ Карлсруэ, изволилъ указать слѣдующее:

Л. Г. Д. Р. штабсъ-капитанамъ Романову 3^{му} и 4^{му} состоять въ корпусѣ Графа Витгенштейна“.

Генераль-адъютантъ
ПЕТРЪ ПЕТРОВИЧЪ
КОНОВНИЦЫНЪ.
Съ русской гравюры 1812 года

Впервые юные Великіе Князья Николай и Михаил Павловичи появились въ рядахъ русской арміи весною 1814 года. Генераль-адъютантъ Петръ Петровичъ Коновницынъ, назначенный Императоромъ Александромъ состоять при Великихъ Князьяхъ на время военныхъ дѣйствій, былъ посланъ къ нимъ навстрѣчу, но, благодаря дурнымъ дорогамъ, снѣжнымъ заносамъ, весенней распутицѣ, а, главное, стараніямъ Ламсдорфа затянуть путешествіе, оно со-

Пребываніе Великаго Князя Николая Павловича при арміи въ 1814 году, и послѣдующая его дѣятельность до назначенія Генераль-Инспекторомъ по Инженерной части.

вершалось съ такою медленностью, что Великіе Князья не успѣли къ рѣшительному моменту кампаніи 1814 года.

Императоръ Александръ, рѣшившись предпринять движеніе къ Парижу, 27-го Марта лично приказалъ капитану Преображенскаго полка Клейнмихелю, взявъ нѣсколько казаковъ, отправиться по дорогѣ на Шомонъ и Лангръ навстрѣчу Великимъ Князьямъ Николаю и Михаилу Павловичамъ и передать имъ повелѣніе Государя возвратиться

Великій Князь НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧЪ.

Съ портрета Вольфа. Берлинская гравюра Болингера. 1815 г.

въ Базель, чтобы тамъ ожидать дальнѣйшихъ повелѣній. Клейнмихель встрѣтилъ Ихъ Высочества въ Везулѣ и своевременно передалъ Высочайшее повелѣніе.

Свое пребываніе за границей Августѣйшіе юноши, а въ особенности Великій Князь Николай Павловичъ, старались использовать для изученія постановки военнаго дѣла въ иностранныхъ государствахъ, при чемъ они не ограничивались одною вахтъ-парадной стороной, а изу-

чали учрежденія, посѣщали госпитали, дома инвалидовъ, знакомились на мѣстѣ съ существомъ сраженій великой Наполеоновской эпопеи.

Пребываніе въ Парижѣ ознаменовалось сближеніемъ Великаго Князя съ Паскевичемъ, въ воспоминаніяхъ котораго о 1814 годѣ сохранилась объ этомъ слѣдующая записъ:

„Въ Парижѣ начались, какъ въ Петербургѣ, гвардейскіе разводы, и мы изъ гренадерскаго корпуса поочередно туда ѣзжали. Въ одинъ изъ сихъ разводовъ Государь, увидавъ меня, подозвалъ и совершенно неожиданно рекомендовалъ меня Великому Князю Николаю Павловичу. „Познакомься“, сказалъ Онъ ему, „съ однимъ изъ лучшихъ генераловъ Моей арміи, котораго Я еще не успѣлъ поблагодарить за его отличную службу“. Николай Павловичъ послѣ того постоянно меня звалъ къ себѣ и подробно разспрашивалъ о послѣднихъ кампаніяхъ. Мы, съ разложенными картами, по цѣлымъ часамъ вдвоемъ разбирали всѣ движенія и битвы 12-го, 13-го и 14-го годовъ. Я часто у него обѣдывалъ, и когда за службою не могъ у него быть, то онъ мнѣ потомъ говорилъ, что я его опечалилъ. Этому завидовали многіе и стали говорить въ шутку, что онъ въ меня влюбился. Его нельзя было не полюбить. Главная его черта, которой онъ меня привлекъ къ себѣ, это прямота и откровенность. Брата Михаила Павловича онъ любилъ, но къ серьезнымъ разговорамъ не допускалъ, да и тотъ ихъ не долюбливалъ... На балу у Талейрана Государь и Прусскій Король подошли ко мнѣ, поздоровались, и Государь поздравилъ меня съ только что полученною Александровскою лентою.

„Генеральъ вполнѣ ее заслужилъ“, сказалъ Прусскій Король.

На это Государь, обратившись, сказалъ мнѣ по-французски:

„Знаки ордена Св. Александра Невскаго—лишь слабое свидѣтельство Моего уваженія къ вамъ и заслугамъ вашимъ“.

„Я и не подозрѣвалъ, что нахожусь въ такой милости. Передъ этимъ баломъ Николай Павловичъ, узнавъ, что мнѣ пожалована Александровская лента, попросилъ позволенія пріѣхать ко мнѣ и привезти эту ленту. Государь ему позволилъ у меня быть, но ленту не дали, а прислали съ курьеромъ. Великій Князь у меня обѣдалъ и провелъ почти весь день. Я сказалъ ему, что очень бы хотѣлъ представить ему всѣхъ моихъ генераловъ и полковыхъ командировъ, которыхъ рекомендовалъ наилучшимъ образомъ. Великій Князь былъ съ ними откровенно любезенъ и

прямотою своего обращенія обворожилъ ихъ. Они меня за это очень благодарили“¹⁾.

Впервые въ торжественной обстановкѣ Великіе Князья появились передъ строемъ русской арміи 29 Августа (10 Сентября) 1814 года во время знаменитаго смотра при Вертю, происходившаго въ присутствіи несмѣтнаго числа иностранцевъ, при чемъ во время церемоніальнаго марша Императоръ Александръ лично предводительствовалъ арміей и салютовалъ союзнымъ монархамъ. Въ этотъ день Николай Павловичъ командовалъ второй бригадой третьей гренадерской дивизіи и впервые обнажилъ шпагу передъ Фанагорійскимъ гренадерскимъ полкомъ, а Михаилъ Павловичъ находился во главѣ конной артиллеріи.

Генераль-адъютантъ Коновницынъ успѣшилъ донести Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ объ участіи Великихъ Князей на смотру 29-го Августа и въ письмѣ отъ 31-го Августа писалъ, что Великіе Князья „сей день, командуя своими частями наилучшимъ образомъ, приобрѣли истинное уваженіе отъ войскъ, имъ подчиненныхъ, исправностію въ командѣ, кротостію и снисхожденіемъ ко всѣмъ чинамъ. Намъ всѣмъ пріятно было видѣть Великихъ Князей нашихъ въ первый разъ передъ побѣдоноснымъ россійскимъ воинствомъ на равнинахъ Шалонскихъ. Да благословить Всевышній путь ихъ къ славѣ и къ благоденствію народовъ, радующихся доблестямъ Князей своихъ; я по истинѣ, Ваше Величество, могу засвидѣтельствовать, что Ихъ Высочества обхожденіемъ своимъ приобрѣтаютъ какъ отъ нашихъ, такъ и отъ иностранныхъ общую похвалу“.

Въ то время гренадерскимъ корпусомъ командовалъ Алексѣй Петровичъ Ермоловъ. Черезъ 12 лѣтъ Николай Павловичъ, будучи уже Императоромъ, вспомнилъ объ этомъ эпизодѣ изъ смотра при Вертю и, при началѣ столкновенія съ Персіей, въ 1826 году, писалъ Ермолову: „Былъ бы Николай Павловичъ прежній человекъ, можетъ быть явился къ вамъ, у кого въ командѣ въ первый разъ извлекъ изъ ноженъ шпагу; теперь остается Миѣ ждать и радоваться извѣстіямъ о вашихъ подвигахъ и награждать тѣхъ, которые привыкли подъ начальствомъ вашимъ пожинать лавры“²⁾.

¹⁾ Кн. Щербатовъ, «Генераль-Фельдмаршалъ кн. Паскевичъ». СПб. 1888 г., т. I, стр. 250.

²⁾ «Записки Алексѣя Петровича Ермолова». Москва 1868 г., ч. II, стр. 214.

Въ послѣдующіе годы, какъ уже было сказано выше, Великій Князь, продолжая свое теоретическое военное образованіе, со страстью предался излюбленному военному дѣлу, аккуратно посѣщая ученія, разводы, маневры, госпитали, арсеналы, разбивки новобранцевъ и т. п.

Великій Князь НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧЪ
въ формѣ Сѣверскаго Конно-егерскаго полка.
Съ карт. Кипренскаго. Гатчинскій дворецъ.

Во время своего путешествія по Россіи въ 1816 году Великій Князь Николай Павловичъ велъ особый журналъ „по части военной“, въ который записывалъ все, что обращало на себя его вниманіе въ области постановки военнаго дѣла въ провинціи.

Баронъ Корфъ замѣчаетъ ¹⁾, что въ этомъ журналѣ „все почти

¹⁾ Сборн. Импер. Русск. Истор. Общ. т. 98, стр. 46.

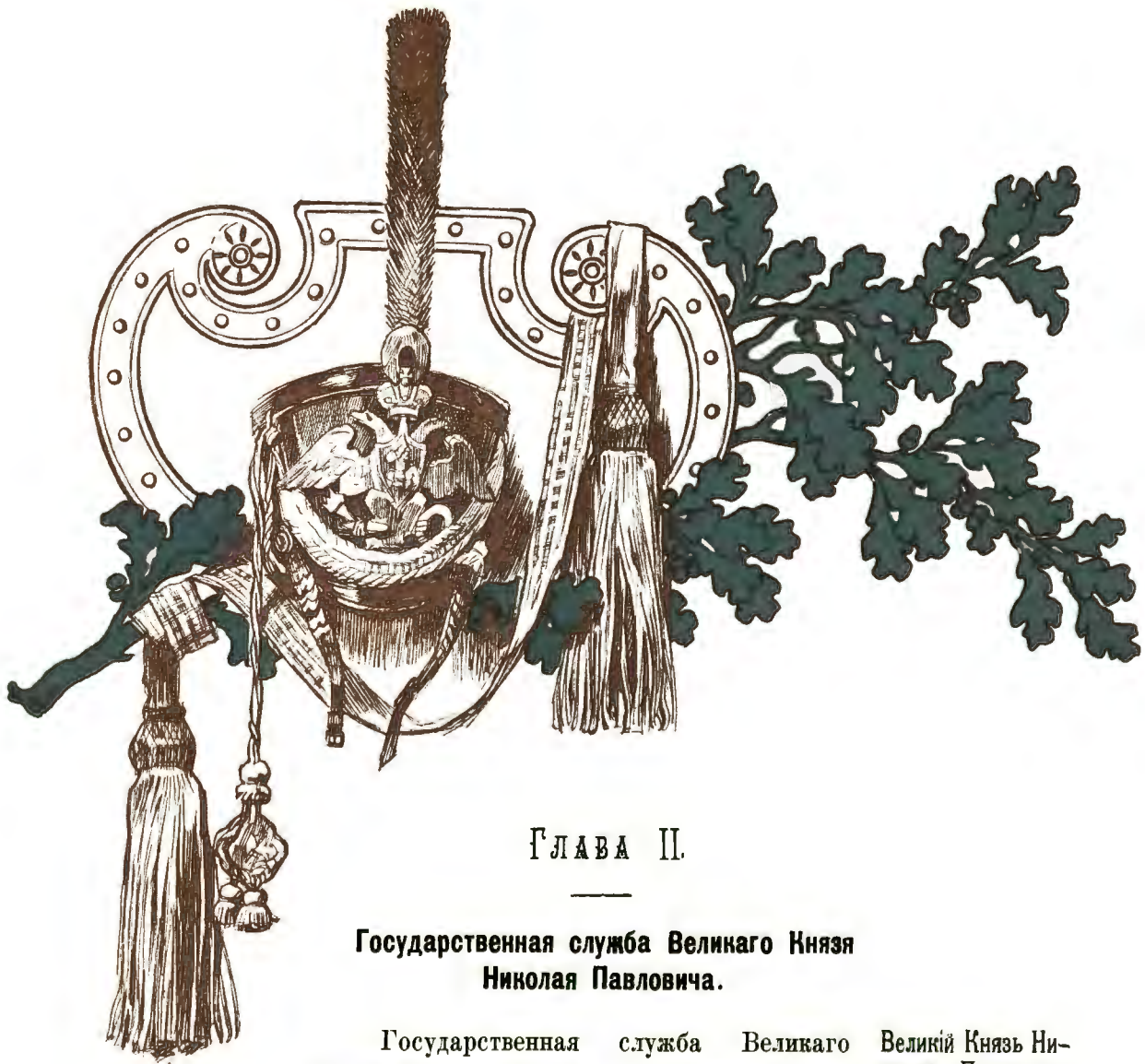
замѣчанія относятся до однѣхъ неважныхъ внѣшностей военной службы: одежды, выправки, маршировки и проч., и не касаются ни одной существенной части военного устройства, управления или моральнаго духа и направленія войска. Даже о столь важной сторонѣ военнаго дѣла, какова стрѣльба, нѣтъ нигдѣ рѣчи, о лазаретахъ же, школахъ и тому подобномъ упоминается лишь вскользь, чрезвычайно кратко“.

Противъ этого мѣста Императоръ Александръ II приписалъ: „Это не его вина, ибо съ окончанія войны въ 1815 году до вступленія его на престолъ никто объ этомъ и не помышлялъ“.

Сужденіе Корфа, какъ человѣка не военнаго, не можетъ въ данномъ случаѣ быть авторитетнымъ. Какъ уже указывалось выше, въ описаніи Л.-Гв. Дворянской роты, и будетъ указано далѣе, при описаніи дѣятельности Великаго Князя какъ Генераль-Инспектора по Инженерной части, и въ болѣе скромной роли пѣхотнаго бригаднаго генерала,—Великій Князь съ раннихъ лѣтъ проявилъ необычайно военныя дарованія, и сужденіе Корфа является болѣе чѣмъ поспѣшнымъ.

Въ томъ же 1816 году (26 Мая) Великій Князь Николай Павловичъ былъ назначенъ шефомъ Сѣверскаго Конно-егерскаго полка, и это назначеніе было послѣднимъ въ отроческомъ возрастѣ Августѣйшаго юноши.

Н. Гамякишъ

ГЛАВА II.

Государственная служба Великаго Князя Николая Павловича.

Государственная служба Великаго Князя началась лишь съ его совершеннолѣтіемъ, совпавшимъ съ его вступленіемъ въ бракъ, т. е. съ 1817 годомъ, когда онъ получилъ самостоятельное и отвѣтственное назначеніе Генераль-Инспектора по Инженерной части. Къ этому же году относится назначеніе его Шефомъ Л.-Гв. Сапернаго баталіона и Прусскаго Бранденбургскаго кирасирскаго полка. Назначеніе шефомъ Бранденбургскихъ кирасиръ состоялось при нижеслѣдующей обстановкѣ.

Поздравивъ своего будущаго зятя Шефомъ 3-го Бранденбургскаго кирасирскаго полка 5-го (17-го) Апрѣля, Прусскій король 8-го (20-го)

Великій Князь Николай Павловичъ, Шефъ Л.-Гв. Сапернаго баталіона и Генераль-Инспекторъ по Инженерной части.

Апрѣля въ Потсдамѣ торжественно передалъ собранныхъ у королевскаго дворца кирасирь ихъ новому Шефу. Николай Павловичъ, обнаживъ палаши, принялъ командованіе полкомъ и провелъ его передъ королемъ церемоніальнымъ маршемъ. Послѣ парада всѣ офицеры полка представлялись новому Шефу во дворцѣ и затѣмъ приглашены были къ королевскому завтраку. Великій Князь, желая ознаменовать столь радостный для него день милостью для полка, испросилъ у короля производство въ сверхштатные маіоры старшаго ротмистра фонъ-Бюлова.

Великій Князь успѣлъ уже ранѣе усвоить себѣ въ совершенствѣ прусскій военный уставъ, и потому не удивительно, что онъ поразилъ своихъ новыхъ сотоварищей необычайнымъ знаніемъ всѣхъ установленныхъ у нихъ порядковъ службы. Въ этомъ всѣ могли убѣдиться во время происходившихъ тогда въ окрестностяхъ Берлина весеннихъ маневровъ и большого парада. Среди этихъ военныхъ упражненій Николай Павловичъ нашелъ даже возможнымъ произвести своему полку тревогу, исправное состояніе котораго доставило ему огромное удовольствіе.

Въ исторіи Бранденбургскаго кирасирскаго полка, изданной въ 1842 году, весьма картинно описано впечатлѣніе, произведенное на прусскихъ кирасирь за четверть вѣка передъ тѣмъ появленіемъ передъ строемъ полка ихъ новаго юнаго Шефа.

„Великій Князь предсталъ передъ нами верхомъ на прекрасной англійской рыжей лошади безподобно величественнымъ и блестящимъ видѣніемъ“, пишетъ полковой историкъ ¹⁾, „высокая, статная, внушительная фигура, блескъ молодости и кроткая дружественная привѣтливость къ намъ сразу покорили всѣ сердца, въ особенности сердца его полка, которыя устремились къ нему съ восторгомъ“.

1 Юля въ Петербургѣ было отпраздновано бракосочетаніе Великаго Князя Николая Павловича съ Шарлоттою Прусскою, нареченной Великой Княгиней Александрой Теодоровной.

Въ тотъ же день, во время блестящаго бала, даннаго по этому случаю Государемъ, Его Величество подвелъ Великаго Князя къ караулу Л.-Гв. Сапернаго баталіона и поздравилъ его Генераль - Инспекторомъ по Инженерной части и Шефомъ названнаго баталіона ²⁾.

¹⁾ «Geschichte des Königlich-Preussischen sechsten Kürassier-Regiments, gen. Kaiser von Russland-Brandenburg, 1842, 287—288.

²⁾ Высочайшій приказъ отъ 3 Юля 1817 года и «Исторія Л.-Гв. Сапернаго баталіона», Волькенштейна, стр. 7.

Лакруа ¹⁾ приписывает Великому Князю слѣдующія слова, сказанныя имъ въ отвѣтъ Монарху на столь лестныя назначенія: „Я еще очень молодъ, чтобы справиться какъ бы мнѣ хотѣлось съ важными обязанностями, которыя Вашему Величеству благоугодно было мнѣ довѣрить. Въ стремленіи угодить моему Августѣйшему благодѣтелю я найду способъ возмѣстить недостающіе таланты и познанія“.

Черезъ день, тотчасъ же по подписаніи приказа о состоявшемся новомъ назначеніи, Великій Князь посѣтилъ гвардейскихъ саперъ въ ихъ Петергофскомъ лагерѣ и съ этого времени сдѣлался ихъ частымъ гостемъ.

Любовь и благоволеніе къ Л.-Гв. Саперному баталіону Великій Князь, а затѣмъ и Императоръ Николай, проявлялъ при всякомъ представлявшемся случаѣ до самой своей кончины.

Великій Князь Николай Павловичъ, назначенный Генераль-Инспекторомъ по Инженерной части въ день своего бракосочетанія, вступилъ въ исполненіе Высочайше возложенной на него обязанности лишь 20 Января 1818 года, принявъ ввѣренную ему часть отъ своего бывшаго наставника, генерала Опшермана. Послѣдній остался его помощникомъ и продолжалъ пользоваться полнымъ уваженіемъ и довѣріемъ своего бывшаго ученика, имѣя вліяніе на всѣ дѣла,—особенно же въ хозяйственно-строительной части.

Вступая въ должность, Николай Павловичъ отдалъ знаменательный приказъ по Инженерному корпусу, гласившій:

„Давая о семъ знать по Инженерному корпусу, долгомъ поставляю подтвердить всѣмъ чинамъ онаго, что ревностнымъ исполненіемъ своихъ обязанностей, усердіемъ къ пользѣ государственной и отличнымъ поведеніемъ, всякій заслужитъ Государевы милости, а во Мнѣ найдетъ усерднаго для себя ходатая предъ лицомъ Его Величества. Но въ противномъ случаѣ за малѣйшее упущеніе, которое никогда и ни въ какомъ случаѣ прощено не будетъ, взыщется по всей строгости законовъ. Отъ усердія и твердости господъ начальниковъ, отъ рвенія и полного повиновенія отъ подчиненныхъ, ожидаю имѣть всегда удовольствіе; и твердо на сіе надѣясь, увѣряю всѣхъ и каждаго, что умѣю цѣнить

¹⁾ Т. I, стр. 146—147.

милость Государеву, содѣлавшую Меня начальникомъ столь отличнаго корпуса ¹⁾“.

Въ этомъ приказѣ съ полною яркостью выразились основныя черты характера Великаго Князя—прямота, непреклонная твердость въ проведеніи требованій службы, строгость къ нарушителямъ долга и готовность всѣми силами и зависящими средствами поощрять старательное и усердное исполненіе обязанностей со стороны своихъ подчиненныхъ.

Этотъ приказъ - программа не остался мертвой буквой, а неуклонно проводился въ жизнь Великимъ Княземъ въ теченіе его семилѣтняго управления Инженернымъ корпусомъ. Любовь Великаго Князя къ инженерному дѣлу и подчиненнымъ корпусу и войскамъ, блестящія дарованія и солидныя познанія въ области военно-инженернаго искусства, рѣдкія исполнительность и усердіе, переходившее въ страстное увлеченіе службой, дѣлали изъ юнаго главы Инженернаго корпуса выдающагося и небывалаго начальника.

Отдавая должное техническимъ вопросамъ и поднѣвъ технику военно-инженернаго дѣла и техническую подготовку военныхъ инженеровъ и инженерныхъ войскъ на небывалую высоту, Августѣйшій Генераль-Инспекторъ не ограничился этимъ. Будучи истинно военнымъ человѣкомъ, Великій Князь сознавалъ, что чины Инженерныхъ корпуса и войскъ, прежде чѣмъ быть техниками, должны быть военными, а потому со свойственной ему изумительной энергіей постарался передать подчиненнымъ ему чинамъ свой взглядъ на высоту званія и назначенія воина и святость воинскаго долга.

Стремленіе Великаго Князя поддержать и развить въ инженерныхъ войскахъ истинно воинскій духъ, прибрѣтенный ими въ эпоху гигантской борьбы съ полчищами Наполеона, выразилось, между прочимъ, въ усиленномъ вниманіи Генераль-Инспектора къ строевой подготовкѣ и выправкѣ инженерныхъ частей.

Подобное отношеніе къ Инженерному корпусу Николай Павловичъ сохранилъ и по вступленіи своемъ на Престоль, благодаря чему вся русская военно-инженерная часть считалась въ Европѣ образцовой не только во время восьмилѣтняго его Генераль-Инспекторства, но даже

¹⁾ Приказъ № 1. Книга приказовъ Генераль-Инспектора 1818, св. 1.

ГЕНЕРАЛЬ-ИНСПЕКТОРЪ ПО ИНЖЕНЕРНОЙ ЧАСТИ
Е. И. В. Великій Князь НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧЪ.
Съ портрета Г. Доу. Въ Николаевскомъ Инженерномъ Училищѣ

въ продолженіе тридцатилѣтняго его царствованія, что особенно ярко вылилось въ Севастопольскую кампанію.

Не вдаваясь въ подробное описаніе дѣятельности Августѣйшаго Генераль-Инспектора, Великаго Князя Николая Павловича, что составляетъ предметъ историческаго очерка Главнаго Инженернаго Управленія, укажемъ лишь на главнѣйшія мѣропріятія Великаго Князя по усовершенствованію и развитію вѣренной ему инженерной части.

Дѣятельность Великаго Князя въ этой области распадается на нѣсколько отдѣловъ, а именно: 1) организація личнаго состава Инженернаго Корпуса, связанная съ вопросомъ о надлежащей подготовкѣ офицерскаго состава, т.-е. съ организаціей учебной части, 2) организація и развитіе инженерныхъ войскъ и 3) крѣпостное и казарменное строительство.

Сознавая необходимость прежде всего подготовить свѣдущій по своей спеціальности и проникнутый воинскимъ духомъ личный офицерскій составъ, Великій Князь близко принялъ къ сердцу вопросъ о созданіи соотвѣтствующаго учебнаго заведенія.

Планъ устройства училища былъ выработанъ подъ непосредственнымъ руководствомъ Великаго Князя генералами Опперманомъ и Сиверсомъ, и положеніе объ училищѣ, представленное Великимъ Княземъ, было Высочайше утверждено 24 Ноября 1819 года. Возникшее такимъ образомъ училище стало называться Главнымъ Инженернымъ Училищемъ и во многихъ отношеніяхъ разнилось отъ остальныхъ военно-учебныхъ заведеній того времени: во-первыхъ, по своему составу изъ кондукторовъ и офицеровъ, во-вторыхъ, по избранному педагогическому персоналу и, наконецъ, по самой системѣ воспитанія и преподаванія, въ немъ принятой. Основавъ спеціальное училище и достигнувъ этимъ очень многого для поднятія нравственнаго и научнаго уровня офицерскаго состава Инженернаго корпуса, Великій Князь Николай Павловичъ обратилъ свое вниманіе съ одной стороны на порученныя ему войска, а съ другой—на снабженіе границъ надежными оплотами противъ непріятельскихъ вторженій.

Ко времени вступленія Николая Павловича въ должность Генераль-Инспектора инженерныя войска состояли изъ трехъ саперныхъ (Л.-Гв., 1-го и 2-го) и семи піонерныхъ баталіоновъ (съ № 1 по № 7), и изъ двухъ отдѣльныхъ піонерныхъ ротъ, стоявшихъ на Кавказѣ. Число баталіоновъ соотвѣтствовало числу корпусовъ, а потому не было

необходимости въ увеличені числа инженерныхъ войскъ, и Великій Князь свое вниманіе сосредоточилъ на усовершенствованіи ихъ подготовки и организаціи, а также на созданіе войсковыхъ частей новыхъ специальностей. Согласно дѣйствовавшему тогда Положенію 11-го Января 1816 г., инженерныя войска, числившіяся въ корпусахъ и распредѣленныя для работъ по крѣпостямъ, оставались въ подчиненіи также и Директору Инженернаго Департамента, вызывая этимъ двойственность въ управленіи ими.

Великій Князь Николай Павловичъ, заботясь о томъ, чтобы какъ можно лучше использовать инженерныя войска на крѣпостныхъ работахъ, непрестанно слѣдя за ихъ строевымъ образованіемъ, издалъ 19-го Августа 1818 года, удостоенное Высочайшаго одобренія, „Положеніе о управленіи Саперныхъ и Піонерныхъ баталіоновъ при войскахъ состоящихъ, и общее наставленіе для обученія и занятія Саперныхъ и Піонерныхъ баталіоновъ“ ¹⁾.

Согласно этого положенія состоящія при арміи инженерныя войска въ отношеніи состава, обученія и практическихъ занятій были подчинены Начальнику инженеровъ своей арміи, въ отношеніи же дисциплины и порядка продовольствованія—командиру корпуса.

Покончивъ съ этимъ важнымъ вопросомъ Августѣйшій Генераль-Инспекторъ, желая пополнить существующій тогда пробѣлъ въ порядкѣ управленія войскъ, выражающійся въ отсутствіи посредствующей инстанціи между баталіонными и высшими начальниками, представилъ на благовозрѣніе Государя записку о необходимости введенія въ инженерныхъ войскахъ бригаднаго управленія—учрежденія, сохранившаго свою силу до настоящаго времени. Эта записка удостоилась Высочайшаго утвержденія 7 Марта 1819 года ²⁾.

Не останавливаясь на начатыхъ преобразованіяхъ и усовершенствованіяхъ ввѣренныхъ воинскихъ частей, Великій Князь Николай Павловичъ явился инициаторомъ основанія совершенно новаго, нигдѣ невиданнаго до того времени, рода войскъ—конно-піонеръ. Робкія попытки къ созданію конныхъ инженерныхъ войскъ были и ранѣе. Боевая практика показала, что пѣшія инженерныя войска, какъ неспособныя къ быстрымъ передвиженіямъ, не всегда могутъ поспѣвать въ нужное время въ голову походныхъ колоннъ, а тѣмъ болѣе оказывать какое-

¹⁾ Полн. Собр. Зак., т. XXXV № 27484.

²⁾ Полн. Собр. Зак., т. XXXVI № 27706.

либо содѣйствіе быстро двигающимся кавалерійскимъ отрядамъ. Попытка устранить подобное неудобство была сдѣлана въ 1812 году Кутузовымъ въ Тарутинскомъ лагерѣ, и приказомъ отъ 11 Сентября была основана команда въ 600 конныхъ ратниковъ, которую „удобно было бы обращать впереди арміи для исправленія дорогъ безъ утомленія людей“.

Нѣкоторые западные военные авторитеты еще ранѣе проводили идею о необходимости конныхъ инженерныхъ рабочихъ командъ, но честь созданія строевыхъ инженерныхъ частей принадлежитъ всецѣло Великому Князю Николаю Павловичу. При проведеніи этой идеи въ жизнь юному Генераль-Инспектору пришлось преодолѣть не мало затрудненій со стороны лицъ, стоявшихъ тогда во главѣ военнаго вѣдомства (въ особенности князя П. М. Волконскаго) и считавшихъ созданіе конно-піонеръ совершенно ненужной и лишней затѣей.

Результатомъ этихъ соображеній юнаго Генераль-Инспектора было Высочайшее повелѣніе отъ 20-го Января 1819 года сформировать Л.-Гв. Конно-піонерный эскадронъ при Л.-Гв. Саперномъ баталіонѣ. Источниками для пополненія вновь сформированнаго эскадрона явились: гвардейскіе саперы и кавалерія. Развивая далѣе начатое дѣло, Великій Князь Николай Павловичъ добился того, что изъ части Л.-Гв. Конно-піонернаго эскадрона былъ сформированъ въ 1822 году новый армейскій Конно-піонерный эскадронъ, названный первымъ ¹⁾.

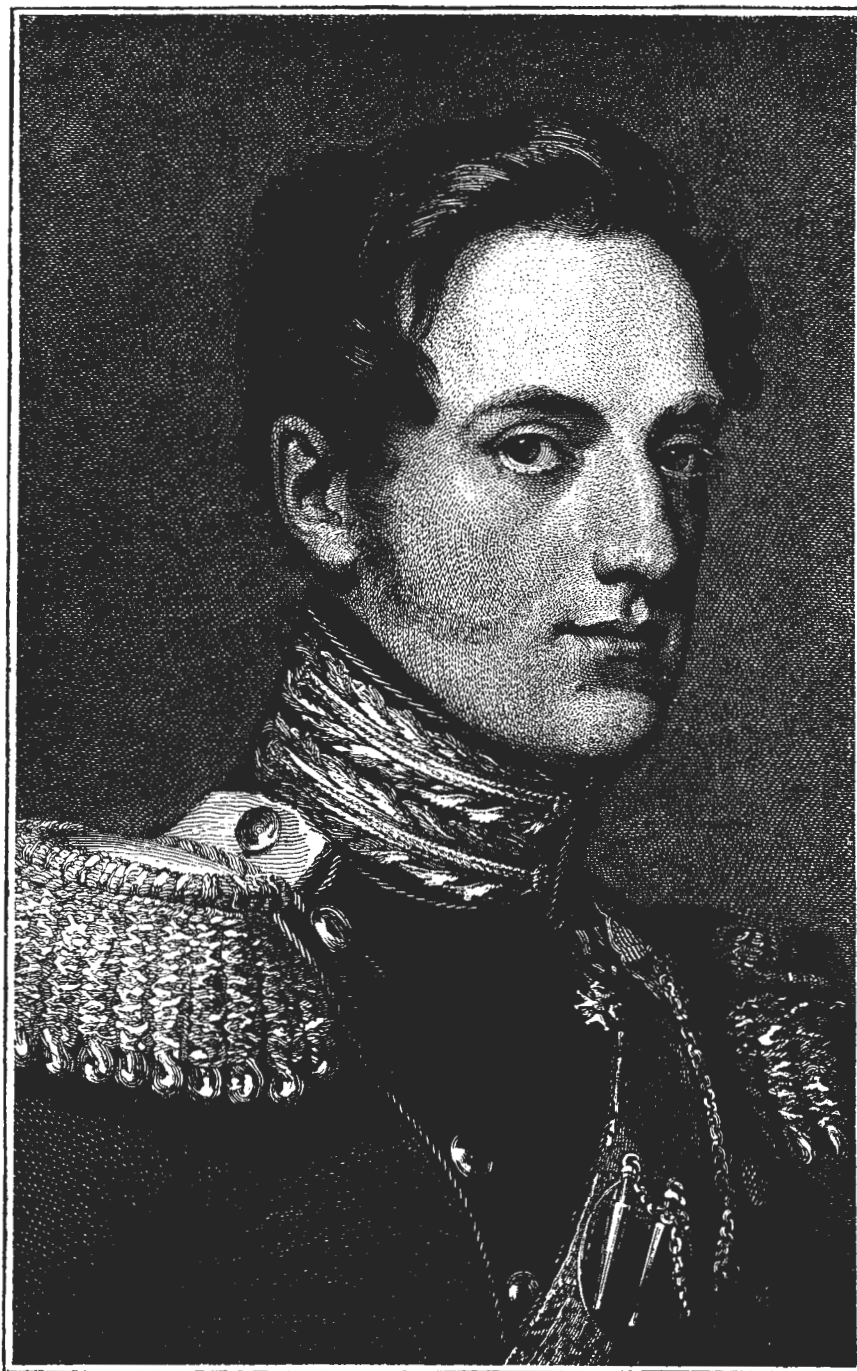
Конно-піонеры были любимымъ дѣтищемъ Великаго Князя, а впоследствии Императора Николая, и являлись одною изъ самыхъ блестящихъ воинскихъ частей. Николай Павловичъ любилъ носить конно-піонерный мундиръ и показывался въ немъ такъ-же часто, какъ въ Измайловскомъ, Саперномъ и Конно-Гвардейскомъ.

Формированіе названной части велось подъ непосредственнымъ, личнымъ его руководствомъ. Самъ онъ выбиралъ въ нее офицеровъ и даже нѣкоторыхъ нижнихъ чиновъ.

Одновременно съ учрежденіемъ конно-піонеръ Великій Князь Николай Павловичъ направилъ свою дѣятельность на формированіе запасныхъ инженерныхъ парковъ и учебнаго сапернаго баталіона.

Походы войскъ на западную границу 1821—1822 годовъ вызвали необходимость пересмотрѣть положенія о штатѣ обоза для инженер-

¹⁾ Полн. Собр. Зак., т. XXXVIII. № 29155.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЪСОЧЕСТВО

Великій Князь

НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧЪ,

въ формѣ Л.-Гв. Конно-піонернаго эскадрона при Л.-Гв. Саперномъ баталіонѣ.

Съ портрета Г. Доу.
Рѣдкая англійская гравюра.

Изъ собранія портретовъ
Александрова.

ныхъ войскъ. Результатомъ этого пересмотра явился Высочайше одобренный докладъ Августѣйшаго Генераль-Инспектора, который, между прочимъ, гласилъ:

„Огромный сей обозъ, вовсе не соответствующій нынѣшнему устройству саперныхъ и піонерныхъ баталіоновъ, имѣлъ еще ту большую невыгоду, что, обременяя слишкомъ баталіоны, почти никогда за оными слѣдовать не могъ, но большею частью оставался позади Арміи въ особомъ и вовсе отдѣльномъ мѣстѣ. Такимъ образомъ баталіоны излишне обременялись содержаніемъ онаго обоза, но пользы отъ него никакой не получали въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ наиболѣе нуждались въ инструментѣ.

„Въ послѣднюю кампанію до 1814 года многія роты имѣли свой обозъ въ нашихъ предѣлахъ и въ Варшавскомъ Герцогствѣ, когда уже сами съ арміею находились подъ Парижемъ, сверхъ того полагаемый осадный инструментъ, по рѣдкости случаевъ къ его употребленію, вовсе бесполезно возить всегда съ собою“¹⁾.

Такимъ образомъ Великій Князь вошелъ съ докладомъ объ устройствѣ обоза при саперныхъ и піонерныхъ баталіонахъ и объ инженерныхъ запасныхъ паркахъ, Высочайше утвержденномъ 16-го Декабря 1821 года.

Не вдаваясь въ подробное описаніе результатовъ мѣропріятій, предпринятыхъ Генераль-Инспекторомъ въ этомъ направленіи, скажемъ только, что новымъ положеніемъ инженерныя войска освобождались отъ обоза съ миннымъ и сапернымъ инструментомъ, необходимымъ только въ исключительныхъ случаяхъ—при осадахъ и оборонахъ крѣпостей, а для того, чтобы все-таки имѣть при арміи комплектъ нужнаго инструмента, были сформированы 2 полевыхъ запасныхъ инженерныхъ парка и 2 осадныхъ, съ подчиненіемъ въ мирное время окружнымъ инженернымъ командирамъ, а въ военное—начальнику инженеровъ арміи.

Желая поднять образовательный уровень унтеръ-офицеровъ инженерныхъ войскъ, Великій Князь 21-го Апрѣля 1822 года добился основанія учебнаго сапернаго баталіона для подготовки унтеръ-офицеровъ. На сформированіе этой новой учебной части былъ обращенъ 2-й саперный баталіонъ, пополненный для этой цѣли молодыми людьми, окончившими особыя частныя инженерныя школы.

¹⁾ И. Г. Фабриціусъ. Ист. оч. «Главнаго Инженернаго Управленія», ч. I, стр. 684.

Не менше крупнымъ мѣропріятіемъ Августѣйшаго Генераль-Инспектора явилась передача понтонныхъ частей изъ артиллерійскаго въ инженерное вѣдомство.

Е. П. В. Великій Князь НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧЪ.

Съ портрета Г. Доу. 1822 г.

Понтонныя части, при передачѣ въ 1802 году піонеръ и саперъ въ инженерное вѣдомство, остались въ вѣдѣніи артиллерійскаго начальства и, такимъ образомъ, разъединенныя съ войсками родственной специальности и искусственно связанныя съ совершенно чуждымъ имъ родомъ оружія, не вызывали къ себѣ достаточнаго вниманія и полу-

чили второстепенное служебное значеніе при артиллеріи, играя роль какого-то обоза.

Великій Князь Николай Павлович исхлопоталъ передачу этихъ восьми понтонныхъ ротъ, не утравшихъ еще своего первоначальнаго значенія, и, согласно Высочайше утвержденнаго положенія 22-го Апрѣля 1822 года, эти роты были переданы въ инженерное вѣдомство и включены въ составъ піонерныхъ баталіоновъ.

Такимъ образомъ Августѣйшій начальникъ явился основателемъ единственныхъ въ мірѣ конныхъ инженерныхъ войскъ и возстановителемъ понтошнаго дѣла въ Россіи.

Кромѣ этихъ двухъ главныхъ мѣропріятій, говорящихъ сами за себя, Великій Князь въ семилѣтнюю эпоху Генераль-Инспекторства увеличилъ численность инженерныхъ войскъ на одну треть бывшаго состава (съ 12,000 до 16,000), но большаго увеличенія и не требовалось, такъ какъ послѣ наполеоновскихъ войнъ численность инженерныхъ войскъ была и такъ доведена до необходимой нормы. Главная же заслуга Николая Павловича заключалась въ поднятіи до необычайной степени совершенства спеціальной и обще-воинской подготовки вѣранныхъ ему частей. Такіе блестящіе результаты были достигнуты благодаря неусыпнымъ трудамъ и энергіи Великаго Князя, входившаго во всѣ детали обученія, быта и воспитанія войскъ, а также и благодаря цѣлому ряду плодотворныхъ мѣръ, какъ установленіе точныхъ программъ, устройство войсковыхъ школъ, учебнаго баталіона, поощреніе спеціальныхъ занятій офицеровъ, введеніе бригадной системы и большихъ спеціальныхъ маневровъ крупными единицами (сводная саперная дивизія изъ 8-ми баталіоновъ подъ Вильною въ 1822 году). Но главнымъ факторомъ въ постановкѣ военно-инженерной части на должную высоту было умѣніе Великаго Князя внушить своимъ подчиненнымъ любовь къ своему дѣлу и уваженіе къ носимому званію вонна.

Для того, чтобы отгѣнить всю важность произведенныхъ по этой части Николаемъ Павловичемъ мѣропріятій, замѣтимъ, что до 1813 г. инженерныя войска не имѣли даже ружей, а до 1824 года—знамени, и что многіе смотрѣли на нихъ какъ на какія-то рабочія команды. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ изъ этихъ яко бы рабочихъ ¹⁾ разрабо-

¹⁾ Этому не мало способствовало выдѣленіе инженернаго обоза изъ войсковыхъ частей въ отдѣльные парки и передача значительной части строительныхъ работъ въ крѣпостяхъ въ военно-

тались не только несравненные специалисты, какими они в значительной степени были и раньше, но и замѣчательныя строевыя части, выправкой и воинскимъ духомъ служившія образцомъ для прочихъ войскъ, что и доказали, между прочимъ, 14-го Декабря 1825 года.

Для полноты обзора дѣятельности Николая Павловича по инженерному корпусу необходимо отмѣтить, хотя бы въ общихъ чертахъ о крѣпостномъ строительствѣ. Великій Князь, обративъ свое вниманіе на эту сторону военно-инженернаго дѣла, немедленно привелъ въ систему данныя о наличныхъ крѣпостяхъ и, найдя, что существующихъ отпусковъ не достаточно для поддержанія на надлежащей высотѣ всѣхъ крѣпостей, рѣшилъ сосредоточить дѣятельность инженернаго вѣдомства на приведеніе къ надлежащему виду главнѣйшихъ крѣпостей, каковыми считалъ Динабургъ, Бобруйскъ и Свеаборгъ. Достаточно сказать, что за восемь лѣтъ его Генераль-Инспекторства было израсходовано на Динабургъ около 9¹/₄ милліоновъ рублей, на Бобруйскъ—около 4-хъ, а на Свеаборгъ около одного милліона рублей, тогда какъ за всю предыдущую часть царствованія Александра I на эти же крѣпости было израсходовано: на Динабургъ около 3¹/₂ милліоновъ, а на Свеаборгъ и Бобруйскъ—по одному милліону съ небольшимъ. Что касается денежныхъ отпусковъ на Выборгъ, Севастополь и Кіевъ, то они были значительно сокращены, а на прочія же крѣпости почти сведены къ нулю. Такъ какъ величина ежегоднаго отпуска на крѣпостное строительство сильно возросла, то Великій Князь лично и черезъ особо довѣренныхъ лицъ внимательно и строго слѣдилъ за цѣлесообразнымъ расходованіемъ этихъ огромныхъ суммъ.

Часто посѣщая крѣпостныя работы, въ особенности въ Динабургъ и Бобруйскѣ, Августѣйшій Генераль-Инспекторъ входилъ во всѣ детали производившихся тамъ работъ, принимая самое дѣятельное участіе въ разработкѣ связанныхъ съ ними военныхъ и техническихъ вопросовъ, наблюдая за всѣми подробностями выполненія выработанныхъ при его участіи и утвержденныхъ имъ предначертаній.

Самые мелкіе вопросы, до качества употребляемаго при постройкѣ кирпича включительно, не ускользали отъ вниманія главы Инженернаго корпуса, а при малѣйшей возможности степень совершенства возведенныхъ построекъ подвергалась соотвѣтствующимъ испытаніямъ,

рабочія роты, которыя были основаны 21-го Августа 1818 года, сперва — двѣ на Аландѣ (переименованы изъ стоявшихъ тамъ ротъ 4-го и 5-го піонерныхъ баталіоновъ), а затѣмъ постепенно—еще 40.

Великий Князь НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧЪ
въ формѣ Инженернаго Генерала.

По рисунку фл.-адъют. Л. П. Кляя,
съ гравюры 1818 года.

Изъ коллекціи Ф. Г. Козлянинова.

доходящимъ до обстрѣливанія новыхъ сооруженій артиллерійскимъ огнемъ.

Великій Князь щедро награждалъ усердныхъ и способныхъ строителей, осыпая ихъ похвалами въ своихъ приказахъ и испрашивая имъ Высочайшія награды орденами и деньгами.

Въ противномъ случаѣ, при всякомъ упущеніи, а тѣмъ болѣе за недобросовѣстную работу, Великій Князь не щадилъ лицъ, прикосновенныхъ къ неисправному строительству, наказывая даже ближайшихъ своихъ сотрудниковъ. Въ этомъ отношеніи въ высшей степени интереснымъ является приказъ Великаго Князя отъ 8-го Октября 1824 года.

„Обстоятельства, причинившія поврежденія ¹⁾, отношу Я: неправильности плана, небреженію архитектора Штауберта, коимъ планъ составленъ, неосторожности инженеръ-генерала Оппермана, коимъ оный Мнѣ поднесенъ былъ на утвержденіе, и собственно Мнѣ, который, не усмотрѣвъ архитектурской ошибки, утвердилъ и отдалъ къ исполненію; упущенію въ производствѣ работъ, несмотрѣнію и не точному исполненію обязанностей своихъ, бывшаго окружного командира команды подполковника Шведера, дистанціоннаго офицера капитана Любенкова и въ особенности нынѣшняго окружного командира и строителя крѣпости полковника Розенмарка и дистанціоннаго офицера капитана Иванова, которые виновны всѣ въ томъ, что самовольно отступили отъ отданныхъ Инженернымъ Департаментомъ чертежей и не съ должнымъ прилежаніемъ и рачительностью наблюдали за порядкомъ и аккуратностью работъ; оправданія же, ими принесенныя, не могутъ быть приняты; и наконецъ подрядчика, 2-й гильдіи купца, Александра Торлецкаго, который на основаніи пункта 2-го контракта долженъ отвѣтствовать за прочность работъ.

„Дѣлая все сіе извѣстнымъ по Инженерному корпусу, предписываю инженеръ-генералу Опперману деньги нужныя на поправленіе обрушившагося зданія взыскать, одну половину всей суммы съ купца Торлецкаго, а другую со всѣхъ названныхъ здѣсь прочихъ виновниковъ, расположивъ количество взысканія по соразмѣрности получаемого ими окладного жалованья. Я же не замедлю внести то, что на мою часть придется. Сверхъ того объявляю строгій выговоръ полковнику Розенмарку и капитану Иванова приказываю арестовать на гауптвахтѣ на одинъ мѣсяць, съ занесеніемъ обоимъ въ формулярный списокъ“.

¹⁾ Обрушеніе казематовъ у Слуцкихъ воротъ въ Бобруйскѣ.

Такимъ образомъ изъ приведеннаго приказа видно, что Августѣйшій Генераль-Инспекторъ, придерживаясь весьма строго правилъ взаимной служебной поруки и отвѣтственности, не пощадилъ никого изъ причастныхъ въ дѣлѣ обвала казематовъ у Слуцкихъ воротъ въ крѣпости Бобруйскѣ и самъ, за свою вину, заплатилъ 584 р. 60 коп., заставивъ заплатить пропорціонально получаемому содержанію генерала Оппермана—958 руб. 48³/₄ коп., архитектора Штауберта—252 р. 95 коп., и всѣхъ другихъ виновныхъ лицъ, состоявшихъ въ Бобруйскѣ на крѣпостныхъ работахъ ¹⁾).

Заканчивая краткое описаніе дѣятельности Великаго Князя по вопросу крѣпостного строительства, необходимо отмѣтить, что, хотя въ его Генераль-Инспекторство и было сосредоточено все вниманіе на возведеніе крѣпостей Бобруйска и Динабурга, однако одновременно съ тѣмъ были детально разработаны планы сооруженій Брестъ-Литовской, Варшавской, Люблинской и проч. твердынь и проекты приведенія въ надлежащій видъ Севастополя, Кронштадта, Свеаборга и Кіева.

Призванный къ новому, высшему служенію родинѣ, Николай Павловичъ, въ бытность уже Императоромъ, осуществилъ намѣченное имъ прежде усиленіе границъ Русскаго государства крѣпостями.

Такова въ краткихъ словахъ кипучая и плодотворная дѣятельность Великаго Князя Николая Павловича въ отведенной ему военно-инженерной области. Проявляя въ любимомъ ему дѣлѣ всѣмъ извѣстную и незаурядную энергію, Николай Павловичъ, сдѣлавшись Императоромъ, съ не меньшимъ рвеніемъ и знаніемъ своего дѣла принялся проводить въ жизнь свои взгляды на военное ремесло, постепенно измѣняя обликъ война до того, что „николаевскій солдатъ“ получилъ свое особенное значеніе, а само выраженіе это стало нарицательнымъ.

Командованіе Великаго Князя Николая Павловича бригадой и дивизіей.

Высочайшимъ приказомъ 27-го Іюля 1818 г. на юнаго Великаго Князя возлагалась вторая отвѣтственная должность—командованіе 2-ю бригадою 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи, состоявшей тогда изъ Л.-Гв. Измайловскаго и Егерскаго полковъ и Гвардейскаго экипажа.

Получивъ новое назначеніе, Августѣйшій юноша, пехлопотавъ въ 1819 г. замѣну въ своей бригадѣ Гвардейскаго экипажа Л.-Гв. Са-

¹⁾ Архивъ Гл. Инж. Упр., д. № 23, 1825 года.

пернымъ баталіономъ, взялся за дѣло со свойственнымъ ему рвеніемъ и увлеченіемъ. Великій Князь входилъ во всѣ мельчайшія подробности службы и быта ввѣренныхъ ему войсковыхъ частей, вклады-

Е. И. В. Великій Князь МИХАИЛЪ ПАВЛОВИЧЪ.

Съ портрета Г. Доу. 1823 г.

валъ всю свою энергію къ доведенію ихъ строевой подготовки до идеальнаго совершенства, стремясь передать подчиненному ему составу офицеровъ и пажихъ чиновъ то высокое представленіе о святости воинскаго долга и о почетномъ значеніи война, которымъ самъ былъ всецѣло проникнутъ.

Установилось ходячее мнѣніе, что Императоръ Павелъ передалъ своимъ сыновьямъ слѣпое увлеченіе внѣшностью, вахтпарадной сторо-

ной военной службы, и что Императоръ Александръ I и его братья увлекались муштрой, не обращая вниманія на болѣе важныя отрасли военнаго дѣла.

Однако при ближайшемъ ознакомленіи съ первоисточниками приходится убѣдиться, что это мнѣніе болѣе чѣмъ преувеличено. Дѣйствительно Императоръ Александръ и Великіе Князья Константинъ, Николай и Михаилъ увлекались военнымъ дѣломъ, а въ томъ числѣ и его декоративной стороной, но это не мѣшало имъ серьезно знать и понимать военное дѣло. Первое мѣсто въ данномъ отношеніи безусловно принадлежитъ Императору Николаю I-му, который уловилъ духъ военнаго дѣла, понялъ, что главная роль въ немъ—человѣкъ, а покорять сердца арміи въ то время врядъ ли умѣлъ кто-либо лучше этого коронованнаго воина.

Николаевскій солдатъ сталъ синонимомъ закаленнаго, безстрашнаго и благороднаго воина.—Безсмертные подвиги русскаго солдата въ горахъ Кавказа и Закавказья, подъ стѣнами Варны и Варшавы и, наконецъ, доблестная защита Севастополя показали, до какой высоты духа довелъ Державный вождь свою армію, справедливо считавшуюся по духу первой въ свѣтѣ и сумѣвшую и въ самомъ пораженіи снискать вѣнецъ безсмертной славы.

Однако, справедливость требуетъ здѣсь именно отмѣтить, что Великій Князь, а затѣмъ и Императоръ Николай Павловичъ, поднимавъ русскаго солдата на небывалую высоту и воспитавъ его дѣйствительно по военному, „по николаевски“, упустилъ изъ виду техническія усовершенствованія, которыя въ то время вводились Европою въ свои арміи. Такъ, одною изъ важнѣйшихъ причинъ нашей неудачи подъ Севастополемъ было между прочимъ отсутствіе нарѣзнаго оружія.

Не вдаваясь въ подробности того воинскаго воспитанія и обученія и той подготовки арміи, которую Николай Павловичъ въ бытность Великимъ Княземъ примѣнялъ сперва во ввѣренной ему бригадѣ, разберемъ вкратцѣ тотъ богатый матеріалъ, который даютъ приказы Великаго Князя по этой бригадѣ, а затѣмъ и дивизіи. Въ этихъ приказахъ сразу виденъ вѣрный военный взглядъ, быстрота и ясность рѣшеній, доброжелательное и заботливое отношеніе къ подчиненнымъ, скрадывающее суровость и строгость къ неисправнымъ и небрежнымъ. Строгій къ себѣ, Великій Князь и въ окружающихъ не допускалъ легкаго и вялаго отношенія къ службѣ.

Сперва остановимся на тѣхъ мѣстахъ привазовъ, въ которыхъ Великій Князь выражаетъ свое неудовольствіе по поводу неисправностей и даетъ указанія къ устраненію ихъ причинъ.

Конечно, не мало вниманія обращалъ юный командиръ бригады и на внѣшній видъ ввѣренныхъ ему войскъ, но приводимые ниже приказы показываютъ, что въ своихъ требованіяхъ по этому отдѣлу службы Великій Князь замѣчательно толково и съ большимъ знаніемъ дѣла распредѣлялъ отвѣтственность начальствующихъ лицъ за неисправность и давалъ точныя указанія способовъ къ ихъ искорененію.

Такъ приказъ отъ 22 Ноября 1822 года за № 45 между прочимъ гласитъ:

„Замѣчено мною, что аммуниція на нижнихъ чинахъ второй и третьей шеренги весьма неровно пригоняется, часто же бываетъ, что до того дурно прилажена, что дѣлаетъ видъ совершенно безобразный. Сіе не иначе произойти можетъ, какъ отъ невниманія ротныхъ командировъ, но имъ сіе привести въ порядокъ и наблюдать за этимъ не иначе должно будетъ, какъ когда отдѣленные унтеръ-офицеры и ефрейторы будутъ исполнять свою должность во всей силѣ, ибо ихъ дѣло уравнивать аммуницію и наблюдать за опрятной и исправной одеждой своихъ отдѣленій; ротному же командиру должно только тогда наблюдать за исполненіемъ сего во всей точности. Обращаю на сей предметъ особенное вниманіе полковыхъ и баталіонныхъ командировъ, я упомянулъ здѣсь объ одной только статьѣ должности отдѣленныхъ унтеръ-офицеровъ и ефрейторовъ и требую однако, чтобы всѣ обязанности ихъ были исполняемы со всею точностью и чтобы непременно за всякую неисправность отдѣленій они бы и отвѣчали. За симъ подтвержденіемъ, гдѣ случится мнѣ найти неисполненіе моего приказа, взыщу примѣрно“.

Въ приказѣ же отъ 18-го Декабря того же года за № 50 значится:

„Особенно недоволенъ былъ неопрятностью 4 роты Л.-Гв. Измайловскаго полка, —ременная аммуниція была дурно выбѣлена и дурно прилажена, кивера же вовсе не прилажены, кутасы не пригнаны и неправильно повязаны, словомъ видно, что ротный командиръ не обращалъ на все сіе ни малѣйшаго вниманія. Я не могу ему не замѣтить сего. Вообще надѣюсь, что гг. баталіон-

ные и ротные командиры усугубять стараніе все сіе привести въ должный порядокъ“.

Въ приказѣ отъ 15-го Іюня 1824 года за № 15 говорится:

„Неоднократно замѣчено мною въ Бартошинской слободѣ, что нижніе чины ходятъ въ растегнутыхъ шинеляхъ и безъ галстуковъ, почему предписываю гг. полковымъ командирамъ взять свои мѣры, чтобы впредь такового безпорядка не случалось, тѣмъ болѣе, что въ оной слободѣ находится квартира Государя Императора. Надѣюсь, что приказаніе мое будетъ исполнено въ точности“.

Изъ приведенныхъ приказовъ видно, что Великій Князь Николай Павловичъ прямо-таки пылалъ страстью къ военному, какъ онъ выражался, ремеслу и искренно желалъ привести въѣренныя ему воинскія части въ блестящій, безукоризненный и образцовый видъ, причемъ въ своихъ требованіяхъ никогда не выходилъ изъ предѣловъ разумнаго и исполнимаго, какъ то превратно приписывали нѣкоторые изъ его современниковъ, сердечно довѣря ходячей тогда баснѣ „о муштрѣ и ремешкахъ“.

Что касается строевого образованія 2-й бригады 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи, то Августѣйшій командиръ ея отличался въ этомъ отношеніи большою требовательностью.

Находить же въ подобномъ проявленіи твердаго и истинно-военнаго характера исключительную какую-то особенную дрессировку и муштру могутъ лишь предвзятые и пристрастные бытописатели.

Для примѣра приведемъ рядъ приказовъ, въ которыхъ замѣчанія по поводу недостатковъ въ строевой выправкѣ буквально срывались съ устъ Великаго Князя нехотя, сами собой, такъ какъ замѣчаемые Николаемъ Павловичемъ всевозможные дефекты въ дѣлѣ воспитанія и образованія войскъ ихъ ближайшими начальниками рѣзали весьма опытный въ военномъ дѣлѣ велико-княжескій глазъ.

Въ приказѣ отъ 4 Марта 1823 года за № 9 значится:

„Къ прискорбію моему вынужденнымъ нахожусь сдѣлать выговоръ Л.-Гв. Измайловскаго полка полковнику Беклешову за сегодняшній разводъ, въ которомъ ни тишины, ни ровненія, ни настоящаго шагу не было; ежели-бъ въ первый разъ случилось новому баталіонному командиру выводить баталіонъ предъ начальника и, тогда бы нашелъ онъ подобный разводъ дурнымъ, а тѣмъ паче, когда

баталіонный командиръ имѣлъ время познакомиться съ баталіономъ, а баталіонъ его узналъ; я предварялъ г. полковника, что требую большого вниманія и умѣнія къ своему дѣлу;

S. A. I. LE GRAND-DUC NICOLAS.
(во главѣ Л.-Гв. Измайловскаго полка).

Съ рѣдной литографіи
Naprein Bourd-muet.

Румянцевскій Музей.
Собраніе Д. Ровинскаго

я не вижу, чтобы послѣ двухъ недѣль былъ малѣйшій успѣхъ, а потому и предписываю г. генераль-маіору Мартынову войти самому во всѣ подробности обученія 1-го баталіона его полка; адъютанту же моему, полковнику Годеину 2-му, поручаю во всемъ помогать въ томъ

г. полковому командиру; г. полковникъ Беклешовъ будетъ во всемъ слѣдовать его постановленіямъ. Надѣюсь, что не долго мнѣ нужно будетъ прибѣгать къ подобнымъ способамъ, тогда когда съ усердіемъ и способностью полковника Беклешова никогда не ожидаю, что найдусь къ этому вынужденнымъ“.

Изъ этого приказа видно, что дѣйствительно необходимость заставляла Николая Павловича дѣлать много вѣрныхъ и вѣскихъ замѣчаній, а само отношеніе къ провинившемуся полковнику Беклешову и способъ воздѣйствія на его самолюбіе отдачей его подъ опеку другого лица указываетъ на умѣніе юнаго бригаднаго командира выбирать и примѣнять самыя разнообразныя мѣры, соотвѣтственно индивидуальнымъ особенностямъ каждаго его подчиненнаго.

Крайне интересно мѣсто изъ приказа отъ 11 Декабря 1822 г. за № 48, гдѣ послѣ похвалъ гренадерскому взводу шефской роты одного изъ полковъ, составленному изъ стариковъ-ветерановъ Наполеоновскихъ войнъ, Великій Князь тутъ же дѣлаетъ выговоръ другому взводу—стрѣлковому:

„Къ сожалѣнію моему не могу я того же сказать про стрѣлковый взводъ; сколь гренадерскій хорошъ, столь непозволительно дуренъ стрѣлковый: ни стойка, ни одежда, ни маршировка, ни ружейные приемы не уравнины, все дѣлается вяло, и видно, что никакого на это не обращено вниманія; оно тѣмъ непростительно, что люди въ стрѣлковомъ взводѣ прекрасные, выбраннше изъ цѣлаго полка, и имѣютъ подъ глазами наилучшій примѣръ въ гренадерахъ, коихъ они двадцатью годами моложе“.

Въ приведенномъ отрывкѣ приказа видно уваженіе война въ душѣ къ заслуженнымъ ветеранамъ и умѣніе распредѣлить требованія службы пропорціонально силамъ подчиненныхъ.

19-го числа того же мѣсяца былъ отданъ слѣдующій приказъ за № 51:

...„къ сожалѣнію моему долженъ совсѣмъ противное сказать про пѣшее ученіе Л.-Гв. Копно-піонернаго эскадрона. Я ничѣмъ не могъ быть доволенъ: ни ружейными приемами, ни стойкою, ни ходьбою. Все сіе тѣмъ непростительнѣй, что доказываетъ пренебреженіе эскадроннаго командира полковника Засса

къ пѣшему строю, что большая часть людей взята изъ пѣхоты и отличныхъ, и что всѣ способы ему даны были привести эскадронъ въ то же положеніе; напротивъ того, не только сего онъ не исполнилъ, но даже тѣ люди, которыя были отличными, совершенно потеряли всю свою прежнюю ловкость; словомъ, эскадронъ въ пѣшемъ строю въ самомъ жалкомъ и непростительномъ запущеніи. Арестовавъ эскадроннаго командира полковника Засса на сутки домашнимъ арестомъ, не могу не сдѣлать строгаго замѣчанія и генералъ-маіору Сазонову, обязанность коего есть отвѣчать за ввѣренныя ему войска. Строжайше предписываю ему съ большимъ вниманіемъ смотрѣть за исправностью эскадрона и принять всѣ мѣры, чтобъ въ самое непродолжительное время эскадронъ паки приведенъ былъ въ должный видъ“.

Въ приказѣ отъ 16-го Октября 1822 года за № 39 попадаются замѣчанія, которыя были бы умѣстны, впрочемъ какъ и всѣ замѣчанія Великаго Князя, даже въ настоящее время—напримѣръ:

„Слѣдуетъ болѣе наблюдать офицерамъ за тишиной, когда люди разговариваютъ, что строжайше запрещается“.

„Командовавшіе застрѣльщиками гг. офицеры зѣвали и не наблюдали своего дѣла“.

„Полковнику Зассу слѣдовало растолковать командовавшему Гвардейскимъ эскадрономъ поручику, что безъ нужды за дѣйствующею артиллеріею никогда становиться не должно, ибо обыкновенно дѣйствіе непріятели обращается на наши батареи, слѣдовательно, стоя сзади, напрасно жертвуешь людьми“.

Послѣднее замѣчаніе краснорѣчиво доказываетъ, что въ обученіи своей бригады Великій Князь Николай Павловичъ преслѣдовалъ далеко не исключительно вахтпарадныя, а чисто боевыя задачи.

Такимъ же правильнымъ взглядомъ на роль и подготовку начальниковъ пронизнутъ приказъ отъ 26 Ноября 1822 года за № 46:

„Нужнымъ нахожу подтвердить гг. полковымъ командирамъ, чтобъ обратили вниманіе на то, чтобъ не только младшіе штабъ-офицеры, но и всѣ капитаны знали непременно твердо правила для младшихъ штабъ-офицеровъ въ баталіонныхъ ученіяхъ. Я въ отговорку не могу

принять, что еще мало осьмирядныхъ ученій и что по той причинѣ не было имъ еще времени утвердиться въ томъ. Правила сіи столь просты, что, прочтя разъ книгу, для сего изданную, нельзя не упомянуть все, что въ ней предписано“.

Особенное вниманіе Великаго Князя привлекала къ себѣ не только строевая служба, какъ то принято думать, а другой важный отдѣлъ обученія—гарнизонная, которая и въ наши дни считается всѣми авторитетными лицами краеугольнымъ камнемъ воинскаго воспитанія. Великій Князь строго преслѣдовалъ всѣ неисправности и уклоненія отъ правилъ въ названномъ отдѣлѣ службы, карая гораздо суровѣе, чѣмъ за ошибки и даже за небрежность въ строю.

Въ приказѣ отъ 10-го Февраля 1824 года за № 2 значится:

„Объѣзжая сего числа караулы отъ Л.-Гв. Измайловскаго полка, замѣтилъ я многія неисправности, которыя доказываютъ, что гг. баталіонные командиры не обращаютъ должнаго строгаго вниманія на сію часть ихъ обязанностей; подпоручикъ Гонгебловъ не зналъ своего дѣла, прапорщикъ Миллеръ предпочелъ сидѣть въ караулнѣ, когда ему слѣдовало выйти въ ружье, и отговаривался болѣзнію, которая въ одномъ воображеніи его существовала, унтеръ-офицеры отдѣльныхъ карауловъ не тверды въ своей должности, тогда когда неоднократно подтверждено было прислать на полковые караулы самыхъ расторопныхъ унтеръ-офицеровъ. Въ особенности нашелъ я одежду карауловъ 2-го баталіона совершенно въ безобразнѣйшемъ видѣ“.

Другой подобный выговоръ объявленъ былъ 30-го Октября 1822 года слѣдующимъ приказомъ, подъ № 4:

„Дѣлаю выговоръ Л.-Гв. Егерскаго полка полковнику Уварову за то, что онъ, бывши 29-го числа Октября дежурнымъ по карауламъ, не явился ко мнѣ въ назначенное время съ рапортомъ; въ особенности же за то, что на запросъ, отчего онъ не былъ, принесъ въ извиненіе, что вчера только получилъ подтвержденіе о непремѣнномъ бытіи съ рапортомъ у меня, тогда какъ должно было ему быть то извѣстно изъ прежнихъ карауловъ“.

Подобныя приведенному только-что въ приказѣ упущенію провинности еще не вызывали строгихъ взысканій, но тамъ, гдѣ упуще-

нія касались не формальностей, а сути гарнизонной службы, Великій Князь караль весьма сурово.

Напримѣръ, приказъ отъ 21-го Марта 1823 года за № 8 гласить:

„Его Императорское Высочество Великій Князь Михаилъ Павловичъ былъ вчера въ госпиталяхъ Преображенскомъ и Семеновскомъ, не нашелъ при нихъ дежурныхъ: по 1-му—Л.-Гв. Сапернаго баталіона поручика Завальевскаго 3-го, и по послѣднему—Л.-Гв. Егерскаго полка прапорщика Бабкина 2-го; за то оба и арестовываются впредь до повелѣнія, а по выпускѣ изъ подъ ареста наряжаются на 10 разъ не въ очередь дежурными по баталіонамъ“.

Другой приказъ отъ 5-го Марта 1823 года говоритъ о не менѣ важныхъ упущеніяхъ по службѣ:

„Возвращаясь мимо Измайловскихъ казармъ, приказаль я позвать дежурнаго по полку капитана Шванвича 1-го, его не было въ дежурной комнатѣ, равно какъ и дежурныхъ по баталіонамъ, поручика Зиновьева и подпоручика Козлова 2-го. По долгомъ ожиданіи и исканіи ихъ нигдѣ не нашли и оказалось, что всѣ трое уѣхали изъ дежурства на свои квартиры.“

„Мнѣ весьма прискорбно быть вынужденнымъ изъявить командуящему полкомъ полковнику Воропанову 1-му мое удивленіе, что подобный беспорядокъ, столь часто предупреждаемый и строго наказуемый, еще и нынѣ случаться можетъ подъ его глазами. Сей случай доказываетъ мнѣ ясно, что гг. офицеры, полагаясь на малый за ними въ полку присмотръ, или непростительное снисхожденіе, видно привыкли не соблюдать сей первой обязанности по службѣ. Всякая должность, на которую офицеръ наряжается, есть равная своею важностью, и не надлежитъ никогда гг. офицерамъ входить въ разсужденія, которая другой важнѣе, или отъ которой они себя устранить могутъ болѣе, чѣмъ отъ другой. Потому всякое отклоненіе или, однимъ словомъ, всякая отлучка отъ должности наказывается равно и никакая отговорка принята быть не можетъ; виновный подвергается всей строгости постановленій.“

„Такъ какъ сей случай не есть первый, стало быть отнесенъ долженъ единственно малому смотрѣнію г. командующаго полкомъ, то и

дѣлаю симъ строжайшій выговоръ г. полковнику Воропанову 1-му съ тѣмъ, что при первомъ подобномъ случаѣ взыщу съ него и еще строже.

„Капитанъ Шванвичъ 1-й, поручикъ Зиновьевъ и подпоручикъ Козловъ 2-й арестовываются на гауптвахтѣ, первый на двѣ, а послѣдніе на одну недѣлю“.

Весьма высоко ставя значеніе офицера, какъ воспитателя солдата и образецъ для него во всемъ, Великій Князь искренно возмущался, когда офицеры совершали поступки, указывающіе на ихъ изнѣженность или желаніе избѣжать тягостей службы, падавшихъ на солдатъ.

Въ этомъ отношеніи весьма характеренъ и интересенъ приказъ отъ 12-го Юля 1823 года за № 20:

„Дѣлаю выговоръ Л.-Гв. Измайловскаго полка полковнику Веселовскому за то, что, когда командуемый имъ баталіонъ шелъ съ ученья и всѣ офицеры были при своихъ мѣстахъ, поручикъ же Блонинъ ѣхалъ на дрожкахъ, за что онъ арестуется на три дня на полевой караулъ.

„Строго подтверждаю всѣмъ гг. частнымъ начальникамъ наблюдать за порядкомъ ввѣренныхъ имъ частей, въ чемъ гг. офицеры должны имъ быть первыми помощниками и подавать собою примѣръ нижнимъ чинамъ, вопреки чего найдусь вынужденнымъ примѣрно взыскивать съ виновныхъ“.

Особенно же интересенъ, какъ особая мѣра понужденія къ болѣе добросовѣстному исполненію служебныхъ обязанностей, приказъ № 16 отъ 18-го Юля 1823 года, по которому Августѣйшій бригадный командиръ замѣченную у одного изъ офицеровъ изнѣженность не наказываетъ, а передаетъ осмѣянію его же товарищей:

„Я встрѣтилъ вчера, — говоритъ въ приказѣ Великій Князь, — человека, подпоручика Л.-Гв. Измайловскаго полка Козлова 2-го, который несъ на полевой пикетъ къ своему господину головную подушку. Я предаю на благоразсудокъ гг. офицеровъ, прилично ли, стоя на всякомъ караулѣ и тѣмъ болѣе въ лагерѣ и еще на полевомъ пикетѣ, искать своего покоя. Подобная нѣжность достойна смѣха. Пусть же г. поручикъ Козловъ 2-й повеселитъ тѣмъ своихъ товарищей, въ которыхъ въ томъ, надѣюсь, поддержки не найдетъ“.

Высоко ставилъ также Великій Князь и значеніе гвардіи, не допуская мысли о возможности служить въ ней лицамъ опороченнымъ.

Мнѣніе это Николай Павловичъ высказалъ въ своемъ приказѣ отъ 22-го Февраля 1823 года за № 4, говоря:

„Изъ представленнаго ко мнѣ при рапортѣ командира Л.-Гв. Сапернаго баталіона г. полковника Геруа отъ 21-го сего Февраля за № 177 военно-суднаго дѣла, произведеннаго надъ рядовымъ вѣрннаго

Великій Князь Николай Павловичъ и Великая Княгиня Александра Ѳеодоровна
у Аничкина дворца.

Съ литографіи въ краскахъ.

Изъ собранія Ѳ. Козлянинова.

ему баталіона Гавриломъ Антоновымъ, мною усматривается, что означенный рядовой уже семь разъ пойманъ въ разной кражѣ и столь долго все еще терпимъ былъ въ гвардіи, за что вынужденнымъ нахожусь сдѣлать выговоръ г. полковнику Геруа, съ объявленіемъ о томъ по бригадѣ“.

Приведенныхъ примѣровъ вполне достаточно, чтобы видѣть, съ какимъ неудовольствіемъ и трудомъ Великій Князь принимался за мѣры строгости, вполне избѣжать которыхъ не считалъ себя въ правѣ, такъ какъ выше всего ставилъ требованія службы. Зато съ искреннею радостью пользовался онъ всякимъ случаемъ, чтобы воздать похвалу за старательную и усердную службу и должную оцѣнку трудамъ подчиненныхъ. Выраженія благодарностей въ приказахъ встрѣчаются очень

часто, и для примѣра приведемъ выдержку изъ приказа отъ 16-го Октября 1822 года за № 22:

„Сегодняшнимъ маневромъ имѣю я причину быть совершенно довольнымъ; все почти исполнено въ порядкѣ, безъ суеты и со вниманіемъ; въ особенности я доволенъ расположеніемъ и дѣйствіемъ авангарда и вообще всѣмъ Л.-Гв. Егерскимъ полкомъ за тишину во фронтѣ и порядокъ во всѣхъ движеніяхъ, что пріятно мнѣ объявить командиру онаго г. генераль-маіору Головину 1-му и гг. баталіоннымъ командирамъ полковникамъ Толмачеву, Арбузову, командовавшимъ баталіонами капитанамъ Грузинскому Царевичу Ильѣ, Савелову, Мандерштерну и Безобразову“.

И затѣмъ, послѣ перечисленія нѣкоторыхъ, не ускользнувшихъ отъ опытнаго глаза, случайныхъ неисправностей и послѣ указаній о томъ, какъ избѣжать ихъ въ будущемъ, приказъ этотъ заканчивается словами: „Наконецъ, повторяю, что вообще маневромъ я весьма доволенъ; я вижу уже успѣхъ съ послѣдняго раза и прошу всѣхъ гг. штабъ- и оберъ-офицеровъ продолжать также; такимъ образомъ большими шагами приблизимся къ должному познанію нашего ремесла. Благодарю всѣхъ гг. штабъ- и оберъ-офицеровъ Л.-Гв. Измайловскаго полка и гг. штабъ- и оберъ-офицеровъ конно-піонерныхъ эскадроновъ; мнѣ особенно пріятно, когда имѣю причину объявить гг. офицерамъ, что я ими доволенъ“.

Особенно же интересенъ приказъ отъ 11-го Декабря 1822 года за № 48, начинающійся словами:

„Въ Измайловскомъ полку гренадерскій взводъ въ отличномъ видѣ, ничего почти нельзя требовать лучшаго для заслуженныхъ и изранныхъ людей; усердіе видно во всѣхъ, и безъ почтенія на этотъ взводъ нельзя и взирать“.

Ревностная служба Великаго Князя заслуживала ему не разъ одобреніе его Державнаго брата. Какъ извѣстно, знаменательный разговоръ 13-го Юля 1819 года въ Красномъ Селѣ, когда Императоръ объявилъ юному Великому Князю и его супругѣ объ ожидавшей ихъ высокой участи, произошелъ послѣ линейнаго ученія и маневра 2-й бригады 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи, которою блестяще командовалъ юный Великій Князь.

Однако, исполняя съ рѣдкимъ и примѣрнымъ усердіемъ свои обязанности бригаднаго генерала, Великій Князь невольно чувствовалъ,

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ
НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧЪ.

Раб. Г. Дау 1822 г. Собств. Л. К. Сухановой въ СПб.

что его полетъ могъ быть болѣе широкимъ, и иногда, при всей своей безпритязательности, самъ тяготился своимъ служебнымъ положеніемъ. Объ этомъ сохранилась запись князя А. С. Меншикова въ его дневникѣ отъ 15-го Ноября 1823 года. Генераль-адъютантъ А. Ѳ. Орловъ въ разговорѣ съ Великимъ Княземъ сказалъ, что ему желательно отдѣлаться отъ командованія бригадой; Николай Павловичъ, покраснѣвъ, воскликнулъ: „Ты—Алексѣй Ѳедоровичъ Орловъ, а я—Николай Павловичъ, между нами есть разница, и ежели тебѣ тошна бригада, какъ же мнѣ командовать бригадою, имѣя подъ своимъ начальствомъ Инженерный корпусъ съ правомъ утверждать уголовные приговоры до полковника“.

Прежде чѣмъ закончить краткое описаніе дѣятельности Великаго Князя, какъ начальника бригады, необходимо остановиться на одномъ крупномъ фактѣ, характеризующемъ продуктивность работъ Николая Павловича.

Находясь въ 1822 году въ Вильнѣ, Великій Князь обратилъ вниманіе на то, что молодые люди, поступающіе подпрапорщиками даже въ гвардію, оказывались совершенно неподготовленными въ теоріи военнаго дѣла. Желая устранить этотъ недостатокъ, онъ приказалъ собрать подпрапорщиковъ своей бригады и организовалъ ихъ обученіе подъ личнымъ своимъ наблюденіемъ и руководствомъ. Этотъ опытъ привелъ къ тому, что, по возвращеніи гвардіи въ Петербургъ, Великій Князь представилъ проектъ объ учрежденіи постоянной школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ, утвержденный Императоромъ Александромъ 9-го Мая 1823 года. Въстѣ съ тѣмъ Государь повелѣлъ состоять этой школѣ подъ главнымъ надзоромъ Великаго Князя Николая Павловича.

Въ бытность свою командиромъ бригады Великому Князю нерѣдко приходилось вступать во временное командованіе всею 1-ю гвардейскою пѣхотною дивизіей. Такъ было въ началѣ 1822 года, когда начальникъ дивизіи, генераль Паскевичъ, вступилъ во временное командованіе Гвардейскимъ корпусомъ. То же самое повторилось и въ концѣ 1824 года вслѣдствіе назначенія Паскевича временнымъ комендантомъ Выборгской стороны по случаю бывшаго тогда въ Петербургѣ всѣмъ извѣстнаго наводненія.

3-го Марта 1825 года Великій Князь былъ назначенъ Начальникомъ 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи, причемъ распределеніе гвар-

дейскихъ пѣхотныхъ частей было измѣнено повидимому съ тѣмъ, чтобы подъ командою Великаго Князя остались излюбленныя его войска, которыхъ онъ состоялъ Шефомъ, т. е. Л.-Гв. Измайловскій полкъ и Л.-Гв. Саперный баталіонъ. Такимъ образомъ 2-я дивизія была составлена изъ слѣдующихъ частей: 3-я бригада гвардейской пѣхоты, въ которую вошли Л.-Гв. Измайловскій и Павловскій полки, а также Л.-Гв. Саперный баталіонъ, и 4-я бригада съ полками Л.-Гв. Егерскимъ и Финляндскимъ.

Приказы Великаго Князя по дивизіи, какъ въ эпоху временнаго его командованія, такъ и въ 1825 году послѣ полученія дивизіи, даютъ такой же богатый матеріалъ для обрисовки весьма продуктивной дѣятельности и духовнаго облика Николая Павловича.

Не останавливаясь на нихъ подробно, чтобы избѣжать повтореній, приведемъ полностью три приказа начала 1822 года — одинъ — характеризующій отношеніе Великаго Князя къ провинностямъ офицеровъ, а два другіе — указывающіе на умѣніе юнаго начальника цѣнить ревностную службу его подчиненныхъ.

Приказъ отъ 4-го Февраля за № 6 гласитъ:

„При осмотрѣ мною сего числа госпиталя Л.-Гв. Егерскаго полка не нашелъ я при ономъ дежурнаго офицера, онаго жъ полка прапорщика барона Тизенгаузена 2-го, который, какъ старый дежурный, не дождавъ смѣны, не долженъ былъ уходить, за что и арестованъ мною впредь до приказанія, причемъ я пужнымъ считаю подтвердить всѣмъ гг. офицерамъ, дабы отнюдь не отлучались отъ своихъ мѣстъ безъ спросу, въ противномъ случаѣ будетъ взыскано по всей строгости“.

Два другихъ приказа, однородныхъ по содержанію, объявленные послѣдовательно 27-го Февраля и 8-го Марта подъ №№ 11 и 14, ясно показываютъ умѣніе покорять сердца подчиненныхъ ему войскъ не только справедливыми строгостями, но и заслуженными милостями.

„Пріятнымъ долгомъ поставляю объявить совершенное мое удовольствіе гг. командирамъ 1-го баталіона Л.-Гв. полковъ Измайловскаго—Годеину 2-му и Егерскаго—Арбузову за отличное двухмѣсячное состояніе въ гарнизонѣ въ г. Вильно. Пріятно мнѣ было видѣть во все сіе время ихъ отличное усердіе; еще пріятнѣе мнѣ было слышать о нихъ тотъ же отзывъ отъ командующаго въ мое отсутствіе ди-

взвѣію генераль-маіора Паткуля. Мнѣ особенное удовольствіе служить съ подобными товарищами, равно и гг. оберъ-офицерамъ, здѣсь квартирующимъ, отдаю полную справедливость за исправность, ими соблюдаемую; не сомнѣваюсь, что и впредь не буду имѣть причины иное въ нихъ замѣтить, какъ нынѣшнее усердіе и охоту къ службѣ“.

„Оба баталіона, приведя на квартиры, не учить двѣ педѣли съ приводу, чтобы дать имъ нѣсколько отдохнуть отъ тяжелой здѣсь службы“.

Второй приказъ, наполненный благодарностями за службу, гласилъ:

„Пріятнымъ долгомъ поставляю объявить совершенную мою благодарность гг. штабъ- и оберъ-офицерамъ Л.-Гв. Измайловскаго полка за сегодняшній разводъ, который во всѣхъ частяхъ былъ отличенъ; также вторично повторяю гг. штабъ- и оберъ-офицерамъ стоящаго здѣсь 1-го баталіона Л.-Гв. Измайловскаго полка, въ особенности же баталіонному командиру г. полковнику Годенну 2-му, что усердіе ихъ и неутомимость мнѣ извѣстны и что мнѣ особенно пріятно сдѣлать извѣстнымъ по дивизіи доброе мое о нихъ мнѣніе“.

За командованіемъ дивизіею засталъ Великаго Князя Николая Павловича знаменательный моментъ, когда онъ былъ призванъ къ трудному, но великому служенію родинѣ, какъ верховный вождь Русскаго государства.

Не смотря на то, что Императрица Марія Ѳеодоровна и нѣкоторые воспитатели всѣми силами старались дать Августѣйшему юношѣ гражданское воспитаніе и ослабить въ немъ все военное, изъ Великаго Князя Николая все-таки выработался, какъ мы видѣли, серьезный знатокъ „военнаго ремесла“, съ истинно-воинскими наклонностями и по-

Великій Князь
Николай Павловичъ.

Рис. Крюгеръ.

Лит. Ф. Больдъ.

ложительнымъ, твердо установившимся, характеромъ, не допускавшимъ ни малѣйшаго уклоненія къ-либо отъ своихъ обязанностей и всегда не забывавшимъ поощрить ревностныхъ исполнителей его воли и приказаній. Великій Князь Николай Павловичъ самъ повиновался, а сдѣлавшись Императоромъ требовалъ, чтобы ему повиновались!

Эти то самобытныя черты характера Императора Николая Павловича сыграли не маловажную роль въ разыгравшихся на Сенатской площади 14-го Декабря 1825 г. кровавыхъ событіяхъ, сопровождавшихъ его вступленіе на престолъ.

ГЛАВА III.

14 Декабря 1825 года.

День восшествия на престоль Императора Николая Павловича ознаменовался, какъ извѣстно, происшествіемъ, „маловажнымъ въ самомъ себѣ, но весьма важнымъ по его началу и послѣдствіямъ“ ¹⁾.

Высочайшій Манифестъ по дѣлу о бунтѣ, обнародованный 19-го Декабря 1825 года, раздѣляя всѣхъ участниковъ бунта на два рода: „на заблуждшихъ, умыслу не причастныхъ“ и „злоумышленныхъ ихъ

Картина худ. князя В. Макутова изображаетъ эпизодъ 14-го Декабря 1825 г., когда Императоръ Николай, вернувшись въ Зимній дворецъ, въ ознаменованіе своей благодарности къ гвардейскимъ саперамъ за охрану Его Августѣйшей семьи, вынесъ къ нимъ семилѣтняго Наслѣдника престола со словами: «Любите его, какъ Я васъ люблю». Картина находится въ офицерскомъ собраніи Л.-Гв. Сапернаго баталіона.

¹⁾ Высоч. Манифестъ 19-го Декабря 1825 года.

руководителей“, даетъ яркую характеристику тѣмъ побужденіямъ, которыми руководилось большинство участниковъ мятежа.

Остановливаясь на тѣхъ и другихъ, на заблудшихъ и злоумышленныхъ руководителяхъ, Манифестъ этотъ самъ опредѣляетъ, что заблудшіе „желали быть вѣрными данной ими присягѣ; всѣми средствами обольщенія они были увѣрены, что защищаютъ престолъ и въ семь увѣреніи не могли они внимать никакимъ другимъ убѣжденіямъ“. Такимъ образомъ, заблудшіе, считая по кончинѣ Императора Александра Благословеннаго единственнымъ Наслѣдникомъ Россійскаго престола Цесаревича и Великаго Князя Константина Павловича, принесли Ему своею присягою какъ единственному и законному Императору и ничего не зная ни объ оставленномъ Императоромъ Александромъ Павловичемъ завѣщаніи, ни объ отреченіи Цесаревича отъ престола, сдѣлались слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ „злоумышленныхъ руководителей“ и принимали участіе въ дѣлѣ 14-го Декабря исключительно по недоразумѣнію и по невѣдѣнію. Само собою разумѣется, что къ этимъ „заблудшимъ“ нужно отнести всѣхъ нижнихъ чиновъ — участниковъ бунта.

Императоръ Николай Павловичъ хорошо понялъ роль этихъ заблудшихъ и въ Своемъ Манифестѣ 19-го Декабря 1825 года объявилъ: „ни дѣломъ, ни намѣреніемъ не участвовали въ сихъ злодѣяніяхъ заблудшіе роты нижнихъ чиновъ, невольно въ сію пропасть завлеченныя. Удостоверясь въ семь самымъ строгимъ изысканіемъ, Я считаю первымъ дѣйствіемъ правосудія и первымъ себѣ утѣшеніемъ объявить ихъ невинными“.

Объявивъ прощеніе одной категоріи участниковъ бунта, Императоръ Николай Павловичъ рѣшилъ строго покарать злоумышленниковъ, для которыхъ священныя имена преданности, присяги, законности, самое имя Цесаревича и Великаго Князя Константина Павловича было предлогомъ ихъ вѣроломства. По словамъ Манифеста злоумышленники „желали и искали, пользуясь мгновеніемъ, исполнить злонные замыслы, давно уже составленные, давно уже обдуманые, давно во мракѣ тайны между ними тлѣвшіеся и отчасти токмо извѣстные правительству, испровергнуть Престолъ и Отечественные Законы, превратить порядокъ Государственный, ввести безначаліе“.

Такимъ образомъ изъ изложеннаго видно, что дѣло 14-го Декабря явилось результатомъ какъ бы двухъ теченій. Съ одной сто-

роны—отреченіе Цесаревича Константина Павловича отъ престола въ пользу своего брата Великаго Князя Николая Павловича, санкціонированное покойнымъ Императоромъ и оставленное Имъ въ Своемъ завѣщаніи, отреченіе, о которомъ только знали Цесаревичъ и нѣсколько другихъ лицъ, никого не посвящая въ эту тайну въ теченіе продолжительнаго времени по кончинѣ Александра Благословеннаго. Въ этотъ промежутокъ времени, какъ мы увидимъ ниже, большинство войскъ успѣло уже присягнуть въ вѣрности Наслѣднику по закону, а не по завѣщанію, т. е. Цесаревичу, и такимъ образомъ, естественно, что злоумышленный элементъ легко могъ сыграть и сыгралъ въ свою пользу на вѣрноподадническихъ чувствахъ войсковыхъ частей и безъ особыхъ хлопотъ пополнить кадръ бунтовщиковъ самыми благонамѣренными. Такимъ образомъ и получились „заблуждшіе“, столь великодушно прощенные молодымъ Императоромъ.

CONSTANTIN

Großfürst von Russland, Czarewitsch.

Съ портрета Беннера. Готскій альманхъ.

Вторымъ факторомъ бунта явились разныя тайныя общества, появившіяся въ Россіи съ 1814 года, года вступленія русскихъ войскъ въ Парижъ.

Тамъ, въ Парижѣ, множество офицеровъ были приняты въ массоны и завели связи съ разными тайными обществами, бывшими тогда во Франціи въ большой модѣ. Общества эти, перенесенныя къ намъ съ Запада, имѣли разныя цѣли, но большинство изъ нихъ носило политическій характеръ. Прекрасное опредѣленіе стремленіямъ членовъ этихъ обществъ даетъ записка о нихъ, найденная въ кабинетѣ покойнаго Государя Императора ¹⁾, представленная Ему А. К. Бенкендор-

¹⁾ Записка была представлена Его Величеству въ 1821 году генераль-адъютантомъ А. К. Бенкендорфомъ. Госуд. Архивъ. Разр. 1 В., дѣло № 12.

фомъ: „члены сихъ обществъ мечтали лишь о политикѣ и о томъ, какъ возымѣть вліяніе на Правительство. Явная цѣль сихъ мнимыхъ свободомыслящихъ, точнѣе своевольномыслящихъ, была введеніе конституціи, или собственно такого образа правленія, подъ которымъ своеволие ничѣмъ не было удерживаемо, а пылкимъ страстямъ, неограниченному честолюбію, желанію блистать, предоставлена была бы полная воля. Разумѣется, что вмѣстѣ съ тѣмъ надѣялись занять высшія мѣста въ Правительствѣ и, не опасаясь потери (потому что не имѣли ничего), воспользоваться выгодами переворота“.

Преслѣдуя подобныя цѣли, наводнявшія тогда Россію всевозможныя тайныя общества не разбирали средствъ для ихъ достиженія и, воспользовавшись междуцарствіемъ и опоздавшимъ объявленіемъ объ отреченіи Цесаревича Константина Павловича отъ престола, навербовали себѣ подъ самыми благовидными предлогами несвѣдущихъ, недальновидныхъ людей, увѣренныхъ однако въ томъ, что защищаютъ престолъ по данной Цесаревичу Константину присягѣ.

Такимъ образомъ печальный историческій день 14-го Декабря явился слѣдствіемъ двухъ факторовъ, и при историческомъ анализѣ того злополучнаго „маловажнаго въ самомъ себѣ, но весьма важнаго по началу и послѣдствіямъ“ ¹⁾ событія, придется остановиться подробнѣе на каждомъ изъ нихъ.

Кончина Императора Александра Благословеннаго и послѣдующія событія въ Петербургѣ.

Императоръ Александръ Павловичъ скончался въ Таганрогѣ 19-го Ноября 1825 года, прохворавъ желчной горячкой всего лишь двѣ недѣли. Печальное извѣстіе объ этомъ не скоро дошло до Петербурга. Еще 25-го Ноября пришло отъ Дибича сообщеніе объ усилившейся болѣзни Государя Императора до такой степени, что окружающіе вынуждены были предложить Его Величеству приобщиться Святыхъ Тайнъ. Болѣзнь Императора усилилась настолько, что „жизнь Государя воли не безнадежная, то по крайней мѣрѣ находится въ большой опасности“, писалъ Дибичъ.

Эти свѣдѣнія были присланы къ графу Милорадовичу, къ князю Лопухину, къ Г. Вилламову и къ дежурному генералу Потапову.

¹⁾ Высоч. Манифестъ 19-го Декабря 1825 года.

**РУСКІЙ ИНВАЛИДЪ
ИЛИ
ВОЕННЫЯ ВѢДОМОСТИ.**

Воскресенье, Ноября 29 го дня, 1825-го года.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ

Санктпетербургъ, 27-го Ноября Божественное Провидѣніе по непозвѣданнымъ судьбамъ своимъ поразило Россійскую Имперію такимъ несчастіемъ, котораго нельзя выразить. Фельдъегерь, прибывшій сюда изъ Таганрога 27-го сего мѣсяца, привезъ горестное извѣстіе о кончавъ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА. Узнавъ о семъ неожиданномъ бѣдствіи, Высочайшіе Члены Императорской Фамиліи, Государственный Совѣтъ, Министры, собрались въ Зимнемъ Дворцѣ, гдѣ первый *Его Высочество* Великій Князь НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧЪ, а за нимъ всѣ Чиновники, шущіе находившіеся, также какъ всѣ полки Императорской Гвардіи присягнули въ вѣрности и подданствѣ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ ИМПЕРАТОРУ КОНСТАНТИНУ I.

Печаташе позволено: С. Петербургъ, Ноября 29-го дня, 1825 года. — Цензоръ А. Буруковъ

Графъ Милорадовичъ, получивъ это печальное извѣстіе, сейчасъ же поспѣшилъ донести объ этомъ Его Императорскому Высочеству Великому Князю Николаю Павловичу, который, убѣдившись въ томъ, что Императрица Марія Ѳеодоровна также оповѣщена о письмѣ Дибича, тутъ же во дворцѣ, вмѣстѣ съ графомъ Милорадовичемъ и генераломъ Воиновымъ устроилъ совѣщаніе о томъ, какія мѣры принять въ случаѣ кончины Монарха. Великій Князь Николай Павловичъ предложилъ свое мнѣніе и безповоротное рѣшеніе о томъ, чтобы одновременно при объявленіи о сей „неизрѣчимой потерѣ провозгласить и восшедшаго на Престоль Императора“, и что онъ первый присягнетъ старшему своему брату, какъ законному Наслѣднику престола.

Ночь на слѣдующее число Его Высочество провелъ со своимъ адъютантомъ и товарищемъ молодости, Владиміромъ Ѳеодоровичемъ Адлербергомъ. Естественно, что разговоръ ихъ сосредоточился на полученныхъ изъ Таганрога вѣстяхъ, и Великій Князь, между прочимъ, сказалъ: „Если Богъ опредѣлитъ испытать насъ величайшимъ изъ несчастій, кончиною Государя, то по первому извѣстію, надобно будетъ тотчасъ, не теряя ни минуты, присягнуть брату Константину ‘)“.

Извѣстіе о кончинѣ Императора Александра Павловича было получено въ Петербургѣ лишь 27-го Ноября, когда, по окончаніи во дворцѣ Божественной литургіи, во время молебна о здравіи, прибылъ изъ Таганрога „отъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Елисаветы Алексѣевны фельдъегерь съ извѣстіемъ, что вселюбезнѣйшій Ея Супругъ, Его Императорское Величество Александръ Павловичъ, сего ноябра въ 19 день волею Божіею преставился отъ сія временныя жизни въ вѣчное блаженство послѣ краткой болѣзни, называемой желчною горячкою. Его Величество былъ боленъ съ 5 по 19 ноябра“ *)).

Получивъ свѣдѣніе о кончинѣ Императора Александра Павловича, Великій Князь Николай Павловичъ, прекративъ молебенъ, велѣлъ принести налож и, ни минуты не медля, принесъ присягу въ подданствѣ брату своему и Императору Константину. Примѣру Великаго Князя послѣдовали и подписали присяжные листы и всѣ находящіеся

1) Записки барона Корфа стр. 46—47.

*) Кам.-фур. журн. на половинѣ Государя Императора Александра Павловича. 27 Ноябра 1825 года. Архивъ Мни. Имп. Двора оп. 29/1619, д. 23.

въ это время во дворцѣ, какъ-то: Военный Министръ Татищевъ, генераль Кутузовъ, дежурный генераль Потаповъ и многіе другіе.

Давъ такимъ образомъ присягу новому Монарху Константину Павловичу, Великій Князь Николай Павловичъ явился самъ передъ

Съ рѣдчайшей литографіи по рис. А. Уткина.
Императорскій Эрмитажъ.

внутреннимъ Преображенскаго полка карауломъ, объявилъ имъ о кончинѣ Государя и провозгласилъ Императоромъ Константина. Карауль съ горестью принялъ объявленіе и не замедлилъ присягнуть. Сдѣлавъ это, Его Высочество, за отсутствіемъ коменданта Башуцкаго, поручилъ дежурному генералу Потапову немедленно привести къ присягѣ главный и прочіе караулы съ ихъ постами, а генералу Нейдарту

съѣздить въ Невскій монастырь къ генералу Воинову съ предложениемъ исполнить то же во всѣхъ гвардейскихъ частяхъ.

О непоколебимости рѣшенія Великаго Князя Николая Павловича исполнить до конца все то, что онъ считалъ своимъ долгомъ по отношенію къ старшему брату, прекрасно свидѣтельствуеетъ баронъ Корфъ въ своихъ запискахъ.

Изъ церкви Великій Князь поспѣшилъ опять къ Императрицѣ. Она была въ своихъ покояхъ. Николай Павловичъ сообщилъ ей, что уже выполнилъ первый долгъ Свой къ новому Государю и что всѣ караулы, а также Милорадовичъ и многіе другіе вмѣстѣ съ нимъ присягнули. „Nicolas, qu'avez-vous fait!—воскликнула Императрица съ ужасомъ,—ne savez-vous donc pas qu'il y a un acte qui vous nomme héritier présomptif?“ Великій Князь положительно впервые о томъ слышалъ. „S'il y en a un, —отвѣчалъ онъ,—il ne m'est pas connu et personne ne le sait; mais nous savons tous, que notre maître, notre Souverain légitime après l'Empereur Alexandre, est mon frère Constantin; nous avons donc rempli notre devoir: adviene ce qui pourra!...“

Въ это время прибылъ князь Голицынъ и, видя себя отъ потери обожаемаго Монарха, не скрывъ своего отчаянія и о совершившемся во дворцѣ. Подтверждая сказанное Императрицею, онъ сталъ укорять Николая Павловича за приписанную имъ присягу и требовалъ повиновенія волѣ покойнаго Государя. Великій Князь съ своей стороны изъяснялъ, что эта воля никогда не была оглашена и даже для него оставалась тайною; говорилъ, что присягою хотѣлъ утвердить уваженіе свое къ первому и коренному закону о непоколебимости въ порядкѣ престолонаслѣдія, уничтожить самую тѣнь сомнѣнія въ чистотѣ своихъ намѣреній и охранить Россію даже отъ мгновенной неизвѣстности о законномъ ея Государѣ; прибавилъ, что сдѣланное уже невозвратно, но если-бы и могло быть возвращено, то онъ поступилъ бы опять точно такъ же; наконецъ рѣшительно отвергъ требованіе Голицына, какъ казавшееся ему совершенно неумѣстнымъ, тѣмъ болѣе, что старшій братъ, которому принадлежитъ престолъ по закону, находится въ отсутствіи ⁴⁾.

Въ день полученія въ Петербургѣ печальнаго извѣстія о кончинѣ Императора Александра Павловича, Государственный Совѣтъ открылъ

⁴⁾ Записки барона Корфа, стр. 51—52.

засѣданіе предложеніемъ приступить къ распечатанію конверта, въ которомъ заключалась воля покойнаго Государя. Послѣ нѣкоторыхъ преній оставленный Императоромъ Александромъ пакетъ былъ вскрытъ и въ немъ было начертано отреченіе отъ престола Государя Цесаревича и нареченіе Наслѣдникомъ Государя Великаго Князя Николая Павловича ¹⁾.

Возникшія въ Совѣтѣ по этому случаю разногласія были прекращены предложеніемъ пригласить въ Совѣтъ и Великаго Князя Николая Павловича, но графъ Милорадовичъ заявилъ, что такъ какъ Его Высочество уже присягнулъ, то онъ считаетъ неприличнымъ приглашать Его по этому поводу въ Совѣтъ. Съ своей стороны графъ Милорадовичъ предложилъ довести обо всемъ происшедшемъ въ Совѣтѣ до свѣдѣнія Его Высочества и попросить, чтобы Великій Князь Николай Павловичъ допустилъ Совѣтъ къ себѣ для доклада. Совѣтъ согласился съ предложеніемъ графа, а Великій Князь отозвался, что онъ не можетъ воспретить ихъ прибытію. Когда же Совѣтъ прибылъ, то Его Высочество категорически ему заявилъ, что содержаніе вскрытаго акта давно, еще съ 13 Іюля 1819 года, ему извѣстно, но что онъ ни въ какомъ случаѣ не дерзнетъ занять мѣсто старшаго брата, отъ Высочайшей воли коего зависитъ его участь, и что, поставивъ въ священную обязанность всеподданнѣйше ему повиноваться, онъ далъ въ томъ присягу и затѣмъ остается въ полномъ увѣреніи, что и онъ, т.-е. Совѣтъ, для блага государства послѣдуетъ его примѣру.

Совѣтъ тутъ же, въ присутствіи Великаго Князя, принесъ присягу Императору Константину и представился Ея Величеству Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, которая такъ же, какъ и ея Августѣйшій сынъ, заявила Совѣту, что содержаніе оставленнаго покойнымъ Монархомъ акта ей извѣстно, что совершенъ этотъ актъ съ ея родительской воли, но что и она, увлекшись подвигомъ своего сына, Великаго Князя Николая, одобряетъ всѣ его дѣйствія и проситъ Совѣтъ лишь объ одномъ—о сохраненіи всѣми силами спокойствія въ Имперіи.

Хранящійся въ Сенатѣ подобный же актъ министромъ юстиціи всеподданнѣйше отправленъ Государю Императору съ донесеніемъ, что Сенатъ принесъ присягу законному Наслѣднику, Цесаревичу Константину, и что уже объ этомъ разосланы указы для исполненія; пакетъ же,

¹⁾ Манифестъ объ отреченіи отъ престола Цесаревича и о назначеніи Наслѣдникомъ Николая Павловича помѣщенъ въ приложеніяхъ къ настоящему выпуску.

хранящійся въ Синодѣ, по настоянію Великаго Князя Николая Павловича, рѣшено было не распечатывать впредь до полученія объ этомъ особаго Высочайшаго повелѣнія.

Главный Штабъ Его Императорскаго Величества также, по примѣру прочихъ, не замедлилъ присягнуть въ своей церкви въ поддан-

ИМПЕРАТРИЦА МАРІЯ ФЕОДОРОВНА.

Грав. Райтъ 1825 г.

Изъ собр. Д. Ровинскаго.

ствѣ Императору Константину Павловичу и отправить приказанія ко всѣмъ главнокомандующимъ и начальникамъ корпусовъ немедленно приступить къ исполненію таковой же священной обязанности. Графъ же Милорадовичъ, по соглашенію съ Его Высочествомъ, отправилъ въ Москву къ князю Голицыну и въ Финляндію къ генералъ-адъютанту Закревскому своихъ адъютантовъ съ подробнымъ изложеніемъ событій въ столицѣ и съ предложеніемъ не медля привести къ присягѣ на вѣр-

ность Императору Константину Павловичу войска какъ въ Москвѣ, такъ и въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ.

Въ то же время высшія Государственныя Учрежденія и Министры отправили въ Варшаву къ новому Императору Константину своихъ довѣренныхъ лицъ съ письмами, а Великій Князь Николай Павловичъ отправилъ своего адъютанта Лазарева со слѣдующимъ письмомъ: „Любезный Константинъ. Предстаю передъ моимъ Государемъ съ присягою, которую уже и принесъ ему со всѣми меня окружавшими въ церкви, въ ту самую минуту, когда разразилась надъ нами вѣсть о жесточайшемъ изъ всѣхъ несчастій. Какъ сострадаю я тебѣ и какъ всѣ мы несчастливы. Бога ради не покидай насъ и не оставляй однихъ. Твой братъ, твой вѣрный подданный на жизнь и на смерть Николай“.

Кабинетъ покойнаго Государя Императора въ Зимнемъ дворцѣ тотчасъ же, по полученіи извѣстія о его кончинѣ, 27 Ноября, былъ немедленно опечатанъ графомъ Милорадовичемъ, а кабинетъ въ Царскосельскомъ дворцѣ по порученію Великаго Князя Николая Павловича опечаталъ посланный туда генераль-маіоръ Стрекаловъ.

Такимъ образомъ, согласно принятому Великимъ Княземъ Николаемъ Павловичемъ безповоротному рѣшенію не принимать уступленнаго ему Цесаревичемъ Константиномъ престола, благодаря нежеланію Великаго Князя „дерзнуть занять мѣсто старшаго брата“ и благодаря громадной энергіи и посѣшности, проявленной Его Высочествомъ въ дѣлѣ непринятія завѣщаннаго ему Императоромъ Александромъ престола, къ тремъ часамъ дня войско, такъ равно гражданскіе чины и жители столицы успѣли принести присягу новому Императору Константину Павловичу.

Съ этихъ поръ жизнь въ столицѣ вошла въ свою прежнюю колею, такъ какъ всѣ считали восшедшимъ на престолъ Цесаревича Константина Павловича и вопросъ о Наслѣдникѣ Благословеннаго —

Генераль-адъютантъ
графъ АРСЕНІЙ АНДРЕЕВИЧЪ
ЗАКРЕВСКІЙ.
Изъ собр. портр. Имп. Гл. Кв.

исчерпаннымъ. Служба какъ по гарнизону, такъ и по всѣмъ прочимъ военнымъ и гражданскимъ частямъ сохранила свой обычный ходъ во время отсутствія Государя, что было тогда принято соблюдать до получения Высочайшихъ повелѣній. Въ отвѣтъ на посланныя Главнымъ Штабомъ начальникамъ различныхъ корпусовъ приказанія о приведеніи войсковыхъ частей къ присягѣ на подданство Цесаревичу Константину стали, какъ и слѣдовало ожидать, получаться донесенія со

Генераль-адъютантъ
Великій Князь
МИХАИЛЪ ПАВЛОВИЧЪ.

Ген.-ад. съ 23 Сент. 1831 г. по 19 Сент. 1849 г.

всѣхъ концовъ Россіи объ исполненіи присяги. Такъ, первое извѣстіе о присягѣ Цесаревичу Константину Павловичу получено отъ корпуса военныхъ поселеній; 2-го Декабря полученъ отвѣтъ отъ генераль-адъютанта Закревскаго о приведеніи въ Гельсингфорсѣ къ присягѣ какъ русскихъ, такъ и финляндскихъ войскъ, а также Сената и всѣхъ присутственныхъ мѣстъ; 3-го Декабря адъютантъ князя Голицына, Но-

восильцевъ, привезъ извѣстіе о приведеніи къ присягѣ всей Москвы, и что хранящійся въ Успенскомъ Соборѣ пакетъ оставленъ неприкосновеннымъ впредь до Высочайшаго распоряженія ¹⁾).

Однако, такое нормальное теченіе жизни въ столицѣ продолжалось недолго. 3-го Декабря прибылъ изъ Варшавы въ Петербургъ послан-

¹⁾ Записка Великаго Князя Николая Павловича Императору Константину Павловичу съ надписью: «отъ брата Николая брату Константину». Шильдеръ, Императоръ Николай I, Спб. 1903 г. т. I приложение XXVII, стр. 613.

ный Цесаревичемъ Константиномъ Павловичемъ Великій Князь Михаилъ Павловичъ съ извѣстіемъ о томъ, что Цесаревичъ Константинъ, не смотря на присланные ему въ Варшаву присяжные листы, въ свою очередь отрывается отъ престола въ пользу брата своего Николая Павловича, свято сохраняя данное покойному Императору обязательство ¹⁾).

Дѣятельность Цесаревича Константина Павловича въ Варшавѣ по полученіи извѣстія о кончинѣ Императора Александра I.

Когда вѣсть о кончинѣ Императора Александра Павловича сдѣлалась извѣстною въ Варшавѣ, Цесаревичъ Константинъ Павловичъ, зная данное покойному Государю обѣщаніе, не приводилъ къ присягѣ ни войска, ни народъ. Вслѣдствіе этого между поляками, какъ рассказываетъ Веригинъ, стала ходить молва, что Цесаревичъ, желая быть польскимъ королемъ, не спѣшитъ съ принятіемъ русской короны.

Въ прежнее время мысль о предоставленіи Константину Павловичу польской короны была возможна, но въ 1825 году, послѣ Вѣнскаго конгресса и тѣхъ отношеній, которыя установились послѣ него между Россіей и Польшей, осуществленіе этой идеи являлось уже немислимымъ. Въ 1789 году 8-го Іюля, Ростопчинъ въ письмѣ къ графу С. Р. Воронцову, между прочимъ, писалъ: „Понятовскій, чтобы доказать свою преданность Императрицѣ, предлагалъ Константину польскую корону съ тѣмъ, чтобы Великій Князь женился на дочери курфюрста саксонскаго“. Между тѣмъ Цесаревичъ Константинъ Павловичъ, помня данное покойному Государю обязательство, очевидно, не оставлялъ желанія сдѣлаться польскимъ королемъ и въ описываемое время. Такъ, когда, послѣ полученія извѣстія о смерти Императора Александра Павловича, представляющійся Его Высочеству польскій генералъ Рожнецкій назвалъ Великаго Князя „Императорскимъ Величествомъ“, Цесаревичъ разсердился и приказалъ не называть не принадлежащимъ ему титуломъ, но когда, вслѣдъ затѣмъ, тотъ же генералъ Рожнецкій назвалъ Цесаревича „Его Королевскимъ Величествомъ“, то Константинъ Павловичъ не выразилъ неудовольствія ²⁾).

Въ письмѣ отъ 26 Ноября на имя Великаго Князя Николая Павловича Цесаревичъ официальнымъ тономъ писалъ: „по силѣ Высо-

¹⁾ Воспоминанія Н. Д. Данилова. Русск. Старина 1870 г.

²⁾ Карновичъ. «Цесаревичъ Константинъ Павловичъ». Спб. 1897 г. стр. 164 и слѣд.

ПО УКАЗУ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА
КОНСТАНТИНА ПАВЛОВИЧА,
САМОДЕРЖЦА ВСЕРОССИЙСКАГО,

и прочая, и прочая, и прочая.

№: 3771
Отъ Санктпетербурга до Могилева, ершелев Адвотанту
Его Императорскаго Величества, Господину Полковнику
и кавалеру Шкурину, 2^{му} Отправленному по Свѣдѣнныи
Казенныи надобности, съ Турецкими изъ Могилева
давать по три лошади съ проводниками, за указные прогоны безъ задержанія
въ Санктпетербургъ 1825го года. Декабря 7го дня.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Вселицезивѣйшаго Госу-
даря моего Генералъ отъ Инфантеріи, Членъ Государственнаго Со-
вета и Комитета ГГ. Министровъ, С. Петербургскій Военный Ге-
нералъ-Губернаторъ, Управляющій и гражданскою частію; всѣхъ Рос-
сійскихъ, Прусскихъ и разныхъ иностранныхъ орденовъ и двухъ золо-
тыхъ шпагъ украшенныхъ алмазами: одной съ надписью за хра-
брость и за спасеніе Бухареста, а другой съ лаврами, кавалеръ

Константин Павлович

Съ сей подорожной за _____
верст _____ руб _____
_____ коп _____
Казначей _____

чайшаго собственноручнаго рескрипта покойнаго Государя Императора, отъ 2-го февраля 1822 года, во мнѣ послѣдовавшаго, уступаю Вамъ право мое на наслѣдіе Императорскаго Всероссійскаго Престола“.

Изъ того, что Цесаревичъ ссылался лишь на Высочайшій рескриптъ 1822 года, а не упоминалъ Манифеста 1823 года, можно предположить, что онъ или не зналъ о существованіи такового, или умышленно его замолчалъ. Трудно себѣ представить, чтобы Цесаревичъ Константинъ Павловичъ не зналъ содержанія касающагося его лично Государственнаго акта 1823 года, а, какъ самое выраженіе въ приведенномъ отрывкѣ письма, что онъ „уступаетъ право на наслѣдіе Престола“, такъ равно сухость и официальность его, въ отвѣтъ на теплыя и искреннія письма Великаго Князя Николая Павловича, наталкиваютъ на предположеніе, что Цесаревичъ Константинъ Павловичъ, не смотря на данное Императору Александру обѣщаніе, отказывался отъ русской короны съ большою неохотою. Отказавшись же, въ силу необходимости, отъ престола, весьма возможно, что Цесаревичъ не покидалъ мысли о возможности сдѣлаться польскимъ королемъ, тѣмъ болѣе, что, по заявленію самаго Цесаревича, какъ передаетъ сенаторъ И. Д. Даниловъ ¹⁾, согласіе Императора Александра на бракъ Константина съ княгинею Ловичъ было получено не иначе, какъ по отреченіи отъ престола.

Только этимъ и можно объяснить то обстоятельство, что Цесаревичъ, получивъ извѣстіе о кончинѣ Императора Александра Павловича, не спѣшилъ, подобно Великому Князю Николаю Павловичу, приводить къ присягѣ ни войска, ни народъ.

Задерживая приведеніе къ присягѣ на подданство Великому Князю Николаю Павловичу, Цесаревичъ, въ отвѣтъ на запросы о дальнѣйшемъ образѣ дѣйствій должностныхъ лицъ, своими словами: „пока все остается по прежнему“, ввелъ неопредѣленность, а всѣмъ своимъ подчиненнымъ, обращавшимся къ нему за приказаніями, какъ къ новому Монарху, строго-на-строго запретилъ „не давать ему не принадлежащаго титула“.

Карновичъ въ своей монографіи ²⁾ рассказываетъ: „когда вѣсть о кончинѣ Императора Александра Павловича сдѣлалась извѣстною

¹⁾ Русская Старина 1870 г. стр. 163.

²⁾ Карновичъ. «Цесаревичъ Константинъ Павловичъ», стр. 163.

въ Варшавѣ, то въ городѣ и въ войсѣ произошло необычайное движеніе и всѣ ожидали распоряженія о присягѣ Константину Павловичу, но такого распоряженія не было, а Цесаревичъ продолжалъ настаивать на своемъ отказѣ отъ престола... Между тѣмъ къ Брюлевскому дворцу безпрестанно подъѣзжали фельдъегеря, генералы, адъютанты, духовныя лица и гражданскіе чиновники. Пріема однако не было и дежурный адъютантъ Цесаревича объявлялъ являвшимся во дворецъ лицамъ, что приказанія въ свое время будутъ объявлены, а „пока все остается по прежнему“. Сообразно съ этимъ держалъ себя Цесаревичъ. Когда, послѣ объявленія Цесаревичемъ окружающимъ его лицамъ о кончинѣ Императора, состоявшій при Великомъ Князѣ Н. Н. Новосильцевъ спросилъ: „Какія же будутъ теперь приказанія Вашего Величества?“ Цесаревичъ остановилъ его словами: „прошу не давать мнѣ этого не принадлежащаго титула“. Затѣмъ, въ продолженіе разговора, Новосильцевъ снова назвалъ Цесаревича „Величествомъ“. — „Въ послѣдній разъ,—закричалъ Цесаревичъ съ нѣкоторымъ уже гнѣвомъ,—въ послѣдній разъ прошу васъ перестать и помнить, что теперь законный нашъ Государь и Императоръ — Николай Павловичъ“. Когда ему былъ поданъ посланный изъ Таганрога рапортъ барона Дибича о состояніи арміи и о другихъ управленіяхъ и частяхъ военнаго вѣдомства, то, увидѣвъ, что на пакетахъ было надписано: „Его Императорскому Величеству Государю Константину I“, Цесаревичъ нераспечатанными возвратилъ пакеты привезшему ихъ фельдъегеру и приказалъ его тотчасъ же ночью выпроводить изъ Варшавы, не позволивъ ему даже отдохнуть, и строго запретилъ ему видѣться съ кѣмъ-либо въ Варшавѣ. Рѣшимость Великаго Князя не принимать престола поддерживалась и съ той стороны, откуда, повидимому, слѣдовало бы ожидать противоположныхъ внушеній: княгиня Ловичъ умоляла его не измѣнять своего намѣренія, и Цесаревичъ, чтобъ успокоить ее, сказалъ ей: „*tranquillisez vous, madame, vous ne regnerez jamais*“.

Въ своихъ запискахъ о событіяхъ въ Варшавѣ, послѣдовавшихъ за полученіемъ извѣстія о кончинѣ Государя Александра Павловича, сенаторъ И. Д. Даниловъ рассказываетъ ¹⁾, что Цесаревичъ Константинъ Павловичъ собралъ своихъ приближенныхъ, сообщилъ имъ со слезами эту вѣсть и объявилъ, что хотя окружающіе Государя признали его, Константина, Императоромъ, а князь Волконскій и баронъ

¹⁾ Русская Старина 1870 г., стр. 163.

Дибичъ съ прочими, находящимися тогда въ Таганрогѣ, прислали ему присяжные листы, но что онъ возвращаетъ имъ эти листы, такъ какъ отрекается отъ престола, сохраняя свято и по чести данное покойному Императору обязательство. Далѣе онъ заявилъ, что когда про-

Генераль-адъютантъ Свѣтлѣйшій князь
ПЕТРЪ МИХАЙЛОВИЧЪ
ВОЛКОНСКІЙ.

Съ миниатюры, акварелью. Изъ собр. портр. Имп. Гл. Кв.

силъ позволенія вступить въ бракъ съ княгинею Ловичъ, то оное получилъ, но не иначе, какъ давъ отреченіе отъ престола. Цесаревичъ заявилъ также, что, не принявъ принесенной ему присяги, онъ писалъ къ Великому Князю Николаю Павловичу, какъ Императору, что будетъ служить ему вѣрно въ тѣхъ должностяхъ, которыя имѣлъ при Александрѣ, а если Императору Николаю не угодно, то онъ желаетъ навсегда остаться частнымъ человѣкомъ и основать пребываніе свое въ Лазенкахъ. Присланные изъ Сената съ состоявшимъ за оберъ-прокурорскимъ столомъ чиновникомъ Никитинымъ бумаги Цесаревичъ не только не принялъ, но, увидѣвъ Никитина, который слылъ отчаяннымъ игрокомъ, спросилъ его: „Что вамъ отъ меня угодно, — я уже давно не играю въ крепсъ“. Въ то же время пріѣхалъ въ Варшаву изъ Москвы съ пакетомъ, адресованнымъ къ Константину Павловичу,

какъ къ Императору, адъютантъ московскаго генераль-губернатора князя Голицына, Демидовъ. Взглянувъ на конвертъ, Цесаревичъ, не распечатывая, передалъ его Демидову съ такими словами: „Скажите князю Голицыну, что не его дѣло вербовать въ цари“.

Какъ бы то ни было, Цесаревичъ приказалъ изготвить письма къ Императрицѣ-матери и къ брату Великому Князю Николаю Павловичу, а также въ Таганрогъ къ барону Дибичу и князю Волконскому. Послѣднему, между прочимъ, онъ писалъ, что онъ остается товарищемъ его, т.-е. въ званіи генераль-адъютанта, — выраженіе весьма лестное для всѣхъ чиновъ Государевой Свиты ¹⁾).

Наконецъ письма въ Петербургъ были написаны. „Я исполнилъ данный обѣтъ и мой долгъ, — сказалъ тогда онъ Михаилу Павловичу, — печаль о потерѣ нашего благодѣтеля останется во мнѣ вѣчной; но по крайней мѣрѣ я чистъ передъ священной его памятью и передъ собственной совѣстью. Ты понимаешь, что никакая сила уже не можетъ поколебать моей рѣшимости, а чтобъ еще болѣе удостовѣрить въ томъ матушку и брата и отнять у нихъ послѣднее сомнѣніе, ты самъ отвезешь къ нимъ мои письма. Готовься сегодня же ѣхать въ Петербургъ“ ²⁾). Въ тотъ же день, 26 Ноября, Великій Князь отправился съ врученными ему письмами къ Августѣйшимъ Матери и Брату.

Приведенныя слова Цесаревича, обращенныя къ брату своему Великому Князю Михаилу Павловичу, также наталкиваютъ на предположеніе о томъ, что въ моментъ полученія въ Варшавѣ извѣстія о кончинѣ Императора Александра, Цесаревичъ Константинъ Павловичъ нѣсколько колебался въ своемъ рѣшеніи исполнить данный имъ Александру Благословенному обѣтъ объ отреченіи отъ престола въ пользу Великаго Князя Николая Павловича. Не спѣша съ приводомъ къ присягѣ и не присягая самъ, Цесаревичъ, какъ то видно изъ его же словъ, лишь на слѣдующій день окончательно постановилъ отречься отъ престола, и слова его: „ты понимаешь, что никакая сила уже не можетъ поколебать моей рѣшимости“ были сказаны Великому Князю не сейчасъ же по полученіи извѣстія о кончинѣ Государя, а лишь на другой день, т.-е. 26 Ноября. Такимъ образомъ весьма возможно, что цѣлыя сутки Цесаревичъ находился въ размышленіи, не приходя къ

¹⁾ Баронъ Корфъ. «Восшествіе на престолъ Императора Николая I», стр. 44. Изд. 4-е, 1857 г.

²⁾ Ibid., стр. 37.

окончательному рѣшенію. Но это лишь предположенія, являющіяся слѣдствіемъ необъяснимой проволочки со стороны Цесаревича въ дѣлѣ приведенія къ присягѣ своему младшему брату.

Въ письмѣ своемъ къ матери, отправленномъ чрезъ своего брата, Цесаревичъ писалъ: „Всемиловѣйшая Государыня, Вселюбезнѣйшая Родительница! Съ сокрушеннымъ сердцемъ получивъ вчерашняго числа, въ 7-мъ часу вечера, поразившее меня глубочайшею горестью, отъ

Генералъ-адъютантъ
баронъ Иванъ Ивановичъ
ДИБИЧЪ.

Начальника главнаго Штаба Его Императорскаго Величества, генералъ-адъютанта барона Дибича, и генералъ-адъютанта князя Волконскаго увѣдомленіе и актъ, при семъ въ оригиналахъ прилагаемые, о кончинѣ обожаемаго нами Государя Императора Александра Павловича, моего благодѣтеля, спѣшу раздѣлить съ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ постигшую насъ скорбь, прося Всевышняго, дабы

Онъ всемогущею благодатию Своею подерѣшилъ силы наши къ перенесенію столь жестоко постигшаго насъ рока.

„Степень, на которую меня возводитъ поразившее насъ несчастіе, поставяетъ меня въ обязанность излить предъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ, со всею откровенностью, истинныя чувствованія мои по сему важному предмету.

„Не безызвѣстно Вашему Императорскому Величеству, что, по собственному моему побужденію, просилъ я, блаженной памяти Императора Александра Павловича, объ устраненіи меня отъ права наслѣдія Императорскаго Престола, на что я удостоился получить отъ 2 февраля 1822 года собственноручный Высочайшій рескриптъ, у сего въ засвидѣтельствованной копіи прилагаемый, въ коемъ Его Императорское Величество изъявилъ на то Высочайшее Свое соизволеніе, объявля, что и Ваше Императорское Величество на то согласны, что самое и лично изволили мнѣ подтвердить. Притомъ воля покойнаго Государя Императора была, дабы помянутый Высочайшій рескриптъ хранился у меня въ тайнѣ до кончины Его Величества.

„Обыкши съ младенчества исполнять свято волю, какъ покойнаго родителя моего, такъ и скончавшагося Государя Императора, а равно Вашего Императорскаго Величества, я, не выходя и нынѣ изъ предѣловъ оной, почитаю обязанностью моею, право мое на наслѣдіе, согласно установленному государственному акту о наслѣдіи Императорской фамиліи, уступить Его Императорскому Высочеству Великому Князю Николаю Павловичу и наслѣдникамъ Его.

„Съ тѣми же чувствами откровенности вмѣняю въ долгъ изъяснить: что я, не простирая ни до чего болѣе моихъ желаній, единственно сочту себя счастливейшимъ, если удостоюсь продолжать выше тридцатилѣтнее мое служеніе, блаженной памяти Государямъ Императорамъ, родителю и брату, нынѣ же Его Императорскому Величеству Николаю Павловичу, съ такимъ же глубочайшимъ благоговѣніемъ, живѣйшимъ усердіемъ и безпредѣльною преданностью, которыя во всѣхъ случаяхъ меня одушевляли и одушевлять будутъ до конца дней моихъ.

„Изъяснивъ такимъ образомъ истинныя и непоколебимыя чувствованія мои и повергая себя къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества, всенижайше прошу, удостойте благосклоннымъ Вашимъ принятіемъ сіе письмо, оказать мнѣ милость, объявленіемъ онаго гдѣ слѣдуетъ, для приведенія въ надлежащее исполненіе; чѣмъ совершится

въ полной мѣрѣ и силѣ соизволеніе Его Императорскаго Величества, покойнаго Государя и благодѣтеля моего, и вмѣстѣ согласіе на оное Вашего Императорскаго Величества.

„При семъ осмѣливаюсь также всенижайше представить Вашему Императорскому Величеству копію съ письма моего Его Императорскому Величеству Государю Императору Николаю Павловичу, вмѣстѣ съ симъ посланнаго.

„Есмь съ глубочайшимъ благоговѣніемъ, Всемилостивѣйшая Государыня, Вашего Императорскаго Величества всенижайшій и всепокорнѣйшій сынъ Константинъ Цесаревичъ“.

Въ письмѣ брату своему, Великому Князю Николаю Павловичу, Цесаревичъ писалъ:

„Любезнѣйшій братъ! Съ неизъяснимымъ сокрушеніемъ сердца получилъ я, вчерашняго числа вечеромъ въ 7 часовъ, горестное увѣдомленіе о послѣдовавшей кончинѣ обожаемаго Государя Императора Александра Павловича, моего благодѣтеля.

„Спѣша раздѣлить съ Вами таковую, постигшую насъ тягчайшую скорбь, я поставляю долгомъ Васъ увѣдомить, что вмѣстѣ съ симъ отправилъ я письмо къ Ея Императорскому Величеству, вселюбезнѣйшей родительницѣ нашей, съ изъясненіемъ непоколебимой моей воли въ томъ, что по силѣ Высочайшаго собственноручнаго рескрипта покойнаго Государя Императора, отъ 2 февраля 1822 года ко мнѣ послѣдовавшаго, на письмо мое къ Его Императорскому Величеству, объ устраниеніи меня отъ наслѣдія Императорскаго Престола, которое было предъявлено родительницѣ нашей, удостоился какъ согласія, такъ и личнаго Ея Величества мнѣ о томъ подтвержденія, уступаю Вамъ право мое на наслѣдіе Императорскаго Всероссійскаго Престола и прошу любезнѣйшую родительницу нашу о всемъ томъ объявить гдѣ слѣдуетъ, для приведенія сей непоколебимой моей воли въ надлежащее исполненіе.

„Изложивъ сіе, непремѣнною затѣмъ обязанностью поставляю всеподданнѣйше просить Вашего Императорскаго Величества удостоить принять отъ меня первую вѣрнодданническую мою присягу, и дозволить мнѣ изъяснить, что, не простирая никакого желанія къ новымъ званіямъ и титуламъ, ограничиться тѣмъ титуломъ Цесаревича, коимъ удостоенъ я за службу покойнымъ нашимъ родителемъ.

„Единственнымъ себѣ счастьемъ навсегда поставляю, ежели Ваше

Императорское Величество удостоите принять чувства глубочайшаго моего благоговѣнія и безпредѣльной преданности, въ удостовѣреніе коихъ представляю залогомъ свыше 30-ти лѣтнюю мою вѣрную службу и живѣйшее усердіе, блаженной памяти Государямъ Императорамъ родителю и брату оказанныя, съ коими до послѣднихъ дней моихъ не престану продолжать Вашему Императорскому Величеству и потомству

Вашему мое служеніе при настоящей моей обязанности и мѣстѣ.

„Есмь съ глубочайшимъ благоговѣніемъ, Всемилостивѣйшій Государь, Вашего Императорскаго Величества вѣрнѣйшій подданный Константинъ Цесаревичъ“¹⁾.

Не вдаваясь пока въ оцѣнку тѣхъ побужденій, которыя заставили Цесаревича отречься отъ престола, на который онъ по „Учрежденію объ Императорской Фамиліи 1797 года“ имѣлъ неоспоримое право, фактъ отреченія отъ престола свершился и сталъ извѣстенъ въ Петербургѣ, вмѣстѣ

Съ нѣмецкой литогр.
1828 г.

Съ портрета Е. Гебауэра
1817 г.

стѣ съ прибытіемъ туда Великаго Князя Михаила Павловича, 3 Декабря 1825 года.

Возможно, что въ дѣлѣ отреченія отъ престола Цесаревича Константина сыграло не маловажную роль и то впечатлѣніе, которое произвела на него кончина отца, Императора Павла Петровича. „Послѣ того, что случилось, братъ мой можетъ царствовать, если захочетъ, но если бы престолъ достался мнѣ когда-нибудь, то я, конечно, никогда его не приму“²⁾, говорилъ Цесаревичъ въ разговорѣ

¹⁾ Баронъ Корфъ. «Восшествіе на престолъ Императора Николаи I», стр. 43. Изд. 4-е. Спб. 1857 г.

²⁾ Н. Шильдеръ. «Императоръ Александръ Первый. Его жизнь и царствованіе».

съ Саблуковымъ еще въ 1801 году подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ смерти Павла I. Бракъ Цесаревича съ полькой Іоанною Грудзинской, впослѣдствіи свѣтлѣйшей княгиней Ловичъ, можетъ имѣть также значеніе въ освѣщеніи историческаго факта отреченія отъ престола, тѣмъ болѣе, что незадолго передъ бракосочетаніемъ Цесаревича, 20-го марта 1820 года (бракосочетаніе состоялось 12-го мая того же года), Императоромъ Александромъ былъ изданъ манифестъ, которымъ узаконялось, что лицо Императорской Фамиліи, вступившее въ брачный союзъ съ лицомъ, не принадлежащимъ ни къ какому царственному или владѣтельному дому, не можетъ сообщать ему правъ, принадлежащихъ членамъ Императорской Фамиліи, и что дѣти, отъ такого союза происшедшія, не имѣютъ права на наслѣдованіе престола. Поэтому и приведенное выше заявленіе Цесаревича о томъ, что имъ получено Высочайшее согласіе на бракъ съ княгиней Ловичъ не иначе, какъ давъ отреченіе отъ престола, весьма правдоподобно.

Въ 1819 году на маневрахъ подъ Краснымъ Селомъ Императоръ Александръ Павловичъ за обѣдомъ завелъ совершенно неожиданно разговоръ съ Великимъ Княземъ Николаемъ и его супругою о наслѣдіи престола, высказавъ, между прочимъ, слѣдующее: „Я ни разъ говорилъ объ этомъ съ братомъ Константиномъ, то онъ рѣшительно не хочетъ мнѣ наслѣдовать, тѣмъ болѣе, что мы оба видимъ на васъ явный знакъ благодати Божіей, даровавшей вамъ сына. Итакъ, вы должны напередъ знать, что призываетесь въ будущемъ къ императорскому сану“ ¹⁾.

Исторія отреченія Цесаревича Константина Павловича отъ престола.

Видя сильное волненіе Великаго Князя и его супруги, Императоръ Александръ Павловичъ, съ присущей только ему ласкою и кротостью, старался ихъ успокоить, говоря: „Минута переворота, такъ васъ утрашившаго, еще не наступила; до нея, быть можетъ, пройдетъ еще лѣтъ десять, а Моя цѣль была только та, чтобы вы заблаговременно приучили себя къ мысли о непреложно и неизбѣжно ожидающей васъ будущности“ ²⁾.

Этимъ исчерпывается все то, что зналъ Великій Князь Николай Павловичъ объ отреченіи своего старшаго брата отъ престола.

¹⁾ Карновичъ. Цесаревичъ Константинъ Павловичъ, стр. 165 и слѣд.

²⁾ Баронъ Корфъ «Восшествіе на престолъ Императора Николая I», стр. 9. Изд. 4-е 1857 г.

О томъ впечатлѣніи, которое произвелъ на него приведенный выше разговоръ съ Императоромъ Александромъ, Николай Павловичъ въ собственноручной запискѣ, написанной для Своего семейства, выражаетъ въ яркихъ краскахъ, сравнивая себя съ человѣкомъ, спокойно идущимъ по прекрасной ровной мѣстности между цвѣтовъ, и котораго совершенно неожиданно открывшаяся страшная пропасть увлекала бы туда неодолимою силою, такъ что не было бы возможности ни отступить, ни воротиться.

Послѣ расторженія своего перваго брака съ Великою Княгинею Анною Теодоровною и бракосочетанія съ княгинею Ловичъ, Цесаревичъ Константинъ посвятилъ въ тайну отреченія отъ престола и своего младшаго брата Великаго Князя Михаила Павловича, говоря: „знай, что если этому удару, т.-е. кончинѣ Императора Александра Павловича, суждено совершиться еще при моей жизни, то я далъ себѣ святое обѣщаніе отказаться навсегда и невозвратно отъ престола. У меня два главныя къ тому побужденія. Я, во-первыхъ, такъ люблю, уважаю и чту брата Александра, что не могу безъ горести, даже безъ ужаса, вообразить себѣ возможность занять Его мѣсто; во-вторыхъ, жена моя не принадлежитъ ни къ какому владѣтельному дому и, что еще болѣе, она—полька, слѣдственно нація не можетъ имѣть ко мнѣ нужной довѣренности, и отношенія наши будутъ всегда двусмысленны. Итакъ, я твердо рѣшился уступить мое право брату Николаю“... ¹⁾

Упомянутый выше манифестъ 20 Марта 1820 года объ ограниченіяхъ потомства въ правахъ при неравныхъ бракахъ членовъ Императорской Фамиліи самъ по себѣ не лишалъ Цесаревича Константина Павловича, вслѣдствіе его брака съ княгинею Ловичъ, наслѣдственныхъ его правъ на русскую корону и, чтобы узаконить „твердое рѣшеніе Цесаревича уступить право свое на наслѣдіе брату Николаю“, требовалось формальное отреченіе отъ престола. Такое отреченіе и было дано Константиномъ Павловичемъ Императору Александру въ письмѣ къ нему отъ 14-го Января 1822 года, написанномъ въ видѣ „всенижайшей просьбы“. Въ немъ причиною своего отреченія Цесаревичъ выставлялъ то, что онъ „не чувствуетъ въ себѣ ни тѣхъ дарованій, ни тѣхъ силъ, ни того духа, чтобы быть когда бы то ни было возведену на то достоинство, къ которому по рожденію можетъ имѣть

¹⁾ Баронъ Корфъ. «Восшествіе на престолъ Императора Николая I», Изд. 4-е. 1857 г. стр. 13 и слѣд.

право“. Поэтому онъ просилъ Государя „передать сіе право тому, кому оно принадлежитъ послѣ него“. „Симъ,—писалъ Цесаревичъ,—могу я прибавить еще новый залогъ и новую силу тому обязательству, которое я далъ непринужденно и торжественно при случаѣ развода моего съ первою моею женою“. Новый залогъ и новая сила данаго Константиномъ обязательства дѣйствительно требовались для той

НИКОЛАЙ I.

Съ рис. Ландейля рѣдкая англійская гравюра 1826 г. Сеі.

цѣли, какая имѣлась въ виду при изданіи манифеста 20-го Марта 1820 года, такъ какъ, безъ особаго оффиціального отреченія отъ престола, Цесаревичъ, получивъ самодержавную верховную власть, былъ бы въ правѣ отмѣнить ограничительный законъ, касавшійся княгини Ловичъ и могущаго быть отъ нея потомства.

Проектъ этого письма, отъ 14-го Января 1822 года, въ которомъ Цесаревичъ далъ формальное отреченіе отъ престола, былъ сперва рассмотрѣнъ самимъ Императоромъ, а затѣмъ и собственно-

ручно Имъ исправленъ ¹⁾). Это обстоятельство указываетъ на то, что Императоръ Александръ хотѣлъ придать самому отреченію отъ престола желаемую окраску, и что Цесаревичъ, весьма возможно, „не иначе получилъ согласіе на бракъ съ Иоанною Грудзинской, какъ давъ отреченіе отъ Престола“.

Еще въ 1815 году Цесаревичъ въ Варшавѣ, на балу у князя Зайончека, впервые встрѣтилъ только-что пріѣхавшую съ матерью изъ Парижа двадцатилѣтнюю Иоанну Грудзинскую. „Увидѣвши ее въ первый разъ, — пишетъ Карновичъ, — Цесаревичъ плѣнился ею до того, что въ продолженіе пяти лѣтъ она была единственною завѣтною его мечтою. Всѣ знали, что Великій Князь былъ страстно влюбленъ въ нее, а она умѣла держать себя въ отношеніи къ нему съ такимъ тактомъ и съ такою осмотрительностью, что самыя злоязычныя варшавскія кумушки не могли сказать ничего въ ея осужденіе“ ²⁾). Такимъ образомъ, если Грудзинская стала завѣтною мечтою Великаго Князя и если самыя злоязычныя кумушки не могли сказать ничего въ ея осужденіе, то, естественно, что еще задолго до 1820 года, года бракосочетанія, Цесаревичъ рѣшился вступить съ Иоанною въ бракъ. Но чтобы это свое рѣшеніе привести въ исполненіе, Константину Павловичу необходимо было получить отъ Государя какъ согласіе на разводъ съ первою своею супругою, Великою Княгинею Анною Теодоровною, такъ и испросить разрѣшеніе на морганатическій бракъ. Все это Цесаревичъ сдѣлалъ до 1819 года, такъ какъ въ этомъ году Императоръ уже зналъ о намѣреніяхъ своего брата Константина и даже посвятилъ на маневрахъ подъ Краснымъ Селомъ въ тайну отреченія отъ престола Великаго Князя Николая Павловича. Отсюда возможно, что моментъ рѣшенія Цесаревича объ отреченіи отъ престола совпалъ съ моментомъ переговоровъ Константина Павловича съ Государемъ о разводѣ и новомъ бракѣ. Это предположеніе подтверждается также и тѣмъ обстоятельствомъ, что, такъ какъ эти два факта, разводъ и бракъ Цесаревича, въ глазахъ Императора были связаны въ одно цѣлое, то разрѣшеніе на разводъ и правила объ ограниченіяхъ въ правахъ лицъ, вступившихъ въ бракъ съ особами Императорской Фамиліи, вылились въ одномъ актѣ — уже извѣстномъ Высочайшемъ мани-

¹⁾ Проектъ этого письма съ исправленіями Императора помѣщенъ въ Приложеніи въ концѣ настоящаго тома.

²⁾ Карновичъ. «Цесаревичъ Константинъ Павловичъ», стр. 152.

фестѣ 20 Марта 1820 года. Такимъ образомъ, если Цесаревичъ Константинъ Павловичъ испрашивалъ у Государя Императора разрѣшеніе на разводъ съ Великой Княгиней Анной Ѳеодоровной и бракъ съ княгиней Ловичъ, отказываясь при этомъ отъ короны, которую ему предстояло получить, то заявленіе Цесаревича о томъ, что согласіе на новый бракъ получено имъ не иначе, какъ давъ отреченіе отъ престола, станетъ весьма понятнымъ. Выяснивъ, такимъ образомъ, главную причину отказа Цесаревича отъ престола, причину, не совсѣмъ добровольную, не „лежащую ни въ тѣхъ дарованіяхъ, ни въ тѣхъ силахъ, ни въ томъ духѣ“, о которыхъ писалъ Константинъ Павловичъ Императору Александру 14 Января 1822 года, станетъ яснымъ и то обстоятельство, почему Цесаревичъ, получивъ извѣстіе о кончинѣ Государя, не спѣшилъ приводить къ присягѣ на вѣрность новому Императору Николаю ни народа, ни войска, а цѣлыя сутки потратилъ на размышленіе. Не отсутствіе дарованій, силъ и духа, необходимыхъ Монархамъ, было причиною отказа Цесаревича отъ престола, а бракъ съ Іоанною Грудзинской, бракъ, принесшій Цесаревичу глубокое семейное счастье. „Я счастливъ у себя дома и главная тому причина—жена“,—писалъ Великій Князь Константинъ 31-го Декабря 1828 года.

Въ отвѣтъ на письменное отреченіе Цесаревича отъ короны, Императоръ Александръ Павловичъ, 2-го Февраля 1822 года, писалъ: „Любезнѣйшій братъ! Съ должнымъ вниманіемъ читалъ Я письмо ваше. Умѣвъ всегда цѣнить возвышенныя чувства вашей доброй души, сіе письмо меня не удивило. Оно дало Мнѣ новое доказательство искренней любви вашей къ Государству и попеченія о непоколебимомъ спокойствіи онаго. По вашему желанію предъявилъ Я письмо сіе любезнѣйшей родительницѣ Нашей. Она его читала съ тѣмъ же, какъ и Я, чувствомъ признательности къ почтеннымъ побужденіямъ, васъ руководствовавшимъ. Намъ обоимъ остается уважить причины, вами изъясненныя, дать полную свободу вамъ слѣдовать непоколебимому рѣшенію вашему, прося всемогущаго Бога, дабы Онъ благословилъ послѣдствія столь чистѣйшихъ намѣреній“¹⁾.

Ни Великій Князь Николай Павловичъ, ни его супруга ничего не знали объ этой перепискѣ между Императоромъ Александромъ и Его братомъ Константиномъ. Для того чтобы содержанію этой пере-

¹⁾ Баронъ Корфъ. «Восшествіе на престолъ Императора Николая I», стр. 19.

писки придать силу закона, необходимъ былъ государственный актъ, который въ формѣ Высочайшаго манифеста и былъ въ 1823 году составленъ Московскимъ Архіепископомъ Филаретомъ. По волѣ Императора Александра Павловича манифестъ этотъ хранился въ Москвѣ, въ Успенскомъ соборѣ, а три списка съ него въ Петербургѣ—въ Государственномъ Совѣтѣ, Синодѣ и Сенатѣ. Какъ самое составленіе манифеста, такъ и храненіе его, Императоръ Александръ старался окружить непроницаемой тайной и кромѣ графа Аракчеева, князя Голицына, Архіепископа Филарета и, навѣрное, Цесаревича Константина никто не зналъ о существованіи этого манифеста. Трудно себѣ представить, чтобы Цесаревичъ Константинъ Павловичъ, которому Императоръ Александръ ни одинъ разъ обѣщалъ узаконить отреченіе отъ престола ¹⁾, не зналъ о существованіи и содержаніи этого манифеста. Даже если допустить, что Императоръ Александръ и не сообщилъ Цесаревичу о его составленіи, то, во всякомъ случаѣ, Государь обѣщалъ Цесаревичу составить манифестъ, и Цесаревичъ зналъ, что онъ долженъ быть составленъ.

Фактическое междоусобице, какъ слѣдствіе тайны отреченія отъ престола Цесаревича Константина Павловича.

Изъ изложеннаго видно, что актъ отреченія отъ престола Цесаревича Константина былъ Императоромъ Александромъ узаконенъ, и такъ какъ не только содержаніе приведеннаго выше манифеста, но самое его составленіе и храненіе держалось, по волѣ Государя, въ большой тайнѣ, то, понятно, что ни Великій Князь Николай Павловичъ, ни члены Императорской Фамиліи и никто, не только въ Петербургѣ, но и по всей Россіи, не знали объ истинномъ наслѣдникѣ русскаго престола.

Великій Князь Николай Павловичъ, руководствуясь „Учрежденіемъ объ Императорской Фамиліи 1797 года“ и голосомъ своей собственной совѣсти, поспѣшилъ присягнуть своему старшему брату, Императору Константину, какъ законному Наслѣднику покойнаго Государя. Примѣру Великаго Князя послѣдовали остальные члены Царствующаго Дома, всѣ высшія и мѣстныя государственныя Учрежденія, войско и народъ. Такимъ образомъ, отказавшійся отъ престола Цесаревичъ Константинъ Павловичъ сдѣлался Императоромъ.

¹⁾ Баронъ Корфъ. «Восшествіе на престолъ Императора Николая I», стр. 20.

Въ газетахъ появилось объявленіе о кончинѣ Благословеннаго и о воцареніи Константина Павловича ¹⁾; въ издававшихся въ то время ежедневно бюллетеняхъ о состояніи здоровья Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны попадались указанія, что и „Его Величество Государь Императоръ Константинъ Павловичъ находится, благодаря Всевышнему, въ вождѣльномъ здравіи“ ²⁾; петербургскій монетный дворъ отчеканилъ серебряные рубли съ изображеніемъ новаго Монарха ³⁾; появились разные по указу Императора Константина Павловича документы ⁴⁾; тѣхъ, кто по какимъ-либо причинамъ не успѣлъ присягнуть новому Государю, спѣшили приводить къ присягѣ ⁵⁾; въ церквахъ служили молебны о здравіи Его Императорскаго Величества Государя Императора Константина Павловича ⁶⁾—словомъ для всѣхъ и каждаго новымъ Монархомъ, новымъ повелителемъ былъ ни во что не вмѣшивавшійся и остававшійся спокойно въ Варшавѣ Цесаревичъ Константинъ.

NICOLAUS
Kaiser von Russland.

Рис. Раухъ. Грав. Больтъ. 1826 г.

Великій Князь Николай Павловичъ, которому при такомъ положеніи вещей оставалось или бездѣйствовать, или руководить дѣйствіями тѣхъ лицъ, въ рукахъ которыхъ сосредоточивалась власть, рѣшился приступить къ вмѣшательству въ дѣла управленія Имперіей съ увѣ-

¹⁾ Русск. Инв. 1825 г. № 284.

²⁾ Сѣверная Пчела 1825 г. № 145.

³⁾ Антошевскій «Константиновскій рубль», стр. 9.

⁴⁾ Въ настоящемъ томѣ воспроизведена подорожная, выданная 7 Декабря 1825 года по Указу Его Величества Императора Константина графомъ Милорадовичемъ флигель-адъютанту Шкурину 2-му.

⁵⁾ Для прижѣра приводимъ текстъ одного изъ приказовъ по Гвардейскому Корпусу отъ 2 Декабря 1825 года за № 125. «Всѣхъ воинскихъ чиновъ, находящихся въ разныхъ отлучкахъ отъ своихъ командъ, по мѣрѣ прибытія ихъ къ своимъ мѣстамъ, предписывается приводить къ присягѣ на вѣрноподданничество Его Императорскому Величеству Государю Императору Константину Павловичу и присяжные листы доставлять прямо въ Штабъ Гвардейскаго Корпуса».

⁶⁾ Кам. фур. журн. 27 Ноября 1825 г. Арх. Мин. Имп. Дв. оп. 29/1619 л. 23.

ренностью, что въ такую трудную для отечества минуту будетъ не-
безполезнымъ какъ родинѣ, такъ и тому, кому принесъ обѣтъ вѣрности
и усердія. Рѣшивъ такимъ образомъ вступить на тотъ путь, который
указывали ему влеченіе сердца и чести, Великій Князь писалъ въ Та-
ганрогъ князю Волконскому: „Ожидаемъ нетерпѣливо извѣстій отъ Го-
сударя Константина Павловича и Его повелѣній, а до Его приѣзда
съ помощью Божіею надѣемся удержать все въ порядкѣ“. Въ другомъ
письмѣ къ князю же Волконскому, отъ 3 Декабря, Великій Князь,
дѣлая нѣкоторыя распоряженія о погребеніи въ Бозѣ почившаго Им-
ператора, между прочимъ, писалъ: „Потому беру я на себя про-
сить васъ войти въ сношеніе со всѣми мѣстными начальствами, съ
Главнoкомандующимъ и съ прочими мѣстами, съ которыми нужно будетъ,
и, довольствуясь, прямо мнѣ доносить о принятыхъ уже мѣрахъ ‘).

Вмѣсто ожидаемыхъ изъ Варшавы отъ новаго Императора извѣ-
стій и повелѣній, 3 Декабря Великій Князь Николай Павловичъ по-
лучаетъ отъ своего брата Константина посланныя съ Михаиломъ
Павловичемъ извѣстныя уже письма съ отреченіемъ отъ престола.
Письма эти были отправлены изъ Варшавы 26 Ноября, т.-е. до по-
лученія тамъ извѣстій о совершившейся въ Петербургѣ присягѣ. По-
ложеніе становилось еще болѣе затруднительнымъ, чѣмъ было до по-
лученія этихъ писемъ, тѣмъ болѣе, что послѣднихъ было недостаточно
для того, чтобы увѣрить народъ въ томъ, что отреченіе Цесаревича
отъ престола было дѣйствительно санкціонировано покойнымъ Госу-
даремъ, и что, по Его же волѣ, самый актъ объ отреченіи сохра-
нялся въ такой глубокой тайнѣ, что даже вступающій на престолъ,
вмѣсто Цесаревича, Великій Князь Николай Павловичъ ничего не зналъ
объ этомъ. „Михаилъ Павловичъ“, говоритъ баронъ Корфъ, „изъявляя
сожалѣніе о всемъ совершившемся въ Петербургѣ, не скрывалъ пред-
видѣній своихъ насчетъ опасности новой присяги и говорилъ о труд-
ности объяснить публикѣ, почему мѣсто старшаго брата, которому
уже присягнули, займетъ вдругъ второй, и растолковать каждому въ
народѣ и въ войскѣ основанія и правоту этихъ, какъ онъ ихъ назы-
валъ, домашнихъ сдѣлокъ“.

Великій Князь Николай Павловичъ писалъ Цесаревичу въ Вар-
шаву письмо съ просьбою приѣхать въ Петербургъ. Эту просьбу убѣ-
дительно повторяла и Императрица-мать. Оба эти письма были от-

‘) Гос. Арх. Разр. III д. № 35.

правлены съ фельдъегерскимъ офицеромъ Бѣлоусовымъ 3-го Декабря, т.-е. въ день полученія извѣстія объ отреченіи Константина Павловича отъ престола.

Находившійся въ то время въ Петербургѣ Великій Князь Михаилъ Павловичъ не спѣшилъ съ присягою ни тому, ни другому брату, а такъ какъ объ истинномъ Императорѣ въ Петербургѣ съ 3-го Декабря знала одна только Царственная Семья, то уклоненіе Михаила Павловича, ничѣмъ необъяснимое съ точки зрѣнія народа, породило массу толковъ. Поэтому то, 5-го Декабря, Великій Князь Михаилъ снова отправился въ Варшаву съ полномочіями отъ матери-Императрицы вскрывать всѣ адресованныя къ Ней письма отъ „Государя Императора Константина Павловича“. По дорогѣ Великій Князь распечаталъ адресованное на имя Императрицы письмо отъ Цесаревича, написанное имъ 2 Декабря, слѣдующаго содержанія: „Твой адъютантъ, любезный Николай, по прибытіи сюда, вручилъ мнѣ твое письмо. Я прочелъ его съ живѣйшею горестью и печалью. Мое намѣреніе неподвижно и освящено покойнымъ моимъ благодѣтелемъ и Государемъ. Твоего предложенія прибыть скорѣе въ Петербургъ я не могу принять и предвараю тебя, что удалюсь еще дальше, если все не устроится въ согласность волѣ покойнаго нашего Государя. Твой по жизнь вѣрный и искренній другъ и братъ Константинъ“. Само собою разумѣется, что это письмо Великій Князь Михаилъ Павловичъ поспѣшилъ отправить въ Петербургъ, гдѣ всякая вѣсточка изъ Варшавы была чрезчуръ дорога и гдѣ съ особеннымъ нетерпѣніемъ ждали отвѣта Константина Павловича на второе приглашеніе пріѣхать въ Петербургъ, посланное ему 3 Декабря съ Бѣлоусовымъ. Въ привезенномъ 12 Декабря отвѣтѣ Великій Князь съ первыхъ же строкъ увидаль, что его участь рѣшена. „Вчера вечеромъ, писалъ Цесаревичъ, въ 9 часовъ получилъ я письмо твое отъ $\frac{3}{13}$, любезный другъ Николай, и спѣшу принести тебѣ за него живѣйшую мою благодарность, какъ и за изъясняемыя тобою чувства довѣрія и дружбы ко мнѣ. Увѣрься, другъ мой, что я умѣю ихъ понимать и цѣнить и докажу тебѣ всю жизнь, что ихъ не достоинъ. Довѣренность, могу сказать, неограниченная, которою удостоивалъ меня нашъ покойный благодѣтель, служить тебѣ порукою въ искренности и чистотѣ моихъ правилъ... Посылаю тебѣ благословеніе старшаго брата, отъ глубины сердца, всѣми ощущеніями тебѣ принадлежащаго, и удостовѣряю тебя,

какъ поданный, въ преданности и безпредѣльной привязанности, съ которыми не перестану быть твоимъ преданнѣйшимъ братомъ и другомъ“.

Прочитавъ это письмо и получивъ въ тотъ же день отъ барона Дибича увѣдомленіе о томъ, что наводнявшія тогда Россію разныя тайныя общества, о существованіи которыхъ зналъ покойный Императоръ, имѣютъ своихъ клеветовъ и въ Петербургѣ, Великій Князь Николай Павловичъ, весьма резонно предполагая, что враги общества и государства могутъ для своихъ цѣлей воспользоваться общимъ замѣшательствомъ, которое должно произойти при новой присягѣ, со свойственной ему одному энергіей и всеѣмъ извѣстной желѣзной волей, не дожидаясь возвращенія Михаила Павловича, началъ дѣйствовать открыто и рѣшительно. Онъ понялъ, что Цесаревичъ отъ престола отказался окончательно, что онъ, единственный въ Петербургѣ членъ Императорской Фамиліи мужского пола, не уступая своему брату Константину, остается безъ власти, безъ права что-либо непосредственно предпринять, что могъ онъ только распоряжаться не какъ неограниченный властелинъ, а единственно въ силу личной къ нему довѣренности,

Адъютантъ Е. И. Высоч. Великаго Князя
Михаила Павловича
Яковъ Ивановичъ
РОСТОВЦОВЪ.

ности, что дѣло о тайныхъ злоумышленныхъ обществахъ и возможной опасности необходимо скрывать какъ отъ самаго близкаго къ Нему человека—матери, чтобы не разстроить ея и такъ уже слабаго здоровья, такъ и отъ постороннихъ, чтобы заговорщики не узнали обнаруженія ихъ замысловъ, что онъ остается совершенно одинъ, что ему не къ кому обратиться за совѣтомъ,—словомъ, онъ хорошо понялъ свое тяжелое положеніе!

На сколько положеніе дѣлъ въ Россіи вообще, благодаря различнымъ приготовленіямъ къ открытому бунту злоумышленныхъ обществъ, и положеніе Великаго Князя Николая Павловича въ частности, было тягостнымъ, свидѣтельствуеъ поданная 12 Декабря Великому

Князю подпоручикомъ Лейбъ-Гвардіи Егерскаго полка—Ростовцовымъ, знавшимъ о серьезности заговоръ, искренняя, сердечная записка. Въ виду ея особеннаго интереса, она цѣликомъ помѣщена въ приложеніяхъ къ настоящему тому.

Рѣшившись такимъ образомъ принять завѣщанную покойнымъ Государемъ Императоромъ Александромъ Павловичемъ корону и, вслѣдствіе все болѣе и болѣе осложнявшагося положенія вещей, дѣйствовать открыто и рѣшительно, Великій Князь Николай Павловичъ въ тотъ же день, 12-го Декабря, не медля написалъ письмо своему брату Михаилу, находящемуся тогда въ Ненналѣ, о томъ, что всѣ сомнѣнія о престолонаслѣдіи разрѣшились, что, исполняя волю покойнаго Государя, вступаетъ на престоль онъ, Николай, что надобность въ поѣздкѣ въ Варшаву миновала и что въ Петербургѣ особенно необходимо присутствіе Великаго Князя Михаила Павловича. вмѣстѣ съ тѣмъ Николай Павловичъ въ тотъ же день, призвавъ къ себѣ графа Милорадовича и князя Голицына, велѣлъ принять всѣ мѣры къ обнаруженію заговорщиковъ и къ устраненію возможныхъ безпорядковъ, а къ вечеру того же дня Сперанскимъ уже былъ составленъ манифестъ слѣдующаго содержанія:

„Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ. Въ сокрушеніи сердца, смиряясь предъ неисповѣдимыми судьбами Всевышняго, среди всеобщей горести, Насъ, Императорскій Нашъ домъ и любезное Отечество Наше объявшей, въ единомъ Богѣ Мы ищемъ твердости и утѣшенія. Кончиною въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра Павловича, любезнѣйшаго брата Нашего, Мы лишились отца и Государя, двадцать пять лѣтъ Россіи и Намъ благотворившаго.

Генераль, состоящій при Особѣ Его Величества,
графъ Михаилъ Андреевичъ
МИЛОРАДОВИЧЪ.

„Когда извѣстіе о семъ плачевномъ событіи, въ 27 день Ноября мѣсяца, до насъ достигло, въ самый первый часъ скорби и рыданій, Мы, укрѣпляясь духомъ для исполненія долга священнаго и слѣдуя движенію сердца, принесли присягу вѣрности старѣйшему брату Нашему, Государю Цесаревичу и Великому Князю Константину Павловичу, яко законному, по праву первородства, наслѣднику Престола Всероссійскаго.

„По совершеніи сего священнаго долга, извѣстились Мы отъ Государственнаго Совѣта, что въ 15 день Октября 1823 года предъявленъ оному, за печатію покойнаго Государя Императора, конвертъ съ таковою на ономъ собственноручною Его Величества надписью: Хранить въ Государственномъ Совѣтѣ до Моего востребованія, а въ случаѣ Моей кончины, раскрыть прежде всякаго другого дѣйствія въ чрезвычайномъ собраніи; что сіе Высочайшее повелѣніе Государственнымъ Совѣтомъ исполнено и въ ономъ конвертѣ найдено: 1) Письмо Цесаревича и Великаго Князя Константина Павловича къ покойному Государю Императору отъ 14-го Генваря 1822 года, въ коемъ Его Высочество отрывается отъ наслѣдія Престола, по праву первородства ему принадлежавшаго; 2) Манифестъ, въ 16 день Августа 1823 года собственноручнымъ Его Императорскаго Величества подписаніемъ утвержденный, въ коемъ Государь Императоръ изъявляетъ Свое согласіе на отреченіе Цесаревича и Великаго Князя Константина Павловича, признаетъ наслѣдникомъ насъ, яко по немъ старѣйшаго и по коренному закону къ наслѣдію ближайшаго. Вмѣстѣ съ симъ донесено Намъ было, что такыя же акты съ тою же надписью хранятся въ Правительствующемъ Сенатѣ, въ Святѣйшемъ Синодѣ и въ Московскомъ Успенскомъ Соборѣ.

„Свѣдѣнія сіи не могли перемѣнить принятой Нами мѣры. Мы въ актахъ сихъ видѣли отреченіе Его Высочества, при жизни Государя Императора учиненное и согласіемъ Его Величества утвержденное; но не желали и не имѣли права сіе отреченіе, въ свое время всенародно не объявленное и въ законъ не обращенное, признавать навсегда невозвратнымъ. Симъ желали Мы утвердить уваженіе Наше къ первому коренному отечественному закону о непоколебимости въ порядкѣ наслѣдія Престола. И вслѣдствіе того, пребывая вѣрными присягѣ, Нами данной, Мы настояли, чтобъ и все Государство послѣ-

довало Нашему примѣру; и сіе учинили Мы не въ пререканіе дѣйствительности воли, изъявленной Его Высочествомъ, и еще менѣе въ преслушаніе воли покойнаго Государя Императора, общаго Нашего отца и благодѣтеля, воли, для Насъ всегда священной, но дабы оградить коренной законъ о порядкѣ наслѣдія Престола отъ всякаго прикосновенія, дабы отклонить самую тѣнь сомнѣнія въ чистотѣ намѣреній Нашихъ и дабы предохранить любезное Отечество Наше отъ малѣйшей, даже и мгновенной, неизвѣстности о законномъ его Государѣ. Сіе рѣшеніе, въ чистой совѣсти, предъ Богомъ - сердцевѣдцемъ Нами принятое, удостоено и личнаго Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны, любезнѣйшей родительницы Нашей, благословенія.

„Между тѣмъ горестное извѣстіе о кончинѣ Государя Императора достигло въ Варшаву, прямо изъ Таганрога, 25-го Ноября, двумя днями прежде, нежели сюда. Пребывая непоколебимо въ намѣреніи своемъ, Государь Цесаревичъ и Великій Князь Константинъ Павловичъ, на другой же день, отъ 26 Ноября, призналъ за благо снова утвердить оное двумя актами, любезнѣйшему брату Нашему, Великому Князю Михаилу Павловичу, для доставленія сюда, врученными. Акты сіи суть слѣдующіе: 1) Письмо къ Государынѣ Императрицѣ, любезнѣйшей родительницѣ Нашей, въ коемъ Его Высочество, возобновляя прежнее его рѣшеніе и укрѣпляя силу онаго грамотою покойнаго Государя Императора, въ отвѣтъ на письмо Его Высочества, во 2 день Февраля 1822 года состоявшеюся и въ списокѣ притомъ приложенною, снова и торжественно отрекается отъ наслѣдія Престола, присвоая оное въ порядкѣ, кореннымъ закономъ установленномъ уже Намъ и потомству Нашему; 2) Грамота Его Высочества къ Намъ; въ оной, повторяя тѣ же самыя изъявленія воли, Его Высочество даетъ Намъ титулъ Императорскаго Величества; себѣ же предоставляетъ прежній титулъ Цесаревича и именуется себя вѣрнѣйшимъ Нашимъ подданнымъ.

„Сколь ни положительны сіи акты, сколь ни ясно представляется отреченіе Его Высочества непоколебимымъ и невозвратнымъ, Мы признали однако же чувствамъ Нашимъ и самому положенію дѣла сходственнымъ, приостановиться возвѣщеніемъ оныхъ, доколѣ не будетъ получено окончательное изъявленіе воли Его Высочества на присягу, Нами и всѣмъ Государствомъ принесенную.

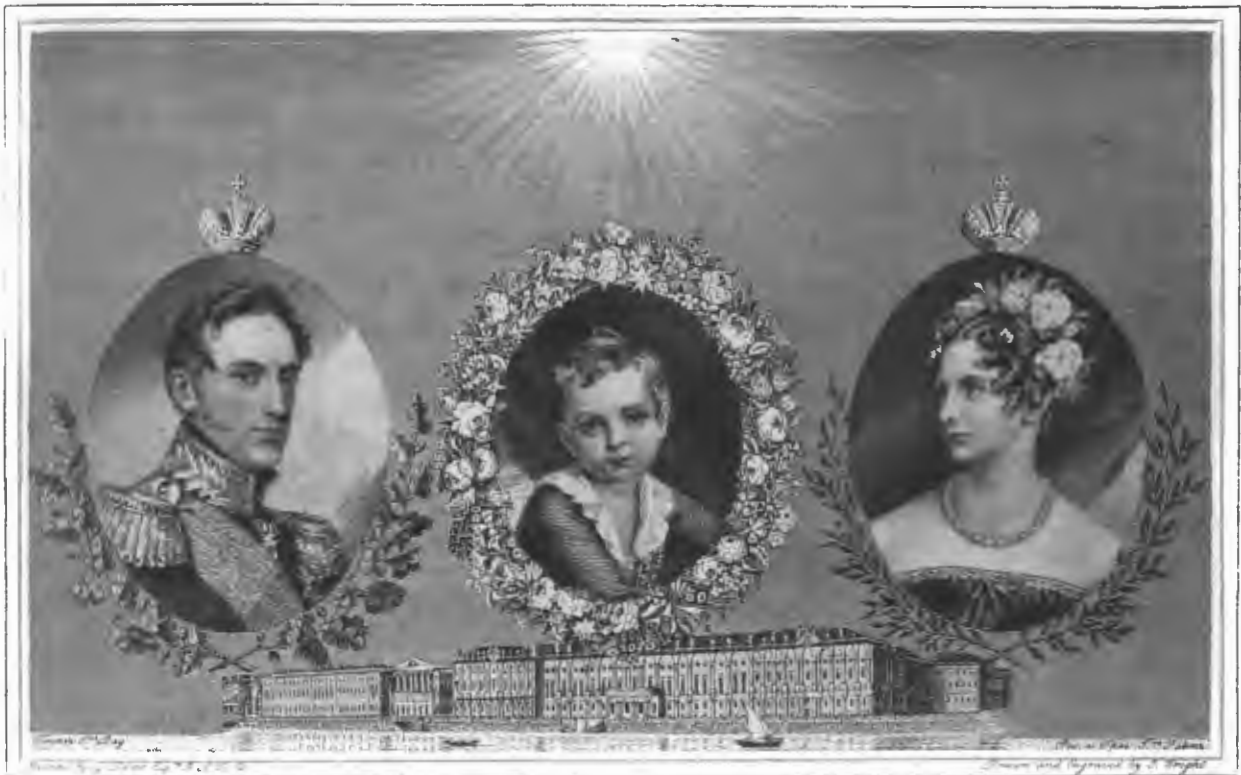
„Нынѣ, получивъ и сіе окончательное изъявленіе непоколебимой

и невозвратной Его Высочества воли, возвѣщаемъ о томъ всенародно, прилагая при семъ: 1) Грамоту Его Императорскаго Высочества Цесаревича и Великаго Князя Константина Павловича къ покойному Государю Императору Александру Первому; 2) Отвѣтную грамоту Его Императорскаго Величества; 3) Манифестъ покойнаго Государя Императора, отреченіе Его Высочества утверждающій и насъ наслѣдникомъ признавающій; письмо Его Высочества къ Государынѣ Императрицѣ, любезнѣйшей родительницѣ Нашей; 5) Грамоту Его Высочества къ Намъ.

„Въ послѣдствіе всѣхъ сихъ актовъ и по коренному закону Имперіи о порядкѣ наслѣдія, съ сердцемъ, исполненнымъ благоговѣнія и покорности къ неисповѣдимымъ судьбамъ Промысла, Насъ ведущаго, вступая на прародительскій Нашъ Престоль Всероссійскія Имперіи и на нераздѣльные съ нимъ Престолы Царства Польскаго и Великаго Княжества Финляндскаго, повелѣваемъ: 1) присягу въ вѣрности подданства учинить Намъ и Наслѣднику Нашему, Его Императорскому Высочеству Великому Князю Александру Николаевичу, любезнѣйшему сыну Нашему; 2) время вступленія Нашего на Престоль считать съ 19 Ноября 1825 года.

„Наконецъ, Мы призываемъ всѣхъ Нашихъ вѣрныхъ подданныхъ соединить съ Нами теплыя мольбы ихъ ко Всевышнему, да ниспшлетъ Намъ силы къ понесенію бремени, святымъ Промысломъ Его на Насъ возложеннаго, да укрѣпиль благія намѣренія Наши: жить единственно для любезнаго Отечества, слѣдовать примѣру оплакиваемаго Нами Государя; да будетъ царствованіе Наше токмо продолженіемъ царствованія Его, и да исполнится все, чего для блага Россіи желалъ Тотъ, Коего священная память будетъ питать въ Насъ и ревность и надежду стяжать благословеніе Божіе и любовь народовъ Нашихъ“.

Этимъ манифестомъ, весьма подробно выясняющимъ всѣ обстоятельства дѣла, казалось бы долженъ быть поконченъ вопросъ объ истинномъ наслѣдникѣ въ Бозѣ почивающаго Александра Благословеннаго; но тайна отреченія Цесаревича Константина Павловича отъ престола, его нерѣшительность въ дѣлѣ приведенія къ присягѣ Императору Николаю своихъ подчиненныхъ, его полнѣйшая апатія къ такому важному и животрепещущему вопросу, какъ вопросъ о престолонаслѣдіи, отсутствіе какого-нибудь заранѣе придуманнаго способа

Императоръ НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧЪ, Императрица АЛЕКСАНДРА ФЕОДОРОВНА
и Цесаревичъ АЛЕКСАНДРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ.

Съ портретовъ Доу.

Гравировалъ Райтъ.

извѣститъ своевременно Великаго Князя Николая Павловича о непреклонной волѣ Императора Александра завѣщать престолъ не Цесаревичу, появившаяся благодаря этому совершенно ненужная переписка, волокита и фактическое междуцарствіе, все это создало благоприятную почву для дѣятельности тѣхъ элементовъ общества, которые, для приведенія въ исполненіе своихъ замысловъ, воспользовавшись общимъ замѣшательствомъ и весьма понятными недоумѣніемъ и нерѣшительностью при перемѣнѣ уже данной Константиноу присяги, въ пользу его брата—Николая, легко склонили къ неповиновенію и открытому возмущенію часть войскъ, находившихся въ Петербургѣ.

Такимъ образомъ въ дѣлѣ 14 Декабря самую видную роль сыграли злоумышленныя тайныя общества, такъ какъ если бы ихъ не существовало, то вопросъ о наследникѣ Императора Александра Перваго закончился бы приведеннымъ выше Манифестомъ Николая

Павловича. Поэтому, въ видахъ возможно полнаго выясненія вопроса объ исторіи бунта 14 Декабря, необходимо остановиться и на второмъ факторѣ этого бунта—на злоумышленныхъ тайныхъ обществахъ, ихъ возникновеніи, организаціяхъ, составѣ и цѣли.

Возникновеніе
тайныхъ обществъ
въ Россіи.
„Союзъ спасенія“.

Осенью 1816 года нѣсколько молодыхъ людей, членовъ русской масонской ложи „Трехъ Добродѣтелей“ ¹⁾, не удовлетворенныхъ масонствомъ, вздумали учредить въ Россіи тайное общество по примѣру тѣхъ, какія уже существовали въ то время за границей. Первыми инициаторами и учредителями этого общества были Александръ и Никита Муравьевы и князь Трубецкой. Вскорѣ къ этимъ организаторамъ присоединились и офицеры Семеновскаго полка—Якушкинъ и два брата Муравьевы-Апостолы, Сергѣй и Матвѣй. Въ Февралѣ же слѣдующаго 1817 года, послѣ того, какъ въ общество упомянутыхъ лицъ вступилъ полковникъ Вятскаго полка Павелъ Пестель, написавшій уставъ предполагаемой организаціи, общество это, называвшееся „Союзомъ спасенія“ или „Истинныхъ и вѣрныхъ сыновъ отечества“, получило опредѣленный строй и задалось преслѣдованіемъ опредѣленныхъ цѣлей ²⁾.

Согласно выработанному Пестелемъ уставу, члены „Союза спасенія“ раздѣлялись на три степени: братій, мужей и бояръ. Высшую степень представляли бояре, изъ среды которыхъ ежемѣсячно избирались предсѣдатель, блюститель ³⁾ и секретарь. Принятіе членовъ въ общество было обставлено всевозможными торжественными обрядами. Каждая степень давала особую присягу. Всѣ члены общества давали вѣдъ хранить въ тайнѣ все, что бы имъ ни открыли, даже если это будетъ не согласно съ ихъ убѣжденіями.

Первоначально цѣлью общества было освобожденіе крестьянъ, но съ принятіемъ устава, основаннаго на правилахъ слѣпнаго повиновенія, проповѣдывающаго насиліе, употребленіе яда и винжала, цѣлью „Союза спасенія“ стало введеніе конституціи въ Россіи. Каждый

¹⁾ Н. П. Павловъ-Сильванскій, «Павелъ Ивановичъ Пестель» стр. 22.

²⁾ Донесеніе слѣдственной комиссіи.

³⁾ У Н. П. Павлова Сильванскаго въ «Павелъ Ивановичъ Пестель» сказано, что въ «Союзѣ спасенія» избиралось два блюстителя, между тѣмъ въ докладѣ слѣдственной комиссіи сказано прямо «блюститель»—значитъ одинъ.

членъ, вступавшій въ общество, обязывался всѣми имѣющимися у него средствами содѣйствовать и стремиться къ цѣли „Союза спасенія“, а также безпрекословно подчиняться рѣшенію Верховнаго собора бояръ. Въ концѣ 1817 года составъ „Союза спасенія“ пополнился еще новыми членами. Въ него вступили: князь Ѳеодоръ Шаховской, Ѳеодоръ Глинка (правитель канцеляріи Малороссійскаго генераль-губернатора), Михаилъ Лунинъ и еще три члена, впоследствии совершенно оставившіе общество и прекратившіе съ нимъ всякія сношенія.

Въ концѣ того же, 1817-го, года члены „Союза спасенія“ предложили присоединиться къ нимъ генераль-маіору Орлову, который, вмѣстѣ съ графомъ Мамоновымъ и дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Тургеньевымъ, мечталъ объ учрежденіи другого общества „Русскихъ рыцарей“, цѣлью котораго было бы наблюденіе за лихоимствомъ и другими безпорядками внутренняго управленія. Инициаторъ этого предполагаемаго общества, генераль-маіоръ Орловъ, хотѣлъ даже испросить на учрежденіе его Высочайшее одобреніе, но потомъ, вѣря дошедшимъ до него ложнымъ толкамъ о томъ, будто Императоръ Александръ Павловичъ намѣревается возстановить Польшу въ ея прежнемъ видѣ, и, приписывая это намѣреніе исключительно вліянію польскихъ тайныхъ обществъ, перемѣнилъ свое рѣшеніе, поставивъ себѣ цѣлью во что бы то ни стало воспрепятствовать намѣреніямъ Императора. Желанію Орлова и его сообщниковъ не суждено было сбыться, предполагаемое общество не составилось, а сами организаторы, хотя и ненадолго, вошли въ составъ „Союза спасенія“ ¹⁾.

Выработанный Пестелемъ уставъ „Союза спасенія“ породилъ среди членовъ этого общества разногласія и неурядицы. Многіе изъ нихъ въ этомъ уставѣ видѣли невозможность исполненія нѣкоторыхъ его предписаній; другіе члены, въ особенности вновь вступившіе, категорически, подъ угрозою ухода изъ состава общества, требовали, чтобы „общество ограничилось медленнымъ дѣйствіемъ на мнѣнія“, чтобы уставъ Пестеля, основанный на клятвахъ, правилахъ слѣпago повиновенія и проповѣдывавшій насиліе, употребленіе яда и кинжала, былъ замѣненъ уставомъ нѣмецкаго Tugend-Bund'a. Коренные члены общества, конечно, не согласились съ этими требованіями и доводами, и поэтому рѣшено было устроить для обсужденія этого вопроса собраніе, которое и состоялось въ концѣ 1817 года въ Москвѣ. Въ это

¹⁾ Донесеніе слѣдственной комиссіи по дѣлу о декабристахъ. Гос. Арх. Разр. I В. д. № 1.

время князь Трубецкой увѣдомилъ изъ Петербурга, что Государь намѣренъ возвратить Польшѣ всѣ завоеванныя нами области и, что, предвидя возможное неудовольствіе русскихъ, онъ думаетъ со всѣмъ Дворомъ удалиться въ Варшаву, а „Отечество предать въ жертву неустойствъ и смятеній“. Это извѣстіе произвело на собравшихся въ Москвѣ членовъ „Союза спасенія“ такое впечатлѣніе, что всѣ они единогласно признали необходимымъ произвести покушеніе на Особу Государя Императора. Принявъ такое рѣшеніе, собравшіеся хотѣли бросить жребій, какъ вдругъ Якушкинъ, который „въ мученіяхъ несчастной любви“ давно ненавидѣлъ жизнь, добровольно предложилъ себя въ убійцы. „Рокъ избралъ меня въ жертвы, говорилъ онъ; сдѣлавшись злодѣемъ, я не долженъ, не могу жить: совершу ударъ и застрѣлюсь!“

Пестель, бывшій въ это время въ Петербургѣ и не знавшій о добровольномъ предложеніи себя въ царубійцы, сдѣланномъ Якушкинымъ, о состоявшемся въ Москвѣ заговорѣ на священную Особу Государя Императора, въ своемъ показаніи, данномъ слѣдственной комиссіи по дѣлу о декабристахъ, говоритъ: „въ 1817 году, когда Царствующая Фамилія была въ Москвѣ, часть общества, находящаяся въ сей столицѣ подъ управленіемъ Александра Муравьева, рѣшилась покуситься на жизнь Государя. Жребій долженъ былъ назначить убійцу изъ сочленовъ и оный палъ на Якушкина.

„Въ то время дали знать членамъ въ Петербургѣ, дабы получить ихъ согласіе, главнѣйше отъ меня и Трубецкого. Мы рѣшительно намѣреніе сіе отвергли, а дабы исполненіе удержать, то Трубецкой поѣхалъ въ Москву, гдѣ нашелъ ихъ уже отставшими отъ сего замысла“ ¹⁾).

Дѣйствительно, для того, чтобы предотвратить возможное несчастіе, князь Трубецкой долженъ былъ поѣхать въ Москву, но поѣхалъ онъ туда не по собственной инициативѣ, не потому, что Пестель „рѣшительно отвергъ сіе намѣреніе“ и хотѣлъ удержать его исполненіе, а исключительно въ силу того, что еще во время злополучнаго собранія одинъ изъ его участниковъ, фонъ-Визинъ, высказалъ сомнѣніе въ правдивости и достовѣрности присланнаго Трубецкимъ изъ Петербурга сообщенія. Тогда многіе изъ бывшихъ въ Москвѣ членовъ „Союза спасенія“ согласились съ предположеніями фонъ-Визина и рѣ-

¹⁾ Показаніе полковника Пестеля. Гос. Арх. Разр. I. В. д. № 470.

шили вызвать Трубецкого изъ Петербурга для объясненій. Приѣхавшій Трубецкой „принужденъ“ былъ согласиться ¹⁾).

Насколько Якушкинъ упорствовалъ въ своихъ злыхъ намѣреніяхъ, видно изъ того, что послѣ не удавшагося заговора на жизнь Импера-

Генераль-адъютантъ
Евгеній Александровичъ
ГОЛОВИНЪ.

Генер.-адъют. съ 15 Дек. 1825 г.

По рис. Крюгера
съ нѣмецкой лит.

Изъ собр. портр.
Имп. Гл. Кв.

тора Александра Благословеннаго, онъ, обвиняя своихъ сочленовъ въ томъ, будто они его побудили къ преступному намѣренію, ими же потомъ осужденному и отвергнутому, вышелъ на нѣкоторое время изъ состава „Союза спасенія“ ²⁾).

Недовольство „Союзъ благоден-
большинства членовъ ствія“.

„Союза спасенія“ уставомъ, выработаннымъ Пестелемъ, не прошло для общества безслѣдно, и „Союзъ спасенія“ преобразовался въ Москвѣ же въ „Союзъ благоденствія“.

Уставъ для этого вновь образовавшагося общества, выработанный Александромъ и Михаиломъ Муравьевыми, княземъ Трубецкимъ и Калошинымъ, былъ почти цѣликомъ заимствованъ изъ нѣмецкаго Tugend-Bund'a и назывался, по цвѣту обложки, „Зеленою книгою“. Въ противовѣсъ взглядамъ и намѣреніямъ Пестеля, проповѣдывавшаго ради своихъ цѣлей употребленіе всевозможныхъ средствъ, до кинжала и яда включительно, основатели новаго общества и авторы его устава были проникнуты „самыми лучшими намѣреніями“, направленными исключительно „для блага отечества“. Проповѣдуя ту мысль, что правительство, не смотря на свое могущественное вліяніе, нуждается въ содѣйствіи частныхъ лицъ, они утверждали, что возникающее общество стремится быть ревностнымъ по-

¹⁾ Докладъ слѣдственной комиссіи. Гос. Арх. Разр. I, В. л. № 1.

²⁾ Ibidem.

собникомъ въ добрѣ, что общество это лишь потому будетъ работать втайнѣ, чтобы избѣжать всякихъ нареканій, и что своихъ благихъ на-мѣреній оно и не думаетъ скрывать отъ людей благомыслящихъ.

Въ возникшемъ такимъ образомъ въ Москвѣ „Союзѣ благоденствія“ предполагалось раздѣлить всѣхъ членовъ на четыре разряда съ тѣмъ, чтобы члены одного разряда не имѣли права принимать участія въ работахъ другого. Отведенный каждому разряду кругъ дѣятельности лучше всего характеризуетъ тѣ видимыя цѣли, ради которыхъ будто бы и учреждалось общество. Приводимъ компетенцію каждаго разряда словами доклада слѣдственной комиссіи: „въ первомъ—предметомъ дѣятельности было человеколюбіе, то-есть успѣхи частной и общей благотворительности: онъ имѣлъ надзоръ надъ всѣми благотворительными заведеніями, увѣдомляя начальство оныхъ и самое правительство о могущихъ вкрасться въ оныя злоупотребленіяхъ и безпорядкахъ, равно и о средствахъ исправленія или усовершенствованія; во второмъ—умственное и нравственное образованіе распространеніемъ познаній, заведеніемъ училищъ, особенно ланкастерскихъ, и вообще содѣйствіемъ въ воспитаніи юношества, равно и чрезъ примѣры доброй нравственности, разговоры и сочиненія; членамъ сего второго разряда порученъ былъ надзоръ за всѣми школами, они должны были питать въ юношествѣ любовь ко всему отечественному, препятствуя по возможности воспитанію за границей и всякому чужеземному вліянію; въ третьемъ разрядѣ вниманіе было обращено на дѣйствіе судовъ; члены обязывались не уклоняться отъ должностей по выборамъ дворянства и другихъ въ порядкѣ судебномъ, исправлять оныя съ усердіемъ и точностью, сверхъ того наблюдать за теченіемъ дѣлъ сего рода, одобряя чиновниковъ безкорыстныхъ и прямодушныхъ, даже помогая имъ деньгами, удерживая слабыхъ, вразумляя не знающихъ, обличая безсовѣстныхъ и доводя ихъ поступки до свѣдѣнія правительства; наконецъ члены четвертаго разряда должны были заниматься предметами, относящимися къ политической экономіи, стараться изыскивать и опредѣлять непреложныя правила общественнаго богатства, способствовать распространенію всякаго рода промышленности, утверждать общій кредитъ и противиться монополіямъ“¹⁾.

Признавая „благо и пользу отечества“ въ надзорѣ за дѣйствіями чиновниковъ и въ основательномъ изученіи политической экономіи,

¹⁾ Докладъ слѣдственной комиссіи. Гос. Арх. Разр. I, В. д. № 1.

члены общества „Союза благоденствія“ полагали таковую же „пользу отечества“ въ введеніи въ Россіи республиканскаго образа правленія. Вотъ въ этомъ то предположеніи скорѣ всего и лежитъ та причина, по которой обществу приходилось „трудиться“ втайнѣ, впрочемъ не скрывая своихъ намѣреній отъ людей „благомыслящихъ“. Въ своихъ показаніяхъ Пестель рассказываетъ, какъ однажды, на одномъ изъ собраній общества, происходившемъ на квартирѣ у полковника Глинки, князь Долгоруковъ предложилъ высказаться по вопросу о выгодахъ и невыгодахъ монархическаго и республиканскаго правленій. Рѣшено было послѣ долгихъ споровъ собрать голоса такимъ образомъ, чтобы каждый членъ заявилъ, кого онъ желаетъ — монарха или президента? Конечно, каждый желалъ лучше президента, и только одинъ Глинка смѣло и честно доказывалъ „республиканцамъ“ пользу и выгоды монархическаго строя, предлагая въ Императрицы Елисавету Алексѣевну.

Такимъ образомъ и „Союзъ благоденствія“, подъ личиной самыхъ добрыхъ намѣреній, носилъ характеръ чисто политическій, и если „Союзъ спасенія“ своею конечною цѣлью имѣлъ введеніе въ Россіи конституціи, то смѣнившій его „Союзъ благоденствія“ пошелъ еще далѣе, добиваясь республики. То обстоятельство, что наводнявшія тогда Россію тайныя общества старались выдвигать на первый планъ самыя лучшія и искреннія побужденія, легко себѣ объяснить тѣмъ, что организаторы для большаго успѣха общества старались привлечь къ себѣ какъ можно больше членовъ, а такъ какъ охотниковъ „удариться въ политику“ находилось

Константи́нъ Семеновичъ
ВЕСЕЛОВСКІЙ.

Флиг.-адъют. съ 15 Дек. 1825 г.

Съ портрета
незав. художника.

Оригиналъ принадлежитъ
Б. К. Веселовскому.

немного, то и приходилось выставять напоказъ самыя благія, правительствомъ не преслѣдуемыя, цѣли.

Подтверженіемъ только что высказаннаго предположенія является показаніе Пестеля, данное имъ слѣдственной комиссіи. „Всѣ члены, говоритъ Пестель, единодушно согласны были въ намѣреніи содѣйствовать ко введенію въ Россіи новаго порядка вещей и въ томъ, что сіе иначе произведено быть не могло, какъ чрезъ количественное усиленіе членовъ общества и распространеніе тѣмъ самымъ союза благоденствія поелику возможно большимъ мѣстамъ“¹⁾.

Какъ прекратившій свое существованіе „Союзъ спасенія“ для достиженія своихъ цѣлей допускалъ употребленіе яда и кинжала, такъ средствами у „Союза благоденствія“ были разныя распускаемыя вздорныя слухи, рассказы, журнальныя статьи и сочиненія, какъ въ большемъ количествѣ расходящіяся. Все это дѣлалось для того, чтобы дать извѣстное направленіе общественному мнѣнію и „нечувствительно приготовить всѣ сословія“. „Есть многое“, говорится въ запискѣ, найденной въ кабинетѣ покойнаго Государя, „до чего, какъ до больнаго мѣста,

Генералъ-адъютантъ
Карлъ Карловичъ
МЕРДЕРЪ.
Флиг.-адъют. съ 11 Дек. 1825 г.
По акварели съ литогр. Мюнстера. Изъ собр. портр. Имп. Гл. Кв.

¹⁾ Госуд. арх. Разр. I, В. д. № 470.

чтобъ не почувствовать, не должно прикасаться, но частыя напоминанія и, такъ сказать, безпрестанныя атаки по заведенной системѣ на понятія о рабствѣ, цѣпяхъ неволн. тиранствѣ, ненаблюденіи правосудія и пр., врѣзываясь въ память, давали бы дурное мнѣніе и поселяли бы отвращеніе отъ существующаго очерняемаго порядка и желаніе переменъ. Первымъ шагомъ для привлеченія низшаго состоянія почитались: освобожденіе крестьянъ, къ чему каждый членъ былъ обязываемъ, и распространеніе училищъ „Взаимнаго обученія“. Нау-

чивши простой народъ и нижнихъ воинскихъ чиновъ одному только чтенію, скорѣе подѣйствовали бы приготовленными въ духѣ и по смыслу ихъ маленькими сочиненіями, начавъ самыми невинными: сказками, повѣстями, пѣснями, краткими наставленіями и пр., чтобъ ихъ заохотить“¹⁾).

Организація „Союза благоденствія“ была болѣе сложна, чѣмъ „Союза спасенія“. Высшимъ учрежденіемъ была Коренная Управа, которую составляли главные члены общества и избирали изъ своей среды на каждые четыре мѣсяца предсѣдателя, блюстителя и четырехъ предсѣдателей отдѣленій, соответствующихъ вышеупоминаемому дѣленію всѣхъ членовъ общества на четыре разряда. Коренная Управа хранила печать союза (улей съ пчелами), имѣла свой архивъ и вѣдала матеріальными средствами общества, состоящими изъ членскихъ взносовъ въ размѣрѣ одной десятой части дохода каждаго участника. Въ вѣдѣніи Коренной Управы находились, Управы Побочныя, въ которыя входили и члены, приготовляемые къ активной дѣятельности, но которые не пользовались въ обществѣ еще такимъ неограниченнымъ довѣріемъ, какое имѣли члены Коренной Управы. Члены этихъ Управъ, подъ предсѣдательствомъ члена Коренной Управы, собирались довольно часто подъ видомъ пріятельскихъ собесѣдованій, литературныхъ вечеровъ и проч. Предсѣдатель обыкновенно получалъ отъ Коренной Управы инструкціи о томъ, какія распространять среди своихъ членовъ сочиненія, слухи, карикатуры, кого изъ лицъ, стоящихъ у власти, чернить въ глазахъ общества, какъ относиться въ данный моментъ къ дѣйствіямъ и распоряженіямъ правительства и т. п.²⁾

Количество членовъ въ Побочныхъ Управахъ колебалось отъ 8 до 12. Въ случаѣ увеличенія числа членовъ свыше двѣнадцати, изъ первой Управы выдѣлялась вторая и т. д. Управа же, основанная не менѣе трехъ Побочныхъ Управъ, получала права и названіе Главной Управы по отношенію къ основаннымъ, и каждый основатель Управы въ теченіе первыхъ трехъ мѣсяцевъ становился ея предсѣдателемъ и блюстителемъ. Для того же, чтобы составить Управу, необходимо было принять въ общество не менѣе десяти вполне на-

¹⁾ Записка, найденная въ кабинетѣ покойнаго Государя, представленная Его Величеству въ 1821 году генералъ-адъютантомъ А. Х. Бенкендорфомъ и составленная Грибовскимъ. Госуд. Арх. Разр. I, В. д. № 12, л. 10—16. См. приложенія.

²⁾ Весьма характерно для нашего времени то, что члены обществъ называли всѣхъ лицъ, не сочувствовавшихъ ихъ идеямъ, людьми „Бабушкина вѣку“, т. е. лицами съ понятіями и взглядами Екатерининскаго времени.

дежныхъ членовъ. Принятіе въ общество было обусловлено подачей особой подписки, обязательною записью въ одинъ изъ четырехъ рядовъ и соответствующей рекомендаціей уже дѣйствительныхъ членовъ. Каждые десять членовъ Побочной Управы избирали въ свою Главную одного старшину, и изъ этихъ старшинъ при одномъ блюстителѣ составлялся Совѣтъ Управы, въ кругъ дѣятельности котораго входило: 1) управленіе дѣлами подвѣдомственныхъ ему Побочныхъ Управъ, 2) исполненіе работъ, порученныхъ начальствомъ союза, 3) предсѣдательствующій старшина предсѣдательствовалъ и въ Главной Управѣ, 4) Совѣтъ въ правѣ былъ налагать пени за безпорядки, 5) давалъ разрѣшеніе на основаніе другихъ Побочныхъ Управъ и выдавалъ основателю правила о цѣляхъ союза и объ обязанностяхъ его членовъ, 6) хранилъ подъ круговою отвѣтственностью всѣхъ его членовъ списокъ членовъ Главной и подвѣдомственныхъ ему Побочныхъ Управъ, книгу съ подписками вступающихъ въ союзъ членовъ и списокъ розданныхъ экземпляровъ законовъ союза ¹⁾). Сношенія Коренной Управы съ Главными и Побочными производились обыкновенно въ видѣ частной переписки между ихъ предсѣдателями и блюстителями. Кромѣ Управъ „Союзу благоденствія“ оказывали громадную услугу такъ называемыя „Вольныя общества“, которыя, стремясь къ преслѣдуемой союзомъ цѣли, въ составъ его не входили. Въ обществахъ этихъ „должны быть порождаемы и укрѣпляемы: согласіе и единодушіе между гражданами, охота къ взаимному сообщенію мыслей, вниманіе въ свойство правленія и народная гордость“. „Союзъ благоденствія“ сильно ратовалъ о томъ, чтобы священники, помѣщики и имѣющіе въ своей средѣ вліяніе крестьяне старались заводить „Вольныя общества“ у себя въ деревняхъ.

Существовавшія въ „Союзѣ благоденствія“ кромѣ перечисленныхъ выше Управъ—Управы Дѣловой не играли особенной роли. Пока въ Побочной Управѣ не доставало законнаго числа членовъ, то такая Управа носила названіе Дѣловой.

Вотъ въ краткихъ словахъ сложная организація „Союза благоденствія“.

Что касается умственнаго уровня состава этого общества, то, говоря словами записки, найденной въ кабинетѣ Императора Александра Благо-

¹⁾ Гос. Арх. Разр. I, В. д. № 470.

словеннаго, члены его были „съ поверхностными большею частью свѣдѣніями, воспламеняемые искусно написанными рѣчьми и мелкими сочиненіями корифеевъ революціонной партіи, не понимая, что-такое конституція, часто не смысля, какъ привести собственныя дѣла въ порядокъ, и, состоя

Генералъ-адъютантъ
Алексѣй Федоровичъ
АРБУЗОВЪ.

Флиг.-адъют. съ 15 Дек. 1825 г.

По рис. Крюгера
съ лѣт. Гл. Упр. П. С.

Изъ собр. портр.
Имп. Гл. Кв.

большею частью въ низшихъ чинахъ, мнили они управлять государствомъ. Для прикрытія сколько-нибудь своего невѣжества бросились они къ изученію политическихъ наукъ и стали посѣщать частно преподаваемые курсы, гдѣ поверхностно ослѣпляли ихъ блескомъ выражений и глушили громкими, но пустыми словами. Слабый желудокъ ихъ, не имѣя предварительныхъ основаній въ вспомогательныхъ наукахъ, не сваривалъ сочиненій лучшихъ писателей, отчего и все ихъ просвѣщеніе было мишурное“... ¹⁾). Первоначально членами „Союза благоденствія“ были почти

все молодые гвардейскіе офицеры, а именно: Пестель, адъютантъ графа Витгенштейна; князь Трубецкой, бывшій офицеръ .I.-Гв. Семеновскаго полка; Бибииковъ, адъютантъ Великаго Князя Михаила Павловича; князь Долгорукій, офицеръ 2-й гвардейской артиллерійской бригады; два фонъ-Визина, изъ которыхъ одинъ офицеръ Егерскаго полка; три Муравьева, Перовскій, Шинновъ, надворный совѣтникъ Новиковъ и др.

Къ концу 1818 года „Союзъ благоденствія“ насчитывалъ уже болѣе двухсотъ членовъ, развивъ свою дѣятельность настолько, что

¹⁾ Госуд. Арх. Разр. I В. д. № 12.

самую Коренную Управу, основанную, какъ уже было сказано, въ Москвѣ, пришлось разбить на три отдѣленія, изъ которыхъ одно утвердить въ Петербургѣ, другое въ Тульчинѣ, а третье оставить на прежнемъ мѣстѣ. Въ Петербургѣ главными руководителями дѣятельности союза были Глинка, Тургеневъ, фонъ-деръ-Бригенъ и Калошинъ, въ Москвѣ—Муравьевы и князь Феодоръ Шаховской и въ Тульчинѣ—Бурцевъ.

Игравшій чуть не первую роль въ дѣлѣ декабристовъ, авторъ устава „Союза спасенія“, Павелъ Пестель хотя и утверждаетъ въ своемъ показаніи, что онъ принялъ уставъ „Союза благоденствія“, но, по словамъ Никиты Муравьева, Пестель не признавалъ ни новаго общества ни новаго устава, а дѣйствовалъ самостоятельно по особымъ правиламъ (вѣроятно по уставу „Союза спасенія“) сначала въ Митавѣ, а затѣмъ въ Тульчинѣ. Само собою разумѣется, что показанія Муравьева правдоподобнѣе, тѣмъ болѣе, что вскорѣ послѣ основанія „Союза благоденствія“ Пестель учредилъ въ Тульчинѣ новое „Южное общество“, въ основу устава котораго положилъ уставъ, выработанный имъ въ 1817 году для „Союза спасенія“.

Къ концу 1820 года въ „Союзѣ благоденствія“ начались, какъ и слѣдовало ожидать, несогласія. Такъ какъ въ нелегальномъ обществѣ организаторы стремились для достиженія своихъ цѣлей понабравъ какъ можно больше сочувствующихъ ихъ идеямъ членовъ, не разбирая при этомъ средствъ, выставляя весьма часто въ смѣшномъ видѣ лицъ, сторонившихся всякихъ тайныхъ обществъ, запугивая не желающихъ вступать въ ряды ихъ сообщниковъ, то весьма понятно, что „Союзъ благоденствія“, не по своимъ силамъ широко развивъ дѣятельность, не могъ похвастаться твердой организаціей. Усердіе многихъ членовъ начинало ослабѣвать; нѣкоторые отставали отъ союза и заводили свои общества ¹⁾; нѣкоторые, не зная сначала истинной цѣли союза и узнавъ ее впоследствии, начинали изъ него выходить. Къ числу послѣднихъ принадлежалъ полковникъ Александръ Муравьевъ. „Лучъ горней благодати“, говорилъ онъ, „коснулся моей души омраченной; я вдругъ увидѣлъ бездну, надъ которою стоялъ съ несчастными сообщниками, и долго, въ слезахъ раскаянія, молилъ небо простить мнѣ ихъ и мои преступленія. Богъ услышалъ грѣшника: Онъ въ теченіе шести

¹⁾ Князь Долгорукій и Бибииковъ основали общество на Отгѣ.

лѣтъ испытывалъ меня тяжкими крестами, смертью дѣтей, страданіемъ жены, разстройствомъ имущества, наконецъ и праведнымъ гнѣвомъ Государя и карою закона“... Долго онъ не могъ побѣдить ложнаго стыда и наконецъ въ 1819 году написалъ въ Коренную Управу письмо, въ которомъ изложилъ мотивы своего выхода изъ состава союза, умоляя всѣхъ организаторовъ и членовъ общества послѣдовать его примѣру и отказаться отъ всякихъ противозаконныхъ намѣреній. Нашлись и такіе члены, которые вступали въ общество исключительно съ корыстною цѣлью. Такъ, секретарь Правительствующаго Сепата Хавскій, вступившій въ общество чрезъ одного изъ Муравьевыхъ, подъ угрозою выдать правительству весь составъ и истинныя намѣренія союза, требовалъ денегъ. При такихъ условіяхъ „Союзъ благоденствія“ не могъ долго существовать. Если же ко всему этому прибавить еще и то обстоятельство, что одинъ изъ членовъ общества, Краснокутскій, случайно проговорившись, далъ возможность подозрѣвать о существованіи и цѣляхъ „Союза благоденствія“ командующему Гвардейскимъ корпусомъ, князю Васильчикову, то станеть яснымъ, почему обществу пришлось ликвидировать свои дѣла на состоявшемся въ Февралѣ 1821 года въ Москвѣ съѣздѣ членовъ союза.

Въ дѣлѣ дальнѣйшаго развитія злоумышленныхъ обществъ выдающуюся роль игралъ сначала адъютантъ главнокомандующаго 2-ю арміей графа Витгенштейна, а затѣмъ командиръ Вятскаго пѣхотнаго полка, полковникъ Павелъ Ивановичъ Пестель.

Въ то время, когда въ Москвѣ состоялся съѣздъ членовъ „Южное общество“, „Союза благоденствія“, постановившій прекратить дальнѣйшее существованіе этого общества, Пестель, находившійся въ главной квартирѣ 2-й арміи, въ Тульчинѣ, по обязанностямъ своей службы, не могъ попасть въ Москву, и представителями отъ Тульчинской Управы поѣхали полковникъ Бурцевъ и подполковникъ Комаровъ. Послѣдній, замѣтивъ тогда явную склонность общества къ революціонной дѣятельности, рѣшилъ воспользоваться удобнымъ случаемъ и настаивать на закрытіи союза. На состоявшемся съѣздѣ за ликвидацію дѣлъ союза особенно ратовали Тургеневъ, генераль-маіоръ Орловъ, Бурцевъ, Калошинъ и Комаровъ, которому Якушкинъ, вторично вступившій въ общество въ 1819 году, сказалъ: „Я на лицѣ твоёмъ вижу, что ты

измѣняешь обществу!“— „Да“, отвѣчалъ Комаровъ, „если оно не войдетъ опять въ предѣлы извѣстнаго мнѣ устава“. Послѣ состоявшагося цѣлаго ряда засѣданій Тургеневъ, какъ предсѣдатель съѣзда, объявилъ, что ихъ общество „разрушилось совершенно, какъ по возникшему въ ономъ разномыслию, такъ и для того, чтобы не возбуждать подозрѣній правительства, которое готово всѣмъ пожертвовать, и не удивительно, если откроетъ“ ¹⁾).

Пестель, узнавшій еще до возвращенія въ Тульчинъ Бурцева и Комарова о результатахъ московскаго съѣзда, вмѣстѣ съ однимъ изъ своихъ виднѣйшихъ сообщниковъ, генераль-интендантомъ 2-й арміи, Юшневскимъ, условились на предварительномъ совѣщаніи не признавать общества разрушеннымъ и воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы удалить изъ союза всѣхъ „слабосердыхъ“, представя имъ опасности и трудности предпріятія. На первомъ послѣ этого собраніи Тульчинской Управы Бурцевъ и Комаровъ, объявивъ рѣшеніе московскаго съѣзда, поспѣшили выйти изъ состава общества, а Юшневскій произнесъ такую рѣчь, что не только никто не удалился изъ союза, но, наоборотъ, такъ подзадорилъ самолюбіе остальныхъ, что въ Тульчинѣ, кромѣ Комарова и Бурцева, отдѣленіе „Союза благоденствія“ осталось въ прежнемъ составѣ, а воодушевленный рѣчью генераль-интенданта полковникъ Аврамовъ даже воскликнулъ, что „если и всѣ оставятъ союзъ, то онъ не перестанетъ полагать оный существующимъ въ немъ одномъ“ ²⁾).

Такимъ образомъ было положено основаніе новому союзу, называвшемуся „Южное общество“ въ отличіе отъ функционировавшаго въ Петербургѣ съ нимъ одновременно общества „Сѣвернаго“.

Первые бояре вновь образовавшагося союза, а именно: Пестель, Юшневскій, Аврамовъ, Вольфъ, двое Крюковыхъ, Басаргинъ, князь Барятинскій, Ивашевъ, Давыдовъ и князь Сергій Волконскій выбрали изъ своей среды директорами общества Пестеля, Юшневскаго и для Петербурга—Никиту Муравьева. По заявленію послѣдняго до 1822 года существованіе въ столицѣ тайныхъ обществъ находилось въ весьма печальномъ положеніи. Большая часть членовъ бывшаго „Союза благоденствія“ изъ него вышла, а оставшіяся Управы не имѣли между собою ни связи, ни устава, ни порядочной организаціи.

¹⁾ Гос. Арх. разр. I В. д. № 12 л. л. 10—16.

²⁾ Докладъ слѣдственной комиссіи.

Съ возникновеніемъ „Южнаго общества“ Тульчинская Управа илп, какъ она теперь называлась, Дума—становилась главою новаго союза, и отъ нея зависѣли двѣ Управы—Каменская и Васильковская. Въ первой изъ нихъ присутствовали Давыдовъ и князь Сергѣй Волконскій, а во второй—Сергѣй Муравьевъ-Апостоль и Бестужевъ-Рюминъ.

Въ основу устройства общества Пестель положилъ уставъ, который онъ въ 1817 году выработалъ для „Союза спасенія“. Члены „Южнаго общества“ раздѣлялись на три степени: на бояръ, мужей и братій. Члены высшей степени—бояре участвовали въ Думѣ при обсужденіи важныхъ вопросовъ. Мужики такъ же, какъ и бояре, имѣли права принимать новыхъ членовъ и были посвящены въ истинныя намѣренія общества—введеніе республиканскаго образа правленія. Братья были полноправными членами, однако настоящая цѣль общества отъ нихъ скрывалась: имъ сообщали о намѣреніи ввести новый конституціонный порядокъ безъ дальнѣйшихъ объясненій ¹⁾. Наконецъ, „члены приготавливаемые“, но еще не принятыя, назывались друзьями. Сложныя обрядности при приѣмѣ новыхъ членовъ были оставлены, и принимающіе довольствовались лишь честнымъ словомъ принимаемыхъ. Уставъ Пестеля для „Южнаго общества“ носилъ специальное названіе—„Русская Правда“.

Для того, чтобы выяснитъ истинныя цѣль и намѣренія общества, достаточно привести нѣсколько фактовъ. Когда, въ Январѣ 1823 года, собравшіеся въ Кіевѣ—Пестель, Юшневскій, Давыдовъ, Волконскій, Муравьевъ и Бестужевъ-Рюминъ—читали „Русскую Правду“, кто-то изъ нихъ спросилъ: „какъ быть съ Императорскою Фамиліей при вве-

Флигель-адъютантъ
Корнилій Корнилевичъ
ЗАССЪ.

Съ портрета
тушью.

Оригиналъ принадлежитъ
Э. П. Рудаской.

¹⁾ Н. П. Павловъ-Сильванскій. «Павель Ивановичъ Пестель», стр. 31.

деніи нашихъ новыхъ законовъ?“ — „Истребить!“ не задумываясь отвѣтилъ Пестель. Всѣ присутствующіе, кромѣ Бестужева-Рюмина, согласились съ мнѣніемъ своего руководителя, а оппонентъ, молодой Бестужевъ, предлагалъ довольствоваться смертью одного Императора, вывезя за границу при помощи Кронштадтскаго флота остальныхъ членовъ Царственнаго Семейства. Свои доводы Бестужевъ-Рюминъ подтверждалъ тѣмъ, что, по совершеніи революціи, члены Императорской Фамиліи будутъ совершенно не опасны. „Чего“, говорилъ онъ Юшневскому, „могутъ еще пожелать русскіе, когда мы устроимъ для нихъ хорошее правленіе, когда мы дадимъ имъ мудрые законы!“.

Въ своихъ сношеніяхъ съ разными польскими тайными обществами „Южное общество“ обѣщало возвратить Польшѣ область Бѣлостокскую, губернію Гродненскую, часть Виленской, Минской и Подольской, обѣщало покровительствовать въ Россіи полякамъ и стараться искоренять взаимную вражду между обѣими націями. Съ своей стороны польскія общества обязывались всѣми средствами воспрепятствовать приѣзду Цесаревича въ Россію, когда начнется революція, и итти, въ случаѣ надобности, на Литовскій корпусъ съ тѣмъ, чтобы, обезоруживъ его, учредить въ Польшѣ республику.

Для того, чтобы дать полную характеристику и оцѣнку дѣятельности „Южнаго общества“ и отдѣльныхъ его членовъ, необходимо упомянуть и о нѣсколькихъ ими составленныхъ планахъ преступныхъ покушеній на священную Особу Государа Императора и о причинахъ неудачи этихъ злодѣйскихъ замысловъ.

Въ 1823 году члены Васильковской Управы, пользуясь предполагаемымъ прибытіемъ Императора Александра и Великаго Князя Николая Павловича въ 9-ую дивизію, расположенную

Генераль-адъютантъ
Александръ Александровичъ
КАВЕЛИНЪ.

Флиг.-адъют. съ 14 Дек. 1825 г.

Съ литографіи
Гл. Упр. П. С.

Изъ собр. портр.
Имп. Гл. Кв.

Свои приказы и начево разубрани - само погубиру 19. 2. 1881.
В мое время когда войско великое замкнуло в. в. Кабинета
вместе перовутом своим при Александровском в. Великом Дворце.

Снимок с литографии «Битва при Гранки» с собственноручною подписью Великого Кнзя Александра Николаевича.

Собственная Его Величества Библиотека Зимнего Дворца, изъ альбома (въ малой Библиотеке) шкафъ 10, полка 2, ном. 28.

тогда въ Бобруйскѣ, рѣшили, переодѣвшись солдатами, при помощи одного изъ своихъ сообщниковъ, полковника Швейковскаго, овладѣвъ Государемъ и Великимъ Княземъ и арестовавъ генераль-адъютанта барона Дибича, произвести бунтъ въ лагерѣ и крѣпости и итти затѣмъ на Москву, возмущая на пути и присоединяя къ себѣ другія войска. Причина неудачи этого преступнаго замысла лежитъ въ „нетерпѣливости страстей и ничтожности средствъ: обманывая другъ друга, они часто были сами ослѣплены своими вымыслами и лишь въ минуты, назначенныя для совершенія предпріятія, узнавали свою слабость“¹⁾. Дѣйствительно, организаторы этого плана, думая возмутить всю дивизію, скоро убѣдились, что въ огромной воинской части у нихъ было всего лишь два сообщника—полковникъ Швейковскій да капитанъ Норовъ.

Другой планъ покушенія на Особу Государя Императора былъ выработанъ Пестелемъ, Муравьевымъ, Бестужевымъ-Рюминымъ, обоими Поджіо, Давыдовымъ и Швейковскимъ въ Апрѣлѣ слѣдующаго, 1824 года. Всѣ эти заговорщики предполагали, что Императоръ Александръ Павловичъ пріѣдетъ въ Бѣлую Церковь осматривать войска третьяго корпуса, и поэтому рѣшили, ради достиженія своихъ „благихъ“ цѣлей, ночью, переодѣвшись въ солдатскіе мундиры, воспользоваться смѣною караула и, ворвавшись въ покои Государя, умертвить его. Планъ этотъ не пришлось привести въ исполненіе въ виду того, что Высочайшаго смотря 3-го корпуса подъ Бѣлою Церковью не состоялось.

Пестель, имѣвшій громадное вліяніе на своихъ соучастниковъ, вліяніе, доходившее до того, что онъ становился почти единоличнымъ распорядителемъ „Южнаго общества“, считая всѣхъ остальныхъ лишь необходимой силой для своихъ плановъ, требовалъ введенія въ Россіи республиканскаго образа правленія, уничтоживъ предварительно весь Царствующій Домъ и склонивъ на свою сторону для исполненія этихъ предначертаній часть войскъ. Совершивъ такимъ образомъ государственный переворотъ, Пестель рассчитывалъ ввести Временное Правительство.

— „Кто же, —спросилъ однажды у Пестеля Поджіо, —будетъ главою Временнаго Правительства? Кому быть кромѣ того, кто начинаетъ и безъ сомнѣнія совершить великое дѣло революціи—кромѣ васъ?“

¹⁾ Докладъ слѣдственной комиссіи. Гос. Арх. Разр. I, В. д. № 1.

— „Неловко мнѣ, нося имя не русское!“—отвѣчалъ Пестель.

— „Что нужды! Вы уймете самое злорѣчіе, удалясь, какъ Вашингтонъ, въ среду простыхъ гражданъ. Вѣдь Временное Правительство не долго будетъ дѣйствовать—годъ, много два!“

— „О нѣтъ!—возразилъ Пестель, — не менѣе десяти лѣтъ! Они необходимы для однѣхъ предварительныхъ мѣръ! Между тѣмъ, чтобы не роптали, можно занять умы внѣшнею войною, возстановленіемъ древнихъ республикъ въ Греціи. А кончивъ великій подвигъ, я заключусь въ Кіевской Лаврѣ, буду схимникомъ и тогда примусь за вѣру“¹⁾.

Насколько Пестель былъ проникнутъ въ своихъ дѣйствіяхъ „истинно благими для отечества намѣреніями“, видно изъ приведеннаго выше разговора. Для того, чтобы въ теченіе десяти лѣтъ пользоваться правами и почестями временнаго правителя, Пестель, „истинно и добросовѣстно оберегая интересы родины и преслѣдуя исключительно благо отечества“, намѣревался затѣять никому не нужную войну, считывая этимъ зажать рты недовольныхъ.

Одинъ изъ членовъ общества, Матвѣй Муравьевъ, хорошо понималъ невозможность склонить разными обольщеніями на свою сторону войска. Въ письмѣ къ своему брату Сергѣю отъ 3-го Ноября 1824 года онъ, стараясь удержать брата отъ всякихъ активныхъ посягательствъ, доказывалъ безразсудность замысла и невозможность успѣха. „Духъ въ гвардіи“, пишетъ онъ, „и вообще въ войскахъ и народѣ совсѣмъ не тотъ, какой мы предполагали. Государь и Великіе Князья любимы. Они съ властью имѣютъ и способы привязывать къ себѣ милостями! А мы? Что можемъ обѣщать вмѣсто чиновъ, денегъ и спокойствія?—Метафизическія разсужденія о политикѣ и двадцатилѣтнихъ прапорщиковъ въ правители государства!“

Не довольствуясь устройствомъ „Южнаго общества“, Пестель всѣми силами старался завязать постоянныя и правильныя сношенія съ „Сѣвернымъ обществомъ“ и объединить оба эти общества подъ управленіемъ одной директоріи. Дѣятельность его въ этомъ направленіи не увѣнчалась успѣхомъ. Въ 1823 году, при помощи князя Волконскаго и Василя Давыдова, Пестель старался списаться съ руководителемъ „Сѣвернаго общества“ Никитою Муравьевымъ, но ничего, кромѣ не оконченнаго проекта конституціи, отъ него не получилъ. Тогда, упрекнувъ предварительно Н. Муравьева въ бездѣятельности и ука-

¹⁾ Докладъ слѣдственной комиссіи. Гос. Арх. Разр. I, В. д. № 1.

завъ, что лучше „совсѣмъ разойтись, нежели бездѣйствовать и все-таки опасностямъ подвергаться“, Пестель въ концѣ 1823 года рѣшилъ самъ поѣхать въ Петербургъ.

Никита Муравьевъ рѣшилъ съ княземъ Трубецкимъ „показать Пестелю что-нибудь здѣсь образованное“. Съ этою цѣлью была немедленно образована въ Петербургѣ Управа, въ которую вошли Никита Муравьевъ, князь Трубецкой и князь Оболенскій.

Пріѣхавъ въ Петербургъ, Пестель посѣтилъ князя Трубецкого, которому жаловался на то, что здѣсь ничего нѣтъ и никто не хочетъ ничего дѣлать; хвалилъ свое общество, его отличную организацію;

указывалъ на то, что Петербургъ долженъ взять примѣръ съ Тульчина и что для этого необходимо объединить оба союза подъ общимъ руководствомъ управляющихъ членовъ съ требованіемъ отъ прочихъ участниковъ безусловнаго подчиненія.

Пестель не достигъ въ Петербургѣ намѣченной имъ цѣли, и главной причиной неспѣха было его разногласіе въ политическихъ взглядахъ съ руководителемъ Сѣвернаго общества—Никитою Муравьевымъ. Въ то время какъ Муравьевъ являлся представителемъ монархическо-аристократической конституціи, Пестель придерживался идеи демократической республики. Расходясь, такимъ образомъ, во взглядахъ на конечную цѣль, и Пестель и Муравьевъ соглашались на необходимости вооруженнаго возстанія, уничтоженія самодержавія, созывѣ учредительнаго собранія и учрежденіи временнаго правительства, которое должно было бы провести: 1) уравниеніе всѣхъ правъ состояній, 2) образованіе волостныхъ, уѣздныхъ и проч. управленій, 3) образованіе внутренней народной стражи, 4) учрежденіе суда съ присяжными, 5) уравниеніе рекрутской повинности, 6) разоруженіе постоян-

Генераль-адъютантъ
КАРЛЪ ИВАНОВИЧЪ
БИСТРОМЪ.

Генер.-адъют. съ 20 Дек. 1825 г.

Съ литографіи
Мошарскаго.

Изъ собр. портр.
Имп. Г.Л. Кв.

ной арміи и 7) установленіе порядка выборовъ въ палату народныхъ представителей.

Кромѣ принципиальнаго несогласія во взглядахъ петербуржцы выказали рѣшительное недовѣріе и лично къ Пестелю, усматривая въ той его настойчивости, съ которою онъ проводилъ свои планы, стремленіе къ диктаторству, къ властолюбію, къ выставленію на первый планъ своего личнаго я. Особенно подозрительнымъ показалось требованіе Пестеля объ учрежденіи одного верховнаго правленія съ неограниченною властью и слѣпago повиновенія всѣхъ участниковъ одному директору.

Видя неговорчивость руководителей „Сѣвернаго общества“, Пестель сдѣлалъ попытку внести расколъ въ это общество, предложивъ одному только князю Трубецкому войти третьимъ членомъ въ Тульчинскую директорію, въ качествѣ руководителя „Сѣвернаго общества“, мотивируя свое предложеніе тѣмъ, что Юшневскій мало занимается дѣлами, и что, такимъ образомъ, онъ, т.-е. Пестель, вмѣстѣ съ Трубецкимъ будутъ вершителями судебъ обѣихъ организацій. Трубецкой на это не согласился. Единственно чего удалось Пестелю достигнуть въ Петербургѣ, такъ это согласія членовъ „Сѣвернаго общества“ на поддержку въ случаѣ вооруженнаго возстанія, начатаго „Южнымъ обществомъ“ и наоборотъ.

Возвратившись въ Тульчинъ послѣ своей неудачной поѣздки, Пестель постарался увѣрить своихъ сообщниковъ въ томъ, что общества „Южное“ и „Сѣверное“ по его настоянію уже соединились, что сначала ему во многомъ противились, но когда онъ въ нетерпѣніи, ударивъ кулакомъ по столу, воскликнулъ: „такъ будетъ же республика!“ — всѣ согласились съ его предложеніями и видами.

Въ „Южномъ обществѣ“ особенно безпокойную дѣятельность проявляла Васильковская Управа, которая, не довольствуясь одною только работою, направленною на количественное увеличеніе состава „Южнаго общества“, выразившейся въ принятіи новыхъ членовъ и въ открытіи и вступленіи въ сношенія съ обществами польскими и „Соединенныхъ славянъ“, намѣревалась возмутить 3-й корпусъ (8-ю и 9-ю пѣхотныя и 3-ю гусарскую дивизіи и соотвѣтствующую артиллерію) и подослать убійцъ въ Таганрогъ. Въ исполнители послѣдняго намѣренія предложилъ себя полковникъ Артамонъ Муравьевъ. „Ты намъ нуженъ здѣсь для своего полка“ отвѣчалъ ему на это предложеніе Бестужевъ-Рю-

минъ и взялся найти исполнителей этого заговора въ обществѣ „Соединенныхъ славянъ“. Этимъ предположеніямъ Васильковской Управы не суждено было сбыться, такъ какъ по настояніямъ полковника Швейковскаго этотъ планъ былъ оставленъ своевременно.

Не приведя этого намѣренія въ исполненіе, Васильковская Управа, а съ нею и все „Южное общество“, постановили начать возмущеніе не позже Августа 1826 года, воспользовавшись предстоящимъ въ этомъ году смотромъ войскъ у Бѣлой Церкви. Предполагаемымъ тогда убійствомъ Императора Александра Павловича они думали подать знакъ къ повсемѣстному возстанію, принудить Сенатъ провозгласить республику и составить три лагеря: первый у Кіева подъ командою Пестеля, второй у Москвы во главѣ съ Бестужевымъ, а третій у Петербурга, гдѣ Сергѣй Муравьевъ-Апостоль долженъ былъ принять начальство надъ гвардіей. Какъ дѣйствіе подготовительное—совѣтовалось приглашать въ сообщничество фейерверкеровъ, унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ.

Предначертаніямъ „Южнаго общества“ не суждено было сбыться. Доносъ на Пестеля, сдѣланный капитаномъ Вятскаго полка Майбородю, положилъ конецъ всѣмъ этимъ „благимъ намѣреніямъ“ и повлекъ за собою арестъ Пестеля, который и былъ роковымъ ударомъ для „Южнаго общества“, прекратившаго свое существованіе извѣстнымъ мятежомъ Черниговскаго полка, и проявившаго, такимъ образомъ, послѣдній конвульсивный порывъ къ жизни наканунѣ своей смерти.

Въ своемъ рвеніи къ усиленной дѣятельности Васильковская Управа, руководимая Бестужевымъ-Рюминымъ, въ 1825 году открыла и присоединила къ себѣ новое незначительное общество „Соединенныхъ Славянъ“.

Цѣлью этого союза, основаннаго въ 1823 году братьями Борисовыми и Волынскимъ шляхтичемъ Люблинскимъ, было соединить общимъ республиканскимъ правленіемъ, не нарушая независимости каждаго, восемь „славянскихъ колѣнъ“, означенныхъ на восьмиугольной ихъ печати, а именно: Россію, Польшу, Богемію, Моравію, Далмачію, Кроачію, Венгрію съ Трансильваніей, Сербію съ Молдавіей и Валахіей.

Поставивъ себѣ задачею объединить славянскія земли, общество не позаботилось выработать опредѣленныхъ средствъ для исполненія ея, а, по словамъ Борисова, старалось увеличивать число членовъ, внушая каждому вновь вступающему, что союзъ этотъ силенъ, что средоточіе его въ Петербургѣ, отрасли—во всѣхъ славянскихъ земляхъ и что основатель его—извѣстный Молдавскій князь.

Свиты Его Велич. Генер.-Маіоръ
Павель Николаевичъ
ИГНАТЬЕВЪ.

Флиг.-адъют. съ 21 Дек. 1825 г.

Съ рис. Дюрка,
съ литогр. Бюкера.

Изъ собр. портр.
Имп. Гл. Кв.

Главное отличіе общества „Соединенныхъ Славянъ“ отъ другихъ тайныхъ обществъ заключалось въ томъ, что здѣсь было обращено главное вниманіе на развитіе экономической программы, конечно, въ связи съ политической; между тѣмъ остальные общества экономической вопросъ совершенно игнорировали. Въ интересахъ программы славянъ предполагалось построить торговые порты у береговъ морей, омывающихъ славянскія земли—Балтійскаго, Бѣлаго, Чернаго и Ледовитаго, а въ центрѣ соединенныхъ странъ—построить городъ, гдѣ находилось бы главное управленіе союза.

Основатель общества, Борисовъ 2-й, для руководства составилъ, а Люблинскій перевелъ на польскій языкъ, формулу клятвеннаго обѣщанія для вновь вступающихъ и краткій „Катехизисъ славянина“. Въ послѣднемъ, между прочимъ, сказано: „не надѣйся ни на кого, кромѣ друзей и своего (оружія). Друзья тебѣ помогутъ, а оружіе тебя защититъ! И ты еси славянинъ, и на землѣ твоей, при берегахъ морей, ее окружающихъ, построишь четыре порта—Черный, Бѣлый, Далматскій, Ледовитый, воздвигнешь городъ и въ немъ своимъ могуществомъ посадишь на тронъ богиню просвѣщенія.... Желаетъ сего,—жертвуй десятою частью своихъ доходовъ и будешь обитать въ сердцѣ друзей!“... Согласно установленной формулѣ клятвеннаго обѣщанія, каждый вступающій въ союзъ, обязываясь хранить тайну и дѣйствовать всѣми силами для блага

славянскихъ племень, прибавлялъ: „Если измѣню, то да буду наказанъ и угрызеніемъ совѣсти и симъ оружіемъ, надъ конемъ произношу присягу. Да видеть оно остриемъ въ сердце мое, да истребитъ всѣхъ миѣ любезныхъ, и жизнь моя съ сей минуты да будетъ сцѣпленіемъ неслыханныхъ бѣдъ!“.

Въ то время, когда Бестужевъ завелъ сношенія съ обществомъ славянъ, общество это состояло изъ 36 членовъ, большею частью— военной молодежи 3-го корпуса. Доказавъ невозможность исполнить своими средствами грандіозный славянскій планъ и прибавивъ при этомъ, что обязанность русскаго—подумать о Россіи прежде, чѣмъ о другихъ соплеменныхъ народахъ, Бестужевъ-Рюминъ безъ особаго труда присоединилъ общество славянъ къ Васильковской Управѣ и взялъ съ нихъ передъ образомъ клятву, что и они будутъ стремиться къ ниспроверженію существующаго порядка посредствомъ вооруженнаго возстанія. Нѣкоторымъ препятствіемъ къ соединенію обоихъ обществъ было принципиальное несогласіе славянъ въ вопросѣ объ убіеніи Императора Александра Павловича и истребленіи всей династіи, такъ какъ подобная мѣра не могла совмѣститься съ ихъ понятіемъ о Богѣ и религіи. Но когда Муравьевъ постарался доказать выписками изъ Библии о томъ, что монархическое правленіе не угодно Небу, а Бестужевъ заявилъ: „надобно прахъ ихъ (членовъ Императорской Фамиліи) развѣять по землѣ; послѣдствій такихъ, какъ во Франціи, бояться не должно: тамъ началъ революцію народъ, а не войско; у нихъ не было хорошей конституціи, одна смѣняла другую, всѣ были наполнены недостатками, и между верховными правителями ихъ, консулами, былъ человекъ отважный съ обширнымъ геніемъ—у насъ противъ всего подобнаго взяты мѣры“—общество „Соединенныхъ славянъ“ присоединилось къ Васильковской Управѣ и сдѣлалось ея вѣрнымъ союзникомъ.

Представитель „Союза благоденствія“ отъ Петербурга „Сѣверное общество“ на московскомъ сѣздѣ, Тургеневъ, по возвращеніи домой, дѣлалъ попытку составить новое тайное общество, но, вслѣдствіе выступленія гвардіи въ походъ, попытка его осталась безъ результатовъ. Началомъ существованія „Сѣвернаго общества“ нужно считать 1822 годъ, когда Никита Муравьевъ, князь Оболенскій и Н. Тургеневъ замѣнъ закрыв-

шагося „Союза благоденствія“ положили основаніе новой организаціи.

Въ возникшемъ такимъ образомъ въ Петербургѣ новомъ „Сѣверномъ обществѣ“ всѣ члены были раздѣлены на „убѣжденных“ и „согласныхъ“. „Убѣжденные“ составляли „Верхній кругъ“, въ который попали всѣ основатели общества и могли попасть нѣкоторые изъ „согласныхъ“, но не иначе, какъ по рекомендаціи всѣхъ „убѣжденныхъ“. „Верхній кругъ“ имѣлъ слѣдующія права: онъ избиралъ членовъ совѣта, управляющаго обществомъ, давалъ всякій разъ разрѣшеніе на принятіе нововступающихъ и требовалъ отчета отъ совѣта. Тѣ члены, которые не состояли въ „Верхнемъ кругѣ“, были въ правѣ принимать въ общество не болѣе двухъ новыхъ членовъ и не иначе, какъ испросивъ на то разрѣшеніе у того, чрезъ котораго самъ принимающій былъ принятъ въ общество. Вновь вступающихъ сначала испытывали, подготовляли, а потомъ мало-по-малу открывали и цѣль общества, но о средствахъ для достиженія этой цѣли и о времени начала активныхъ дѣйствій долженъ былъ знать только одинъ „Верхній кругъ“. Многимъ, которыхъ готовили къ роли слѣпыхъ исполнителей, говорили, что ихъ дѣло только рубиться. Вообще организаторы старались поставить дѣло такъ, чтобы „согласныхъ“ не посвящать въ сокровенныя тайны общества, а нововступившимъ даже не открывали именъ соучастниковъ, ограничиваясь тѣмъ, что изъ всего состава новичекъ зналъ только члена, его принявшаго. Однако всѣ эти правила исполнялись не очень строго.

„Начальникомъ“ общества въ первое время былъ поставленъ Никита Муравьевъ, но потомъ, въ концѣ 1823 года, когда узнали, что Пестель ѣдетъ въ Петербургъ, рѣшено было для лучшаго успѣха присоединить къ нему князей Сергѣя Трубецкого и Евгенія Оболенскаго. Съ цѣлью имѣть вліяніе на войска четвертаго корпуса и слѣдить за дѣятельностью Пестеля, которому главари „Сѣвернаго общества“ не совсѣмъ довѣряли, видя въ немъ „хитраго властолюбца, не Вашингтона, а Бонапарте“, князь Трубецкой, согласно постановленію „круга“, уѣхалъ въ Кіевъ, а его мѣсто въ Петербургѣ занялъ Рыльцевъ, получившій съ того времени первенствующее значеніе въ обществѣ.

Главный организаторъ и учредитель „Сѣвернаго общества“, Никита Муравьевъ, свои политическіе взгляды выразилъ въ составленномъ имъ

проектъ конституціи, устанавливающимъ слѣдующія положенія: 1) „1) русскій народъ свободный и независимый не есть и не можетъ быть принадлежностью никакого лица и никакого семейства; 2) источникъ верховной власти есть народъ, которому принадлежитъ исклю-

Генералъ-адъютантъ
Василій Никаноровичъ
ШЕНШИНЪ.

Генер.-адъют. съ 14 Дек. 1825 г.

Съ литографіи.

Изъ собр. портр.
Имп. Гл. Кв.

чительное право дѣлать основныя постановленія для самого себя; 3) гражданство есть право опредѣленнымъ въ семъ уставѣ порядкомъ участвовать въ общественномъ управленіи: посредственно, т. е. выборомъ чиновниковъ или избирателей, непосредственно, т. е. быть самому избираемымъ въ какое-либо общественное званіе по законодательной, исполнительной или судебной власти. Гражданиномъ признавался всякій, достигшій 21 года, обладающій имущественнымъ цензомъ, несущій опредѣленные повинности, не опороченный по суду и находящійся въ здоровомъ умѣ. Передъ закономъ всѣ равны, каждый, повинуюсь закону, несетъ

общественныя повинности и является на защиту родины.

„Печать свободна и отвѣтственна въ опредѣленныхъ случаяхъ лишь передъ судомъ; личность неприкосновенна, и никто не можетъ быть взятъ подъ стражу безъ того, чтобы ему въ 24 часа не были предъявлены причины его задержанія. Виновный наказывается только судомъ присяжныхъ. Граждане пользуются свободой обществъ и союзовъ; за ними признается право жалобъ и петицій, обращаемыхъ или

¹⁾ В. Б. Глянскій «Борьба за конституцію». Историч. вѣстникъ 1906 г. № 1, стр. 262 слѣдующія.

къ народнымъ депутатамъ или къ Монарху. Вѣроисповѣданія свободны“.

Не вдаваясь въ подробный разборъ проекта конституціи Муравьева ¹⁾, ограничимся общимъ упоминаніемъ о томъ, что главною задачею автора проекта и главною цѣлью „Сѣвернаго общества“ было введеніе въ Россіи ограниченной монархіи.

Расходясь съ Пестелемъ во взглядахъ на конечную цѣль, организаторъ „Сѣвернаго общества“ Муравьевъ вполне согласился съ Пестелемъ на необходимости вооруженнаго возстанія, уничтоженія самодержавія, созывѣ учредительнаго собранія и учрежденіи временнаго правительства.

Что касается дѣятельности „Сѣвернаго общества“, то до 1825 года общество это, кромѣ выработки упомянутаго выше проекта конституціи и слабой пропаганды среди столичныхъ жителей, ничѣмъ жизненнымъ себя не проявило, и Никита Муравьевъ, ожидая пріѣзда въ Петербургъ Пестеля, тогда только рѣшилъ учредить Управу, чтобы показать гостю „здѣсь что-нибудь образованное“. Съ отъѣздомъ князя Трубецкого въ Кіевъ и съ вступленіемъ въ совѣтъ редактора „Полярной Звѣзды“, Рылѣва, картина дѣятельности общества рѣзко измѣнилась.

„Въ обществѣ Петербургскомъ“, говоритъ докладъ слѣдственной комиссіи, „явилась боль-

ПАВЕЛЪ АНДРЕЕВИЧЪ
ПЕСТЕЛЬМАНЪ.

Флиг.-адъют. съ 15 Дек. 1825 г.

Съ портрета Въ Офицерск. Собраніи
маслян. красками. Л.-Гв. Московскаго п.

¹⁾ Задавшись цѣлью изложить исключительно «Исторію Государевой Свиты» и объективно послѣдовательный ходъ событій, сопровождавшихъ вступленіе на престолъ Императора Николая Павловича, считаемъ себя въ правѣ не вдаваться въ подробный разборъ ни проекта Муравьева, ни дошедшихъ до насъ отрывковъ «Русской Правды» Пестеля, какъ не соответствующихъ тѣмъ задачамъ, которыя, при изложеніи настоящаго тома, нами приняты. Читателей, интересующихся этими проектами, отсылаемъ къ книжкѣ: «Общественное движеніе въ Россіи» С. Сватикова 1905 г. и къ статьѣ Б. Б. Глинскаго «Борьба за конституцію», помѣщенной въ «Историческомъ Вѣстникѣ» 1906 года № 1, 2 и 3.

шая противъ прежняго и безпокойная дѣятельность, особливо со времени вступленія Рылѣва въ думу, на мѣсто князя Сергѣя Трубецкого. Онъ и принятый имъ въ Апрѣлѣ 1825 года, причисленный къ „Верхнему кругу“, Александръ Бестужевъ, тѣсно съ нимъ связанный пріязнію, единомысліемъ, сходствомъ вкусовъ и занятій, ревностиже всѣхъ старались распространять свои правила и умножать число сообщниковъ... Имъ и Рылѣвымъ, прямо и черезъ другихъ, приняты многіе новыя члены; въ томъ числѣ вступили въ общество въ разныя времена нѣкоторые изъ преступныхъ участниковъ въ безпорядкахъ 14-го минувшаго Декабря: Николай, Михайла, Петръ Бестужевы, Сутгофъ, Пановъ, Кожевниковъ, князь Одоевскій, князь Щепинъ-Ростовскій, Вильгельмъ Кюхельбекеръ, Торсонъ и Арбузовъ, служившій въ гвардейскомъ морскомъ экипажѣ. Черезъ него Рылѣвъ дѣйствовалъ на кругъ молодыхъ офицеровъ сего экипажа, кои не были членами ни Сѣвернаго, ни Южнаго тайнаго общества, и не составляли особеннаго, а только любили собираться, чтобы въ нескромныхъ разговорахъ осуждать правительство, хвалить конституцію Американскихъ Штатовъ, мечтать о введеніи новаго республиканскаго порядка въ Россіи. На сихъ, впрочемъ, весьма малочисленныхъ собраніяхъ вмѣстѣ съ Арбузовымъ первенствовалъ Завалишинъ, также молодой флотскій офицеръ, недавно возвратившійся изъ отдаленнаго морского путешествія... онъ находилъ, что Государь и Августѣйшій Домъ Его будутъ всегда препятствіемъ въ успѣхѣхъ замышляемыхъ перемѣнъ, и сначала полагалъ вывезти ихъ за границу; потомъ онъ и особливо Арбузовъ стали говорить, что лучше всѣхъ истребить. Слыша о сихъ предполо-

Генераль-адъютантъ
Василій Алексѣевичъ
ПЕРОВСКІЙ.
Флиг.-адъют. съ 14 Дек. 1825 г.

Съ литографіи.

Изъ собр. портр.
Имп. Гл. Кв.

женіяхъ, другіе сперва ужасались, но послѣ, мало-по-малу привыкая, становились равнодушнѣе“...

Сравнительное равновѣсіе въ дѣятельности „Сѣвернаго общества“ нарушилъ пріѣхавшій въ 1825 году изъ Грузіи капитанъ Якубовичъ. Бестужевъ сообщилъ пріѣхавшему о существованіи въ Петербургѣ тайнаго общества и предложилъ вступить въ его составъ. „Не хочу принадлежать ни къ какому обществу“, возразилъ Якубовичъ, „чтобы не плясать по чужой дудкѣ; сдѣлаю свое; вы пользуйтесь этимъ, какъ хотите; я же или постараюсь увлечь за собой войска, или, при неудачѣ, застрѣлюсь!“

Зная причину личнаго неудовольствія Якубовича Императоромъ Александромъ Павловичемъ (переводъ изъ гвардіи въ Кавказскій гарнизонъ), Рылѣевъ и другіе его сообщники придали серьезное значеніе словамъ мстительнаго капитана, такъ какъ такая поспѣшность не входила въ расчеты заговорщиковъ и вносила излишнюю, не согласованную съ ихъ общими планами, торопливость. Поэтому члены „Сѣвернаго общества“ и упростили Якубовича отложить выполненіе своего единоличнаго замысла сначала до Петергофскаго праздника, потомъ до начала 1826 года и, наконецъ, до Мая того же года, если и не совсѣмъ на неопредѣленное время. Одинъ изъ декабристовъ, баронъ Штейнгель, на допросѣ показалъ, что когда Якубовичу объявили о кончинѣ Императора Александра, то онъ скрежеталъ зубами, досадуя, что лишился возможности совершить давно замышленное имъ злодѣйство.

Извѣстіе о кончинѣ Императора Александра Благословеннаго застало членовъ „Сѣвернаго общества“ врасплохъ. Узнавъ случайно о существующемъ манифестѣ покойнаго Государя, которымъ Наслѣдникомъ престола назначался Великій Князь Николай Павловичъ, Батенковъ заявилъ Бестужевымъ: „потерянь случай, которому подобнаго не будетъ въ цѣлыя 50 лѣтъ; если-бы въ Государственномъ Совѣтѣ были головы, то нынѣ Россія присягнула бы вмѣстѣ и новому Государю и новымъ законамъ. Теперь все для насъ пропало невозвратно“. Одинъ князь Трубецкой не терялъ надежды и совѣтовалъ приготовиться, чтобы не опоздать съ помощью „Южному обществу“, когда оно, въ 1826 году, начнетъ открытое возмущеніе.

Когда же вѣсть о томъ, что Цесаревичъ Константинъ Павловичъ, несмотря на данную ему повсемѣстно присягу, твердъ въ намѣреніи

не принимать короны, достигла заговорщиков, новый, еще болѣе удобный случай представился имъ для выполненія своихъ замысловъ. Такимъ образомъ рѣшено было обмануть часть войскъ и народъ, увѣрить, что Великій Князь Константинъ Павловичъ не отказался отъ престола и, возмутьивъ ихъ подъ этимъ предлогомъ, воспользоваться общей сумятицей для ниспроверженія существующаго порядка и введенія временнаго правитель-ства.

Батенковъ вмѣстѣ съ княземъ Трубецкимъ на частномъ совѣщаніи, 8-го Декабря, даже успѣли выработать особый планъ, состоящій въ томъ, чтобы, воспользовавшись случаемъ, 1) пріостановить присягу Великому Князю Николаю Павловичу, не допуская ихъ до беспорядковъ и стремясь только къ увеличенію ихъ числа; 4) для утвержденія конституціонной монархіи учредить въ послѣдствіи Провинціальныя Палаты для мѣстнаго законодательства; 5) обратить военныя поселенія въ народную стражу; 6) отдать Петропавловскую крѣпость городскому правленію, помѣстивъ въ ней городскую стражу и Городовой Совѣтъ, и 7) провозгласить независимость Московскаго, Дерптскаго и Виленскаго университетовъ ¹⁾.

Канунъ историческаго дня вступленія на престолъ Императора Николая Павловича былъ проведенъ заговорщиками у Рылѣва. Собраніе было многочисленное, восторженное и вмѣстѣ съ тѣмъ беспорядочное. Всѣ говорили, но никто почти не слушалъ. Князь Щепинъ-Ростовскій удивлялъ сообщниковъ пустымъ многорѣчіемъ; Корниловичъ, возвратившійся только что въ Петербургъ, всѣмъ и каждому заявлялъ, что „во второй арміи уже готово сто тысячъ человѣкъ“; Бестужевъ,

Флигель-адъютантъ
ПАВЕЛЪ КЕСАРЕВИЧЪ
ХВОЦІНСКІЙ.

Флиг.-адъют. съ 21 Дек. 1825 г.

Съ миниатюры. Оригин. принадл. П. Хвоцинскому.

вить дѣйствіе самодержавія и назначить временное правитель-ство, которое учредило бы въ губерніяхъ камеры для избранія депутатовъ; 2) принять всѣ мѣры, чтобы были установлены двѣ палаты, изъ коихъ въ верхней члены были бы опредѣляемы на всю жизнь; 3) употребить для этой цѣли войска, не желающія

¹⁾ Докладъ слѣдственной комиссіи. Гос. Арх., Разр. I В. д. № 1.

возражая Пушину, заявлялъ: „по крайней мѣрѣ объ насъ будетъ страничка въ исторіи!“ — „Но эта страничка замазаетъ ее и насъ покроетъ стыдомъ“, отвѣчалъ Пущинъ на хвастливое замѣчаніе собесѣдника. Нѣкоторые изъ присутствующихъ, чувствуя приближеніе рокового дня, начинали проявлять малодушіе. Такъ, баронъ Штейнгель, видя ничтожность средствъ общества и боясь возможныхъ послѣдствій мятежа, спрашивалъ Рылѣва: „неужели вы думаете дѣйствовать?“ — „Дѣйствовать, непременно дѣйствовать!“ — настаивалъ Рылѣвъ.

Конецъ всѣмъ весьма шумнымъ преждевременнымъ толкамъ и спорамъ о томъ, какъ поступить въ случаѣ удачи съ Царской Фамиліей, былъ положенъ окрикомъ Рылѣва: „обстоятельства покажутъ дальнѣйшій ходъ дѣйствій!“ Въмѣстѣ съ тѣмъ, уловивъ удобный моментъ, Рылѣвъ попросилъ достать на всякій случай карту Петербурга и планъ Зимняго дворца. „Царская Фамилія, со смѣхомъ отвѣчала Бестужевъ, не иголка, не спрячется, когда дѣлю дойдетъ до ареста!“

Заговорщики знали, что слѣдующій день, 14 Декабря, назначенъ днемъ объявленія о восшествіи на престолъ Императора Николая Павловича. Поэтому, не теряя понапрасну времени на преждевременные разговоры, рѣшено было готовить солдатъ къ возмущенію изъ явленіемъ сомнѣній въ истинѣ отреченія отъ престола Цесаревича Константина и съ первымъ полкомъ, который откажется отъ присяги Великому Князю Николаю Павловичу, идти къ ближайшему по расположенію, а тамъ далѣе, увлекая одинъ за другимъ... Князь Трубецкой при этомъ прибавилъ: „надо бы и въ барабанъ пріударить, чтобы собрать народъ!“ Возмутьивъ такимъ образомъ часть войскъ, рѣшено было, рассчитывая, что Императоръ Николай Павловичъ пойдетъ на

Генералъ-адъютантъ
ПЕТРЪ АНДРЕЕВИЧЪ
ФРИДЕРИКСЪ.

Генер.-адъют. съ 15 Дек. 1825 г.

Съ портрета
маслян. красками.

Въ Офицерск. Собраніи
Л.-Гв. Московскаго п.

уступки, собрать эти войска передъ Сенатомъ и ждать, какія мѣры будутъ приняты правительствомъ ')...

По принятому мятежниками наканунѣ рѣшенію возмутить 14 Декабря 1825 г. войска, раннимъ утромъ, 14 Декабря, въ Московскій полкъ прибыли князь Щепинъ-Ростовскій и братья Михаилъ и Александръ Бестужевы и, обходя 3-ю, 5-ю и 6-ю роты, старались уговорить рядовыхъ не присягать Великому Князю Николаю Павловичу. Когда же полковой адъютантъ Веригинъ началъ собирать офицеровъ къ командиру, Щепинъ, воскликнувъ: „Я знать не хочу генерала!“ приказалъ вооруженной толпѣ солдатъ отнять знамя у гренадеръ и бить ихъ прикладами, а самъ съ обнаженной саблей бросился на генераль-маіора Фридерикса, котораго и ранилъ тяжело въ голову. Ранивъ еще затѣмъ бригаднаго командира генераль-маіора Шеншина, полковника Хвоцинскаго, унтеръ-офицера Мосѣева и гренадера Красовскаго, князь Щепинъ-Ростовскій, отнявъ знамя, повелъ бунтующія роты на Сенатскую площадь.

Въ то время, когда въ Московскомъ полку шло описанное возмущеніе,

Флагель-адъютантъ
Николай Карловичъ
СТЮРЛЕРЪ.

Флиг.-адъют. съ 15 Дек. по 26 Дек. 1825 г.

Съ портрета
маслян. красками.

Въ Офиц. Собраніи
Л.-Гв. Гренадерскаго п.

1) Донесеніе слѣдственной комиссіи. Гос. Арх. Разр. I. В. д. № 1.

пьяный подпоручикъ Кожевниковъ старался поднять часть Гренадерскаго полка, но безуспѣшно. Порядокъ въ полку не былъ нарушенъ, и рядовые сѣли обѣдать. Тогда поручикъ Сутгофъ, обѣщая безъ приказа раздать жалованіе нижнимъ чинамъ и пригрозивъ гнѣвомъ Цесаревича Константина Павловича, достигъ желаемыхъ результатовъ и, несмотря на увѣщанія и приказанія своего командира Стюрлера, повелъ вмѣстѣ съ Пановымъ нѣсколько ротъ на Сенатскую площадь, гдѣ и присоединилъ ихъ къ пришедшимъ уже ротамъ Московскаго полка.

Пропаганда въ Гвардейскомъ флотскомъ экипажѣ началась еще съ 12 Декабря, когда лейтенантъ Арбузовъ, при посредствѣ фельдфебеля Боброва и унтеръ-офицера Аркадьева, старался распуścić въ своей ротѣ слухъ, что отъ войскъ въ скоромъ времени по требуется незаконная присяга и что у Нарвы съ 1-й арміей и польскимъ корпусомъ стоитъ Цесаревичъ Константинъ съ цѣлью истребить тѣхъ, кто присягнетъ Великому Князю Николаю Павловичу. Въ дѣлѣ возмущенія экипажа большую услугу Арбузову оказали мичманы братья Бодиско, Бѣлаевы и Дивовъ, настолько успѣвшіе возбудить въ рядовыхъ сомнѣніе въ истинѣ отреченія Цесаревича отъ престола, что матросы, не смотря на уговоры начальника бригады генераль-маіора Шипова, категорически отказались присягать. Тогда генераль Шиповъ приказалъ арестовать ротныхъ командировъ, но также безъ успѣха, такъ какъ они немедленно были освобождены названными же офицерами. Во время этихъ переговоровъ и увѣщаній кто-то изъ толпы крикнулъ: „ребята, слышите ли стрѣльбу? вашихъ бьютъ!“ и почти весь экипажъ, несмотря на усилія капитана I ранга Качалова остановить его, побѣжалъ со двора и, соединившись съ возмущившимися ротами Финляндскаго полка, идущими подъ командою поручика Цебрикова, пополнилъ собою кадры бунтовщиковъ.

Такимъ образомъ все наличіе силъ мятежниковъ, опредѣлившіеся въ 2,000 человекъ, состояло изъ трехъ разрозненныхъ войсковыхъ

Генераль-адъютантъ
СЕРГѢЙ ПАВЛОВИЧЪ
ШИПОВЪ.

Генер.-адъют. съ 15 Дек. 1825 г.
Съ вѣмецкой литографіи. Изъ собр. портр. Имп. Гл. Кв.

частей, не объединенных общимъ начальствованіемъ и безъ участія достаточнаго числа старшихъ офицеровъ.

Съ самаго утра, 14-го Декабря, полки стали присягать новому Императору. Первымъ привезъ извѣстіе объ оконченной присягѣ командовавшій Л.-Гв. Коннымъ полкомъ генераль-адъютантъ Орловъ; затѣмъ постепенно приходили извѣстія о присягахъ, данныхъ Кавалергардскимъ, Преображенскимъ, Семеновскимъ, Павловскимъ, Егерскимъ и Финляндскимъ полками, а также и Л.-Гв. Сапернымъ баталіономъ. Все, повидимому, совершалось спокойно, какъ вдругъ прибылъ командовавшій гвардейской артиллеріей генераль-маіоръ П. О. Сухозанетъ, доложившій, что нѣкоторые офицеры гвардейской конной артиллеріи, передъ принятіемъ присяги, требовали личнаго удостовѣренія Великаго Князя Михаила Павловича, коего считали нарочно удаленнымъ изъ Петербурга; но порядокъ былъ вскорѣ восстановленъ нѣкоторыми офицерами (при участіи полковника Гербеля). Черезъ нѣсколько минутъ послѣ Сухозанета вбѣжалъ къ Государю въ крайнемъ смущеніи начальникъ Штаба Гвардейскаго Корпуса Нейдгардтъ. „Sire!—кричалъ онъ, запыхавшись,—le régiment de Moscou est en pleine insurrection. Chenchine et Fridéricks *) sont grièvement blessés et les mutins marchent vers le Sénat. J'ai à peine pu les devancer pour venir Vous le dire. De grâce, ordonnez au premier bataillon Préobrajensky et à la Garde à cheval de marcher contre!“.

Лучшимъ описаніемъ дѣятельности, проявленной Императоромъ Николаемъ Павловичемъ вслѣдъ за полученіемъ столь тревожныхъ

Генераль-адъютантъ
Иванъ Онуфріевичъ
СУХОЗАНЕТЪ.

Генер.-адъют. съ 15 Дек. 1825 г.

Съ портрета
Доу.

Изъ Воен. галлерей
Зимняго дворца.

*) Шеншинъ—командиръ бригады. Фридериксъ—командиръ Л. Гв. Московскаго полка.

извѣстій, являются Его собственныя записки, въ которыхъ Онъ весьма подробно излагаетъ дальнѣйшій ходъ событій ¹⁾).

...»Но должно было,—писатьъ Государь,—отъ всѣхъ скрыть настоящее положеніе наше и въ особенности отъ матушки, и, зайдя къ женѣ, я сказалъ: „il y a du bruit au régiment de Moscou, je veux у aller“. Съ симъ пошелъ на собственную лѣстницу; въ передней,

Генераль-адъютантъ
графъ Степанъ Федоровичъ
АПРАКСИНЪ.

Флиг.-адъют. до 15 Дек. 1825 г.

Съ литографіи
П. Петя.

Изъ собр. портр.
Имп. Гл. Кв.

найдя командира Кавалергардскаго полка графа Апраксина, велѣлъ ему ѣхать въ полеъ и сейчасъ его вести ко мнѣ. На лѣстницѣ встрѣтилъ и Воинова въ совершенномъ разстройствѣ и строго припомнилъ ему, что мѣсто его не здѣсь, а тамъ, гдѣ войска, ему ввѣренныя, вышли изъ повиновенія. За мною шелъ генераль-адъютантъ Кутузовъ; съ нимъ пришелъ я на дворцовую главную гауптвахту, въ которую только что вступила 9-я стрѣлковая рота лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка,

подъ командою капитана Прибыткова; послѣдній былъ въ моей дивизіи. Вызвавъ караулъ подъ ружье и приказавъ мнѣ отдать честь, прошелъ по фронту и, спросивъ людей, присягнули ли мнѣ и знаютъ ли, отчего сіе было, и что по точной волѣ на сіе брата Константина Павловича, получилъ въ отвѣтъ, что знаютъ и присягнули. За симъ сказалъ я имъ: „Ребята московскіе шалать, не перенимать у нихъ и свое дѣло дѣлать молодцами“, велѣлъ зарядить ружья и самъ свомандовалъ: „Дивизионъ впередъ, скорымъ шагомъ маршъ“, повелъ отрядъ лѣвымъ плечомъ впередъ къ главнымъ воротамъ дворца. Въ сіе время разводили еще часовыхъ, и налицо была только остальная часть людей“.

¹⁾ Н. К. Шильдеръ. «Императоръ Николай I, его жизнь и царствованіе», т. I, стр. 282 и слѣд.

„Съѣздъ ко дворцу уже начинался, и вся площадь усѣяна была народомъ и перекрещивающимися экипажами. Многіе изъ любопытныхъ заглядывали на дворъ и кланялись мнѣ въ ноги. Поставя карауль поперекъ воротъ, обратился я къ народу, который, увидя меня, началъ сбѣгаться ко мнѣ и кричать „ура“. Махнувъ рукой, я просилъ, чтобы мнѣ дали говорить. Въ то же время пришелъ ко мнѣ графъ Милорадовичъ и сказалъ: „Cela va mal, ils marchent au Sénat, mais je vais leur parler“, ушелъ, и я болѣе его не видалъ, какъ отдавая ему послѣдній долгъ“.

„Надо было мнѣ выиграть время, дабы дать войскамъ собраться; нужно было отвлечь вниманіе народа чѣмъ-нибудь необыкновеннымъ; всѣ эти мысли пришли мнѣ какъ бы вдохновеніемъ, и я началъ говорить народу, спрашивая, читали ли мой манифестъ; всѣ говорили, что нѣтъ; пришло мнѣ въ голову самому его читать; у кого-то въ толпѣ нашелся экземпляръ; я взялъ его и началъ читать тихо и протяжно, толкуя каждое его слово. Но сердце замирало, признаюсь, и единый Богъ меня поддержалъ“.

„Наконецъ Стрекаловъ извѣстилъ меня, что Преображенскій первый баталіонъ готовъ; приказавъ коменданту генералъ-адъютанту Башуцкому остаться при гауптвахтѣ и не трогаться съ мѣста безъ моего приказанія, самъ пошелъ сквозь толпу прямо къ баталіону, стоявшему спиной къ комендантскому подъѣзду, лѣвымъ флангомъ къ экзерциргаузу; баталіономъ командовалъ полковникъ Микулинъ, а полковой командиръ, генералъ-майоръ Исленьевъ, былъ при баталіонѣ. Баталіонъ отдалъ мнѣ честь, я прошелъ по фронту и, спросивъ, готовы ли идти за мной, куда вѣду, получилъ въ отвѣтъ громкое молодецкое: „рады стараться!“—минута единственная въ моей жизни; никакая кисть не изобразитъ стройную, почтенную и спокойную наружность сего именно перваго баталіона въ свѣтѣ въ столь критическую минуту. Скомандовавъ по тогдашнему: „къ атакѣ въ колонну первый и восьмой взводы въ полобо-

Генералъ-адъютантъ
Николай Александровичъ
ИСЛЕНЬЕВЪ.

Генер.-адъют. съ 15 Дек. 1825 г.
Съ портрета Въ Офицерск. собраніи
неизв. художника. Л.-Гв. Преображенск. п.

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧЪ

14-го Декабря 1825 года у Зимнего дворца привѣтствуетъ 1-й батальонъ Л.-Гв. Преображенскаго полка.
Съ картины Дидюрнера 1852 г. Оѣц. собраніе Л.-Гв. Преображенскаго п.

рота налѣво и направо“, повелъ баталіонъ лѣвымъ плечемъ впередъ, мимо заборовъ тогда достраивавшагося дома министра финансовъ и иностранныхъ дѣлъ, къ углу Адмиралтейскаго бульвара. Тутъ узнавъ, что ружья не заряжены, велѣлъ баталіону остановиться и зарядить ружья. Тогда же привели мнѣ лошадь, но всѣ прочіе были пѣши; въ то же время замѣтилъ я около дома главнаго штаба полковника князя Трубецкаго...

„Зарядивъ ружья, пошли мы впередъ; тогда со мной были генераль-адъютантъ Кутузовъ, флигель-адъютантъ Дурново, Стрекаловъ и адъютанты мои Перовскій и Адлербергъ. Адъютанта моего Кавелина послалъ я въ Конную гвардію съ приказаніемъ выѣзжать на площадь“...

Спустя нѣсколько минутъ послѣ того, какъ Преображенскій баталіонъ во главѣ съ Императоромъ выстроился противъ бунтующей толпы, послышались одинъ за другимъ нѣсколько выстрѣловъ, и флигель-адъютантъ князь Голицынъ не замедлилъ доложить Государю о томъ, что С.-Петербургскій военный генералъ-губернаторъ графъ Милорадовичъ, отправившійся прямо въ толпу съ цѣлью образумить мятежниковъ, однимъ изъ нихъ смертельно раненъ.

Баронъ Корфъ о смерти графа Милорадовича пишетъ... „за нимъ (графомъ) слѣдовалъ пѣшкомъ одинъ Башуцкій. Они врѣзались въ толпу и остановились шагахъ въ десяти отъ бунтующихъ солдатъ. Народъ отступилъ за площадь, очистивъ такимъ образомъ мѣсто впереди, и стѣснился съ остальныхъ трехъ сторонъ.

Генераль-адъютантъ
СТЕПАНЪ СТЕПАНОВИЧЪ
СТРЕКАЛОВЪ.

По рис. Аванасьева
съ литографіи.

Генер.-адъют. съ 14 Дек. 1825 г.

Изъ собр. портр.
Имп. Гл. Кв.

Здѣсь старый воинъ, герой .Лекко, Амштетена, Бородина, Краснаго, Кульма, Бриенна, Феръ-Шампенуаза былъ уже на настоящемъ своемъ поприщѣ. Безстрашный, привыкшій говорить съ русскимъ солдатомъ, чтимый имъ, онъ разразился могучею рѣчью и, наконецъ, въ доказательство, что не могъ бы измѣнить Цесаревичу Константину, выдернулъ изъ ноженъ полученную въ даръ отъ него шпагу, обернулъ ее эфесомъ къ мятежникамъ и сталъ указывать и громко читать надпись: „другу моему Милорадовичу“. Все это, вмѣстѣ съ славнымъ его именемъ, съ отважнымъ видомъ, съ покрытою звѣздами грудью, оставшеюся дѣвственной отъ ранъ послѣ пятидесяти сраженій, сильно подѣйствовало на солдатъ: они стояли вытянувшись, держа ружья подъ прикладъ, и робко глядѣли ему въ глаза. Но вдругъ поднятая кверху руки Милорадовича опустились, будто свинцовыя, туловище перегнулось, лошадь рванулась впередъ и онъ упалъ на грудь Башуцкаго... Переодѣтый поручикъ Каховскій, стоявшій у самой лошади графа, выстрѣлилъ въ него изъ пистолета почти въ упоръ и пронзилъ пулею грудь подъ самымъ крестомъ надѣтой на немъ Андреевской ленты ¹⁾.”

Вслѣдъ за Преображенцами выехали на рысяхъ изъ-за временныхъ заборовъ Псакиевскаго собора два эскадрона Конной гвардіи и начали строиться тыломъ къ присутственнымъ мѣстамъ. Когда ихъ полковой командиръ, генералъ-адъютантъ Орловъ, подѣхалъ къ Государю, то послѣдній спросилъ: „А остальные?“ — „Сейчасъ, Государь!“ отвѣчалъ Орловъ. И дѣйствительно, остальная часть полка не заставила себя ждать и, прибывъ къ Сенату, присоединилась къ двумъ уже на площади находящимся эскадронамъ. Государь приблизился къ рядамъ и поздоровался съ солдатами, которые громко отвѣтили на Его привѣтствіе: „Здравія желаемъ, Ваше Императорское Величество!“ Послѣ того онъ спросилъ ихъ, признаютъ ли они Его своимъ Государемъ? и

¹⁾ Кромѣ этой раны Милорадовичъ получилъ еще другую, довольно глубокую, штыкомъ въ спину.

СМЕРТЬ
Генерала, состоявшаго при Особѣ
Его Величества,
ГРАФА М. А. МИЛОРАДОВИЧА
14 Декабря 1825 г.
Съ рис. Шарлемани.

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧЪ 14 Декабря 1825 г. объѣзжаетъ ряды Л.-Гв. Коннаго полка.
Съ карты Тимма.

Офиц. собраніе Л.-Гв. Коннаго полка.

когда на этотъ вопросъ отъ всѣхъ чиновъ, стоявшихъ во фронтѣ, раздалось душевное и долго не умолкавшее: „Ура! Да здравствуетъ Ваше Императорское Величество!“, то Онъ сказалъ: „Мнѣ не нужно новыхъ увѣреній въ вашей преданности, вы всегда служили вѣрно всѣмъ законнымъ Царямъ. Первый мундиръ, который я носилъ, былъ вашъ, и хотя Я былъ тогда еще ребенокъ, но съ сожалѣніемъ помѣнялся имъ съ братомъ Константиномъ“...

Мятежныя роты Московскаго и Гренадерскаго полковъ стояли, между тѣмъ, въ густой, неправильной колоннѣ, тыломъ къ зданію Сената. Общая фізіономія площади и бунтовавшей толпы, по рассказамъ очевидцевъ ¹⁾, представляла зрѣлище совершенно своеобразное. Тутъ были лица, какихъ никогда нельзя было видѣть въ Петербургѣ, по крайней мѣрѣ, массами: старинныя фризовыя шинели съ множествомъ откидныхъ воротниковъ; шинели гражданскія, порядочныя, и при нихъ на головахъ мужицкія шапки; полшубки при круглыхъ шляпахъ; бѣлыя полотенца вмѣсто кушаковъ, и тому подобное — цѣлый маскарадъ распутства, замышляющаго преступленіе. Солдаты, разстегнутые, съ заваленными на затылокъ киверами, въ аммуниціи беспорядочно накинутаю, были большею частью пьяны. Въ серединѣ развивалось одно изъ знаменъ Московскаго полка, а возлѣ него сидѣлъ верхомъ, видимо въ неволѣ, жандармъ—взятый въ плѣнъ, какъ острила вокругъ собравшаяся толпа. Все это оглашало воздухъ дикими воплями, бессмысленнымъ говоромъ, посреди котораго слышался иногда явственный крикъ: „ура! Константину Павловичу!“ Солдаты грѣлись, переминаясь; нѣкоторымъ хотѣлось ѣсть, и они посылали на Сенатскую гауптвахту просить хлѣба. Изъ страха ли быть стѣсненными или заранѣе предчувствуя свою участь и жалѣя другихъ, два или три унтеръ-офицера безпрестанно отгоняли народъ отъ колонны и говорили, что если уже пришлось умирать, такъ пусть умрутъ одни они, Московцы, а народу не къ чему лѣзть на смерть. Вдругъ раздалось нѣсколько выстрѣловъ, направленныхъ въ генерала Воинова, пытавшагося было такъ же, какъ и графъ Милорадовичъ, уговорить бунтовщиковъ. Выстрѣлы эти не причинили вреда Воинову, но за то флигель-адъютантъ Бибиковъ, посланный Государемъ узнать, отчего не является къ Сенату вытребованный Гвардейскій флотскій экипажъ, былъ схваченъ и жестоко избитъ въ то время, какъ пробирался че-

¹⁾ Баронъ Корфъ. «Восшествіе на престолъ Императора Николая I» стр. 147 и слѣд.

По суждению комиссии Р. Петербургского
Военного Генерал-Губернатора. Взяв
Милош, адмирал; сержантского полка
взятый до ~~Б~~ новеллиан Генерал-Адвансору
Томасову - Кримузову.

~~_____~~
Народин
~~_____~~

резь выставленную мятежниками цѣпь. Опомнившись отъ ударовъ и едва освободившись отъ напавшихъ, онъ объѣхалъ на извожикѣ во-кругъ Исаакіевскаго собора, что-бы донести Государю, что и Гвардейскій экипажъ, о которомъ до сихъ поръ не было ничего извѣстно положительнаго, также присоединился къ мятежной толпѣ...

Пока Бибииковъ исполнялъ государево порученіе, Императоръ Николай Павловичъ, сидя все время на лошади передъ Преображенцами, замѣтилъ стоявшаго около себя какого-то офицера съ повязкою на головѣ. Узнавъ, что это Якубовичъ, котораго неоднократно хвалили передъ Государемъ покойный Милорадовичъ, Николай Павловичъ спросилъ, чего онъ желаетъ? „Я былъ съ ними, — отвѣчалъ заговорщикъ, —

но, услышавъ, что они за Константина, бросилъ ихъ и явился къ Вамъ“. — „Спасибо, — сказалъ Государь, — вы поняли вашъ долгъ и Я теперь же дамъ вамъ возможность загладить прошедшее. Ступайте къ своимъ и постарайтесь ихъ вразумить и воротить къ порядку, если, впрочемъ, не боитесь опасности“. — „Вотъ доказательство, что я не изъ трусливыхъ“, отвѣчалъ Якубовичъ, указывая на свою головную повязку. Между тѣмъ любопытная толпа, окружавшая Государя и Его свиту, возрасла настолько, что Николай Павловичъ принужденъ былъ обратиться къ народу съ просьбою разойтись. „По Мнѣ стрѣлять будутъ, — говорилъ Онъ, — и могутъ въ васъ попасть. Не хочу, чтобъ кто-нибудь пострадалъ за Меня. Ступайте по домамъ: завтра узнаете, чѣмъ кончилось. Надѣньте шапки,“ — прибавилъ Онъ, обратясь къ стоявшимъ съ обнаженными головами, — „простудитесь!“ А когда многіе повернулись и, идя, начали креститься, Онъ сказалъ: „Вотъ такъ, хорошо: молитесь Богу, а завтра мы здѣсь увидимся“. По возвращеніи Якубовича Государь спросилъ его о результатахъ миссіи.

Генераль-адъютантъ
Александръ Львовичъ
ВОИНОВЪ.

Генер.-адъют. съ 15 Дек. 1825 г.

Съ портрета Доу,
лит. Мейеръ.

Изъ собр. портр.
Имп. Гл. Кв.

— „Толпа буйная, Государь, ничего не хочет слышать“. Когда же Государь быстро спросил: „Такъ чего же они желаютъ?“, то Якубовичъ отвѣчалъ: „Позвольте, Государь, сказать на ухо“. Государь, ничего не подозрѣвая, довѣрчиво и спокойно наклонился къ нему съ лошади. Въ это время злодѣй долженъ былъ поразить царя кинжаломъ, но это гнусное намѣреніе не было приведено Якубовичемъ въ исполненіе изъ опасенія, вѣроятно, кровавой мести со стороны стоявшаго возлѣ Императора народа.

Государь, выправясь снова на лошади, отдалъ Якубовичу приказаніе снова отправиться въ толпу.—„Слушаю, Государь, иду; но знаю, что болѣе не возвращусь. Они меня убьютъ. Прощайте, Государь!“ отвѣчалъ злоумышленникъ театрално.—„Такъ оставайтесь здѣсь!“ быстро сказалъ Государь, повѣривъ Якубовичу. Вслѣдъ за этими словами флигель-адъютантъ Дурново, стоявшій вблизи, подбѣжалъ къ Государю и просилъ послать его вмѣсто Якубовича. Государь исполнилъ просьбу своего вѣрнаго слуги, повторивъ ему то же приказаніе, какое далъ за минуту передъ тѣмъ заговорщику ¹⁾).

Послѣ раздавшихся выстрѣловъ въ генерала Воинова часть Конной гвардіи бросилась въ атаку на бунтовщиковъ для защиты своего корпуснаго командира, но такъ какъ, огибая уголъ забора, они должны были сдѣлать правое плечо впередъ при сильной, бывшей въ тотъ день, гололедицѣ, то атака эта не могла быть удачною. Когда же бунтовавшіе открыли по атакующимъ ружейную стрѣльбу, то Конногвардейцы начали принимать въправо и стали между памятникомъ Петру I и Адмиралтейскимъ бульваромъ, правымъ флангомъ къ Невѣ.

Получивъ отъ Бибикова извѣстіе о подкрѣпленіи, полученномъ бунтовщиками въ лицѣ Гвардейскаго флотскаго экипажа, Государь на-

Флигель-адъютантъ
Николай Дмитриевичъ
ДУРНОВО.

Съ литографіи. Изъ собр. портр. Имп. Гл. Кв.

¹⁾ Воспоминанія Пармена Деженкова, бывшаго передъ тѣмъ командиромъ 1-го баталіона Л.-Гв. образецкаго полка и 14-го Декабря 1825 года уже находившагося въ отставкѣ.

шелъ необходимымъ отрѣзать имъ сообщеніе съ Васильевскимъ островомъ и прикрыть флангъ Конной гвардіи, для чего отдѣлилъ оставшуюся при Немъ роту Преображенскаго полка и велѣлъ Принцу Евгению Виртембергскому поставить ее у Псаакіевскаго моста, но съ тѣмъ, чтобы командиръ этой роты капитанъ Пгнатъевъ, въ случаѣ выстрѣловъ по ротѣ, не отвѣчалъ на нихъ до особаго о томъ повелѣнія. Въ то же время было послано еще за другими войсками, а самъ Государь съ генераль-адъютантомъ Бенкендорфомъ выѣхалъ на Сенатскую площадь, чтобы ближе осмотрѣть расположеніе скопища. И Его встрѣтили выстрѣлами...

Несмотря на упорство бунтовщиковъ, несмотря на сдѣланныя въ этотъ злосчастный день два покушенія на Особу Его Величества, Императоръ Николай Павловичъ старался принять всѣ мѣры для того, чтобы образумить мятежную толпу и закончить день Своего вступленія на престолъ безъ кровопролитія. Съ этою цѣлью Онъ отправилъ на площадь митрополита Серафима, увѣщаній котораго бунтовавшая толпа также не захотѣла слушать, и которому, не отыскавъ въ суматохѣ своей кареты, пришлось возвратиться въ Зимній дворецъ уже на извозчикѣ по Большой Морской улицѣ отъ Конногвардейскихъ казармъ.

Между тѣмъ Великій Князь Михаилъ Павловичъ, вернувшійся только что изъ Ненналя къ самому бунту, узнавъ о происшедшихъ въ Московскомъ полку безпорядкахъ, немедленно поспѣшилъ въ казармы, такъ какъ былъ и Шефомъ полка и Начальникомъ той дивизіи, въ которую входилъ мятежный полкъ. Приѣхавъ въ казармы, Великій Князь сумѣлъ успокоить оставшуюся тамъ часть полка и заставилъ ее принести вѣрноподданническую присягу Императору Николаю Павловичу. Вмѣстѣ съ полкомъ Михаилъ Павловичъ присягнулъ и самъ. „Теперь, ребята, — сказалъ онъ, — если нашлись мерзавцы, которые осрамили вашъ мундиръ, то докажите, что есть между вами и честные люди, которые присягали не понапрасну и готовы омыть этотъ стыдъ своею кровью“. — „Рады ста-

Генераль, состоящій при Особѣ
Его Величества,
принцъ Евгений Виртембергскій.
По рис. Сентъ-Обена.

ратся“—раздалось со всѣхъ сторонъ, и Великій Князь привелъ къ Сенату оставшихся вѣрными москвитцевъ въ ту минуту, когда Государь возвращался отъ скопища мятежниковъ, встрѣтившихъ Его выстрѣлами. Идя навстрѣчу желанія прибывшихъ офицеровъ искупить своею кровью нанесенное полку безчестіе и, не желая еще кровопролитія, Государь поставилъ пришедшія роты Московскаго полка у самаго угла забора передъ Исаакіевскимъ соборомъ, какъ разъ противъ бунтовщиковъ.

Къ тому времени подоспѣли Кавалергардскій полкъ и второй баталіонъ Преображенскаго полка. Оставя Кавалергардовъ въ резервъ на Адмиралтейской площади, Государь велѣлъ второму Преображенскому баталіону, вмѣстѣ съ тремя ротами перваго, примкнуть къ Конной гвардіи и послалъ генераль-адъютанта графа Комаровскаго за первымъ баталіономъ Финляндскаго полка, который долженъ былъ занять Исаакіевскій мостъ. Галерную улицу заняли нѣсколько ротъ Павловскаго полка, а оставшійся свободный проходъ между Исаакіевскимъ соборомъ и Конногвардейскимъ манежемъ предназначался для занятія Семеновскимъ полкомъ, который и привелъ снова Великій Князь Михаилъ Павловичъ. За отсутствіемъ мѣста полкъ этотъ былъ разставленъ баталіонъ за баталіономъ прямо противъ мятежнаго Гвардейскаго экипажа. Не хватало еще Измайловскаго полка, за которымъ и былъ посланъ флигель-адъютантъ Кавелинъ.

Разставивъ такимъ образомъ войска и окруживъ мятежниковъ кольцомъ, Императоръ Николай Павловичъ, видя безуспѣшность нѣсколькихъ кавалерійскихъ атакъ и не совсѣмъ довѣряя конной артиллеріи, послалъ поручика Булыгина за пѣшей, а самъ отправился на Дворцовую площадь, чтобы принять мѣры къ охранѣ Зимняго дворца, гдѣ еще до этого приказано было усилить караулъ обоими Саперными баталіонами: Гвардейскимъ и Учебнымъ. Эта мѣра оказалась весьма не лишнею, такъ какъ толпа гренадеръ, предводительствуемая поручикомъ Пановымъ, идя мимо дворца, вбѣжала во дворъ его, но, увидя только что прибывшій туда Гвардейскій Саперный баталіонъ, по командѣ Панова: „да это не наши, ребята за мною!“ принуждена была отступить. Если бы только нѣсколькими минутами замедлилось прибытіе въ Зимній дворецъ Л.-Гв. Сапернаго баталіона, то нѣтъ сомнѣнія, что Пановъ, имѣя противъ себя лишь одинъ слабый караулъ отъ Финляндскаго полка, могъ бы исполнить свое звѣрское намѣреніе почти безпрепятственно. По удаленіи гренадеръ, всѣ

наружные выходы дворца тотчасъ были заняты усиленными постами отъ Лейбъ-Гвардіи Сапернаго баталіона и, сверхъ того, первая Минерная рота стала у главныхъ воротъ, первый взводъ первой Саперной роты—на Собственномъ Его Величества подъѣздѣ, а второй взводъ второй Саперной роты—на Иорданскомъ подъѣздѣ.

Оставивъ въ резервъ прибывшіе Измайловскій и Егерскій полки, Императоръ Николай приказалъ прибывшей артиллеріи стать впереди Преображенской колонны, направивъ дула на мятежниковъ. Сердце Государя противилось горькой необходимости. „Ваше Величество,—настаивалъ генералъ-адъютантъ Васильчиковъ,—теперь не должно терять ни одной минуты; добромъ нечего здѣсь взять; необходима картечь!“ „Вы хотите,—возражалъ Государь,—чтобы я въ первый день царствованія пролилъ кровь Моихъ подданныхъ?!“ „Чтобы спасти Ваше Царство“, — отвѣтилъ Васильчиковъ, и разсудокъ заставилъ новаго Монарха подавить въ Себѣ чувство состраданія...

Конная Гвардія была отодвинута къ Невѣ, три орудія подъ начальствомъ поручика Бакунина были наведены на толпу, а четвертое было отдѣлено къ отряду Великаго Князя Михайла Павловича, къ тому мѣсту, гдѣ стоялъ Семеновскій полкъ. Государь, все еще надѣясь на возможность мирнаго исхода, послалъ еще разъ въ толпу съ послѣднимъ словомъ помилванія генерала Сухозанета, которому пришлось возвратиться со словами: „Ваше Величество! Сумасбродные кричатъ: конституція!..“

Всѣ способы были использованы. Настала рѣшительная минута, и Государь скомандовалъ: „Пальба орудіями по порядку, правый флангъ начинай, первое!“...

Команда, повторенная всѣми начальниками по старшинству, была уже выговорена и послѣднимъ, Бакунинымъ. Но сердце Государя опять болѣзненно сжалось. Слово „отставъ“ остановило выстрѣлъ. То же самое повторилось опять черезъ нѣсколько секундъ. Наконецъ Государь скомандовалъ въ третій разъ, но произнесенное Бакунинымъ роковое слово оставалось безъ исполненія: пальникъ не спѣшилъ выполненіемъ команды! Бакунинъ моментально соскочилъ съ лошади и набросился на пальника. „Свои, ваше благородіе!“—отвѣчалъ тотъ робко вполголоса. „Если бы даже я самъ стоялъ передъ дуломъ,—закричалъ Бакунинъ,—и тебѣ скомандовали: „пали“ и тогда не слѣдовало бы останавливаться!“¹⁾

¹⁾ Баронъ Корфъ. «Восшествіе на престолъ Императора Николая I», стр. 184.

Неслышанный до сихъ поръ громъ боевыхъ орудійныхъ выстрѣловъ огласилъ площади и улицы столицы и произвелъ на присутствующихъ странное впечатлѣніе. Толпы народа, не зная и не понимая, съ какой стороны или въ какую посылались снаряды, бросились въ разныя стороны, давя другъ друга и очищая вмѣстѣ съ тѣмъ площадь

Четыре орудія легкой № 1 батареи 1-ой артиллерійской бригады, по приказанію Императора, открывъ огонь картечью, разсѣяли мятежную толпу.

отъ излишней тѣсноты. Войска стояли неподвижно въ ожиданіи приказаній, а мятежники, не видя по первымъ выстрѣламъ никакого для себя вреда, отвѣчали бѣглымъ ружейнымъ огнемъ. Но когда вслѣдъ затѣмъ толпу началъ осыпать картечный градъ и производить въ ея рядахъ опустошенія, все мгновенно дрогнуло и обратилось въ бѣгство. Часть толпы бросилась, между прочимъ, въ ту сторону, которая была занята Семеновскимъ полкомъ, и наперла на него всею силою. Великій Князь, подобно своему Державному брату, колебался. „Прикажите палить, Ваше Высочество,—сказалъ фейерверкеръ, не то они самихъ насъ сомнутъ“. Командное слово раздалось, и съ этой стороны площади началась орудійная пальба. Орудія, стоявшія передъ Преображенцами, подвинулись впередъ, все еще продолжая стрѣлять, Конная

гвардія понеслась къ набережной для преслѣдованія побѣжавшихъ по ней и для того, чтобы забирать еще сопротивлявшихся, а полки Преображенскій, Измайловскій и Семеновскій частью заняли то мѣсто, на которомъ стояли мятежники, а частью занялись поимкою и задержаніемъ убѣжавшихъ заговорщиковъ.

„Ни дѣломъ, ни намѣреніемъ не участвовали въ сихъ Слѣдствіе и судъ злодѣянійхъ,—говоритъ Императоръ Николай Павловичъ въ надъ мятежниками. Своемъ Манифестѣ ¹⁾—заблудшіяся роты нижнихъ чиновъ, невольно въ сію пропасть завлеченныя. Удостоверясь въ семъ самымъ строгимъ изысканіемъ, Я считаю первымъ дѣйствіемъ правосудія и первымъ Себѣ утѣшеніемъ объявить ихъ невинными.

„Но то же самое правосудіе запрещаетъ щадить преступниковъ. Они, бывъ обличены слѣдствіемъ и судомъ, воспримутъ каждый по дѣламъ своимъ заслуженное наказаніе“.

Рѣшивъ, такимъ образомъ, строго, на основаніи точныхъ велѣній законовъ, покарать виновныхъ организаторовъ и руководителей мятежа, Императоръ Николай Павловичъ, сейчасъ же по вступленіи на престоль, указомъ Своимъ, даннымъ 17 Декабря на имя Военнаго Министра Татищева, учредилъ Слѣдственную Комиссію по дѣлу о декабристахъ, въ составъ которой вошли: предсѣдатель—Военный Министръ, генералъ отъ инфантеріи, Татищевъ І; и члены — Великій Князь Михаилъ Павловичъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ князь Голицынъ и генералъ-адъютанты: Голенищевъ-Кутузовъ, Бенкендорфъ, Левашовъ и Потаповъ.

Правителемъ дѣлъ въ Комиссіи былъ назначенъ состоящій при Военномъ Министрѣ Военный Совѣтникъ Боровковъ, помощниками у котораго

Генераль-Адъютантъ
Павель Васильевичъ
ГОЛЕНИЩЕВЪ-КУТУЗОВЪ.

Съ литографіи Изъ собр. портр. Имп. Гл. Кв.

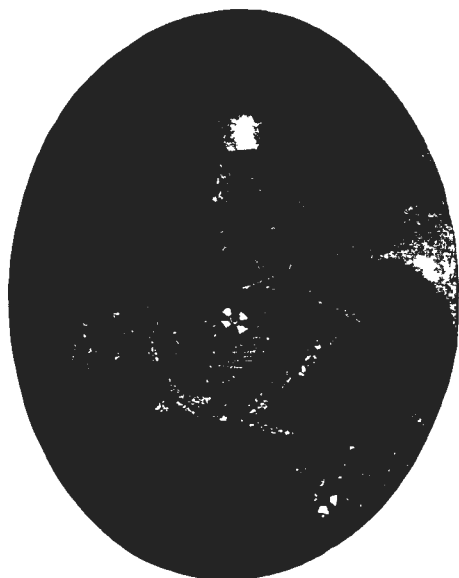
¹⁾ Высочайшій Манифестъ 19 декабря 1825 г.

были флигель-адъютантъ полковникъ Адлербергъ и находящійся при Военномъ Министрѣ 9-го класса Карасевскій.

Въ указѣ объ учрежденіи Комиссіи Государь Императоръ преподаль Татицеву нѣсколько наставленій, выразивъ при этомъ Свои личныя пожеланія—„для сердца Нашего пріятнѣе десять виновныхъ освободить, нежели одного невиннаго подвергнуть наказанію“¹⁾).

Согласно наставленіямъ Императора Николая Павловича Предсѣдателя Слѣдственной Комиссіи предлагалось принять самыя рѣшительныя мѣры къ открытію участниковъ злоумышленныхъ тайныхъ обществъ и внимательно, со всею осторожностью, рассмотреть и опредѣлить намѣренія и дѣйствія, направленныя ко вреду государственнаго благосостоянія каждаго изъ нихъ отдѣльно.

Весь, собранный такимъ образомъ, матеріаль, съ соответствующимъ заключеніемъ Комиссіи, предлагалось представить непосредственно на Высочайшее благоусмотрѣніе.

Генераль-Адъютантъ
Василій Васильевичъ
ЛЕВАШОВЪ.

Съ литографіи.

Изъ собр. портр.
Имп. Гл. Кв.

Свой указъ объ учрежденіи Слѣдственной Комиссіи Императоръ Николай Павловичъ закончилъ выраженіемъ надежды, что Комиссія эта употребитъ все усилія „точнымъ исполненіемъ воли Нашей дѣйствовать ко благу и спокойствію Государства“.

Искренно вѣря, что въ послѣдствіяхъ мятежа 14-го Декабря „Провидѣніе показало новый опытъ тѣхъ сокровенныхъ путей, конми, карая зло, изъ самаго сего зла Оно производитъ добро“²⁾, молодой Монархъ, учредивъ Слѣдственную Комиссію, слѣдилъ Самъ

за ходомъ ея работъ, старался выяснять недоразумѣнія, отдавалъ всевозможныя приказанія, входя самолично во все мелочи.

¹⁾ Госуд. Арх. Разр. I. В. д. № 466.

²⁾ Слова Высочайшаго Манифеста 19 Декабря 1825 г

Въ дѣлахъ Государственнаго архива хранятся нѣсколько записокъ Императора Николая Павловича на имя Военнаго Министра, записокъ, имѣющихъ большой интересъ, какъ характеризующихъ отношеніе Императора къ дѣятельности Слѣдственной Комиссіи ¹⁾. „Прошу, Александръ Ивановичъ, приказать послать четверыхъ фельдъегерей къ генераль-адъютанту Сукину для отводу въ Шлиссельбургъ четверыхъ арестантовъ“. Въ другой запискѣ, датированной 19 Декабря, Императоръ, слѣдившій за успѣхами Комиссіи по разысканію преступниковъ, писалъ Татищеву: „Посылаемыхъ при семь Кавалергардскаго полку офицеровъ: Арцыбашева, Муравьева и Анненкова, отправить всѣхъ на шесть мѣсяцевъ въ крѣпость, въ Нарву, Ревель и Выборгъ подъ строгій арестъ“.

Генераль-адъютантъ
графъ Карлъ Осиповичъ
де-ЛАМБЕРТЪ.

Интересуясь дѣятельностью Комиссіи, довѣряя всецѣло ея компетенціи, задавшись цѣлью „очистить Русь святую отъ сей заразы, извнѣ къ намъ занесенной и смуть постыдное для душъ благородныхъ несносное смѣшеніе подозрѣній и истины“, Императоръ Николай Павловичъ оставлялъ все поступающія къ Нему прошенія о помилованіи или смягченіи участи мятежниковъ безъ послѣдствій. Такой же участи подверглось и слѣдующее прошеніе супруги бывшаго генераль-адъютанта, графини Коновницыной: „Ваше Императорское Величество! Простите дерзость несчастной матери—я узнала, что старшій сынъ мой увезенъ съ Кронштадту. Что съ нимъ? гдѣ онъ?—неизвѣстность объ участи дѣтей терзаетъ мою душу. Все семейство мое въ несчастіи! Полтора года какъ я выдала дочь и сію вижу въ глубочайшей горести, утопающую въ слезахъ: мужъ ея, полковникъ Нарышкинъ, также содержится!—Государь! вспомни преданность и усердную службу Коновницына! Пощади его несчастное семейство, которое было въ заблужденіи по одной молодости. Государь! Возврати мнѣ ихъ я за нихъ отвѣчаю: они тебѣ, какъ и ихъ отецъ, душою

¹⁾ Гос. арх. Разр. I. В. д. № 466.

будутъ преданы. При гробѣ мужа моего Ваше Величество обѣщали мнѣ быть покровителемъ нашимъ. Послѣднія слова умирающаго были: „Богъ и Государь васъ не оставитъ“. Да сбудется его послѣдняя надежда, Государь! Ты все можешь! Возврати мнѣ все мое счастье! Будь милосердъ къ сиротамъ Коновницына и осуши слезы страждущей матери ихъ ¹⁾!“.

Стремленіе молодого Императора къ государственному благу и общественному спокойствію взяло перевѣсъ надъ влеченіемъ сердца, и прошеніе это, какъ и многія другія, осталось безъ благопріятнаго для обвиняемаго результата, и графъ Коновницынъ, сынъ преданнѣйшаго и честнѣйшаго генераль-адъютанта Императора Александра Благословеннаго, какъ извѣстно, былъ отправленъ на крѣпостныя работы.

Свою дѣятельность Слѣдственная Комиссія прекратила 12 Апрѣля 1826 года, когда Императоръ Николай, указомъ на имя генерала отъ инфантеріи Татищева, повелѣлъ признать дальнѣйшее существованіе Комиссіи ненужнымъ, и всѣ дѣла ея, запечатавъ Императорскою печатью, препроводить въ секретный архивъ Государственной Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ.

Генераль-адъютантъ
Николай Михайловичъ
БОРОЗДИНЪ.

Результатомъ четырехмѣсячныхъ работъ Комиссіи явился обширный докладъ о дѣятельности злоумышленныхъ обществъ и объ участіи членовъ ихъ въ дѣлѣ 14-го Декабря. Докладъ этотъ, называемый: „Донесеніе Слѣдственной Комиссіи Его Императорскому Величеству“, по своему содержанию раздѣленъ на двѣ части. Въ первой части заключается подробное описаніе возникновенія въ Россіи разныхъ тайныхъ обществъ, ихъ организаціи, дѣятельности,

состава, описаніе мятежа Черниговскаго полка у Бѣлой Церкви во главѣ съ Муравьевымъ-Апостоломъ и краткія характеристики активной дѣятельности главнѣйшихъ членовъ Сѣвернаго общества въ декабрьскомъ бунтѣ. Вторая часть, вошедшая въ докладъ въ видѣ приложеній къ нему, заключаетъ въ себѣ отвѣты на слѣдующіе вопросы: 1) не имѣли-ли

¹⁾ Гос. арх. Разр. I В, д. № 470.

вліянія на дѣйствія и планы злоумышленниковъ державы иностранныя; 2) не были ли съ ними въ сообщничествѣ люди значительные по сану своему или мѣстамъ, ими въ государствѣ занимаемымъ, и 3) какими средствами злоумышленники надѣялись обольстить войско, народъ и вообще найти себѣ пособниковъ между не принадлежавшими къ ихъ обществамъ? ¹⁾).

Вице-Адмиралъ
Дмитрій Николаевичъ
Сенявинъ.

Генераль-адъютантъ съ 25 Дек. 1825 г.
Съ литографіи 1818 г.

Обнаруживъ участниковъ и выяснивъ степень вины каждого изъ нихъ, Императоръ Николай Павловичъ манифестомъ 1 Юня 1826 года назначилъ судъ надъ всѣми мятежниками и членами злоумышленныхъ тайныхъ обществъ.

Изъ представленнаго Слѣдственной Комиссіей донесенія Государь Императоръ усмотрѣлъ два рода обвиненій: обвиненія тяжкія—въ преступленіяхъ государственныхъ, въ замыслахъ долготѣтныхъ, обдуманыхъ и упорныхъ, постоянно и непреклонно къ одной пагубной цѣли направленныхъ, и обвиненія въ поступкахъ, причина которыхъ заключалась въ малодушіи, въ слѣпомъ довѣрїи къ другимъ, въ неумѣнїи проникнуть въ ихъ тайны или въ кратковременномъ порывѣ страстей.

Раздѣливъ такимъ образомъ предварительно, еще до суда, всѣхъ обвиняемыхъ на двѣ группы и опредѣливъ точно степень вины каждого, новый Монархъ составилъ два списка всѣмъ подсудимымъ, предавъ поименованныхъ въ одномъ изъ нихъ Верховному Уголовному Суду, а рѣшеніе участи лицъ, перечисленныхъ въ другомъ спискѣ, предоставилъ Себѣ. Такимъ образомъ Верховному Уголовному Суду было предано 61 членъ Сѣвернаго общества, 37 членовъ Южнаго общества и 23 члена общества Соединенныхъ Славянъ.

Требуя отъ суда только справедливости, справедливости нелицепріят-

¹⁾ Гос. арх. Разр. I B, д. № 1.

Докладъ слѣдственной комиссіи напечатанъ: I часть въ «Русскомъ Архивѣ» за 1881 годъ т. II, стр. 277; II часть—приложеніе—тоже въ «Русскомъ Архивѣ» за 1875 годъ т. III, стр. 434.

ной, ничѣмъ не колеблемой, на законѣ и силѣ доказательствъ утверждаемой, Государь запретилъ присутствовать въ судѣ предсѣдателю и членамъ бывшей Слѣдственной Комиссіи и, считая необходимость возмездія преступникамъ дѣломъ народнымъ, дѣломъ всѣхъ истинныхъ сыновъ

Генераль-адъютантъ
графъ Арсеній Андреевичъ
ЗАКРЕВСКІЙ.

По рис. съ натуры Лашъ,
съ лит. Гл. Упр. П. С.

Изъ собр. портр.
Имп. Гл. Кв.

Отечества, повелѣлъ составить судъ изъ трехъ Государственныхъ Словій: Государственнаго Совѣта, Правительствующаго Сената и Святейшаго Синода.

Указомъ Сенату, 1-го же Юня даннымъ, былъ опредѣленъ и составъ суда, въ который вошли: предсѣдателемъ—дѣйствительный тайный совѣтникъ князь Лопухинъ, а замѣстителемъ въ случаѣ его болѣзни—дѣйствительный тайный совѣтникъ князь Куракинъ; членами—

дѣйствительные тайные совѣтники графъ Головкинъ и баронъ Строгановъ, генералы: графъ Ланжеронъ, Опперманъ и Еманюель, генераль-адъютанты: Воиновъ, графъ де-Ламбертъ, Сенявинъ, Бороздинъ, Паскевичъ, графъ Комаровскій, Башуцкій, Закревскій и Бистромъ, а также и сенаторъ Московскихъ департаментовъ тайный совѣтникъ Кушниковъ. Министръ Юстиціи по Высочайшему повелѣнію несъ обязанности по званію Генераль-Прокурора. Для объясненій, необходимыхъ суду по актамъ Слѣдственной Комиссіи и для болѣе удобнаго ихъ показанія, былъ назначенъ Дмитрій Николаевичъ Блудовъ, въ помощь къ которому опредѣлили Военнаго Совѣтника Вахрушева и надворнаго совѣтника Ивановскаго, какъ людей, близко стоявшихъ къ слѣдствію и хорошо знакомыхъ съ его дѣлами.

Составленный такимъ образомъ Верховный Уголовный Судъ открылъ свои засѣданія 3 Іюня. Не смотря на полную достовѣрность свѣдѣній и показаній подсудимыхъ, доставленныхъ въ судъ Слѣдственной Комиссіей, порядокъ судопроизводства требовалъ съ формальной стороны вторичнаго допроса обвиняемыхъ, произведеннаго самимъ судомъ. Такъ какъ способъ привода въ судъ для снятія показаній съ арестантовъ повлекъ бы за собою нежелательную потерю времени, рѣшено было составить для этой цѣли изъ среды суда три Ревизионныя Комиссіи съ тѣмъ, чтобы каждая Комиссія допрашивала подсудимыхъ одного какого-либо общества: Сѣвернаго, Южнаго или Соединенныхъ Славянъ. Въ эти Комиссіи, кромѣ членовъ Верховнаго Уголовнаго Суда, по Высочайшему повелѣнію вошли и три генераль-адъютанта, бывшіе въ составѣ Слѣдственной Комиссіи, а именно: генераль-адъютантъ Бенкендорфъ—въ отдѣленіе о Сѣверномъ обществѣ, генераль-адъютантъ Чернышевъ—въ отдѣленіе о Южномъ обществѣ, и генераль-адъютантъ Левашовъ—въ отдѣленіе объ обществѣ Соединенныхъ Славянъ ¹⁾.

Генераль-адъютантъ
графъ Александръ Христофоровичъ
БЕНКЕНДОРФЪ.

Изъ собр. портр.
Имп. Гл. Кв.
Съ литографіи.

¹⁾ Секретное отношеніе Нач. Гл. Шт. барона Дибича къ Военному Министру отъ 7 Іюня 1826 года за № 995. Гос. арх. Разр. I В., д. № 2.

Генералъ-адъютантъ
графъ Евграфъ Федотовичъ
КОМАРОВСКІЙ.

Съ акварельнаго портрета
Соколова.

Собственность
гр. А. Комаровской.

Верховный Уголовный Судъ хотя и призналъ принципіально всѣхъ подсудимыхъ подлежащими смертной казни, не дѣлая никакихъ снисхожденій ни дѣйствовавшимъ, ни соглашавшимся, ни участвовавшимъ, ни даже только знавшимъ и объ умыслѣ не донесшимъ, однако въ своемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ замѣтилъ, что „сія спасительная строгость нашихъ законовъ единымъ Монаршимъ милосердіемъ можетъ быть смягчаема, но смягчаема частно, въ видѣ изытій, въ извѣстномъ опредѣленномъ случаѣ, а не въ видѣ общаго правила“.

Признавая такимъ образомъ всякій другой приговоръ актомъ Монаршаго милосердія, Верховный Судъ, руководствуясь непре-

клонною волей Его Величества опредѣлить „въ какой постепенности увеличивается или уменьшается общая вина подсудимыхъ частными и въ особенности каждаго лица обстоятельствами“, постановилъ приговоръ всѣмъ преступникамъ разбить по степени вины на одиннадцать разрядовъ, причемъ самые тяжкіе преступники: Пестель, Рылѣвъ, Сергѣй Муравьевъ-Апостоль, Бестужевъ-Рюминъ и Каховскій, присужденные къ смертной казни четвертованіемъ, въ разряды не вошли.

Не останавливаясь на существѣ приговоровъ по каждому разряду отдѣльно и на перечисленіи фамилій декабристовъ, зарегистрированныхъ Судомъ за каждымъ разрядомъ, замѣтимъ, что Императоръ Николай Павловичъ, желая согласить долгъ правосудія съ чувствами милосердія, пошелъ еще далѣе, замѣнивъ смертную казнь каторгой и смягчивъ приговоры всѣмъ преступникамъ, помѣщеннымъ Судомъ въ разряды. Что касается участи преступниковъ, поставленныхъ внѣ разрядовъ и осужденныхъ къ четвертованію, то въ Своемъ Указѣ, данномъ Верховному Уголовному Суду 10 Іюля 1826 года, Государь Импера-

торъ предоставилъ „тому окончательному постановленію, какое о нихъ въ семь Судѣ состоится“.

Предоставляя участь уже приговоренныхъ къ четвертованію преступниковъ тому рѣшенію, которое „состоится“, Императоръ Николай Павловичъ косвенно заставилъ Верховный Уголовный Судъ смягчить наказаніе преступникамъ „внѣ разряда“ и замѣнить мучительное четвертованіе повѣшеніемъ.

За сохраненіе вѣрности присягѣ Императору Николаю I, за примѣрную исполнительность и выказанную беззавѣтную преданность новому Монарху и за сохраненіе въ образцовомъ порядкѣ строевыхъ частей въ исторической день военнаго бунта въ Петербургѣ многіе офицеры гвардіи удостоились назначенія въ Свиту Государя. Самъ Императоръ Николай, въ письмѣ къ графу Витгенштейну, писалъ 15 Декабря 1825 года: „Гвардія себя показала, какъ достойна памяти ея покойнаго благодѣтеля“¹⁾.

Участіе гвардіи и Свиты въ подавленіи бунта 14 Декабря 1825 года.

Генераль-адъютантъ
АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ
ЧЕРНЫШЕВЪ.

Съ литографіи.

Изъ исторіи
Кавалергардовъ.

Высочайшими приказами 14-го и 15-го Декабря въ званіе генераль- и флигель-адъютантовъ было пожаловано 47 человекъ. Приказомъ отъ 14 Декабря въ званіе генераль-адъютанта были пожалованы генераль - маіоры Ушаковъ II-й (съ назначеніемъ состоять при Его Высочествѣ Наслѣдникѣ), Стрекаловъ и Потоповъ I-й, а флигель-адъютантами—Л.-Гв. Измайловскаго полка полковникъ Кавелинъ, Перовскій II-й, Гоединъ II-й, баронъ Делингаузенъ и штабсъ-капитанъ Лазаревъ, Л.-Гв. Московскаго полка полковникъ Адлербергъ I-й, Л.-Гв. Сапернаго баталіона поручикъ графъ Ивеличъ и состоящій при

¹⁾ Князь Вяземскій. Полн. собр. соч. т. IX, стр. 207.

Его Императорскомъ Высочествѣ Наслѣдникѣ полковникъ Мердеръ. Приказъ 15-го числа осчастливилъ званіемъ генераль-адъютанта: командующаго гвардейскимъ корпусомъ генерала-отъ-кавалеріи Воинова I, коменданта С.-Петербургской крѣпости Сукина I, состоящаго по арміи генераль-лейтенанта Демидова I, С.-Петербургскаго коменданта Башуцкаго, командира I бригады легкой гвард. кавалерійской дивизіи и Л.-Гв. Драгунскаго полка Чичерина I, начальника артиллеріи гвардейскаго корпуса Сухозанета I, командира 1-й бригады 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи Шеншина I, командира 4-й бригады 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи Головина I, начальника штаба гвардейскаго корпуса Нейдгардта II, начальника инженеровъ гвардейскаго корпуса Сазонова II, командира 3 бригады 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи Мартынова I и командировъ полковъ: Л.-Гв. Финляндскаго—Воропанова I, Л.-Гв. Преображенскаго—Исленева и Л.-Гв. Семеновскаго — Шипова I. Во флигель-адъютанты же пожалованы: командующій Л.-Гв. Измайловскимъ полкомъ Симанскій; Л.-Гв. полковъ полковники и баталіонные командиры: Преображенскаго—Микулинъ и Прянишниковъ, Семеновскаго — Штегельманъ I и Альбрехтъ III, Гренадерскаго — командиръ Стюрлеръ, капитанъ князь Мещерскій I и поручикъ баронъ Зальцъ; полковники: Измайловскаго—Веселовскій и Девиtte, Павловскаго—командиръ Арбузовъ II и Берхманъ IV, Егерскаго — Гартонгъ и баронъ Саргеръ, Финляндскаго—фонъ-Моллеръ I, командиръ 1-й гвардейской артиллерійской бригады Нестеровскій, Л.-Гв. Сапернаго баталіона — Бѣль I; командиры дивизионовъ, полковники: Кавалергардскаго—Шереметевъ I и Ланской II, Л.-Гв. Коннаго полка—Захаржевскій II и баронъ Веліо и командиръ Л.-Гв. Конно-піонернаго эскадрона Зассъ IV ¹⁾). Кромѣ того дополненіемъ къ приказу назначенъ генераль-адъютантомъ командиръ Л.-Гв. Московскаго полка генераль-маіоръ баронъ Фридерикъ I-й.

Словомъ, какъ пишетъ графъ Комаровскій въ своихъ запискахъ, Государь „всѣхъ полковыхъ командировъ, имѣвшихъ генераль-маіорскіе чины, назначилъ къ Себѣ въ генераль-адъютанты, а полковничьи чины въ флигель-адъютанты, въ которые назначены были также баталіонные командиры и дивизионные командиры Кавалергардскаго и Лейбъ-Гвардіи Коннаго полковъ“...

Такое обильное назначеніе строевыхъ гвардейскихъ офицеровъ

¹⁾ Русск. Инв. 1825 г. № 299.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО въ прису-
ствіи Своемъ въ Санктпетербургѣ Декабря 14-го дня
1825 года соизволилъ опдаться слѣдующій Приказъ.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО изволишь при-
нимать названіе Шефа полковъ Лейбъ-Гвардіи: Преобра-
женскаго, Семеновскаго, Измайловскаго, Гренадерскаго и
Лейбъ-Гвардіи Сапернаго баталіона.

Назначаются: Генераль-Фельдцейхмейстеръ и Командиръ 1-й Гвар-
дейской пѣхотной дивизіи, Его Императорское Высо-
чество Великій Князь **МИХАИЛЬ ПАВЛОВИЧЪ**,
Генераль-Инспекторомъ по Инженерной части съ остав-
леніемъ при прежнихъ должностяхъ.

Генераль-Маіоры: Ушаковъ 2-й и Спрекаловъ Генера-
ль-Адъютантами къ **ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИ-**
ЧЕСТВУ, съ назначеніемъ перваго состоять при Его
Императорскомъ Высочествѣ Наслѣдникѣ.

Дежурный Генераль Главнаго Штаба **ЕГО ИМПЕРА-**
ТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, Генераль-Маіоръ Пошаповъ 1-й,
Генераль - Адъютантомъ къ **ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ**
ВЕЛИЧЕСТВУ, съ оставленіемъ при прежней должности.

Лейбъ-Гвардіи Измайловскаго полка Полковникъ: Ка-
велинъ, Перовскій 2-й, Годаинъ 2-й, Баронъ Деллинсгузенъ
и Штабсъ-Капитанъ Лазаревъ, Лейбъ-Гвардіи Московскаго
Полковникъ Адлербергъ 1-й, и Лейбъ-Гвардіи Сапернаго
баталіона Поручикъ Графъ Ивеличь, Флигель-Адъ-
ютантами къ **ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ**.

Состоящій при Его Императорскомъ Высоче-
ствѣ Наслѣдникѣ, Лейбъ-Гвардіи Измайловскаго полка
Полковникъ Мердерь, Флигель-Адъютантомъ къ **ЕГО**
ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ, съ оставленіемъ
при прежней должности.

Подписалъ : *Военный Министръ Татищевъ 1.*

въ Государеву Свиту объявляется успешнымъ дѣйствіемъ гвардіи во время бунта 14 Декабря. Для того, чтобы перечислить случаи исполнительности и выраженной преданности, проявленныхъ по отношенію къ Императору какъ бывшими чинами Свиты, такъ и офицерами, попавшими въ Свиту послѣ бунта, пришлось бы повторить описаніе дня 14-го Декабря. Но чтобы оправдать такое массовое назначеніе въ Свиту, позволяемъ себѣ возможно кратко, не касаясь изложенія событій бунта, упомянуть о дѣятельности въ подавленіи мятежа офицерскаго состава гвардіи и чиновъ Государевой Свиты.

Генераль-адъютантъ
графъ Владиміръ Федоровичъ
АДЛЕРБЕРГЪ.

Изъ собр. порт.
Имп. Гл. Кв.

Съ литогр. Поля.

По полученіи извѣстія отъ барона Дибича о существованіи въ Россіи злоумышленныхъ тайныхъ обществъ, Государь почувствовалъ опасность. Присутствовавшему въ злополучный день при утреннемъ его одѣваніи генераль-адъютанту Бенкендорфу Николай Павловичъ сказалъ: „сегодня вечеромъ, можетъ быть, насъ обоихъ не будетъ болѣе на свѣтѣ; но, по крайней мѣрѣ, мы умремъ, исполнивъ нашъ долгъ“! ¹⁾)

Получивъ извѣстіе отъ начальника Штаба Гвардейскаго Корпуса генерала Нейдгардта о возникшихъ въ Московскомъ полку безпорядкахъ, Императоръ Николай Павловичъ овладѣлъ ходомъ дальнѣйшихъ событій, съ большою умѣlostью стаянулъ въ одно мѣсто со всѣхъ концовъ Петербурга необходимыя силы, отдавалъ поминутно то тѣ, то другія распоряженія. Понятно, что при такомъ положеніи дѣла успѣхъ подавленія мятежа зависѣлъ главнымъ образомъ отъ степени исполнитель-

¹⁾ Баронъ Корфъ. «Восшествіе на Престолъ Императора Николая I», стр. 120.

ности и преданности оставшихся вѣрными своему Монарху воинскихъ частей. Оказывается, что не смотря на то, что Императоръ Николай Павловичъ, не совѣмъ довѣряя преданности находившихся при Немъ командъ, не рѣшался сначала подавить мятежъ вооруженною силою, однако вѣрность расторопность и исполнительность Его подданныхъ была образцовою. Каждый находился при своемъ дѣлѣ, съ примѣрнымъ рвеніемъ исполняя данное ему Государемъ или начальникомъ приказаніе, будучи ежеминутно готовымъ умереть за своего новаго Монарха. Понятно, что такія старанія и преданность къ Императору, проявленныя въ критическій моментъ гвардіей, не могли остаться безъ поощренія, и большинство выдающихся участниковъ подавленія мятежа были награждены дѣйствительно по-царски—зачисленіемъ въ Свиту Его Императорскаго Величества.

Уже выше было упомянуто, что жертвами своего долга въ борьбѣ съ мятежниками пали полковникъ Стюрлеръ и графъ Милорадовичъ. О томъ, какъ цѣнили Николай Павловичъ беззавѣтную преданность и добросовѣстное исполненіе долга своихъ подчиненныхъ, говоритъ прекрасная характеристика, данная Государемъ Императоромъ покойному С.-Петербургскому военному Генералъ-Губернатору въ Высочайшемъ манифестѣ 19 Декабря: „Храбрый воинъ, прозорливый полководецъ, любимый начальникъ, страшный въ войнѣ, кроткій въ мирѣ, градоправитель правдивый, ревностный исполнитель Царскія воли, вѣрный сынъ церкви и Отечества, онъ палъ отъ руки недостойной не на полѣ брани, но палъ жертвою того же пламеннаго усердія, коимъ всегда горѣлъ, палъ, исполняя свой долгъ, и память его въ лѣтописяхъ Отечества пребудетъ всегда незабвенна“... Генералы Фридериксъ, Шеншинъ и полковникъ Хвоцинскій, также ревностные исполнители Царской воли, получили тяжелыя раны при исполненіи своего служебнаго долга въ то время, когда приводили къ порядку взбунтовавшійся Л.-Гв. Московскій полкъ. Кутузовъ, Адлербергъ, князь Трубецкой, графъ Комаровскій, Стрекаловъ, Перовскій и Дурново, сопровождая Николая Павловича, не щадя своей жизни, а помышляя только объ одномъ—собою защититъ отъ всевозможныхъ случайностей священную Особу Государя, съ одною ротою Л.-Гв. Преображенскаго полка, вѣхали чуть не въ самую толпу мятежниковъ. Порученія Императора исполнялись съ рѣдкимъ самоотверженіемъ. Такъ, Сухозанету было поручено сказать бунтовщикамъ послѣднее слово поми-

Ошибкой не вникать во вращение
принадлежит Теодор-Адольф-Барон
Фридрих; принадлежат сего же сочинения

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО въ присуш-
ствіи Своемъ въ Санктпетербургъ Декабря 15-го дня
1825 года соизволилъ отдать слѣдующій Приказъ.

Производятся Лейбъ-Гвардіи Коннаго полка Князь Голицынъ 3-й.
изъ Полковни- Командиръ Кавалергардскаго полка, Флигель-Адью-
ковъ въ Гене- шантъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Графъ
раль-Маіоры. Апраксинъ 2-й, съ оставленіемъ при прежней должности.

Назначаются: Командующій Гвардейскимъ Корпусомъ Генералъ отъ
Кавалеріи Воиновъ 1-й; С. Петербургской Крѣпости Ко-
мендантъ Генералъ отъ Инфантеріи Сукинъ 1-й; Со-
стоящій по Арміи Генералъ-Лейтенантъ Демидовъ 1-й;
С. Петербургскій Комендантъ, Генералъ - Лейтенантъ
Башуцкій; Генералъ-Маіоры: Командиръ 1-й Бригады
Легкой Гвардейской Кавалерійской Дивизіи и Лейбъ-
Гвардіи Драгунскаго полка Чичеринъ 1-й; Начальникъ
Артиллеріи Гвардейскаго Корпуса Сухозанетъ 1-й;
Командиръ 1-й Бригады 1-й Гвардейской Пѣхотной Ди-
визіи Шеншинъ 1-й; Командиръ 4-й Бригады 2-й Гвар-
дейской Пѣхотной Дивизіи Головинъ 1-й; Начальникъ
Штаба Гвардейскаго Корпуса Нейтгардтъ 2-й; Началь-
никъ Инженеровъ Гвардейскаго Корпуса Сазоновъ 2-й;
Командиръ 3-й Бригады 2-й Гвардейской Пѣхотной Ди-
визіи Мартыновъ 1-й; Командиры Лейбъ-Гвардіи пол-
ковъ: Финляндскаго Воропановъ 1-й, Преображенскаго
Ислензевъ и Семеновскаго Шиповъ 1-й, Генералъ-Адью-
шантъ къ ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ,
съ оставленіемъ всѣхъ при прежнихъ должностяхъ.

Генералъ-Адьюшантъ Голенищевъ-Кутузовъ 1-й исправ-
ляющимъ должность С. Петербургскаго Военнаго Ге-
нералъ-Губернатора, впредь до повелѣнія.

Командующій Лейбъ-Гвардіи Измайловскіи полкомъ
Полковникъ Симанскій, Командиромъ онаго жъ полка,
съ назначеніемъ Флигель-Адьюшантомъ къ ЕГО ИМПЕ-
РАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ.

Лейбъ-Гвардіи полковъ Подковники и баталіонные Командиры: Преображенскаго Микулинъ и Приишниковъ, Семеновскаго Штегельманъ 1-й и Албрехтъ 3-й, Гренадерскаго Командиръ Стюрлеръ, Капитанъ Князь Мещерскій 1-й и Поручикъ Баронъ Зальцъ; Полковники: Измайловскаго Веселовскій и Девинше; Павловскаго Командиръ Арбузовъ 2-й и Берхманъ 4-й; Егерскаго Командиръ Гартонгъ и Баронъ Саргеръ, Финляндскаго Фонъ Моллеръ 1-й; Командиръ 1-й Гвардейской Артиллерійской Бригады Нестеровскій; Лейбъ-Гвардіи Сапернаго баталіона Бьль 1-й; Командиры дивизионовъ, полковъ: Кавалергардскаго Шереметевъ 1-й, Ланской 2-й, Лейбъ-Гвардіи Коннаго Захаржевскій 2-й и Баронъ "Велю"; Командиръ Лейбъ-Гвардіи Конво-Піонернаго эскадрона Зассъ 4-й; всѣ Флигель-Адъютантами къ ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ съ оставленіемъ при прежнихъ должностяхъ

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО объявляетъ особенную Свою признательность всѣмъ Гг. Генераламъ, Штабъ- и Оберъ-Офицерамъ Гвардейскаго Корпуса бывшимъ при Особѣ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА 14-го числа сего мѣсяца, за примѣрный порядокъ, усердіе и точность въ исполненіи Высочайшихъ повелѣній; нижнимъ же чинамъ, находившимся въ сей день въ спрѣу съ ЕГО ИМПЕРАТОРСКИМЪ ВЕЛИЧЕСТВОМЪ, жалуетъ по два рубля, по чаркѣ вина и по фунту рыбы на человѣка.

Подписалъ: *Военный Министръ Татищевъ 1-й.*

лованія; онъ поднялъ лошадь въ галопъ и въѣхалъ въ толпу, которая, держа ружья у ноги, разступилась предъ нимъ. Солдаты, подъ видимымъ впечатлѣніемъ милостивыхъ словъ, потушили глаза; но нѣсколько офицеровъ и постороннихъ людей съ ругательствомъ спрашивали, привезъ ли онъ, Сухозанетъ, конституцію и грозилась на него. „Я присланъ съ пощадою, а не для переговоровъ“, отвѣчалъ онъ, порывисто обернувъ лошадь, и выскочилъ изъ толпы отшатнувшихся заговорщиковъ; во слѣдъ ему раздался ружейный залпъ. Другой примѣръ самоотверженнаго исполненія приказаній начальства проявилъ поручикъ Л.-Гв. Гренадерскаго полка баронъ Зальцъ, который, исполняя порученія командира полка—отобрать полковое знамя отъ бунтовщиковъ,—настигъ полкъ, отобралъ знамя отъ знаменщика и сталъ пробираться чрезъ толпу, но прибывшіе гренадеры нанесли Зальцу нѣсколько ударовъ ружейными прикладами, и знамя опять осталось въ рукахъ мятежниковъ.

Флигель-адъютантъ Кавелинъ, подвергаясь всевозможнымъ опасностямъ, по приказанію Императора доставилъ изъ Аничкина въ Зимній дворецъ Великаго Князя Александра Николаевича, готовый всѣмъ пожертвовать за точное исполненіе Высочайшаго повелѣнія и за молодого Наслѣдника.

Самое собраніе къ Зимнему дворцу войскъ производилось съ большимъ умѣніемъ и расторопностью. Всякій, получившій приказаніе привести какую-нибудь воинскую часть, дѣлалъ это въ высшей степени толково и добросовѣстно, такъ что и исполненіе этихъ порученій не могло не обратить вниманія Государя на ихъ исполнителей. Повелѣніе привести первый баталіонъ Преображенскаго полка получилъ генераль-маіоръ Стрекаловъ; за Кавалергардскимъ полкомъ былъ посланъ его командиръ, флигель-адъютантъ графъ Апраксинъ; за свободными отъ наряда ротами Л.-Гв. Павловскаго полка—доставившій въ Зимній дворецъ Наслѣдника флигель-адъютантъ Кавелинъ; за Конною гвардіею—Перовскій; за первымъ баталіономъ Л.-Гв. Финляндскаго полка—генераль-адъютантъ графъ Комаровскій, а за Л.-Гв. Сапернымъ баталіономъ—флигель-адъютантъ князь Голицынъ.

Раньше всѣхъ свои чувства преданности выразилъ Государю Императору первый баталіонъ Преображенскаго полка. Въ то время, когда Николай Павловичъ читалъ у Зимняго дворца собравшемуся народу манифестъ о Своемъ вступленіи на престолъ, подъ начальствомъ полковника Микулина подошелъ и названный баталіонъ. Государь, при-

казавъ С.-Петербургскому коменданту генераль-лейтенанту Башуцкому остаться при поставленномъ передъ дворцовыми воротами главномъ караулѣ, пошелъ къ Преображенскому баталіону. Быстро пройдя вмѣстѣ съ полковымъ командиромъ, генераль-маіоромъ Исленевымъ, по фронту, Николай Павловичъ спросилъ, готовы-ли они идти за Нимъ, куда велить? Громко въ отвѣтъ загремѣло молодецкое — „рады стараться, Ваше Императорское Величество!“ Государь обнялъ Исленева и Микулина и былъ въ восхищеніи отъ баталіона, который вполне обнаружилъ свою преданность. За столь отличное сохраненіе порядка въ первомъ баталіонѣ Преображенскаго полка Государь, подзывая къ Себѣ командира роты Его Величества, капитана Игнатьева, сказалъ: „Я знаю привязанность твоей роты къ Моему покойному брату и не могу придумать, чѣмъ лучше наградить эту роту, какъ давъ ей послѣдній Его Преображенскій мундиръ и Его вензель на эполеты“. Эта царская милость была тотчасъ объявлена людямъ и привела ихъ въ изступленный восторгъ. Всѣ они въ одинъ голосъ откликнулись: „рады умереть за Ваше Величество“ ¹⁾.

Кромѣ Преображенскаго полка Императоръ Николай Павловичъ 14 Декабря, во время усмиренья бунта, выказалъ Свое Монаршее вниманіе и по отношенію Л.-Гв. къ Саперному баталіону. Командиръ баталіона флигель-адъютантъ полковникъ Геруа, находившійся по случаю молебствія во дворцѣ, узнавъ о беспорядкахъ, обратился за приказаніемъ къ генералу Нейдгардту, который и приказалъ привести поскорѣе баталіонъ въ Зимній дворецъ. Старшимъ въ баталіонѣ оказался капитанъ Витовтовъ, остававшійся въ казармахъ по случаю смерти своей жены, тѣло которой даже еще не было положено въ гробъ. Капитанъ Витовтовъ тотчасъ велѣлъ раздать саперамъ патроны и бѣгомъ повелъ ихъ во дворецъ. На Спасской улицѣ Витовтовъ напомнилъ своимъ подчиненнымъ о присягѣ. Во дворцѣ надъ баталіономъ принялъ команду флигель-адъютантъ полковникъ Геруа. Едва саперы успѣли выстроиться во дворцѣ, какъ вбѣжали мятежныя роты гренадеръ. Увидавъ саперъ, предводитель ихъ, поручикъ Пановъ, пришелъ въ замѣшательство и, крикнувъ: „Саперы, да это не наши!“ вывелъ свою роту изъ дворца. Тотчасъ же всѣ выходы дворца были заняты саперами ²⁾.

¹⁾ Баронъ Корфъ. «Восшествіе на Престоль Императора Николая I», стр. 145.

²⁾ А. Волькенштейнъ. «Исторія Л.-Гв. Сапернаго баталіона», стр. 13 и слѣд.

Вернувшись съ площади, Государь обратился къ саперамъ со словами: „если Я видѣлъ сегодня мятежниковъ, то и видѣлъ много преданности и самоотверженности, которыя останутся для меня на всегда памятными“ и общалъ никогда не забывать вѣрности и усердія саперъ. Затѣмъ, пройдя во внутренніе покои, Государь приказалъ камердинеру Императрицы, Гримму, вынести семилѣтняго Наслѣдника Престола къ выстроеннымъ во дворѣ саперамъ. Взявъ его на руки, Государь передалъ нижнимъ чинамъ, георгіевскимъ кавалерамъ, со словами: „Я желаю, чтобы вы такъ же любили Моего Сына, какъ Я самъ люблю васъ“. Саперы восторженно цѣловали руки и одежду Царственнаго Отрока ¹⁾).

Князь Сергѣй Ивановичъ
МЕЩЕРСКІЙ.

Изъ собран. порт.
В. Судравскаго.

Всѣ нижніе чины, нарушившіе присягу и участвовавшіе по своему невѣдѣнію въ бунтѣ, были сведены въ особыя роты, командованіе которыми по Высочайшему выбору было довѣрено поручикамъ Л.-Гв. Сапернаго баталіона Заваліевскому, Аверину, Львову и Аделунгу. Последній въ ночь съ 14 на 15 Декабря былъ вызванъ съ небольшою командой для охраны Царскаго кабинета.

Ограничиваясь приведеніемъ даже этихъ вышеуказанныхъ краткихъ и отрывочныхъ данныхъ объ участіи гвардіи въ усмирении бунта,

¹⁾ А. Волькенштейнъ. «Исторія Л.-Гв. Сапернаго баталіона,» стр. 16 и 17.

Это событіе увѣковѣчено на барельефѣ (работы Рамазанова) памятника Императору Николаю I на Маринской площади въ С.-Петербургѣ, а также на картинѣ художника В. Максудова, подаренной 22 Декабря 1866 года Государемъ и Великими Князьями участнику событій 1825 года—генераль-адъютанту Витовтову, по случаю 50-лѣтія его службы въ офицерскихъ чинахъ. Эта картина, завѣщанная Витовтовымъ Л.-Гв. Саперному баталіону, нынѣ находится въ офицерскомъ собраніи баталіона. См. стр. 111.

ясно, что особая милость къ генераламъ и офицерамъ гвардіи, выразившаяся назначеніемъ весьма многихъ начальствующихъ лицъ въ Государеву Свиту, явилась наградою за дѣйствительныя преданность и мужество, выказанныя ими при подавленіи мятежа. Обазавъ громадное вниманіе и расположеніе къ офицерскому составу гвардіи, Императоръ Николай Павловичъ 15-го же Декабря отдалъ слѣдующій милостивый „Приказъ російскимъ войскамъ“:

„Храброе, Россійское воинство! Вѣрные защитники Царя и Отечества!

„Кого изъ васъ не поразила страшная вѣсть, погрузившая НАСЪ и всю Россію въ горестъ неописанную?—Вы лишились ГОСУДАРЯ, Отца, благодѣтеля, сотрудника въ подвигахъ безсмертныхъ.

„Но да не унывають сердца ваши!—Онъ свыше зритъ на васъ и благословляетъ плоды неусыпныхъ трудовъ Его объ устройствѣ нашемъ. Въ самые сіи дни горести вы, вѣрные, храбрые воины, приобрѣли новую, незабвенную славу, равную той, которую запечатлѣли вы своею кровію, поражая враговъ Царя и Отечества! ибо доказали своимъ поведеніемъ, что вы и твердые защитники Престола Царскаго на полѣ бранномъ, и кроткіе исполнители закона и воли Царской во время мира.

„Въ знакъ НАШЕЙ къ вамъ любви и въ вознагражденіе по заслугамъ вашимъ, вамъ, полки Гвардіи, Преображенскій, Семеновскій, Измайловскій, Егерскій, Финляндскій, Литовскій, Волынскій, Павловскій, Кавалергардскій, Конный, Подольскій Кирасирскій, Гусарскій Конно-Егерскій, Гвардейская Артиллерія и Лейбъ-Гвардіи Польскіе полки Гренадерскій и Конно-Егерскій, жалую тѣ самые собственные ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА мундиры, кои ГОСУДАРЬ, вашъ благодѣтель, Самъ носить изволилъ; храните сей залогъ и да хранится онъ въ каждомъ полку какъ святыня, какъ памятникъ, и для будущихъ родовъ незабвенный.

„Сверхъ сего повелѣваю:

1-е) „Въ ротахъ, носившихъ названіе ротъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА полковъ Преображенскаго, Семеновскаго, Польскаго Гренадерскаго и въ эскадронѣ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА Польскаго Конно-Егерскаго, носить всѣмъ чинамъ на эполетахъ и погонахъ вензеловое изображеніе Имени ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I, доколѣ кто изъ бывшихъ по спискамъ 19-го Ноября 1825-го въ сихъ ротахъ и эскадронѣ остаются будетъ.

Александр

Писалъ Крюгеръ 1835 г.

Гравировалъ Горель.

2-е) „То же самое вензельное изображение сохранить какъ Генераламъ при Особѣ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА состоявшимъ, такъ и Генералъ и Флигель-Адъютантамъ при ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМЪ ВЕЛИЧЕСТВѢ находившимся.

НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ
ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССИЙСКІЙ.

Съ гравюры.

Изъ собранія Д. Ровинскаго.

„Да хранится всегда между вами, храбрые воины, священная память АЛЕКСАНДРА ПЕРВАГО; да будетъ она страхомъ враговъ, надеждою Отечества, залогомъ вашей вѣрности и любви ко МНѢ“.

„НИКОЛАЙ“.

С.-Петербургъ. Декабря 15-го дня 1825 г.

Въ свой же послужной списокъ „эпизодъ 14-го Декабря“ Императоръ Николай I приказалъ занести слѣдующими словами ¹⁾: „14-го Декабря 1825 года, во время возникшаго въ С.-Петербургѣ бунта, командовалъ главною гауптвахтою Зимняго Дворца и съ находившеюся тогда на оной 9-ю Егерскою ротой Л.-Гв. Финляндскаго полка занималъ ворота, ведущія на большой дворъ; потомъ, по прибытіи 1-го баталіона Л.-Гв. Преображенскаго полка, лично велъ оный и занялъ имъ Адмиралтейскую площадь. Съ приходомъ же Л.-Гв. Коннаго полка занялъ и Петровскую площадь подъ огнемъ бунтовщиковъ, и наконецъ, принялъ начальство надъ прочими собравшимися войсками Лейб-Гвардіи, въ сей день въ столицѣ находящимися и пребывшими вѣрными долгу присяги. Когда же, при неоднократныхъ увѣщаніяхъ, толпа бунтовщиковъ не покорялась, то разсѣялъ оную картечными выстрѣлами четырехъ орудій легкой № 1-ой роты 1-й гвардейской артиллерійской бригады, коими командовалъ тогда поручикъ Бакушинъ; а по совершенномъ разсѣянїи злоумышленниковъ занялъ окрестности Зимняго Дворца и продолжалъ начальствовать войсками до минованія опасности и роспуска оныхъ по квартирамъ“.

¹⁾ См. Приложеніе—Послужной списокъ Императора Николая I.

ГЛАВА IV.

Священное коронованіе Императора Николая Павловича. Участіе Государя и Его Свиты въ войнахъ.

Новое царствованіе началось цѣлымъ рядомъ милостей. 1-го Января 1826 года былъ обнародованъ Высочайшій Манифестъ, изъ котораго видно, что молодой Монархъ искренно желалъ начать свое царствованіе цѣлымъ рядомъ добрыхъ дѣлъ, лишь бы дѣла эти не противорѣчили строгимъ требованіямъ государственныхъ законовъ и тѣмъ основнымъ началамъ правосудія, „на которыхъ зиждутся престолы и отъ которыхъ равно зависитъ благоденствіе царствъ“. Всѣмъ преступникамъ, которымъ окончательный приговоръ былъ произнесенъ до 19-го Ноября 1825 г., т. е. до дня, съ котораго повелѣно было считать воцареніе Императора Николая, наказанія были уменьшены одною степенью; большинство содержавшихся подъ стражей за казенные долги—освобождены; разнообразныя недоимки, накопившіяся за прежніе годы до 1-го Января 1825 года, отчасти прощены, а отчасти уменьшены.

Священное коронованіе Императора Николая Павловича въ Москвѣ.

Награды, производства и назначенія въ новый годъ доказали еще лишній разъ, что Императоръ Николай Павловичъ не забывалъ своихъ вѣрныхъ и преданныхъ слугъ, Онъ, по собственному его выраженію, хотѣлъ заплатить долгъ тѣмъ, которые окружали его въ день восшествія на престолъ, и при этомъ случаѣ произнесъ тѣ знаменательно-прекрасныя слова, которыя потомъ Государь ни одинъ разъ повторялъ въ продолженіе своего тридцатилѣтняго плодотворнаго управленія Имперіей: „Неблагодарность въ государствѣ есть или признаніе въ безсиліи или отреченіе отъ справедливости“¹⁾.

Проявивъ такимъ образомъ истинно монаршее милосердіе по отношенію къ своимъ подданнымъ, юный Императоръ Николай Павловичъ, желая сохранить добрыя сосѣдскія отношенія съ иностранными государствами, черезъ нѣсколько дней по своемъ вступленіи на престолъ вручилъ чинамъ дипломатическаго корпуса ноту слѣдующаго содержанія: „Призванный наслѣдовать Императору Александру, Императоръ Николай наслѣдуетъ также и тѣ основныя начала, которыми руководствовалась политика его Августѣйшаго предшественника. Его Императорское Величество повелѣлъ своимъ посланникамъ, министрамъ и агентамъ при иностранныхъ державахъ объявить правительствамъ сихъ державъ, что, шествуя по слѣдамъ Монарха, имъ оплакиваемаго, онъ будетъ соблюдать ту же вѣрность относительно обязательствъ, принятыхъ на себя Россіей, то же уваженіе ко всѣмъ правамъ, освященнымъ существующими трактатами, ту же преданность охранительнымъ началамъ общаго мира и отношеній, связывающихъ между собою всѣ державы. Императоръ питаетъ надежду, что и онѣ, со своей стороны, готовы поддержать тѣ отношенія искренней дружбы и взаимнаго довѣрія, которыя, будучи установлены и охраняемы при Императорѣ Александрѣ, даровали Европѣ десятилѣтній миръ“²⁾.

По свидѣтельству нѣкоторыхъ современниковъ Императоръ Николай Павловичъ съ первой же минуты принятія на себя бремени верховной власти приступилъ къ занятію государственными дѣлами съ удивительною энергіею. Трудно себѣ представить всѣ тѣ труды, на которые обрекъ себя новый Монархъ для того, чтобы по возможности самому входить во всѣ подробности государственнаго управленія.

¹⁾ «Военный Сборникъ» 1867 г., № 12, стр. 269.

²⁾ Ibid., № 12, стр. 266.

Прямая и честная натура Николая Павловича не могла переносить весьма часто встрѣчавшихся тогда возмутительныхъ явленій казнокрадства, лихоимства, попранія закона, злоупотребленія властью и т. п.

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ I.

Писаль Доу въ 1823 г.

Съ литографіи И. Гернеръ 1826 г.

За всѣмъ старался услѣдить и искоренить зло молодой Императоръ, а потому и утрудилъ себя дѣйствительно гигантской работой, болѣе помышляя о пользѣ и выгодахъ для своихъ подданныхъ и о благѣ родины, чѣмъ о самомъ себѣ.

Русскій народъ и Европа поняли и оцѣнили предназначенія новаго царствованія и на бывшей въ Москвѣ 22-го Августа 1826 года

коронаціи проявили къ юному Монарху столько любви, восторженной преданности, благоговѣнія и обожанія, что этотъ день, 22-го Августа, былъ настоящимъ триумфомъ Августѣйшаго покорителя сердець.

Назначенный Высочайшимъ манифестомъ отъ 21-го Апрѣля 1826 г. день совершенія священнаго коронованія въ Іюнѣ мѣсяцѣ, вслѣдствіе кончины Императрицы Елисаветы Алексѣевны, послѣдовавшей 4-го Мая, пришлось отложить на неопредѣленное время. Между тѣмъ европейскіе дворы для присутствованія на предстоящихъ торжествахъ не только назначили своихъ чрезвычайныхъ пословъ, но многіе изъ этихъ представителей отправились въ Россію со всѣмъ персоналомъ своего посольства. Такъ, представителемъ отъ Франціи 13 Мая пріѣхалъ въ Петербургъ маршалъ Мармонъ, герцогъ Рагузскій, которому Императоръ, какъ старому наполеоновскому воину, до своего отъѣзда въ Москву, не безъ гордости любилъ показывать выправку и отличное состояніе своихъ гвардейскихъ частей. Въ одинъ изъ такихъ смотровъ (20-го Мая) маршалъ Мармонъ, любуясь преображенцами, воскликнулъ: „Ваше Величество! я не удивляюсь, что русскій солдатъ дѣлаеть чудеса: онъ проникнуть чувствомъ справедливой гордости, что имъ командуетъ самъ Императоръ, и подобный полкъ въ сраженіи замѣнилъ бы цѣлую армію! ‘)“.

По окончаніи процесса декабристовъ дворецъ сталъ постепенно переселяться въ Москву. Еще ранѣе, вслѣдъ за кончиною Елисаветы Алексѣевны, поселилась въ Москвѣ Императрица Марія Ѳеодоровна, „благотворительной душѣ которой отерывался здѣсь для дѣйствій кругъ не менѣе обширный, чѣмъ въ Петербургѣ“.

Къ 15-му Іюля, кромѣ уже находившагося тамъ своднаго гвардейскаго отряда, прибыли въ Москву слѣдующія части: 2-я и 3-я гренадерскія дивизіи со 2-ю и 3-ю гренадерскими артиллерійскими бригадами, 3-я сводная бригада 5-го пѣхотнаго корпуса, 13-я, 14-я и 15-я артиллерійскія бригады и 1-я уланская дивизія съ состоящею при ней конно-артиллерійскою бригадою. Войска эти, вмѣстѣ со своднымъ гвардейскимъ отрядомъ, состоявшимъ подъ командою Великаго Князя Михаила Павловича, составили сводный гвардейскій и гренадерскій корпусъ, командованіе которымъ по Высочайшему повелѣнію возложено было на командира 5-го пѣхотнаго корпуса, состоящаго при Особѣ Его Величества, генерала-отъ-инфантеріи графа П. А.

‘) «Военный Сборникъ» 1868 г., № 1, стр. 133.

Императоръ **Николай I** и Великая Княжна **Марія Николаевна**
на набережной Невы.

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО
Государыня Императрица
МАРІЯ ФЕОДОРОВНА.

Писалъ Г. Доу.
Рис. на камнѣ Веглузкій.

Изъ собранія
Императорскаго Эрмитажа.

Толстого. Начальникомъ штаба этого своднаго корпуса назначенъ былъ начальникъ штаба гвардейскаго корпуса генераль-адъютантъ Нейдгардтъ 2-й; оберъ-квартирмейстеромъ—оберъ-квартирмейстеръ того же корпуса флигель-адъютантъ, полковникъ князь Голицынъ. Такимъ образомъ, высшее командование надъ войсками, прибывшими на коронаціонныя торжества, было возложено исключительно на чиновъ Государевой Свиты.

18-го Іюля прибыли и остановились въ Петровскомъ дворцѣ Великій Князь

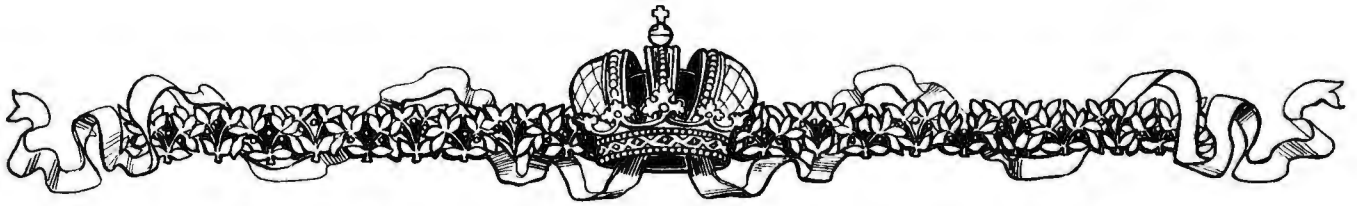
ИМПЕРАТОРЪ
НИКОЛАЙ I^а

Съ литографіи
Тромонна.

Изъ собранія
Г. Габаева.

Наслѣдникъ Александръ Николаевичъ и Великія Княжны Марія и Ольга Николаевны, а спустя три дня, въ сопровожденіи брата Государыни Императрицы, принца Карла Прусскаго, въ 3 ч. пополудни прибыли и Ихъ Величества, официальный торжественный въѣздъ которыхъ состоялся 25-го Іюля.

Не останавливаясь на самомъ церемоніалѣ этого въѣзда, замѣтимъ, что вся Россія встрепенулась въ знаменательный день помазанія на царство молодого Императора. Достаточно упомянуть, что населеніе Москвы, состоявшее въ то время изъ 350.000 человекъ, къ этому времени болѣе чѣмъ удвоилось; всѣ тракты, ведущіе въ Москву, представляли необычайное оживленіе; на проѣздъ однихъ только членовъ дипломатическаго корпуса понадобилось триста семь лошадей. Въ приведенный расчетъ временнаго прилива народонаселенія въ Москву не вошли стянутыя въ первопрестольную столицу войска, которыя, въ количествѣ 48.000 человекъ, принимали живѣйшее участіе во встрѣчѣ своего обожаемаго Монарха. Многія иностранныя государства прислали на предстоящія торжества своихъ представителей. Такъ, кромѣ упомянутыхъ уже герцога Мармона отъ Франціи и принца Карла отъ Пруссіи, въ Москву прибыли: представителемъ отъ Англіи—герцогъ Девонширскій, отъ Австріи—принцъ Гессенъ-Гомбургскій и отъ Швеціи и Норвегіи—фельдмаршалъ графъ Стедингъ.

ИМПЕРАТОРЪ съ Августѣйшею семьею и Свитою привѣтствуетъ войска и народъ на коронаціонномъ праздникѣ и обѣдѣ.

Рисоваль В. Адамъ.

Литографія Куртена.

Между тѣмъ слабое здоровье Императрицы Александры Теодоровны не позволяло оставаться въ городѣ, и Августѣйшее семейство переселилось поэтому за Москву-рѣку, въ Нескучное, на дачу графини А. А. Орловой-Чесменской. Все это не помѣшало Императору вести въ Москвѣ чрезвычайно дѣятельный образъ жизни: почти ежедневно онъ присутствовалъ на смотрахъ, оставаясь по нѣсколько часовъ сряду верхомъ на конѣ, по вечерамъ выслушивалъ доклады министровъ и ежедневно работалъ въ своемъ кабинетѣ до поздней ночи.

На другой же день послѣ своего торжественнаго въѣзда въ Москву, 26-го Юля, Императоръ присутствовалъ на разводѣ 1-го баталіона Преображенскаго полка. Разводъ происходилъ въ присутствіи Великихъ Князей, принцевъ, представителей иностранныхъ государствъ, чиновъ Государевой Свиты и огромной восторженной толпы народа. Великій Князь Наслѣдникъ былъ на разводѣ въ мундирѣ Л.-Гв. Павловскаго полка, коего онъ былъ Шефомъ.

Высочайшій смотръ всѣмъ войскамъ своднаго гвардейскаго и гренадерскаго корпусовъ былъ произведенъ 30-го Юля на Ходынскомъ полѣ.

Одинъ изъ участниковъ этого парада ¹⁾ подробно его описываетъ:
„Войска, —говоритъ онъ,—были выстроены въ шесть линій, фронтомъ
къ большой Петербургской дорогѣ, правымъ флангомъ противъ Пе-

ИМПЕРАТРИЦА
АЛЕКСАНДРА ФЕОДОРОВНА.

Съ рѣдкой литографіи.

Изъ собранія Импер. Эрмитажа.

тровскаго дворца: въ трехъ первыхъ линіяхъ—пѣхота; въ 4-й — вся
пѣшая артиллерія; въ 5-й и 6-й—кавалерія съ ея артиллеріей. Въ
строю было: баталіоновъ 51, эскадроновъ 33, конныхъ батарей и ар-
тиллерійскихъ ротъ 21, лошадей строевыхъ 5,910, артиллерійскихъ
1,392, орудій конной и пѣшей артиллеріи 168 и конно-піонерныхъ

¹⁾ Изъ воспоминаній бывшаго гвардейскаго сапера В. Ф., напечатанныхъ въ «Русскомъ Вѣст-
никѣ» за 1866 и 1867 г.г.

понтонѣ 4. Всѣхъ чиновъ воинскихъ находилось въ парадѣ 52.700 человекъ“.

Построенныя такимъ образомъ войска встрѣтили радостными криками „ура!“ прибывшаго къ нимъ въ 8 ч. утра своего любимаго

Его Императорское Высочество Великій Князь
АЛЕКСАНДРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ,
Наслѣдникъ Всероссійскаго Престола.

Съ литографіи,
рисоваль съ натуры Гампеленъ.

Изъ собранія Ф. Козлянинова.

и любящаго ихъ Монарха. Обѣхавъ верхомъ всѣ линіи, Государь остановился противъ Петровскаго дворца, а войска проходили мимо Его

Величества церемоніальнымъ маршемъ. Наслѣдникъ Великій Князь Александръ Николаевичъ на этотъ разъ былъ въ формѣ Л.-Гв. Гусарскаго полка, проѣзжая на правомъ флангѣ гусарскаго дивизиона. Государь остался очень доволенъ парадомъ и, сопровождаемый восторженными кликами войскъ и народа, возвратился въ Москву.

Генераль-адъютантъ
баронъ Григорій Владиміровичъ
РОЗЕНЪ.

Съ литографіи. Изъ собр. портр. Имп. Гл. Кв.

Это первое свиданіе въ первопрестольной молодого Императора съ любимыми имъ войсками не обошлось безъ несчастій. Въ самомъ началѣ парада лошадь подъ генераль-адъютантомъ Толемъ, ѣхавшимъ въ Свитѣ Государя, испугалась барабаннаго боя и криковъ и сбросила съ себя генерала, который при паденіи тяжело ушибъ лѣвый бокъ объ эфесъ своей шпаги.

Смотры и парады войскъ въ Высочайшемъ присутствіи происходили до самаго дня коронаціи. Такъ, 2-го Августа производилось ученіе всей кавалеріи московскаго отряда,

4-го Августа — ученіе своднаго гвардейскаго отряда, 9-го Августа — смотръ гренадерскому корпусу съ 13-ю и 14-ю артиллерійскими бригадами; 10-го Августа — вторичное ученіе всей кавалеріи, 15-го Августа — разводъ съ церемоніей и 17-го и 18-го — маневры войскъ своднаго гвардейскаго и гренадерскаго корпуса по Волоколамской дорогѣ между Тушинымъ и Москвою. Маневры эти производились согласно собственноручно начертанныхъ Государемъ предположеній, причемъ всѣ находящіяся въ Москвѣ войска были раздѣлены на два корпуса — Московскій и Днѣпровскій, подъ командой генераль-лейтенанта князя Шаховскаго и генераль-адъютанта барона Розена.

Съ 19-го Августа и въ продолженіе слѣдующихъ двухъ дней производилось въ Москвѣ всенародное торжественное объявленіе о

коронаціи при посредствѣ особой избранной комиссіи ¹⁾, сопровождаемой двумя эскадронами Конной Гвардіи ²⁾.

Торжество священнаго коронованія Императора Николая не обошлось безъ участія въ немъ его старшаго Августѣйшаго брата.

Цесаревичъ Константинъ Павловичъ съ удивительной настойчивостью отклонялъ всѣ, даже малѣйшіе, намеки Императора Николая на желательное появленіе его въ Петербургѣ, и неожиданный пріѣздъ Цесаревича въ Москву на коронаціонныя торжества явился результатомъ убѣжденій княгини Ловичъ, имѣвшей громадное вліяніе на своего Августѣйшаго супруга.

Н. К. Шильдеръ рассказываетъ ³⁾, будто прибывшій зимою 1826 г. въ Петербургъ министръ финансовъ Царства Польскаго, князь Любецкій, осмѣлился замѣтить Императору: „Государь! нужно, чтобы Цесаревичъ прибылъ на коронацію въ Москву; нужно, чтобы тотъ, который уступилъ Вамъ корону, явился возложить ее на Васъ предъ лицомъ Россіи и Европы“. Государь указалъ на невыполнимость этого желанія и посовѣтовалъ Любецкому, по возвращеніи въ Варшаву, поцѣловать княгинѣ Ловичъ ручки отъ его имени. Любецкій понялъ намекъ и обратился по этому дѣлу къ княгинѣ Ловичъ, которая и убѣдила Великаго Князя въ необходимости обрадовать Государя и успокоить Россію.

Императоръ Николай Павловичъ потерялъ всякую надежду видѣть у себя своего старшаго брата, а потому пріѣздъ Цесаревича въ Москву былъ для него настоящимъ сюрпризомъ. Очевидцы рассказываютъ, что 14-го Августа, въ одиннадцать часовъ утра, когда Государь находился въ своемъ кабинетѣ, дежурный флигель-адъютантъ доложилъ о прибытіи Великаго Князя, безъ указанія титула и имени. Государь, полагая, что рѣчь идетъ о Михаилѣ Павловичѣ, приказалъ просить Его Высочество подождать и сталъ торопиться доканчивать свой туалетъ, но когда тотъ же флигель-адъютантъ, не выходя изъ кабинета, прибавилъ: „Цесаревичъ“, Императоръ бросился навстрѣчу старшему брату, не позволившему себѣ войти безъ доклада, обнялъ

¹⁾ Комиссія эта состояла изъ одного военнаго генерала, двухъ оберъ-церемоніймейстеровъ и двухъ сенатскихъ секретарей.

²⁾ Изъ воспоминаній бывшаго гвардейскаго сапера. «Русскій Вѣстникъ» 1866—1867 г.г.

³⁾ «Императоръ Николай I, его жизнь и царствованіе». Т. II стр. 2 и слѣд.

его и со слезами радости на глазах выразилъ передъ нимъ самыя искреннія чувства уваженія, любви и благодарности ¹⁾.

— „Простите меня, Ваше Величество, что я такъ запоздалъ“, началъ было Цесаревичъ.

Съ лубочной литографіи.
Рис. И. Логиновъ.

Изъ собранія
П. Дашкова.

— „Ты здѣсь, и мнѣ ничего больше не нужно!“ воскликнулъ Государь, и тотчасъ же Августѣйшіе братья поѣхали къ Императрицѣ-матери, которая, обнимая сына, между прочимъ, сказала: „Константинъ, ты пожертвовалъ собою отечеству, отказавшись отъ престола; теперь, пріѣхавъ на коронаваніе своего брата, ты приносишь жертву своимъ роднымъ“ ²⁾.

¹⁾ Воспоминанія сенатора Данилова «Русск. Стар.» 1870 г. № 1 стр. 280 и «Черты пзъ жизни и царствованія Императора Николая I» Поля Лакруа — «Военный Сборникъ» 1867 г. № 1, стр. 139.

²⁾ Ibid. № 1, стр. 139.

До наступленія дня священнаго коронованія Цесаревичъ Константинъ постоянно сопутствовалъ своему Державному брату и показывался вмѣстѣ съ нимъ на разводахъ и парадахъ. 15-го Августа Государь вышелъ на разводъ изъ Кремлевскаго дворца, имѣя по правую руку Цесаревича Константина, а по лѣвую—Великаго Князя Михаила Павловича. При видѣ такого шествія толпа пришла въ неописанный восторгъ, и имена Николая и Константина слились въ одинъ общій, громадный гулъ. По знаку, данному тогда Императоромъ, войско крикнуло: „Ура! Константинъ Павловичъ!“ Смутившись сначала отъ такой неожиданной встрѣчи и затѣмъ оправившись, Цесаревичъ въ отвѣтъ на это радостное привѣтствіе воскликнулъ: „Да здравствуетъ Императоръ Николай!“ Воскличаніе это было подхвачено густыми толпами народа, и начавшійся разводъ и командныя слова, обращенныя Государемъ Императоромъ къ войскамъ, положили конецъ проявленіямъ народнаго энтузіазма.

22-го Августа состоялась наконецъ коронація Императора Николая Павловича. Съ самага ранняго утра всѣ мѣста, отведенныя въ Кремлѣ для зрителей, были заняты, такъ что для большинства любопытныхъ доступъ въ Кремль былъ прекращенъ, и всей этой массѣ народа пришлось остаться за кремлевскими воротами.

Обрядъ вѣнчанія совершали митрополиты Новгородскій—Серафимъ, Кіевскій—Евгеній и Московскій—Филаретъ.

Передъ самымъ входомъ въ Успенскій соборъ для священнаго коронованія и муропомазанія митрополитъ Филаретъ, обратясь къ Его Величеству, сказалъ слѣдующую трогательную рѣчь, посвященную, главнымъ образомъ, тяжелымъ событіямъ въ день вступленія на престолъ молодого Монарха ¹⁾:

„Благочестивѣйшій Государь! Наконецъ ожиданіе Россіи совершится. Уже Ты предъ вратами Святилища, въ которомъ отъ вѣковъ хранится для Тебя Твое наследственное освященіе.

„Нетерпѣливость вѣрноподданическихъ желаній дерзнула бы вопрошать: почто Ты умедлил? если бы не знали мы, что какъ настоящее торжественное происшествіе Твое намъ радость, такъ и пред-

¹⁾ «Чинъ дѣйствія, какимъ образомъ совершилось Священнѣйшее Коронованіе Его Императорскаго Величества Государя Императора Николая Павловича, Самодержца Всероссийскаго, по Церковному чиноположенію». Москва. Изд. Синод. типогр. 1826 года. Приложение въ концѣ этой книжки, стр. 3 и 4.

шествовавшее умедленіе Твое было намъ благодѣяніе. Не спѣшилъ Ты явить намъ Твою славу: потому что спѣшилъ утвердить нашу безопасность. Ты грядешь наконецъ, яко Царь, не только наследственнаго Тобою, но и Тобою сохраненнаго царства.

Великій Князь КОНСТАНТИНЪ ПАВЛОВИЧЪ поздравляетъ Императора НИКОЛАЯ I съ коронованіемъ на царство.

„Не возмущаютъ ли при семъ Духа Твоего прискорбныя напоминанія?—Да не будетъ! И кроткій Давидъ имѣлъ Иоава и Семея (3. Царст. 11. 5—8); не дивно, что имѣлъ ихъ и Александръ Благословенный. Въ царствованіе Давида прозябли сіи плевелы; а преемнику его досталось очищать отъ нихъ землю Израилеву: чтожь, если и Преемнику Александра палъ сей жребій Соломона?—Трудное начало царствованія тѣмъ скорѣе показываетъ народу, что даровалъ ему Богъ въ Соломонѣ.

„Ничто, ничто да не препятствуетъ священной радости Твоей и нашей! Царь возвеселится о Господѣ. Сынове Сіони возрадуются о Царѣ своемъ. Да начнетъ все множество хвалити Бога: благословенъ грядый Царь во имя Господне! Всеобщая радость, воспламеня сердца, да устроитъ изъ нихъ одно кадило предъ Богомъ, чтобы совознести ѳиміамъ Твоего сердца, да снидетъ благодатное осѣненіе Царя царствующихъ на Тебя и Твое царство.

Коронованіе Императора НИКОЛАЯ I
въ Успенскомъ соборѣ. Литографія Куртена.
Рисоваль В. Аламъ.

„Вниди, Богоизбранный и Богомъ унаслѣдованный Государь Императоръ! знаменіями Величества облеку свойства истиннаго Величества. Помазаніе отъ Святаго да запечатлѣетъ все сіе освященіемъ внутреннимъ и очевиднымъ, долгоденственнымъ и вѣчнымъ“.

О событіяхъ, непосредственно слѣдующихъ за обрядомъ коронованія и о появленіи Императора народу Лакруа рассказываетъ, что, когда вѣнчанный помазанникъ вышелъ изъ Успенскаго собора въ порфирѣ, коронѣ, съ державою и скипетромъ, имѣя по правую руку Цесаревича Константина, по лѣвую Великаго Князя Михаила,

воздухъ застоналъ отъ взрыва восторженныхъ криковъ. Цесаревичъ, показывая на чистое голубое небо, сказалъ своему вѣнчанному брату:

— „Какой чудный день, дорогой братъ! Ни одного облачка!“.

— „Чего же мнѣ бояться!—отвѣчалъ Императоръ на намекъ Константина Павловича,—гроза разсѣялась, и притомъ у меня былъ громоотводъ!“¹⁾.

Изъ различныхъ дарованныхъ въ этотъ высокаторжественный день Монаршихъ милостей слѣдуетъ упомянуть о двухъ именныхъ указахъ, смягчающихъ наказанія государственными преступникамъ, осужденнымъ въ каторжныя работы, въ ссылку на поселеніе, а также въ крѣпостныя работы и дальніе гарнизоны.

День коронаціи Императора Николая ознаменовался учрежденіемъ Министерства Императорскаго Двора²⁾, во главѣ котораго впервые былъ поставленъ генераль-адъютантъ князь П. М. Волконскій, и опубликованіемъ манифеста объ опредѣленіи, въ случаѣ кончины Императора, правителемъ государства Великаго Князя Михаила Павловича, до наступленія совершеннолѣтія законнаго наслѣдника.

Изъ многочисленныхъ наградъ и производствъ по военному вѣдомству на первое мѣсто выступала награда, дарованная главнокомандующимъ первою и второю арміями генераль-адъютантамъ графамъ Остенъ-Сакену и Витгенштейну. Оба заслуженные генерала были произведены въ генераль-фельдмаршалы. Генераль-адъютанты, генераль-лейтенанты баронъ Дибичъ, Князь Шаховской, Депрерадовичъ, Голенищевъ-Кутузовъ, князь Трубецкой, графъ Орловъ-Денисовъ, Толь и Жomini были произведены въ слѣдующіе чины. Графское достоинство получили: военный министръ Татищевъ, начальникъ штаба Цесаревича—Курута и генераль-адъютанты—Чернышевъ, Строгановъ и Поццо-ди-Борго. Генераль-адъютанты же графъ Нессельроде и князь Волконскій были удостоены особыхъ Монаршихъ милостей: первому былъ Высочайше пожалованъ въ Тамбовской губерніи участокъ земли въ 4.702 десятины, а второму—ежегодный пенсіонъ въ 50.000 рублей изъ суммъ Департамента Удѣловъ. Начальникъ же штаба отдѣльнаго корпуса военныхъ поселеній генераль-маіоръ Клейнмихель и командиръ Л.-Гв. Сапернаго баталіона генераль-маіоръ Ге-

¹⁾ «Военный Сборникъ» 1868 г., № 1, стр. 141.

²⁾ Полн. Собр. Зак., т. XXXIX, № 15874.

БАЛЪ ВЪ ЗИМНЕМЪ ДВОРЦѢ.

Императоръ Николай Павловичъ и генераль-алютантъ: малюво-графъ А. Х. Бенкендорфъ и напravo—князь А. Ф. Орловъ.

руа, удостоились генераль-адъютантскаго званія. Кромѣ всего этого, 50 генераль-маіоровъ произведены были въ генераль-лейтенанты; 23 полковника—въ генераль-маіоры, и всѣ унтеръ-офицеры и рядовые, прослу-

Генераль-фельдмаршалъ
Свѣтлѣйшій князь Петръ Михайловичъ
ВОЛКОНСКІЙ.

Съ литографіи
Гл. Упр. П. С.

Изъ собр. портр.
Имп. Гл. Кв.

жившіе безпорочно въ гвардіи 20 лѣтъ, а въ арміи 22 года, были уволены въ отставку.

На другой день послѣ коронаціи, 23-го Августа, Цесаревичъ, посѣтивъ бывшій на Кремлевской площади парадъ войскамъ, уѣхалъ въ Варшаву.

Не останавливаясь на парадахъ, смотрахъ, маневрахъ, празднествахъ, различныхъ иллюминаціяхъ и балахъ, посвященныхъ высокопоздравительному акту—священному коронованію Его Величества, перейдемъ, главнымъ образомъ, къ изложенію тѣхъ событій въ царствованіе Императора Николая Павловича, въ которыхъ болѣе всего сказывалась дѣятельность чиновъ Свиты,—къ походамъ и путешествіямъ Его Величества.

Кромѣ сопутствованія Императору въ походахъ и путешествіяхъ на ближайшихъ Государевыхъ слугъ возлагались также весьма отвѣтственные обязанности въ бывшихъ въ эпоху Николая I кампаніяхъ, въ которыхъ Государь непосредственнаго, личнаго, участія не принималъ. Таковы были: война съ Персіей, польское возстаніе, военныя дѣйствія на Кавказѣ, венгерская кампанія и знаменитая оборона Севастополя. Такимъ образомъ справедливость требуетъ въ дальнѣйшемъ изложеніи воснудиться и этихъ войнъ хотя бы постольку, поскольку онѣ имѣютъ отношеніе къ характеристикѣ дѣятельности чиновъ Государевой Свиты. Въ турецкой же кампаніи 1828—1829 г.г. дѣятельность чиновъ Свиты выразилась особенно рельефно, такъ какъ, принимая участіе въ войнѣ, они вмѣстѣ съ тѣмъ сопутствовали Государю въ его путешествіи и представляли въ это время въ полномъ смыслѣ слова его „ближнихъ слугъ“. Вотъ почему въ дальнѣйшемъ изложеніи позволимъ себѣ нѣсколько подробнѣе остановиться на описаніи этой войны, давшей возможность лицамъ Свиты блестящимъ образомъ проявить свою дѣятельность какъ въ дѣлахъ съ непріателемъ, такъ равно въ охранѣ при сопровожденіи Священной Особы Государя Императора.

Война съ Персіей 1826-1828 г.г. Передъ отъѣздомъ въ Москву на коронацію Императоръ Николай Павловичъ былъ встревоженъ извѣстіемъ о враждебномъ настроеніи Персіи, которая, узнавъ о кончинѣ Императора Александра I и о событіяхъ, сопровождавшихъ вступленіе на престолъ его Августѣйшаго преемника, предположила, что Россія находится въ состояніи анархіи и на этомъ основаніи рѣшила отомстить Россіи за всѣ прежнія пораженія и отнять области, уступленныя по Гюлистанскому трактату (1813 г.).

Императоръ Николай не замедлилъ отправить въ 1826 г. князя Меншикова для объявленія Тегеранскому Двору о своемъ благопо-

лучномъ вступленіи на престолъ, съ порученіемъ вмѣстѣ съ тѣмъ прекратить пограничныя споры, требуя точнаго исполненія Гюлистанскаго договора ¹⁾).

Русскій посоль, встрѣченный въ Тавризѣ наслѣдникомъ персидскаго престола Аббасъ-Мирзою съ величайшими почестями, отправился для исполненія Высочайшаго порученія къ шаху въ Султанію. Но въ то же время Персія двинула свои войска къ русскимъ границамъ, гдѣ отряды наши, изумленные столь внезапнымъ натискомъ, должны были отступить. Князь же Меншиковъ былъ заключенъ подъ стражу; однако, по рѣшительнымъ требованіямъ англійскаго повѣреннаго въ дѣлахъ, Меншиковъ былъ освобожденъ и немедленно выѣхалъ обратно въ Тифлисъ. По дорогѣ онъ снова былъ задержанъ персами, съ цѣлью не дать возможности предупредить бывшаго тогда главнокомандующаго на Кавказѣ, генерала Ермолова, объ этомъ внезапномъ нападеніи.

Въ то время Ермоловъ не пользовался расположеніемъ Государя, и въ Петербургѣ вообще не были имъ довольны. „Въ военномъ кругу“, по словамъ Е. П. Ковалевскаго ²⁾), „говорили, что онъ, Ермоловъ, распустилъ войска, что въ нихъ нѣтъ порядка, знанія службы, выправки, нѣтъ даже дисциплины, что и одѣты они не по формѣ и съ виду не походятъ на солдатъ. Въ министерствѣ Иностранныхъ дѣлъ упрекали его въ крайне жестокихъ мѣрахъ съ персіянами, а равно и съ владѣтелями покоренныхъ народовъ. Приписывали ему планы,

Генераль-адъютантъ
князь Александръ Сергѣевичъ
МЕНШИКОВЪ.
Съ портрета Г. Доу. Собств. князя Н. П. Гагарина.

¹⁾ Р. Зотовъ. «Тридцатилѣтіе Европы въ царствованіе Императора Николая I», ч. I, стр. 40. СПб. 1857 г.

²⁾ «Вѣстникъ Европы» 1868 г., № II, стр. 155. «Восточныя дѣла въ двадцатыхъ годахъ».

которыхъ онъ никогда не имѣлъ. Наконецъ, упрекали его въ томъ, что онъ не принялъ никакихъ мѣръ на границахъ, не успѣлъ соединить разбросанныхъ постовъ, не усилилъ гарнизонъ въ пограничныхъ крѣпостяхъ“.

Генераль-адъютантъ
Иванъ Федоровичъ
ПАСКЕВИЧЪ.

Съ портр. Доу,
грав. Ивановъ.

Изъ собр. портр.
Имп. Гл. Кв.

Не останавливаясь на тѣхъ причинахъ, которыя побудили Императора Николая не довѣрять Ермолову, замѣтимъ, что Государь, въ виду обострившейся политики съ Персией, рѣшилъ послать на Кавказъ такое лицо, на которое онъ могъ бы вполне положиться. Выборъ палъ на генераль-адъютанта Паскевича, который и поѣхалъ туда исполнять обязанности командующаго дѣйствующими войсками. Такъ какъ при назначеніи на Кавказъ Паскевича Ермоловъ отозванъ не былъ, а продолжалъ оставаться главнокомандующимъ, то естественно, что у вновь прибыв-

шаго генераль-адъютанта оказалась ограничена свобода дѣйствій въ дѣлѣ предстоящей войны съ Персией. Понятно, что ни Ермоловъ ни Паскевичъ не могли чувствовать себя вполне самостоятельными, — произошли между ними недоразумѣнія. Чтобы положить конецъ такому ненормальному положенію вещей, Императоръ Николай Павловичъ послалъ на Кавказъ генераль-адъютанта Дибича съ тѣмъ, чтобы тотъ на мѣстѣ прослѣдилъ за дѣятельностью генерала Ермолова и обо всемъ давалъ бы знать въ Петербургъ.

По словамъ графа В. Ф. Адлерберга „Дибичъ Ермолова не любилъ, но еще болѣе не любилъ Паскевича, котораго побаивался, зная къ нему дружбу Государя“¹⁾. Поэтому Дибичъ въ своихъ донесеніяхъ

¹⁾ Н. К. Шильдеръ. «Императоръ Николай I, его жизнь и царствованіе». т. II, прилож. № 85, стр. 415.

постоянно дѣлалъ представленія, клонившіяся къ оправданію дѣятельности Ермолова, но такъ какъ Императоръ Николай Павловичъ имѣлъ основанія не довѣрять ни Ермолову ни донесеніямъ Дибича, то и рѣшилъ замѣнить Ермолова Паскевичемъ, назначивъ при этомъ на должность военнаго губернатора въ Тифлисѣ генераль-адъютанта Сипягина ¹⁾.

Освободившись такимъ образомъ отъ постороннихъ вмѣшательства и опеки и получивъ поэтому возможность дѣйствовать вполне самостоятельно, Паскевичъ повелъ дѣло борьбы съ персами такимъ образомъ, что вполне заслужилъ названіе Эриванскаго и графское достоинство.

Въ виду того, что главными дѣйствующими лицами въ войнѣ съ Персіей были лица Государевой Свиты, позволяемъ себѣ вкратцѣ изложить весь ходъ кампаніи 1826—1827 годовъ.

Вслѣдствіе того, что князь Меншиковъ былъ на 25 дней задержанъ въ Персіи, и поэтому Ермоловъ былъ лишенъ возможности получить какія-либо свѣдѣнія о движеніи непріятельскихъ войскъ, а также благодаря той стремительности, съ какою бросился врагъ въ предѣлы Россіи, персидская армія, въ количествѣ 30—40.000 человекъ, подъ начальствомъ Аббасъ-Мирзы, перешла нашу границу и часть ея достигла Елисаветполя, а главныя силы остановились у крѣпости Шуши, занятой всего лишь шестью ротами 42-го егерскаго полка ²⁾. Геройская защита Шуши задержала болѣе чѣмъ на полтора мѣсяца Аббасъ-Мирзу подъ стѣнами этой незначительной, почти игрушечной, въ сравненіи съ персидскими полчищами, крѣпости и дала возможность русской арміи собраться на угрожаемые пункты. Пораженіе же,

Генераль-адъютантъ
Николай Мартемьяновичъ
СИПЯГИНЪ.

По рис. Клюквина,
съ лит. Песоцкаго.

Изъ собр. портр.
Имп. Гл. Кв.

¹⁾ Письмо Императора Николая Павловича къ барону Дибичу. Воен.-Учен. Арх., Отд. I, № 973.

²⁾ Р. Зотовъ. «Тридцатилѣтіе Европы въ царствованіе Императора Николая I», ч. I, стр. 41, СПб. 1857 г.

нанесенное 2-го Сентября 1826 года персамъ княземъ Мадатовымъ у рѣки Шамхоры и занятіе имъ безъ боя Елисаветполя, заставило Аббасъ-Мирзу снять осаду Шуши и слѣшнить на помощь къ побѣжденнымъ. Подъ Елисаветполемъ 13-го Сентября персидскій наслѣдникъ встрѣтился впервые съ генераль-адъютантомъ Паскевичемъ и, несмотря на численное превосходство силъ, былъ разбитъ наголову, потерявъ 1.109 человекъ плѣнными и до 2.000 убитыми. Побѣжденные такимъ образомъ были принуждены отступить за пограничную рѣку Араксъ, перенеся театръ войны на персидскую территорію.

Извѣстіе объ этой побѣдѣ Императоръ Николай получилъ при проѣздѣ чрезъ Тверскую губернію въ то время, когда онъ ѣхалъ изъ Москвы послѣ коронаціонныхъ торжествъ.

Несмотря на эту неудачу персы все еще не склонялись на миръ, и поэтому Государь приказалъ Паскевичу начать наступательныя дѣйствія за Араксъ.

Въ это время въ Петербургѣ, въ „Journal de St. Pétersbourg“, вспоминаетъ Поль Лавруа ¹⁾, были напечатаны донесенія князя Меншикова, въ которыхъ объяснялись недобросовѣстныя дѣйствія шахскаго правительства относительно нашего полномочнаго посла, посягнувшаго на его свободу. „Оскорбленіе, нанесенное Россіи въ лицѣ ея посла, будетъ отмщено оружіемъ“, говорила оффиціальная нота, приложенная къ донесеніямъ самоотверженнаго и мужественнаго генераль-адъютанта Меншикова.

Генераль-адъютантъ Паскевичъ смѣло и весьма рѣшительно принялся за исполненіе этой царской воли, и въ Мартѣ 1827 года началась наступательная кампанія. Генераль-адъютантъ К. Х. Бенкендорфъ, командуя авангардомъ, занялъ Эчміадзинскій монастырь и у Англелу разбилъ наголову подошедшаго непріятели. Отсюда Бенкендорфъ, направляясь къ Эривани, по дорогѣ одержалъ побѣду надъ курдами, предводительствуемыми Гассанъ-Ханомъ, и 23-го Апрѣля обложилъ Эривань. Въ то время, когда генераль-адъютантъ Бенкендорфъ производилъ весьма удачно только-что описанныя военныя операціи, главнокомандующій, генераль-адъютантъ Паскевичъ, двинулся къ Нахичевани и, занявъ ее, совершилъ въ 6 дней знаменитый переходъ при 43° жарѣ по совершенно безлюдной мѣстности,

¹⁾ «Военный Сборникъ» 1868 г., № 1, стр. 146.

страдающей полнымъ отсутствіемъ дорогъ, къ крѣпости Аббасъ-Абаду, которую и осадилъ.

Аббасъ-Мирза съ сорокатысячнымъ войскомъ отправился на выручку крѣпости. Генераль-адъютантъ Паскевичъ, оставя часть войскъ подъ Аббасъ-Абадомъ, со всею кавалеріей, 8-ю батальонами пѣхоты и частью артиллеріи двинулся навстрѣчу врагу; несмотря на начатый персами обходъ, самъ повелъ атаку на правый флангъ непріятеля, угрожая вмѣстѣ съ тѣмъ и лѣвому ¹⁾. Столь рѣшительный маневръ заставилъ персовъ разсѣяться по горамъ, а на осажденных такъ подѣйствовало угнетающе, что крѣпость Аббасъ-Абадъ сдалась безъ особеннаго сопротивленія.

Опрокинутый Паскевичемъ Аббасъ-Мирза устремился на Эчміадзинъ, на выручку котораго подоспѣлъ генераль Красовскій (впоследствии генераль-адъютантъ), заставившій и здѣсь персовъ отступить. Вскорѣ послѣ этого дѣла въ Эчміадзинъ прибылъ изъ Аббасъ-Абада главнокомандующій съ цѣлью овладѣть крѣпостью Сардаръ-Абадъ, а также обезпечить взятіе Эривани, оплотъ персидскаго владычества по сую сторону Аракса, ко-

торая и пала 1-го Октября со взятіемъ 4 знаменъ, 49 орудій и 4000 человекъ ²⁾. Въ это время генераль-лейтенантъ князь Эристовъ 13-го Октября занялъ Тавризу, въ которую 19-го вступилъ и самъ Паскевичъ съ главными силами.

Персы, видя, что имъ не одолѣть Паскевича, начали съ нимъ переговоры о мирѣ, но, оттянувъ время, чтобы оправиться отъ понесенныхъ поражений, вдругъ заявили, что не утвердятъ никакихъ мирныхъ договоровъ, пока русскіе не отступятъ за Араксъ.

Паскевичъ моментально пре-

Генераль-адъютантъ
графъ ПАВЕЛЬ ПЕТРОВИЧЪ
СУХТЕЛЕНЪ.

Съ литографіи.

Изъ собр. портр.
Имп. Гл. Кв.

¹⁾ «Достопамятныя черты изъ жизни князя Варшавскаго, графа Паскевича-Эриванскаго» стр. 248.

²⁾ Лееръ. Энцикл. воен. и морск. наукъ, т. VIII, стр. 427.

кратилъ всякіе переговоры, и генераль Панкратьевъ 15-го Января 1828 года занялъ городъ Урмію, а генераль-адъютантъ Сухтеленъ—крѣпость Ардебиль.

Эта стремительность заставила персовъ подписать 10-го Февраля 1828 года Туркманчайскій трактатъ, по которому, какъ извѣстно, Россія пріобрѣла значительныя торговыя выгоды, ханства Эриванское и Нахичеванское и 20 милліоновъ рублей контрибуціи.

За столь блестящее исполненіе возложенной на генераль-адъютанта Паскевича задачи Императоръ Николай Павловичъ весьма щедро наградилъ бывшаго когда-то своего командира, пожаловавъ ему ордена Св. Георгія 2-й ст. и Св. Владимира 1-й ст. ¹⁾, а также и милліонъ рублей изъ персидской контрибуціи. Кромѣ всего этого, указомъ Правительствующему Сенату, 15-го Марта 1828 года даннымъ, Паскевичу жаловалось графское достоинство съ повелѣніемъ ему впредь именоваться графомъ Паскевичемъ-Эриванскимъ.

Въ этой короткой, но побѣдоносной войнѣ, участвовало около 25-ти человекъ, бывшихъ въ разное время въ Свитѣ Государя; особенно же отличились личной храбростью К. Х. Бенкендорфъ, А. Л. Дадіановъ, А. П. Козловъ, графъ О. М. Ламсдорфъ, графъ А. К. Опперманъ, баронъ Д. Е. Остенъ-Сакенъ, баронъ П. Я. Ренненкампфъ и баронъ А. А. Фридериксъ, которые и получили золотое оружіе.

Турецкая кампанія
1828 - 1829 г.г.
Пребываніе Им-
ператора Николая
Павловича въ дѣй-
ствующей арміи.

Въ то время, когда графъ Паскевичъ-Эриванскій пожиналъ лавры въ Персіи, на Востокѣ произошли такія событія, которыя, несмотря на заключенную генераль-адъютантомъ графомъ Воронцовымъ и тайнымъ совѣтникомъ Рибопьеромъ Аккерманскую конвенцію, привели къ разрыву дипломатическихъ сношеній между Россіей и Оттоманскою Портой.

Хотя восьмидесятитысячная русская армія, собранная тогда на берегахъ Прута, была готова со дня на день вступить въ Молдавію, однако Императоръ Николай даже и не думалъ начинать какихъ-либо военныхъ дѣйствій безъ достаточнаго на то основанія. Россія получила отъ Турціи въ Аккерманѣ обѣщаніе о точномъ исполненіи всѣхъ статей и условій Бухарестскаго трактата, и петербургскому кабинету пришлось только ожидать исполненія турецкихъ обѣщаній. Находяще-

¹⁾ Н. К. Шляхтеръ. «Императоръ Николай Первый, его жизнь и царствованіе» т. II, стр. 86.

ніе же на берегахъ Прута русской арміи объяснялось тѣмъ, что въ политическихъ кругахъ тогда существовало убѣжденіе въ неминучести скорого распаденія Турціи ¹⁾.

Между тѣмъ Оттоманская Порта, желая устранить предлогъ къ вступленію русскихъ войскъ въ Дунайскія княжества и чтобы выиграть время, подписала Аккерманскую конвенцію ²⁾.

Съ другой стороны лордъ Веллингтонъ, пріѣхавшій отъ Лондонскаго Двора съ поздравленіями по случаю вступленія Николая Павло-

АККЕРМАНСКАЯ КОНФЕРЕНЦІЯ

25 Сентября 1826 года.

1. кн. М. Воронцовъ, 2. Хади-Ефенди, 3. А. Фонтонъ, 4. кн. Рибопьеръ, 5. Ибрагимъ-Ефенди.

вича на престолъ, исполняя данное порученіе, старался склонить юнаго Монарха оказать содѣйствіе грекамъ, возставшимъ за независимость противъ турокъ. Неравная эта борьба была вызвана самими турками; ихъ жестокимъ и варварскимъ отношеніемъ къ христіанскому населенію; но Императоръ Николай, видя въ этомъ возстаніи революціонныя начала, волновавшія тогда всю Европу ³⁾, сначала не согла-

¹⁾ «Военный Сборникъ» 1868 г., № 1, стр. 147.

²⁾ Ibid. № 1, стр. 147.

³⁾ Р. Зотовъ. «Тридцатилѣтіе Европы въ царствованіе Императора Николая I», ч. I, стр. 53. СПб. 1857 г.

шался на предложенія Англіи, но затѣмъ, сострадая къ участи несчастныхъ единовѣрцевъ, борющихся уже болѣе шести лѣтъ со всѣми силами Порты, рѣшилъ заключить съ Франціей и Великобританіей коалицію, чтобы общими силами, путемъ дипломатическимъ, склонить турецкаго султана къ прекращенію рѣзни въ Греціи. Съ этою цѣлью, въ видахъ политической демонстраціи, появился въ водахъ Архипелага, у Наварина, соединенный коалиціонный флотъ трехъ державъ, гдѣ расположилась и громадная турецкая эскадра. Командующій соединенными морскими силами вице-адмиралъ лордъ Кодрингтонъ увѣдомил турокъ о цѣли посѣщенія европейскими эскадрами Наваринской бухты и взялъ съ главнокомандующаго турецкими войсками, Ибрагима-паши, слово пріостановить военныя дѣйствія въ Греціи до тѣхъ поръ, пока соединенныя эскадры не получаютъ инструкцій для дальнѣйшаго образа дѣйствій.

Несмотря на данное турками слово, 8-го Октября 1827 года часть турецкаго флота пыталась выйти изъ Наваринской бухты съ цѣлью доставить на территорію необходимыя войска. Адмиралъ Кодрингтонъ послалъ тогда парламентаря напомнить туркамъ о данномъ ими обѣщаніи и, когда парламентарь былъ предательски убитъ и послышалась непріятельская канонада, приказалъ открыть огонь по турецкимъ судамъ. Послѣ четырехчасоваго боя турецко-египетскій флотъ, состоявшій изъ 122-хъ судовъ, былъ цѣликомъ сожженъ и потопленъ 26-ю европейскими кораблями ¹⁾. Такимъ образомъ турецкіе военначальники сами на свою голову вызвали наваринское пораженіе ²⁾, а султанъ вмѣсто того, чтобы приступить къ исполненію обязательствъ, данныхъ Россіи на Аккерманской конференціи, 8/20 Декабря 1827 г. издалъ знаменитый Гатти-Шерифъ, въ которомъ, между прочимъ, говорилось: „Россія, въ безумномъ своемъ замыслѣ противъ блистательной Порты, подвигла на бунтъ грековъ, искони единовѣрцевъ ея“. „Черезъ происки ея, Франція и Англія вступили съ нею въ согласіе и требовали отъ блистательной Порты даровать независимость грекамъ“ ³⁾. Обвинивъ такимъ образомъ Россію въ томъ, что она явилась винов-

¹⁾ Р. Зотовъ. «Тридцатилѣтіе Европы въ царствованіе Императора Николая I», ч. I, стр. 55. СПб. 1857 г.

²⁾ Силы Россіи въ этомъ сраженіи состояли изъ 4 линейныхъ кораблей, 4 фрегатовъ и 2 бриговъ (всего 490 орудій), находившихся подъ начальствомъ контръ-адмирала графа Логина Петровича Гейдена.

³⁾ Епанчинъ. «Очеркъ похода 1829 г. въ Европейской Турціи», ч. I, прилож. № 3.

ницей турецкихъ несчастій, султанъ въ той же деклараціи заявляетъ: „Мы старались выиграть время переговорами, чтобы успѣть сдѣлать надлежащія военныя приготовленія. Даже въ прошломъ году

Николай I,
Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій.

Съ рѣдкой гравюры Курятникова 1826 г. ¹⁾.

Изъ собр. Ф. Г. Козлянинова.

нелѣпныя предложенія Россіи въ Аккерманѣ не могли быть приняты, но мы согласились на нихъ въ ожиданіи благопріятнаго случая“ ²⁾.

¹⁾ На гравюрѣ до 1826 года изображенъ Императоръ Александръ I, а затѣмъ, въ позднѣйшихъ оттискахъ, были измѣнены только лицо и подпись Императора.

²⁾ Лукьяновичъ. «Описаніе Турецкой войны 1828—1829 годовъ». Томъ II, Приложение.

Понявъ коварную политику Оттоманской Порты, Императоръ Николай обратился къ британскому кабинету съ вопросомъ, не потеряла ли изъ виду Англія того обязательства, которое было дано тремя державами по инициативѣ англійскаго правительства при посредствѣ лорда Веллингтона и которое заставляло коалицію принять участіе въ судьбѣ опустошенной и разоренной Греціи ¹⁾.

Родіонъ Егоровичъ
ГРИНВАЛЬДЪ.

Съ литогр. Буже.

Изъ собр. портр.
Имп. Гл. Кв.

Когда же послѣдовалъ утвердительный отвѣтъ, то оскорбленный Монархъ, въ отвѣтъ на султанскій Гатти-Шерифъ, 14-го Апрѣля 1828 г. обнародовалъ манифестъ съ повелѣніемъ русскимъ войскамъ двинуться на врага, „поправшаго святость мирныхъ союзовъ и общенародныхъ правъ ²⁾“.

Для военныхъ дѣйствій въ Европейской Турціи предназначалась вторая армія подъ начальствомъ фельдмаршала графа Витгенштейна, состоявшая изъ 3-го, 6-го, 7-го пѣхотныхъ и 4-го резервнаго кавалерійскаго корпусовъ, а также 2-й и 3-й св.-піонерныхъ бригадъ, руководимыхъ генераломъ-отъ-инфантеріи Рудзевичемъ, генераль-лейтенантомъ Ротомъ ³⁾ и генераль-адъютантами Воиновымъ и Бороздинымъ. Если къ этому перечисленію присоединить то обстоятельство, что въ кампаніи 1828—1829 г.г. выдающуюся роль играли генераль-адъютанты: графъ Паскевичъ-Эриванскій, графъ Дибичъ, Киселевъ, Бенкендорфъ, Жюмини, баронъ Гейсмаръ и многіе др., то получимъ, что вся тяжесть высшаго

¹⁾ «Военный Сборникъ» 1868 г. № 1, стр. 149.

²⁾ Р. Зотовъ. «Тридцатилѣтіе Европы въ царствованіе Императора Николая I», ч. I, стр. 66. СПб. 1857 г.

³⁾ Состоялъ при Особѣ Его Величества съ 12 Декабря 1835 г.

командованія въ турецкой войнѣ, подобно предыдущей съ Персіей, почти всецѣло вынесена на плечахъ чиновъ Государевой Свиты. Поэтому-то описаніе войны съ Портою и пребыванія Императора въ дѣйствующей арміи непосредственно связано съ исторіей Государевой Свиты въ эпоху славнаго Николаевского царствованія.

По строевому рапорту 15-го Апрѣля 1828 года 2-я армія графа Витгенштейна могла выставить 115.563 человекъ при 396 орудіяхъ ¹⁾. Кромѣ этого, на театръ военныхъ дѣйствій съ 1-го Апрѣля стали отправляться на усиленіе дѣйствующей арміи полки 1-ой и 2-ой гвардейскихъ дивизій съ артиллеріей и съ частью легкой кавалеріи ²⁾, которые въ Августѣ и пополнили собою дѣйствующую армію ³⁾.

Рѣшившись на войну съ Оттоманской Портой, Императоръ Николай Павловичъ пожелалъ принять личное участіе въ предстоявшихъ на Дунаѣ военныхъ операціяхъ, и когда обѣ Императрицы узнали о намѣреніи царя раздѣлить боевые труды и опасности съ арміей, то всѣми силами старались отклонить Государя отъ этого желанія, говоря, что присутствіе его въ предѣлахъ Имперіи необходимѣе чѣмъ въ боевомъ станѣ, такъ какъ государство, послѣ печальнаго бунта декабристовъ, еще не вполне освободилось отъ броженія зловредныхъ идей. Воля Государя была непреклонна. Поль Лакруа ⁴⁾ говоритъ, будто Николай Павловичъ на эти увѣщеванія Императрицъ объявилъ имъ, что въ столь національной войнѣ, какъ предстоящая, присутствіе православнаго царя среди православной арміи необходимо, что онъ, какъ Монархъ, считаетъ своею обязанностью принять скромную долю участія въ трудахъ и опасностяхъ своихъ воиновъ, выразивъ при этомъ желаніе не встрѣчать въ семействѣ своемъ дальнѣйшаго противорѣчія принятому имъ рѣшенію ⁵⁾. Тогда Императрица-мать попыталась воспользоваться вліяніемъ, которое имѣлъ на ея Августѣйшаго

¹⁾ Епанчинъ. «Очеркъ похода 1829 г. въ Европейской Турціи», ч. I, стр. 358.

²⁾ Лейбъ-Гвардіи: Преображенскій, Семеновскій, Измайловскій, Егерскій, Московскій, Гренадерскій, Павловскій, Финляндскій, Казачій, Конно-егерскій, Гусарскій, Уланскій, Драгунскій полки. Саперный батальонъ. Конно-піонерный эскадронъ. Гвардейская—пѣшая и конная артиллерія. Епанчинъ. «Очеркъ похода 1829 г. въ Европейской Турціи», ч. I, стр. 300 и 301.

³⁾ «Отечественныя записки» 1864 г. Ноябрь, стр. 192. «Воспоминанія барона Бургоэна, французскаго посланника при С. П. Б. Дворѣ».

⁴⁾ «Военный Сборникъ» 1868 г. № 5, стр. 218.

⁵⁾ Ibid., стр. 219.

сына приѣхавшій въ 1827 году въ Петербургъ принцъ Оранскій; но и это не могло измѣнить намѣренія Императора ¹⁾. „Между тѣмъ“, говоритъ Лакруа ²⁾, „въ послѣдніе мѣсяцы 1827 г. здоровье Императрицы Маріи Ѳеодоровны, вступившей въ шестьдесятъ седьмой годъ жизни, стало ослабѣвать. Предчувствія, ее тяготившія, не остались безъ вліянія и на Императора: неопредѣленное опасеніе семейнаго несчастья преслѣдовало его даже при занятіяхъ государственными дѣлами. Въ свою очередь и Императрица Александра Ѳеодоровна, видя грусть Августѣйшаго супруга и не зная ея причины, тревожилась мыслью, что Императоръ имѣетъ серьезныя опасенія за свое собственное здоровье, и потому еще убѣдительно стала просить его не ѣздить въ Дунайскую армію“. Но и здѣсь просьбы любимой супруги не увѣичались успѣхомъ.

Для того, чтобы показать какъ относилось большинство Государевыхъ ближнихъ слугъ, т. е. чиновъ Свиты, къ этому непоколебимому рѣшенію Императора, приведемъ письмо генераль-адъютанта Храповицкаго ³⁾.

„Государь! Всемогуцій видитъ сердце мое, надѣюсь, что услышитъ молитвы наши и сохранитъ Васъ для блага Россіи. Но для сего необходимо содѣйствіе Ваше. Не только Россія, но почти весь міръ знаетъ неустрашимость и твердость Вашу; Россія спасена ими! За что-жь, подвергая Себя опасностямъ, страшитъ всѣхъ, искренно любящихъ оную, видѣть ее въ бѣдствіи? Такъ, Государь! Это будетъ неминуемое послѣдствіе потери Вашей, отъ чего избави насъ Всемогуцій Богъ. Ваше Императорское Величество неоднократно не только дозволяли, но даже требовали отъ меня говорить Вамъ истину съ откровенностью; пользуясь симъ, смѣю Васъ увѣрить, что это общій голосъ Вашихъ вѣрноподанныхъ, здѣсь находящихся, и никакому сомнѣнію не подвержено, что мнѣніе сіе раздѣляетъ и остальная часть Вамъ подвластныхъ“.

Но несмотря на все это Императоръ Николай Павловичъ безповоротно рѣшилъ отправиться въ дѣйствующую армію. Учредивъ для управленія Имперіей въ свое отсутствіе верховную комиссію изъ предсѣдателя Государственнаго Совѣта дѣйствительнаго тайнаго со-

¹⁾ «Военный Сборникъ» 1868 г. № 6, стр. 365.

²⁾ Ibid. № 5, стр. 219.

³⁾ Воен.-Учен. Арх., Отд. I, № 959.

вѣтника В. П. Кочубея, состоящаго при Особѣ Его Величества генерала-отъ-инфантеріи графа П. А. Толстого и дѣйствительнаго тайнаго совѣтника князя А. Н. Голицына, сдѣлавъ нѣкоторыя перемѣны въ личномъ составѣ министровъ ¹⁾ и объявивъ секретнымъ указомъ въ случаѣ

Государыня Императрица
АЛЕКСАНДРА ФЕОДОРОВНА.

Рѣдкая берлинская литографія Штейна,
по рисунку проф. Крюгера.

Изъ собранія
Г. С. Габасова.

своей кончины „правителемъ государства“ Великаго Князя Михаила Павловича, Императоръ Николай 26-го Апрѣля покинулъ С.-Петербургъ ²⁾,

¹⁾ Перемѣны въ личномъ составѣ министровъ были сдѣланы слѣдующія: морскимъ министромъ былъ назначенъ вмѣсто маркиза Траверсе вице-адмиралъ Моллеръ, министръ народнаго просвѣщенія адмиралъ Шишковъ уступилъ свое мѣсто генералу-отъ-инфантеріи князю Ливену, министерство внутреннихъ дѣлъ было ввѣрено генералъ-адъютанту Закревскому и проч.

²⁾ Госуд. Арх. Разр. II, д. № 1.

изъ котораго выѣхалъ въ одной коляскѣ съ принцемъ Оранскимъ. Последний, отправляясь за границу, сопровождалъ Государя только

Генералъ-адъютантъ
графъ Александръ Христофоровичъ
БЕНКЕНДОРФЪ.

Съ акварели Соколова.

Изъ Третьяковской галлерей.

до Витебска, гдѣ и уступилъ свое мѣсто въ коляскѣ Его Величества шефу жандармовъ и командующему Императорскою Главною Квар-

тирою генераль-адъютанту Бенкендорфу, которому съ этого времени выпалъ почетный жребій быть неразлучнымъ спутникомъ обожаемаго Монарха въ продолженіе всей кампаніи. Кромѣ Бенкендорфа Государя сопровождали изъ чиновъ свиты генераль-адъютантъ баронъ Жомини и состоящій при Особѣ Его Величества принцъ Евгений Виртембергскій, а также и нѣкоторые чины дипломатическаго корпуса.

Путешествіе Императора благодаря продолжительной оттепели и весенней распутицѣ сопровождалось громадными затрудненіями и неудобствами. Поль Лакруа говоритъ ¹⁾, что коляска Его Величества часто увязала въ грязи настолько, что не могла быть вытащена восемью лошадьми, а потому Государь принужденъ бывалъ переѣзжать такія трудныя мѣста верхомъ. Какъ бы то ни было, 3-го Мая Государь достигъ Елисаветграда и произвелъ смотръ третьяго резервнаго кавалерійскаго корпуса (двумъ кирасирскимъ и одной уланской дивизіямъ, съ артиллеріей), а на слѣдующій день, 4-го Мая, уже въ Вознесенскѣ смотрѣлъ другія резервныя дивизіи, конскіе заводы, казармы и арсеналы; затѣмъ на пути къ Тирасполю и Бендерамъ, проѣзжая чрезъ бѣдныя деревни болгарскихъ переселенцевъ, Его Величество постоянно ласково вступалъ въ разговоръ со своими новыми подданными, входилъ въ ихъ избы и благодарилъ хозяевъ за ихъ радушный приемъ. Дальше по пути Государь посѣщалъ богатые и цвѣтущія селенія нѣмецкихъ колонистовъ и, послѣ почлега въ Тирасполѣ, произвелъ здѣсь большой смотръ войскамъ и съ особенною внимательностью осмотрѣлъ госпитали.

7-го Мая Императоръ Николай Павловичъ переправился черезъ Прутъ по мосту, наведенному для перехода нашей арміи, переѣхавъ такимъ образомъ русскую границу у селенія Вадолой-Исаки, и въ тотъ же день ночью достигъ небольшого загороднаго дома, принадлежавшаго браиловскому пашѣ, гдѣ былъ встрѣченъ на крыльцѣ Великимъ Княземъ Михаиломъ Павловичемъ, фельдмаршаломъ графомъ Витгенштейномъ, начальникомъ штаба второй арміи генераль-адъютантомъ Киселевымъ, генераль-адъютантомъ Воиновымъ и другими начальствующими лицами. Такимъ образомъ Императоръ Николай достигъ дѣйствующей арміи и находился среди своихъ любимыхъ войскъ.

¹⁾ «Военный Сборникъ» 1868 г., № 6, стр. 380.

Согласно предназначеніямъ Государя, войска 6-го и 7-го корпусовъ, подъ начальствомъ генерала-отъ-инфантеріи Рота и генераль-адъютанта Воинова, перешли черезъ Прутъ въ Вадолой-Исаки, Ску-

Генераль-адъютантъ
баронъ АНТОНЪ (ГЕНРИХЪ) ВЕЛЪЯМИНОВИЧЪ
ЖОМИНИ.

лянахъ и Фальчи, заняли послѣдовательно Яссы, Галаць, Букарестъ и Краіову и обложили Браиловъ. Въ этихъ дѣйствіяхъ войскъ особенно отличался командиръ 2-й бригады 4-й уланской дивизіи гене-

ралъ-маіоръ баронъ Гейсмаръ, которому было объявлено Высочайшее благоволеніе „за быстрое движеніе къ Буваресту и предохраненіе тѣмъ сего города отъ нашествія непріятеля“ ¹⁾. Въ этомъ же 1828 году, 31-го Октября, баронъ Гейсмаръ за отличіе въ кампаніи былъ пожалованъ въ генералъ-адъютанты.

Главное начальство надъ войсками, предназначенными для осады Браилова, по повелѣнію Государя, было ввѣрено Великому Князю Михаилу Павловичу, подъ общимъ руководствомъ котораго находились генералъ-адъютанты: Геруа, командующій осадною артиллеріей Сухозанетъ, Воиновъ, Киселевъ, Дибичъ, будущіе чины Свиты штабъ- и оберъ-офицеры: Бибиковъ, Философовъ, князь Долгоруковъ, Анненковъ, Толстой, Ростовцевъ и многіе другіе ²⁾.

8-го Мая Императоръ Николай Павловичъ, сопровождаемый Великимъ Княземъ, фельдмаршаломъ и начальникомъ штаба, объѣхалъ верхомъ мѣстность вокругъ крѣпости, и всѣ войска блокаднаго корпуса восторженно встрѣчали своего молодого царя, пріѣхавшаго ободрить ихъ и раздѣлить съ ними всѣ труды и опасности начавшейся кампаніи. На одномъ изъ холмовъ, названнаго съ тѣхъ поръ „холмомъ императора“, Его Величество обратилъ вниманіе своего

Генералъ-адъютантъ
ПАВЕЛЪ ДМИТРИЕВИЧЪ
КИСЕЛЕВЪ.

Съ гравіюры
на деревѣ Сврякова.

Изъ собр. портр.
Имп. Гл. Кв.

тѣмъ вниманіе своего

¹⁾ Высоч. прик. 10-го Мая 1828 года.

²⁾ Ф. П. Фонтонъ. «Письма изъ Главной Квартиры Дунайской арміи 1828—1829 г.г.», т. I. Лейпцигъ. 1862 г.

Генералъ-адъютантъ
АЛЕКСАНДРЪ КЛАВДЕВИЧЪ
ГЕРАУ.

Изъ альбома
Членовъ Воен. Совѣта.

Августѣйшаго брата на тѣ пункты, на которые слѣдовало главнымъ образомъ направить атаку противъ крѣпости ¹⁾).

Крѣпкій организмъ Императора не перенесъ весьма утомительнаго путешествія въ армию, перемѣны климатическихъ условій и столь напряженнаго состоянія нервовъ. Въ ночь съ 8-го на 9-е Мая Его Величество заболѣлъ острою формою лихорадки и, сознавая себя въ опасности, строго запретилъ извѣщать объ этомъ Императрицу. — „Главное, чтобъ Императрица ничего не знала. Она встревожится“, не одинъ разъ повторялъ Августѣйшій больной. Но болѣзнь прекратилась сразу, и уже 11-го Мая обрадованная войска снова увидѣли въ своей средѣ обожаемаго Монарха, который рано утромъ, въ сопровожденіи всего лишь одного флигель-адъютанта, выѣхалъ верхомъ на конѣ осматривать осадныя работы ²⁾).

Прежде всего Императоръ направился къ той возвышенности, съ которой нѣсколько дней тому назадъ осматривалъ осажденную крѣпость; потомъ спустился къ 18-й пѣхотной дивизіи, расположенной у самаго Дуная. Здѣсь нѣкоторымъ изъ отличившихся нижнимъ чинамъ Его Величество собственноручно пожаловалъ знаки отличія военнаго ордена.

Трудность доставленія матеріаловъ для фашиновъ и туровъ задерживали траншейныя работы. Къ 13 Мая на правомъ флангѣ была окончена большая батарея въ 200 саженьяхъ отъ крѣпости. На разсвѣтъ на слѣдующій день Императоръ поѣхалъ верхомъ къ вновь

¹⁾ «Военный Сборникъ» 1868 г., № 6, стр. 124—126.

²⁾ Ibid. № 7, стр. 125.

сооруженной батареи. Непрiятель, замѣтивъ на ближайшемъ къ крѣ-
пости возвышенiи большое скопленiе людей, сталъ его обстрѣливать.
„Намъ стоило продолжительныхъ усилiй и много трудовъ уговорить
Государя оставить это мѣсто, сдѣлавшееся цѣлью непрiятельскаго
огня“, пишетъ очевидецъ, генераль-адъютантъ Бенкендорфъ ¹⁾).

Въ то время, какъ 6-ой и 7-ой корпуса были заняты осадой и
занятiемъ крѣпостей и городовъ, 3-ий корпусъ генерала Рудзевича
былъ предназначенъ для переправы черезъ Дунай и приготовленiя для
этого необходимыхъ средствъ. Послѣ того, какъ попытки перейти
Дунай у Гирсова или Туртукая, вслѣдствiе недостаточно удобной
мѣстности въ избранныхъ пунктахъ, не удались, рѣшено было произ-
вести эту операцiю у Сатунова.

13-го Мая Государь оставилъ блокадный корпусъ подѣ Браило-
вымъ и отправился навстрѣчу Императрицѣ, съ которою условился
видѣться въ Бендерахъ. Встрѣтившись въ условленномъ пунктѣ со
своей Августѣйшей супругой, Императоръ Николай Павловичъ 16-го

Мая прибылъ въ Одессу и оста-
новился въ домѣ Новороссiйскаго
генераль-губернатора, графа Во-
ронцова. Жители Одессы весьма
радостно встрѣтили прибывшаго
изъ дѣйствующей армiи своего
Монарха.

Государь пробылъ въ Одессѣ
два дня и въ ночь на 18-е Мая
выѣхалъ въ Измаиль, гдѣ къ
тому времени, благодаря стара-
нiямъ измаильскаго коменданта
генераль-маiора Тучкова I, со-
вершилось весьма важное собы-
тiе. Запорожскiе казаки, нѣкогда
бѣжавшия за Дунай и нашедшия
себѣ здѣсь прiютъ, во главѣ со
своимъ кошевымъ атаманомъ
Гладкимъ на 40 лодкахъ снова
возвратились въ нѣдра прежняго

Генераль-адъютантъ
ДМИТРИЙ ГАВРИЛОВИЧЪ
БИБИКОВЪ.

Съ фототипiи.

Изъ собр. портр.
Имп. Гл. Кв.

¹⁾ Н. К. Шильдеръ. «Императоръ Николай I, его жизнь и царствованiе», т. II, стр. 130.

своего отечества. „Сѣчь Запорожская,—доносили объ этомъ измаильскій комендантъ генераль-адъютанту Киселеву ¹⁾),—съ давнихъ поръ во владѣнїи турецкомъ существовавшая, преклоняясь подѣ власть Государя Императора, совершенно тамъ уничтожилась. Новый и прежній кошевые, оба писаря, всѣ атаманы и эсаулы съ двумя бунчуками, тремя знаменами, со всею церковною утварью, съ двумя священниками, съ султанскими привилегїями и дарованными имъ грамотами, съ войсковою канцелярією, съ тысячею человекъ казаковъ, прибыли въ границы наши. Кошевой Гіосифъ Гладкій, имѣющій достоинство двухбунчужнаго паши, съ десятию человекъ атамановъ, съ двумя бунчуками, тремя знаменами, находятся въ здѣшнемъ карантинѣ, а прочіе неподалеку отъ Килии на лодкахъ и завтра или послѣзавтра придутъ сюда“.

Прибывъ 19-го Мая въ Измаиль, Императоръ Николай Павловичъ посѣтилъ зданіе карантина, гдѣ помѣщались снова принявшіе русское подданство запорожцы. Государь простилъ, въ виду ихъ искренняго раскаянія, все прошедшее и пожаловалъ Гладкому золотую медаль со своимъ изображеніемъ. Восторженные запорожцы съ неподдѣльною радостью приняли милости русскаго царя и, обнаживъ сабли, торжественно поклялись служить вѣрою и правдою противъ невѣрныхъ ²⁾).

Осмотрѣвъ измаильскія укрѣпленія и флотилію, предназначавшуюся вмѣстѣ съ лодками запорожскихъ казаковъ для переправы и охраны будущихъ мостовъ черезъ Дунай, Императоръ, желая лично присутствовать при переходѣ арміи, направился въ Сатуново.

Подготовительныя работы были замедлены сильнымъ разливомъ Дуная. На протяженіи пяти верстѣ, черезъ болотистую низину, отдѣлявшую русло рѣки отъ дер. Сатуново, была сооружена колоссальная гать, которую строили, въ продолженіе двухъ недѣль, 30 тыс. человекъ, при чемъ саперы работали, стоя иногда по шею въ водѣ.

Видя такія приготовленія для переправы, турки въ свою очередь приступили къ устройству укрѣпленій на правомъ берегу рѣки, который представлялъ рядъ лѣсистыхъ высотъ, господствовавшихъ надъ противоположнымъ берегомъ. Три батареи обезпечивали за непріателемъ почти неприступную позицію, опирающуюся слѣва на крѣпость Исагчу, а справа—на непроходимыя болота; для обстрѣла самой гати

¹⁾ Воен.-Учен. Арх., От. II, № 2754.

²⁾ «Военный Сборникъ» 1868 г., № 7, стр. 130.

была построена батарея на 15 тяжелыхъ орудій. Позицію занимали 12.000 турокъ. Всѣ эти условія дѣлали переправу нашей арміи черезъ Дунай почти невозможной, и на успѣхъ этого предпріятія не

Генераль-адъютантъ
баронъ Федоръ Клементьевичъ
ГЕЙСМАРЪ.

Съ литографіи.

Изъ собр. портр.
Имп. Гл. Кв.

надѣялись ни самъ генераль Рудзевичъ ни генераль-адъютанты Киселевъ и Сухтеленъ ¹⁾). Несмотря на всѣ эти тяжелыя условія работы на Дунаѣ, пяти-верстная, укрѣпленная на сваяхъ, гать 25 Мая примкнула къ земляному валу, за которымъ должны были собираться назначенныя къ переправѣ войска.

Понтонны и барки, предназначенныя для переправы, были уже собраны въ устьѣ дунайскаго притока, ожидая лишь приказанія войти въ самый Дунай и, наконецъ, для поддержки переправы артиллеріей, построена прямо противъ турец-

кихъ укрѣпленій на самомъ берегу Дуная 24-хъ орудійная батарея. По дорогѣ изъ Измаила Императоръ осмотрѣлъ войска въ Болградѣ, главной квартирѣ третьяго корпуса генерала Рудзевича.

Пятидесятитысячная армія, множество маркитантовъ, торговцевъ, рабочихъ и мастеровыхъ, нахлынувшихъ сюда для заработковъ со

¹⁾ Н. К. Шильдеръ. «Императоръ Николай I, его жизнь и царствованіе». Т. II, стр. 134.

всѣхъ сторонъ, дѣлали мѣсто стоянки войскъ при Сатуновѣ похожимъ на весьма оживленный и населенный городъ. Высшій полицейскій надзоръ за всѣмъ этимъ постороннимъ людемъ былъ ввѣренъ шефу жандармовъ и командующему Императорскою Главною Квартирою, генераль-адъютанту Бенкендорфу. Кромѣ этого въ вѣдѣніи постоянного спутника Государя находились назначенные для охраны Императорской Главной Квартиры два пѣхотныхъ полка, десять артиллерійскихъ ротъ, по три эскадрона жандармовъ и гвардейскихъ казаковъ, сотня казаковъ Атаманскаго полка и цѣлый армейскій казачій полкъ. „Вся эта команда, съ которою не легко было управляться, состояла подъ моимъ начальствомъ“, пишетъ Бенкендорфъ. „Въ первые дни часто приходилось сердиться и браниться; потомъ все обошлось, и дѣло устроилось къ удовольствію Государя и всѣхъ жителей этой кочевой столицы 1)“. Такимъ образомъ исключительно благодаря энергии и заботливости генераль-адъютанта Бенкендорфа примѣрный порядокъ не переставалъ господствовать среди этого, слѣдовавшаго за дѣйствующими войсками, разношерстнаго народонаселенія.

21-го Мая въ лагерѣ былъ произведенъ въ присутствіи представителей иностранныхъ державъ Высочайшій смотръ седьмой, восьмой и десятой пѣхотнымъ дивизіямъ съ ихъ пѣшей артиллеріей, и пятой гусарской дивизіи съ конной артиллеріей, а 27-го Мая, согласно собственноручно написанной Императоромъ диспозиціи, предложено было произвести переправу черезъ Дунай.

Вода въ Дунаѣ была еще очень высока и теченіе чрезвычайно быстро. Въ ночь на 27-е Мая четыре запорожца вызвались отыскать на противополо-

Генераль-адъютантъ
князь Михаилъ Дмитріевичъ
ГОРЧАКОВЪ.

Съ литографіи
Прохорова.

Изъ собр. портр.
Имп. Гл. Кв.

1) Н. К. Шильдеръ. «Императоръ Николай I, его жизнь и царствованіе», т. II, стр. 134.

ложномъ берегу удобное для высадки войскъ мѣсто, и съ этой цѣлью на небольшой лодкѣ отправились въ розыски. Такъ какъ эти смѣльчаки къ утру не вернулись, то ихъ всѣ сочли погибшими. Переправа черезъ Дунай войскъ 3-го пѣхотнаго корпуса началась въ присутствіи Государя на зарѣ. Залпъ изъ двадцати четырехъ орудійной батареи возвѣстилъ начало переправы. Подъ прикрытіемъ огня съ батареей и нашей флотиліи, подъ градомъ непріятельскихъ снарядовъ и пуль, запорожцы первые ступили на турецкій берегъ противъ праваго фланга позиціи. вмѣстѣ съ ними въ лодкахъ они перевезли часть 17-го и 18-го егерскихъ полковъ ¹⁾. Генераль-адъютантъ Киселевъ видѣлъ, что запорожцы высадились на топкомъ болотѣ и поэтому, находясь подъ непріятельскимъ огнемъ, съ трудомъ могли двигаться впередъ. Къ этому же мѣсту теченіе относило и лодки съ остальными егерями. Какъ разъ въ это время четыре запорожца, отправившіеся ночью въ поиски за удобнымъ для высадки мѣстомъ и остававшіеся всю ночь на турецкомъ берегу, стали неистово махать руками, давая русскимъ знать объ удобномъ причалѣ. Тогда генераль-адъютантъ Киселевъ вмѣстѣ съ начальникомъ штаба 3-го корпуса генераль-маіоромъ княземъ М. Д. Горчаковымъ, назначеннымъ за подвиги въ эту кампанію генераль-адъютантомъ ²⁾, и съ нѣсколькими офицерами, бросились въ лодки и, несмотря на то, что всѣмъ имъ у противоположнаго берега пришлось идти по отмели по поясъ въ водѣ, благополучно достигли запорожцевъ и такимъ образомъ опредѣлили путь для дальнѣйшей переправы. Государь по-царски наградилъ смѣлаго генераль-адъютанта за его подвигъ, тутъ же поздравивъ его генераль-лейтенантомъ.

— „Ты первый перешелъ и показалъ дорогу другимъ“, — сказалъ при этомъ Императоръ.

— „Нѣтъ, — отвѣчалъ Киселевъ, — это наши четыре казака, которые переправились вчера въ полночь и ожидали насъ на другомъ берегу Дуная“ ³⁾.

Дальнѣйшая переправа войскъ была обезпечена. Высадившіеся до одиннадцати часовъ утра на противоположный берегъ русскія войска успѣли отбросить двѣнадцатитысячный турецкій отрядъ и занять его

¹⁾ Епанчинъ. «Очеркъ похода 1829 г. въ Европ. Турціи», ч. I, стр. 362.

²⁾ Назначенъ 6 Декабря 1829 г.

³⁾ Заблоцкий-Десятовскій. «Графъ П. Д. Киселевъ и его время». СПб. 1862 г., т. I, стр. 276.

укрѣпленія. Разбитые турки обратились въ бѣгство частью въ Базарджикъ, а частью въ Исакчу.

Не дожидаясь наводки моста для переправы всей арміи, Императоръ Николай Павловичъ 28-го Мая лично отправился на правый берегъ. Ко всеобщему удивленію Государь потребовалъ для этой цѣли шлюпку атамана запорожцевъ. Гладкій, уже въ полковничьихъ эполе-

Его Императорское Величество Николай Павловичъ

Изволить переправлялся черезъ Дунай въ лодкѣ, коей гребцами были 10 Запорожскихъ козаковъ, бывшихъ Турецкими подданными, и нынѣ украшенныхъ знаками отличія Военнаго Ордена Св. Георгія. Рулемъ править ихъ Атаманъ, бывшій до нынѣ Турецкимъ двухъ Оунчужнымъ Пашею. 28 Маія 1828 года ¹⁾.

Съ народной картины.

Изъ собранія П. Я. Дашкова.

тахъ и съ георгіевскимъ крестомъ ²⁾), немедленно явился съ десятью своими казаками, также украшенными знаками отличія военнаго ор-

¹⁾ Ортографія подлинника сохранена.

²⁾ За заслуги, оказанныя запорожцами при переправѣ черезъ Дунай, Гладкій былъ награжденъ чиномъ полковника и орденомъ св. Георгія 4-й ст., а десять казаковъ, по усмотрѣнію атамана, знаками отличія военнаго ордена. Кромѣ того, за переправу, запорожцамъ было Высочайше пожаловано знамя съ надписью: «За храбрость и усердіе, оказанныя при переходѣ черезъ Дунай 27-го мая 1828 года», и съ этого времени, по Высочайшему повелѣнію, запорожцы стали именоваться «Дунайскимъ казачьимъ полкомъ». Н. К. Шильдеръ. «Императоръ Николай I, его жизнь и царствованіе» т. II, стр. 434. Прилож. № 206.

дена. По свидѣтельству генераль-адъютанта Бенкендорфа „Гладкій самъ стоялъ у руля, а десять его казаковъ гребли. Этимъ людямъ, такъ недавно еще нашимъ смертельнымъ врагамъ, стоило только ударить нѣсколько лишнихъ разъ веслами, чтобы сдать туркамъ, подъ стѣнами Исакчи, русскаго самодержца, ввѣрившагося имъ въ сопровожденіи всего только двухъ генераловъ“¹⁾).

При выходѣ на берегъ Его Величество былъ встрѣченъ фельдмаршаломъ графомъ Витгенштейномъ и генераль-адъютантомъ Киселевымъ. Въ сопровожденіи ихъ Государь осматрѣлъ всѣ позиціи, занима-

Переправа ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА черезъ Дунай 28 Мая 1828 года.
Грав. Гобертъ.

емая наканунѣ еще непріателемъ, и съ тѣми же запорожцами возвратился на лѣвый берегъ Дуная.

Еще до окончанія наводки моста Императорскій лагерь, въ виду предполагавшагося дальнѣйшаго наступленія, былъ перенесенъ на правый берегъ рѣки. По наведенному мосту предполагалось доставить подъ стѣны Исакчи раньше всего осадную артиллерію и продовольственные запасы, а затѣмъ уже переправить изъ сатуновскаго лагеря и остальную часть войска. Послѣ того какъ 30-го Мая двѣ дивизіи получили приказаніе обложить городъ, комендантъ Исакчи Эюбпаша вмѣстѣ съ начальникомъ разбитаго при переправѣ турецкаго отряда Гассанъ-пашею отправили къ Императору парламентеровъ съ предложеніемъ сдать крѣпость безъ сопротивленія на всякихъ условіяхъ. Исакчи была немедленно занята русскими войсками; гарнизонъ ея получилъ право свободнаго выхода съ оружіемъ, оставивъ, однако,

¹⁾ Н. К. Шильдеръ. «Императоръ Николай I, его жизнь и царствованіе», т. II, стр. 136.

запасы снарядовъ и продовольствія. Такимъ образомъ русскимъ досталось 75 орудій, 18 знаменъ и масса всякаго военнаго матеріала ¹⁾).

Занятіе Исакчи дало русской арміи возможность свободно продолжать наступленіе по Добруджѣ къ Траянову валу. Императоръ Николай Павловичъ, желая предоставить своему Августѣйшему младшему брату всю честь покоренія Браилова, велѣлъ Императорской Главной Квартирѣ двигаться за переправившимся корпусомъ, и 2-го Іюня генералъ Рудзевичъ также безъ сопротивленія занялъ Бабадагъ.

Уже 3-го Іюня Императорская Главная Квартира находилась у Бабадага.

Ф. Фонтонъ въ своихъ воспоминаніяхъ ²⁾ весьма характерно описываетъ жизнь во время стоянки и на походѣ.

...„Картина очаровательна. Правда, что ее украшаютъ бивуаки расположенныхъ вокругъ войскъ, пылающіе въ долинѣ и по скатамъ горъ огни и самый лагерь двухъ Главныхъ Квартиръ. Необозримые ряды палатокъ! Словно городъ изъ полотна!

„Вотъ какъ лагерь устроенъ.

„На лѣвомъ флангѣ—Царская Главная Квартира; на правомъ—наша.

„Въ первомъ ряду палатки генеральскія. Царская и Фельдмаршальская тоже въ этомъ ряду.

„Во второмъ ряду палатки офицерскія.

„Въ третьемъ—канцелярія, фельдъегерскія и писарскія.

„За палатками экипажи и коновязи для лошадей.

„На лѣвомъ флангѣ лагерь расположены нѣсколько сотенъ Лейбъ Казачьяго полка и Атаманскій полкъ, которые служатъ конвоемъ Царю. Первымъ командуетъ флигель-адъютантъ полковникъ Орловъ, вторымъ—полковникъ Кузнецовъ. Оба расторопные и дѣльные офицеры“...

...„Мы трогаемся рано. Палатки же снимаются съ разсвѣтомъ безъ спроса. Кто не всталъ, остается подъ открытымъ небомъ“...

...„Все сразу приходитъ въ движеніе. Всѣ торопятся вымыться, если возможно, ибо не всегда есть вода. Потомъ, главное, по формѣ

¹⁾ Энцикл. воен. и морск. наукъ Леера, т. III, стр. 382.

²⁾ «Воспоминаніе Ф. П. Фонтонъ» изд. 1862 г., стр. 69.

Авторъ состоялъ при своемъ дядѣ А. А. Фонтонѣ, назначенномъ по Высочайшему повелѣнію управляющимъ дипломатическою частью при фельдмаршалѣ князѣ Витгенштейнѣ. Свои воспоминанія Ф. Фонтонъ изложилъ въ письмахъ изъ Дунайской арміи въ 1828 и 1829 гг. къ П. Н. Кривцову, секретарю нашего посольства въ Пруссіи.

Его Императорское Высочество
Великій Князь
МИХАИЛЬ ПАВЛОВИЧЪ.

Рисоваль Р. Жуковскій.

Съ литографіи.

Флигель-адъютантъ
графъ Александръ Аркадьевичъ
СУВОРОВЪ-РЫМНИКСКІЙ.

Въ офиц. собр.
Л. Г. Ковнаго полка.
Съ литографія.

одѣться и не забыть треугольную шляпу. Потомъ надобно лошадь, плеть, казака, да запасти его фляжкою и закускою для привала!..

„Крикъ и шумъ со всѣхъ сторонъ.

„Одна еще стоитъ палатка. Это палатка царская. Въ оную входятъ попеременно то фельдмаршалъ, то баронъ Дибичъ, то Дмитрій Павловичъ ¹⁾.

„Мало-по-малу около этой палатки собирается вся Главная Квартира. Сборище свѣтлыхъ, блестящихъ и пестрыхъ мундировъ. Можно сказать, тутъ вся Европа“ ²⁾. Представители иностранныхъ государствъ — послы и посланники съ ихъ

приближенными. Наконецъ, наша Свита, блестящая знаменитостью, дарованіями и щегольской внѣшностью.

„Тутъ, во-первыхъ, надобно назвать барона Дибича.

„Онъ правда малъ, толстъ, немного кривъ и неувлюжъ, но первенствуетъ въ другихъ отношеніяхъ.

Далѣ видишь генераль-адъютантовъ: храбраго солдата князя Евгенія Виртембергскаго, славнаго воина и рыцаря—графа Васильчикова, новаго друга Царя графа Орлова, Коменданта Главной Квартиры графа Бенкендорфа, брата его, братьевъ Сухтеленъ, Флигель-адъютантовъ, генерала Адлерберга, для котораго выдуманъ новый свитскій мундиръ! ³⁾. Делингсгаузена, обещающаго намъ хорошаго генерала; князя Лобанова-Ростовскаго, извѣстнаго ѣздока; Реада, знатнаго своимъ поединкомъ, потомъ нашего пріятеля и друга Александра Суворова, котораго Царь жалуетъ не только за имя, но за искренность. Капитанъ Чевкинъ, который умомъ, познаніями, живою понятливостью и

¹⁾ Д. П. Татищевъ, дипломатъ.

²⁾ «Воспоминаніе Ф. П. Фонтана». Изд. 1862 г., стр. 72, 73 и 77.

³⁾ Званіе Генераль-Маіора Свиты Его Величества установлено было 6 Декабря 1827 года.

легкостью въ работѣ Дибичу сдѣлался необходимымъ, и члены Царскаго Главнаго Штаба, между которыми Э. А. Зуровъ“.

Статскіе сановники дипломатическаго корпуса, адъютанты, ординарцы, офицеры и чиновники, пріѣзжающіе за приказаніями, составляютъ пеструю картину.

Флигель-адъютантъ
князь Алексѣй Яковлевичъ
ЛОБАНОВЪ-РОСТОВСКІЙ.
Съ миниатюры, принадлежащей Великому Князю
Николаю Михайловичу.

„Постепенно движеніе и говоръ болѣе и болѣе умножаются“... „Наконецъ дежурный адъютантъ говоритъ: Государь!

„Всѣ глаза стремятся къ палаткѣ. Царь выступаетъ.

„Государь привѣтствуетъ всѣхъ... Вслѣдъ за симъ подають лошадь. Это минута всеобщей суматохи.

„Всѣ бѣгутъ къ своимъ лошадямъ.

„Полковникъ Тучковъ ¹⁾ съ проводниками открываетъ маршъ. Онъ ѣдетъ пятьдесятъ шаговъ впереди Царя.

„Подлѣ Царя ѣдетъ фельд-маршалъ Витгенштейнъ. За ними баронъ Дибичъ и Д. Б. Татищевъ.

„За симъ слѣдуетъ, по произволу, въ пестромъ безпорядкѣ вся Свита“...

...„Послѣ привала Царь съ Главною Квартирою, обыкновенно опережая войско, приходитъ ранѣе въ мѣсто ночлега и сейчасъ принимается за работу.

„Онъ здѣсь продолжаетъ заниматься всѣми дѣлами по управленію Государства, какъ въ С.-Петербургѣ“.

Не менѣе интересенъ эпизодъ изъ жизни войскъ и чиновъ Императорской Главной Квартиры, сообщаемый тѣмъ же авторомъ при движеніи по Добруджѣ ²⁾.

¹⁾ Колонновожатый Имп. Гл. Кв., Генеральнаго Штаба.

²⁾ «Воспоминанія Ф. П. Фонтана», изд. 1862 г., стр. 98 и 99.

...»Въ одномъ изъ послѣднихъ переходовъ на привалѣ, во время самаго зноя, все войско должно было довольствоваться двумя скудными фонтанами воды. Около этихъ двухъ фонтановъ сдѣлалась толкотня, шумъ, мало не драка.

»Сидѣвшій въ раскинутой маленькой палаткѣ Царь, услышавъ этотъ шумъ, вышелъ, и его присутствіе въ одинъ мигъ успокоило солдатъ“...

...»Но въ это время Государь, обращаясь назадъ, чтобы дать приказаніе завести очередь у фонтана, увидѣлъ другое зрѣлище. Около навѣса, близъ Царской палатки стояли, вельможи русскіе и европейскіе, попивая замороженное шампанское съ сельтерскою водою.

»Ты знаешь“, — пишетъ Фонтонъ, — „какъ Царь воздержанъ въ отношеніи нуждъ матеріальной жизни, какъ мало онъ имѣетъ потребностей.

»И какъ ты можешь себѣ представить, какое на него сдѣлало впечатлѣніе этого контраста... Видя тамъ пословъ и посланниковъ, Государь не сдѣлалъ замѣчанія, но онъ призвалъ Коменданта Главной Квартиры, графа Бенкендорфа, и строго приказалъ, чтобы этого впредь не было“.

Подвигаясь далѣе къ Траянову валу, Императорская Главная Квартира расположилась на берегу рѣки Карасу, гдѣ казакамъ, раскольникамъ-некрасовцамъ, принадлежали обширныя селенія. Здѣсь лагерь оставался съ 7-го по 24 Іюня. Едва Государь успѣлъ осмотрѣть лагерь, какъ въ Императорскую Главную Квартиру одно за другимъ стали поступать извѣстія о дѣйствіяхъ нашей побѣдоносной арміи.

Первымъ извѣстіемъ было донесеніе о скоромъ прибытіи въ дѣйствующую армію любимаго дѣтища юнаго Монарха—конно-егерской дивизіи, которая готова уже была вступить въ Болгарію въ то время, когда остальные гвардейскіе полки, выступившіе изъ Петербурга одновременно съ егерями, находились еще въ предѣлахъ Могилевской губерніи.

6-го Іюня послѣдовала сдача Джафаръ-пашею нашему полковнику Роговскому крѣпости Мачина, гдѣ побѣдителямъ досталось 74 пушки, 15 мортиръ, 5,000 пудовъ пороха и восемь турецкихъ канонерскихъ лодокъ съ тридцатью однимъ орудіемъ ⁴⁾).

⁴⁾ Энцикл. воен. и морск. наукъ Леера, т. V, стр. 110.

8-го Іюня, при осмотрѣ лагера, къ Императору Николаю прибылъ съ донесеніемъ полковникъ Бибииковъ ¹⁾, адъютантъ Великаго Князя Михаила. Онъ, покрытый грязью и пылью, прискакалъ изъ Браилова. „Благодареніе Богу! Браиловъ нашъ!“ воскликнулъ Императоръ ²⁾, обнимая радостнаго вѣстника и, не дождавшись разсказа подробностей о взятіи этой крѣпости, поспѣшилъ въ палатку графа Витгенштейна, чтобы подѣлиться съ фельдмаршаломъ столь радостнымъ извѣстіемъ.

Вслѣдъ за Браиловымъ послѣдовательно сдались: Гирсовъ 11-го Іюня—генералу князю Мадатову, Кюстенджи 12-го Іюня—генералу Ридигеру ³⁾ и Тульча 19-го Іюня—генералу Ушакову ⁴⁾.

Паденіе крѣпости Кюстенджи было особенно важно, такъ какъ открывало кратчайшій и удобнѣйшій путь по Черному морю для соединенія дѣйствовавшей арміи съ Одессой. Вотъ почему Императоръ, лишь только получилъ извѣстіе о капитуляціи Кюстенджи вмѣстѣ съ ключами и знаменами ея, взялъ съ собою нѣсколько казаковъ и, въ сопровожденіи генераль-адъютанта Бенкендорфа, немедля поѣхалъ верхомъ въ этотъ городъ съ цѣлью

Генераль-адъютантъ
графъ Федоръ Васильевичъ
РИДИГЕРЪ.

Съ лит. Дарменгъ,
по рис. Гиллеръ.

Изъ собр. портр.
Имп. Гл. Кв.

учредить тамъ госпитали и магазины. Желаніе окружить самымъ тщательнымъ уходомъ раненыхъ составляло въ эту минуту главную заботу Императора, и послѣ того, какъ главный инспекторъ по военно-медицинской части докторъ Вилліе сдѣлалъ всеподданнѣйшій докладъ о размѣщеніи больныхъ какъ можно просторнѣе, въ виду надвигающейся чумы, Императоръ Николай Павловичъ рескриптомъ отъ 12-го Іюня, по-

¹⁾ Илья Гавриловичъ Бибииковъ—генераль-адъютантомъ съ 19-го Сентября 1849 г.

²⁾ Н. К. Шильдеръ. «Императоръ Николай I, его жизнь и царствованіе», т. II, стр. 140.

³⁾ Федоръ Васильевичъ Ридигеръ—генераль-адъютантомъ съ 27-го Апрѣля 1831 г.

⁴⁾ Павелъ Николаевичъ Ушаковъ—генераль-адъютантомъ съ 6-го Декабря 1831 г. Извѣстіе о капитуляціи крѣпости Тульчи привезъ Императору флигель-адъютантъ полковникъ Е. А. Реадъ, который черезъ 20 дней былъ убитъ подъ Шумлою.

ручилъ графу Воронцову пригласить жителей Одессы въ пожертвованіямъ на учрежденіе госпиталей. Одесситы съ самою горячею готовностью отозвались на призывъ Монарха, и въ три дня была собрана не одна тысяча рублей. Примѣру Одессы послѣдовали и другіе города южной Россіи.

За покореніе Браилова Великій Князь Михаилъ Павловичъ былъ награжденъ орденомъ Св. Георгія 2-й степени, а графъ Витгенштейнъ — лестнымъ рескриптомъ, въ которомъ, по чувству постоянной деликатности, Государь приписалъ лично ему всю честь главныхъ успѣховъ, достигнутыхъ съ открытія кампаніи. При рескриптѣ этомъ фельдмаршалу были пожалованы алмазные знаки ордена Св. Андрея Первозваннаго. Кромѣ

Адмиралъ
Алексѣй Самуиловичъ
ГРЕЙГЪ.

Рис. Лисенко.
Литографія П. Пети.

Изъ собр. портр.
Имп. Гл. Кв.

этого въ личномъ составѣ второй арміи произошли и нѣкоторыя перемѣны. Въмѣсто генераль-адъютанта князя Горчакова, получившаго въ командованіе 18-ю пѣхотную дивизію, генераль-квартирмейстеромъ арміи былъ назначенъ Свиты Его Величества генераль-маіоръ Федоръ Федоровичъ Бергъ.

Вслѣдъ за этимъ 21-го Іюня флигель-адъютантъ графъ Толстой повергъ къ стопамъ Его Величества ключи и флагъ крѣпости Анапы, покоренной 11-го Іюня соединенными усиліями съ моря— вице-адмирала Грейга и съ суши—генераль-адъютанта контръ-адмирала

князя Меншикова. Императоръ Николай Павловичъ за эту побѣду награди́лъ князя Меншикова орденомъ Св. Георгія 3-й степени и чиномъ вице-адмирала, а вице-адмирала Грейга произвелъ въ адмиралы.

Однако послѣдствіемъ долгаго пребыванія нашихъ войскъ въ Доб-

Генераль-адъютантъ
Павель Николаевичъ
УШАКОВЪ.

Съ литографіи.

Изъ собр. портр.
Имп. Гл. Кв.

руджѣ, по свидѣтельству генераль-адъютанта Бенкендорфа, было то, что ¹⁾ „жары начинали утомлять солдатъ; мало было воды и та дурная; заросшія камышемъ болота распространяли вредное зловоніе; трава погорѣла; для огромной массы лошадей уже оказывался недостатокъ въ фуражѣ; многія тысячи воловъ, перевозившихъ провіантъ и резервные парки, за неимѣніемъ достаточныхъ пастбищъ худѣли, дѣлались неспособными къ извозу и издыхали въ пути, еще болѣе заражая воздухъ“.

Вотъ почему уходъ нашихъ войскъ изъ Добруджи былъ не только желателенъ, но и крайне нуженъ. Съ паденіемъ же крѣпостей этого раіона, наши войска 3-го и 7-го корпусовъ были немедленно направлены къ Карасу, но и турки тоже воспользовались этимъ, занявъ Варну и Шумлу.

Къ концу Іюня мѣсяца у графа Витгенштейна могло быть всего до 45 тысячъ человѣкъ; при чемъ тогда же опредѣлялись два пути наступленія—или къ Варнѣ или къ Шумлѣ.

Рѣшено было наступать на Варну, осадивъ крѣпость Силистрію. Адмиралу Грейгу было предписано перевести моремъ изъ-подъ Анапы отрядъ князя Меншикова ²⁾ для блокады крѣпости Варны. Генералу Роту съ 10.000 человѣкъ 6-го корпуса приказано, перейдя Дунай у Гирсова, обложить Силистрію; 17-й пѣхотной и 1-й кавалерійской дивизіямъ занять Валахію, а главнымъ силамъ арміи отъ Карасу дви-

¹⁾ Н. К. Шильдеръ. «Императоръ Николай I, его жизнь и царствованіе». т. II, стр. 142.

²⁾ Князь А. С. Меншиковъ—генераль-адъютантомъ съ 1 Октября 1826 г.

гаться къ Варнѣ, черезъ Базарджикъ. 25-го Іюня авангардъ главныхъ силъ занялъ Базарджикъ послѣ упорнаго дѣла съ турецкой конницей.

Императорская Главная Квартира и Главная Квартира второй арміи, оставившія 24 Іюня долину Карасу, 29-го Іюня расположились недалеко отъ Базарджика.

30-го Іюня авангардъ главныхъ силъ занялъ Козлуджу, имѣвъ снова жаркое дѣло съ турецкой конницей, отступившей къ Шумлѣ.

Полученныя свѣдѣнія, что турки сосредоточили значительное число войскъ (до 40 тысячъ) у крѣпости Шумлы, — а авангардныя кавалерійскія дѣла подтверждали эти данныя — вотъ причины, почему было рѣшено временно уклониться отъ прямого движенія на Варну и сначала обезопасить себя со стороны крѣпости

Шумлы. Можно было предполагать, что турки выйдутъ изъ Шумлы и примутъ бой въ открытомъ полѣ. Къ тому же наша осадная артиллерія изъ-подъ Браилова и флотъ еще не достигли Варны. Все это заставило на нѣкоторое время оставить первоначальный планъ и двинуться къ Шумлѣ, гдѣ находился сераскиръ Гуссейнъ-Паша.

Изъ Базарджика Императоръ Николай Павловичъ приказалъ выслать два заслона: къ Варнѣ — генераль-адъютанта графа Сухтелена 2-го (4¹/₂ тысячи человекъ) и къ Балканамъ въ Праводы (3 тысячи человекъ) — генераль-адъютанта К. Х. Бенвендорфа 2-го.

Ө. Ө. Бергъ и В. Ө. Адлербергъ.
Съ современной карикатуры.

3 Юля Императоръ, повинувъ Базарджиевъ, перенесъ свою Главную Квартину въ Ушенлы. Седьмой корпусъ непосредственно слѣдовалъ за Государемъ.

Вслѣдъ за Ушенлами Императорская Главная Квартира была послѣдовательно перенесена въ Козлуджу и Енибазаръ, гдѣ и остановилась 7-го Юля. Всѣ вопросы, связанные съ блокадой Шумлы, были обсуждены на бывшемъ въ тотъ же день вечеромъ, въ присутствіи Императора, военномъ совѣтѣ, на которомъ, между прочимъ, былъ поднятъ вопросъ о томъ, что Государь, продолжая наступленіе въ избранномъ направленіи, подвергается нѣкоторому риску быть окруженнымъ между Варною, Силистріей и Шумлой болѣе сильнымъ непріателемъ.

„Если бы Провидѣніе не предохранило меня отъ подобнаго бѣдствія,—произнесъ Императоръ съ полнымъ спокойствіемъ,—если бы я имѣлъ несчастіе попасть въ руки моихъ враговъ, то надѣюсь, что въ Россіи вспомнятъ многозначительныя слова сенату моего прапрадѣда: „если случится сіе послѣднее, то вы не должны почитать меня своимъ царемъ и государемъ и ничего не исполнять, что мною, хотя бы по собственноручному повелѣнію, отъ васъ было требуемо“¹⁾.

Это, весьма подходящее къ настоящему случаю, историческое воспоминаніе произвело весьма сильное впечатлѣніе на присутствующихъ.

Въ пять часовъ утра, 8-го Юля, подъ начальствомъ генераль-адъютанта графа Дибича двинулся седьмой корпусъ въ Шумлѣ. Спустя часъ вслѣдъ за нимъ выступили изъ Енибазара и остальные части главныхъ силъ арміи, всего около 30.000 человѣкъ, предводительствуемая лично Императоромъ.

Не доходя нѣсколькихъ верстъ до Шумлы, нашъ авангардъ, поднявшись на высоты, командовавшія надъ долиной рѣчки Буланлыкъ, обнаружилъ по ту сторону ея позицію турокъ, занятую отрядомъ до 15.000 человѣкъ.²⁾

Опасаясь быть отрѣзаннымъ корпусомъ графа Дибича, заходившаго во флангъ туркамъ, они подали его назадъ, прикрываясь рѣчкой.

¹⁾ «Военный Сборникъ», 1868 г., № 8, стр. 307.

²⁾ Н. Епанчинъ. «Очеркъ похода 1829 г. въ Европейской Турціи», ч. I, стр. 366.

Императоръ рѣшилъ выбить турокъ, и по его приказанію въ полдень началась общая атака. Приказанія отдавались Государемъ хладнокровно, съ удивительнымъ спокойствіемъ.

Его Императорское Величество НИКОЛАЙ I при Шумлѣ на вивакахъ
1828 г. Юля 8 дня.

Съ гравюры Петрова.

Изъ собр. Г. С. Габаева.

Артиллерія открыла огонь противъ ближайшихъ линій кавалеріи; егеря подъ начальствомъ Рудзевича, перейдя рѣчку, ударили въ центръ. Турецкая конница нѣсколько разъ атаковала нашу пѣхоту, но не могла остановить ея наступленія.

Графъ Дибичъ направилъ ударъ на правый флангъ турокъ. Непрiятель въ свою очередь открылъ сильнѣйшую артиллерійскую канонаду по войскамъ седьмого корпуса, который взбирался въ это время уже на вершину холма.

Здѣсь былъ убитъ ядромъ въ грудь флигель-адъютантъ полковникъ Реадъ въ тотъ самый моментъ, когда онъ наблюдалъ за установкою двухъ орудiй, которыя Государь приказалъ ему поставить на вершинѣ холма.

— „Вотъ побѣда, за которую я заплатилъ слишкомъ дорого“, — сказалъ по окончанiи сраженiя Императоръ, опечаленный смертью своего флигель-адъютанта ¹⁾).

Турки не выдержали общаго натиска и въ безпорядкѣ бѣжали въ Шумлу. Послѣ этого дѣла Императоръ объѣхалъ войска, благодарилъ солдатъ за ихъ вѣрную службу, многихъ отличившихся лично наградилъ знаками отличiя военнаго ордена, объщая при этомъ, въ

знакъ особеннаго къ нимъ расположенiя, провести ночь на бивуакѣ. Въ ночь съ 8-го на 9-е Юля стали укрѣплять только что взятую позицію турокъ и такимъ образомъ блокада Шумлы началась.

Только теперь стало выясняться, что цѣль, поставленная главнымъ силамъ армiи, была невыполнима. Турки не собирались выходить въ открытое поле, а ихъ отборный, 40.000 отрядъ, напротивъ, готовился защищать Шумлинскiя укрѣпленiя. Мы же, имѣя для осады всего 30.000 человекъ и помня осаду Браилова, не могли рассчитывать на

Флигель-адъютантъ
Евгенiй Андреевичъ
РЕАДЪ.

Съ литографiи.

Изъ собр. портр.
Имп. Гл. Кв.

успѣхъ безъ осадной артиллерiи, двигавшейся теперь къ Варнѣ.

¹⁾ «Военный Сборникъ» 1868 г., № 8, стр. 309.

Кромѣ того и многія другія соображенія заставили военный совѣтъ остановиться на рѣшеніи за обложеніе Шумлы и осаду Варны и Силистріи.

Оборонительный планъ главнокомандующаго турецкою арміею съ каждымъ днемъ обрисовывался все яснѣй: предоставивъ русскимъ осаждать Варну, Шумлу и Силистрію, онъ тѣмъ самымъ завлекъ ихъ въ дикую, безводную и лѣсистую мѣстность, затруднительную для передвиженія обозовъ и артиллеріи. Мѣстность эта вполнѣ благоприятствовала партизанской войнѣ, и русская армія съ этого времени стала подвергаться постояннымъ нападеніямъ отдѣльныхъ конныхъ отрядовъ.

Съ другой стороны многовластіе, господствовавшее въ нашей арміи, также являлось одною изъ причинъ ея неполнаго успѣха. Хотя 24-го Мая и былъ изданъ Высочайшій, за подписью Начальника Главнаго Штаба генераль-адъютанта Дибича, приказъ о назначеніи главнокомандующимъ арміею графа Витгенштейна съ правами и властью, присвоенными ему учрежденіемъ о большой дѣйствующей арміи, однако фактически многовластіе этимъ не нарушилось. „Нерѣдко, въ счастливую пору войны, — пишетъ Н. К. Шильдеръ, — забывали совершенно о главнокомандующемъ; арміею распоряжался графъ Дибичъ, его мнѣніе преобладало въ совѣтахъ, и только при неудачѣ вспоминали о существованіи графа Витгенштейна; на престарѣлаго фельдмаршала сыпались тогда незаслуженные упреки за его бездѣятельность и непредусмотрительность“¹⁾... Такимъ образомъ фактически главнокомандующимъ былъ графъ Дибичъ или, по крайней мѣрѣ, военный совѣтъ, въ которомъ все-таки постоянно преобладалъ голосъ Начальника Главнаго Штаба.

Все это въ концѣ-концовъ начали понимать многіе изъ опытныхъ и дальновидныхъ генераловъ и офицеровъ дѣйствующей арміи. Одинъ лишь графъ Дибичъ былъ увѣренъ въ несомнѣнномъ, полномъ успѣхѣ настоящей кампаніи и не переставалъ убѣждать въ этомъ Государя. Вслѣдствіе большихъ потерь, понесенныхъ нами въ теченіе двухъ первыхъ мѣсяцевъ войны, наша наступающая армія сильно нуждалась въ подкрѣпленіи, а выступившій въ Апрѣлѣ изъ Петербурга гвардейскій корпусъ могъ прибыть не ранѣе конца Августа или начала Сентября.

¹⁾ Н. К. Шильдеръ. «Императоръ Николай I, его жизнь и царствованіе». т. II, стр. 132.

СЕНУМЛА 1828.

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ СО СВОЕЙ СВИТОЮ ОБЪЪЗЖАЕТЪ ПОЗИЦИИ.

Рисовать на камнѣ Кнорре.
Литографія Хельсінки.

Изъ собранія
В. М. Кольцова.

Между тѣмъ наши дѣла подъ Варною оказались пока въ самомъ печальномъ положеніи. Къ весьма малочисленному отряду генераль-адъютанта Ушакова, смѣнившаго войска графа Сухтелена 2-го, начали подходить подкрѣпленія. Вскорѣ прибылъ съ десантомъ и флотъ адмирала Грейга. Однако этихъ войскъ оказалось слишкомъ мало, и Императоръ, приказавъ генераль-адъютанту князю Меншикову принять общее начальство надъ осаждающими Варну войсками, рѣшилъ поѣхать туда, чтобы отдать необходимыя распоряженія, осмотрѣть приведенный Грейгомъ черноморскій флотъ и лично удостовѣриться о ходѣ осадныхъ работъ этой крѣпости.

Повидимому Императоръ Николай Павловичъ сознавалъ уже въ это время ошибочность воззрѣній графа Дибича, и это сознаніе обезпечило до нѣкоторой степени приличный исходъ кампаніи ¹⁾, такъ какъ Государь, оставивъ Шумлу и обративъ все свое вниманіе на Варну, тѣмъ самымъ исправилъ, насколько это было возможно, шумлинскія увлеченія графа Дибича.

Передъ своимъ отъѣздомъ изъ блокаднаго лагеря Императоръ назначилъ генераль-адъютанта Воинова командующимъ всей кавалеріей дѣйствующей арміи, а мѣсто командира 7-го корпуса занялъ принцъ Евгений Виртембергскій. Что касается графа Дибича, то онъ, по Высочайшему повелѣнію, остался руководителемъ графа Витгенштейна ²⁾, несмотря на то, что фельдмаршалъ все время расходился съ нимъ въ убѣжденіи относительно цѣлесообразности осады Шумлы. Графу Витгенштейну сильно не нравилось руководство Дибича и, послѣ того какъ Государь объявилъ о своемъ рѣшеніи оставить въ свое отсутствіе все попрежнему, главнокомандующій просилъ Государя сложить на Дибича же и всю отвѣтственность за успѣхъ блокады. Въ отвѣтъ на это Императоръ пригласилъ ихъ обоихъ къ себѣ и убѣждалъ ихъ жить въ согласіи, помогать другъ другу и дать возможно скорый ходъ осаднымъ работамъ. Отведя затѣмъ въ сторону графа Витгенштейна, Государь согласился съ мнѣніемъ фельдмаршала относительно сомнительности успѣха осады Шумлы и просилъ его предложить генераль-адъютанту Киселеву начертать новый планъ кампаніи, болѣе цѣлесообразный при настоящемъ положеніи войны ³⁾.

¹⁾ Н. Шильдеръ. «Императоръ Николай I, его жизнь и царствованіе». т. II, стр. 148.

²⁾ Ibid. т. II, стр. 150.

³⁾ «Военный Сборникъ» 1868 г., № 9, стр. 162.

Утромъ 21-го Юля Императоръ оставилъ Шумлу и верхомъ на лошади, въ сопровожденіи Великаго Князя Михаила Павловича, генераль-адъютантовъ Бенкендорфа и Васильчикова, графовъ Нессельроде, Матусевича, Потоцкаго и Адлерберга, а также нѣсколькихъ флигель-

Русскій лагерь подъ Шумлою.

ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ наблюдаетъ за бомбардировкой крѣпости.

адъютантовъ, отправился по Варнинской дорогѣ, наполненной бродячими турецкими шабками. Вслѣдствіе небезопасности избраннаго пути Командующій Императорскою Главною Квартирою генераль-адъютантъ Бенкендорфъ для охраны Особы Его Величества отъ весьма возможныхъ со стороны непріятеля нападеній взялъ съ собою Сѣверскій конно-егерскій полкъ, три сотни Атаманскаго полка, два баталіона 19-го Егерскаго полка и одну донскую батарею. Узнавъ это, Императоръ былъ очень недоволенъ столь сильнымъ конвоемъ и, будучи увѣренъ въ своей безопасности, приказалъ даже конно-егерямъ и артиллеріи возвратиться въ шумлинскій лагерь. Но внезапно появившаяся, пересѣкая дорогу, турецкая конница заставила отмѣнить это рѣшеніе, и Бенкендорфъ воротилъ уже оставшійся въ тылу конвой. Турки, не выжидая атаки, скрылись въ близлежащемъ лѣсу. Послѣ этого Государь безпрепятственно продолжалъ путь до Туркъ-Арнаутлара, гдѣ стояла высланная впередъ на развѣдки пѣхота; сдѣлавъ часовой

Его Императорское Величество
ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ I-Й.

Рисоваль и гравироваль Т. Райтъ.

Изъ коллекціи П. Я. Дашкова.

привалъ на бивуакъ и пообѣдавъ, Николай Павловичъ двинулся далѣе на Козлуджу, куда и прибылъ въ тотъ же день вечеромъ, уже послѣ солнечнаго заката. Козлуджа, несмотря на свою стратегическую важность, была занята весьма незначительнымъ казачьимъ отрядомъ, и едва Императорскій конвой успѣлъ расположиться на ночлегъ, составивъ въ козлы ружья, какъ послышались ружейные выстрѣлы. Императоръ, узнавъ, что турецкій отрядъ напалъ на нашъ обозъ, выслалъ баталіонъ пѣхоты, но помощь эта оказалась лишнею, такъ какъ турки успѣли уже скрыться, убивъ нѣсколькихъ погонщиковъ и захвативъ съ собою грузъ съ двухъ или трехъ возовъ.

Получивъ отъ генераль-адъютанта князя Меншикова извѣстіе о томъ, что пѣхота, осаждавшая Анапу, уже высадилась въ Коварнѣ и готова двинуться на соединеніе съ войсками, блокирующими Варну, Императоръ на совѣщаніи рѣшилъ отдѣлить отъ конвоя часть войскъ, съ цѣлью очистить окрестности Козлуджи отъ бродившихъ тамъ шаекъ разбойниковъ и обезпечить дальнѣйшее движеніе высадившихся на берегъ войскъ князя Меншикова. Отдѣленная отъ Императорскаго конвоя колонна, поступившая подъ начальство Васильчикова, въ ту же ночь отправилась въ по-

Генераль-адъютантъ
Илларионъ Васильевичъ
ВАСИЛЬЧИКОВЪ.

Съ литографіи.

Изъ собр. портр.
Имп. Гл. Кв.

ходъ ¹⁾). Переночевавъ въ солдатской палаткѣ, Императоръ хотѣлъ оставить Козлуджу рано утромъ 22-го Юля, но по настоянію генераль-адъютанта Бенкендорфа рѣшено было ожидать извѣстій отъ Васильчикова.

Такимъ образомъ здѣсь, въ Козлуджѣ, Государю пришлось отпраздновать день тезоименитства своей Августѣйшей матери, Императрицы Маріи Ѳеодоровны. За отсутствіемъ священника не было возможности даже отслужить молебна, и все торжество свелось къ тому, что Императоръ произвелъ смотръ имѣющимся налицо войскамъ, одарилъ ихъ деньгами, приказалъ выдать по чаркѣ водки и за скромной трапезой провозгласилъ здоровье Августѣйшей именинницы.

„Тутъ, подъ солдатскими палатками, — пишетъ Бенкендорфъ ²⁾, — мы провели 22 Юля, столько лѣтъ ознаменованное блестящимъ Петергофскимъ праздникомъ. Этотъ контрастъ крайне поразилъ и Государя и всѣхъ насъ и навѣялъ на наше общество невыразимую грусть“.

На слѣдующій день отрядъ по настоянію Государя двинулся въ дальнѣйшій путь, несмотря на то, что отъ Васильчикова никакихъ донесеній еще не поступало. Конвой уменьшился почти на половину, а путь къ Варнѣ пролегалъ въ густомъ лѣсу, гдѣ каждая трюцоба могла скрывать непріятельскую засаду.

Однако, послѣ нѣсколькихъ часовъ ѣзды, Императоръ благополучно достигъ возвышенности, съ которой виднѣлись вдали Варнинскій заливъ съ блокированной крѣпостью и русскій флотъ, подъ командою адмирала Грейга. Такъ какъ до отряда князя Меншикова оставалось еще полдня ѣзды, то рѣшено было сдѣлать привалъ на ночь у небольшого редута, занятаго казачьимъ постомъ.

Съ разсвѣтомъ, 24-го Юля, Государь отправился въ дальнѣйшій путь и еще до полудня прибылъ на высоты, господствовавшія надъ Варною и занятія княземъ Меншиковымъ.

Обозрѣвъ съ этой позиціи подступы къ Варнѣ, Государь объѣхалъ всѣ осаждавшія войска, осмотрѣлъ произведенныя ими осадныя работы и благодарилъ войска за вѣрную службу; затѣмъ, обсудивъ

¹⁾ Письмо кн. Меншикова Императору Николаю Павловичу отъ 21-го Юля 1828 г., Воен.-Учен. Арх. Отд. II, № 2744.

²⁾ Н. К. Шильдеръ. «Императоръ Николай I, его жизнь и царствованіе». т. II, стр. 154.

Торжественный молебенъ 1-го Юля 1828 г.

«..... въ день рожденія Императрицы подъ колоссальной палаткой, разбитой посреди лагеря, въ 32 градусную жару, священникъ въ присутствіи Императора, Свиты и дипломатическаго корпуса отслужилъ торжественный молебенъ. Отъ наждаго полка арміи былъ нарядъ въ парадной формѣ, причемъ военная музыка исполняла священныя мотивы».

Съ рис. В. Адама. Изъ книги В. Беарна.
«*Quelques souvenirs d'une campagne en Turquie*».

Изъ коллекціи Б. М. Колюбакина.

съ княземъ Меншиковымъ планъ предстоявшей осады и передавъ послѣднія инструкціи относительно энергичнаго веденія ея ¹⁾, Императоръ отправился на корабль. Отобѣдавъ на палубѣ корабля „Городъ Парижъ“ и простившись съ адмираломъ Грейгомъ, Императоръ пере-

МЕДАЛИ ВЪ ПАМЯТЬ ВОЙНЫ
1828 года ²⁾.

АЛЛЕГОРИЯ
перехода черезъ Дунай.

АЛЛЕГОРИЯ
на взятіе турецкихъ крѣпостей.

Работа графа Ф. П. Толстого.

шелъ на фрегатъ „Флора“, приготовленный для предстоящаго Высочайшаго морского путешествія въ Одессу. Гарнизонъ Варны не зналъ о присутствіи Государя въ осадномъ корпусѣ, но едва Императоръ взошелъ на палубу „Флоры“, какъ взвился на фрегатѣ Императорскій штандартъ и грянулъ салютъ изъ всѣхъ орудій флота и сухопутныхъ батарей князя Меншикова. Только теперь турки догадались о пребываніи русскаго Царя.

¹⁾ По мнѣнію Его Величества Варна не могла держаться долѣ одной недѣли. Записки князя Меншикова о дѣйствіяхъ подъ Варною. Воен.-Учен. Арх., Отд. 2, № 4448.

²⁾ Вся коллекція медалей состоитъ изъ 12 шт., сдѣланныхъ съ медальоновъ въ память персидской и турецкой войнъ 1826—29 г.г.

„Государь съ обычною своею дѣятельностью,—пишетъ генераль-адъютантъ Бенкендорфъ ¹⁾),—умѣлъ употребить въ пользу и пребываніе свое въ Одессѣ; онъ осмотрѣлъ резервные баталіоны и городскія заведенія и въ то же время занимался государственными дѣлами. Потомъ, желая взглянуть на морскія учрежденія въ Николаевѣ, онъ отправился туда вмѣстѣ съ Императрицею на корветѣ, который былъ

Nicolaus I

Съ нѣмецкой народной гравюры.

буксируемъ пароходомъ. Въ минуту отплытія (13 Августа) пріѣхалъ курьеръ съ извѣстіемъ, что князь Меншиковъ опасно раненъ ядромъ въ обѣ ноги. Надо было озабочиться его замѣщеніемъ; Государь велѣлъ мнѣ предложить начальство надъ варнскимъ отрядомъ графу Михаилу Семеновичу Воронцову ²⁾ и пріѣхать съ отвѣтомъ въ Николаевъ, куда я могъ поспѣть сухимъ путемъ въ одно время съ прібытіемъ его туда моремъ. Воронцовъ съ радостью принялъ сдѣланное ему предложеніе и не далѣе какъ на другой

день уже плылъ къ новому своему посту. Я поспѣшилъ съ вѣстью о томъ въ Николаевъ“.

Между тѣмъ разрабатываемый Начальникомъ Главнаго Штаба генераль-адъютантомъ Киселевымъ по Высочайшему повелѣнію новый планъ кампаніи былъ готовъ. Идея его заключалась, главнымъ образомъ, въ

¹⁾ Н. К. Шильдеръ. «Императоръ Николай I, его жизнь и царствованіе». т. II, стр. 156 и слѣдующія.

²⁾ Генераль-адъютантъ гр. Воронцовъ былъ въ Свитѣ еще и въ предыдущее царствованіе и до этого назначенія занималъ постъ Новороссійскаго генераль-губернатора.

томъ, что для успѣха подъ Шумлою необходимо занять долину Буюкъ-Камчика и отрѣзать туркамъ всякое сообщеніе съ Константинополемъ, которое до этого беспрепятственно происходило по эски-стамбульской линіи. Лишивъ такимъ образомъ возможности сообщаться со столицей, русскіе сдѣлали бы опаснымъ и шаткимъ положеніе турецкаго гарнизона, который, запертый въ крѣпости, не могъ бы получать ни подкрѣпленій, ни продовольствія. Кромѣ всего этого Киселевъ предлагалъ усилить третій корпусъ для того, чтобы дать ему возможность держаться подъ стѣнами Шумлы до тѣхъ поръ, пока седьмой корпусъ, соединившійся съ гвардіей, не начнетъ рѣшительнаго наступленія за линію Балканъ ¹⁾).

Главкомандующій просилъ разрѣшенія привести въ исполненіе новый планъ кампаніи, и Императоръ, рассмотрѣвъ и одобривъ его, приказалъ немедленно приступить къ его осуществленію. Съ своей стороны графъ Дибичъ, раздраженный противодѣйствіемъ своимъ намѣреніямъ, дѣлалъ все возможное, чтобы помѣшать фельдмаршалу въ исполненіи плана Киселева, при чемъ, не сдерживая порывовъ неудовольствія, Дибичъ нерѣдко въ своихъ сѣтованіяхъ переходилъ на личную почву, огорчая престарѣлаго фельдмаршала вѣчными заявленіями, будто ему помѣшали изъ зависти овладѣть Шумлою. Однако, несмотря на то, что зависть другихъ, какъ полагалъ Дибичъ, помѣшала ему пожать лавры подъ стѣнами этой турецкой твердыни, онъ продолжалъ увѣрять Государя, что миръ будетъ подписанъ на развалинахъ дымящейся Шумлы ²⁾).

Между тѣмъ извѣстія изъ-подъ осажденныхъ трехъ крѣпостей не представляли собою ничего утѣшительнаго. Бомбардировка Варны началась съ моря, а на сушѣ князь Меншиковъ продолжалъ строить укрѣпленія и отбивать безконечныя вылазки непріятеля. Подъ Силистріей генералъ Ротъ также ежедневно отражалъ вылазки гарнизона и, чтобы предохранить свои войска отъ дѣйствія непрестанныхъ турецкихъ атакъ, возводилъ редуты. Подъ Шумлою какъ осаждающіе, такъ и осажденные стали терпѣть недостатокъ въ продовольствіи. Вылазки турецкой кавалеріи за отсутствіемъ фуража прекратились, а генералъ

¹⁾ Воен.-Учен. Арх., Отд. 2, № 2704.—Записка Нач. Гл. Штаба генераль-адъютанта Киселева отъ 25 Іюля 1828 г.

²⁾ «Военный Сборникъ» 1868 г., № 9, стр. 174.

Ридигеръ все продолжалъ занимать со своимъ отрядомъ эски-стамбульскую дорогу.

Императоръ Николай Павловичъ не думалъ возвращаться въ Шумлу, осада которой не предвѣщала хорошихъ результатовъ и, предоставивъ взятіе ея графу Витгенштейну и Дибичу, все свое вниманіе обратилъ на Варну, такъ какъ капитуляція этой крѣпости должна была сыграть не меньшую роль, чѣмъ возможное, но мало-вѣроятное, покореніе Шумлы. Поэтому - то Государь съ громаднымъ нетерпѣніемъ ожидалъ прибытія подъ Варну гвардейскаго корпуса, который къ этому времени уже находившихъ всю охрану и свиту. По невозможной дорогѣ, въ сильнѣйшую грозу, къ ночи Императоръ прибылъ въ Сатуново, гдѣ для дальнѣйшаго слѣдованія необходимо было переправиться черезъ Дунай.

Такъ какъ благодаря сильной темнотѣ ѣзда по плотинѣ и по мосту въ экипажѣ представляла серьезную опасность, Бенкендорфъ оцупью провелъ Государя на противоположный берегъ. Дальнѣйшій путь былъ совершенъ безъ какихъ бы то ни было приключеній. Въ Бабадагѣ Императоръ подробно осмотрѣлъ переполненный больными госпиталь и, не останавливаясь надолго, въ тотъ же день поспѣшилъ

Генералъ-адъютантъ
князь АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ
МЕНШИКОВЪ.

Съ портр. А. Брюлова,
рис. П. Басинъ.

Изъ собр. портр.
Имп. Гл. Кв.

ся въ предѣлахъ Болгаріи. Изъ опасенія задержки въ морскомъ пути, благодаря господствовавшему въ то время юго-восточнымъ вѣтрамъ, Императоръ 23 - го Августа выѣхалъ изъ Одессы въ Варну сухимъ путемъ въ сопровожденіи лишь неизмѣннаго графа Бенкендорфа и двухъ казаковъ, состав-

въ Кюстенджи, на пути къ которой ихъ застала ночь. По изборожденной рытвинами и оврагами дорогѣ, глухою ночью, Императоръ буквально таки натолкнулся на лагерь легкой гвардейской кавалерійской дивизіи. Солдаты узнали Государя по голосу, и въ отвѣтъ на царскій привѣтъ раздалось громкое тысячекратное русское „ура“. Переночевавъ въ палаткѣ дивизионнаго командира генераль-адъютанта Чичерина, Императоръ на другой день осмотрѣлъ гвардейскія войска, магазины,

СТОЯНКА ГЛАВНОЙ КВАРТИРЫ ПОДЪ ВАРНОЙ.

Съ наброска съ натуры Дезарно.

Изъ исторіи Л. Гв. Уланскаго Ея Величества полка.

госпитали и, найдя все въ отличномъ, образцовомъ порядкѣ и поблагодаривъ войска за ихъ удивительныя бодрость и свѣжесть, направился въ дальнѣйшій путь — въ Каварну, на рейдѣ которой ко времени приѣзда Государя стоялъ уже пришедшій изъ Одессы и привезшій свиту фрегатъ „Флора“. Переѣхавъ на шлюпкѣ на корабль, Императоръ 27-го Августа снова появился на Варнинскомъ заливѣ, основавъ себѣ временную резиденцію на адмиральскомъ кораблѣ „Городъ Париж“. Не помѣстившаяся на суднѣ часть свиты должна была расположиться на сушѣ, въ палаткахъ возлѣ гвардейскаго лагеря.

Графъ Воронцовъ и Великій Князь Михаилъ Павловичъ встрѣтили высадившагося на берегъ своего Августѣйшаго вожда и хотѣли показать только-что прибывшія гвардейскія войска и осадныя работы; но Государь выразилъ желаніе посѣтить прежде больныхъ и раненыхъ, въ особенности князя Меншикова, потеря котораго не вознаградилась бы даже успѣхомъ варнинской осады ¹⁾.

При посѣщеніи князя Меншикова, глубоко тронутаго вниманіемъ

¹⁾ «Военный Сборникъ» 1868 г., № 10, стр. 332.

Его Величества, Государь пожаловалъ ему орденъ Св. Александра Невскаго. По Высочайшему повелѣнію раненаго князя 31-го Августа перенесли на фрегатъ „Флора“, гдѣ его вторично посѣтилъ Государь. Послѣ того, когда раненый генераль-адъютантъ поправился настолько, что въ состояніи уже былъ совершить переѣздъ моремъ, Государь повелѣлъ перевезти больного на „Флорѣ“ въ Николаевъ на попеченіе Императрицы.

Въ первые же дни пріѣзда Государь убѣдился въ успѣхахъ осады, сдѣланныхъ въ его отсутствіе. Часть города была уже разрушена нашимъ огнемъ, валы со стороны моря представляли широкія брешы, а осадныя работы съ суши продолжали приближаться къ городу, несмотря на безпрестанныя непріятельскія вылазки.

Между тѣмъ турецкій главнокомандующій, взявъ пѣз Шумлы 15.000 человекъ, отправилъ ихъ въ Варну подѣ начальствомъ Омера-Вріоне-паши, получившаго инструкцію во что бы то ни стало заставить русскихъ снять осаду Варны.

Въ ночь на 31-е Августа съ варнинскихъ крѣпостныхъ валовъ вдругъ открыли сильнѣйшую канонаду — это была вылазка гарнизона, въ виду предполагавшагося приближенія отряда Омера-паши. Праводы, занятые генераломъ Мадатовымъ, подверглись нападенію четырехтысячнаго отряда. Однако вылазка эта успѣха не имѣла, но указала намъ нашу слабую сторону.

Императоръ приказалъ немедленно замкнуть съ юга блокадную линію со стороны Бургаса на берегахъ лимана Девно. Отрядъ въ 5.000 человекъ гвардейскихъ и армейскихъ егерей подѣ начальствомъ генераль-адъютанта Головина въ силу Высочайшаго повелѣнія занялъ съ боемъ высоты Галатскаго мыса. Траншеи наши уже достигли гласиса крѣпости, пробитыя брешы въ врѣпостномъ валу уже указывали на близкое ея паденіе.

Императоръ Николай Павловичъ, щадя людей и не желая по этому брать Варну приступомъ, предложилъ осажденному гарнизону сдаться. Въ отвѣтъ на это предложеніе комендантъ Ицетъ-Мегметъ-паша сейчасъ же согласился на предложеніе Императора и вступилъ въ переговоры. Немедленно было заключено перемиріе; однако, по всему было видно желаніе турокъ только выиграть время. Вотъ почему на другой же день коменданту врѣпости было предложено рѣшительно объясниться съ адмираломъ Грейгомъ. „Черезъ часъ, если вы

не примете великодушныхъ условий, предлагаемыхъ моимъ Августѣйшимъ Государемъ, осада будетъ возобновлена“¹⁾), отвѣчалъ на турецкія увертки прамодушный и дальновидный морякъ. Ицетъ-Мегметъ-

*Его Императорское Величество
НИКОЛАИ ПАВЛОВИЧЬ
Императоръ и Самодержецъ Всероссийскій*

Съ лубочной картины.

Изъ собранія Г. С. Габаева.

паша, ничего не возразивъ на слова адмирала, возвратился въ крѣпость и приказалъ извѣстить пушечнымъ выстрѣломъ объ окончаніи переговоровъ и перемирія.

Нѣсколько ранѣе въ Главной Императорской Квартирѣ было получено извѣстіе, что Омеръ-паша выступилъ на освобожденіе Варны и что принцъ Евгений Виртембергскій съ бригадою пѣхоты, дѣйствуя

¹⁾ «Военный Сборникъ» 1868 г., № 10, стр. 341.

на его сообщенія, слѣдить за движеніемъ непріятели и тѣмъ задерживаетъ движеніе. Императоръ, желая ускорить капитуляцію Варны, приказалъ усилить осадныя работы, возобновившіяся послѣ короткаго перемирія.

Къ этой эпохѣ осады Варны относится смерть ¹⁾ двухъ членовъ Государевой Свиты: генераль-маіора Гартонга ²⁾ и флигель-адъютанта полковника Саргера.

Для рекогносцировки вновь прибывшихъ турецкихъ войскъ Омера-паши былъ составленъ довольно сильный отрядъ изъ двухъ баталіоновъ Л.-Гв. Егерскаго полка, двухъ эскадроновъ конныхъ егерей и уланъ, при двухъ орудіяхъ казачьей артиллеріи. По Высочайшему повелѣнію начальникомъ этого сборнаго отряда назначенъ былъ полковникъ польскихъ войскъ флигель-адъютантъ графъ Залусскій. Вслѣдствіе нераспорядительности и отсутствія должной осторожности въ сильно пересѣченной и покрытой лѣсомъ мѣстности цолковникъ графъ Залусскій далъ себя окружить сильнѣйшимъ непріятеlemъ; приказавъ

баронъ Иванъ Ивановичъ
САРГЕРЪ.

Флиг.-адъют. съ 15 Дек. 1825 г. по 10 Апр. 1828 г.
Изъ исторіи Л.-Гв. Финляндскаго полка, изд. 1846 г.

отступать, онъ первый съ частью отряда ускакалъ, оставивъ остальную часть ввѣреннаго ему отряда на произволь судьбы. Отрѣзанные отъ отступившей колонны егеря мужественно схватились съ шеститысячнымъ непріятельскимъ отрядомъ. 358 нижнихъ чиновъ вмѣстѣ съ командиромъ Л.-Гв. Егерскаго полка генераль-маіоромъ Гартонгомъ, добровольно послѣдовавшимъ на рекогносцировку за частью своего полка, флигель-адъютантомъ Саргеромъ и другими 14-ю офицерами, были перебиты, 86 тяжело раненныхъ попались

¹⁾ «Исторія Л.-Гв. Егерскаго полка», изд. 1896 г., стр. 208—218.

²⁾ Былъ флигель-адъютантомъ съ 15 Дек. 1825 г. по 25 Іюня 1826 г.

въ плѣнъ, а 261 человекъ, тоже большею частью раненые, возвратились въ лагерь.

Легко представить себѣ гнѣвъ Императора Николая ¹⁾, впервые увидавшего, что русскія войска дали тылъ и потеряли знамя. Бывшій командиръ Л.-Гв. Егерскаго полка генералъ - адъютантъ Бистромъ былъ назначенъ произвести строжайшее разслѣдованіе.

Флигель-адъютантъ
графъ Іосифъ Залусскій.

Съ литографіи.

Изъ собр. портр.
Имп. Гл. Кв.

Четыре офицера и 200 нижнихъ чиновъ, участвовавшіе въ дѣлѣ 10-го Сентября, были исключены изъ рядовъ гвардіи и распредѣлены въ 13-й и 14-й егерскіе полки, осаждавшіе Варну съ сѣверной стороны, чтобы, какъ выразился Государь, „доставить имъ случай возстановить на полѣ битвы утраченную честь“ ²⁾.

Послѣ этой неудачной рекогносцировки Императоръ, видя, что съ южной стороны крѣпости Варны, на гористой мѣстности, сплошь по-

¹⁾ Современникъ П. Лакруа въ «Военномъ Сборникѣ» за 1868 г. стр. 127 говоритъ: «призвавъ къ себѣ полковника Залусскаго, Государь осыпалъ его упреками, лишилъ его чина, орденовъ и повелѣлъ записать рядовымъ въ одинъ изъ армейскихъ полковъ». Къ сожалѣнію нигдѣ, даже въ Архивѣ Старыхъ Дѣлъ въ Варшавѣ, не удалось разыскать подтвержденія этого разжалованія.

Въ послужномъ спискѣ полковника Залусскаго за 1829 г. не имѣется указаній на то, чтобы онъ участвовалъ въ кампаніи 1828 года, хотя несомнѣнно онъ принималъ въ ней участіе, командуя отрядомъ 10 Сентября.

Для характеристики флигель-адъютанта графа Залусскаго нельзя обойти молчаніемъ мнѣніе о немъ, высказанное генералъ-адъютантомъ Ѳ. Гогелемъ, сообщаемое Степановымъ въ запискахъ въ «Военномъ Сборникѣ» за 1877 г. № 2, стр. 386.

«Великій Князь Константинъ Павловичъ не любилъ графа Залусскаго и, не смотря на то, что онъ былъ флигель-адъютантъ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА, не давалъ ему никакого назначенія. Залусскій, не получая должности въ арміи, поступилъ въ ректоры Краковскаго университета, куда выбранъ не ради учености, но потому, что былъ богатъ и владѣлъ превосходною бібліотекою. Про него поляки говорили: «Грабѣя Залусскій, — воякъ въ университетѣ и ректоръ на войнѣ». Въ 1828 году онъ, въ качествѣ флигель-адъютанта, былъ вызванъ въ армію и вскорѣ послѣ дѣла подъ Гаджи-Гасанъ-Даромъ высланъ обратно въ Польшу».

²⁾ «Военный. Сборникъ.» 1868 г., № 11, стр. 127.

крытой лѣсомъ, сосредоточились значительныя турецкія силы, повелѣлъ усилить отрядъ генераль-адъютанта Головина до 8¹/₂ тысячъ человѣкъ, при 22 орудіяхъ, начальство надъ которыми принялъ генераль-адъютантъ Бистромъ. 16-го Сентября Омеръ-паша съ 15 тысячами яростно атаковалъ нашу позицію, но, понеся большія потери, былъ отброшенъ на свои укрѣпленія въ Куртъ-тепе.

Въ свою очередь 18-го Сентября было приказано принцу Евгенію Виртембергскому съ 8¹/₂ тысячами, при 42 орудіяхъ, атаковать Омера-пашу у Куртъ-тепе при поддержкѣ части отряда генераль-адъютанта Бистрома. Это наступленіе, повсюду отбитое турками, стоило намъ до двухъ тысячъ человѣкъ, при чемъ и самъ принцъ былъ раненъ.

Однако Омеръ-паша не воспользовался своимъ успѣхомъ. Храбрость русскаго солдата въ этихъ двухъ бояхъ произвели на него такое сильное впечатлѣніе, что онъ отказался отъ наступательныхъ дѣйствій для освобожденія Варны и стоялъ у Куртъ-тепе въ полномъ бездѣйствіи.

Участь Варны была рѣшена. Непрiятель, теряя эту твердыню, старался ободрить себя надеждою, что русскіе снимутъ осаду Шумлы и Силистріи. Надежды эти были вполне основательны, такъ какъ положеніе осаждающихъ эти двѣ крѣпости становилось съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе критическимъ. Недостатокъ продовольствія и фуража, а также сильно развившіяся эпидемическія заболѣванія давали себя чувствовать, и ряды войскъ замѣтно стали рѣдѣть. Лихорадка и тифъ не переставали уносить свои жертвы, не щадя не только нижнихъ чиновъ, но и офицеровъ и генераловъ, потеря которыхъ сильно отзывалась каждый разъ въ чуткой душѣ Императора. Особенно поразила его кончина въ Праводахъ брата Командующаго Императорскою Главною Квартирою, генераль-адъютанта графа Константина Христофоровича Бенкендорфа 2-го, пожелавшаго съ небольшимъ ввѣреннымъ ему отрядомъ во что бы то ни стало перебраться за Балканы въ тылъ турецкой арміи. Заболѣвъ злокачественной лихорадкой, заставившей его возвратиться въ Праводы, Бенкендорфъ черезъ нѣсколько дней скончался, поручивъ передъ смертью передать Государю, что онъ особенно жалѣетъ умирать прежде взятія Варны.

Императоръ объявилъ, что не оставитъ осады Силистріи и Шумлы до тѣхъ поръ, пока не овладѣетъ Варною. А между тѣмъ дѣла подъ Силистріей находились не совсѣмъ въ блестящемъ положеніи.

Константинъ Христофоровичъ
БЕНКЕНДОРФЪ 2-ой.

Съ портр. Г. Доу,
лит. Гейтмана.

Изъ собр. портр.
Имп. Гл. Кв.

Генераль-адъютантъ Крейцъ 30-го Августа съ сильнымъ урономъ отбилъ вылазку силистрийскаго гарнизона. Съ тѣмъ же успѣхомъ отбросилъ подъ стѣнами Силистріи врага 2-го Сентября и генераль Ротъ. Однако, несмотря на эти уроки, энергія турокъ, безпрестанно получавшихъ подкрѣпленія, не ослабѣвала, а угнетенное состояніе нашихъ войскъ заставило Императора Николая Павловича второй корпусъ генерала Рота замѣнить шестымъ — генераль-адъютанта князя Щербатова.

Подъ Шумлою, послѣ довольно продолжительнаго перерыва, вылазки осажденнаго гар-

низона съ 16-го Сентября возобновились благодаря распространившимся вдругъ слухамъ, будто русскій блокадный корпусъ настолько изнуренъ болѣзнями и разнаго рода нехватками, что не будетъ въ состояніи выдержать ни одного непріятельскаго удара. Несмотря на то, что слухи эти были блестяще опровергнуты оружіемъ генераль-адъютанта графа Орлова, нанесшаго туркамъ 21-го Сентября у деревни Кадыкюй сильнѣйшее пораженіе, трудно было предвидѣть и надѣяться на успѣшное окончаніе шумлинской блокады. Разбитый графомъ Орловымъ гарнизонъ снова засѣлъ за крѣпостными стѣнами, а осаждающія войска попрежнему продолжали подвергаться всевозможнымъ лишеніямъ и держаться выжидательной тактики.

Въ Варнѣ, несмотря на сдѣланныя стараніями полковника Шильдера брести, Императоръ, жалѣя людей, не соглашался на штурмъ. Наконецъ, когда у осажденныхъ турокъ истощились все средства обороны, начальникъ крѣпости Юсуфъ-паша, сознавъ свое безсиліе, 28-го Сентября положилъ оружіе, рѣшивъ отдать себя съ значительною частью своихъ войскъ подъ покровительство Россійскаго Императора. Не-

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ I.

Съ нѣмецкой литографіи.

рѣшилъ ему оставить цитадель и выйти изъ города съ конвоемъ въ четыреста человѣкъ. Что касается Юсуфа-паши, то онъ, несмотря на полученное разрѣшеніе возвратиться въ Турцію, не согласился на это и навсегда остался въ Россіи.

Императоръ Николай Павловичъ щедро наградилъ всѣхъ участниковъ осады Варны. Баронъ Гейсмаръ былъ пожалованъ за отличіе званіемъ генералъ-адъютанта, командующій Л.-Гв. Сапернымъ баталіономъ полковникъ Шильдеръ и флигель-адъютанты князя Н. А. Долгорукій, А. Я. Лобановъ-Ростовскій и графъ С. Г. Строгановъ ¹⁾ были произведены въ генералъ-маіоры съ оставленіемъ въ Свитѣ, графъ Воронцовъ получилъ золотую, украшенную алмазами, шпагу съ надписью: „За взятіе Варны“, адмиралъ Грейгъ—орденъ св. Георгія второй степени, а раненый князь Меншиковъ—турецкую

¹⁾ Всѣ трое—Л.-Гв. Гусарскаго полка.

смотря, однако, на то, что Юсуфъ-паша сдался, помощникъ его, комендантъ Ицеть-Мехметъ-паша, заперся съ нѣсколькими стами человѣкъ въ цитадели и, не думая все-таки о капитуляціи, послалъ сказать Августѣйшему побѣдителю, что если онъ не получитъ разрѣшенія соединиться съ арміей Омера-паши, то взорветъ цитадель и погибнетъ вмѣстѣ съ засѣвшими тамъ храбрецами. Но этому желанію бывшего коменданта не суждено было сбыться, такъ какъ русскія войска успѣли уже войти въ крѣпость, проникнуть въ цитадель и захватить Ицеть-пашу въ плѣнъ. Государь, изъ уваженія къ мужеству Ицета-паши, раз-

пушку. Кромѣ этихъ наградъ графъ Воронцовъ и адмиралъ Грейгъ удостоились Всемилостивѣйшихъ рескриптовъ.

Въ то время, когда Государь подписывалъ ихъ, было получено отъ генераль-адъютанта графа Дибича письмо, въ которомъ онъ, поздравляя Его Величество съ блестящимъ покореніемъ Варны, выражалъ горькое сожалѣніе о томъ, что паденіе Шумлы еще далеко, и увѣрялъ Государя, что если бы ему прислали на помощь гвардейскій корпусъ, то дѣло приняло бы совершенно другой оборотъ ¹⁾. Въмѣсто гвардейскаго корпуса пришлось поощрить и генераль-адъютанта графа Дибича орденомъ св. Андрея Первозваннаго и милостивымъ рескриптомъ отъ 30-го Сентября, а на состоявшемся затѣмъ военномъ совѣтѣ подъ предсѣдательствомъ Императора рѣшено было снять осаду какъ съ Шумлы, такъ и съ Силистріи.

Въ Высочайшемъ приказѣ отъ 29-го Сентября было объявлено войскамъ Монаршее удовольствіе и признательность, при чемъ 13-му

Генераль-адъютантъ
КАРЛЬ АНДРЕЕВИЧЪ
ШИЛДЕРЪ.

Съ лит. Фаянъ.

Изъ собр. портр.
Имп. Гл. Кв.

14-му егерскимъ полкамъ жаловались знамена съ надписью: „За отличіе при осадѣ и взятіи крѣпостей Анапы и Варны“, а Гвардейскому и 4-му сапернымъ баталіонамъ такія же знамена съ надписью: „За отличіе при осадѣ и взятіи крѣпости Варны“.

Торжественный Высочайшій въѣздъ въ покоренную крѣпость состоялся 1-го Октября. Государь, въ сопровожденіи Великаго Князя Михаила, чиновъ штаба и дипломатическаго корпуса, верхомъ въѣхалъ въ крѣпость, представлявшую изъ себя развалины;

¹⁾ «Военный Сборникъ» 1868 ., № 11, стр. 144 и 145.

масса разлагавшихся труповъ людей и лошадей издавали невыносимый смрадъ. Сойдя съ коня у уцѣлѣвшей какимъ-то чудомъ греческой церкви, Императоръ повелѣлъ отслужить здѣсь молебень. „Это священнослуженіе,—пишетъ генераль-адъютантъ Бенкендорфъ ¹⁾),—посреди смерти и развалинъ, въ мусульманскомъ краѣ, въ православномъ, угнетенномъ полулуніемъ, храмъ имѣло что-то неописуемо поразительное“.

На слѣдующій день Императоръ, посѣтивъ отрядъ генераль-адъютанта Бистрома, расположенный съ южной стороны Варны, благодарилъ войска за ихъ вѣрную службу и повелъ находившіеся здѣсь полки гвардейскаго корпуса черезъ Варну на сѣверную сторону, гдѣ они и расположились лагеремъ ²⁾).

Кампанія 1828 г. такимъ образомъ закончилась паденіемъ Варны. Это былъ важнѣйшій успѣхъ въ войнѣ этого года, „что дало намъ,—пишетъ Епанчинъ,—возможность утвердиться за Дунаемъ и, перезимовавъ въ Болгаріи, начать слѣдующую кампанію, такъ какъ позднее время года, крайнее утомленіе войскъ и разстройство ихъ отъ болѣзней не

позволяли думать о переходѣ Балканъ и дальнѣйшихъ наступательныхъ дѣйствіяхъ въ этомъ году“.

Военныя дѣйствія должны были возобновиться весною. Необходимо было озаботиться размѣщеніемъ арміи по зимнимъ квартирамъ.

Несмотря на то, что болѣзнь Августѣйшей родительницы и неотложныя дѣла требовали скорѣйшаго прибытія Государя въ Петербургъ, Высочайшій отъѣздъ изъ дѣйствующей арміи состоялся лишь тогда, когда Государь лично распорядился объ отводѣ

Генераль-адъютантъ
графъ СЕРГѢЙ ГРИГОРЬЕВИЧЪ
СТРОГАНОВЪ.

Съ литографіи.

Изъ собр. портр.
Имп. Гл. Кв.

¹⁾ Н. К. Шильдеръ. «Императоръ Николай I, его жизнь и царствованіе» т. II, стр. 172.

²⁾ Н. Лукьяновичъ. «Биографія генераль-адъютанта Бистрома». Спб. 1841 г., стр. 42.

помѣщенія войскамъ для зимовки, объ устройствѣ госпиталей и магазиновъ.

Наконецъ, послѣ того какъ былъ рѣшенъ вопросъ о расквартированіи войскъ, и ввѣривъ графу Витгенштейну исполненіе всѣхъ своихъ по этому вопросу распоряженій, Императоръ 2-го Октября на

Въ Шествіе Россійскійхъ Войскъ съ распущенными Знаменами и барабаннымъ боемъ въ прломъ Крѣпости Варны покорившеяся 29 Сентября 1828 Года ¹⁾.

Лубочная гравюра М. Щурова.

Изъ собранія Г. С. Габаева.

кораблѣ „Императрица Марія“ отплылъ въ Одессу, сопровождаемый генераль-адъютантами: графомъ Воронцовымъ, Бенкендорфомъ, графомъ Орловымъ и Адлербергомъ, графомъ Нессельроде ²⁾ и прусскимъ генераломъ Ностицемъ. Одновременно съ „Императрицей Маріей“ поднялъ паруса и „Пантелеймонъ“, увозившій въ Россію иноземныхъ посланниковъ. Начавшееся благополучно морское путешествіе ознаменовалось сильнѣйшей бурей, разлучившей оба судна, разбившей на „Императрицѣ Маріи“ бизань-мачту и такелажъ и отнесшей это судно въ совершенно противоположную отъ Одессы сторону, къ Босфору, гдѣ представлялась явная опасность попасть въ плѣнъ къ туркамъ.

¹⁾ Ориографія подлинника сохранена.

²⁾ Генераль-маіоръ графъ Ф. К. Нессельроде былъ назначенъ въ Свиту Е. И. В. 25 Іюня 1831 г.

Когда туманъ разсѣялся, корабль былъ въ виду турецкихъ береговъ. Штормъ, къ счастью, утихъ, и судно, несмотря на свои аваріи, благодаря распорядительности капитана Папа-Христо, снова взяло курсъ на Одессу.

Штормъ 4 Октября 1828 г.
по время плаванія ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА на фрегатѣ «Императрица Марія» отъ покоренной крѣпости Варны въ Одессу.
Рызалъ на деревѣ Гогенфельденъ.

Печ. Ратгенъ.

Объ этомъ событіи генералъ-адъютантъ графъ Адлербергъ доносилъ 8-го Октября графу Дибичу ¹⁾: „По снятіи съ якоря, попутный вѣтеръ, продолжавшійся до полудня 3-го числа, довелъ корабль „Императрица Марія“ благополучно до высоты Георгіевскихъ Дунайскихъ гирль. Послѣ того сдѣлался совершенный штиль, который продолжался до 10 часа вечера. Поднявшійся въ то время свѣжій противный NO вѣтеръ мало-по-малу сталъ крѣпчать и въ полночь 4-го числа сдѣлался сильнымъ штормомъ, который, свирѣпствовавъ 36 часовъ сряду, началъ утихать только 5-го числа пополудни въ 6-мъ часу. Въ продолженіе сей бури корабль потерялъ на фок-мачтѣ стенгу и брам-стенгу, на грот-мачтѣ—брам-стенгу и на бушпертѣ-утлегеръ и бомутлегеръ съ парусами и былъ увлеченъ отъ настоящаго курса своего назадъ почти до высоты крѣпости Кюстенджи, а отъ берега слишкомъ на 70 миль. Качка была столь велика, что по всѣмъ палубамъ и на шканцахъ были протянуты веревки, дабы матросамъ можно было за оныя держаться. Государь Императоръ много страдалъ отъ морской болѣзни и изъ всѣхъ сопровождавшихъ Его Величество особъ не было никого здороваго. Его Величество при семъ случаѣ сожалѣлъ весьма, что не предпринялъ обратную дорогу сухимъ путемъ. По окончаніи бури вѣтеръ продолжалъ дуть противный и только въ ночь съ 5 на 6 число сдѣлался попутнымъ, въ полдень 6-го числа вновь сдѣлался

¹⁾ Воен.-Учеп. Арх. I, № 639.

противнымъ, что и принудило лавировать и лишь 8-го числа во второмъ часу утра корабль „Императрица Марія“ бросилъ якорь въ Одесскомъ рейдѣ и Государь Императоръ съѣхалъ на берегъ, гдѣ и ожидали Его Величество дорожные экипажи“.

Пробывъ въ Одессѣ всего лишь нѣсколько часовъ, Императоръ въ сопровожденіи неизмѣннаго генераль-адъютанта Бенкендорфа отправился въ Петербургъ, куда спѣшилъ во дню рожденія Императрицы Маріи Ѳеодоровны (14-го Октября).

Новый рекрутскій наборъ, текуція дѣла государственныя и неудовлетворительное состояніе здоровья Императрицы Маріи Ѳеодоровны требовали присутствія Государя въ Петербургѣ.

Никогда Государь не ѣздилъ еще съ такою быстротой, останавливаясь только для перемѣны лошадей. Весь этотъ переѣздъ, отъ Одессы до Петербурга, былъ совершенъ всего лишь въ 6 дней!

Взятіе Варны, Праводъ, Браилова и Базарджика не привело къ какому-либо положительному соглашенію съ Оттоманскою Портою, и для нанесенія Турціи болѣе чувствительныхъ ударовъ и заключенія желаемого мира необходимо было продолжать начатую кампанію и въ слѣдующемъ, 1829-мъ, году.

Примирившись съ этою роковою необходимостью, Императоръ энергично занялся подготовленіемъ средствъ для продолженія войны.

Главкомандующій графъ Витгенштейнъ, понимая свое странное положеніе въ арміи, гдѣ графъ Дибичъ велъ помимо него обширную переписку и даже самостоятельно руководилъ ходомъ военныхъ операцій, 5-го Октября, подъ предлогомъ лихорадочныхъ заболѣваній, просилъ у Государя разрѣшенія оставить дѣйствующую армію и поселиться въ Подольской губерніи ¹⁾.

Просьба эта осталась безъ удовлетворенія, и въ отвѣтъ на нее Императоръ пожаловалъ главнокомандующаго милостивымъ рескриптомъ отъ 11-го Ноября, въ которомъ, между прочимъ, писалъ: „Посему убѣдительно прошу васъ сохранить начальство надъ ввѣренною вамъ арміею и не оставлять оной даже временно, доколѣ не расположите войскъ на зимнія квартиры, не возстановите въ оныхъ частей, раз-

¹⁾ Воен.-Учен. Арх. II, № 4445.

строенныхъ въ продолженіе настоящей кампаніи, не облегчите успѣшнаго окончанія будущей“.

Такимъ образомъ Государь, хотя и не уволилъ графа Витгенштейна, однако все-таки призналъ невозможнымъ удержать его на посту главнокомандующаго во время предстоящей кампаніи. Поэтому Императору пришлось пре-

НИКОЛАЙ I.

Съ лубочной гравюры.

Изданіе Яковлева.

жде всего озаботиться выборомъ замѣстителя фельдмаршала. Изъ переписки Николая Павловича съ графомъ Дибичемъ видно, что Государь долго останавливался на этомъ вопросѣ и въ преемники Витгенштейна сначала прочилъ Сакена, старческая дряхлость котораго заставила затѣмъ отказаться отъ этой мысли. Слѣдующимъ замѣстителемъ фельдмаршала Императоръ намѣчалъ состоявшаго при Особѣ Императора Александра генерала Ланжерона, наконецъ предполагалъ

самому стать во главѣ войскъ, имѣя подъ своимъ начальствомъ того же Ланжерона ¹⁾).

Относительно плана предстоящей кампаніи графъ Дибичъ, будучи сторонникомъ рѣшительныхъ дѣйствій, еще въ царствованіе Императора Александра Павловича, живо интересовался вопросомъ о проходности Балканъ, и въ 1819 году, обмѣнявшись по этому поводу нѣсколькими письмами съ генералъ-адъютантомъ Киселевымъ, вопросъ

¹⁾ Воен.-Учен. Арх. II, № 2757 а и б.

о доступности Балканъ рѣшилъ тогда же въ положительномъ смыслѣ ¹⁾, но предполагая, очевидно, что его взгляды на рѣшительный образъ дѣйствій не будутъ согласованы съ намѣреніями Петербурга, писалъ Государю, что открыть предстоящія военныя дѣйствія необходимо штурмомъ и взятіемъ Шумлы, а затѣмъ ограничиться постепеннымъ покореніемъ дунайскихъ крѣпостей, отнюдь не переходя Балканъ ²⁾. Скрывая такимъ образомъ до поры до времени отъ Государя истинныя свои намѣренія, Дибичъ, 10 Ноября 1828 г., между прочимъ, писалъ Императору Николаю: „Это вполне оборонительное и даже въ нѣкоторой степени отступательное движеніе главныхъ силъ выказало бы самымъ очевиднымъ образомъ наши миролюбивыя намѣренія и принятую систему дѣйствій“ ³⁾. Такимъ образомъ эта „принятая система дѣйствій“ заставляла графа Дибича, какъ человека гибкаго, скрывать свои истинные планы.

Между тѣмъ въ Петербургѣ 19-го Ноября подъ личнымъ руководствомъ Императора состоялось совѣщаніе ⁴⁾, на которомъ рѣшили, что для нанесенія туркамъ рѣшительнаго удара, который заставилъ бы ихъ подписать требуемыя Россіей условія мира, необходимо во что бы то ни стало совершить забалканскій походъ. Государь съ этимъ мнѣніемъ вполне согласился, и намѣченный въ Петербургѣ такимъ образомъ планъ будущей кампаніи въ самой своей основѣ разошелся

Флигель-адъютантъ
князь Александръ Яковлевиъчъ
ЛОБАНОВЪ-РОСТОВСКІЙ.

¹⁾ Н. Епанчинъ. «Очеркъ похода 1829 г. въ Европейской Турціи», ч. II, стр. 11 и 43.

²⁾ Воен.-Учен. Арх. II, № 4445 и Н. К. Шильдеръ. «Императоръ Николай Павловичъ, его жизнь и царствованіе», т. II, стр. 196.

³⁾ Н. Епанчинъ. «Очеркъ похода 1829 г. въ Европейской Турціи», ч. II, стр. 15.

⁴⁾ На совѣщаніи этомъ были графъ Кочубей и генералъ-адъютанты: графъ А. И. Чернышевъ, баронъ К. Ѳ. Толь и И. В. Васильчиковъ.

съ высказаннымъ Государю мнѣніемъ генераль-адъютанта графа Дибича ¹⁾).

„Когда все это совершилось,—пишетъ Н. К. Шильдеръ ²⁾),—графъ Дибичъ появился въ Петербургъ и съ присущею ему ловкостью тотчасъ примѣнился къ этимъ новымъ требованіямъ. Незамѣтнымъ образомъ онъ постепенно отступился отъ своихъ прежнихъ заявленій и, сдѣлавшись сторонникомъ забалканскаго похода, пересталъ признавать

Генераль-адъютантъ
графъ Иванъ Ивановичъ
ДИБИЧЪ.

Съ литографіи.

Изъ собр. портр.
Имп. Гл. Кв.

занятіе Шумлы необходимымъ условіемъ завершения кампаніи; когда же рѣчь заходила объ ошибкахъ прошлогодней кампаніи, онъ постоянно повторялъ: „я это прекрасно знаю, это ужасно, это постыдно“.

Ошибившись въ расчетахъ относительно намѣреній въ Петербургъ, графъ Дибичъ, будучи въ столицѣ, моментально мѣняетъ свою прежнюю тактику и ведетъ дѣло такъ искусно, что вызываетъ къ жизни слѣдующій Высочайшій приказъ отъ 9-го Февраля 1829-го года: „Государь Императоръ, снисходя на прошеніе генераль-фельдмаршала графа Витгенштейна, Всеми-

лостивѣйше соизволяетъ на увольненіе его отъ командованія второю арміею, по совершенно разстроенному трудами прошедшей кампаніи здоровью. Назначается Начальникъ Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества, генераль-отъ-инфантеріи, генераль-адъютантъ графъ

¹⁾ Собственноручная записка генераль-адъютанта гр. Чернышева отъ 26-го Ноября 1828 г. о совѣщаніи, бывшемъ 19-го Ноября. Воен-Учен. Арх. II, № 4445.

²⁾ Н. К. Шильдеръ. «Императоръ Николай I, его жизнь и царствованіе» т. II, стр. 202.

Дибичъ, главнокомандующимъ второю арміею со всѣми правами, властью и преимуществами, главнокомандующему большою дѣйствующею арміею присвоенными“.

Это назначеніе повлекло за собою большія перемѣны въ личномъ составѣ дѣйствующей арміи. Обиженный графъ Ланжеронъ удаленъ изъ арміи, прежнее мѣсто графа Дибича занялъ генераль-адъютантъ баронъ Толь, 4-й резервный кавалерійскій корпусъ поступилъ подъ начальство генераль-адъютанта Киселева, бывший въ 1828 году генераль-квартирмейстеромъ второй арміи, состоявшій въ Свитѣ Его Императорскаго Величества генераль-маіоръ Бергъ уступилъ свое мѣсто бывшему когда-то адъютантомъ Дибича генераль-маіору Д. П. Бутурлину, принца Евгенія Виртембергскаго по командованію 7-мъ корпусомъ замѣнилъ генераль Ридигеръ ¹⁾, а вмѣсто скоропостижно скончавшагося генерала Рудзевича во главѣ 3-го корпуса сталъ генераль Красовскій ²⁾.

15-го Февраля новый главнокомандующій уже отдаетъ въ Иссахъ по войскамъ приказъ, въ которомъ говоритъ, что, будучи обязанъ всецѣло подвигамъ русскаго солдата, онъ надѣется при помощи Всевышняго и побѣдоносной арміи оправдать Монаршее къ нему довѣріе.

Для полноты характеристики графа Дибича приведемъ также выдержку изъ письма Фонтана, гдѣ авторъ рассказываетъ о представленіи подчиненныхъ новому главнокомандующему: „Онъ говорилъ съ жаромъ и долго, но зато невнятно. Поняли мы болѣе по движеніямъ, нежели по словамъ, что онъ говорилъ о преданно-

Генераль-адъютантъ
графъ Карлъ Федоровичъ
ТОЛЬ.

По рис.
Соколовской.

Изъ собр. портр.
Имп. Гл. Кв.

¹⁾ Генераль-адъютантомъ съ 27 Апрѣля 1831 г.

²⁾ Генераль-адъютантомъ съ 20 Ноября 1831 г.

сти его къ доблестному начальнику ¹⁾, и какъ ему трудно будетъ замѣнить его и прочая и прочая. Потомъ послѣдовали лобызанія и такъ далѣе.

„А все-таки старика славно свернулъ“, сказалъ кто-то тихимъ голосомъ ²⁾.

Генералъ-адъютантъ
Афанасій Ивановичъ
КРАСОВСКІЙ.

Съ рис. Гампелена,
лит. Бартольди.

Изъ собр. портр.
Имп. Гл. Кв.

Еще зимою, до приѣзда новаго главнокомандующаго, русскія войска захватили у турокъ крѣпости Кале, Турно, Сизополь и сожгли у Никополя часть турецкой рѣчной флотиліи.

Графъ Дибичъ, находясь въ эту кампанію въ лучшихъ условіяхъ, чѣмъ его предшественникъ, не стѣсняемый въ своихъ дѣйствіяхъ присутствіемъ Императорской Главной Квартиры и чинами дипломатическаго корпуса, началъ 2-го Апрѣля выступленіе изъ Ясса

на Галацъ. Первоначальный планъ кампаніи Дибича былъ слѣдующій: овладѣть Силистріей, чтобъ этимъ обезпечить свой тылъ, а затѣмъ, опираясь на Варну и черноморскій флотъ, перейти рѣку Камчикъ и перенести военныя дѣйствія за Балканы, ограничиваясь только наблюденіемъ за Шумлой.

5-го Мая полтора корпуса русскихъ войскъ изъ Черноводъ прибыли къ крѣпости Силистріи, овладѣли всѣми построенными въ прошломъ году редутами и снова обложили эту крѣпость.

Въ тотъ же день, въ отвѣтъ на наше обложеніе Силистріи, новый главнокомандующій турокъ верховный визирь Решидъ-Мехмедъ-паша открылъ наступательныя дѣйствія съ цѣлью обратнаго овладѣнія Варною. Съ отрядомъ около 25-ти тысячъ человекъ онъ, слѣдуя двумя

¹⁾ Графу Витгенштейну, т. к. въ 1812 году баронъ Дибичъ былъ у него генералъ-квартирмейстеромъ арміи.

²⁾ Ф. П. Фонтонъ. «Письма изъ Главной Квартиры Дунайской арміи, въ 1828 и 1829 г.г.», т. I, стр. 257. Лейпцигъ, 1862 г.

колоннами ¹⁾, одновременно напалъ на генерала Рота, занимавшаго позицію при Эски-Арнаутъ-Ларѣ ²⁾ и на генерала Красовскаго, стоявшаго у Праводь.

Три полка 16-й пѣхотной дивизіи изъ отряда генерала Рота занимали хорошо укрѣпленную позицію и, несмотря на сильный непріятельскій орудійный огонь, долго выдерживали нападеніе полчищъ визиря. Наконецъ турки стали одолѣвать, но къ счастью въ это время прибылъ изъ Девно генералъ Вахтенъ съ двумя егерскими и тремя казачьими полками. Лихая фланговая атака заставила турокъ въ безпорядкѣ отступить.

Въ это же время у Праводь генералъ Купреяновъ съ успѣхомъ отбивалъ упорныя атаки. Визирь, видя полную неудачу своего наступленія, отдалъ приказъ объ отходѣ къ Шумлѣ.

Такимъ образомъ мы, хотя и съ значительными потерями, но отразили первое нападеніе турокъ, удержавъ свои позиціи.

Въ половинѣ Мая визирь вновь возобновилъ свои наступательныя дѣйствія съ цѣлью способствовать освобожденію Силистріи; этому же долженъ былъ содѣйствовать и Гуссейнъ-паша изъ Рущука.

Однако послѣднему не удалось выполнить желаніе визиря вслѣдствіе энергичнаго наступленія отряда генерала барона Крейца, и Гуссейнъ-паша принужденъ былъ вернуться въ Рущукъ.

17-го Мая 40.000 турокъ, подъ начальствомъ самого визиря, подошли къ сильно укрѣпленной нами позиціи у Козлуджи, гдѣ генералъ Ротъ ожидалъ против-

Владиславъ Филипповичъ
КЛЮПФЕЛЬ.

Изъ собр. портр.
Имп. Гл. Кв.
съ литографіи.

¹⁾ Графъ Мольтке опредѣляетъ численность турецкихъ войскъ въ дѣлѣ при Эски-Арнаутъ-Ларѣ въ 15—20 тысячъ, Лукьяновичъ же въ 25.000. Мольтке, переводъ Н. Шильдера, ч. II, стр. 70; Лукьяновичъ, ч. 3-я, стр. 90.

²⁾ Бланчинъ. «Очеркъ похода 1829 г. въ Европейской Турціи», ч. II, стр. 191.

ника. Въ этотъ день и затѣмъ 18-го Мая было два удачныхъ для насъ кавалерійскихъ дѣла, послѣ чего великій визирь, несмотря на свое численное превосходство въ силахъ, не рѣшился прямо атаковать наши укрѣпленія и направился къ Праводамъ. Здѣсь онъ занялся постепенной атакой этого укрѣпленного лагеря ¹⁾, занятого генераль-маіоромъ Купреяновымъ съ отрядомъ, доведеннымъ во время осады съ 3 до 5.000 человекъ.

Въ это время главнокомандующій, получивъ донесеніе генерала Рота о выходѣ изъ Шумлы главныхъ силъ турокъ и вида, что визирь атакуетъ сильно укрѣпленные Праводы, рѣшилъ взять большую часть осаднаго Силистрійскаго отряда ²⁾ и, двинувшись къ Праводамъ, отрѣзать визиря отъ Шумлы и тѣмъ принудить его принять бой въ открытомъ полѣ. Для этого графъ Дибичъ направился въ мѣстность, лежащую между Шумлою и Праводами, и успѣлъ стать на пути отступленія визиря къ Шумлѣ. Послѣ полудня 29-го Мая вѣсть о томъ, что русскіе появились въ тылу, долетѣла до Праводъ; визирь, предполагая, что это генераль Ротъ перешелъ отъ с. Эски-Арнаутъ-Лара для угрозы его сообщеніямъ съ Шумлою, рѣшилъ возстановить свои сообщенія съ нею и раздавить отрядъ Рота, а потому всѣ свои силы немедленно и по кратчайшему пути направилъ къ Кулевчи, т. е. именно къ тому мѣсту, куда долженъ былъ сосредоточиться тоже со всѣми силами Дибичъ.

30 Мая, въ 11 часовъ утра, авангардъ русскихъ войскъ, подъ начальствомъ генерала Отрошенко, въ составѣ 11 и 12 егерскаго полковъ, 2-го баталіона Муромскаго и трехъ эскадроновъ Иркутскихъ гусаръ (всего 2.500 чел.), получивъ приказаніе атаковать турокъ, двинулся на непріятеля. Турки, сначала отступивъ въ лѣсъ, находившійся въ тылу, затѣмъ густыми массами стали насѣдать на егерей и баталіонъ Муромскаго полка, который, будучи со всѣхъ сторонъ окруженъ огромными непріятельскими силами, потерялъ свое знамя ³⁾ и былъ изрубленъ почти до послѣдняго человека. Покончивъ

¹⁾ Наиболѣе яркій эпизодъ этой стойкой обороны Праводъ былъ въ ночь съ 24 на 25 Мая, когда турки, бросающіеся на штурмъ блокгауза, оборонявшагося только 50-тью человекъми подъ начальствомъ штабсъ-капитана Скалона, были отбиты, понесла большія потери.

²⁾ Всего около 30.000 человекъ 6-го и 7-го корпусовъ. Н. Епанчинъ. «Очеркъ похода 1829 г. въ Европейской Турціи», ч. II, стр. 230.

³⁾ Государь сейчасъ же пожаловалъ Муромскому полку новое знамя, вмѣсто такъ трагически погибшаго.

съ муромцами, турки снова бросились на егерей, но послѣдніе, вмѣстѣ съ Иркутскими гусарами, отступали, стойко отбиваясь отъ непріятеля.

Павель Константинович
АЛЕКСАНДРОВ¹⁾.

Съ картины Ризенеръ.

Собственность кн. П. Д. Львова.

Въ то время, когда одна часть турецкой арміи тѣснила нашъ авангардъ, другая часть направилась къ рѣчкѣ Буланлыкъ, гдѣ стоялъ 2-й пѣхотный корпусъ съ своей артиллеріей подъ командою графа Палена. Турки сначала бросились на 1-ую бригаду 6-й дивизіи, но были остановлены Невскимъ и Софійскимъ полками, которые сдерживали наступленіе непріятеля до прибытія на помощь Копорскаго полка, а затѣмъ губительный картечный огонь нашихъ орудій по густымъ

¹⁾ Сынъ Великаго Князя Константина Павловича и Жозефины Фридрихъ. Флигель-адъютантъ съ 12 Мая 1829 г.

Генераль-адъютантъ
графъ ПЕТРЪ ПЕТРОВИЧЪ
ФОНЪ-ДЕРЪ-ПАЛЕНЪ

Съ литографіи.

Изъ собр. портр.
Д. Ровинскаго.

массамъ наступавшихъ турокъ заставилъ непріятеля повсюду отступить на свои прежнія позиціи.

Въ 4 часа дня Дибичъ, закончивъ сосредоточеніе всѣхъ своихъ силъ и видя, что великій визирь медлитъ, рѣшилъ самъ атаковать непріятеля. Производство главной атаки было поручено Начальнику Штаба арміи генераль-адъютанту барону Толю съ 14 баталіонами пѣхоты.

Такое рѣшеніе Дибича основывалось на знаніи характера противника и увѣренности въ мужествѣ русскихъ войскъ.

Около 5 часовъ дня позиція артиллеріи 2-го пѣхотнаго корпуса была перенесена къ овражистому лѣвому берегу Буланлыка; отсюда наши орудія открыли сильнѣйшій огонь.

Войска, назначенныя для атаки, перейдя ручей, стремительно бросились на турокъ, несмотря на губительный огонь артиллеріи непріятеля.

Рѣшающее значеніе имѣло сосредоточенное дѣйствіе всей нашей артиллеріи, при чемъ удачный выстрѣлъ 19-ой конной батареи произвелъ взрывъ сразу цѣлаго ряда непріятельскихъ зарядныхъ ящиковъ. Этотъ взрывъ послужилъ сигналомъ къ общему отступленію турокъ. Паническій страхъ овладѣлъ турками, и они бросились въ беспорядкѣ по непроходимымъ Кулевчинскимъ лѣсамъ къ Шумлѣ, оставивъ побѣдителя всю свою артиллерію, 6 знаменъ, множество припасовъ и болѣе 2000 человекъ плѣнными.

Радостное извѣстіе о Кулевчинской побѣдѣ Императоръ Николай Павловичъ получилъ 7-го Іюня въ Варшавѣ, куда онъ прибылъ для священнаго коронованія, какъ короля польскаго.

Привезшій донесенія и турецкія знамена адъютантъ Дибича князь Трубецкой обрадованнымъ Государемъ былъ тотчасъ зачисленъ въ Свиту флигель-адъютантомъ и произведенъ въ полковники.

Графъ Дибичъ получилъ за побѣду орденъ св. Георгія 2-й степени, при чемъ Императоръ Николай въ своемъ высокоименитомъ письмѣ къ Дибичу, горячо благодаря его за побѣду, писалъ: „Орденъ св. Георгія 2-го класса украситъ васъ; заставьте меня перемѣнить его на первый классъ, и никто болѣе меня этому не обрадуется“ ¹⁾. Генераль-адъютантъ баронъ Толь, „храбрый и достойный помощникъ“ главнокомандующаго, былъ возведенъ въ графское достоинство.

Кромѣ извѣстія о Кулевчинской побѣдѣ во время своего пребыванія въ Варшавѣ Императоръ Николай получилъ и другое весьма радостное сообщеніе, изложенное въ присланномъ адмираломъ Грейгомъ рапортѣ.

14-го Мая два турецкихъ линейныхъ корабля, одинъ 110-пушечный, а другой 84-пушечный, по дорогѣ въ Сизополь, встрѣтили отставшій отъ эскадры сильно поврежденный бурями русскій 18-ти пушечный бригъ „Меркурій“, которымъ командовалъ капитанъ-лейтенантъ Козарскій. Видя невозможность избѣжать неравный бой, на состоявшемся на бригѣ военномъ совѣтѣ было рѣшено прибить судовой флагъ къ мачтѣ, а офицеры поклялись, что тотъ изъ нихъ, ко-

торый останется въ живыхъ, воспламенитъ крѣпость-камеру пистолетомъ. Болѣе трехъ часовъ продолжалъ отбиваться „Меркурій“ отъ двухъ турецкихъ великановъ до тѣхъ поръ, пока послѣдніе, сильно поврежденные русскими выстрѣлами, не легли въ дрейфъ, а 18-ти пушечный бригъ „Меркурій“ на веслахъ понесся справлять свою неожиданную побѣду.

Обрадованный такими подвигами своихъ вѣрноподанныхъ Императоръ собственноручно написалъ на рапортѣ адмирала Грейга: „Капитанъ-

Флигель-адъютантъ
Александръ Ивановичъ
КОЗАРСКІЙ.

Пис. съ нат. Осокинъ,
лит. Сандомури.

Изъ собр. портр.
Имп. Гл. Кв.

¹⁾ Воен.-Учен. Арх. № 2895, б.—Письмо Императора Николая I къ графу Дибичу отъ 9 Іюня 1829 года.

лейтенанта Козарскаго произвести въ капитаны 2-го ранга, дать Георгія 4-го класса, назначить въ флигель-адъютанты съ оставленіемъ при прежней должности и въ гербъ прибавить пистолеть. Всѣхъ офицеровъ въ слѣдующіе чины, и у кого нѣтъ Владимира съ бантомъ, то таковой дать. Штурманскому офицеру сверхъ чина дать Георгія 4-го класса. Всѣмъ нижнимъ чинамъ знаки отличія военнаго ордена и всѣмъ офицерамъ и нижнимъ чинамъ двойное жалованье въ пожизненный пенсіонъ. На бригъ „Меркурій“ георгіевскій флагъ“¹⁾).

Поистинѣ царскія резолюція и награды!

Между тѣмъ осада Силистріи шла своимъ чередомъ. Почти ежедневно турки дѣлали вылазки, но всякій разъ безуспѣшно. Генералъ Красовскій, замѣнявшій по осадѣ отсутствовавшаго главнокомандующаго, получивъ извѣстія о битвѣ при Кулевчи, предложилъ осажденнымъ сдаться добровольно. Турки отказались. Тогда 8-го Іюня русскіе взорвали четыре мины и этимъ понудили начать переговоры. Но получивъ условія капитуляціи, сераскиръ заявилъ, что не сдастъ крѣпости добровольно и будетъ держаться въ ней до послѣдней возможности. Видя, что не удастся уладить дѣло переговорами, генералъ Красовскій началъ убѣждать турокъ въ необходимости сдачи послѣдовательнымъ взрывомъ минъ и подготовленіемъ средствъ для штурма. Осажденные пытались защищаться, взрывали въ свою очередь контръмины, скатывали съ бастіоновъ горячіе боченки съ порохомъ, дѣлали вылазки, но вездѣ были останавливаемы убійственнымъ огнемъ и удвоенною энергіей русскихъ.

18-го Іюня турки снова вступили въ переговоры, окончившіеся капитуляціей Силистріи. По условію, предложенному генераломъ Красовскимъ, всѣ войска сдались военно-плѣнными, а жители—мусульмане получили право свободнаго выхода.

Такимъ образомъ пала къ ногамъ Императора Николая и Силистрія, защищавшаяся сильнымъ гарнизономъ при двухстахъ пятидесяти орудіяхъ.

Послѣ удачнаго сраженія 30-го Мая у Кулевчи русская армія двинулась къ Шумлѣ, куда, вслѣдъ за паденіемъ Силистріи, было приказано сосредоточиться и отряду генерала Красовскаго.

Главнокомандующій, не желая терять времени и людей для осады

¹⁾ Н. Б. Шильдеръ. «Императоръ Николай I, его жизнь и царствованіе», т. II, стр. 233.

Шумлы, предполагалъ лишь ограничиться наблюденіемъ за нею и рѣшилъ приступить къ быстрому переходу Балканъ.

Великій визирь, увѣренный по кампаніи прошлаго года, по передвиженіямъ и, наконецъ, по долгой стоянкѣ русскихъ войскъ подъ Шумлою въ ихъ намѣреніи осадить эту крѣпость, отовсюду стягивалъ къ ней войска и даже присоединилъ отряды, заправшіе балканскіе проходы и занимавшіе пункты на Черномъ морѣ.

Такое предположеніе визиря значительно облегчало задачу нашего перехода за Балканы. Однако Дибичъ, рѣшивъ начать переходъ черезъ горы, принялъ цѣлый рядъ мѣръ скрыть, хотя бы на нѣсколько дней, свое наступленіе и тѣмъ удержать визиря у Шумлы, что ему удалось исполнѣ.

Генераль-адъютантъ
Борисъ Христофоровичъ
РИХТЕРЪ.

Съ портрета
масл. красками.

Оригиналъ принадлежитъ
О. Б. Рихтеръ.

Оставивъ для наблюденія за Шумлою у Енибазара генераль-лейтенанта Красовскаго, Дибичъ остальныя войска раздѣлилъ на двѣ колонны и резервъ, приказавъ одновременнымъ, быстрымъ движеніемъ перейти рѣчку Камчикъ и безостановочно двигаться за Балканы. Начальники колоннъ генералы Ридигеръ и Ротъ 6 и 7 Юля съ боемъ переправились за рѣку и 8-го Юля достигли уже до Паліобана, пункта, господствовавшаго на Большихъ Балканахъ.

10-го числа обѣ колонны перевалили Эмине-дагъ, восточную оконечность главнаго хребта, и на другой день часть отряда Рота, совместно съ адмираломъ Грейгомъ, бомбардировавшимъ съ моря, уже заняла укрѣпленную Миземврю, защищавшуюся двухтысячнымъ гарни-

зономъ. Вслѣдъ за этимъ укрѣпленная Ахіола была тоже очищена турками, отступившими къ крѣпости Бургасу.

12-го Іюля отрядъ подъ начальствомъ генерала Набеля разбилъ вышедшихъ изъ Бургаса защитниковъ и занялъ его. Въ это же время

Переходъ черезъ Балканы.
Графъ Иванъ Ивановичъ
ДИБИЧЪ.

Съ французской литографіи.

Изъ собранія Г. С. Габаева.

главныя силы 6-го корпуса, руководимыя генераломъ Ридигеромъ, подойдя къ Айдосу, разсѣяли измученный громадными переходами авангардъ 12 тысячнаго отряда Ибрагима-паши, выдѣленнаго визиремъ изъ Шумлы для прегражденія за Балканами движенія Дибича, а въ послѣдующіе два дня Ридигеръ, послѣ упорнаго боя, разбилъ наголову и весь этотъ отрядъ турокъ.

Такимъ образомъ въ 11 дней 35 тысячная русская армія, подъ палящимъ зноемъ іюльскаго солнца сдѣлавъ 150 верстъ по малодоступнымъ горнымъ дорогамъ, перешла считавшіяся до тѣхъ поръ непроходимыми Балканы, овладѣла двумя крѣпостями, Бургасскою гаванью, взяла до 75 орудій и нѣсколько тысячъ плѣнныхъ.

Взятіе Бургаса и Айдоса закончило операцію перехода черезъ Балканы.

Впечатлѣніе на турокъ было громадное, а потому уже къ концу Іюля русское знамя развѣвалось на стѣнахъ Карнабата, Ямболя и Сливно.

Характерно, что Дибичъ за это время разсѣялъ до 50 тысячъ непріятельскихъ войскъ, а великій визирь, выдѣливъ отрядъ Ибрагим-паши, продолжалъ упорно сидѣть въ Шумлѣ съ остатками своей главной арміи, имѣя противъ себя равносильный корпусъ генерала Красовскаго.

Въ дальнѣйшихъ наступательныхъ дѣйствіяхъ нашъ главнокомандующій могъ располагать не болѣе 25 тысячъ человекъ, но дружественное населеніе и совершенная деморализація турецкихъ войскъ, разбѣгавшихся при приближеніи русскихъ, побудило главнокомандующаго быстро наступать къ Адрианополю.

7-го Августа наша побѣдоносная армія подошла къ Адрианополю, жители и гарнизонъ котораго, изумленные неожиданнымъ появленіемъ русскихъ, не приняли никакихъ мѣръ къ своей защитѣ, а отправили къ графу Дибичу парламентеровъ для переговоровъ о сдачѣ города и укрѣпленій. Всѣ условія, продиктованныя главнокомандующимъ ¹⁾, были приняты турками безпрекословно, и 8-го Августа Адрианополь безъ боя

Генераль-адъютантъ
Федоръ Васильевичъ
РИДИГЕРЪ.

Съ литографіи.

Изъ собр. портр.
Имп. Гл. Кв.

¹⁾ Въ 14 часовъ положить оружіе и сдать русскимъ все военное имущество; обезоруженнымъ войскамъ разрѣшалось свободно уйти куда пожелаютъ, но только не къ Константинополю.

былъ очищенъ. Занятіе Адрианополя дало возможность графу Дибичу открыть сообщенія съ находившейся въ Архипелагѣ русскою эскадрою графа Гейдена, и, такимъ образомъ, русскія войска, опираясь лѣвымъ флангомъ на черноморскій флотъ, а правымъ—на графа Гейдена, стали плотнымъ и грознымъ кольцомъ окружать Константинополь. Еще нѣсколько переходовъ, и вступленіе побѣдителей въ столицу турокъ было бы обезпечено!

Въ отвѣтъ на всеподданнѣйшее донесеніе главнокомандующаго объ удачномъ переходѣ черезъ Балканы Императоръ Николай Павловичъ писалъ: „Дорогой другъ! Съ какою радостью я могу сказать вамъ: спасибо, Забалканскій! Это названіе по праву принадлежитъ вамъ, и я даровалъ вамъ его отъ всего сердца“¹⁾.

Видя скорую развязку двухлѣтней упорной борьбы съ Турціей, Государь отправилъ для веденія мирныхъ переговоровъ генералъ-адъютанта графа Орлова и тайнаго совѣтника графа Палена.

Свиты Его Величества Генералъ-маіоръ
Владиміръ Андреевичъ
ГЛИНКА 2-й.
Собственность С. Ф. Глинки.

Принявъ угрожающее Константинополю положеніе, „юный Монархъ Россіи, — пишетъ Зотовъ²⁾, — наступивъ ногою на колеблющееся царство исламизма, хотѣлъ показать міру, что не тщетное славолубіе руководствуетъ его высокими помышленіями, что онъ вовсе не желаетъ расширенія своей огромной и могущественной державы, а что цѣль предпринятой имъ войны состояла только въ томъ, чтобы принудить Порту къ добросовѣстному выполненію условій прежнихъ трактатовъ“.

17-го Августа начатые переговоры о заключеніи мира подвигались сначала слишкомъ мед-

¹⁾ Воен.-Учен. Арх. II, № 2895, 6.

²⁾ Р. Зотовъ. «Тридцатилѣтіе Европы въ царствованіе Императора Николая I», ч. I. стр. 94, Спб., 1857 г.

ленно. Турки, оправившись отъ перваго замѣшательства, снова сдѣлались мало уступчивыми, и графу Дибичу пришлось понудить ихъ къ соглашенію на миръ военной демонстраціей, двинувъ передовыя силы арміи къ Константинополю и занявъ такимъ образомъ пространство

Александръ
П. КИСЕЛЕВЪ
Председатель управления соединенныхъ княжествъ Молдавіи и Валахіи съ 14 Сент. 1829 г.

Съ литографіи,
 по рис. Бараба.

Изъ собр. портр.
 Имп. Гл. Кв.

между Мидіей на Черномъ морѣ и Родосто на Мраморномъ. Эти принятыя главнокомандующимъ мѣры привели къ благопріятному результату, и 29-го Августа, съ согласія Султана Махмуда, въ главную квартиру арміи явился отъ прусскаго посланника курьеръ съ письмомъ, въ которомъ французскій и англійскій послы въ Константинополѣ заявляли русскому главнокомандующему, что въ случаѣ дальнѣйшаго его наступательнаго движенія существованіе самой Турціи можетъ прекратиться.

2-го Сентября 1829 года во дворцѣ Эски-Сарай былъ, наконецъ, подписанъ давно желанный

Адріанопольскій миръ, по которому прежніе трактаты съ Портой признаны во всей силѣ, Россія приобрѣла Анапу, Поты, Ахалцыхъ, Ацхуръ и Ахалкалаки; права самостоятельнаго управленія Сербіи, Молдавіи и Валахіи утверждены, при чемъ Турція не могла имѣть на лѣвомъ берегу Дуная ни одной крѣпости; признана полная независимость Греціи; Босфоръ и Дарданеллы сдѣлались открытыми для международной торговли.

Уплата военныхъ издержекъ въ десять милліоновъ голландскихъ дукатовъ и вознагражденіе убытковъ русскихъ подданныхъ въ полтора милліона дукатовъ также, согласно условіямъ мира, было возложено на Порту.

За блестящую кампанію 1829 года всѣ участвовавшіе были щедро награждены Императоромъ Николаемъ.

Главнокомандующій, кромѣ титула „Забалванскаго“, получилъ

орденъ св. Георгія 1-ой степени и званіе фельдмаршала. Такимъ образомъ, генераль-адъютантъ Дибичъ получилъ все, что можетъ дать военная карьера!

Закончивъ обзоръ военныхъ дѣйствій и пребыванія Государя Императора при арміи кампаніи 1828—1829 годовъ на Дунаѣ, справедливость требуетъ отдать долгъ, хотя бы бѣгло, подвигамъ другого генераль-адъютанта, графа Паскевича, который одновременно съ Дунайской арміей вель вполнѣ самостоятельно кампанію противъ Порты въ Азіатской Турціи.

Согласно заранѣе составленному плану закавказскому корпусу графа Паскевича ставилось задачей отвлечь часть силъ турокъ отъ европейскаго театра. Съ переходомъ русской арміи черезъ Прутъ въ 1828 году долженъ былъ начать военныя дѣйствія противъ турокъ и графъ Паскевичъ.

Операціи на Востокѣ, конечно, не могли имѣть того значенія и интереса, какія представляла собою армія на Дунаѣ, гдѣ сосредоточились Императорская Главная Квартира, представители иностранныхъ государствъ и взоры всей Европы, но военные подвиги нѣкоторыхъ лицъ Свиты и рѣшительность и незаурядныя военныя способности графа Паскевича-Эриванскаго заставляють обратить на себя вниманіе, благодаря чему кампанія на азіатской территоріи Турціи безспорно содѣйствовала успѣху заключенія Адрианопольскаго мира.

Собранный при рѣкѣ Арпачай корпусъ Паскевича, состоявшій всего лишь изъ 18.000 человекъ, 14-го Іюня 1828 года направился прямо къ Карсу. Для того, чтобы скрыть свою слабость и не дать возможности непріятелю заняться подсчетомъ русскихъ войскъ, генераль-адъютантъ графъ Паскевичъ рѣшилъ дѣйствовать наступательно, несмотря на то, что численность противника подъ начальствомъ энергичнаго и опытнаго Кіосъ-Магометъ-паши, доходила до 60.000 человекъ.

17-го Іюня Паскевичъ рѣшилъ взять Карсъ. Отрѣзавъ сообщеніе крѣпости съ Эрзерумомъ, онъ заманилъ часть гарнизона ея въ открытое поле и нанесъ ему пораженіе.

Въ ночь на 23-е Іюня осадныя войска открыли первую параллель, а 24-го русскіе пошли на штурмъ. Овладевъ турецкимъ лагерьмъ и продолжая сплошною массою наступленіе, егеря ворвались въ

предмѣстье и, получивъ во-время помощь, успѣли захватить въ свои руки всѣ внѣшнія укрѣпленія. Осажденный гарнизонъ бросился искать спасенія въ стоявшей на крутой скалѣ цитадели, но наши стрѣлки успѣли уже овладѣть воротами и непріятельскими орудіями, и туркамъ ничего не оставалось дѣлать, какъ выслать парламентаря. Графъ Паскевичъ, зная, что на выручку Карса спѣшитъ съ 20.000-мъ отря-

домъ Кіосъ-паша, потребовалъ, чтобы турецкій гарнизонъ въ теченіе одного часа положилъ оружіе и сдался въ плѣнъ.

Покончивъ съ Карсомъ, графъ Паскевичъ двинулся далѣе и 23-го Іюля взялъ штурмомъ небольшую крѣпость Ахалкалаки съ 14-ю орудіями и 1000 человекъ защитниковъ. Продолжая свое наступательное движеніе такимъ образомъ, чтобы по возможности не давать туркамъ нигдѣ опомниться, и захвативъ по дорогѣ крѣпости Поти и Хертвисъ, графъ Паскевичъ 4-го Августа достигъ Ахалцыха и, несмотря на то, что здѣсь уже

Генераль-адъютантъ
НИКИТА ПЕТРОВИЧЪ
ПАНКРАТЬЕВЪ.

Съ лит. Моренъ,
изд. Лемерсье.

Изъ собр. портр.
Имп. Гл. Кв.

стоялъ сильный турецкій корпусъ въ 30.000 человекъ подъ командою Кіосъ-Магомета и Мустафы-пашей, по своему обыкновенію не далъ непріятелю опомниться, атаковалъ его, разстроилъ, сбиль и занялъ его крѣпкій лагерь на высотахъ въ 2¹/₂ верстахъ отъ города.

Вслѣдствіе недостатка боевыхъ припасовъ и фуража, графъ Паскевичъ, хотя и видѣлъ передъ собою сильную крѣпость, которую можно было взять только блокадою, однако, не измѣнилъ и здѣсь своей тактикѣ и 15-го Августа началъ ее штурмовать. Энергія главнокомандующаго, вѣра въ его счастье и храбрость войскъ одолѣли и тутъ турецкую твердыню, и русскіе ворвались въ городъ. Ошеломленный непріятель засѣлъ въ домахъ и, чтобы не брать cadaго дома

отдѣльно, пришлось нѣкоторые изъ нихъ зажечь. Огонь быстро распространился по городу, и противникъ заперся въ цитадели.

Но вскорѣ, видя безуспѣшность дальнѣйшаго сопротивленія, сами турки предложили сдаться на условіи свободнаго отпуска. Графъ Паскевичъ, опасаясь, чтобы къ сдающимся не подоспѣла помощь, согласился на предложенныя условія и разрѣшилъ защитникамъ Ахалцыха свободно покинуть крѣпость.

Вслѣдъ за покореніемъ Ахалцыха графъ Паскевичъ почти безъ сопротивленія занялъ крѣпости: Ацхуръ, Ардаганъ, Баязетъ, Топракъ-Кале и Діадинъ. Оставивъ во всѣхъ взятыхъ крѣпостяхъ небольшіе гарнизоны кавказскаго корпуса, Паскевичъ въ Октябрѣ мѣсяцѣ 1828 г. расположился на зимнія квартиры.

На слѣдующій годъ турки, желая вовлечь Персію въ войну съ Россіей, весьма рано возобновили военныя операціи, и уже 20 Февраля 10.000 турокъ, подъ начальствомъ Ахметъ-Бека, осадили Ахалцыхъ. Подоспѣвшая во-время помощь освободила осажденныхъ, и Ахметъ-Бекъ принужденъ былъ отступить, потерявъ до четырехъ тысячъ человѣкъ убитыми и ранеными.

Осторожные персы, хотя и готовились къ войнѣ, но выжидали результатовъ военныхъ дѣйствій турокъ, чтобы, при благоприятномъ ходѣ, вторгнуться въ только что уступленныя ими области.

Въ половинѣ Мая, видя вездѣ неудачи, Эрзерумскій сераскиръ рѣшилъ совместно съ двумя другими пашами одновременнымъ движеніемъ на Карсъ, Ахалцыхъ и Баязетъ нанести пораженіе до сихъ поръ непобѣдимому графу Паскевичу. Съ этою цѣлью турки собрали армию въ 70.000 человѣкъ.

Паскевичъ, узнавъ объ

Генералъ-адъютантъ
баронъ Дмитрій Ерошеевичъ
ОСТЕНЬ-САКЕНЬ.

Съ литографіи.

Изъ собр. портр.
Имп. Гл. Кв.

этомъ и боясь такого соединенія, имѣя въ своемъ распоряженіи только 18.000 человекъ, рѣшили попытаться разбить каждаго отдѣльно, предупредивъ ихъ своимъ наступленіемъ.

Въ началѣ Іюня Паскевичъ быстро двигается черезъ Саганлугскій хребетъ къ Эрзеруму навстрѣчу главнымъ силамъ сераскира, который шелъ двумя колоннами на Карсъ.

19-го Іюня нашъ главнокомандующій, видя, что единственнымъ средствомъ къ побѣдѣ есть обходъ позицій турокъ у Каинлы, рѣшительнымъ, но и весьма опаснымъ маневромъ обошелъ непріятеля и, лично ведя войска въ атаку, заставилъ турокъ послѣ цѣлаго дня боя отступить. Едва противникъ расположился на ночь бивакомъ, и какъ только стемнѣло, Паскевичъ внезапно вновь ударилъ на турокъ, и непріятель въ паническомъ страхѣ, побросавъ все, бѣжалъ.

Едва стало свѣтать, какъ наши войска двинулись на Гагки-пашу, занимавшаго превосходную позицію у Мили-Дюзе. По всему было видно, что паша еще не зналъ о пораженіи сераскира. Тогда Паскевичъ посылаетъ къ нему плѣннаго турка сообщить объ этомъ, и затѣмъ, когда онъ видитъ смятеніе у противника, то атакуетъ его тремя колоннами, ведя ихъ лично; врывается въ окопы, разбиваетъ турокъ на-голову и, преслѣдуя, захватываетъ въ плѣнъ даже самого Гагки-пашу.

Эти двѣ побѣды дали Паскевичу громадныя выгоды — уничтожили главныя силы турокъ и нравственно повліяли на окружающія Кавказскія племена.

27-го Іюня сдался Эрзерумъ вмѣстѣ съ сераскиромъ, а наступленіе двухъ другихъ пашей было такъ-же неудачно.

Дальнѣйшіе подвиги русскаго отряда въ Азіатской Турціи закончились покореніемъ Эписа и Байбурха.

Генералъ-адъютантъ
князь Моисей Захаръевичъ
АРГУТИНСКІЙ-ДОЛГОРУКОВЪ

Съ рис. В. Тимма,
лит. Мюнстера.

Изъ собр. портр.
Имп. Г. А. Кв.

Наступательное его движеніе было, наконецъ, остановлено извѣстіемъ о заключеніи Адрианопольскаго мира, и русскія побѣдоносныя войска вмѣстѣ со своимъ невѣроятно-смѣлымъ боевымъ начальникомъ, назначеннымъ за столь удачныя дѣйствія генераль-фельдмаршаломъ, двинулись обратно въ предѣлы отечества.

Изъ офицерскихъ чиновъ, бывшихъ въ Свитѣ и зачисленныхъ въ нее впоследствии, особенно отличившихся на Азіатскомъ театрѣ войны 1828 и 1829 гг., можно указать на генераль-лейтенанта Панкратьева ¹⁾, участвовавшаго почти во всѣхъ бояхъ; 18-го, 19-го и 20-го Іюня 1829 г. онъ весьма способствовалъ успѣху наступленія Паскевича, за что и былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 3-го класса.

Генераль-маіоръ баронъ Остенъ-Сакенъ ²⁾ участвовалъ съ Паскевичемъ тоже во всѣхъ сраженіяхъ и въ кампаніи 1828 г. за храбрость подъ Карсомъ былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 3-го класса.

Яковъ Яковлевичъ
ГИЛЛЕНШМИДТЪ.

Съ рис. Шертле,
лит. Поля.

Изъ собр. портр.
Имп. Гл. Кв.

Въ заключеніе описанія этой двухлѣтней Турецкой кампаніи необходимо сказать, что около 150-ти лицъ Государевой Свиты принимали участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ на обоихъ театрахъ войны.

Изъ нихъ: убиты—Н. П. Гартонгъ, Е. А. Редь и бар. И. И. Саргеръ, умеръ отъ болѣзни К. Х. Бенкендорфъ, и многіе получили значительныя раны и контузіи, какъ, напримѣръ, П. Х. Граббе, А. П. Козловъ, А. И. Красовскій, М. И. Крутовъ, кн. А. С. Меншиковъ, гр. Г. И. Ностицъ, гр. А. А. Ржевусъ

¹⁾ Зачисленъ въ Свиту генераль-адъютантомъ 25 Іюня 1831 г.

²⁾ Зачисленъ въ Свиту генераль-адъютантомъ 20-го Августа 1849 г.

Съ карандашныхъ рисунковъ
Лядюрнера.

Изъ коллекци
Ф. Г. Козлянинова.

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ I.

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ I.

Съ карандашныхъ рисунковъ
Лядюрнера.

Изъ коллекции
Ф. Г. Козлининова.

скій, графы А. П. и Е. П. Толстые, бар. А. А. Фридериксъ и др.

Не перечисляя разнообразныхъ наградъ, полученныхъ чинами Свиты за участіе въ этой кампаніи, остановимся на тѣхъ, которые за совершенные подвиги храбрости были награждены золотымъ оружіемъ или орденомъ Св. Георгія. О многихъ уже было упомянуто выше въ описаніи хода военныхъ дѣйствій, а потому здѣсь не считаемъ нужнымъ приводить вновь ихъ фамиліи.

Высшія боевыя награды получили:

Кн. А. Г. Багратіонъ-Имеретинскій (зол. ор.), И. А. Баратынскій (зол. ор.), О. О. Бергъ (Св. Георгія 3 ст.), А. И. Будбергъ (зол. ор.), бар. П. А. Вревскій (зол. ор.), Я. Я. Гилленшмидтъ (Св. Георгія 3 ст. и зол. ор.), Е. А. Головинъ (зол. ор.), кн. М. Д. Горчаковъ (Св. Георгія 3 ст. и зол. ор.), П. Х. Граббе (зол. ор.), бар. И. О. Деллинсгаузенъ (Св. Георгія 4 ст. и зол. ор.), бар. В. И. Зальца (зол. ор.), гр. К. М. Ивеличъ (зол. ор.), гр. П. Е. Коцебу (Св. Георгія 4 ст.), кн. А. Я. Лобановъ-Ростовскій (Св. Георгія 4 ст.), кн. С. И. Мещерскій (Св. Георгія 4 ст.), гр. А. К. Опперманъ (зол. ор.), О. И. Прянишниковъ (зол. ор.), гр. О. В. Ридигеръ (зол. ор.), гр. С. П. Сумароковъ (Св. Георгія 4 ст.), гр. Е. П. Толстой (Св. Георгія 4 ст. и зол. ор.), П. Н. Ушаковъ (Св. Георгія 3 ст.), А. И. Философовъ (Св. Георгія 4 ст.) и бар. А. А. Фридериксъ (Св. Георгія 4 ст. и зол. ор.).

Барону О. К. Гейсмару бояре княжества Валахія за спасеніе ихъ поднесли саблю, украшенную брилліантами.

Господствовавшая въ Европѣ въ первой половинѣ XIX вѣка эпидемія увлеченій революціонными идеями ¹⁾ была занесена въ Польшу и нашла здѣсь для себя весьма благоприятную почву. Подавленіе Польскаго мятежа 1830—1831 г.г.

Императоръ Николай Павловичъ, 26 Ноября, въ манежѣ, на разводѣ 3-го баталіона Преображенскаго полка, подзвалъ къ себѣ офицеровъ, объявилъ имъ о вспыхнувшемъ въ Варшавѣ мятежѣ. „Я уже сдѣлалъ распоряженіе, чтобы указанныя мною войска двинулись къ Варшавѣ, а если будетъ нужно, то пойдете и вы, моя гвардія, пой-

¹⁾ Польской революція во Франціи.

дете наказать измѣнниковъ и возстановить порядокъ и оскорбленную честь Россіи. Знаю, что я во всѣхъ обстоятельствахъ могу полагаться на васъ“ ¹⁾), сказалъ Государь.

Не останавливаясь на тѣхъ мотивахъ, которые вызвали революцію, и на подробностяхъ самаго бунта, ограничимся въ настоящей статьѣ перечисленіемъ лишь тѣхъ фактовъ, которые имѣютъ непосред-

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧЪ въ манежѣ объявляетъ Своей Гвардіи о походѣ въ Польшу. 26-го Ноября 1830 года.

Съ гравюры Вундеръ.

Изъ серіи Нюрнбергскихъ листковъ Ф. Кампе.

ственную связь съ дѣятельностью войскъ и чиновъ Свиты по подавленію самаго мятежа.

Несмотря на то, что послѣ Вѣнскаго конгресса матеріальное благосостояніе Царства Польскаго было гораздо выше, чѣмъ во времена бывшей Ягеллоновской республики ²⁾), и несмотря на то, что поляки

¹⁾ Н. К. Шильдеръ «Императоръ Николай I, его жизнь и царствованіе», т. II, стр. 322.

²⁾ Для доказательства приводимъ рядъ цифровыхъ данныхъ. Народонаселеніе Царства съ 1815 до 1830 года увеличилось съ 3.700,000 до 4.135,000 человекъ. Войско, получившее при Императорѣ Александрѣ совершенно новую организацію, достигло ко времени революціи внушительной цифры—100,000 человекъ, тогда какъ прежде Польская республика имѣла для защиты страны не болѣе 30.000 солдатъ. Доходы республики до ея раздѣла были въ 80 милліоновъ польскихъ злотыхъ, а къ 1830 году эти же доходы достигли 100 милліоновъ злотыхъ. несмотря, однако, на то, что послѣ раздѣла Польши территорія и народонаселеніе, вошедшія въ составъ такъ называемаго

въ то время сами сознавали это, однако, къ сожалѣнію, революціонная зараза весьма быстро распространилась среди польской военной и учащейся молодежи.

Во главѣ вспыхнушаго 17-го Ноября 1830 года возстанія стали обучавшіи строевой службѣ въ школѣ подпрапорщиковъ и пользовавшійся большимъ вліяніемъ среди военной молодежи нѣкто Высоцкій, за нимъ слѣдовали: учитель плаванія, подполковникъ Заливскій и офицеръ польскаго гвардейскаго гренадерскаго полка — Урбанскій. Планъ заговорщиковъ сводился къ тому, чтобы, захватить врасплохъ стоящіе въ Варшавѣ русскіе гвардейскіе полки (Волинскій, Литовскій, Уланскій, Гусарскій и Кирасирскій-Подольскій) овладѣвъ арсеналомъ и лишивъ жизни Цесаревича, объявить о возстановленіи независимости Польши въ ея старинныхъ предѣлахъ.

Однако въ такомъ обширномъ объемѣ возстаніе не удалось съ самаго начала. Захватить врасплохъ кавалерію вслѣдствіе нерѣшительности агитаторовъ не удалось, а пѣхотныя части, предупрежденныя подпрапорщикомъ Волинскаго полка Аксюкомъ, отказались присоединиться къ бунтовщикамъ и даже успѣли изготovitъ къ встрѣчѣ ихъ. Нѣкоторыя польскія части и высшіе чины оставались вѣрными данной присягѣ, и многіе изъ нихъ своею кровью запечатлѣли эту вѣрность. Такъ погибли: военный министръ Царства графъ Гауке, генералы Трембицкій, Потоцкій, Семіонтовскій и многіе другіе ¹⁾.

Курнатовскій, ²⁾ командиръ польскаго гвардейскаго Конно-егерскаго полка, успѣшилъ привести въ Бельведеръ (мѣстопробываніе Цесаревича) нѣсколько ротъ своихъ егерей на защиту Великаго Князя

Царства Польскаго, представляли изъ себя лишь часть прежней Ягеллоновской республики. Къ этому нелишне будетъ прибавить, что Александръ Павловичъ не желалъ имѣть въ пользу Россіи никакихъ доходовъ съ Польши; пошлины съ ввозимыхъ въ Россію изъ Царства товаровъ были до минимума понижены, что содѣйствовало развитію въ Польшѣ фабричной и заводской промышленности и увеличенію кредита. Матеріальный же успѣхъ не замедлил отразиться на образованіи и просвѣщеніи націи. Въ Варшавѣ былъ основанъ университетъ, а въ главнѣйшихъ городахъ—разныя профессиональныя школы и лицеи. Такимъ образомъ подъ управленіемъ Россіи Царство Польское начало пробуждаться для новаго существованія, быстрый конецъ которому положили сами же поляки своими революціонными заблужденіями и пылкимъ, весьма воспріимчивымъ характеромъ, свойственнымъ націи.

«Исторія польскаго возстанія и войны 1830 и 1831 годовъ» Ф. Смята. Изд. 1863 г. и «Польско-русская война 1831 г.» Пузыревскаго.

¹⁾ Пузыревскій. «Польско-русская война 1831 г.», стр. 6.

²⁾ Генераль-адъютантъ Польской арміи Императора Николая I.

Константина Павловича и тѣмъ самымъ содѣйствовали спасенію Цесаревича отъ грозившей ему серьезной опасности. Такимъ образомъ возстаніе по преимуществу господствовало среди черни и могло, къ сожалѣнію, развиваться совершенно свободно, такъ какъ Великій Князь, хотя и имѣлъ возможность подавить его силою оружія, но не захотѣлъ вмѣшиваться въ польскую смуту, чтобы доказать неосновательность распускаемыхъ вздорныхъ слуховъ о томъ, будто русскіе убиваютъ поляковъ. Собравъ вокругъ себя русскія и оставшіяся вѣрными польскія войска, Цесаревичъ выступилъ изъ города и учредилъ свою главную квартиру въ Вержбиѣ, въ трехъ верстахъ отъ Мокотовской заставы ¹⁾).

*Constantin,
Großfürst von Rußland.*

Съ нѣмецкой дубочной литографіи.

Благомыслящая и дальновидная часть польскаго общества понимала всю важность положенія вещей и старалась, въ лицѣ министра финансовъ князя Любецкаго, примириться съ русскимъ правительствомъ и представить все дѣло какъ вспышку, вслѣдствіе нарушенія правилъ конституціи. Но не въ конституціи была суть. „Еслибы,—по словамъ польскаго писателя и дѣятеля революціи, Мохнацкаго ²⁾,—конституція была составлена и исполнялась самими ангелами, то и тогда революція была бы неизбежна, такъ какъ поляки желали имѣть или все или ничего“, т.-е. стремились къ возстановленію Польши въ ея прежнихъ предѣлахъ.

Главкомандующимъ (позднѣе диктаторомъ) мятежныхъ вооруженныхъ силъ былъ назначенъ врагъ революціи, участникъ Наполеоновскихъ кампаній, любимый народомъ и войсками генераль Хлопицкій. Но и онъ не въ силахъ былъ спасти Польшу отъ разрыва съ Россіей, и въ Петербургъ были посланы для переговоровъ съ Импера-

— 310 —

¹⁾ О вѣрности русскому престолу и данной присягѣ дѣятельности по усмиренію возстанія лицъ Свиты Польской арміи изложено въ послѣдней главѣ настоящаго тома «Свита Императора Николая I Польской арміи».

²⁾ Пузыревскій «Польско-русская война 1831 г.», стр. 7.

торомъ Николаемъ два депутата—министръ финансовъ князь Любецкій и членъ сейма графъ Езерскій. Они должны были представить Государю желанія поляковъ и просить о возстановленіи королевства въ его прежнемъ видѣ. Императоръ сначала велѣлъ не допускать оригинальныхъ пословъ съ невозможными требованіями дальше Нарвы, но послѣ того какъ Любецкій официально заявилъ, что онъ ѣдетъ не какъ посолъ отъ мятежной страны, а какъ должностное лицо русскаго правительства, какъ министръ финансовъ Царства Польскаго, съ цѣлью представить всеподданнѣйшій отчетъ о происшедшемъ, что г. Езерскій лишь сопутствуетъ ему, Императоръ приказалъ пропустить обоихъ въ Петербургъ и удосто-

ЦЕСАРЕВИЧЪ
Константи́нъ Павловичъ
17 Ноября 1830 г.

Съ рис. Л. Кляя. Изъ собр. А. Лишина.

Палену, было повелѣно Государемъ поддержать барона Розена войсками перваго корпуса. Послѣ же того какъ серьезность положенія достаточно обрисовалась, рѣшено было приведенное выше распоряженіе отмѣнить, а сначала сосредоточить значительное число войскъ для предстоявшей борьбы съ мятежниками. Результатомъ этого рѣшенія явились два Высочайшихъ указа, данныхъ 1 Декабря 1830 года: I) „Главнoкомандующимъ дѣйствующей арміею, собираемою къ западнымъ границамъ имперіи, повелѣваемъ быть генераль-фельдмаршалу графу Дибичу-Забалканскому со всѣми правами, властію и преимуществами, присвоенными званію сему учрежденіемъ объ управленіи большою дѣйствующею арміею“, и II) „Губерніи: Гродненскую,

или ихъ поочередно аудіенціи ¹⁾).

Получивъ извѣстіе о событіяхъ въ Варшавѣ, Императоръ Николай Павловичъ приказалъ генераль-адъютанту барону Розену немедленно сосредоточить войска Литовскаго корпуса въ Бѣлостокъ и Брестъ и вести ихъ противъ мятежниковъ. Другому же генераль-адъютанту, графу

¹⁾ Изъ письма Императора Николая Павловича къ Цесаревичу. «Императоръ Николай I, его жизнь и царствованіе», Н. К. Шильдеръ, т. II, стр. 326.

Виленскую, Минскую, Подольскую и Волынскую и Бѣлостокскую область повелѣваемъ объявить состоящими въ военномъ положеніи, подчинивъ оныя главнокомандующему дѣйствующею арміею, генераль-фельдмаршалу графу Дибичу-Забалканскому“.

Генераль-адъютантъ
ПЕТРЪ ПЕТРОВИЧЪ
фонъ-дербъ ПАЛЕНЪ.

Съ рис. Мориншильда,
лит. Гл. Упр. Пут. Сообщ.

Изъ собр. портр.
Имп. Гл. Кв.

Подобно тому, какъ и въ предыдущую войну, всѣ высшія и отвѣтственныя должности при арміи, какъ и слѣдовало ожидать, заняли ближайшіе исполнители царской воли—лица Государевой Свиты. Такъ, мѣсто начальника штаба дѣйствующей арміи занялъ генераль-адъютантъ графъ Голь, генераль-квартирмейстеромъ былъ назначенъ генераль-адъютантъ Нейдгартъ, а начальникомъ артиллеріи—генераль-адъютантъ Сухозанетъ.

Всѣ войска, предназначенныя въ дѣйствующую армію, должны были собраться къ польской границѣ не позже 15 Января, между Гродно и Брестомъ. Они состояли изъ слѣдующихъ

частей: I-й пѣхотный корпусъ, подъ начальствомъ генераль-адъютанта графа Палена 1-го; VI-й пѣхотный корпусъ (бывшій Литовскій) подъ начальствомъ генераль-адъютанта барона Розена; III-й резервный кавалерійскій корпусъ состоящаго при Особѣ Его Величества генерала-отъ-кавалеріи графа Витта; гвардейскій отрядъ Цесаревича, слѣдовавшій изъ Варшавы, и, наконецъ, 7 казачьихъ полковъ всего—86.400 человекъ. Мѣста же выступившихъ на театръ военныхъ дѣйствій войскъ рѣшено было пополнить слѣдующими частями: Гренадерскимъ корпусомъ генерала-отъ-инфантеріи князя Шаховского ¹⁾; II-мъ пѣхотнымъ корпусомъ гене-

¹⁾ Впоследствии Членъ Госуд. Совѣта и Генераль состоявшій при Особѣ Его Величества.

рала-отъ-кавалеріи графа Палена 2-го; V-мъ резервнымъ кавалерійскимъ корпусомъ генераль-адъютанта барона Крейца; Гвардейскимъ корпусомъ подъ начальствомъ Великаго Князя Михаила Павловича, и девятью казачьими полками ¹⁾),—всего 95.600 человекъ.

Лишь только часть войскъ была собрана на границѣ, фельдмаршалъ выѣхалъ изъ С.-Петербурга и уже 28 Декабря временно, до

Генераль-адъютантъ
графъ Иванъ Ивановичъ
ДИБИЧЪ-ЗАБАЛКАНСКІЙ

Съ литографіи.
По рис. съ натуры Крюгера.

Изъ собранія
Императорскаго Эрмитажа.

окончательнаго сосредоточенія всей дѣйствующей арміи, основалъ свою главную квартиру въ Гроднѣ.

По свѣдѣніямъ, собраннымъ фельдмаршаломъ, въ открытію военныхъ дѣйствій силы поляковъ простирались до 130—140 тысячъ человекъ и состояли изъ четырехъ пѣхотныхъ дивизій — Круковецкаго, Жимирскаго, Скржинецкаго и Шембека и пяти кавалерійскихъ — Руте, Лубенскаго, Томицкаго, Сухоржевскаго и Янковскаго ²⁾).

¹⁾ Ф. Смитъ. «Исторія Польскаго возстанія и войны 1830—1831 г.» Спб. 1863 г.

²⁾ Пузыревскій. «Польско-русская война 1831 г.», стр. 12.

Такимъ образомъ изъ настоящаго перечня дѣйствующихъ частей и ихъ командировъ видна степень участія лицъ Свиты въ подавленіи возстанія.

„Польская армія,—говоритъ Пузыревскій ¹⁾),—отличалась въ бою столько же пылкостью атакъ, сколько мужественной стойкостью при оборонѣ. Нерѣдко цѣлые старые полки были истребляемы, но не давали тыла; новобранцы же, одушевленные общею идеею, старались соперничать со старыми солдатами. Дѣйствующая польская кавалерія была очень хороша; артиллерія, по составу и духу, была лучшимъ родомъ оружія въ арміи“...

Графъ Дибичъ понялъ значеніе противника и его серьезность. Поэтому успѣшное разрѣшеніе возложенной на него трудной задачи во что бы то ни стало требовало совершеннаго уничтоженія польской арміи и взятія гнѣзда революціи—Варшавы. Опытный военачальникъ

Свиты ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА Генераль-Маіоръ
Федоръ Федоровичъ
ШУБЕРГЪ.

Съ рис. Рѣзвого,
лит. Герлинъ.

Изъ собр. портр.
Имп. Гл. Бв.

сразу понялъ все это и рѣшилъ избѣгать небольшихъ сраженій и стычекъ, выгодныхъ для непріятеля, дѣйствующаго въ своей странѣ, а наступать не иначе, какъ большими массами и, по возможности, дать только генеральное сраженіе.

Варшавскіе революціонеры, наконецъ, принявъ рѣшеніе, объявили его 13 Января 1831 года, согласно которому династія дома Романовыхъ лишается правъ на польскій престолъ ²⁾). Эта неслыханная до сихъ поръ дерзость получила достойный отвѣтъ какъ въ Высочайшемъ манифестѣ отъ 25 Января съ повелѣніемъ „идти на

¹⁾ Пузыревскій. «Польско-русская война 1831 г.» стр. 11.

²⁾ Н. К. Шлядеръ. «Императоръ Николай I, его жизнь и царствованіе», т. II., стр. 334.

Генералъ, состоящій при Особѣ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА
графъ Иванъ Осиповичъ
ВИТТЪ.

Съ портр. Доу

Зимній дворецъ.
Военная галлерей.

маршалъ началъ наступленіе съ 113 тысячной арміей при 288 орудіяхъ. Поляки, не ожидавшіе русскихъ на тѣхъ пунктахъ, гдѣ они обыкновенно появлялись, не могли оказывать сопротивленія и дали Дибичу возможность свободно совершить переправу черезъ Бугъ и почти безпрепятственно, не считая небольшой стычки у мѣстечка Ливъ, достигнуть Венгрова ^{*)}, гдѣ рѣшено было предоставить войскамъ трехдневный отдыхъ и подтянуть отставшій обозъ влѣдствіе распутицы дорогъ, испорченныхъ наступившей оттепелью. Во время этой стоянки польскій генералъ Скржинецкій предпринялъ весьма сильную и отважную рекогносцировку противъ авангарда 6-го корпуса и сбиль его аванпосты, а генералъ-адъютантъ Гейсмаръ, прикрывавшій со своимъ небольшимъ отрядомъ лѣвый флангъ главной арміи, потерпѣлъ поражение при Сточекѣ со стороны генерала Дверницкаго, оставивъ неприятелю 8 орудій, 9 зарядныхъ ящиковъ и потерявъ убитыми и

¹⁾ Ф. Смитъ. «Исторія Польскаго возстанія и войны 1830—1831 годовъ».

²⁾ Корпуса гр. Палена, гр. Витта, барона Розена, Великаго Князя Константина Павловича, небольшіе отряды генерала Мандерштерна и полковника Анрепа.

плѣнными 6 человекъ офицеровъ и 286 нижнихъ чиновъ. Графъ Дибичъ, узнавъ о несчастномъ дѣлѣ при Сточекѣ, потребовалъ, чтобы Гейсмаръ донесъ о виновникахъ.

Гейсмаръ отвѣчалъ, что всѣ офицеры свято исполняли свой долгъ,

Иванъ Егоровичъ
ФЕЛЬКЕРЗАМЪ.

Акварель Собственность
В. Е. Фелькерзамъ.

что единственною причиною пораженія былъ паническій страхъ, объявшій солдатъ при видѣ сильнѣйшаго врага и что, командуя ввѣренной ему дивизіей только съ 23 Января, онъ не можетъ знать офицеровъ настолько, чтобы назвать кого-нибудь изъ нихъ виновникомъ столь несчастнаго пораженія. Дибичъ, повидимому, вполне удовлетворился этимъ дѣйствительно рыцарскимъ отвѣтомъ и донесъ Государю, что причиною пораженія могло быть значительное удаленіе 2-й бригады, вслѣдствіе чего 1-я бригада генераль-адъютанта Гейсмара лишилась ея помощи ¹⁾.

Наконецъ, 5-го Февраля Дибичъ рѣшилъ продолжать общее наступле-

ніе къ Варшавѣ тремя колоннами, во время котораго произошли столкновенія у Калущина и у Добре, заставившія поляковъ отступить къ Минску и Окуневу.

Въ дальнѣйшемъ наступленіи, пренебрегая второстепенными успѣхами, чтобы нанести полякамъ сразу рѣшительный ударъ, графъ Дибичъ достигъ до Грохова, мѣстечка, лежащаго въ 8-ми верстахъ отъ Праги. Еще до занятія Гроховской позиціи, 7 Февраля, русскія войска имѣли жаркое сраженіе съ поляками при Ваврѣ ²⁾. Жимирскій, отступая по Брестскому шоссе передъ корпусомъ графа Палена, предложилъ Шембеку совмѣстными силами задержать наши войска при дебушированіи изъ лѣснаго дефиле къ позиціи передъ Гроховымъ. Подъ натискомъ превосходныхъ силъ непріятеля графъ Паленъ принужденъ былъ податься нѣсколько назадъ.

¹⁾ Ф. Смитъ. «Исторія Польскаго возстанія и войны 1830—1831 годовъ.»

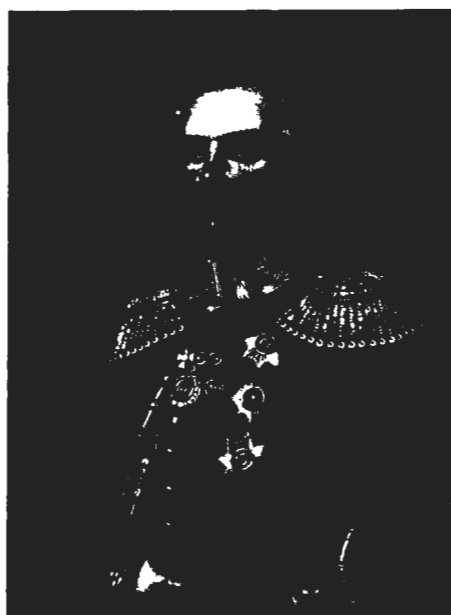
²⁾ Въ этомъ дѣлѣ былъ, между прочимъ, раненъ генераль-адъютантъ Сухожанецъ.

Это случайное сраженіе отдѣльныхъ корпусовъ едва не превратилось въ генеральное сраженіе двухъ армій. На мѣсто боя поспѣшили прибыть съ большею частью своихъ силъ оба главнокомандующихъ— графъ Дибичъ и князь Радзивиль. Благодаря распорядительности Дибича на мѣстѣ боя и, повидимому, нерѣшительности Хлопицкаго, на котораго вполне полагался не только князь Радзивиль, но и вся польская армія, поляки отступили, понеся большой уронъ. Наши потери въ сраженіи при Ваврѣ также достигли внушительныхъ размѣровъ — около 3700 человекъ при 100 офицерахъ.

Поляки послѣ Ваврскаго пораженія отошли за Малый Гроховъ, и, не будучи тѣснимы, заняли позицію впереди Большого Грохова. Между тѣмъ Дибичъ сталъ готовиться къ тому, чтобы здѣсь нанести войскамъ мятежниковъ послѣдній и рѣшительный ударъ, но, къ сожалѣнію, соблюдая излишнюю тайну даже въ отношеніи высшихъ начальниковъ, онъ тѣмъ самымъ ставилъ ихъ въ такое положеніе, что они не понимали своихъ маневровъ ¹⁾ и, конечно, нарушали его предположенія.

Въ этомъ именно заключается одна изъ главныхъ ошибокъ Дибича въ Гроховской операціи, ошибка, приведшая къ дѣлу у Бялоленки отряда Шаховскаго, преждевременно вызвавшая и самое сраженіе при Гроховѣ.

Первоначально въ планѣ графа Дибича князю Шаховскому надлежало двигаться черезъ Ломжу, овладѣть пройденнымъ краемъ и собрать возможно больше продовольствія.

Генералъ-адъютантъ
графъ ПЕТРЪ АНДРЕЕВИЧЪ
КЛЕЙМІХЕЛЬ.

Съ рис. Крюгера,
лит. Гл. Упр. Пут. Сообщ.

Изъ собр. портр.
Имп. Гл. Кв.

¹⁾ Пузыревскій. «Польско-русская война 1831 г.», стр. 82.

Генераль-адъютантъ
князь НИКОЛАЙ АНДРЕЕВИЧЪ
ДОЛГОРУКОВЪ.

По рис. Митрейтера,
съ лит. Озѣиловскаго.

Изъ собр. портр.
Имп. Гл. Кв.

5 Февраля князь Шаховской былъ уже въ Ломжѣ, а 7-го въ Остроленкѣ, гдѣ получилъ приказаніе идти на соединеніе къ главнымъ силамъ дѣйствовавшей арміи.

Дибичъ, предполагая 14-го Февраля дать полякамъ генеральное сраженіе, рѣшилъ воспользоваться отрядомъ князя Шаховскаго для внезапной и скрытной атаки во флангъ и тылъ польской арміи, и потому ночью съ 11-го на 12-е посылаетъ князю Шаховскому приказаніе „остаться все 12-ое число у Непорента“, безъ объясненія причинъ этой остановки. Между тѣмъ Шаховской рано утромъ, не получивъ еще этого распоряженія Главного-

командующаго и не зная намѣренія Дибича, продолжаетъ движеніе и доходить до Бялоленки; затѣмъ, не имѣя дальнѣйшихъ директивъ и найдя здѣсь дивизію Янковскаго и бригаду Малаховскаго при 6-ти орудіяхъ, атакуетъ поляковъ и вытѣсняетъ ихъ изъ селенія. Когда же приказаніе Дибича остановить движеніе было получено, то Бялоленка была уже занята. На слѣдующій день (13 Февраля) князь Шаховской, понявъ намѣреніе Дибича и боясь, что вся польская армія обрушится на него, отступилъ отъ Бялоленки, и поспѣшилъ на соединеніе съ главными силами; своимъ отходомъ онъ вызвалъ атаку со стороны Круковецкаго, а это, въ свою очередь, было ближайшею причиною наступленія и нашей арміи. Такова, вкратцѣ, цѣль фактовъ, ошибокъ и недоразумѣній, приведшихъ къ Гроховскому сраженію, обратившемуся для насъ изъ преднамѣреннаго, предположеннаго на 14-ое, въ случайное, 13-го Февраля, а потому и не давшее тѣхъ рѣшительныхъ результатовъ, на которые такъ рассчитывалъ графъ Дибичъ.

Позиція, занятая поляками, была очень сильна и тянулась по Брестскому шоссе между Большимъ и Малымъ Гроховымъ. Правый ея флангъ упирался въ непроходимыя болота, а лѣвый былъ обезпеченъ Ольховой рощей, заранѣе хорошо приспособленной для упорной обо-

роны и сильно занятой войсками. Силы сторонъ къ началу боя были 44 тысячи у поляковъ и около 60 тысячъ съ нашей стороны.

Утромъ 13-го Февраля Главнокомандующій, присутствуя на молебствіи во 2-й гренадерской дивизіи, услышалъ канонаду со стороны Бялоленки. Зная, что тамъ находится князь Шаховской, и опасаясь, чтобы поляки не раздавили бы его превосходными силами, Дибичъ посылаетъ ему приказаніе держаться, а самъ съ главными силами рѣшается немедля атаковать поляковъ съ фронта—въ лобъ.

Такъ рухнулъ первоначальный планъ фельдмаршала, и генеральное сраженіе началось.

Въ десятомъ часу утра по всей линіи завязался ожесточенный артиллерійскій бой. Уже въ 10 часовъ генераль-адъютантъ баронъ Розенъ съ частями 24-й и 25-й дивизій съ Брестскимъ, Минскимъ и однимъ баталіономъ Литовскаго полка атакуетъ Ольховую рощу.

Несмотря на малочисленность нашихъ войскъ, послѣднимъ все-таки удается оттѣснить непріятеля отъ опушки и вступить въ лѣсъ. Но тутъ они натываются на ровъ съ засѣками, изъ-за котораго резервы противника встрѣчаютъ ихъ частымъ огнемъ и заставляютъ отступить. Этотъ ровъ и въ послѣдующія атаки весьма долго былъ непреодо-

лимымъ препятствіемъ для нашихъ войскъ. Какъ разъ въ это время генераль-адъютантъ графъ Паленъ поддерживаетъ барона Розена частями 2-й и 3-й дивизій, что даетъ возможность русскимъ вторично стремительно броситься въ атаку и вступить въ рощу. Поляки, понимая важность этого пункта атаки, вводятъ новыя, свѣжія войска, и снова русскія части вытѣснены изъ рощи.

Въ двѣнадцатомъ часу дня Дибичъ, слыша усилившуюся артиллерійскую канонаду въ направленіи Бялоленки, рѣшилъ въ третій разъ атаковать Ольховую рощу, для чего вводитъ оставшіяся части 3-й пѣхотной дивизіи, графу Толю прика-

Свѣты ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА Генераль-Маіоръ
Сергѣй Александровичъ
КОКОШКИНЪ

Съ литографіи.

Изъ собр. портр.
Имп. Гл. Кв.

зываетъ обходить рошу справа, а Нейдгарту—слѣва; кромѣ того, для подготовки атаки артиллерійскимъ огнемъ, вводитъ нѣсколько батарей.

Несмотря на жестокій огонь изъ роши, наши войска занимаютъ ея опушку и даже входятъ въ лѣсъ, но обходившія части, зарвавшись, попадаютъ подъ страшный картечный огонь противника, и наступленіе снова останавливается.

Хлопицкій, желая использовать этотъ моментъ замѣшательства русскихъ и понимая, что исходъ сраженія будетъ главнымъ образомъ зависѣть отъ участи роши, вводитъ въ дѣло всѣ свои резервы и, ставъ во главѣ гвардейскихъ гренадеръ, лично ведетъ ихъ въ атаку. Подъ звуки національнаго гимна, съ любимымъ начальникомъ во главѣ, поляки неудержимымъ потокомъ обрушиваются на наши утомленные боемъ полки и снова опять захватываютъ всю рошу.

Дибичъ, видя столь смѣлое наступленіе противника и возмущенный безрезультатностью долгаго боя, вливаетъ свѣжія части пѣхоты и кавалеріи и, давъ шпоры коню, мчится къ передовымъ линіямъ и самъ ведетъ въ атаку наступающія войска.

Это имѣло рѣшающее значеніе.

Однако, еще цѣлыхъ два часа продолжался бой въ рошѣ, и долго колебавшійся успѣхъ его сталъ, наконецъ, клониться на сторону русскихъ ¹⁾).

Въ это время фельдмаршалъ узнаетъ, что князь Шаховской отступилъ отъ Бялоленки, и слѣдовательно поляки могутъ совершенно свободно отступить на Прагу. Тогда Дибичъ усиливаетъ пѣхоту по всей линіи и приказываетъ графу Толю съ тяжелой кавалеріей обойти рошу, чтобы ускорить овладѣніе ею, и разорвать фронтъ отступающихъ поляковъ и хоть часть ихъ отбросить въ болота къ Брестскому шоссе.

¹⁾ Ф. Смитъ. «Исторія Польскаго возстанія и войны 1830—1831 годовъ».

Свиты ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА Генераль-Маіоръ
Иванъ Семеновичъ
ТИМИРЯЗЕВЪ.

По рис. Мори,
лит. Тьерри.

Изъ собр. портр.
Имп. Г. Л. Кв

Какъ разъ въ этотъ моментъ тяжело раненаго Хлопицкаго уносятъ съ поля сраженія и, конечно, это для поляковъ имѣло самыя гибельныя послѣдствія; „все пришло въ разстройство; общее управление исчезло; Радзивиль совершенно растерялся“¹⁾. Къ тому же всѣ резервы поляковъ были уже израсходованы и они, очистивъ окончательно Ольховую рощу, стали повсюду отступать въ полномъ безпорядкѣ. Воодушевленная успѣхомъ наша пѣхота перешла въ общее наступленіе по всему фронту, а графъ Толь съ кавалеріей рѣшительно атаковалъ отступающихъ поляковъ. Къ сожалѣнію онъ не развилъ этой атаки въ той мѣрѣ, въ какой желалъ главнокомандующій, и результатъ ея получился не полный. Графъ же Паленъ въ это время двинулся вдоль шоссе и успѣлъ вогнать въ болота часть непріятельской пѣхоты²⁾.

Все это такъ морально отразилось на польскихъ войскахъ, что всѣ высшіе начальники потеряли голову, и только одинъ Скржинецкій сохранилъ полное присутствіе духа и упорно прикрывалъ отступавшія въ безпорядкѣ польскія войска. Наконецъ, около 5 часовъ вечера, Дибичъ, послѣ нѣкотораго колебанія, приказалъ прекратить бой и утомленнымъ войскамъ расположиться бивакомъ въ одной лишь верстѣ отъ Праги.

Для того чтобы показать, какими подвигами у Императора Николая Павловича заслуживалась почетная награда — зачисленіе въ Свиту, приведемъ словами Ф. Смита³⁾, автора капитальнаго историческаго труда о польскомъ возстаніи 1830—1831 годовъ, рассказъ объ отважномъ дѣлѣ командира кирасирскаго Принца Альберта Прусскаго полка, полковника Егора Федоровича барона Мейендорфа, назначеннаго Высочайшимъ приказомъ отъ 21-го Февраля 1831 года за отличіе при Гроховѣ флигель-адъютантомъ.

¹⁾ Пузыревскій. «Польско-русская война 1831 г.».

²⁾ Р. Зотовъ. «Тридцатилѣтіе Европы въ царствованіе Императора Николая I». т. I.

³⁾ Трудомъ Ф. Смита, между прочимъ, пользовался и покойный генералъ Пузыревскій въ своихъ специально-военныхъ изслѣдованіяхъ. Въ перечисленіи тѣхъ источниковъ, какими руководствовался Пузыревскій для составленія «Польско-русской войны 1831 г.», генералъ, между прочимъ, заявляетъ, что Смитъ полнотою изложенія, обширностью своего труда и совершенно здравыми военными соображеніями невоеннаго человѣка всецѣло обязанъ генераламъ Толю и Нейдгардту, совѣтами которыхъ онъ пользовался. Въ заключеніе своей краткой критики труда Смита Пузыревскій выражаетъ искреннюю благодарность талантливому историку за всѣ тѣ свѣдѣнія, которыя онъ почерпнулъ изъ его серьезнаго изслѣдованія—«Польско-русская война 1831 года».

Передъ началомъ общей кавалерійской атаки „командиръ кирасирскаго Принца Альберта полка, полковникъ баронъ Мейендорфъ, съ рѣшительною наружностью соединявшій геройское мужество, подѣхавъ къ полку, напомнилъ въ нѣсколькихъ энергическихъ словахъ своимъ солдатамъ, что они должны пробиться чрезъ непріятельскую армію, чтобы у Праги отрѣзать ей отступленіе. Замѣтивъ въ это время, что польская батарея сильно поражала его полкъ, онъ обратился къ начальнику своей дивизіи, генералу Каблукову, за разрѣшеніемъ немедленно захватить ее. Разрѣшеніе дано, и Мейендорфъ, ставъ впереди полка, несется съ нимъ въ атаку, не выждавъ сигнала. Графъ Толь, хотя и недовольный этою поспѣшностью, тѣмъ не менѣе приказываетъ генералу Герштенцвейгу съ его 24 конными орудіями тотчасъ подвигаться впередъ рысью, самъ же съ уланами также начинаетъ движеніе, чтобы быть на одной высотѣ съ Мейендорфомъ.

„Между тѣмъ Мейендорфъ стремительно кинулся на обстрѣливавшую его батарею, а когда она отступила, то онъ обратился на прикрывавшія ее пѣхотныя каре: одно изъ нихъ, состоявшее изъ кошиніеровъ, тотчасъ разсѣялось; другое же, составленное изъ старой пѣхоты (8-й полкъ), хладнокровно выждавъ приближеніе кавалеріи, дало залпъ по ней въ разстояніи 50 шаговъ, но черезъ мигъ послѣ этого кирасиры были уже внутри каре. Поляки частью бросились на землю, частью воткнули свои ружья штыками въ землю, подавая тѣмъ знакъ, что они сдаются. Мейендорфъ не останавливается для того, чтобы изрубить ихъ или взять въ плѣнъ; онъ предоставляетъ это кавалеріи, слѣдующей позади, а самъ, рѣшившись прорваться, впереди всѣхъ, съ двумя дивизіонами своего полка, какъ ураганъ несется далѣе. Третій дивизіонъ, приостановленный въ своемъ стремленіи находившимся при немъ бригаднымъ командиромъ, съ самага начала все болѣе и болѣе отставалъ, а вмѣстѣ съ нимъ и всѣ слѣдовавшіе позади полки; подъ конецъ этотъ генералъ даже совсѣмъ остановился подъ тѣмъ предлогомъ, чтобы не оставлять безъ прикрытія выдвинутыя впередъ батареи; такимъ образомъ Мейендорфъ увидѣлъ себя лишеннымъ всякаго подрѣвленія.

„Войска съ удивленіемъ преслѣдовали взорами отважныхъ кирасиръ; изумленные артиллеристы остановились на минуту и мѣшкали прислуживать при орудіяхъ; вскорѣ Мейендорфъ совершенно исчезъ среди густыхъ облаковъ дыма; вдали, за непріятельскими линіями, еще

разъ слышалось дружное ура!—затѣмъ все смолкло. Общее напряженіе достигло высочайшей степени.

„Графъ Толь, недовольный тѣмъ, что остальные кирасирскіе полки не поддержали атаки Мейендорфа, приказалъ имъ немедленно продолжать движеніе. Но было уже поздно. На правомъ флангѣ непріятеля замѣтили необыкновенное движеніе, и вслѣдъ за симъ показалась скачущая небольшая горсть кирасиръ, за которою слѣдовали еще нѣсколько другихъ: это были Мейендорфъ и Каблуковъ, съ остатками храбраго полка пробившіеся назадъ черезъ

всю непріятельскую линію. Лошадь Кабукова, пронзенная семью пулями, подскакавъ къ русской линіи, падаетъ мертвою; Мейендорфъ потерялъ двѣ лошади и прискакалъ на польской уланской, а другіе офицеры на казачьихъ лошадяхъ. Вскорѣ еще появляются небольшія кучки кирасиръ; мало-по-малу половина полка собирается возлѣ своего полковника, и тогда всѣ узнаютъ подробности ихъ блестящей атаки.

„Прорвавшись сквозь первую непріятельскую линію, они овладѣли батареею изъ 4-хъ заряженныхъ орудій и увезли три изъ нихъ; въ 4-мъ же лошади были убиты, почему оно было оставлено; потомъ кирасиры прорвались сквозь вторую и третью линіи, разсѣяли и погнали передъ собою часть 2-го уланскаго полка, покушавшагося остановить ихъ; затѣмъ, достигнувъ шоссе, они устремились по нему впередъ по направленію къ Прагѣ. Поляки пришли въ неописанное замѣшательство: на самомъ шоссе, слѣва и справа его, все бросилось назадъ, въ безпорядкѣ перегоня другъ друга. Многочисленная

Свѣты ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА Генералъ-Маіоръ
баронъ Егоръ Федоровичъ
МЕЙЕНДОРФЪ.

Съ литографіи.

Изъ собр. портр.
Имп. Гл. Кв.

артиллерія была покинута своимъ прикрытіемъ; стоявшіе передъ Прагою косиніеры бросили свои косы и бѣжали; фургоны и обозъ, кинувшись къ укрѣпленіямъ, еще болѣе увеличили общій ужасъ и загроздили дорогу; самъ главнокомандующій, князь Радзивиль, со своимъ штабомъ, министрами, депутатами и почетною гвардіею, въ полномъ смятеніи обратился въ бѣгство. Неудерживаемый и неудер-

Атака подъ Гроховымъ польскихъ косиньеровъ Кирасирскимъ Принца Альберта Прусскаго полкомъ во главѣ съ ихъ командиромъ, полковникомъ барономъ Е. Ф. МЕЙЕНДОРФЪМЪ.

Съ гравюры Вундеръ.

Изъ серіи Нюрнбергскихъ листковъ Ф. Кампе.

жимый Мейендорфъ доскакалъ со своими кирасирами до самыхъ укрѣпленій Праги.

„Итакъ, всѣ препятствія были преодолены; Мейендорфъ достигъ своей цѣли—прагскихъ укрѣпленій, но когда онъ оглянулся, чтобы узнать, послѣдовала ли за нимъ прочая кавалерія, — никого не было; онъ остался одинъ съ двумя дивизіонами, разобщенный отъ своихъ цѣлюю непріятельскою арміею. Тутъ не было времени долго думать, слѣдовало проложить себѣ обратный путь тѣмъ же способомъ, какъ и путь впередъ; но это было не такъ легко: пока кирасиры шли впередъ, все давало имъ дорогу; напротивъ на обратномъ пути все старалось задержать ихъ: пѣхота, кавалерія, артиллерія, конгревовы

ракеты—разомъ устремились противъ нихъ. Слева вышла ракетная батарея Скальскаго; пѣхота Шембека и Скржинецкаго открыла по нимъ огонь, а кавалерія Кицкаго и Казимира Скаржинскаго кинулась въ атаку на оба ихъ фланга; въ особенности энергически напиралъ Кицкій съ двумя эскадронами 2-го и тремя 5-го уланскаго полковъ. До сихъ поръ кирасиры понесли весьма мало потерь, но теперь наступилъ критическій моментъ: нужно было много отваги и силы воли, дабы проложить себѣ путь. Мейендорфъ съ своими храбрецами не задумался ни на минуту; палашами прокладываютъ они себѣ путь и опрокидываютъ все ими встрѣченное; польскіе уланы, вмѣсто того, чтобы преградить имъ дорогу, довольствуются сопрожденіемъ ихъ съ обѣихъ сторонъ.

„Всѣ уже считали ихъ погибшими, какъ вдругъ они появились снова, но, конечно, не безъ чувствительной потери: болѣе половины ихъ не вернулось назадъ. Все тѣснилось кругомъ ихъ; графъ Толь обнял Мейендорфа и благодарилъ его. Со всѣхъ сторонъ раздавались похвалы ему и его храбрымъ сподвижникамъ, достойная награда ихъ блистательнаго подвига!

„Впечатлѣніе этой атаки на обѣ сражающіяся стороны было такъ велико, что артиллерійскій огонь на нѣкоторое время прекратился, и взоры всѣхъ, какъ поляковъ, такъ и русскихъ, единодушно устремились на отважныхъ всадниковъ“¹⁾!

Вотъ одинъ изъ правдивыхъ образцовъ нравственнаго облика состава Свиты Императора Николая Павловича!

Графъ Дибичъ, однако, не сумѣлъ воспользоваться одержанной подъ Гроховымъ побѣдой. Вмѣсто того, чтобы нанести полякамъ рѣшительный ударъ, русскій главнокомандующій по неизвѣстной причинѣ въ 5 часовъ вечера вдругъ прекратилъ бой и тѣмъ самымъ далъ возможность непріятелю укрыться въ Пражскихъ укрѣпленіяхъ и переправить всю свою армію по единственному мосту.

Императоръ Николай Павловичъ за дѣло подъ Гроховымъ высказалъ графу Дибичу свое справедливое неудовольствіе, между прочимъ замѣтивъ: „Почти невѣроятно, что послѣ такого успѣха непріятель могъ спасти свою артиллерію и перейти Вислу по одному

¹⁾ Ф. Смитъ. «Исторія Польскаго возстанія и войны 1830—1831 годовъ». Спб. 1863 г. стр. 419—422.

мосту. Слѣдовало ожидать, что онъ потеряетъ значительную часть своей артиллеріи, и что произойдетъ вторая Березинская переправа... Итакъ, потеря 8.000 человѣкъ, и никакого результата, развѣ только то, что непріятель потерялъ по малой мѣрѣ то же число людей.

Генераль-адъютантъ,
Генераль-фельдмаршалъ
графъ И в а н ъ И в а н о в и ч ъ
ДИБИЧЪ-ЗАБАЛКАНСКІЙ.

Съ порт. пис. Доу,
лит. Мейфъ.

Изъ собр. портр.
Имп. Гл. Кв.

Это очень, очень прискорбно!
Но да будетъ воля Божія!¹⁾

Генераль-адъютантъ графъ Дибичъ уже не былъ въ состояніи исправить своей ошибки. Вскрытіе Вислы не позволяло совершить переправы на другой берегъ, и теперь оставалось временно расположить армію по квартирамъ, чтобы облегчить ей продовольствіе путемъ реквизиціи.

Для разъясненія графу Дибичу нѣкоторыхъ вопросовъ по дѣлу о предстоящей переправѣ арміи черезъ Вислу послѣ ея вскрытія, Императоръ отправилъ къ фельдмаршалу генераль-адъютанта графа Орлова. Но пока Орловъ пробирался черезъ возставшую Литву, дѣла на театрѣ

военныхъ дѣйствій снова осложнились. Принявшій отъ князя Радзивила главное командованіе надъ польскими войсками генералъ Скржинецкій, ободренный бездѣйствіемъ русскихъ, предпринялъ противъ нашей гвардіи²⁾, стоявшей нѣсколько отдѣльно отъ остальной арміи, наступательное движеніе, приведшее въ концѣ концовъ къ кровопролитному сраженію у Остроленки, разыгравшемуся 14-го Мая. Снова одержанная побѣда надъ поляками не даетъ ожидаемыхъ результатовъ; снова графъ Дибичъ повторяетъ свою Гроховскую ошибку; снова нерѣшительность нашего главнокомандующаго спасаетъ польскую армію

¹⁾ Изъ письма Императора Николая I къ графу Дибичу отъ 24-го Февраля 1831 года. Н. К. Шильдеръ. «Императоръ Николай I, его жизнь и царствованіе». т. II, стр. 340.

²⁾ Командиромъ Гв. корпуса былъ Великій Князь Михаилъ Павловичъ.

отъ вѣрной гибели и даетъ ей возможность въ полномъ порядкѣ отступить въ Варшаву.

29 Мая внезапно отъ холеры, свирѣпствовавшей въ войскахъ, скончался главнокомандующій фельдмаршалъ Дибичъ. Его смерть за-

Генералъ-адъютантъ,
Генералъ-фельдмаршалъ
графъ И в а н ь Ф е д о р о в и ч ь
ПАСКЕВИЧЬ-ЭРИВАНСКІЙ.

Изъ Русскаго худож. листка В. Тимма. Собр. портр. Имп. Гл. Кв.

ставила Николая Павловича немедленно озаботиться выборомъ ему преемника. Выборъ палъ, конечно, на энергичнаго героя Эривани—генералъ-адъютанта графа Паскевича.

Вновь назначенный главнокомандующимъ графъ Паскевичъ прибылъ къ арміи 13-го Іюня, а уже 4-го Іюля Паскевичъ началъ переправлять ввѣренныя ему войска на лѣвый берегъ Вислы.

Русская армія, переправившись через рѣку у Осѣки, близъ прусской границы, начала медленно и осторожно подвигаться къ Варшавѣ, имѣя передъ собою отважнаго, поставившаго все на карту, врага. За это время польская армія пережила сильнѣйшій революціонный кризисъ — Скржинецкій былъ смѣненъ, и армія получила новую организацію и одного за другимъ главнокомандующихъ — Дембискаго

Штурмъ Варшавы 25-го Августа 1831 г.

Съ гравюры Вувдериъ.

Изъ серіи Нюренбергскихъ листковъ Ф. Кампе.

и Малаховскаго. Паскевичъ плотнымъ кольцомъ сжималъ мятежныя войска поляковъ, и, наконецъ, 25-го Августа начался штурмъ польской столицы, продолжавшійся почти непрерывно два дня. Въ самомъ началѣ канонады непріятельское ядро контузило въ лѣвую руку фельд-маршала, и командованіе надъ штурмующими войсками было передано генераль-адъютанту графу Толю, но подъ непосредственнымъ наблюденіемъ главнокомандующаго. Бой былъ чрезвычайно упорный. Изъ строя выбыли ранеными генераль-адъютанты Сухозанеть, графъ Ностицъ, Зассъ и многіе чины Свиты снова успѣли увѣковѣчить память о себѣ выдающимися подвигами. На этотъ разъ такъ же, какъ при Гроховѣ—баронъ Мейендорфъ, особенно отличился командиръ Л.-Гв. Гусар-

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО

Великій Князь

МИХАИЛЪ ПАВЛОВИЧЪ.

Оригиналъ находится въ собраніи портретовъ
Э. Г. Козлиннова.

скаго полка, полковникъ Мусинъ-Пушкинъ, опрокинувшій со своими гусарами цѣлую дивизию Ягмина. Наконецъ послѣ упорнѣйшаго трех-часового боя была взята Иерусалимская застава, и русскія войска моментально заняли городской валъ до самой Вольской заставы. Наконецъ подѣ новымъ сильнымъ натискомъ русской арміи поляки отступили къ Модлину, очистивъ побѣдителямъ Варшаву, и въ 7 часовъ утра 27-го Августа наша гвардія, подѣ начальствомъ Великаго Князя Михаила Павловича и генераль-адъютанта графа Берга, начала занимать покоренную польскую столицу ¹⁾.

Генераль-адъютантъ
АФАНАСІЙ ИВАНОВИЧЪ
КРАСОВСКІЙ.

Съ рис. Катяна.
Литографія.

Изъ собр. портр.
Имп. Гл. Кв.

„Варшава у ногъ Вашего Императорскаго Величества!“ ²⁾ доносилъ графъ Паскевичъ своему обожаемому Монарху. Въ отвѣтъ на это радостное для всѣхъ извѣстіе Императоръ писалъ Паскевичу: „Ты съ помощью Бога всемилосерднаго поднялъ вновь блескъ и славу нашего оружія, ты наказалъ вѣроломныхъ измѣнниковъ, ты отомстилъ за Россію, ты покорилъ Варшаву—отнынѣ ты свѣтлѣйшій князь Варшавскій! Пусть потомство воспоминаетъ, что съ твоимъ именемъ неразлучна была честь и слава російскаго воинства, а имя твое да сохранить каждому память дня, вновь прославившаго имя русское. Вотъ искреннее изреченіе благодарнаго сердца твоего государя, твоего друга, твоего стараго подчиненнаго. Ахъ! зачѣмъ я не летѣлъ за тобою попрежнему въ рядахъ тѣхъ, кои мстили за честь Россіи; больно носить мундиръ и въ таковыя дни быть приковану къ столу, подобно мнѣ, несчастному“ ³⁾.

¹⁾ Пузыревскій. «Польско-русская война 1831 г.», стр. 409.

²⁾ Настоящее донесеніе отвозилъ въ С.-Петербургъ флигель-адъютантъ Свѣтлѣйшій князь Суворовъ-Рымникскій.

³⁾ Шильдеръ. «Императоръ Николай I, его жизнь и царствованіе», т. II, стр. 375.

Генералъ-адъютантъ
ПАВЕЛЬ АНДРЕЕВИЧЪ
КОЛЗАКОВЪ.

Рис. Ганцстевгелъ.
Съ литографіи.

Изъ собр. портр.
Имп. Гл. Кв.

Послѣ взятія Варшавы польская армія должна была отойти въ Плоцкое воеводство и ожидать повелѣній Императора, но, едва избѣжавъ грозившей гибели, поляки отвергли предложенное имъ условіе безусловной покорности. Тогда Паскевичу пришлось вновь начать наступательныя дѣйствія, приведшія къ тому, что польскія мятежныя войска, послѣ ряда поражений, частями перешли границы Австріи и Пруссіи, гдѣ и положили оружіе.

Для того, чтобы показать, въ какой мѣрѣ Императоръ Николай Павловичъ наказалъ поляковъ за

ихъ чудовищную по отношенію къ царствующей династіи дерзость, достаточно привести заключительныя слова Высочайшаго манифеста, обнародованнаго 6-го Октября по случаю окончанія войны: „Россіяне!—гласить манифестъ—съ помощью Небеснаго Промысла Мы довершимъ начатое нашими храбрыми войсками. Время и попеченія Наши истребятъ сѣмена несогласій, столь долго волновавшихъ два соплеменные народа. Въ возвращенныхъ Россіи подданныхъ нашихъ Царства Польскаго вы также будете видѣть лишь членовъ единаго съ вами великаго семейства. Не грозою мщенія, а примѣромъ вѣрности, великодушія, забвенія обидъ, вы будете способствовать успѣху предначертанныхъ Нами мѣръ, тѣснѣйшему, твердому соединенію сего края съ прочими областями имперіи, и сей государственный неразрывный союзъ къ утѣшенію Нашему, ко славѣ Россіи, да будетъ всегда охраняемъ и поддерживаемъ чувствомъ любви къ одному Монарху, однѣхъ нераздѣльныхъ потребностей и пользъ и общаго никакимъ раздоромъ не возмущаемаго счастья“.

Такъ кончила свое автономное существованіе Польша, за интересы которой столь ратовалъ на Вѣнскомъ конгрессѣ Императоръ Александръ Павловичъ.

Въ подавленіи польскаго мятежа принимали непосредственное участіе около 150 лицъ Государевой Свиты.

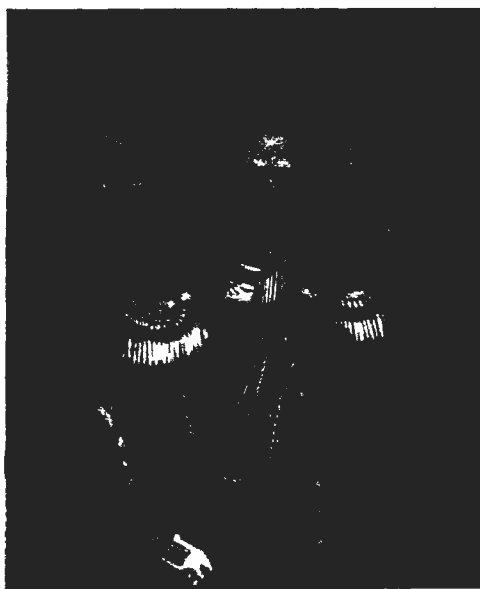
За личную храбрость, проявленную чинами Свиты, были награждены:

Н. Н. Анненковъ (Св. Георгія 4 ст.), А. Н. Астафьевъ (Св. Георгія 4 ст.), С. Д. Безобразовъ (зол. ор.), И. Г. Бибииковъ (зол. ор.), К. И. Бистромъ (Св. Георгія 2 ст.), С. Ф. фонъ-Бринъ (зол. ор.), графъ И. О. Виттъ (Св. Георгія 2 ст. и зол. ор.), П. Я. Ганичевъ (зол. ор.), К. Г. Гербель (Св. Георгія 3 ст.), А. Θ. фонъ-Герздорфъ (зол. ор.), Б. А. Глазенапъ (зол. ор.), Е. А. Головинъ (Св. Георгія 3 ст.), П. Х. Граббе (Св. Георгія 3 ст.), баронъ И. Θ. Деллингаузенъ (Св. Георгія 3 ст.), князь И. А. Долгоруковъ (Св. Георгія 4 ст.), К. К. Засъ (Св. Георгія 4 ст.), Е. А. Зуровъ (зол. ор.), Ю. А. Копьевъ (Св. Георгія 4 ст.), графъ Д. Д. Курута (Св. Георгія 3 ст.), П. П. Липранди (Св. Георгія 3 ст.), баронъ

Е. Ф. Мейендорфъ (Св. Георгія 4 ст.), Н. Н. Муравьевъ-Амурскій (зол. ор.), графъ Г. И. Ностицъ (Св. Георгія 3 ст.), графъ А. А. Ржевускій (зол. ор.), баронъ А. Г. Розень (Св. Георгія 4 ст.), князь М. А. Урусовъ (зол. ор.).

Генераль-адъютантъ Б. Х. Рихтеръ, находясь въ Варшавѣ въ должности начальника сводной гвардейской и гренадерской дивизіи, въ ночь съ 16-го на 17-ое Ноября 1830 г., при выходѣ изъ театра, былъ захваченъ въ плѣнъ вооруженными повстанцами, гдѣ и находился по 3-е Сентября 1831 года.

Изъ чиновъ Свиты въ

Флигель-адъютантъ
баронъ Карлъ Карловичъ
ПРИТВИЦЪ.

Съ литографіи.

Собственность
г-жи А. К. Барановой.

дѣлахъ съ мятежниками получили раны или контузіи: графъ Н. Т. Барановъ, П. А. Грессеръ, баронъ И. О. Деллигаузенъ, П. Н. Дьяковъ, К. К. Зассъ, Ю. А. Копьевъ, Н. Н. Муравьевъ - Амурскій, графъ Г. И. Ностицъ и баронъ А. Г. Розень.

Экспедиція въ Хиву. Послѣ усмиренія польскаго мятежа, наконецъ, для Россіи 1839—1840 г. наступило мирное восемнадцатилѣтіе, если не считать, конечно, вѣчныхъ, не прекращавшихся мелкихъ стычекъ съ горцами на Кавказѣ, въ коихъ принимали участіе многіе чины Государевой Свиты.

Кромѣ этихъ незначительныхъ столкновеній съ горцами мирное состояніе Имперіи нарушилось предпріятою въ концѣ 1839 г. генераль-адъютантомъ Перовскимъ экспедиціей въ Хиву.

Цѣлью экспедиціи было обезпеченіе спокойствія подвластныхъ намъ киргизовъ и защита торговыхъ интересовъ, попираемыхъ частыми грабежами и захватомъ въ неволю русскихъ подданныхъ при пограничныхъ набѣгахъ хивинцевъ.

Походъ въ Хиву пришлось совершать при самыхъ невозможныхъ условіяхъ — зимою, въ сильныя бураны и морозы, доходившіе до 32°. Потери въ верблюдахъ отъ недостатка корма возрастали съ каждымъ днемъ. Люди умирали отъ цынги и разныхъ болѣзней.

Пройдя полпути, Перовскій потерялъ болѣе половины всего отряда и у него осталось лишь $\frac{1}{4}$ верблюдовъ, годныхъ для дальнѣйшаго слѣдованія.

Генераль-адъютантъ
графъ Василій Алексѣевичъ
ПЕРОВСКІЙ.

Съ портрета
К. Брюллова

Румянцевскій музей
въ Москвѣ.

Взвѣсивъ все это, генераль-адъютантъ Перовскій призналъ невозможнымъ идти далѣе и 4-го Февраля 1840 г. повернулъ обратно и только 2 Юня достигъ Оренбурга ¹⁾). Однако, несмотря на неудачный исходъ экспедиціи, она несомнѣнно принесла намъ все-таки большую пользу.

Ханъ Хивинскій Алла-Куль, прекрасно понимая, что русскіе не ограничатся первою попыткою похода въ Хиву, еще въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ обѣщаль выполнить наши требованія, а 19-го Юля издалъ фирманъ, запрещающій его подданнымъ, подъ страхомъ смертной казни, производить грабежи и разбои на русской границѣ и держать въ неволѣ русскихъ подданныхъ ²⁾).

Въ 1849 году, когда революціонное движеніе въ Венгріи Венгерская война достигло своего апогея, Николай Павловичъ рѣшилъ про- 1849-го года. тянуть руку помощи своему сосѣду—Императору Австрійскому. Причины, побудившія Россію взяться за мечъ, лежали не въ одной только ненависти Государя ко всякимъ „освободительнымъ“ проявленіямъ; онѣ были гораздо глубже, такъ какъ движеніе бунта было не чисто венгерское, а сдѣлалось почти польскимъ, служа основою обширному мятежу, съ цѣлью возмутить всѣ страны бывшей Польши и воскресить тѣмъ самымъ 1831-й годъ ³⁾).

Принявъ твердое рѣшеніе положить предѣлъ революціоннымъ увлеченіямъ, Императоръ Николай 9 Мая имѣлъ въ Варшавѣ свиданіе со своимъ юнымъ Августѣйшимъ союзникомъ, Францемъ-Іосифомъ, и русскія войска, свято исполняя волю своего Монарха, снова потянулись въ походъ за побѣдами.

Еще до формальнаго объявленія войны, Австрія, оказавшись въ критическомъ положеніи, просила Россію о помощи, въ виду чего командиръ 5-го пѣхотнаго корпуса генераль-адъютантъ Лидерсъ ⁴⁾), съ Высочайшаго разрѣшенія, двинулъ къ Кронштадту отрядъ генераль-

¹⁾ М. Терентьевъ. «Исторія Завоеванія Средней Азіи», т. I, гл. V, изд. 1906 г.

²⁾ Р. Зотовъ. «Тридцатилѣтіе Европы въ царствованіе Императора Николая I». Т. I, стр. 298. Сиб. 1857 г.

³⁾ Journal de St.-Petersbourg. 27 Апрѣля 1849 г.

⁴⁾ Находился въ Румыніи, по соглашенію съ турецкимъ правительствомъ для подавленія революціонныхъ безпорядковъ.

Генералъ-адъютантъ
графъ Александръ Николаевичъ
ЛИДЕРСЪ.

Съ раскраш. акварелью
латографин.

Изъ собр. портр.
Имп. Гл. Кв.

маіора Энгельгардта, а Германштадтъ 23 Января 1849 г. занялъ небольшимъ отрядомъ флигель-адъютантъ полковникъ Сварятинъ. Но революціонныя войска венгровъ настолько стали тѣснить эти слабыя русскіе отряды, что Энгельгардтъ долженъ былъ возвратиться въ Валахію, къ пограничному монастырю Предяль, а Сварятинъ—къ селенію Киней ¹⁾).

Къ этому времени дѣла Австріи ухудшились, и правительство ея обратилось къ Императору Николаю за помощью, на что Государь изъявилъ свое согласіе. Между тѣмъ положеніе австрійскаго

правительства сдѣлалось настолько критическимъ, что министр-президентъ князь Шварценбергъ, опасаясь за участь Вѣны, просилъ фельдмаршала князя Паскевича немедленно прислать по Варшавско-Вѣнской желѣзной дорогѣ отрядъ въ 25.000 человекъ. Въ виду исключительности обстоятельствъ князь Паскевичъ, не выждавъ даже Высочайшаго повелѣнія, двинулъ къ Вѣнѣ пѣхотную дивизию съ ея артиллеріей подъ начальствомъ генералъ-адъютанта Панютина, который и прибылъ съ войсками по желѣзной дорогѣ въ Градишъ. Въ это же время другой отрядъ подъ командою генералъ-адъютанта Засса принялъ направленіе на Иордановъ.

Русская армія въ Венгріи состояла изъ трехъ корпусовъ (100 тысячъ человекъ), а въ Трансильваніи изъ одного корпуса (38 тысячъ человекъ).

Съ открытіемъ военныхъ дѣйствій 3-ій корпусъ, генералъ-адъютанта графа Ридигера шелъ впереди нашихъ главныхъ силъ; вступивъ въ Венгрію 3-го Іюня у Неймарка и двигаясь на востокъ, онъ долженъ былъ дѣйствовать во флангъ и тылъ непріятеля, если бы

¹⁾ Лееръ. «Энцикл. военн. и морск. наукъ». т. 2, СПб. 1885 г.

венгры вздумали бы препятствовать наступленію главныхъ силъ. Для охраны западной и восточной Галиціи были оставлены отряды генераль-адъютанта Граббе и барона Остенъ-Сакена.

Главные силы нашей арміи 5-го Іюня безпрепятственно перевалили черезъ Карпатскій хребетъ и сосредоточились въ сердцѣ возмущившейся страны, въ окрестностяхъ Дуклы. Государь Императоръ, какъ всегда, ошастливилъ войска Своимъ присутвіемъ и довелъ ихъ до самаго рубежа Венгріи. Направляясь обратно въ Варшаву, Его Величество оставилъ при арміи Великаго Князя Константина Николаевича раздѣлить съ войсками въ предстоящей кампаніи труды и боевыя опасности.

Одновременно съ переходомъ черезъ Карпаты главныхъ русскихъ силъ, въ Трансильванію изъ Валахіи вступилъ генераль-адъютантъ Лидерсъ, а изъ Буковины—генераль-лейтенантъ Гротенгельмъ.

Не вдаваясь въ подробности хода всѣмъ извѣстной кампаніи, замѣтимъ, что вступившимъ такимъ образомъ въ Венгрію русскимъ войскамъ непріятель нигдѣ не могъ оказать сопротивленія, что во все продолженіе войны русская армія ни разу не потерпѣла неудачи, а потому можно смѣло сказать, что венгерская кампанія была для нашихъ войскъ и его начальниковъ настоящимъ триумфальнымъ ше-

Генераль-адъютантъ
ПАВЕЛЬ ХРИСТОФОРОВИЧЪ
ГРАББЕ.

Съ автографіи.

Изъ собр. порт.
Имп. Гл. Кв.

ствиємъ отъ Карпатъ до Дебречина и крѣпости Араду, гдѣ въ заключеніе этой войны побѣдителю 1-го Августа у селенія Вилагошъ, безъ боя, сдалась армія Гергея въ 30.889 человекъ при 144 орудіяхъ ¹⁾. Весь блистательный венгерскій походъ, со дня перехода че-

Флигель-адъютантъ
Великій Князь
КОНСТАНТИНЪ НИКОЛАЕВИЧЪ.

Съ литографіи П. Пети.

Изданіе Пушкарева.

резъ Карпатскія горы до сдачи арміи Гергея—совершился въ 8 недѣль.

Въ заключеніе настоящаго краткаго очерка кампаніи 1849 года замѣтимъ, что въ этомъ походѣ такъ же, какъ и вездѣ, самое видное участіе принимали лица Свиты.

Война съ Венгріей, начатая за идею, требовала отъ русскихъ военачальниковъ особеннаго довѣрія со стороны своего Монарха.

¹⁾ Р. Зотовъ. «Тридцатилѣтіе Европы въ царствованіе Императора Николая I», т. II., стр. 112.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО

Государь Императоръ

НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧЪ.

Оригиналъ находится въ собраніи портретовъ
Ф. Г. Козлянинова.

Библиотека "Руниверс"

На выборъ главнокомандующаго дѣйствующей арміей Императоръ долго не останавливался. Зарекомендовавшій себя еще до этого времени, графъ Паскевичъ, естественно, по Высочайшему выбору, становится во главѣ войска, а во главѣ отдѣльныхъ войсковыхъ частей, въ большинствѣ случаевъ, лица Государевой Свиты.

Любовь николаевского солдата къ эриванскому герою дѣлаетъ свое дѣло, и блестящій успѣхъ кампаніи обезпеченъ!

Въ походѣ 1849 года принимали участіе около 50 человекъ Свиты Императора. Изъ пострадавшихъ свитскихъ чиновъ въ дѣлѣ 19-го Іюля оказался Скарятинъ, получившій сильную контузію въ плечо и голову.

Орденомъ св. Георгія 4-й степени были награждены Великій Князь Константинъ Николаевичъ и флигель-адъютантъ П. Г. Демидовъ. Золотое оружіе съ надписью „за храбрость“ получилъ князь В. А. Меншиковъ.

Наконецъ, многіе изъ чиновъ Свиты были щедро награждены орденами.

Флигель-адъютантъ
Григорій Яковлевичъ
СКАРЯТИНЪ.

По рис. Митрейтера,
съ литографіи.

Изъ собр. портр.
Имп. Гл. Кв.

Прошло нѣсколько Восточная война
лѣтъ, и въ началѣ 1853 1853—1856 гг.

года на сцену политическаго міра явился снова такъ называемый „восточный вопросъ“, суть котораго на этотъ разъ заключалась въ томъ, что Людовикъ-Наполеонъ, желая уменьшить вліяніе восточныхъ христіанъ въ Іерусалимѣ и передать это вліяніе католикамъ, рѣшился на подкупъ и ассигновалъ на этотъ предметъ миллионъ франковъ. Когда нашъ посланникъ въ Константинополь донесъ объ этомъ русскому правительству и ходатайствовалъ объ ассигнованіи еще большей суммы денегъ для того, чтобы разстроить происки Франціи, то Императоръ

Николай Павлович отвергъ возможность всякой денежной сдѣлки и приказалъ посланнику требовать отъ Порты неуклоннаго исполненія всѣхъ тѣхъ обязательствъ, которыми она связала себя предыдущими трактатами и договорами ¹⁾).

Наконецъ, 24-го Февраля 1853 г. прибылъ въ Константинополь чрезвычайный русскій посланникъ, генералъ-адъютантъ князь Але-

ГЕНЕРАЛЬ АДЪЮТАНТЪ КНЯЗЬ МИХАИЛЬ ДМИТРИЕВЪ ГОРЧАКОВЪ 2.

Съ народной гравюры.

Изъ собр. Имп. Гл. Кв.

ксандръ Сергѣевичъ Меншиковъ съ цѣлью: 1) „вести переговоры о замѣнѣ уничтоженнаго фирмана новымъ условіемъ, которое, не отнимая у католиковъ полученныхъ ими въ послѣднее время выгодъ, объяснило бы по крайней мѣрѣ сіи уступки такимъ образомъ, чтобы не придать имъ вида торжества надъ православною церковью и возстановило бы нѣкоторыми законными вознагражденіями равновѣсіе, нарушенное въ ущербъ сего вѣроисповѣданія; 2) составить изъ новаго соглашенія формальный актъ, который послужилъ бы намъ какъ удовлетвореніемъ за прошедшее, такъ и ручательствомъ за будущее“ ²⁾).

¹⁾ Изъ записокъ П. К. Менькова. т. I.

²⁾ Изъ циркуляра отъ 30 Мая 1853 г., разосланнаго русскимъ кабинетомъ всѣмъ своимъ дипломатическимъ агентамъ для сообщенія дворамъ, при которыхъ они аккредитованы.

21-го Мая верховный совѣтъ Порты отвергнулъ наши требованія, и князь Меншиковъ оставилъ Константинополь. Разрывъ съ Турціей и Франціей сдѣлался неизбѣжнымъ, и къ заинтересованнымъ въ этомъ дѣлѣ двумъ державамъ, подъ предлогомъ будто-бы нарушения Россіей трактата 1841 года, примкнула Англія. Такимъ образомъ возгорѣлась восточная война 1853—1856 гг.

Прервавъ съ Турціей дипломатическія сношенія, Россіи не оставалось ничего болѣе, какъ заставить ее образумиться при видѣ приготовленій къ войнѣ, которая должна была немедленно начаться. Однако и это не привело къ желаемому результату, а потому Высочайшимъ манифестомъ 14-го Іюня было объявлено о вступленіи русскихъ войскъ въ Дунайскія Княжества ¹⁾.

27-го Сентября командующій Дунайскою арміею генераль-адъютантъ князь Горчаковъ получилъ отъ Омера-паши предложеніе очистить Придунайскія Княжества въ теченіе 15 дней, подъ угрозою при неисполненіи этого требованія открыты военныя дѣйствія.

Сущность отвѣта князя Горчакова весьма понятна, и война началась...

Въ кампаніи 1853—56 гг. лица Государевой Свиты принимали весьма значительное участіе. Такъ, въ дѣйствіяхъ на Дунаѣ были ге-

Свиты ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА Генераль-маіоръ
графъ Федоръ Васильевичъ
ОРЛОВЪ-ДЕНИСОВЪ.

По рис. Шрейнциера,
съ литографіа.

Изъ собр. портр.
Имп. Гл. Кв.

¹⁾ Въ Дунайскія Княжества вступили 3, 4 и 5-й корпуса.

нераль-адъютанты князь Горчаковъ, Коцебу ¹⁾, Бергъ, Бутурлинъ ²⁾, Ушаковъ ³⁾, Шильдеръ, Лидерсъ, Анрепъ-Эльмптъ, графъ Орловъ-Денисовъ, флигель-адъютантъ князь Васильчиковъ и многіе другіе.

Не останавливаясь на описаніи хода военныхъ операцій нашей арміи до момента перенесенія военныхъ дѣйствій на русскую территорию, замѣтимъ, что до Іюня 1854 года счастье благоприятствовало русскому оружію. Мы владѣли уже всѣмъ полуостровомъ Добруджею, перешли за Траяновъ валъ и приближались къ Варнѣ, угрожая Шумлѣ. Осажденная Силистрія, несмотря на отчаянную оборону, готова была пасть. Но нашъ успѣхъ при Синопѣ разрѣшилъ вопросъ о вмѣшательствѣ въ настоящую войну иностранныхъ державъ, а недобросовѣстная и двусмысленная политика Австріи ⁴⁾ заставила наши войска относиться къ своимъ же дѣйствіямъ съ крайнею осторожностью.

Вслѣдъ за блестящей переправой русскихъ войскъ черезъ Дунай въ арміи былъ полученъ Высочайшій указъ о назначеніи генерал-фельдмаршала князя Варшавскаго главнокомандующимъ войскъ на западной и южной границахъ.

Прибывъ къ мѣсту назначенія и видя опасное положеніе на правомъ берегу Дуная арміи, могущей быть весьма легко отрѣзанной отъ Россіи австрійскими военными силами, вновь назначенный главнокомандующій приказалъ снять осаду Силистріи и снова переправить

Флигель-адъютантъ
князь Викторъ Илларионовичъ
ВАСИЛЬЧИКОВЪ.

Съ акварели.

Изъ собр. портр.
Имп. Гл. Кв.

¹⁾ Начальникъ штаба дѣйствующей арміи.

²⁾ Генералъ-квартирмейстеръ.

³⁾ Дежурный генералъ.

⁴⁾ Австрія требовала отъ русскихъ очищенія Придунайскихъ Княжествъ. Вслѣдствіе этихъ условій дальнѣйшее наступательное движеніе нашихъ войскъ должно было быть пріостановлено, такъ какъ чрезмѣрное удаленіе арміи вглубь Балканскаго полуострова могло вызвать совершенную ея гибель, вслѣдствіе начавшейся мобилизаціи австрійскихъ войскъ, находившихся въ тылу русскихъ.

армію на лѣвый берегъ. Такимъ образомъ постепенно началось очищеніе нашими войсками Придунайскихъ Княжествъ. Однако вслѣдствіе энергичнаго требованія Императора, желавшаго наступательныхъ дѣйствій, графъ Паскевичъ рѣшился опять начать осаду Силистріи, поручивъ это дѣло генераль-адъютанту Лидерсу, но предпринятое фельдмаршаломъ начинаніе не отличалось рѣшительностью, а потому и не имѣло успѣха. Подъ стѣнами Силистріи мы потеряли генераль-адъютанта Шильдера, самъ главнокомандующій получилъ тяжелую контузію и принужденъ былъ удалиться въ Гомель, ввѣривъ руководство арміей своему ближайшему помощнику, генераль-адъютанту князю Горчакову. Особенно тяжело изъ чиновъ Свиты пострадалъ въ дѣлѣ подъ Силистріей, при неудачномъ Арабъ-Табіи ¹⁾, пріѣхавшій къ арміи вмѣстѣ съ княземъ Варшавскимъ, сынъ бывшаго Командующаго Императорскою Главною Квар-

Флигель-адъютантъ
графъ Николай Алексѣевичъ
ОРЛОВЪ.

По рис. Фернлунда,
съ лит. Дарленга.

Изъ собр. портр.
Имп. Гл. Кв.

тирою, флигель-адъютантъ графъ Н. А. Орловъ: онъ получилъ 9 ранъ и лишился глаза. Послѣдній штурмъ Силистріи былъ наконецъ назначенъ на 9-е Іюня, но пріѣхалъ адъютантъ фельдмаршала и передалъ приказаніе его свѣтлости: немедленно снять осаду Силистріи и отвести войска на лѣвый берегъ Дуная.

Совершивъ въ порядкѣ, подъ руководствомъ генераль-адъютанта Анрепа, переправу, войска наши недолго оставались въ предѣлахъ княжествъ. Разрывъ съ Австріей становился съ каж-

¹⁾ Штурмъ Арабъ-Табіи, бывшій въ ночь съ 16 на 17 Мая 1854 г., болѣе извѣстенъ подъ именемъ «Сельванскаго штурма», отъ имени генераль-лейтенанта Сельвана, случайнаго виновника неудачи. О штурмѣ Арабъ-Табіи помѣщены подробныя описанія въ статьяхъ: А. О. Стренга. «Русская Старина» 1890 г. № 12 и А. С. Харламова. «Историческій Вѣстникъ» 1889 г. Январь.

Флигель-адъютантъ
Эдуардъ Ивановичъ
ТОТЛЕБЕНЪ.

По рис. Гундриеръ,
съ литографіа.

Изъ собр. портр.
Имп. Гл. Кв.

дымъ днемъ все возможно и возможно; войскамъ было приказано возвратиться въ отечество, и съ 16-го Юля главныя силы южной арміи потянулись по Валахіи и Молдавіи, 4-го Сентября прибыли въ Скуляны, гдѣ и получили грустное извѣстіе о высадкѣ непріятельскихъ союзныхъ войскъ въ Крыму. Къ 20-му Октября вся армія была уже въ предѣлахъ Имперіи и расположилась въ Бессарабіи, имѣя свой штабъ въ городъ Кишиневъ.

Синопская побѣда явилась первымъ поводомъ къ воинственной вспышкѣ западныхъ державъ и еще болѣе ожесточила противъ Россіи Францію и Англію. Самыми странными софизмами старались онѣ увѣрить Европу, что Россія не имѣла

права, не нарушая международныхъ правъ, нападать на турецкій флотъ, везшій десантныя войска и транспортъ военныхъ снарядовъ. Какъ бы то ни было, недовольныя Россіей страны присоединились къ Турціи, и еще 10-го Апрѣля, въ страстную субботу, англо-французскій флотъ произвелъ, хотя и безуспѣшно, бомбардированіе Одессы ⁴⁾.

Въ Маѣ явился другой союзный флотъ и въ Балтійскомъ морѣ. Наконецъ, открылись незначительныя непріятельскія дѣйствія и въ Бѣломъ морѣ, но также для врага не совсѣмъ удачно. Однако всѣ эти появленія союзныхъ флотилій не имѣли серьезнаго характера, а представляли изъ себя рядъ военныхъ демонстрацій. Наконецъ, въ газетахъ стали появляться извѣстія о тѣхъ мѣрахъ, какія были приняты союзниками для высадки въ Крымъ.

Начальствовавшій войсками въ Крыму генераль-адъютантъ князь А. С. Меншиковъ не особенно довѣрялъ возможности высадки непріятельскихъ войскъ на полуостровъ и еще за два дня до высадки

⁴⁾ Донесеніе объ этомъ генераль-адъютанта барона Остенъ-Сакена см. приложенія, въ концѣ настоящаго тома.

писаль, между прочимъ, генераль-адъютанту Анненкову: „предположенія мои совершенно оправдались; непріятель никогда не могъ осмѣлиться сдѣлать высадку, а по настоящему позднему времени высадка невозможна!“¹⁾).

ИЗВѢСТІЕ ИЗЪ КРЫМА.

Кабинетъ Императора Николая I-го въ Зимнемъ дворцѣ въ С.-Петербурѣ.

Съ рисунка А. Кулова.

Литографія Шевалье

Но вдругъ на разсвѣтѣ 5-го Сентября въ штабъ южной арміи „отъ князя Меншикова прискакалъ нарочный съ извѣстіемъ, что англо-французскій флотъ въ числѣ 106 вымпеловъ и до 700 транспортовъ показался въ виду мыса Лукулла и въ тотъ же день сталъ на якорь у Евпаторіи“²⁾).

Князь Меншиковъ приступилъ къ сосредоточенію войскъ на Альмѣ и успѣлъ стянуть 42½ баталіона пѣхоты, 27 эскадроновъ и сотенъ

¹⁾ «Записки П. К. Менькова». т. I, стр. 195.

²⁾ Ibid. т. I, стр. 193.

кавалеріи и 96 орудій ¹⁾). Вдвое сильнѣйшій непріятель выигралъ сраженіе, и князь Меншиковъ, убѣдившись, что со своими силами въ открытомъ полѣ онъ не въ состояніи держаться противъ врага, рѣшилъ запереться въ Севастополѣ и защищаться уже подъ оградой стѣнъ.

Не останавливаясь на описаніи сраженія, какъ на предметѣ, не входящемъ въ кругъ нашего изслѣдованія и имѣющемъ и безъ того

Генералъ Архангельскій. Генералъ съ Кавказской войны. Михаилъ Григорьевичъ Хомутовъ.

Съ народной гравюры.

Изъ собр. Имп. Гл. Кв.

богатую спеціальную литературу, коснемся вскользь перечисленія тѣхъ причинъ, которыя вызвали неудачи знаменитой Севастопольской обороны. Первою и самою главною причиною неудачи приходится отмѣтить отсутствіе техническихъ усовершенствованій въ нашей арміи. Императоръ Николай Павловичъ, такъ зорко слѣдившій за солдатомъ, создавшій изъ солдата особенный типъ — „николаевскій“, поднявшій до небывалой высоты духъ арміи и значеніе воина, совершенно упустилъ изъ виду техническія усовершенствованія, и русская армія въ критическую минуту осталась безъ нарѣзныхъ ружей, а флотъ—безъ паровыхъ судовъ... Между тѣмъ союзныя войска, кромѣ численнаго

¹⁾ «Kriegs-Lexikon» Dr. Goston Bodart — Въ сраженіи на Альмѣ участвовало: союзниковъ—65.000 чел., русскихъ—35.000 чел. Потери: у союзниковъ—4.400 чел., у русскихъ—5.800 чел.

перевѣса, имѣли то преимущество, что были вооружены штуцерами. Виновнымъ въ неудачахъ нужно считать и князя Меншикова. Графъ Д. Е. Остенъ-Сакенъ по поводу Альминскаго пораженія въ своихъ запискахъ, между прочимъ, пишетъ: ¹⁾ „Ему, т. е. князю Меншикову, можно извинить убѣжденіе въ томъ, что непріятель не предприметь дѣйствій на Севастополь и вообще на Крымъ, но убѣжденіе это не слагало съ него обязанности съ полнымъ тщаніемъ и неусыпностью укрѣплять Севастополь... Вторая ошибка князя—это неимѣніе штаба до Альминскаго сраженія. Онъ полагалъ, что съ полковникомъ Вуншемъ можетъ замѣнить полный штабъ; непростительная ошибка, которая имѣла нѣкоторое вліяніе на исходъ Альминскаго сраженія: не было подробной диспозиціи, войска не знали пути отступленія, и это производило безпорядокъ“...

Какъ бы то ни было, 15-го Сентября непріятель, при содѣйствіи флота, занялъ Балаклаву и расположилъ свою армію на южной сторонѣ Севастополя. Извѣстіе объ этомъ сильно встревожило командующаго Крымскою арміею, такъ какъ теперь потеря флота и Севастополя считалась неизбѣжной.

Генераль-адъютантъ
Владиміръ Алексѣевичъ
КОРНИЛОВЪ.

По рис. Краузоляда,
съ лит. Монстера.

Изъ собр. портр.
Имп. Гл. Кв.

Князь Меншиковъ, считая Севастополь потеряннымъ, съ отрядомъ войскъ расположился между рѣкою Бельбекомъ и Севастопольскою бухтою, имѣя авангардъ на спускѣ къ Инверману. Оставляя городъ для защиты морякамъ и генераль-адъютанту Корнилову, удаляющійся Меншиковъ приказалъ войти въ бухту загородить, корабли приготовить къ затопленію, морскія орудія снять, а судовыя команды обратить на защиту города и крѣпости.

Орудія съ кораблей

¹⁾ «Записки П. К. Менъкова». т. I, стр. 203.

были сняты; корабли потоплены, и подъ геніальнымъ руководствомъ флигель-адъютанта полковника Тотлебена начались оборонительныя работы, прославившія его имя. Оставшіяся въ Севастополѣ Корниловъ рѣшилъ очень дорого продать непріятелю ввѣренный ему на за-

Флигель-адъютантъ
Его Императорское Высочество Великій Князь
НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧЪ.

Съ портрета Гау,
принадлежащаго И. Н. Туголмину.

щиту городъ и, собравъ вокругъ себя моряковъ, онъ, запрещая имъ когда бы то ни было трубить отбой, прибавилъ: „товарищи, еслибъ я приказалъ ударить отбой, не слушайте; тотъ изъ васъ будетъ подлець, кто не убьетъ меня!“

Флигель-адъютантъ полковникъ Тотлебенъ ко дню перваго бомбардированія осажденнаго Севастополя съ помощью моряковъ успѣлъ поставить на бастіоны крѣпости до 350 орудій! Наконецъ 5-го Октября непріятель, закончивъ свои траншейныя работы, началъ осыпать Севастополь ядрами. Въ первый день бомбардировки раненаго въ ногу ядромъ генераль-адъютанта Корнилова не стало. Ему наслѣдовалъ Нахимовъ! Стрѣльба по Севастополю повторялась почти ежедневно, но каждый разъ получала должный отвѣтъ со стороны геройской защиты.

Съ 4-го Октября начали прибывать въ Крымъ отправленныя княземъ Горчаковымъ войска. Съ прибытіемъ войскъ къ отряду князя Меншикова силы враждующихъ сторонъ уравновѣшивались, и появилась надежда на спасеніе Севастополя. Когда же прибылъ въ Крымъ 4-й корпусъ подъ начальствомъ генерала Данненберга, то Меншиковъ, предложивъ послѣднему атаковать правый флангъ позиціи, занимаемой англичанами, снова повторилъ свои альминскія ошибки, приведшія къ Инкерманскому погрому ¹⁾, стоившему намъ двухъ генера-

¹⁾ Богдановичъ. «Восточная война». т. III, стр. 125—140.

Лееръ. «Энцикл. военн. и морск. наукъ». т. III, стр. 367. Силы сторонъ: у русскихъ—90.000 чел., у союзниковъ—63.000 чел.

ловъ, 206 офицеровъ и 8770 нижнихъ чиновъ убитыми и ранеными ¹⁾).

Послѣ Инкерманскаго сраженія, въ которомъ, между прочимъ, принимали участіе Великіе Князья Николай и Михаилъ Николаевичи, началась зима и страданія союзной арміи, понесшей значительный уронъ отъ холеры и другихъ заболѣваній. Несмотря однако на это, осада и оборона продолжались съ неутомимою дѣятельностью. Ноябрь, Декабрь и Январь прошли безъ видимыхъ успѣховъ непріятеля, а русскіе защищались съ такою же геройскою стойкостью, какъ и въ первый день осады.

Наконецъ 5-го Февраля 1855 г. было предложено генераль-лейтенанту Хрулеву произвести рекогносцировку, чтобы узнать силы непріятеля въ Евпаторіи. Подошедшія къ городу наши войска непріятель встрѣтилъ частыми выстрѣлами, но дѣйствіе нашей артиллеріи было настолько

Флигель-адъютантъ
Эдуардъ Ивановичъ
ТОТЛЕБЕНЪ.

Съ гравюры
А. Вегера.

Изъ собр. портр.
Ими. Гл. Кв.

удачно, что у враговъ взорвало пять зарядныхъ ящиковъ и оказались подбитыми нѣсколько орудій. Увлеченный успѣхомъ Хрулевъ подошелъ къ самому городу и, завязавъ съ непріятелемъ жаркую перестрѣлку, успѣлъ опредѣлить силы противника въ 40.000 человекъ при 100 орудіяхъ. Исполнивъ удачно возложенную на него задачу, генераль Хрулевъ приказалъ своимъ войскамъ выйти изъ-подъ непріятельскихъ выстрѣловъ, потерявъ въ этомъ дѣлѣ до 600 человекъ убитыми и ранеными.

Дѣло подъ Евпаторіей было послѣднимъ извѣстіемъ, полученнымъ Государемъ Императоромъ съ театра военныхъ

¹⁾ Р. Зотовъ. «Тридцатилѣтіе Европы въ царствованіе Императора Николая I.». т. II стр. 277.

дѣйствій, которыми такъ живо интересовался Николай Павловичъ. Ему не суждено было дожить и быть свидѣтелемъ паденія Севастополя.

16-го Февраля былъ изданъ первый бюллетень, а 18-го уже не стало Государя.

Заканчивая на этомъ краткій обзоръ части кампаніи 1853—1856 годовъ, необходимо указать, что и въ этомъ періодѣ войны чины Свиты Государя принимали значительное участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ.

Ордена Св. Георгія или золотое оружіе за храбрость получили:

А. Х. фонъ-Бревернъ (Св. Георгія 4 ст.), В. И. Денъ (зол. ор.), П. П. Липранди (зол. ор.), баронъ Э. И. Мирбахъ (зол. ор.), князь А. В. Оболенскій (зол. ор.), графъ Н. А. Орловъ (Св. Георгія 4 ст. и зол. ор.), Д. И. Скобелевъ (Св. Георгія 4 ст. и зол. ор.) и Э. И. Тотлебенъ (Св. Георгія 4 ст.).

Такимъ образомъ приведенныхъ выше данныхъ вполне достаточно, чтобы видѣть, что ни одна война въ эпоху Императора Николая I не обходилась безъ участія лицъ Свиты, что въ войнахъ перемывалъ почти весь составъ Свиты Императора Николая Павловича и что Свита его представляла корпорацію людей не только блестящую, но и боевую.

Г. Голубовъ

Съ французской гравюры. Композиція Шенаваръ, Моделировалъ Барръ.

ГЛАВА V.

Путешествія Императора Николая Павловича и участіе въ нихъ лицъ Государевой Свиты.

Кромѣ изложенной въ предыдущей главѣ дѣятельности лицъ Свиты по веденію войнъ, Государевы слуги принимали весьма видное участіе въ многочисленныхъ путешествіяхъ Императора Николая Павловича. За свое тридцатилѣтнее царствованіе Николай I путешествовалъ очень много. Причины этихъ поѣздокъ были весьма разнообразны—свиданія съ иностранными монархами, смотры войскъ, коронаванія (въ Москвѣ и Варшавѣ), открытіе въ Царствѣ Польскомъ Сейма, личное участіе въ войнахъ и т. п.

Во время Высочайшихъ путешествій „передъ экипажемъ Государя на полчаса или на часъ впереди его всегда скакалъ курьеръ, обязанность котораго была предупреждать станціонныхъ смотрителей о пріѣздѣ Государя. Свѣжія лошади, вполне снаряженные и съ готовымъ ямщикомъ, выводились на самую дорогу, и какъ только Государь пріѣзжалъ, то одинъ ямщикъ мгновенно отстегивалъ старыхъ лошадей, а другіе пристегивали новыхъ, ямщикъ вскакивалъ на козлы, и Государь мчался дальше. Нормы для быстроты ѣзды не было никакой. Ямщикъ обязанъ былъ гнать лошадей, насколько только у нихъ хватало силы“¹⁾. Лошадей же для царскаго поѣзда выбирали весьма своеобразно. Ихъ обыкновенно запрягали по нѣсколько паръ цугомъ въ большой, нагруженный кладью, возъ, и во весь духъ гнали до слѣдующей станціи. Если

¹⁾ А. В. Звальдъ. «Разказы о Николаѣ I», «Истор. Вѣстн.», 1896 г., № 7.

ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ и Герцогъ Лейхтенбергскій
у Аничкина дворца.

во время этого перергона какая-нибудь лошадь падала, то владѣлецъ получалъ ея стоимость, а павшая лошадь замѣнялась другою, и испытаніе это продолжалось до тѣхъ поръ, пока въ запряжкѣ не оставались такія лошади, которыя во весь опоръ и безъ всякихъ приключеній въ состояніи пробѣжать пере-

гонъ въ 20—25 верстъ ¹⁾). О той скорости, съ какою ѣздили въ своихъ путешествіяхъ Императоръ Николай Павловичъ, есть указанія въ письмѣ К. Я. Булгакова къ своему брату отъ 27 Апрѣля 1828 г. ²⁾):

„Государь, — говорится въ письмѣ, — выѣхалъ около полуночи, 25-го былъ въ Долговеѣ (116½ верстъ) въ седьмомъ часу утра, стало быть, изволилъ ѣхать хорошо“... Слѣдовательно, „хорошею ѣздою“ считалась такая, при которой дѣлалось въ среднемъ около 17 верстъ въ часъ.

Простота во время Высочайшихъ путешествій была прямо-таки поразительная. Всякія торжественныя встрѣчи были не по сердцу Государя. Часто Императоръ, отправляясь въ поѣздку, спеціально отдавалъ приказы, воспрещающіе всякія встрѣчи, и слушниковъ этихъ повелѣній обыкновенно весьма строго каралъ. Такъ, выѣзжая однажды изъ Царскаго Села, Государь отдалъ повелѣніе, запрещающее встрѣчи, но въ дорогѣ увидалъ исправника, суетившагося у одного изъ мостовъ.

— Какимъ образомъ ты здѣсь, — спросилъ Государь у исправника, — когда я приказалъ, чтобы не было мнѣ никакихъ встрѣчъ?

— По личному усердію, Ваше Величество, — отвѣчалъ исправникъ.

— За личное усердіе — на недѣлю на гауптвахту, — сказалъ Государь и поѣхалъ далѣе ³⁾).

¹⁾ «Черты изъ жизни гр. Д. Е. Остенъ-Сакена». Д. В. Федорова. «Истор. Вѣсти.» 1898 г., Апрѣль, стр. 103—121.

²⁾ «Русск. Арх.» 1903 г., № 9 стр. 121.

³⁾ «Русск. Арх.» 1879 г., № 10 стр. 258—259. «Разказы изъ недавней старины».

Эти запрещенія встрѣчь неоднократно ставили въ тупикъ мѣстныя губернскія власти по вопросу о встрѣчахъ Его Величества, и Виленскій генераль-губернаторъ генераль-лейтенантъ Мирковичъ возбудилъ вопросъ о сообщеніи ему точныхъ правилъ, которыми начальники губерній должны руководствоваться при Высочайшихъ путешествіяхъ какъ во время прослѣдованія черезъ вѣренныя имъ губерніи, такъ и особенно чрезъ губернскіе города. На сдѣланный по этому предмету Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ Л. А. Перовскимъ запросъ Командующему Императорскою Главною Квартирою, графъ А. Ѳ. Орловъ увѣдомилъ ¹⁾, что дѣйствительно всякаго рода встрѣчи при Высочайшихъ путешествіяхъ со стороны предводителей дворянства и мѣстныхъ начальниковъ воспрещаются какъ на границахъ, такъ и при въѣздахъ въ города, но что это ни мало не пренятствуетъ начальникамъ губерній являться къ Государю Императору для представленія при посредствѣ „старшаго лица, сопровождающаго Его Императорское Величество, которое и избираетъ удобное время для представленія ихъ Государю Императору“. Такимъ образомъ лишь начальники

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ I.

По рис. Шмидтъ.

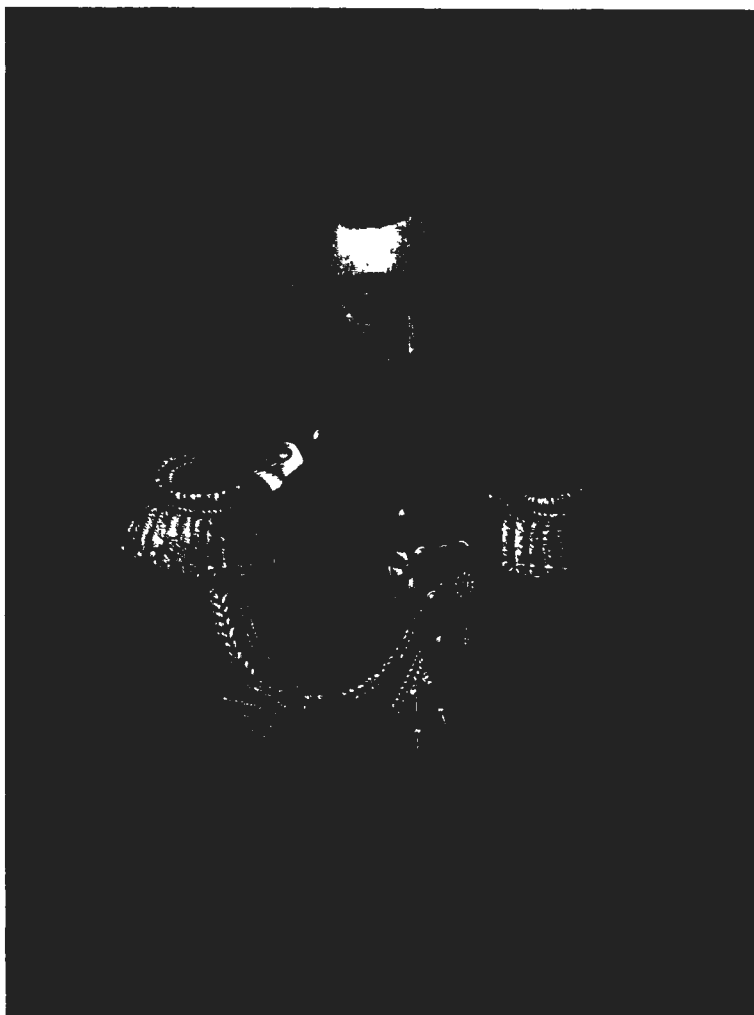
Съ лит. Лемерсіе.

губерній получили съ 1845 года право быть представленными Государю Императору во время Высочайшихъ путешествій. Права же встрѣчать Его Величество разъясненіе графа А. Ѳ. Орлова не даетъ и начальникамъ губерній.

Кромѣ запрещенія всевозможныхъ встрѣчь и

¹⁾ Отношеніе Министра Внутреннихъ Дѣлъ отъ 21 Іюля 1845 г. за № 3730 и отвѣтъ Командующаго Императорскою Главною Квартирою отъ 28 Іюля 1845 г. за № 94.

церемоній, простота Высочайшихъ путешествій выражалась и въ томъ спартанскомъ образѣ жизни, которую во время своихъ поѣздокъ велъ

Генераль-адъютантъ
Великій Князь
МИХАИЛЬ ПАВЛОВИЧЪ
въ формѣ Сѣверскаго конно-егерскаго полка.

Съ портрета,
масляными красками.

Оригиналъ принадлежитъ
Г. С. Габаеву.

Императоръ Николай Павловичъ. Спаль Высокій путешественникъ обыкновенно на простомъ мѣшкѣ, набитомъ соломой, и когда въ 1844 году, при поѣздкѣ Государя въ Англію, приготовляли тамъ

Флигель-адъютантъ
Алексѣй Фёдоровичъ
ЛВОВЪ.

Съ литографіа.

Изъ собр. портр.
Имп. Г.л. Кв.

Ему кровать, въ отведенную для русскаго Царя спальню вошелъ Его камердинеръ и подалъ хлопотавшимъ людямъ простой мѣшокъ въ 7 футовъ длины и 4 ширины, прося наполнить его соломой, говоря, что Николай I никогда не спалъ на другомъ ложѣ ¹⁾. Обѣдъ Императора во время поѣздовъ состоялъ обыкновенно изъ двухъ блюдъ—щей и каши, и онъ очень не любилъ отмѣнять это, разъ навсегда установленное, меню. Когда, во время одного изъ многочисленныхъ путешествій, при проѣздѣ чрезъ Москву, мѣстное купечество поднесло для Высочайшаго стола стерлядей, изъ которыхъ была приготовлена уха, Государь разгнѣвался и, обратясь къ А. Ф. Львову, сказалъ: „Такъ исполняется моя воля? Лошадей!“ и, не обѣдавъ, выѣхалъ изъ Москвы ²⁾. Для болѣе полной картины простоты въ обиходѣ путешествій Императора упомянемъ объ обстановкѣ Высочайшаго ночлега въ Пропойскѣ. Въ комнату, предназначенную для отдыха Его Величества, „внесли складное кресло, а камеръ-лакей принесъ на подносѣ графинчикъ водки со стаканчикомъ, два ломтя чернаго хлѣба и соль. Государь выпилъ стаканчикъ водки, посолилъ ломоть хлѣба, закусилъ и показалъ графу Орлову. Тотъ сдѣлалъ то же самое. Затѣмъ Государь съ четверть часа поговорилъ съ графомъ Орловымъ, потомъ пожалъ ему руку, пожелавъ спокойной ночи. Государь легъ, не раз-

¹⁾ «Ист. Вѣстн.» 1897 г., Іюнь, стр. 869. Изъ дневника Чарльса Муррея.

²⁾ «Русск. Арх.» 1878 г., XII, стр. 513. «Разказы изъ недавней старины».

дѣваясь, на походномъ креслѣ, а графъ Орловъ легъ на диванѣ“¹⁾...

Во время частыхъ и весьма продолжительныхъ путешествій, при очень быстрой ѣздѣ по не всегда удовлетворительнымъ дорогамъ, весьма

Въездъ въ Берлинъ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I-го въ 1829 году.

Литографія А. Цабель.

Изъ собр. Д. Ровинскаго.

естественно могли случаться и случались разныя задержки, вызываемыя всевозможными непредвидѣнными обстоятельствами, какъ-то: поломкой экипажа, падежомъ лошади и проч. Во многихъ подобныхъ случаяхъ Государь не стѣснялся, оставивъ на мѣстѣ происшествія свой экипажъ, пройти пѣшкомъ до ближайшаго города или селенія, совершенно не обращая вниманія ни на то разстояніе, которое предстояло измѣрить шагами, ни на время года или дня. Такъ, въ ночь на 1 Сентября 1852 года Императоръ ѣхалъ на смотръ въ Чугуевъ. Не доѣзжая Гомеля сломалась ось экипажа, въ которомъ ѣхалъ Государь, и ему пришлось пройти 14 верстъ пѣшкомъ, а затѣмъ пробыть въ этомъ городѣ два дня, пока чинили карету²⁾.

При такихъ условіяхъ Высочайшихъ путешествій, при непомѣрно бы-

¹⁾ «Русск. Арх.» 1878 г., XII, стр. 513 и 514. «Разказы изъ недавней старины».

²⁾ «Русск. Стар.» 1903 г., Іюль, стр. 225.

строй ѣздѣ по плохимъ дорогамъ, при крайней простотѣ стола, и, вообще, при отсутствіи не только комфорта, но и простыхъ удобствъ, станеть весьма очевидной и понятной та тяжесть труда, которая выпадала на лицъ Свиты, сопровождавшихъ Императора въ его поѣздкахъ. Естественно, что сопровождавшія Государя лица должны были не отставать отъ своего повелителя въ перенесеніи лишеній, и нужно было имѣть дѣйствительно желѣзное здоровье, характеръ и привычки Императора Николая, чтобы такъ легко переносить всевозможныя лишенія и неудобства, связанныя съ Высочайшими путешествіями. Въ виду столь тяжкихъ условій путешествій этотъ отдѣлъ службы чиновъ Свиты по сопровожденію Государя въ его поѣздкахъ долженъ занимать одно изъ видныхъ мѣстъ. Путешествія Императора Николая носили специфическій, „николаевскій“, если можно такъ выразиться, характеръ, и служба Свиты по сопровожденію своего Государя была совершенно не та, какъ въ предыдущія и послѣдующія царствованія.

Въ большинствѣ случаевъ, особенно послѣ нѣкоторыхъ покушеній на священную Особу Монарха, обыкновенно скрывались конечныя цѣль и мѣсто Высочайшихъ путешествій. Такъ 19 Сентября 1845 года фельдмаршалъ князь Варшавскій секретно писалъ Ивану Михайловичу Викинскому: „Изъ предписаній моихъ вы должны удостовѣриться о чемъ-то странномъ. Наконецъ, можно теперь дѣло все обнаружить для васъ: Государь Императоръ ѣдетъ на Краковъ, въ чужіе края. До Люблина и даже до Пулавъ и Радома уже можно всѣмъ говорить, что Онъ ѣдетъ въ Варшаву для свиданія съ прусскимъ королемъ. Но на Краковъ не говорить, или лучше еще говорить, что Государь ѣдетъ на Люблинъ въ Варшаву, а сами заготовляйте только казаковъ по всему тракту до Кракова. Вы знаете сами, въ какомъ мы жестокомъ положеніи въ разсужденіи заговоровъ, то понимаете... Впрочемъ, я самъ буду въ 24-е число по утра“¹⁾.

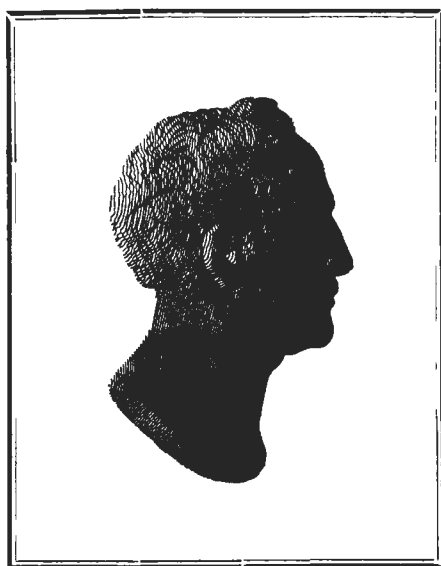
Со словъ генераль-лейтенанта Дубельта, Миллеръ передаетъ²⁾, что Государь „ѣздилъ обыкновенно въ большомъ дормезѣ, приспособленномъ такъ, что можно было, откинувъ внутреннюю переднюю стѣнку, устроить довольно сносную походную кровать; позади дормеза былъ прикрѣпленъ одномѣстный кузовъ, съ поднимавшимся на случай

¹⁾ «Русск. Стар.» 1899 г., Октябрь, стр. 24.

²⁾ Г. П. Миллеръ. «У страха глаза велики». Анекдотъ времени Императора Николая I. «Истор. Вѣстн.» 1895 г., № 7.

непогоды верхомъ; это положеніе занималъ обыкновенно Бенкендорфъ“, а впоследствии, конечно, смѣнившій графа Александра Христофоровича графъ А. Ѳ. Орловъ.

Не считая поѣздовъ въ Москву на коронацію и въ дѣйствующую армію, о которыхъ изложено выше, впервые Высочайшія путешествія начались съ 1829 года, когда Государь 25 Апрѣля отправился въ Варшаву для обряда коронованія въ качествѣ Царя Польскаго, а отсюда въ Берлинъ для свиданія съ прусскимъ королемъ. При возвра-

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ I.

Рѣзано по слоновой кости.

Принадлежитъ Г. С. Габаеву.

щеніи изъ Германіи въ Петербургъ, Императоръ Николай Павловичъ снова посѣтилъ Варшаву, изъ которой черезъ Замостье, Тульчинъ, Бѣлую Церковь, Кіевъ, Козелець, Черниговъ и Бобруйскъ возвратился 11-го Іюля въ свою столицу ¹⁾. Нѣкоторыя подробности этого Высочайшаго путешествія сообщаетъ въ своихъ запискахъ самъ Бенкендорфъ ²⁾. Послѣ совершенія обряда коронованія въ Варшавѣ, „Императрица уѣхала впередъ, а Государь со мною отправился двумя днями позже; кромѣ меня, при Немъ были только фельдъегерь, скакавшій впереди для заготовленія лошадей на мое имя,

¹⁾ «Общ. Арх. Мин. Импер. Дв.» оп. 5—839, д. № 374.

²⁾ «Русск. Стар.» 1896 г., Іюль.

и графъ Орловъ. Въ Кіевѣ Государь ложился спать не раньше трехъ часовъ утра, чтобы только порѣшить и отослать всѣ безъ изыятія поступившія бумаги; такимъ образомъ доклады Государственнаго Совѣта, Комитета Министровъ, Министерствъ Иностранныхъ Дѣлъ, Военнаго и Финансовъ и начальниковъ дѣйствовавшихъ армій возвраща-

НИКОЛАЙ ПЕРВОЙ
ИМПЕРАТОРЪ ВСЕРОССИЙСКІЙ

Грав. и Грав. Ф. Рейнольдса. (F. Wright)

лись точно такъ же незамедлительно, какъ бы Государь проживалъ въ Петербургѣ, свободно располагая своимъ временемъ“.

Что касается того обстоятельства, что въ Своихъ поѣздкахъ Императоръ Николай Павловичъ не любилъ окружать себя конвоемъ, было упомянуто выше при описаніи пребыванія Государя въ дѣйствующей арміи на Дунаѣ въ 1828 году.

Число лицъ, сопровождавшихъ Государя Императора въ Его путешествіяхъ, обыкновенно было не велико. Нерѣдко число этихъ лицъ

ограничивалось двумя—графами Бенкендорфомъ и Орловымъ. Такъ, въ 1829 г. „Государь Императоръ выѣхалъ изъ Варшавы въ 12 часовъ для свиданія съ королемъ Прусскимъ; съ Нимъ отправились генераль-адъютанты Бенкендорфъ и графъ Орловъ“¹⁾. Въ Варшаву въ 1829 году изъ лицъ Свиты Государя сопровождали генераль-маіоръ Строгановъ I, полковники Гауке, графъ Ивеличъ и штабсъ-ротмистръ князь Суворовъ²⁾.

Въ видѣ исключенія многочисленная Свита сопровождала Государя въ Его поѣздкѣ въ дѣйствующую армію въ 1828 году³⁾. Для иллюстраціи приведемъ производившуюся по этому поводу переписку.

Начальникъ Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества 3-го Апрѣля 1828 года обратился къ Командующему Императорскою Главною квартирою съ просьбою доставить „списокъ всѣмъ особамъ и чиновникамъ военнаго вѣдомства, могущимъ находиться въ Главной Квартирѣ Государя Императора, при отправленіи Его Величества въ армію“. Въ отвѣтъ на это генераль-адъютантъ Бенкендорфъ препроводилъ графу Дибичу просимый имъ списокъ, изъ котораго видно, что Императорскую Главную Квартиру предполагалось раздѣлить на три отдѣленія. Первое отдѣленіе, въ которомъ предполагались присутствующими Государь Императоръ и Прусскій Принцъ, составляли: Начальникъ Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества графъ Дибичъ, генераль-квартирмейстеръ Штаба графъ Сухтеленъ, дежурный генералъ того же Штаба генераль-адъютантъ Потаповъ, Командующій Квартирою, дежурные генераль- и флигель-адъютанты, и „другой флигель-адъютантъ, состоящій по очереди для дежурства“, директоръ канцеляріи начальника Главнаго Штаба флигель-адъютантъ Адлербергъ, генераль-маіоръ Бергъ, два офицера Генеральнаго Штаба, штабъ-лекаръ Енохинъ, пять адъютантовъ при вышесказанныхъ генералахъ, С. С. Дашковъ, проводникъ, чиновникъ канцеляріи начальника Главнаго Штаба, пять писарей, берейторъ съ рейткнехтами и верховыми лошадьми, оберъ-вагенмейстеръ, камеръ-фурьеръ и конвой—два эскадрона Л.-Гв. Казачьяго полка. Второе отдѣленіе составляли: Принцы Виртембергскіе, оберъ-церемоніймейстеръ графъ Потоцкій, вице-канцлеръ графъ

¹⁾ «Русск. Стар.». 1873 г. Воспоминанія Колзакова.

²⁾ Д. Упр. Имп. Гл. Кв., 1829 г., № 13. Отношеніе Нач. Гл. Шт. Его Императорскаго Величества 15 Апрѣля 1829 г.

³⁾ Д. Упр. Имп. Гл. Кв., 1829 г., № 10.

Нессельроде, д. с. сов. Танъевъ съ канцеляріей Его Величества, комендантъ Главной Квартіры, плацъ-маіоръ, плацъ-адъютантъ, генераль-вагенмейстеръ, главный по арміи медицинскій инспекторъ, генераль-маіоръ Дурновъ, генераль-адъютанты: графъ Ламбертъ, Васильчиковъ, князь Трубецкой, баронъ Жомини, Потемкинъ, графъ Мишо,

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ I.

Съ литографіи въ краскахъ.

Изъ собранія Г. С. Габаева.

Бенкендорфъ II, контръ-адмиралъ князь Меншиковъ; флигель-адъютанты: Перовскій, князь Андрей Голицынъ, Годаинъ II, Прянишниковъ, Деллинсгаузенъ, графъ Строгановъ, графъ де-Бальменъ, князь Лобановъ-Ростовскій, князь Долгорукій, графъ Строгановъ II, баронъ Фридериксъ, Реадъ, баронъ Веліо, графъ Толстой, князь Голицынъ V, Лазаревъ, графъ Залуцкій, графъ Витгенштейнъ, графъ Мантейфель, графъ Ивеличъ, графъ Толстой III, графъ Соболевскій и графъ Суворовъ-Рымникскій; офицеры, состоявшіе при Принцахъ Виртембергскихъ, чины Глав-

наго Штаба, адъютанты и канцелярія начальника сего Штаба, канцелярія управляющаго Генеральнымъ Штабомъ, часть генераль-квартирмейстера, адъютанты дежурнаго генерала, отдѣленіе фельдъегерскаго корпуса, штабъ Командующаго Квартирою, придворные чины и служители канцелярії оберъ-церемоніймейстера, вице-канцлера и статсъ-секретаря,

Государь Императоръ
НИКОЛАЙ I.

Гравюра съ портрета работы Крюгера.
Портретъ сгорѣлъ при пожарѣ библіотеки Главнаго Штаба.

и наконецъ, конвой—взводъ гвардейскихъ жандармовъ и два эскадрона „Наслѣдничьяго полка“. Въ составъ третьяго отдѣленія входили: статсъ-секретарь графъ Грабовскій и всѣ военные и прочіе чины, а также весь тяжелый обозъ и остальная часть конвоя „Наслѣдничьяго полка“. Замѣтимъ, что при Командующемъ Квартирою состояли: комендантъ Главной Квартиры генераль-маіоръ Кавелинъ, плацъ-маіоръ корпуса жандармовъ маіоръ Мибулинъ, плацъ-адъютантъ штабсъ-капитанъ Радищевъ, исправляющій должность дежурнаго штабсъ-офицера—гвардіи рот-

Парадъ войскамъ въ Высочайшемъ присутствіи на Военномъ полѣ въ Красномъ Селѣ.

По рисунку Шеварда, съ литографіи Шмидта.

мистръ Мухановъ, старшій адъютантъ — гвардіи капитанъ Львовъ, адъютанты генерала Бенкендорфа — гвардіи штабс-ротмистръ Толстой и арміи поручикъ Судьенко, корпуса жандармовъ подполковникъ Кельчевскій, два секретаря — надворный совѣтникъ Ивановскій и отставной прапорщикъ фонъ-Фокъ, пять писарей и генераль-вагенмейстеръ генераль-маіоръ Соломко.

Относительно обезпеченія Квартиры продовольствіемъ была составлена въ Бѣлградѣ „конная сотня подвижного магазина изъ 408 дѣйствующихъ повозокъ“; „въ нихъ будетъ, — какъ доносилъ Аббакумовъ 4 Мая 1828 генералу Бенкен-

дорфу ¹⁾), — 500 четвертей сухарей съ пропорціею крупъ, 2114 четвертей овса и ячменя и 10 бочекъ спирта; рота сія раздѣлится на два отдѣленія, изъ коихъ одно должно находиться всегда безотлучно при Главной Квартирѣ Его Императорскаго Величества и слѣдовать за нею, не отставая, такъ сказать, шагъ за шагомъ, другое же можетъ находиться, нѣсколько отдѣлившись отъ Главной Квартиры, но такъ, чтобы всегда могло присоединиться къ ней при первомъ востребованіи“. Изъ рапорта „начальника подвижного магазина“, генераль-маіора Башилова ²⁾), видно, что при подвижномъ магазинѣ была сформирована

Генераль адъютантъ
графъ Александръ Христофоровичъ
БЕНКЕНДОРФЪ.

По рис. Рисби,
съ литографіи 1840 г.

Изъ собр. портр.
Имп. Гл. Кв.

¹⁾ Д. Имп. Гл. Кв. 1828 г., № 23, отн. № 238.

²⁾ Ibid. 23 Мая 1828 г., № 131.

НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

Самодержецъ Всероссийскій.

По рис. К. Бегрова,
съ литографіи.

Изъ собранія
Б. М. Колюбакина.

близъ Бѣлграда конная рота № 1 подъ командою ротмистра Пацыка. Въ вѣдомости же, приложенной къ рапорту, указано, что въ ротѣ состояло 4 офицера (командиръ роты — ротмистръ Пацыкъ, начальники отдѣленій — капитанъ Карчинскій и прапорщикъ Градзинскій и младшій офицеръ — прапорщикъ Боярскій), 2 унтеръ-офицера, 440 погонщиковъ, 408 дѣйствующихъ и 17 запасныхъ повозокъ при 926 лошадяхъ; кромѣ сего, при конной ротѣ состояли двѣ „инвалидныхъ вооруженныхъ роты“ (№№ 4 и 5) съ офицеромъ (прапорщикомъ Сулима), 7 унтеръ-офицерами и 74 рядовыми; ветеринарнымъ лекаремъ былъ Дунаевъ.

Такимъ образомъ единственная поѣздка Императора Николая Павловича въ дѣйствующую армію, въ силу только крайней необходимости, была обставлена въ смыслѣ количества лицъ сопровождавшихъ, дѣйствительно, по-царски.

Въ 1830 году въ Мартѣ мѣсяцѣ Императоръ въ сопровожденіи брата Государыни Александры Ѳеодоровны, Принца Прусскаго, отправился въ Москву ¹⁾ и, пробывъ въ ней всего нѣсколько дней, послѣ грандіознѣйшихъ овацій, устроенныхъ Бѣлокаменной Августѣйшимъ путешественникамъ, возвратился въ Петербургъ, откуда 2-го Мая вмѣстѣ съ Императрицею отправился для открытія Сейма въ Варшаву ²⁾, при открытіи котораго сказалъ рѣчь, заключивъ ее слѣдующими достопамятными словами, которыя, къ сожалѣнію, не были до-

¹⁾ Общ. Арх. Мин. Пмп. Дв., оп. 14—132, л. № 307.

²⁾ Ibid., оп. 14—132, л. № 300.

статочно прочувствованы поляками ¹⁾: „Представители Царства Польскаго! Исполнивъ содержаніе 45-й статьи Учредительной Грамоты во всемъ ея пространствѣ, далъ я вамъ залогъ монхъ намѣреній. Отъ васъ самихъ теперь зависитъ упрочить твореніе возстановителя вашего отечества, пользуясь благоразумно и скромно правами и преимуществами, которыя онъ даровалъ вамъ. Да предсѣдять спокойствіе и согласіе при совѣщаніяхъ вашихъ. Я охотно стану принимать исправленія, представляемыя вами на проектахъ законовъ, которые будутъ сообщены вамъ, и утѣшаюсь надеждою, что Небо благословитъ труды, предприемлемые при столь благопріятныхъ обстоятельствахъ“.

Открывъ Сеймъ, Императоръ 21 Мая отправился въ южныя губерніи для осмотра войскъ, а Его Державная Супруга — въ Силезію. Съѣхавшись послѣ этого снова въ Варшавѣ, 19 Іюля вѣнцепосная чета отправилась обратно въ свою столицу, куда и прибыла 24 числа, встрѣченная гостемъ—Шведскимъ Наслѣднымъ Принцемъ Оскаромъ.

Въ томъ же году, едва Императоръ успѣлъ возвратиться въ Петербургъ послѣ поѣздки въ Варшаву, какъ снова предпринялъ путешествіе въ Финляндію ²⁾. Финны, чувствуя отеческія попеченія Монарха, вездѣ встрѣчали Императора Николая съ истиннымъ энтузіазмомъ. 3-го Августа Государь уже былъ снова въ Петербургѣ, гдѣ и узналъ о появившейся въ Россіи страшной азіатской гостыи — холерѣ, которая къ концу 1830 года открылась и въ Первопрестольной.

Рѣшившись на сомнительную борьбу съ грозной эпидеміей и желая поддержать личнымъ присутствіемъ угнетенныхъ тяжелымъ испытаніемъ своихъ подданныхъ, Императоръ не задумался 27

Генераль-адъютантъ
Матвей Евграфовичъ
ХРАПОВИЦКІЙ.

Съ портр. Доу.
Съ литогр. Крайя.

Изъ собр. портр.
Имп. Гл. Кв.

¹⁾ «Сѣв. Пч.» 1830 г., № 62.

²⁾ Общ. Арх. Мин. Имп. Дв., оп. 14—132 л., № 305.

Сентября поѣхать въ Москву, чтобы принять нѣкоторыя мѣры, которыя могли бы ослабить надвинувшуюся эпидемію. Государь явился въ Москву совершенно неожиданно и съ самою малочисленною Свитою. О нѣкоторыхъ подробностяхъ Высочайшаго прибытія въ Москву передаетъ въ письмѣ къ графу Закревскому Мухановъ ¹⁾, который, между прочимъ, писалъ: „спѣшу увѣдомить, Ваше Сіятельство, что Государь Императоръ прибылъ въ сію столицу 29-го числа въ 9¹/₂ ч. утра, изволилъ прямо пріѣхать къ князю Дмитрію Владиміровичу и, войдя въ кабинетъ князя безъ доклада, нашель его еще въ шлафрокъ. Съ Его Величествомъ пріѣхали Петръ Александровичъ Толстой, генераль-адъютанты Храповицкій и Адлербергъ, флигель-адъютанты Апраксинъ, Кокоскинъ и Корсаковъ, доктора Арендтъ и Енохинъ. Генераль-адъютантъ Бенкендорфъ долженъ быть немедленно—во время отъѣзда Государя онъ былъ въ ревельской деревнѣ своей, и туда ему послано повелѣніе прибыть въ Москву; Его Величество изволилъ остановиться въ Кремлѣ, въ Чудовскомъ дворцѣ, гдѣ уже приняты всѣ мѣры предосторожности“.

Нечего говорить о тѣхъ чувствахъ, которыя хотѣли проявить и проявляли москвичи при встрѣчѣ своего Монарха. При вѣздѣ въ Кремль, Императоръ остановился у Иверскихъ воротъ и приложился къ образу. Толпы народа окружили его и тысячи головъ громогласно молились о здравіи нежданнаго Высокаго гостя. Когда Государь отъѣзжалъ отъ Иверской часовни Божіей Матери, народный энтузіазмъ достигъ своего апогея. „Отецъ ты нашъ!—кричали москвичи со всѣхъ сторонъ,—мы знали, что ты будешь. Гдѣ бѣда, тамъ и ты!“ ²⁾.

Митрополитъ Филаретъ встрѣтилъ Императора съ крестомъ въ Успенскомъ Соборѣ и въ своей привѣтственной рѣчи, между прочимъ, сказалъ: „Такое царское дѣло (т. е. пріѣздъ) выше славы человѣческой, поелику основанъ на добродѣтели христіанской... Съ крестомъ встрѣчаемъ тебя, Государь; да идетъ съ тобою воскресеніе и жизнь!“ ³⁾.

Мѣры, принятыя по повелѣнію Государя, вскорѣ дѣйствительно ослабили холеру, такъ что Императоръ 5-го Октября уже выѣхалъ изъ Москвы, а 8-го остановился проѣздомъ въ Твери, гдѣ самъ законодатель подалъ примѣръ точнаго исполненія законовъ, пробывъ въ

¹⁾ Щукинскій Сборникъ. IV, 61.

²⁾ «Сѣв. Пч.» 1830 г., № 121.

³⁾ Р. Зотовъ. «Тридцатилѣтіе Европы въ царствованіе Императора Николая I». Спб. 1857 г. ч. I, стр. 116.

находившемся здѣсь карантинъ установленное число дней и подвергаясь определенному карантинными правилами режиму.

Не останавливаясь на подробностяхъ cadaго путешествія Императора Николая въ отдѣльности, ограничимся въ дальнѣйшемъ изло-

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧЪ.

Съ литографіи Щедровскаго.

Изъ собранія Д. Ровинскаго,
Румянцевскій музей.

женіи перечисленіемъ лишь всѣхъ поѣздокъ Его Величества за тридцатилѣтнее царствованіе, обративъ, конечно, вниманіе читателя на болѣе выдающіеся случаи въ этихъ путешествіяхъ, а также на грандіознѣйшіе смотры войскъ подъ Калишемъ въ 1835 году и подъ Вознесенскомъ въ 1837 году.

Въ слѣдующемъ, 1831 году, Императоръ посѣтилъ бунтовавшія военныя поселенія въ Новгородской губерніи, откуда отправился въ

Москву и другіе города Имперіи съ цѣлью обзрѣть опустошенія, причиненныя въ прошломъ году холерой ¹⁾).

Въ 1833 году Государь Императоръ посѣтилъ Псковъ, Двинскъ, гдѣ осматривалъ, между прочимъ, крѣпостныя работы, Ригу и Ревель. Изъ Ревеля царь, вмѣстѣ съ пріѣхавшей туда въ то время царицей, посѣтили имѣніе графа Бенкендорфа—Фалль и въ тотъ же день вече-

С в и д а н і е
ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I-го съ Императоромъ Австрійскимъ ФРАНЦЕМЪ I-мъ
въ Мюнхенгрецѣ 29-го Августа 1833 г.

Съ вѣмецкой литографіи Вольфа.

ромъ на пароходѣ „Ижора“ отправились изъ Ревеля въ Гельсингфорсъ, откуда 31 Мая снова возвратились въ Петергофъ ²⁾).

Эта поѣздка въ Финляндію замѣчательна тѣмъ, что въ это время распространились слухи о предположенномъ будто бы покушеніи на жизнь Государя Императора, которое было во-время предупреждено, и спокойствіе государства такимъ образомъ не было нарушено ³⁾. Финны, узнавъ о предупрежденномъ покушеніи еще во время пребыванія

¹⁾ Общ. Арх. Мин. Имп. Дв., оп. 14—132, л. № 306.

²⁾ Ibid., оп. 14—132, л. 345.

³⁾ «Сѣв. Пч.» 1833 г., № 131.

Его Величества въ Гельсингфорсѣ и, побуждаемые чувствомъ негодованія при этомъ извѣстїи, поднесли Государю адресъ, на который Императоръ черезъ генераль-губернатора Меншикова отвѣтилъ слѣдующее ¹⁾: „Скажите этимъ господамъ, что Я къ особенному удовольствію Моему

Свита ИМПЕРАТОРА.

На первомъ планѣ Командующій ИМПЕРАТОРСКОЙ
Главной Квартирой и Шефъ жандармовъ генераль-адъютантъ
графъ А. Х. Бенкендорфъ.

Съ литографїи въ краскахъ.

Изъ изданїя Экерта и Монтена.

нашелъ Финляндію въ такомъ точно состоянїи, какъ братъ завѣщалъ Мнѣ ее и въ какомъ Я передамъ Моему сыну“.

Въ Августѣ того же года происходило свиданіе русскаго и австрійскаго Императоровъ и прусскаго Короля въ Мюнхенгрецѣ. 24 Августа прибылъ Императоръ Николай въ Шведтъ, гдѣ встрѣтился съ Фридрихомъ Вильгельмомъ, а 29-го числа—въ Мюнхенгрецъ, гдѣ ихъ ожидалъ австрійскій Императоръ. Послѣ этого свиданія 10-го Сентября Императоръ возвратился въ Модлинъ, откуда и прослѣдовалъ затѣмъ въ свою столицу.

Высочайшія поѣздки слѣдующаго, 1834 года, не отличались ни особенною многочисленностью ни продолжительностью. Въ Сентябрѣ

¹⁾ «Сѣв. Пч.» 1833 г., № 134.

этого года Государь побывалъ въ нѣсколькихъ губерніяхъ, не оставивъ, конечно, безъ посѣщенія Своей второй столицы—Москвы. По разсказу очевидца ¹⁾, москвичи всегда отличались особеннымъ чувствомъ преклоненія предъ Особою Николая, и встрѣчи, дѣлаемая ими своему царю, носили характеръ сплошныхъ овацій. Но особенный взрывъ энтузіазма, взрывъ, не поддающійся описанію, проявили жители Бѣлокаменной, когда, 7-го Сентября, Государь, отслушавъ въ Успенскомъ Соборѣ обѣдню и побывавъ на разводѣ, взшелъ на Красное Крыльцо и низко поклонился толпѣ.

Изъ Москвы Императоръ Николай Павловичъ отправился въ Калугу, затѣмъ въ Орель, а оттуда въ Ярославль, куда и прибылъ 5 Октября; пробывъ здѣсь до 7 числа, Августѣйшій путешественникъ отправился въ Кострому, а 19-го Октября былъ уже снова въ Москвѣ. Въ томъ же году, 1-го Ноября, вмѣстѣ съ Цесаревичемъ Императоръ Николай отправился въ Берлинъ и, несмотря на дурныя осеннія дороги, употребилъ на эту поѣздку менѣе пяти дней. Пробывъ въ столицѣ Германіи всего лишь нѣсколько дней, Государь, 15 Ноября, сопровождаемый по обыкновенію графами Бенкендорфомъ и Адлербергомъ, въ открытой коляскѣ, при радостныхъ восклицаніяхъ многочисленнаго народа, въѣхалъ въ Варшаву, изъ которой, наконецъ, возвратился въ Петербургъ къ 26-му Ноября ²⁾.

1-го Августа 1835 года Государь, вмѣстѣ со своей Августѣйшей Супругой, Великимъ Княземъ Константиномъ Николаевичемъ и Великою Княжною Ольгою Николаевною, отправился моремъ на пароходѣ „Геркулесъ“ въ Данцигъ, откуда съ 5-го на 6-е Августа черезъ Грауденцъ и Торнъ отбылъ для смотра войскъ въ Калишъ.

Въ виду особеннаго интереса этого смотра, на которомъ бывшіе союзники въ войнахъ 1813—1814 годовъ снова сошлись подъ начальствомъ своихъ державныхъ вождей, позволяемъ себѣ нѣсколько подробнѣе остановиться на его описаніи ³⁾. Императоръ Николай, приѣхавъ въ Калишъ 7-го Августа и желая показать русскія войска Своему Августѣйшему тестю, съ перваго же дня своего тамъ пребыванія усиленно занялся смотрами, разводами и ученіями стоящихъ

¹⁾ «Сѣв. Пч.» 1834 г., № 206.

²⁾ Р. Зотовъ. «Тридцатилѣтіе Европы въ царствованіе Императора Николая I», Спб. 1857 г. ч. I, стр. 230—232.

³⁾ Настоящее описаніе составлено по Высочайшимъ приказамъ и по даннымъ, имѣющимся въ «Русскомъ Инвалидѣ» за 1835 г. №№ 208, 210, 213, 218, 221, 223, 229, 233.

въ Калишѣ полковъ. Привычный глазъ Императора замѣчалъ обыкновенно малѣйшія неточности въ военной выправкѣ, и въ первый же день пріѣзда Государя въ Калишѣ мы видимъ царственную фигуру Николая, лично объясняющую нѣкоторыя движенія иррегулярному Конно-Мусульманскому полку. По окончаніи этого объясненія мусульмане, наученные своимъ Державнымъ Вождемъ, съ необыкновенною

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ I въ Вѣнѣ въ 1835 году.

Съ литографіи Нейманъ.

быстрою и ловкою, поразившею впоследствии Прусскаго Короля и всѣхъ Высшихъ гостей, повторили маневръ согласно указаніямъ Императора Николая ¹⁾).

До самаго отъѣзда въ Лигницъ, т. е. до 18-го Августа, Государь ежедневно, не исключая даже праздниковъ, съ особеннымъ интенсивнымъ вниманіемъ относился къ находившимся въ Калишѣ войскамъ, и въ результатѣ получилось то, что не осталось ни одной воинской части, ни одного маневра, которыхъ бы не осмотрѣлъ или не продѣлалъ Императоръ Николай. Войска, аммуниція, пища, оружіе, лошади, госпитали, провіантскіе склады, маршировка, верховая ѣзда, джиги-

¹⁾ «Русск. Инв.» 1835 г., № 208.

товва, стрѣльба, атаки—буквально все было осмотрѣно и прорепетировано. Уѣзжая затѣмъ въ Лигницъ и оставшись вполне довольнымъ войсками, Государь лично выразилъ Свою благодарность за отличное

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ I-й со Свитою.

Съ литографіа въ краскахъ 1837 г.

Издание Экерта и Монтена.

состояніе войсковыхъ частей всѣмъ генераламъ и полковымъ командирамъ, изъявивъ при этомъ свое особенное удовольствіе генералъ-фельдмаршалу князю Варшавскому и корпусному командиру генералъ-адъютанту Ридигеру ¹⁾. Производя ежедневно смотры и разводы и

¹⁾ «Русск. Инв.» 1835 г., № 210.

находя все это въ должномъ порядкѣ и на надлежащей высотѣ, Императоръ Николай Павловичъ никогда не забывалъ отдать должное начальникамъ осматриваемыхъ частей, и за этотъ промежутокъ времени „Русскій Инвалидъ“ буквально испещренъ Высочайшими благодарностями и милостями. Послѣ сказаннаго станеть весьма понятно, почему русскія войска въ Калишѣ произвели на иностранныхъ Высокихъ гостей такое неотразимое впечатлѣніе! И неудивительно, такъ какъ ихъ передъ тѣмъ во всѣхъ деталяхъ осмотрѣлъ въ высшей степени требовательный и незаурядный знатокъ военнаго дѣла—Императоръ Николай!

Послѣ смотровъ 3-му и 5-му корпусамъ прусскихъ войскъ, расположенныхъ около Лигница, произведенныхъ въ Высочайшемъ присутствіи Прусскимъ Королемъ, а также и послѣ бала, даннаго по случаю пребыванія Ихъ Величествъ мѣстнымъ дворянствомъ, Императоръ, вмѣстѣ со своей Августѣйшей Супругой, 22-го Августа отправился въ замокъ Доманзе, принадлежавшій графу де-Бранденбургу, а Король Прусскій— въ замокъ Капсдорфъ, въ окрестностяхъ котораго былъ расположенъ 6-й корпусъ. Слѣдующіе затѣмъ дни, до 27-го Августа включительно, были посвящены смотрамъ прусскихъ войскъ въ окрестностяхъ упомянутыхъ замковъ, а также всевозможнымъ торжествамъ по случаю радостнаго свиданія Августѣйшихъ родственниковъ ¹⁾).

Это свиданіе повторилось и въ Калишѣ 30 Августа, когда прибывшій туда Августѣйшій тестъ Русскаго Царя былъ радушно встрѣченъ Императрицею и всѣми находившимися здѣсь лицами Августѣйшей Фамиліи. Особенное вниманіе Прусскій Король обратилъ на почетный караулъ, поставленный отъ Гренадерскаго, имени Высокаго гостя, полка, и Августѣйшій Шефъ, прямо съ дороги, не заходя въ отведенные ему покои, въ сопровожденіи Императора и Великаго Князя Михаила Павловича, съ особеннымъ удовольствіемъ пройдя по фронту названнаго караула, удивился молодецкому виду и отличной выправкѣ людей.

Въ 6 часовъ вечера передъ дворцомъ собралось до 1.500 человекъ музыкантовъ отъ всѣхъ войскъ, собранныхъ въ Калишѣ, и этотъ огромный оркестръ передъ зорею сыгралъ маршъ, сочиненный Прусскимъ Королемъ еще до его восшествія на престолъ. Когда же послѣ этого Государь въ сопровожденіи своего Высокаго гостя вышелъ на балконъ, то появленіе это вызвало взрывъ энтузіазма среди собрав-

¹⁾ «Русск. Инв.» 1835 г., № 218, 221 и 223.

шихся передъ дворцомъ генераловъ, офицеровъ и толпы народа. Наконецъ въ 7 часовъ проиграли зорю, а вечеромъ, при благопріятной погодѣ, городъ былъ иллюминованъ, и по Калишу почти цѣлую ночь продолжалось гуляніе народа.

Слѣдующій день ознаменовался встрѣчею прусскихъ войскъ, которыя, перейдя границу, прибыли къ Калишу въ 9 часовъ утра и вы-

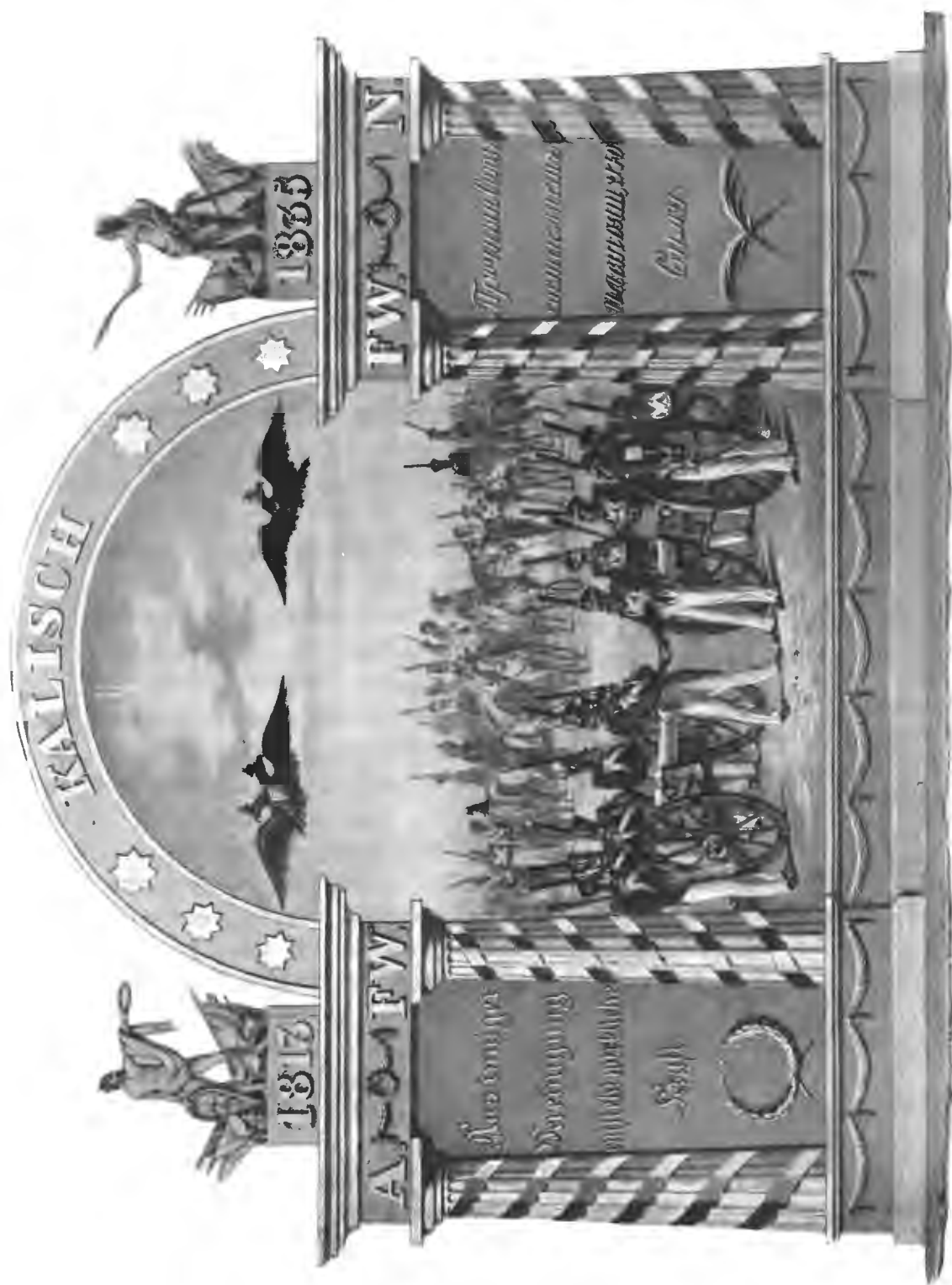

Маневры подъ Калишемъ въ 1835 г.

Съ литографіи Германъ.

строились въ одну линію, въ колоннахъ, противъ лѣваго фланга лагеря, вдоль шоссе. Русскія войска также вышли въ ружье и выстроились: пѣхота—колоннами передъ лагеремъ 8-й пѣхотной дивизіи, лицомъ въ поле, а противъ нея, — снявшись съ передковъ, — артиллерія. Такимъ образомъ эти два рода войскъ, расположившись другъ противъ друга, образовали собою аллею; что же касается кавалеріи, то она была поставлена противъ лагеря Своднаго Гвардейскаго полка, на одной линіи съ артиллеріей, но лицомъ къ лагерю.

Въ 11 ч. утра Ихъ Величества Король, Государь и Государыня, выѣхавъ въ экипажахъ за заставу, сѣли верхомъ и объѣхали линію прусскихъ войскъ. Затѣмъ Императоръ Николай Павловичъ, подѣхавъ къ лѣвому флангу русской пѣхоты, встрѣтилъ Прусскаго Короля, который лично велъ свои войска на присоединеніе къ русскимъ. Во время этого марша прусскихъ войскъ среди русской пѣхоты и артиллеріи, первая отдавала честь по-баталіонно, а вторая все время стрѣляла.

Литография, приложенная къ книгѣ Декера о Калышскомъ сборѣ русскихъ и прусскихъ войскъ въ 1835 году.

Отец
ИМПЕРАТРИЦЫ АЛЕКСАНДРЫ ФЕОДОРОВНЫ
Прусскій Король
ФРИДРИХЪ ВИЛЬГЕЛЬМЪ III-й.

Съ гравюры А. Осипова.

ихъ однихъ съ другими. Всѣ они съ радостью бросились навстрѣчу другъ другу, здоровались между собой, какъ старые сослуживцы, заключившіе братскій союзъ еще въ достопамятныя, славныя кампаніи 1813 и 1814 годовъ.

На слѣдующій день, въ воскресенье 1-го Сентября, въ 11 часовъ утра пріѣхали въ лагерь на церковный парадъ Калишскаго резервнаго корпуса *) Прусскій Король, Императоръ Николай съ Императрицею, Великая Княжна Ольга Николаевна, Великіе Князья Михаилъ Павловичъ, Константинъ Николаевичъ, Принцы Прусскіе—Эрцгерцоги Францъ и Іоаннъ, Наслѣдный Принцъ Павелъ Мекленбургскій, Принцъ Фридрихъ Нидерландскій, Владѣтельный Герцогъ Нассаускій, Герцогъ Кумберландскій, Наслѣдный Принцъ Гессенъ-Дармштадтскій, Владѣтельный Принцъ Гессенъ-Кассельскій, Принцъ Фридрихъ Виртембергскій, Герцогъ Карлъ Мекленбургъ-Стрѣлицкій, Герцогъ Карлъ и Принцъ

*) Гвардейскія русскія и прусскія войска вмѣстѣ, во время маневровъ подъ Калишемъ, составили Калишскій резервный корпусъ. «Русск. Инв.» 1835 г. № 229.

Затѣмъ прусскій отрядъ, пройдя церемоніальнымъ маршемъ мимо Императора и Императрицы, построился передъ своимъ лагеремъ такъ, что кавалерія стала противъ пѣхоты, лицомъ другъ къ другу. Тогда русскія гвардейскія и гренадерскія войска, подъ личнымъ руководствомъ своего Державнаго Вождя, въ свою очередь прошли церемоніальнымъ маршемъ мимо Короля среди прусской пѣхоты и кавалеріи, при чемъ Государыня проѣхала мимо правомъ флангѣ взвода Кавалергардскаго Ея Величества полка.

По окончаніи этого марша Императоръ Николай Павловичъ подозвалъ къ себѣ нашихъ и прусскихъ солдатъ, чтобы ознакомить

Фридрихъ Шлезвигъ-Голштинскіе и прочіе Принцы и иностранные генералы, находившіеся въ то время въ Калишѣ. Послѣ обѣдни передъ походною церковью Гвардейскаго отряда состоялся, въ Высочайшемъ присутствіи, при иностранныхъ гостяхъ, разводъ Сводно-Гренадерскому полку и ученье Сборному Линейному Казачьему и Конно-Мусульманскому полкамъ. Удивительныя ловкость и проворство людей, а также красота лошадей произвели неотразимое впечатлѣніе на Прусскаго Короля и всѣхъ присутствующихъ иностранцевъ.

2-го Сентября, наконецъ, состоялся большой парадъ всѣмъ войскамъ, собраннымъ въ Калишѣ, въ пяти верстахъ отъ города. Войска были построены въ четыре линіи такъ, что въ первыхъ двухъ находилось 60 баталіоновъ пѣхоты, въ третьей—68 эскадроновъ кавалеріи, а въ четвертой—артиллерія при 136 орудіяхъ.

Общее командованіе всѣми войсками принялъ на себя Государь Императоръ, поручивъ Калишскій резервный корпусъ Наслѣдному Принцу Прусскому, пѣхоту его—Великому Князю Михаилу Павловичу, а кавалерію—Принцу Вильгельму Прусскому. Всѣ войска подъ начальствомъ Августѣйшаго Вождя, Императора Николая, два раза прошли церемоніальнымъ маршемъ мимо Высокаго гостя—Короля Прусскаго.

Во время церемоніальнаго марша Гренадерскаго Короля Прусскаго полка Его Королевское Величество всякій разъ становился во главѣ своего полка и, проходя мимо, отдавалъ честь Государю, а Государь проходилъ церемоніальнымъ маршемъ мимо Короля какъ во главѣ всѣхъ войскъ, такъ и передъ Прусскимъ Кирасирскимъ Его Императорскаго Величества полкомъ.

ИМПЕРАТОРЪ

НИКОЛАЙ I.

въ формѣ Прусскаго (Бранденбургскаго) Кирасирскаго Его Имени полка № 6.

Изъ исторіи полка 1842 г.

По окончаніи парада Прусскій Король, оставшись очень доволенъ видѣннымъ, въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ, въ присутствіи всѣхъ войскъ, изъявилъ свою благодарность генераль-фельдмаршалу князю Варшавскому.

Пріемъ ГОСУДАРЕМЪ ИМПЕРАТОРОМЪ депутаціи отъ города Варшавы
послѣ парада у Калиша.

По рисунку В. Адамъ,
съ литографіи Лефронъ.

Изъ собранія Г. С. Габаева.

На слѣдующій послѣ парада день Императоръ, давъ отдыхъ войскамъ, показывалъ своему Августѣйшему тестю лагерь и лошадей, прибрѣтенныхъ для Прусскихъ Кирасирскихъ полковъ Государя Императора и Наслѣдника Цесаревича.

Слѣдующіе затѣмъ дни, вплоть до 10 Сентября, были также посвящены всевозможнымъ Высочайшимъ парадамъ и смотрамъ и связаннымъ съ ними празднествамъ. Такъ, 5-го Сентября происходилъ маневръ Калишскаго резервнаго корпуса, при чемъ Король Прусскій по-русски благодарилъ войска за ихъ молодецкій видъ; 6-го Сентября былъ военный праздникъ въ лагерѣ; 7-го Сентября, подъ личнымъ командованіемъ Императора, происходилъ большой маневръ

войскъ, закончившійся обложеніемъ и взятіемъ Калиша со стороны Варшавы и Става, при чемъ Государь, введя въ городъ пѣхоту и остановивъ ее противъ дворца, отдалъ честь Прусскому Королю, въ покои котораго, по приказанію Его Величества, были отнесены всѣ знамена

Закладка памятника русскимъ войскамъ въ 1835 году
въ память сраженія подъ Кульмомъ.

По рисунку Вольфа.

Съ литографіи Хефелихъ.

прусской гвардіи, а штандартъ Прусскаго Кирасирскаго Государя Императора полка, по приказанію Короля, въ свою очередь былъ отнесенъ въ покои Его Величества; 8-го и 9-го Сентября также происходили Высочайшіе смотры русскихъ и прусскихъ войскъ, а 10-го состоялся отъѣздъ изъ Калиша Августѣйшаго гостя. Съ отъѣздомъ Прусскаго Короля Калишскія военныя торжества утратили свое разнообразіе и великолѣпіе и фактически могли считаться законченными. Наконецъ, черезъ день уѣхалъ въ Теплицъ и Императоръ Николай Павловичъ съ Супругою, гдѣ ихъ снова ожидали торжества—закладка памятника русскимъ войскамъ въ честь побѣды подъ Кульмомъ, памятника, сооружаемаго австрійцами и нѣмцами по ихъ же инициативѣ. На это тор-

жество, кромѣ Русскаго Императора, прибыли Императоръ Австрійскій и Король Прусскій. По окончаніи закладки Государь, поздравивъ кавалерами ордена Св. Андрея Первозваннаго генераловъ-отъ-инфантеріи графа Остермана, Толстого и Ермолова, какъ бывшихъ руководителей Кульмскаго сраженія, и произведя въ слѣдующіе чины капитана, унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ присутствовавшей на торжествахъ Роты Дворцовыхъ Гренадеръ ¹⁾, отбылъ черезъ Прагу въ Вѣну на свиданіе съ вдовствующей Австрійской Императрицей. Возвратившись 2-го Октября снова въ предѣлы Россіи, онъ, черезъ Калишъ, Варшаву, Кіевъ, Полтаву, Харьковъ, Курскъ, Орель, Тулу и Москву, 30 Октября прибылъ въ Петербургъ.

Въ 1836 году Императоръ, кружнымъ путемъ черезъ Москву, Владиміръ, Нижній-Новгородъ, Казань, Симбирскъ и Пензу, направился было въ Чугуевъ — главный городъ военныхъ поселеній Харьковской губерніи, гдѣ собранъ былъ для предстоявшаго Высочайшаго смотра цѣлый корпусъ. Но по пути изъ Пензы, не доѣзжая 14 верстъ до Чембара, въ ночь съ 25 на 26 Августа, экипажъ Государя, съѣзжая съ горы, опрокинулся, и Императоръ сломалъ себѣ лѣвую ключицу. Къ счастью еще, что лошади въ эту минуту сами остановились. Постоянный спутникъ Государя, графъ Бенкендорфъ, сидѣвшій по правую руку Императора, отдѣлался лишь легкимъ ушибомъ. Первое время Государь былъ безъ чувствъ, но когда, спустя нѣсколько минутъ, пришелъ въ себя, то, забывая собственные страданія, обратился къ графу Бенкендорфу съ вопросомъ: „не случилось ли съ людьми какого несчастья?“ Узнавъ же отъ Бенкендорфа, что ямщикъ и камердинеръ въ опасномъ положеніи, онъ сейчасъ же отослалъ его отъ себя, сказавъ: „Ступай, помогай имъ, чѣмъ можешь, а я чувствую себя еще настолькоъ въ силахъ, что могу обойтись и безъ твоей помощи“ ²⁾.

Первую медицинскую помощь Государю оказалъ уѣздный Чембарскій врачъ Цвернеръ, послѣ чего Августѣйшій больной, почувствовавъ облегченіе, снова сѣлъ въ экипажъ и приказалъ ѣхать шагомъ. Но черезъ нѣсколько верстъ усилившаяся отъ толчковъ боль заставила его выйти изъ коляски и пройти остальную дорогу до города (около 6 верстъ) пѣшкомъ. Прибывшій затѣмъ въ Чембаръ докторъ

¹⁾ «Русск. Инв.» 1835 г., № 246.

²⁾ «Русск. Стар.» 1882 г., т. XXXVI, стр. 523.

Палатка Государя
на маневрах 1836 г. под Кипенью.

Съ акварели Зичи.

Собств. Герцога Георгія Георгиевича
Мекленбургъ-Стрелицкаго.

Генералъ П. ГОЛКЕ и А. ВЯЛЬБОРГЪ

Арендтъ нашелъ сдѣланную Цвернеромъ перевязку хорошею и призналъ, что осложненія болѣзни ожидать нельзя. Изъ чувства тонкой деликатности Императоръ Николай Павловичъ, не желая обижать Цвернера, поручилъ ему дальнѣйшее леченіе своей болѣзни, а дѣятельность Арендта заключалась только въ наблюденіи за ходомъ ея.

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ I со Свитою на маневрахъ.

Писальъ Шварцъ въ 1844 г.

Съ рисунка на камнѣ А. Шмидъ.

Занявъ помѣщеніе въ домѣ уѣзднаго училища, Императоръ Николай Павловичъ велъ въ Чембарѣ совершенно уединенную жизнь, вставалъ по привычѣ очень рано, до завтрака занимался дѣлами, а потомъ читалъ или писалъ. Такъ какъ изъ боязни повредить процессу правильнаго сращенія кости врачи совѣтовали Императору воздерживаться отъ всякаго лишняго движенія, то въ первые дни своего пребыванія въ Чембарѣ Государь не выходилъ изъ комнаты и даже не одѣвался. Но, наконецъ, крѣпкій организмъ и стараніе врачей побѣдили болѣзнь; Государь сталъ быстро поправляться и 8 Сентября, въ 9 часовъ утра, покинувъ Чембаръ, черезъ Тамбовъ, Козловъ, Рязань и Москву возвратился въ Царское Село ¹⁾.

¹⁾ «Русск. Стар». 1882 г., т. XXVI, стр. 524.

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ I
НА СМОТРУ ПОДЪ ВОЗНЕСЕНСКОМЪ.

Съ литографіи Раффе.

1837-й годъ чрезвычайно богатъ Высочайшими поѣздками, и за четыре мѣсяца своихъ путешествій Императоръ Николай Павловичъ успѣлъ объѣхать почти всю Европейскую Россію. Выѣхавъ 13 Августа изъ Царскаго Села, Государь, черезъ Псковъ, Двинскъ, Вильно, Ковно, Бобруйскъ, Черниговъ и Кіевъ, направился въ Вознесенскъ, гдѣ, въ присутствіи Императрицы, Цесаревича, Великой Княгини Елены Павловны и Великаго Князя Михаила Павловича, подъ личнымъ руко-

Смотръ кавалеріи
въ лагерѣ подъ Вознесенскомъ, 7 Сентября 1837 г.

Съ литографіи Раѣе.

водствомъ и наблюденіемъ Государя Императора, въ теченіе цѣлой недѣли, происходили смотры и маневры расположенной тамъ кавалеріи.

По предположенію графа Витта, бывшаго въ то время инспекторомъ всей поселенной кавалеріи, предположенію, одобренному Государемъ Императоромъ, подъ Вознесенскомъ было собрано 4 кавалерійскихъ корпуса съ ихъ артиллеріей, резервные эскадроны нѣсколькихъ другихъ полковъ и дивизія пѣхоты ¹⁾.

Еще задолго до означеннаго смотра прибылъ въ Вознесенскъ, въ качествѣ инструктора, флигель-адъютантъ полковникъ князь В. А.

¹⁾ Составъ собранной подъ Вознесенскомъ кавалеріи былъ слѣдующій: 1-й и 2-й резервные кавалерійскіе корпуса, изъ которыхъ каждый состоялъ изъ дивизіи кирасиръ и дивизіи уланъ; 3-ья драгунская дивизія и сводный кавалерійскій корпусъ, состоявшій изъ 8 полковъ гусаръ и уланъ. Въ этотъ перечень не вошли резервные эскадроны, артиллерія и пѣхота. «Русск. Инв.» 1837 г. №№ 220, 236 и 237.

Долгоруковъ для указанія новаго порядва въ разстановкѣ унтеръ-офицеровъ при разныхъ построеніяхъ войскъ ¹⁾).

Наконецъ пріѣхалъ Государь, и церемоніаль встрѣчи представилъ великолѣпное зрѣлище: четыре линіи вытянутыхъ по зеленому лугу четырехъ кавалерійскихъ корпусовъ съ пятою линіею конной артиллеріи занимали громадное пространство; чтобы объѣхать 5 линій по фронту, нужно было проскакать по крайней мѣрѣ 3 версты, а громогласные крики „ура“ и звуки народнаго гимна встрѣчали на каждой линіи Государя, сопровождаемаго многочисленною свитою генераловъ, иностранцевъ и адъютантовъ. Затѣмъ вся эта кавалерія стройно прошла мимо своего Царя. И какая кавалерія!.. Государь былъ въ восхищеніи, — и, дѣйствительно, было чѣмъ похвастать ²⁾!

О томъ, насколько Императоръ Николай Павловичъ былъ доволенъ своими войсками, прекрасно свидѣтельствовало ясное и веселое лицо Государя, когда въ одинъ прекрасный вечеръ бывшая вся вмѣстѣ на маневрахъ кавалерія расходилась съ поля по своимъ мѣстамъ: Государь, верхомъ, въ Кавалергардскомъ вицъ-мундирѣ, обернувшись назадъ и опершись рукою на крупъ своего коня, стоялъ на возвышенномъ мѣстѣ и любовался этою огромною массою кавалеріи, колонны которой то спускались въ лощины, то поднимались на холмы на всемъ видимомъ пространствѣ.

По окончаніи всѣхъ смотровъ и маневровъ былъ отданъ войскамъ лозунгъ: „спасибо, ребята, Царь доволенъ“. Затѣмъ приказано было представить отличившихся къ наградамъ, и графъ Виттъ не замедлил поднести списки ихъ на Высочайшее усмотрѣніе; но Государь сказалъ: „мало“ — степень удвоилась, и посыпались чины, ордена и другія милости ³⁾).

Особенную же признательность за блестящее состояніе войскъ Императоръ Николай Павловичъ выразилъ бывшему въ то время Военному Министру генераль-адъютанту графу Чернышеву ⁴⁾).

Но не одни только люди за смотръ подъ Вознесенскомъ удостоились Царскихъ милостей — ихъ получили и полки: 26-го Августа, во время парада Государь назначилъ Цесаревича Шефомъ Московскаго

¹⁾ «Гражданинъ» 1872 г., № 30.

²⁾ Ibid.

³⁾ Ibid.

⁴⁾ «Русск. Инв.» 1837 г., № 220.

Ген.-ад. Кавелинъ.

Ген.-ад. Киселевъ.
Ген.-ад. Диненковъ.

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ I
на маневрахъ 1837 г.

ГОСУДАРЬ НАСЛѢДНИКЪ.

Съ анварели Зичи.

Собств. Герцога Георгія Георгиевича
Мекленбургъ-Стрелицкого.

Г-нъ Р. ГОЛДИЕ и А. ВИЛЬБОРГЪ

драгунскаго полка, Великую Княжну Марію Николаевну—Екатеринославскаго кирасирскаго полка и Великаго Князя Михаила Павловича—Тверскаго драгунскаго полка ¹⁾).

По окончаніи маневровъ вся Императорская Фамилія отправилась въ Одессу, откуда на яхтѣ „Сѣверная Звѣзда“ 9-го Сентября благо-

Встрѣчный салютъ Черноморскаго флота и батарей Севастополя ИМПЕРАТОРУ, слѣдовавшему на яхтѣ «Сѣверная Звѣзда» 9-го Сентября 1837 года.

Съ литогр. П. Пети.

Картина А. Айвазовскаго.

получно достигла Севастопольской гавани, гдѣ и была встрѣчена всѣмъ Черноморскимъ флотомъ.

Изъ Севастополя Государь вмѣстѣ съ Цесаревичемъ отправился на Кавказъ, гдѣ посѣтилъ Анапу, Редуть-Кале, Ахалцыхъ, Ахалкалаки, Сардаръ-Абадъ, Эчмиадзинъ, Эривань, Тифлисъ, Ставрополь, откуда верхомъ, по занесенной снѣгомъ и покрытой льдомъ мѣстности, переѣхалъ черезъ переваль Кавказскаго хребта и благополучно прибылъ во Владикавказъ. Посѣтивъ затѣмъ Пятигорскъ, Георгіевскъ, Ставрополь и Новочеркасскъ, Императоръ на возвратномъ пути, поклонившись проѣздомъ черезъ Воронежъ находящимся тамъ мощамъ святого Митрофанія, не оставилъ безъ своего посѣщенія Москвы, гдѣ и встрѣтился съ пріѣхавшей туда изъ Крыма Императрицей Александрой Теодоровной. Наконецъ, послѣ четырехмѣсячнаго отсутствія, въ

¹⁾ «Русск. Инв.» 1837 г., № 236.

Ноябрѣ все Августѣйшее Семейство снова собралось въ своей Сѣверной столицѣ.

Въ 1839 году Императоръ Николай Павловичъ, вмѣстѣ со своимъ Августѣйшимъ Семействомъ, посѣтилъ Германію, откуда на пароходѣ

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ И^И со Свитою
у Раки, въ коей почиваютъ мощи Святителя Митрофана 1-го Епископа Воронежскаго.

Рис. В. Садовникова.

Литографія И. Вегрова.

„Геркулесъ“ прибылъ въ Стокгольмъ. Сойдя на берегъ и не бывъ никѣмъ узнавъ, Государь, сопровождаемый однимъ лишь генераль-адъютантомъ Сухозанетомъ, прямо вошелъ во дворецъ къ Королю. Это неожиданное прибытіе столь Высокаго гостя до глубины души тронуло какъ Короля, такъ и его подданныхъ. Изъ Швеціи Императоръ возвра-

тился въ Петербургъ и, пробывъ въ немъ нѣсколько дней, снова отправился за границу къ оставшейся тамъ Царственной Семьѣ. Возвращеніе въ Петербургъ всей Августѣйшей Семьи состоялось лишь въ слѣдующемъ 1840 году. Еще до отъѣзда за границу Государь ѣздилъ въ Москву, гдѣ на Бородинскихъ поляхъ, въ присутствіи Его Величества, состоялось 16 Августа торжественное открытіе Бородинскаго памятника.

Спустя четыре года, въ 1844 году, снова состоялась поѣздка Государя за границу, но на этотъ разъ въ Англію, куда онъ прибылъ 20 Мая. Вотъ что пишетъ Р. Зотовъ объ этой въ высшей степени интересной поѣздкѣ ¹⁾:

„Ровно тридцать лѣтъ прошло со дня посѣщенія Англіи Императоромъ Александромъ. Тогда только что совершилось освобожденіе Европы рукою его. Англія съ невыразимою радостью принимала Благословеннаго героя, побѣдившаго лютѣйшаго ея врага. Теперь прибылъ преемникъ его, возведшій Россію еще на большую степень могущества и славы. Народъ съ тою же искренностью отдавалъ ему дань восторга и удивленія, но расположеніе министерства, т.-е. правительства, было уже совсѣмъ не то. Россія становилась уже опасною соперницею для Англіи. Россія 1814 года была сильною континентальною державою, но тогда у нея былъ слабый флотъ, незначущая торговля. Въ 1844 году было уже у нея пять морскихъ дивизій, а торговля ея и промышленность процвѣтали; Одесса кормила всю Западную Европу. Въ 1844 году вліяніе ея на востокъ преодолѣвало уже вліяніе Англіи, которая, встревоженная въ расчетахъ своей торговой монополіи, начала уже воображать себѣ, что при подобномъ развитіи силъ русскому орлу не трудно будетъ долетѣть и до береговъ Инда и Ганга. Что же тогда будетъ съ Англіею? А потому всѣ министерства ея, явно лаская Россію, всячески старались приискивать ей втайнѣ враговъ и посредствомъ газетъ и брошюръ увѣрять, что Россія въ ненасытимомъ честолюбіи своемъ стремится къ всемірной монархіи, и что пора поставить ей преграды. Николай I зналъ всѣ эти происки, но презиралъ ихъ и шелъ своимъ путемъ, указаннымъ ему Провидѣніемъ. Онъ явился въ Англію и съ рыцарскимъ прямодушіемъ старался успокоить боязнъ англичанъ. Но кто привыкъ дѣйствовать лукаво, тотъ

¹⁾ Р. Зотовъ. «Тридцатилѣтіе Европы въ царствованіе Императора Николая I». ч. I. СПб. 1857 годъ.

ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ
НИКОЛАЙ I
во время путешествія въ Англію въ 1844 г.

Съ английской литографіи М. Ленъ.

дарыню, Императоръ изъ Чугуева отправился за границу и, встрѣтившись 5 Октября въ Миланѣ, Августѣйшая Чета вмѣстѣ продолжала дальнѣйшій путь на Палермо.

Пробывъ въ Палермо до 24 Ноября, Императоръ Николай Павловичъ, уже одинъ черезъ Неаполь, Римъ и Флоренцію, 30 Декабря возвратился въ свою сѣверную столицу.

О пребываніи Государя въ Римѣ сохранились записки Н. А. Рамазанова ²⁾, свидѣтельствующія о томъ, насколько Императоръ Николай любилъ и понималъ искусство ³⁾.

¹⁾ Р. Зотовъ. «Тридцатилѣтіе Европы въ царствованіе Императора Николая I». ч. I, стр. 326, Спб. 1857 г.

²⁾ Извѣстный ваятель, находившійся въ то время въ Римѣ и отправленный туда на казенный счетъ для усовершенствованія въ искусствѣ. «Матеріалы для исторіи художествъ въ Россіи». изд. 1863 г.

³⁾ «Рус. к. (стар.)» 1901 г. Сентябрь, стр. 465.

никогда не вѣрять прямодушію и чести другихъ. Самая простота, которою русскій Императоръ окружалъ себя, подавляла Англію своимъ величіемъ. Всѣ невольно удивлялись ему, но вмѣстѣ съ тѣмъ и боялись его; чѣмъ выше онъ казался, тѣмъ опаснѣе былъ для нихъ“.

Не долго пробылъ Государь въ Англіи: 7-го Іюня прибылъ уже онъ на пароходѣ „Богатырь“ обратно въ Петергофъ.

Въ томъ же 1844 году Государыня Императрица по совѣту врачей принуждена была покинуть на время Россію съ тѣмъ, чтобы для возстановленія разстроеннаго здоровья провести осень и зиму въ одномъ изъ самыхъ южныхъ пунктовъ Европы. Императоръ Николай Павловичъ проводилъ свою обожаемую супругу до Вышгорода, а оттуда возвратился въ Островъ. Вмѣстѣ съ Цесаревичемъ съѣздилъ онъ въ Николаевъ, Севастополь, Херсонъ, Харьковъ и Чугуевъ ¹⁾. Чтобы догнать Госу-

„Государь, — говоритъ Рамазановъ, — прїѣхалъ въ Римъ изъ Чивита-Веккии въ страшно бурную ночь съ 12 на 13 Декабря новаго стиля, такъ что порывы вѣтра ломали деревья и заставляли римлянъ ранѣе обыкновенной поры возвращаться къ своимъ домашнимъ очагамъ“.

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ I.

Съ гравюры Леви. Лондонъ. 1841 г. Изъ собранія Д. Ровинскаго.

Первымъ дѣломъ Императора по прїѣздѣ въ Римъ было посѣщеніе Ватикана, во время котораго глава католической церкви, папа Григорій XVI, выразилъ, между прочимъ, сожалѣніе, что прїѣздъ Высокаго гостя сопровождался бурей. „Не безпокойтесь, Ваше Святѣй-

шество, —возразилъ на это Государь, —я къ бурямъ привыкъ. “ Дальнѣйшій разговоръ ихъ замеръ въ стѣнахъ Ватикана. Императоръ пріѣхалъ къ папѣ въ каретѣ нашего посланника А. П. Бутенева, одѣтый въ парадный конногвардейскій мундиръ. Послѣ свиданія Августѣйшій путешественникъ, переодѣвшись въ статское платье, поѣхалъ въ соборъ Св. Петра. Государь, восхищаясь украшеніями храма, отдавалъ приказанія сопровождавшему Императора и дававшему ему объясненія графу Ѡ. П. Толстому сдѣлать копии то съ одного, то съ другого произведенія искусства. Размѣръ храма Св. Петра поразилъ Государя, который, обративъ вниманіе на линію, проведенную по полу, съ обозначеніемъ длины самыхъ большихъ церквей въ Европѣ, удивился той разницѣ, какая выходила при сопоставленіи размѣровъ нашего собора Св. Исаакія съ колоссомъ Браманте, Рафаэля и Микель-Анжело. Передъ выходомъ изъ церкви Императоръ Николай сотворилъ крестное знаменіе по православному обряду, поклонился храму Апостоловъ и уѣхалъ въ отведенные ему апартаменты.

Дальнѣйшее свое пребываніе въ Римѣ Государь посвятилъ осмотру произведеній искусства. Онъ посѣтилъ тамъ выставку русскихъ художниковъ, побывалъ въ мастерской скульптора Рамазанова и студіи художника А. А. Иванова, и, оставшись вообще доволенъ успѣхами русскихъ художниковъ, заказалъ себѣ нѣсколько копій съ осматрѣнныхъ работъ ¹⁾. Не ограничиваясь обзорѣніемъ работъ русскихъ художниковъ, Императоръ, интересуясь художественными произведеніями древнихъ римлянъ, посѣтилъ Базилику „Марія Маджіоре“ и „Термы Каракалы“, гдѣ и выбралъ себѣ на память 2 куска порфира, когда-то украшавшаго это великолѣпное зданіе. Графъ Орловъ и Адлербергъ съ трудомъ дотащили эти камни до экипажей.

Вслѣдствіе болѣзни папы Григорія, Императоръ просилъ его не беспокоиться съ отдачею визита и въ ночь съ 17 на 18 Декабря, пробывъ въ Римѣ 5 дней, въ сопровожденіи графа Орлова, Адлерберга, принца Ольденбургскаго и доктора Енохина отбылъ въ Петербургъ.

Въ 1846 году Императоръ посѣтилъ два раза Москву и одинъ

¹⁾ Были заказаны, между прочимъ, копии съ группы Ставассера «Нимфа съ сатиромъ, который, подвязывая ей сандалию, засмотрѣлся на красавицу»; у Рамазанова же были заказаны 2 группы: «Нимфа съ сатиромъ» и «Нимфа ловить на своемъ плечѣ бабочку».

разъ Варшаву, куда ѣздилъ встрѣчать возвращавшуюся изъ Италіи Государыню Императрицу съ Великою Княжною Ольгою Николаевною.

19-го Августа 1851 года, наконецъ, совершилось одно изъ важнѣйшихъ событій царствованія Императора Николая I—первая поѣздка

Освященіе памятника ИМПЕРАТОРУ ПАВЛУ I-му
у Гатчинскаго дворца 1-го Августа 1851 года.

1. Императоръ Николай I; 2. Наслѣдникъ Цесаревичъ и Великій Князь Александръ Николаевичъ;
3. Великій Князь Александръ Александровичъ.

Съ литографіи Гл. Управленія Путей Сообщенія.

всей Императорской Фамиліи по желѣзной дорогѣ въ Москву. Поѣздка эта продолжалась 49¹/₂ часовъ, при чемъ много времени Августѣйшіе путешественники употребили на осмотръ различныхъ желѣзнодорожныхъ сооруженій.

Это пребываніе вѣнценосной четы въ Москвѣ совпало съ 25-ти лѣтіемъ Священнаго Коронованія Ихъ Величествъ, и о томъ, конечно, какъ отнеслись къ этому совпаденію обожающіе своего Монарха москвичи, не приходится говорить.

Въ 1852 году вся Августѣйшая Семья снова ѣздила въ Германію, при чемъ Государь по дорогѣ туда заѣзжалъ въ Вѣну и Прагу

Привѣтствіе народа Ихъ Императорскимъ Величествамъ съ Краснаго Крульца при обратномъ шествіи изъ Успенскаго Собора.
Москва, 22-го Августа 1851 года.
Съ литографіи по рисунку съ натуры В. Тимма.
Изъ собранія В. М. Козлюбакина.

для свиданія съ отрешившимся въ 1848 году отъ престола Императоромъ Фердинандомъ. Лишь послѣ этого свиданія Государь поѣхалъ въ Германію, гдѣ къ тому времени собралось все Августѣйшее Семейство.

По возвращеніи въ Россію, Императоръ въ томъ же 1852 году посѣтилъ Гомель, Полтаву, Харьковъ, Чугуевъ, Елисаветградъ, Вознесенскъ, Николаевъ и Севастополь. Это путешествіе было одною изъ послѣднихъ, болѣе или менѣе крупныхъ, поѣздокъ Императора Николая, главная цѣль которыхъ былъ осмотръ корпусовъ его любимой арміи.

ГЛАВА VI.

Императорская Главная Квартира и Военно-походная Канцелярія Его Императорскаго Величества.

Учрежденіе должности Командующаго Императорскою Главною Квартирою.

Императорская Главная Квартира, включающая въ настоящее время въ свой составъ всѣхъ генераль- и флигель-адъютантовъ и генераль-маіоровъ Свиты Его Величества, а также генераловъ, при Особѣ Его Величества состоящихъ, не имѣетъ какого-либо законодательнаго акта о своемъ учрежденіи. Но на самомъ дѣлѣ, не нося, впрочемъ, никакого наименованія, Императорская Квартира существовала съ тѣхъ поръ, какъ появилась Государева Свита.

Въ 1808 году впервые появляется попытка объединить властью одного начальствующаго лица общее завѣдываніе всѣми чинами Государевой Свиты: въ этомъ году послѣдовало распоряженіе о томъ, чтобы всѣ генераль- и флигель-адъютанты состояли „въ командѣ“ старшаго

Шефъ жандармовъ и Командующій ИМПЕРАТОРСКОЮ Главною Квартирою
Генералъ-адъютантъ
графъ АЛЕКСАНДРЪ ХРИСТОФОРОВИЧЪ
БЕНКЕНДОРФЪ II.

По рис. Орлова,
съ лит. Мошарскаго.

Изъ собр. портр.
Имп. Гл. Кв.

генераль-адъютанта Уварова. Однако, такое „состояніе въ командѣ“ Уварова, за отсутствіемъ несомнѣнныхъ доказательствъ, не можетъ быть признано чѣмъ-либо постояннымъ и положительнымъ; надо думать, что это назначеніе носило временный характеръ, тѣмъ болѣе, что въ штатахъ 1815 г. ¹⁾, гдѣ поименованъ Комендантъ Императорской Квартіры, отсутствуетъ хотя бы какое-нибудь указаніе на то, что во главѣ Государевой Свиты поставлено извѣстное лицо.

Такимъ образомъ начало царствованія Императора Николая I застаётъ полное отсутствіе не только какой-либо организациі Императорской Главной Квартіры, но даже и должности лица, завѣдывающаго дѣлами чиновъ Свиты.

Краткій Высочайшій приказъ, отъ 25 Іюня 1826 г. ²⁾, гласилъ, что начальникъ 1 Кирасирской дивизіи генераль-адъютантъ Бенкендорфъ 1-й назначается Шефомъ Жандармовъ и Командующимъ Императорскою Главною Квартірою, и день 25 Іюня 1826 г. долженъ быть принятъ за первый день существованія должности Командующаго Императорскою Главною Квартірою. Принимая же во вниманіе, что въ вышеупомянутыхъ штатахъ 1815 г. Комендантъ Квартіры названъ Комендантомъ Императорской Квартіры, а генераль-адъютантъ Бенкендорфъ, по цитированному приказу, былъ назначенъ Командующимъ Императорскою Главною Квартірою, необходимо при-

Генераль-адъютантъ
графъ Адамъ Петровичъ
ОЖАРОВСКІЙ.

Съ портрета Г. Доу.

Военная галлерія
Зимній дворецъ

¹⁾ П. С. З., т. XXIII, № 26021.

²⁾ «Рус. Инв.», 1826 г., № 152.

нять, что послѣднее наименованіе, безъ измѣненія сохранившееся и донынѣ, впервые появилось 25 Юня 1826 г. Какихъ-либо другихъ законодательныхъ актовъ относительно должности Командующаго Квартирою не было издано въ 1826 г., и она упоминается лишь въ штатахъ 1827 года. При этомъ, въ виду того, что генераль-адъютантъ Бенкендорфъ былъ назначенъ, помимо Командующаго Квартирою, еще Шефомъ Жандармовъ, должность Командующаго Императорскою Главною Квартирою была указана слитно съ должностью Шефа Жандармовъ въ Штатѣ Управления Корпуса Жандармовъ ¹⁾).

Генераль-адъютантъ
Александръ Дмитріевичъ
БАЛАШОВЪ.

По рис. Клюквина,
съ лит. Крайя.

Изъ собр. портр.
Имп. Гл. Кв.

Далѣе замѣтимъ, что въ штатѣ чиновъ Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества отъ 1832 г., между прочимъ, показаны: подъ № 6—Командующій Императорскою Квартирою, подъ № 8—генераль- и флигель-адъютанты Его Величества, подъ № 9—генералы, состоящіе въ Свитѣ Его Величества, подъ № 11—Комендантъ Главной Квартиры, подъ № 13—Оберъ-Вагенмейстеръ, подъ № 14—капитанъ надъ вожатыми (который назначается въ случаѣ присутствія Государя Императора при дѣйствующей арміи) и подъ № 15—Оберъ-Священникъ ²⁾).

Приведенными штатами и Высочайшимъ приказомъ о назначеніи генераль-адъютанта Бенкендорфа Командующимъ Императорскою Глав-

¹⁾ П. С. З., т. II, 1827 г., 28 Апрѣля, № 1062.

²⁾ Собр. зак. и пост., до части воен. управл. относящ., 1832 г., кн. II, стр. 365.

ною Квартирою исчерпываются всѣ законодательные акты объ учрежденіи этой должности. Объ учрежденіи же собственно Квартиры акты, какъ сказано выше, не обмолвливаются ни однимъ словомъ.

Инструкція Командующему Императорскою Главною Квартирою.

Являясь однимъ изъ приближенныхъ къ Особѣ Императора лицъ и будучи хорошо освѣдомленъ о Монаршихъ желаніяхъ и стремленіяхъ, первый Командующій Императорскою Главною Квартирою, генераль-адъютантъ Бенкендорфъ, собственно говоря, не нуждался въ особой инструкціи. При томъ, въ случаѣ возникновенія какого-либо сомнѣнія, Бенкендорфъ могъ лично испросить у Императора Николая I Высочайшее соизволеніе на принятіе того или другого рѣшенія и дѣйствовать въ сферѣ Монаршихъ предначертаній. Тѣмъ не менѣе имѣется довольно подробная инструкція для Командующаго, удостоившаяся Высочайшаго утвержденія 8 Августа 1828 г. и относящаяся, такимъ образомъ, почти къ первому времени существованія должности Командующаго.

Генераль-адъютантъ
АЛЕКСАНДРЪ ФРАНЦОВИЧЪ
МИШО.

По рис. В. Долле,
съ литографіи.

Изъ собр. портр.
Имп. Гл. Кв.

Генераль-адъютантъ
Маркизъ Филиппъ Осиповичъ
ПАУЛУЧИН.

Съ лит. Гаппіуса.

Изъ собр. портр.
Имп. Гл. Кв.

Инструкція приведена въ приложеніяхъ. Въ настоящемъ же мѣстѣ необходимо, хотя бы бѣгло, освѣтить нѣсколькими поясненіями одиннадцать ея пунктовъ.

Первый пунктъ говоритъ о томъ, что о назначеніи кого-либо Командующимъ Квартирою отдается

въ Высочайшемъ приказѣ по военному вѣдомству и въ указѣ Сенату. Слѣдовательно, Командующимъ могъ быть только чинъ военнаго вѣдомства, и его служебное положеніе было приравнено къ положенію высшихъ чиновъ государства.

Дѣйствительно, Командующій, согласно второму пункту инструкціи, вступаетъ въ права Военнаго Губернатора „вездѣ, кромѣ столицы, гдѣ Главная Императорская Квартира“.

Третій пунктъ инструкціи устанавливаетъ подчиненность Командующему Коменданта, Гевальдигера, капитана надъ вожатыми, конвоя Главной Императорской Квартиры и всѣхъ чиновниковъ и нижнихъ чиновъ, какого бы званія они ни были, при Свитѣ Его Величества состоящихъ, а равно и карауловъ.

Въ слѣдующихъ пунктахъ (четвертомъ и пятомъ) говорится объ обязанности Командующаго заботиться о продовольствіи Квартиры и ея размѣщеніи. Шестой же пунктъ касается должности Коменданта: онъ получаетъ отъ Командующаго приказанія и подаетъ ему рапорты два раза въ день, утромъ и вечеромъ. Съ своей стороны и Командующій, какъ это изложено въ седьмомъ пунктѣ, дважды въ день подаетъ рапорты Его Величеству и Начальнику Главнаго Штаба Его Величества. Командующій же, согласно пункту восьмому, представляетъ Государю Императору всѣхъ прибывающихъ лицъ. Являясь начальникомъ нижнихъ чиновъ, принадлежащихъ къ составу Квартиры, Командующій утверждаетъ окончательно судебные надъ ними приговоры, за исключеніемъ смертныхъ (пунктъ девятый). Наконецъ, онъ выдаетъ „охранные листы“ (пунктъ одиннадцатый) и „подорожныя“ (пунктъ десятый).

Такимъ образомъ, дѣятельность Командующаго Квартирою, по этой инструкціи, особенно развивается въ Высочайшихъ путешествіяхъ, въ коихъ онъ является самымъ отвѣтственнымъ лицомъ.

Князь Николай Григорьевичъ
РЕПНИНЪ-ВОЛКОНСКІЙ.

Съ миниатюры,
пис. Изабей.

Собственность
Е. Н. Орловой.

Появленіє званія генераль-маіора Свиты Его Величества.

Обрацаясь къ разсмотрѣнію инструкціи для дежурныхъ чиновъ Свиты, нужно предварительно остановиться на крупномъ обстоятельстве въ исторіи Государевой Свиты, — на установленіи въ царствованіе Николая I новаго званія—генераль-маіора Свиты Его Величества.

Генераль-адъютантъ
князь Михаилъ Семеновичъ
ВОРОНЦОВЪ.

Съ литографіи.

Изъ собр. портр.
Имп. Гл. Кв.

До 6 Декабря 1827 г. такого званія не существовало. Въ этотъ же день Высочайшимъ приказомъ произведенъ изъ полковниковъ въ генераль-маіоры флигель-адъютантъ Л.-Гв. Измайловскаго полка Кавелинъ, „съ назначеніемъ состоять въ Свитѣ Его Императорскаго Ве-

личеста“¹⁾. Въ виду отсутствія какого-либо законодательнаго распоряженія о введеніи въ число чиновъ Государевой Свиты новаго званія—„Свиты Его Величества генераль-маіоръ“, возможно считать это званіе существующимъ съ 6 Декабря 1827 г.

Точно также затруднительно установить, съ какого числа при Особѣ Государя Императора начинаетъ дежурить генераль-маіоръ

Свѣдѣніе о Князѣ Михаилѣ Семеновѣ Воронцовѣ (Извѣстныиъ Кавказскій)

Съ народной гравюры.

Изъ собр. Имп. Гл. Кв.

Свиты. Въ дѣлахъ Императорской Главной Квартыры²⁾ сохранилась любопытная записка, писанная карандашомъ рукою Бенкендорфа: „поярдыть на завтрашній день, кромѣ генерала и флигель-адъютанта изъ штабъ-офицеровъ, еще генерала изъ тѣхъ, которые состоятъ въ Свитѣ, и продолжать такимъ образомъ, пока сихъ послѣднихъ на-лицо не менѣе шести“. Даты карандашомъ не означено, а на обложкѣ дѣла, въ которомъ подшита записка, означенъ 1829 годъ. Но на этой же запискѣ вторично записано приведенное выше распоряженіе, на этотъ разъ чернилами и рукою не Бенкендорфа, при чемъ выставлена дата—31 Декабря 1831 г. Вотъ это-то обстоятельство и позволяетъ

¹⁾ «Рус. Инв.», 1827 г., № 310.

²⁾ Д. Имп. Гл. Кв., 1829 г., № 47.

предположить, что дежурства генераль-майоров Свиты начались съ 1 Января 1832 г.

Есть указаніе, что до установленія дежурствъ генераль-майоровъ Свиты, въ нѣкоторыхъ случаяхъ дежурило два флигель-адъютанта вмѣсто одного. Такъ, въ описаніи одного „вечерняго собранія“, происходившаго въ 1830 г. у Государя, сказано, что при немъ состояли въ тотъ день дежурными: генераль-адъютантъ Шеншинъ и флигель-адъютанты Римскій-Корсаковъ и графъ Толстой ¹⁾. Весьма возможно, что второго флигель-адъютанта и замѣнилъ съ 1832 г. генераль-майоръ Свиты. Впослѣдствіи,

генераль-майоры Свиты несли дежурство и при нахожденіи на-лицо пяти генераль-майоровъ. Такъ, имѣется записка, поданная на резолюцію Бенкендорфа:

„по отъѣздѣ графа Гауке въ отпускъ, останутся здѣсь на-лицо генераль-майоры, въ Свитѣ состоящіе, кои наряжаются дежурными: князь Лобановъ-Ростовскій, Глинка, Микулинъ, графъ Сентъ-Альдегондъ, Темиряевъ“, т. е. пять человекъ; Бенкендорфъ положилъ резолюцію: „еще продолжать ²⁾), пока будетъ пять, а потомъ прекратить“.

Оговорка Бенкендорфа, предусматривавшая тотъ случай, когда число наличныхъ генераль-майоровъ Свиты составляетъ менѣе 6 или 5 человекъ, должна была примѣняться на практикѣ въ 1846 г. Въ дѣлахъ архива Импе-

Генераль-адъютантъ
Яковъ Алексѣевичъ
ПОТЕМКИНЪ.

По рис. В. Долле, Изъ собр. портр.
съ лит. П. Петти. Имп. Гл. Кв.

Генераль-адъютантъ
князь Алексѣй Григорьевичъ
ЩЕРБАТОВЪ.

Съ литографіи Изъ собр. портр.
Ястребилова. Имп. Гл. Кв.

¹⁾ «Русск. Инв.», 1830 г., № 316.

²⁾ Очевидно, продолжать нарядъ на дежурства.

раторской Главной Квартиры имѣется такая записка генераль-маіора Львова: „Государь Императоръ приказалъ, что такъ какъ всего только три генераль-маіора Свиты Его Величества, которые при Немъ дежурятъ, то впредь, до прибытія другихъ, не наряжать ихъ отдѣльно, а въ общую очередь съ флигель-адъютантами. Слѣдовательно, назавтра генераль-маіора не надо, а должно будетъ соблюдать, чтобы генераль-маіоръ не былъ наряжаемъ съ генераль-адъютантомъ, который его моложе по службѣ“¹⁾). Вслѣдствіе такого распоряженія, генераль-маіоры Свиты дежурили вмѣсто флигель-адъютанта 7, 8, 10, 11, 13, 14, 28 Февраля и 25 Марта 1846 г.

Генераль-адъютантъ
Николай Ивановичъ
ДЕПРЕДОВИЧЪ.

По рис. Клюквина, Изъ истории
съ лит. Прохорова. Кавалергардскаго п.

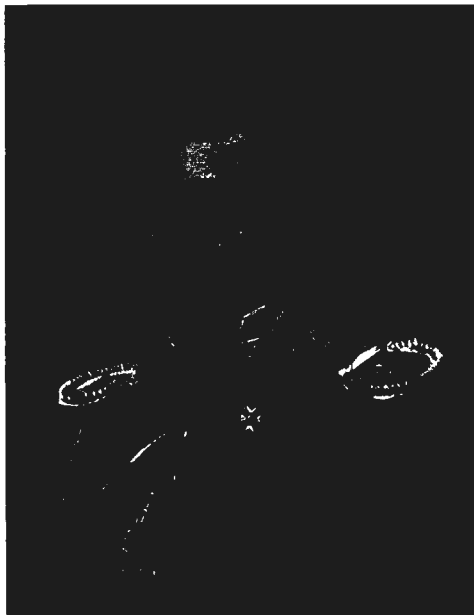
Флигель-адъютантъ
князь Василій Сергѣевичъ
ГОЛИЦЫНЪ.

Съ портрета масл. красками.

¹⁾ Д. У. Имп. Гл. Кв., 1846 г., № 9, л. 4.

Въ царствованіе Императора Николая I первая инструкция для дежурныхъ чиновъ Государевой Свиты была составлена и утверждена въ 1834 г. Въ виду безусловнаго значенія для исторіи Государевой Свиты этой инструкции, какъ первой въ это царствованіе, и вслѣдствіе имѣющихся на ней собственноручныхъ отмѣтокъ Государя, необходимо ее разсмотрѣть въ подробностяхъ.

Инструкция была представлена 1 Января 1834 г. въ формѣ Высочайшаго доклада подъ наименованіемъ „Объ инструкціи дежурнымъ генераль- и флигель-адъютантамъ на предметъ

Флигель-адъютантъ
князь Николай Андреевичъ
ДОЛГОРУКОВЪ.

Съ портрета Ризенера. Собственность
кн. В. А. Долгорукова.

Всемилоствѣйшаго ея разсмотрѣ-
нія“ и состояла изъ восьми пун-
ктовъ.

Въ первомъ пунктѣ чита-
емъ: „Дежурные генераль- и фли-
гель-адъютанты и генераль-маіоръ
Свиты Вашего Императорскаго
Величества должны у развода,
когда начинается церемоніальный
маршъ, становиться немного от-
ступя, возлѣ Вашего Величества,
стараясь быть по правой сторо-
нѣ, и оставаться такимъ обра-
зомъ во все продолженіе раз-
вода и при представленіи орди-
нарцевъ“. Такимъ образомъ,
первый пунктъ инструкціи ка-
сается мѣста дежурныхъ генера-
ловъ при разводѣ; несмотря на
то, что въ заглавіи доклада упу-

щены генераль-маіоры Свиты, первый пунктъ, ясно и опредѣленно
указывая на этихъ чиновъ, восполняетъ, очевидно, случайный пробѣлъ
въ заглавіи.

Второй пунктъ гласитъ: „Дежурный флигель-адъютантъ прини-
маетъ у развода пароль и отдаетъ оный Вашему Императорскому Ве-
личеству послѣ генераль-губернатора или коменданта, а потомъ дру-
гимъ Высочайшимъ Особамъ, присутствующимъ у развода, посламя,
Военному Министру, Командующему Императорскою Главною Квар-
тирою и дежурному генераль-адъютанту“. Слѣдовательно, второй
пунктъ инструкціи касается приѣма пароля флигель-адъютантами и его
отдачи ими.

Въ третьемъ пунктѣ помѣщено: „Старый дежурный флигель-
адъютантъ не имѣетъ непремѣнной обязанности находиться при са-
момъ разводѣ, ученьѣ или церковномъ парадѣ; но передъ прибытіемъ
Вашего Императорскаго Величества и до самаго того времени, какъ
изволите сѣсть въ экипажъ, обязанъ собирать просьбы отъ приходя-
щихъ къ экзерциргаузу или тому мѣсту, гдѣ бываетъ разводъ, или

ученье, дабы Ваше Величество не были останавливаемы просителями;
по собраніи просьбъ оныя запечатываются въ конвертъ, съ надписью—

Генералъ-адъютантъ
Иванъ Онуфриевичъ
СУХОЗАНЕТЪ.

Съ портрета В. Гау,
съ литографіи Греведона.

Изъ собр. портр.
Имп. Гл. Кв.

Его Императорскому Величеству всеподданнѣйшія прошенія — и от-
даются камердинеру Вашего Величества“. Значить, третій пунктъ ка-

Флигель-адъютантъ
Павелъ Кесаревичъ
ХВОЖИНСКІЙ.

Съ портрета
масл. красками.

Офицерское Собраніе
Л.-Гв. Московскаго полка.

сается функций флигель-адъютанта по собиранію прошеній.

Въ четвертомъ пунктѣ изложено: „Дежурный генераль-адъютантъ поданные Вашему Императорскому Величеству у развода дневные рапорты отсылаетъ къ камердинеру Вашего Величества; когда же не изволите быть у развода, то дежурный флигель-адъютантъ по полученіи дневныхъ рапортовъ отъ полковъ Лейбъ-Гвардіи: Коннаго, Казачьяго, Преображенскаго, Семеновскаго, Измайловскаго, Егерскаго, Лейбъ-Гренадерскаго, Л.-Гв. Сапернаго баталіона и 1-го Кадетскаго Корпуса, собравъ оныя вмѣстѣ, отдаетъ камердинеру Вашего Величества“. Слово „Казачьяго“ вписано собственною Его Величества рукою. Слѣдовательно, четвертый пунктъ исчерпываетъ обязанности дежурныхъ по представленію дневныхъ рапортовъ отъ частей, въ коихъ числится Шефомъ Государь Императоръ.

На поляхъ доклада, противъ конца четвертаго и начала пятаго пунктовъ, имѣется собственноручная Его Величества помѣтка: „по окончаніи развода или ученя, генераль-адъютантъ имѣетъ дозволеніе, не ожидая разрѣшенія, ѣхать домой, или куда хочетъ, но оставляя на квартирѣ извѣщеніе, куда ѣдетъ, дабы найти его можно было“. Эта Высочайшая помѣтка, указывающая обязанность генераль-адъютанта по окончаніи развода или ученя, составила пятый пунктъ инструкціи.

Пятый же пунктъ проекта инструкціи, составившій шестой пунктъ самой инструкціи, гласитъ: „Получивъ извѣщеніе о пожарѣ, дежур-

ПАРАДЪ НА ПЛОЩАДИ ГЛАВНАГО ШТАБА
при открытїи памятника ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ I-му
въ 1834 году.

По рис. Разумихина.

Съ лит. Бегрова.

ный флигель-адъютантъ обязанъ, если днемъ, тотчасъ доложить объ ономъ Вашему Императорскому Величеству, ѣхать на мѣсто пожара, и если Ваше Величество тамъ быть не изволите, то, по окончаніи пожара, подробно донести о всѣхъ обстоятельствахъ онаго; если же пожаръ значительно усилится, то немедленно, возвратясь во дворецъ, доложить о томъ Вашему Императорскому Величеству; въ случаѣ же отсутствія Вашего Величества изъ дворца дежурный флигель-адъютантъ обязанъ, когда получить извѣщеніе о пожарѣ, объявивъ о томъ камердинеру Вашего Величества, тотчасъ ѣхать на мѣсто пожара и, обзрѣвъ оный, съ достовѣрными свѣдѣніями о степени опасности, возвратиться во дворецъ для доклада Вашему Императорскому Величеству, и если не изволили еще возвратиться, то свѣдѣнія сіи сообщить камердинеру и опять ѣхать на мѣсто пожара, по окончаніи коего доложить Вашему Величеству. Когда ночью случится такое несчастіе, то немедленно, по полученіи извѣщенія, дежурный флигель-адъютантъ, объявивъ о томъ для свѣдѣнія камердинеру, долженъ поспѣшно ѣхать на мѣсто пожара и, въ случаѣ значительнаго пожара или когда загорится какое-либо важное казенное заведеніе или строеніе, тотчасъ, возвратясь во дворецъ, приказать камердинеру разбудить Ваше Величество; если же пожаръ маловажный, то дежурный флигель-адъютантъ долженъ оставаться тамъ до конца, а утромъ доложить объ ономъ Вашему Императорскому Величеству“. Этотъ пунктъ касается, слѣдовательно, обязанности флигель-адъютанта въ случаѣ пожара. Невольно обращаетъ на себя вниманіе обязанность флигель-адъютанта нарушить покой царскаго сна, въ случаѣ боль-

Флигель-адъютантъ
графъ АЛЕКСАНДРЪ КАРЛОВИЧЪ
ЛИВЕНЪ.

Съ портрета
масл. красками.

Одиперское Собраніе
Л.-Гв. Московскаго полка.

Генералъ, состоявшій при Особѣ
ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА
графъ Василій Васильевичъ
ОРЛОВЪ-ДЕНИСОВЪ.

Съ портрета
масл. красками.

Собственность
М. Н. Кристи.

брандъ-маіора о причинѣ этого обстоятельства; брандъ-маіоръ доложилъ Государю, что пожаръ начался отъ загорѣвшагося скипидара и огонь мгновенно охватилъ весь домъ. Вскорѣ доложили брандъ-маіору, что одинъ пожарный упалъ въ огонь. Государь на другой день, принимая съ рапортомъ военнаго генералъ-губернатора, пожаловалъ вдовѣ погибшаго пожарнаго денежное пособіе и приказалъ производить установленную закономъ пенсію. Генералъ - губернаторъ доложилъ, что вдовамъ пожарныхъ ни за увѣчья, ни за смерть ихъ мужей, происшедшую отъ пожаровъ, пенсіи по закону не полагается. Удивленный такимъ извѣстіемъ, Императоръ повелѣлъ Министрамъ Военному и Вну-

шого пожара ¹⁾). Приведемъ здѣсь любопытный эпизодъ о Высочайшемъ посѣщеніи одного большого пожара, сообщаемый фонъ-деръ-Ховеномъ.

23 Января 1850 г. вспыхнулъ скипидаръ въ свѣчной лавкѣ на Петербургской сторонѣ. Императоръ Николай Павловичъ, выйдя въ это время съ Иорданскаго подъѣзда Зимняго дворца, садился въ сани, чтобы ѣхать къ Великой Княгинѣ Маріи Николаевнѣ, но, увидя пламя, велѣлъ кучеру спѣшить на мѣсто пожара, куда и прибылъ одновременно съ пожарной командой Петербургской части. Замѣтивъ отсутствіе другихъ пожарныхъ частей, Государь строго спросилъ

Генералъ-адъютантъ
СЕРГѢЙ ПАВЛОВИЧЪ
ШИПОВЪ.

Съ лит. И. Бегрова.

Изъ собр. портр.
Имп. Гл. Кв.

¹⁾ «Изъ прошлаго». Древн. и Нов. Россія, 1877 г.

треннихъ Дѣль и Петербургскому генераль-губернатору составить проектъ правилъ о выдачѣ такихъ пенсій, которыя съ того времени и установлены.

Слѣдующій пунктъ проекта инструкціи, составившій восьмой пунктъ инструкціи и касающійся обязанности флигель-адъютанта при Высочайшемъ посѣщеніи театровъ, гласитъ: „когда Ваше Императорское Величество изволите быть въ театрѣ, то дежурному флигель-адъютанту дозволяется быть тамъ же въ большой ложѣ“. Слово „дозволяется“ вписано собственноручно

Государемъ и мѣняетъ первоначальный смыслъ проекта—изъ обя-

Князь Андрей Михайловичъ
ГОЛИЦЫНЪ.

По рис. Ульрихъ,
съ лит. Дарленгъ.

Изъ собр. портр.
Имп. Гл. Кв.

занности присутствовать въ театрѣ получается лишь разрѣшеніе на присутствіе.

Седьмой пунктъ проекта, составившій девятый пунктъ инструкціи и касающійся запрещенія флигель-адъютантамъ отлучки изъ дворца, гласитъ: „кромѣ вышеприведенныхъ случаевъ дежурный флигель-адъютантъ никуда изъ дворца отлучаться не можетъ, равно какъ и дежурные генераль-адъютантъ и генераль-маіоръ Свиты Вашего Величества, если они не бываютъ отпущены домой“. Въ инструкціи оставлено запрещеніе отлучки лишь для флигель-адъютанта.

Наконецъ, въ послѣднемъ

Флигель-адъютантъ
Николай Петровичъ
РИМСКІЙ-КОРСАКОВЪ.

Съ литографіи.

Изъ собр. портр.
Имп. Гл. Кв.

пунктъ проекта, составившемъ десятый пунктъ инструкціи и устанавливающимъ часть смѣны, читаемъ: „дежурные должны смѣняться въ часъ развода, если оный бываетъ съ церемоніею; въ тѣ же дни, когда назначается выходъ при дворѣ или смотръ, ученье, церковный парадъ,—въ назначенные для сего часы; когда же не бываетъ ни развода, ни выхода, ни учений, смѣняться въ 12 часовъ дня“.

За этими пунктами въ проектѣ испрашивалось Высочайшее разрѣшеніе двухъ вопросовъ. Первый вопросъ заключался въ томъ, должны ли дежурные генераль-адъютантъ и генераль-маіоръ Свиты Его Величества, „когда не бываютъ отпущены домой“, находиться въ театрѣ, въ большой ложѣ, какъ сіе приказано дежурному флигель-адъютанту, во время Высочайшаго посѣщенія театра. Противъ изложеннаго вопроса имѣется Высочайшая резолюція „дозволяется“.

Во второй пунктъ. Второй вопросъ въ проектѣ былъ изложенъ такимъ образомъ: „въ случаѣ пожара должны ли они ожидать приказанія ѣхать на пожаръ, или слѣдовать за Вашимъ Императорскимъ Величествомъ?“ Государь положилъ резолюцію: „ѣхать за мной только“. Соответственно сему въ окончательной инструкціи имѣется пунктъ седьмой, въ коемъ читаемъ: „дежурнымъ генераль-адъютанту и генераль-маіору Свиты Его Величества быть на пожарѣ, только когда Государь Императоръ изволитъ у онаго присутствовать“.

Сверхъ сего, въ окончательную инструкцію введенъ заключительный, одиннадцатый по счету, пунктъ, соответствующаго каковому въ проектѣ не имѣется. Въ этомъ пунктѣ

Генераль-адъютантъ
графъ Василий Алексѣевичъ
ПЕРОВСКІЙ.

Съ фотографіи. Собственность графини В. Б. Перовской.

изложено: „о всякомъ словесномъ приказаніи Его Императорскаго Величества, до обязанностей дежурныхъ относящемся, доводить немедленно до свѣдѣнія Командующаго Императорскою Главною Квартирою“.

Докладъ съ представлениемъ проекта инструкціи, какъ выше замѣчено, былъ представленъ 1 Января и удостоился Высочайшаго разсмотрѣнія 13 Января. Окончательная инструкція, подписанная генераль-адъютантомъ Бенкендорфомъ 15 Января и въ тотъ же день Высочайше утвержденная, была тогда же разо-

Генераль, состоявшій при Особѣ
ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА
графъ Дмитрій Дмитріевичъ
КУРУТА.

Съ гравюры Доу.

Изъ собр. портр.
Имп. Гл. Кв.

*) Д. У. Имп. Гл. Кв., 1834 г., № 1.

Генераль, состоявшій при Особѣ
ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА
Левъ Михайловичъ
ЯШВИЛЬ.

Съ портр. Доу.

Галлерея 1812 года.
Зимній дворецъ.

слана для руководства лицамъ Свиты. Въ Февралѣ мѣсяцѣ того же года послѣдовало дополненіе къ этой инструкціи въ томъ смыслѣ, что дежурный флигель-адъютантъ обязанъ отдавать пароль сверхъ лицъ, указанныхъ въ инструкціи, еще Начальнику Морского Штаба Его Императорскаго Величества *).

Инструкція дежурнымъ, по редакціи 1834 г., конечно, подвергалась въ послѣдствіи нѣкоторымъ измѣненіямъ, въ общемъ, впрочемъ, весьма мало перемѣнявшимъ сущность обязанностей дежурныхъ.

Измѣненія инструк-
ціи въ 1843, 1846
и 1856 годахъ.

Въ измѣненной ре-
дакціи инструкція была
разослана лицамъ Свиты
при циркулярѣ Командующаго Квар-
тирой отъ 22 Января 1843 г., за № 3.

При сравненіи новой инструк-
ціи (1843 г.) съ прежней (1834 г.)
существенной разницы не замѣ-
чается: во второмъ пунктѣ приба-
влено, что дежурный флигель-адъ-
ютантъ отдаетъ пароль помимо по-
словъ, Военнаго Министра, Коман-
дующаго Императорскою Главною
Квартирою, еще—Морскому Мини-
стру и Начальнику Главнаго Мор-
ского Штаба Его Императорскаго
Величества. Порядоковъ приѣма про-
шеній отъ частныхъ лицъ, изло-
женный въ третьемъ пунктѣ, до-

Генералъ, состоявшій при Особѣ
ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА
Свѣтлѣйшій князь
Дмитрій Владиміровичъ
ГОЛИЦЫНЪ.

Съ англійской
лит. Моонъ.

Изъ собр. портр.
Имп. Гл. Кв.

Николай Александровичъ
ОКУНЕВЪ.

По рис. Каневского,
съ лит. Пиварскаго.

Изъ собр. портр.
Имп. Гл. Кв.

бавленъ подробными указаніями
на то, какимъ образомъ они ре-
гистрируются и заносятся въ ре-
естръ, представляемый вмѣстѣ съ
ними Государю Императору. Чет-
вертый пунктъ добавленъ указа-
ніемъ на то, что „строевыя за-
писки, поданныя Его Величеству
при Высочайшихъ смотрахъ, от-
сылаются также къ камердинеру“.
Восьмой пунктъ введенъ вновь и,
касаясь формы одежды дежур-
ныхъ, гласитъ: „въ тѣ дни, когда
разводъ бываетъ назначенъ въ
шинеляхъ, дежурнымъ надлежитъ
быть на службѣ при Его Величе-
ствѣ, внѣ дворца, въ сюртукахъ“.
Наконецъ, въ инструкцію

Генераль-адъютантъ
ПАВЕЛЬ АНДРЕЕВИЧЪ
КОЛЗАКОВЪ.

Съ акварели П. Соколова.

нею зорею и на другой день, передъ самою смѣною, при чемъ прошенія съ надписью „въ собственныя руки“ не распечатываются, а прочія снабжаются общимъ перечнемъ и краткою выпискою, составляемыми собственною рукою дежурнаго, и 2) чтобы содержанія прошеній отнюдь не были разглашаемы или сообщаемы кому бы то ни было, при чемъ „виновный въ неисполненіи сего подвергнулся бы строжайшему и примѣрному, по всей силѣ законовъ, наказанію, какъ нарушитель Высочайшей Государя Императора довѣренности“. Повелѣніе о двукратномъ на каждомъ дежурствѣ представленіи прошеній и соб-

введенъ новый заключительный пунктъ: „дежурные при Его Императорскомъ Величествѣ, какъ старые, такъ и новые, во всѣхъ случаяхъ, когда надлежитъ имъ быть верхомъ, пользуются верховыми лошадьми изъ придворной конюшни, а для разъѣздовъ имѣютъ отъ Двора экипажи“.

Такимъ образомъ въ инструкцію 1843 г. введено два новыхъ пункта.

Черезъ три года, 29 Декабря 1846 г., Командующій Квартирою объявилъ Высочайшее повелѣніе: 1) чтобы прошенія, принимаемыя дежурными, были отправляемы Его Императорскому Величеству два раза въ сутки—передъ вечер-

СЕРГѢЙ НИКОЛАЕВИЧЪ
МУХАНОВЪ *).

Съ фотографіи.

Изъ собр. портр.
Имп. Гл. Кв.

*) Состоялъ флигель-адъютантомъ съ 1831 по 1833 г.г.

ственноручномъ составленіи дежурнымъ реестра вошло въ инструкцію 1847 года, циркулярно разосланную лицамъ Свиты при отношеніи отъ 8 Марта 1847 г. за № 12.

Наконецъ, въ 1853 году послѣдовало еще новое небольшое дополнение къ инструкціи. Въ дѣлахъ архива Императорской Главной Квартиры имѣется собственноручная записка графа Орлова отъ 16 Января 1853 года: „Государь приказалъ объявить господамъ дежурнымъ флигель-адъютантамъ, чтобы при принятіи прошеній отъ простолюдиновъ, а особливо господскихъ крѣпостныхъ людей, спрашиваемы были паспорта и отобраны для приложенія къ просьбамъ; если же паспортовъ кто не будетъ имѣть, таковыхъ отправлять въ полицію; объ этомъ надо написать въ напечатанной запискѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ прибавить въ инструкцію“; при этомъ слова „у простолюдиновъ, а особливо господскихъ людей“ подчеркнуты графомъ Орловымъ и къ нимъ приписано: „въ запискѣ тоже подчеркнуть“¹⁾. Означенное Высочайшее повелѣніе было циркулярно объявлено чинамъ Свиты²⁾ и вошло въ инструкцію.

Несомнѣнно представляетъ большой интересъ ознакомиться—хотя-бы бѣгло—съ воспоминаніями двухъ-трехъ бывшихъ лицъ Свиты, дежурившихъ при Особѣ Императора Николая Павловича.

Н. Н. Муравьевъ въ своихъ запискахъ, подъ 28 Октября 1833 г., пишетъ³⁾: „Я былъ дежурнымъ при Государѣ. Должность моя началась съ развода, который вчера былъ, по приказанію Государя,

СЕРГѢЙ ДМИТРІЕВИЧЪ
БЕЗОБРАЗОВЪ.

Съ литографіи.

Изъ исторіи
Кавалергардскаго п.

¹⁾ Д. У. Имп. Гл. Кв. 1852 г., № 2

²⁾ Отъ 17 Янв. 1853 г., № 3.

³⁾ «Русск. Арх.», 1894 г., № 8.

Генераль-адъютантъ
Николай Николаевичъ
МУРАВЬЕВЪ.

По рис. Г. Корадина,
съ лит. Мюнстера.

Изъ собр. портр.
Имп. Гл. Ка.

князь А. И. Голицынъ, графъ Бенкендорфъ, князь Трубецкой, я, дежурный флигель-адъютантъ Гогель и дежурная фрейлина Бороздина“. 9 Ноября того же года Муравьевъ снова дежуритъ при Особѣ Государя и про этотъ день пишетъ въ запискахъ: „къ четыремъ часамъ я явился въ Аничковъ дворецъ къ обѣду ¹⁾). Вошедши въ комнату, гдѣ я сидѣлъ, Государь обратился ко мнѣ и сказалъ шутя, что онъ мнѣ уже прежде говорилъ, что при немъ дежурныхъ нѣтъ, а потому, чтобы я шарфъ скинулъ“. Не проходятъ записки Н. Н. Муравьева молчаніемъ и инструкцію дежурнымъ. Подъ 15 Февраля 1834 г., т. е. въ первые мѣсяцы дѣйствія инструкции, онъ пишетъ: „соображаясь со

передъ прибытіемъ его въ манежъ, выведенъ на плацъ Михайловскаго замка. Я принялъ отъ Государя рапорты, поданные ему отъ полковъ, въ коихъ онъ считается шефомъ, и отвезъ ихъ послѣ развода къ камердинеру его. Бенкендорфъ, Орловъ и я, кромѣ посланниковъ австрійскаго и датскаго, постоянно тутъ находящихся, ходили за Государемъ и держались около него. Послѣ развода Государь меня отпустилъ, но я получилъ тутъ же приглашеніе прибыть къ четыремъ часамъ къ обѣду въ Аничковъ дворецъ, гдѣ Государь нынѣ живетъ еще по возвращеніи изъ Царскаго Села. На обѣдѣ семъ находились Государь, Императрица,

¹⁾ Приглашены были къ этому обѣду князь В. Н. Голицынъ, гр. Орловъ, князь Трубецкой, гр. Бенкендорфъ, дежурный флигель-адъютантъ кн. Бѣлосельскій и дежурная фрейлина гр. Медемъ.

Генераль-адъютантъ
графъ СЕРГѢЙ ПАВЛОВИЧЪ
СУМАРОКОВЪ.

По рис. Фогеля,
съ лит. Цольнера.

Изъ собр. портр.
Имп. Гл. Кв.

домъ. Я немедленно отѣхалъ и сталъ ниже; но, соображаясь опять съ тою же инструкціею, въ коей сказано, чтобы о всякомъ словесномъ приказаніи Государя, относящемся до службы дежурныхъ, доводить немедленно до свѣдѣнія Бенкендорфа, я, по окончаніи развода, подошелъ къ нему и доложилъ ему о семъ. Бенкендорфъ сказалъ мнѣ, что инструкція сія относилась до разводовъ, которые бывають на площади Михайловскаго замка, а не въ манежѣ. Какъ будто не все равно, что одинъ, что другой, и при томъ же разводы на площади

вновь изданною инструкціею на счетъ службы генераль-адъютантовъ, въ коей сказано, чтобы во время церемоніальнаго марша и представленія ординарцевъ находиться на правой сторонѣ Государя, нѣсколько отступя назадъ, я, для исполненія сего правила въ точности, съ начатіемъ церемоніальнаго марша, всталъ, какъ было предписано, и очутился выше пословъ иностранныхъ и фельдмаршала Паскевича. Государь, увидя сіе, сдѣлалъ мнѣ знакъ стать ниже; сіе было сдѣлано безъ неудовольствія и съ веселымъ ви-

Флигель-адъютантъ
ФЕДОРЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ
АННЕНКОВЪ.

Офицерское Собраніе
Л.-Гв. Преображенскаго п.
Съ акварели.

бываютъ только лѣтомъ или весною, а зимою всегда въ манежѣ, для коего и инструкція сія въ недавнемъ времени издана“.

Флигель-адъютантъ Ржевускій, имѣвшій счастье дежурить въ 1844 г. при Особѣ Государя Императора, пишетъ ¹⁾: „во время тяжелой болѣзни Великой Княгини Александры Николаевны, я одинъ оставался въ Петербургѣ, всѣ же мои товарищи были разосланы съ разными порученіями. Въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ 1844 г. больную Великую Княгиню, по совѣту медиковъ, перевезли въ

Генераль-адъютантъ
Петръ Федоровичъ
ВЕЙМАРНЪ.

По рис. Клюквина, Изъ собр. портр.
съ лит., иллюм. акварелью. Имп. Гл. Кв.

Флигель-адъютантъ
Михаилъ Васильевичъ
ПАШКОВЪ.

Съ акварели
Баранова.

Изъ собр. портр.
Имп. Гл. Кв.

Царское Село, въ Александровскій дворецъ, я же назначенъ былъ дежурнымъ при Его Величествѣ и безсмѣнно находился при Немъ въ продолженіе 5 недѣль. Дежурство это было очень пріятно, форма была не стѣснительна: сюртукъ и фуражка; можно было отлучаться изъ дежурной комнаты, гулять по саду, а по вечерамъ Государь обыкновенно приглашалъ во дворецъ. Обязанность же дежурнаго вообще состояла въ принятіи прошеній и въ безотлучномъ пребываніи при Государѣ на смотрахъ въ Царскомъ Селѣ, въ Павловскѣ и въ Красномъ Селѣ“.

¹⁾ Черты изъ жизни Императора Николая Павловича. «Русск. Старъ», 1877 г., Январь.

Генералъ, состоявшій при Особѣ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА
Романъ Васильевичъ
КРОУНЪ.

По рис. К. Бегрова,
съ лит. Тюлева.

Изъ собр. портр.
Имп. Гл. Кв.

сильно взволновалась, когда Аркасъ передавалъ повелѣніе Государя; семеро дѣтей и жена рыдали, и Аркасъ обѣщаль ходатайствовать у Государя за подполковника. На просьбу свою о прощеніи послѣдняго, Государь строго сказалъ Аркасу: „не твое дѣло, и я совѣтую тебѣ не брать на себя ходатайствъ по такимъ дѣламъ“. Но черезъ полчаса явился фельдъегерь звать Аркаса во дворецъ. Николай I милостиво встрѣтилъ его и сказалъ: „возврати шпагу подполковнику, освободи его изъ-подъ ареста и скажи, что я дѣлаю это единственно по твоей просьбѣ“.

Распоряженія, от- Изъ различныхъ распоряженій, касавшихся вообще
носившіяся до Го- Государевой Свиты, приведемъ нѣкоторыя, наиболѣе заслу-
сударевой Свиты. живающія вниманія.

Относительно размѣра столовыхъ денегъ для генераль-маіоровъ Свиты послѣдовало Высочайшее повелѣніе отъ 14 Декабря 1828 г., въ коемъ читаемъ: „Господину Управляющему Военнымъ Министер-

¹⁾ Воспоминанія А. А. Аркаса, «Истор. Вѣстн.», 1901 г., Апрель.

Другой флигель-адъютантъ, А. А. Аркасъ, въ своихъ запискахъ ¹⁾ припоминаетъ случай, когда ему на одномъ дежурствѣ пришлось быть ходатаемъ за начальника телеграфной станціи въ Петергофѣ, подполковника путей сообщенія, навлекшаго на себя немилость Государя позднимъ доставленіемъ телеграммы. Государь приказалъ его арестовать, и исполненіе сего выпало на долю Аркаса. Семья бѣднаго подполковника

ствомъ. Состоящимъ въ Свитѣ Моей генераль-маіорамъ: барону Делинсгаузену, графу Строганову 1, князю Лобанову-Ростовскому 3, князю Долгорукову 3 и Мердеру Всемилостивѣйше повелѣваю производить столовые деньги по прежнему ихъ званію флигель-адъютантовъ, то-есть по три тысячи рублей ежегодно каждому, со времени производства ихъ въ генераль-маіоры ¹⁾. На будущее время повелѣваю всѣмъ флигель-адъютантамъ, производимымъ изъ полковниковъ въ ге-

Генераль-адъютантъ
Александръ Павловичъ
МАНСУРОВЪ.

По рис. Ботерби,
съ лит. Ленцеля.

Изъ собр. портр.
Имп. Гл. Кв.

Генераль-адъютантъ
графъ СЕРГѢЙ ГРИГОРЬЕВИЧЪ
СТРОГАНОВЪ.

Съ портрета
Тропинина.

Собственность герцогини
Н. А. Сассо-Руффо.

нераль-маіоры Свиты съ оставленіемъ въ Свитѣ Моей, сверхъ жалованія и квартирныхъ денегъ по чинамъ продолжать производство столовыхъ по флигель-адъютантскому полковничью окладу впредь до назначенія ихъ къ должностямъ, коимъ присвоены столовые деньги высшаго оклада ²⁾.

Судя по тексту приведеннаго Высочайшаго повелѣнія, отпускъ столовыхъ денегъ въ 3,000 р. былъ установленъ для тѣхъ генераловъ Свиты, которые ранѣе состояли въ званіи флигель-адъютантовъ. Указъ слѣдую-

¹⁾ Эти лица были пожалованы званіемъ Свиты Его Величества генераль-маіоровъ: И. Ф. Делинсгаузенъ—17 Августа, С. Г. Строгановъ—26 Сентября, А. Ф. Лобановъ-Ростовскій—27 Сентября, Н. А. Долгоруковъ—29 Сентября и К. К. Мердеръ—14 Октября,—всѣ въ 1828 г.

²⁾ Собр. зак. и пост., до ч. воен. упр. отч. и П. С. З., 2-е собр. т. III, 1828 г., № 2512.

Генералъ-адъютантъ
графъ Григорій Ивановичъ
НОСТИЦЪ.

По рис. Андерсона,
съ лѣт. М. Тюлева.

Изъ собр. портр.
Имп. Гл. Кв.

Свиты разрѣшился двумя циркулярными распоряженіями—отъ 27 Апрѣля и 9 Іюня 1833 г., коими былъ опредѣленъ для лицъ Свиты отпускъ фуражныхъ денегъ на три лошади каждому, за исключеніемъ тѣхъ, кои состоятъ во фронтѣ или имѣютъ постоянное назначеніе внѣ столицы; циркуляромъ же отъ 24 Октября 1833 г. объявлено Высочайшее запрещеніе флигель-адъютантамъ, получающимъ фуражное довольствіе и потому обязаннымъ имѣть собственныхъ лошадей, требовать отъ придворной конюшни казенныхъ лошадей.

этого года ¹⁾ обобщаетъ предыдущій и опредѣляетъ производство столовыхъ денегъ всѣмъ „генераламъ, въ Свитѣ Нашей состоящимъ“. При этомъ, кто по своей должности получалъ болѣе 3,000 р. столовыхъ денегъ, тотъ не имѣлъ права на полученіе столовыхъ денегъ по свитскому званію, а тому, кто получалъ менѣе 3,000 руб., должна была отпущаться недостающая до 3,000 рублей сумма.

Вопросъ о фуражныхъ деньгахъ для лицъ Государевой

Владиміръ Петровичъ
ЖЕЛТУХИНЪ.

Съ автографомъ.

Изъ собр. портр.
Имп. Гл. Кв.

¹⁾ Отъ 29 Октября 1829 г., II. С. З., 2 собр., т. IV, № 3261.

Свиты ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА генераль-маіоръ
графъ Адамъ Адамовичъ
РЖЕВУССКІЙ.

По рис. Герлида,
съ лит. Валнера.

Изъ собр. портр.
Имп. Гл. Кв.

получить казенныя квартиры въ тѣхъ мѣстахъ, въ коихъ должны находиться по дѣламъ службы, и что, отъѣзжая на нѣкоторое только время изъ С.-Петербурга, оставляютъ здѣсь и часть своей прислуги и часть хозяйства“.

Издавались распоряженія также о формѣ одежды лицъ Свиты.

Въ приказѣ Начальника Главнаго Штаба Его Императорскаго

Наконецъ, 5 Іюня 1830 г. ¹⁾ повелѣно отпустить двойныя прогонныя деньги генераль- и флигель-адъютантамъ лишь въ томъ случаѣ, когда они командируются непосредственно Его Величествомъ; при командировкахъ же лицъ Свиты за границу повелѣно ²⁾ ихъ снабжать путевыми деньгами по распоряженію Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

15 Февраля 1831 г. ³⁾ состоялось Высочайшее повелѣніе, по докладу Командующаго Императорскою Главною Квартирою, о томъ, чтобы лицамъ Свиты отпустить квартирныя деньги въ полномъ объемѣ, не производя изъ нихъ удержаній за время отсутствія по командировкамъ, „по тому уваженію, что они не имѣютъ ни средства ни возможности

¹⁾ П. С. З., 2-е собр., т. V, № 3379.

²⁾ П. С. З., 2-е собр., т. VII, № 5818, 12 Декабря 1832 г.

³⁾ Какъ изложено въ рапортѣ дежурнаго генерала Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества Управляющему Военнымъ Министерствомъ, отъ 24 Февраля 1831 г. № 1184.

Величества, данномъ въ лагерѣ при Базарджикѣ 29 Іюня 1828 г. за № 34, объявлено Высочайшее повелѣніе ¹⁾: „всѣмъ господамъ генераламъ, состоящимъ въ Свитѣ Его Величества, имѣть мундиръ по образцу флигель-адъютантскаго, съ серебрянымъ на воротникѣ и обшлагахъ шитьемъ и таковыми же эполетами, по чину, но безъ вензелей и аксельбанта. При семъ мундирѣ носить султаны: числящимся по кавалеріи—бѣлые, а по пѣхотѣ—черные. Сверхъ сего Его Величество предоставляетъ симъ г.г. генераламъ носить также генеральскій мундиръ съ шитьемъ и общій армейскій вицъ-мундиръ, по существующимъ на то общимъ правиламъ“ ²⁾.

Свиты ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА генераль-маіоръ
ЛЕОНТІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ
ДУБЕЛЬТЪ І-й.

Съ гравюры.

Изъ собр. портр.
Імп. Гл. Кв.

2 Марта 1834 года разрѣшено флигель-адъютантамъ, поступившимъ во фронтъ и прикомандированнымъ къ полкамъ, носить полковой мундиръ ³⁾.

Относительно головного убора 2 Мая 1846 г. состоялся приказъ Военнаго Министра ⁴⁾, коимъ объявлялось Высочайшее разрѣшеніе „всѣмъ генераль-адъютантамъ, находящимся по спискамъ въ гвардейскихъ частяхъ, носить при генераль-адъютантскомъ мундирѣ генеральскія каски съ гвардейскимъ орломъ“ ⁵⁾. Это

¹⁾ Собр. закон. и пост. до части воен. упр. отн., стр. 287.

²⁾ Повелѣніе о ношеніи вензелей на погонахъ послѣдовало въ 1857 г. (П. С. З., т. XXXII, № 31678).

³⁾ П. С. З., 2-е собр., т. IX, № 6870.

⁴⁾ № 79.

⁵⁾ Относительно этого приказа въ дѣлахъ Императорской Главной Квартіры имѣется переписка (въ д. № 50, 1846 г.) Управляющаго дѣлами Квартіры съ генераль-маіоромъ Кривошиш-

Генералъ, состоявшій при Особѣ
ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА
графъ Алексѣй Петровичъ
НИКИТИНЪ.

По рис. Клюевина,
съ лит. К. Крайя.

Изъ собр. портр.
Имп. Гл. Кв.

панталонахъ, носить шляпы; каски же надѣвать имъ въ мундирѣ при зеленыхъ панталонахъ и въ сюртукахъ“. Слѣдующимъ приказомъ ¹⁾ объявлялось разрѣшеніе носить генеральскія каски съ гвардейскимъ орломъ и генераль-майорамъ Свиты, при общемъ армейскомъ мундирѣ; приказъ былъ сообщенъ лицамъ Свиты при циркулярѣ отъ 18 Іюня за № 33. Наконецъ, князь Чернышевъ, письмомъ отъ 18 Іюля 1846 г. за № 6455 на имя графа А. Ѳ. Орлова, сообщилъ, что Высочайше разрѣшено присвоить и генераль-адъютантамъ, не чи-

нимъ. А. Ѳ. Львовъ, письмомъ отъ 3 Іюня за № 524, увѣдомилъ генераль-майора Кривошшина, что онъ, Львовъ, случайно видѣлъ означенный выше приказъ Военнаго Министра, и что въ Управленіи Кварты такого приказа не было. И. Г. Кривошшинъ, письмомъ же отъ 3 Іюня за № 4819, сообщилъ А. Ѳ. Львову, что приказъ былъ доставленъ въ Управленіе Кварты 6 Мая, въ чемъ имѣется соответствующая расписка въ разносной книгѣ. На этомъ письмѣ Львовъ положилъ резолюцію: «Е. П. Самсонову. Жаль, мой другъ, что мы виноваты».

¹⁾ Отъ 6 Іюня 1846 г., за № 95.

²⁾ Отъ 9 Іюля, за № 117.

Высочайшее повелѣніе было объявлено Командующимъ Квартирою лицамъ Свиты при циркулярѣ отъ 4 Іюня за № 19. Въ дополненіе къ предыдущему приказу вскорѣ послѣдовалъ новый ¹⁾, разосланный для руководства лицамъ Свиты при циркулярѣ Командующаго Квартирою отъ 9 Іюня за № 21; въ этомъ дополнительномъ приказѣ объявлялось Высочайшее повелѣніе: „генераль-адъютантамъ, когда они будутъ въ полной формѣ, въ генераль-адъютантскихъ мундирахъ и бѣлыхъ

Генералъ, состоявшій при Особѣ
ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА
Егоръ Францевичъ
КАНКРИНЪ.

Изъ собр. портр.
Имп. Гл. Кв.

слящимся по списку въ гвардейскихъ войскахъ, при общемъ армейскомъ мундирѣ, каски съ гвардейскимъ орломъ. Последнее повелѣніе было сообщено лицамъ Свиты при циркулярѣ отъ 23 Іюля за № 34.

Необходимо, хотя бы вскользь, упомянуть еще о распоряженіяхъ, коими запрещался громкій разговоръ въ Высочайшемъ присутствіи ¹⁾, объявлялось Высочайшее замѣчаніе о томъ, что не всѣ лица Свиты находились при Высочайшихъ выходахъ ²⁾, указывалось мѣсто для Свиты при Высочайшихъ выхо-

Флигель-адъютантъ
Богданъ Александровичъ
ГЛАЗЕНАПЪ.

Съ лит. Гл. Упр.
Пут. Сообщ.

Изъ собр. портр.
Имп. Гл. Кв.

¹⁾ П. С. З., т. XVIII, № 18382.

²⁾ Циркуляръ отъ 27 Марта 1833 г.

³⁾ Ibid. отъ 23 Января 1834 г.

⁴⁾ Ibid. отъ 26 Апрелья 1841 г.

⁵⁾ Ibid. отъ 28 Февраля 1851 г.

Флигель-адъютантъ
графъ Николай Владиміровичъ
АДЛЕРБЕРГЪ.

Съ акварели
А. Покровскаго.

Собственность
гр. В. А. Адлерберга.

дахъ съ половины Государя Императора (въ большомъ аванзалѣ на правой сторонѣ) ³⁾, предписывалось при погребеніи кого-либо изъ особъ при Его Величествѣ состоящихъ присутствовать на выносѣ тѣла непременно всей Свитѣ ⁴⁾.

Распоряженія касались также того, чтобы всѣ генералъ-маіоры Свиты и флигель-адъютанты сообщали Управленію Квартиры, гдѣ именно каждый изъ нихъ говѣлъ ⁵⁾,

чтобы флигель-адъютанты, извѣстившись о какомъ-либо большомъ пожарѣ, на которомъ присутствуетъ Государь Императоръ, немедленно являлись туда ¹⁾, чтобы въ лѣтнее время наряжались дежурные генераль-адъютанты лишь по торжественнымъ днямъ и на маневрахъ ²⁾, чтобы дежурные были на пожарахъ во время ночи въ сюртукахъ ³⁾, наконецъ, чтобы, во время маневровъ, каждому генераль-маіору Свиты имѣть при себѣ 1 экипажъ и 1

Флигель-адъютантъ
графъ Константинъ Константиновичъ
БЕНКЕНДОРФЪ.

Съ рис. Дица. Изъ собр. портр. Имп. Гл. Кв.

СЕМЕНЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ
ЮРЬЕВИЧЪ.

По портр. Крюгера, лит. Гл. Упр. Пут. Сообщ. Изъ собр. портр. Имп. Гл. Кв.

повозку, каждымъ двумъ флигель-адъютантамъ 1 экипажъ и 1 повозку, а одному флигель-адъютанту—1 экипажъ, при томъ съ запрещеніемъ имѣть большее, противъ означеннаго, число экипажей и повозокъ.

Дѣлопроизводство Императорской Главной Квартіры, въ первые годы царствованія Императора Николая, было сосредоточено при канцеляріи Учрежденіе Управленія Императорской Главной Квартіры и дѣятельность Управленія.

¹⁾ Циркуляръ отъ 7 Апрѣля 1848 г.

²⁾ Ibid. отъ 1 Юня 1838 г.

³⁾ П. С. З., т. XVI, № 15160 и циркуляръ отъ 1841 г. за № 48.

Генераль-адъютантъ
СЕРГѢЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ
КОКОШКИНЪ.

Съ литографіи.

Изъ собр. портр.
Имп. Гл. Кв.

Шефа жандармовъ. Объясненіе этому обстоятельству надо, по-видимому, искать въ той сравнительно ограниченной перепискѣ, которую долженъ былъ вести генераль-адъютантъ Бенкендорфъ, по своему званію Командующаго Квартирою. По крайней мѣрѣ, особой канцелярїи при Императорской Квартирѣ учреждаемо не было, и служебную переписку исполняли чины жандармскаго корпуса, старшіе адъютанты Штаба Шефа жандармовъ, сперва—Александръ Николаевичъ Леонтьевъ ¹⁾, а затѣмъ—Алексѣй Ѳедоровичъ Львовъ.

28 Марта 1839 г. послѣдовалъ указъ Министру

Юстиціи ²⁾ о томъ, что 25 Марта Государь Императоръ, признавая нужнымъ, дабы III отдѣленіе Собственной Его Величества Канцелярїи и Штабъ Корпуса жандармовъ управлялись однимъ лицомъ, подъ „главнымъ вѣдѣніемъ“ графа Бенкендорфа, повелѣлъ оба эти управленія подчинить Свиты Его Величества генераль-маіору Дубельту 1.

Непосредственно вслѣдъ засимъ, въ 1839 г., Командующій Квартирою вошелъ къ Военному Министру съ рапортомъ ³⁾, въ коемъ просилъ, по случаю назначенія въ Штабъ Корпуса жандармовъ дежурнаго штабъ-офицера, исходатайствовать Высочайшее соизволеніе на отчисленіе старшаго адъютанта Штаба полковника Львова отъ сего штаба и о назначеніи Львова управляющимъ отдѣльно дѣлами Импе-

¹⁾ Про переводъ Леонтьева въ Штабъ Корпуса жандармовъ читаемъ въ Высочайшемъ приказѣ отъ 8 Апрѣля 1830 г.: назначается «бывшій адъютантъ генераль-адъютанта Голенищева-Кутузова, Л.-Гв. Семеновскаго полка поручикъ Леонтьевъ—адъютантомъ же къ Шефу жандармовъ, Командующему Императорскою Главною Квартирою, генераль-адъютанту Бенкендорфу» («Русск. Инв.» 1830 г. № 95).

²⁾ П. С. З., 2 собр., т. XIV, ч. I, 1839 г., 12177.

³⁾ Отъ 28 Марта 1839 г., Д. Шеф. Жанл. 1839 г., № 87.

Генераль адъютантъ
графъ Николай Александровичъ
ПРОТАСОВЪ.

Съ лит. А. Козлова,
печ. И. Шевалье.

Изъ собр. портр.
Имп. Гл. Кв.

1839 г. начинается самостоятельное существование дѣлопроизводства Императорской Главной Квартiry безъ совмѣщенія его со Штабомъ Корпуса жандармовъ. Однако, бумаги, относившіяся къ вѣдѣнію собственно Главной Квартiry, продолжали ошибочно направляться въ Штабъ Корпуса жандармовъ, такъ что начальникъ сего Штаба *) былъ вынужденъ, рапортомъ отъ 22 Сентября 1839 г. за № 4304 †), войти въ Инспекторскій Департаментъ Военнаго Министерства съ предста-

раторской Главной Квартiry и Собственнаго Его Величества Конвоя †), а равно и секретаремъ собственной графа Бенкендорфа канцеляріи, съ оставленіемъ безъ измѣненія получаемаго имъ, Львовымъ, въ то время содержанія. Военный Министръ, предписаніемъ отъ 31 Марта за № 2474, увѣдомилъ графа Бенкендорфа о состоявшемся Высочайшемъ соизволеніи на его ходатайство †).

Такимъ образомъ съ 31 Марта

Флигель-адъютантъ
Сергей Егоровичъ
КУШЕЛЕВЪ.

Офицерское собраніе
Съ акварели. Л.-Гв. Преображенскаго п.

*) Собственный Его Величества Конвой былъ уже сформированъ въ то время и причисленъ къ Императорской Главной Квартирѣ.

†) То же изложено и въ Полн. Собр. Зак. (1839 г., № 12189).

‡) Генераль-маіоръ Дубельтъ 1.

§) Д. Шеф. Жанд., 1839 г., № 87.

Флигель-адъютантъ
графъ Константинъ Константиновичъ
БЕНКЕНДОРФЪ.

Съ акварели Гау 1842 г. Собственность
графа П. К. Бенкендорфа.

влениемъ о томъ, чтобы, согласно приведенному выше предписанію Военнаго Министра, Инспекторскій Департаментъ адресовалъ бумаги по предметамъ вѣдѣнія Главной Квартыры въ Канцелярію Командующаго Квартырою или къ „Управляющему сей Канцеляріи“ и, если возможно, сдѣлалъ „общее распоряженіе къ объявленію объ отдѣленіи Императорской Главной Квартыры отъ Штаба Корпуса жандармовъ“. Въ означенномъ рапортѣ, кстати замѣтимъ, начальникъ Штаба Корпуса жандармовъ допустилъ небольшую неточность въ наименованіи новаго званія полковника Львова: онъ его называетъ „Управляющимъ Канцеляріи“ Квартыры, тогда какъ и самъ Львовъ именовалъ

себя „Управляющимъ дѣлами“, да и такое званіе его вытекаетъ изъ всей вышеприведенной переписки объ его отчисленіи отъ Корпуса жандармовъ.

Сухой канцелярскій языкъ перемѣнъ въ штатѣ или въ личномъ составѣ служащихъ любого учрежденія не даетъ еще полной картины служебной обстановки прошлаго времени, и для ея уясненія необходимо пользоваться частными дневниками и воспоминаніями современниковъ. По счастью, первый управляющій дѣлами Квартыры, флигель-адъютантъ А. Ѳ. Львовъ, оставилъ собственные любопытныя записки, и вотъ что онъ въ нихъ, между прочимъ, пишетъ про первые годы существованія Главной Квартыры ¹⁾: „всѣ бумаги долженъ былъ

¹⁾ «Русск. Арх.» 1884 г., № 4.

писать почти я одинъ, потому что товарищи мои были люди неопытные и весьма, по части письменной, необразованные; Бенкендорфъ былъ совершенно чуждъ производству дѣлъ; онъ не постигалъ, что каждая бумага требуетъ времени для соображенія, времени, чтобы переписать и провѣрить; приказывалъ онъ всегда съ полслова, потому что подробно и обстоятельно приказать не могъ и не умѣлъ; онъ меня къ себѣ приблизилъ болѣе прочихъ и чрезъ годъ, т. е. въ 1827 г., перевелъ меня въ гвардейскій жандармскій полуэскадронъ тѣмъ же чиномъ капитана“.

Въ другомъ мѣстѣ своихъ записокъ Львовъ пишетъ: „Бенкендорфъ во всемъ хваталъ одни

Генералъ, состоявшій при Особѣ
ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА
ИВАНЪ ФЕДОРОВИЧЪ
КРУЗЕНШТЕРНЪ.

По рис. П. Бореля,
съ лит. Прохорова.

Изъ собр. портр.
Имп. Гл. Кв.

Флигель-адъютантъ
графъ ВАЛЕРΙΑНЪ ЕГОРОВИЧЪ
КАНКРИНЪ.

Съ лит. Краузольта, печ. П. Пети. Изъ собр. портр. Имп. Гл. Кв.

вершки, съ подчиненными былъ, какъ-будто новый кучеръ, который, взявъ всѣ вожжи въ одну руку, погоняетъ лошадей безъ разбору, и ревнивую, и лѣнивую, да и не замѣчаетъ, что отъ его ѣзды одна лошадь жирѣетъ, а другая изнемогаетъ; такъ было со мной; онъ меня употреблялъ, потому что я былъ способнѣе другихъ, и за секретаря, и за собственнаго адъютанта, и очень былъ радъ, что я трудился и молчалъ; по окончаніи кампаніи я непременно вышелъ бы изъ службы, если бы отличныя качества благородной души Бенкендорфа меня къ нему не привязывали болѣе и

болѣе; онъ былъ храбръ, уменъ ¹⁾, въ обращеніи простъ и прямъ; сдѣлать зло съ умысломъ было для него невозможно; съ подчиненными хорошъ, но вспыльчивъ, въ дѣлахъ совершенно несвѣдущъ; болѣе скажу, къ производству дѣлъ совершенно неспособенъ, разсѣянъ и легокъ на все; безъ причины наградить по ходатайству другого никогда не останавливался, также дать отличный аттестатъ всякому у него служившему; награждать же самъ большой неохотникъ, и потому хорошую карьеру у него сдѣлали тѣ, которымъ случай благопріятствовалъ; собственной настойчивости никакой; Государь любилъ его, какъ друга“.

Флигель-адъютантъ
Алексѣй Фѣдоровичъ
ЛЪВОВЪ.

По рис. П. Бореля,
съ лит. Гогенфельдена.

Изъ собр. портр.
Имп. Гл. Кв.

Про свое назначеніе къ графу Бенкендорфу Львовъ отмѣчаетъ, что Бенкендорфъ самъ попросилъ его, Львова, къ себѣ на службу, говоря, что ему нужны люди, умѣющіе писать. Львовъ изъявилъ свое согласіе, прося, однако, для пользы службы, „не употреблять его по секретной части“, къ которой онъ совершенно не способенъ. Бенкендорфъ взялъ за руку Львова и сказалъ: „будь спокоенъ, ты будешь имѣть часть отдѣльную“. Съ тѣхъ поръ Львовъ велъ переписку по дѣламъ Квартиры и Конвоя и сопутствовалъ Государю въ Его путешествіяхъ. Для управленія Квартирою служба А. Ф. Львова оказалась

¹⁾ О воспитаніи и образованіи братьевъ Бенкендорфовъ Вигель въ своихъ запискахъ замѣчаетъ: «оба брата, Александръ и Константинъ, въ малолѣтствѣ лишившись матери, которая была другою Императрицы Маріи Фѣдоровны, возросли подъ ея покровительствомъ и были воспитаны въ пансіонѣ аббата Никола; для дальнѣйшаго усовершенствованія молоденькаго флигель-адъютанта Александра Бенкендорфа посредствомъ путешествій, подъ разными предлогами и съ разными ничтожными порученіями, сперва безпрестанно разсылали его по всѣмъ концамъ Россіи, потомъ въ чужія государства, также въ Турцію и на Іоническіе острова». («Русск. Арх.» 1892 г., № 2).

весьма полезною, такъ что временно (въ 1837 г.) замѣнявшій графа Бенкендорфа графъ А. Ѳ. Орловъ писалъ первому изъ Вознесенска ¹⁾: „Я во многихъ случаяхъ неопытенъ и не будь вашего добраго и превосходнаго Львова, я часто бы дѣйствовалъ невпопадъ и долженъ бы былъ прибѣгать къ снисходительности Его Величества“.

А. Ѳ. Львовъ — авторъ русскаго народнаго гимна. Вотъ какія строки посвящаетъ онъ этому предмету: „въ 1833 году я сопутствовалъ Государю въ Австрію и Пруссію; по возвращеніи въ Россію,

Свѣты ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА генераль-маіоръ баронъ Иванъ Андреевичъ ФИТИНГОФЪ.

Съ лит. Гессе,
печ. П. Петя.

Изъ исторіи
Кавалергардовъ.

Флигель-адъютантъ баронъ Вильгельмъ Карловичъ ЛИВЕНЪ.

Съ акварели.

Изъ собр. портр.
Имп. Г. А. Кв.

графъ Бенкендорфъ сказалъ мнѣ, что Государь, сожалѣя, что мы не имѣемъ своего народнаго гимна и скучая слышать музыку англійскую, столько лѣтъ употребляемую, поручаетъ мнѣ попробовать написать гимнъ русскій“; задача была и трудная, и отвѣтственная, но, „въ одинъ вечеръ, возвратясь поздно домой, я сѣлъ къ столу, и въ нѣсколько минутъ гимнъ былъ написанъ“. Слова для гимна были составлены В. А. Жуковскимъ, который, однако, по словамъ Львова, „какъ не музыкантъ,

¹⁾ Письмо отъ 18 Августа, «Русск. Арх.» 1889 г., № 8.

не приноровилъ словъ къ минору окончанія колѣна“. „Положивъ гармонію простую, но твердую“, Львовъ предложилъ прослушать гимнъ Бенкендорфу. Послѣдній доложилъ Государю, который вмѣстѣ съ Императрицей и Великимъ Княземъ Михаиломъ Павловичемъ пріѣхали слушать гимнъ „въ пѣвческій корпусъ“, гдѣ были приготовлены два оркестра и хоръ. „Государь, — пишетъ далѣе Львовъ, — прослушавъ нѣсколько разъ, сказалъ: „с'est superbe“, и 25 Декабря, въ день изгнанія враговъ изъ Россіи, приказалъ играть гимнъ въ залахъ Зимняго Дворца“. Впослѣдствіи, за сочиненіе гимна, Государь пожаловалъ Львову табакерку съ брилліантами, изъ которыхъ наилучшій былъ пожертвованъ Львовымъ на икону Божіей Матери Всѣхъ Скорбящихъ.

Львовъ превосходно игралъ на скрипкѣ. Онъ принималъ видное участіе въ семейныхъ царскихъ концертахъ, и объ этомъ обстоятельствѣ въ своихъ запискахъ замѣчаетъ — „по зимамъ неоднократно бывали у Императрицы концерты, въ которыхъ я участвовалъ всегда съ большимъ успѣхомъ; въ одинъ изъ этихъ концертовъ Государь подзываетъ меня и говоритъ: „что если бы ты попробовалъ составить у насъ домашній оркестръ и сочинилъ для насъ музыку? мы могли бы кое-что сыграть; Императрица играетъ на фортепіано, Я — на трубѣ, Михаилъ Віельгорскій — на віолончели, Апраксинъ — на басу, ты — на скрипкѣ, Волконскій Григорій, Бартенева, Бороздина могутъ пѣть, дѣти могли бы участвовать на чемъ-нибудь“¹⁾. Кромѣ

Князь Григорій Григорьевичъ
ГАГАРИНЪ.

Съ портр. Штилера.

Собственность
князя Г. Г. Гагарина.

¹⁾ «Русск. Арх.» 1884 г., стр. 246.

Свиты ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА генералъ-маіоръ
Левъ Александровичъ
НАРЫШКИНЪ.

По портрету Изъ собр. портр.
съ гравюры Доу. Имп. Гл. Кв.

ея сидѣли три дочери и Наслѣдникъ; „у комелька“ стояли графъ Віельгорскій и Толстой. Черезъ нѣскольфо минутъ Государыня предложила всѣмъ пѣть „Боже, Царя храни“, вполголоса, и сама начала первая; въ это время Государь спустился по лѣстницѣ и, услышавъ пѣніе, приостановился; слезы покатились изъ глазъ его; наконецъ, онъ вошелъ въ комнату, кинулся цѣловать Жену, Дѣтей...

Отношенія Императора Николая къ Львову были весьма милостивыя. Мачеха Львова въ

игры на скрипкѣ, Львовъ не былъ чуждъ строительному искусству, и однажды Императоръ сравнилъ даже построенный Львовымъ мостъ съ его же смычкомъ: „это Львовъ перекинулъ свой смычекъ“ ¹⁾, — сказалъ Государь про построенный Львовымъ мостъ въ имѣніи Бенкендорфа.

Въ дальнѣйшихъ своихъ запискахъ А. О. Львовъ передаетъ, что однажды, въ 1837 г., онъ получилъ приглашеніе на вечеръ отъ Государыни Императрицы. Войдя въ царскіе покои, Львовъ увидѣлъ на диванѣ Императрицу; у ногъ

Генералъ-адъютантъ
Алексѣй Илларионовичъ
ФИЛОСОВЪ.

Съ портр. Крюгера, Изъ собр. портр.
лит. Гл. Упр. Пут. Сообщ. Имп. Гл. Кв.

¹⁾ «Русск. Арх.», I, примѣчаніе 3 на стр. 184. Львовъ не былъ чуждъ строительному искусству, такъ какъ получилъ образованіе въ Инженерномъ Училищѣ, при Ветанкурѣ.

Свѣты ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА генералъ-майоръ
Алексѣй Федоровичъ
ЛВОВЪ.

Съ лит. Смирнова.
печ. Дарленгъ.

Изъ собр. портр.
Имп. Гл. Кв.

своихъ разсказахъ ¹⁾ сообщаетъ, что на просьбу графа Бенкендорфа назначить къ нему въ адъютанты А. Ф. Львова, Государь сказалъ: „возьми его, отличный офицеръ, восемь лѣтъ выслужилъ у графа Аракчеева“. Приводитъ Е. Н. Львова и другой любопытный эпизодъ. А. Ф. Львовъ часто сопровождалъ Государя въ его путешествіяхъ; на свадьбѣ Львова, происходившей 6 Ноября 1838 г. въ Аничковскомъ дворцѣ, Государь, бывшій поса-

женнымъ отцомъ жениха, подошелъ къ его мачехѣ, поцѣловалъ ея руку и спросилъ: „не сѣтуете ли вы на меня за то, что такъ часто я у васъ беру Алексѣя?“ ²⁾—очевидно, Государь подразумѣвалъ со-путствіе Его Львовымъ въ довольно частыхъ и продолжительныхъ путешествіяхъ. Самъ А. Ф. Львовъ удостоверяетъ высокую степень Монаршаго къ себѣ вниманія. Въ 1842 г. у него родился сынъ; „я сообщилъ, — пишетъ Львовъ ³⁾, — о моей радости доброму начальнику графу Бенкендорфу; онъ тотчасъ сказалъ Государю, который два раза въ тотъ день прислалъ нарочнаго фельдъегеря изъ Царскаго Села, чтобы узнать о здоровьѣ моей жены“. Характеризуетъ милостивое отношеніе къ Львову Императора Николая и другой случай. Въ 1835 г.

¹⁾ «Русск. Стар.» 1880 г., I, 638.

²⁾ Ibid., 644—645.

³⁾ «Русск. Арх.» 1884 г., № 5.

Русскій ЦАРЬ набралъ дружину
И велѣлъ своимъ орламъ
Плыть по морю на чужбину,
Въ гости къ добрымъ ПРУССАКАМЪ.

Кровь ЦАРЕЙ насъ породнила,
Славный бой насъ подружилъ;
Самъ Творецъ, во браняхъ сильный,
Нашъ союзъ благословилъ!

Пусть завистники воспанутъ
Разорвать союзъ друзей, —
Тамъ слѣда враговъ не спанетъ,
Гдѣ пройдутъ полки ЦАРЕЙ.

Не на бой лешимъ, не драшься,
Не крамольныхъ усмирять,
Но съ друзьями повидаться,
ПРУССАКОВЪ спѣшимъ обнять.

Насъ лелѣетъ ЦАРЬ ДЕРЖАВНЫЙ,
Слава БѢЛОМУ ЦАРЮ!
Слава Руси православной
И родному КОРОЛЮ!

М а л ы ш е в ъ.

Солдатская пѣсня по случаю маневровъ подъ г. Калищемъ.

Императоръ Николай и Прусскій Король рѣшили собрать войска въ Калишъ и произвести тамъ смотръ. Черезъ фельдмаршала князя Паскевича Львовъ получилъ Высочайшее повелѣнiе о составленiи имъ пьесы для военнаго хора на слова, написанныя по случаю свиданiя Императора съ Королемъ, и при томъ подъ тѣмъ условiемъ, чтобы

Генераль-адъютантъ
Его Императорское Высочество
Герцогъ Максимилианъ ЛЕЙХТЕНБЕРГСКІЙ.

Съ грав. акватинтой
Л. Шенингера.

Изъ собр. портр.
Имп. Гл. Кв.

пьеса была составлена на мотивы солдатскихъ пѣсенъ. Изъ такихъ пѣсенъ наиболѣе удачными казались Львову двѣ, и онъ началъ свою работу. По изготовленiи пьесы, Государь прослушалъ ее, но по ея окончанiи сказалъ: „нѣтъ, не то!“ Въ это время подошелъ къ Государю генераль Бистромъ и предложилъ Ему прослушать пѣсню, сочиненную однимъ музыкантомъ изъ егерей, Малышевымъ. Государь

согласился; были вызваны вперёдъ три пѣсенника и спѣли „куплеты, ничтожные словами и музыкой“. Государь тѣмъ не менѣе остался доволенъ и, обратившись къ Львову, сказалъ: „вотъ это хорошо, и эта музыка, положенная на большой оркестръ, именно то, чего я желаю“. Композиторское самолюбіе Львова было сильно уязвлено, но онъ, покорясь Высочайшему желанію, положилъ куплеты Малышева на весь военный хоръ и, по пріѣздѣ Государя въ Калишъ, до-

Флигель-адъютантъ
графъ КАРЛЪ КАРЛОВИЧЪ
ЛАМБЕРТЪ.

Съ акварели.

Изъ собр. портр.
Имп. Гл. Кв.

Свиты ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА генераль-маіоръ
АЛЕКСАНДРЪ СЕМЕНОВИЧЪ
ТРАСКИНЪ.

Съ лит. Клюквина,
изд. П. Пети.

Изъ собр. портр.
Имп. Гл. Кв.

ложилъ Государю, что куплеты готовы. На царскій вопросъ о томъ, про какіе куплеты говорить Львовъ, онъ доложилъ, что это—тѣ самыя, которые Государь повелѣлъ ему положить на музыку вмѣсто его хора. Государь подошелъ къ Львову и нѣсколько разъ поцѣловалъ его... Очевидно, Императоръ хотѣлъ этою милостью вознаградить Львова и за труды и за причиненіе Имъ боли его авторскому самолюбію.

22 Апрѣля 1834 г.
Львовъ былъ пожалованъ во

Флигель-адъютантъ
баронъ ЭРАСТЪ ИВАНОВИЧЪ
ФОНЪ-МИРБАХЪ.

Съ рис. О. Райта. Изъ собр. портр. Имп. Гл. Кв.

Вотъ что въ нихъ, между прочимъ, читаемъ ²⁾: „смейство молодой жены моей, будучи въ близкихъ, дружественныхъ отношеніяхъ съ Шефомъ жандармовъ, Командующимъ Императорскою Главною Квартирою, не желая видѣть меня изо дня въ день таскающимся по карауламъ, дежурствамъ и ученіямъ, предложило графу взять меня къ себѣ въ адъютанты, на что онъ охотно согласился, и вотъ я облекся въ адъютантскій мундиръ“; въ это время, т. е. въ 1837 г., при генералъ - адъютантѣ Бенкендорфѣ состоялъ, помимо другихъ лицъ

¹⁾ Д. Имп. Гл. Кв., 1853 г., № 77.

²⁾ «Русск. Арх.», 1884 г., № 3.

флигель-адъютанты, 1-го Января 1836 г. произведенъ въ полковники, 10 Октября 1843 г. — въ генералъ-маіоры, а въ 1853 г. онъ былъ произведенъ въ тайные совѣтники, съ назначеніемъ гофмейстеромъ къ Высочайшему Двору и съ оставленіемъ директоромъ придворной пѣвческой капеллы ¹⁾. Онъ умеръ 16 Декабря 1870 г., въ своемъ имѣніи Романи, близъ Кіева.

О первыхъ же годахъ дѣятельности Императорской Главной Квартiry пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ Е. П. Самсоновъ.

Флигель-адъютантъ
князь ВЛАДИМИРЪ ДМИТРИЕВИЧЪ
ГОЛИЦЫНЪ.

Съ акварели. Офицерское Собраніе Л.-Г. Преображенскаго б.

Генераль-адъютантъ
Иванъ Федоровичъ
ВЕЙМАРНЪ.

Съ литографіи.

Изъ собр. портр.
Имп. Гл. кв.

чества Канцеляріи. Въ то же время отдѣленіемъ Императорской Главной Квартіры, т. е. всѣми дѣлами, касающимися до военныхъ особъ, безъ исключенія, составляющихъ Свиту Государя, управлялъ полковникъ А. Н. Леонтьевъ, числившійся старшимъ адъютантомъ штаба корпуса жандармовъ. Нельзя ли, думалъ я, соединить эти двѣ однородныя части въ одно цѣлое и составить такимъ образомъ отдѣльное и самостоятельное управленіе, тѣмъ болѣе, что, какъ мнѣ было извѣстно, весьма многія изъ лицъ Свиты тяготились

полковникъ Леонтьевъ, „числившійся старшимъ адъютантомъ Штаба корпуса жандармовъ и завѣдывавшій дѣлами Императорской Главной Квартіры“. Въ 1842 г., „я сталъ серьезно обдумывать, — пишетъ далѣе Самсоновъ, — объ избраніи себѣ какихъ-либо постоянныхъ занятій и вотъ что, наконецъ, придумалъ. Братъ жены моей, А. Ѳ. Львовъ, состоя при графѣ Бенкендорфѣ, занимался исключительно дѣлами Собственной Его Императорскаго Вели-

Павель Петровичъ
ЛИПРАНДИ.

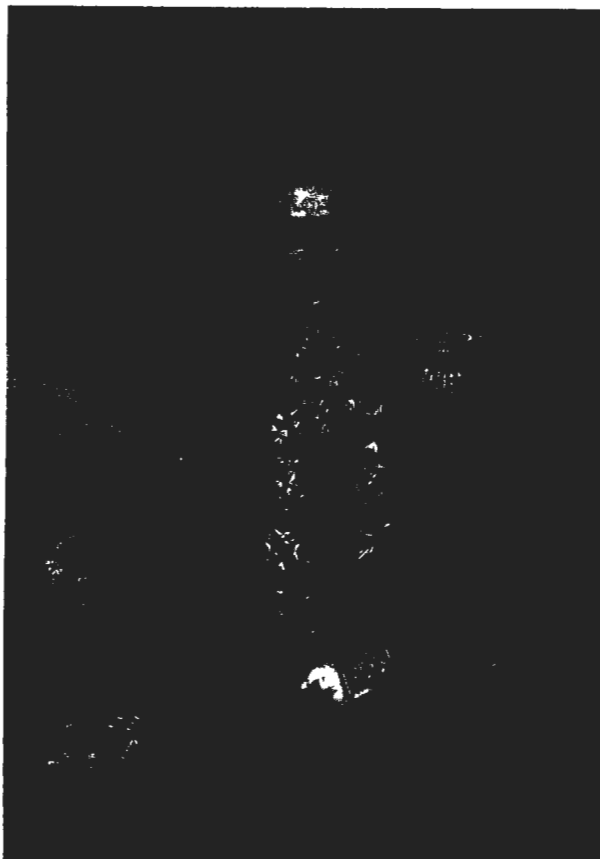
По рис. Бира,
съ лит. Дарленга.

Изъ собр. портр.
Имп. Гл. Кв.

и роптали на необходимость имѣть постоянныя сношенія съ корпусомъ жандармовъ. Я сообщилъ мою мысль Львову, онъ ухватился за нее, что называется, и руками и ногами, графъ Бенкендорфъ тоже ее одобрилъ, доложили Государю, и тотчасъ же послѣдовало Высочайшее повелѣніе объ учрежденіи безотлагательно управленія дѣлами Императорской Главной Квартыры и Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи“¹⁾).

Такія обстоятельства, по свидѣтельству Самсонова, сопровождали окончательное отдѣленіе управленія Императорской Главной Квартыры отъ штаба корпуса жандармовъ. Быть можетъ, фактическія данныя въ сообщеніи Самсонова страдаютъ отсутствіемъ полной точности и невольно искажены авторомъ воспоминаній. Во всякомъ случаѣ, распоряженіе объ учрежденіи Управленія Императорской Главной Квартыры, какъ самостоятельной и независимой отъ штаба корпуса жандармовъ единицы, было объявлено въ приказѣ Военнаго Министра отъ 6 Апрѣля 1843 г.²⁾

Управляющимъ дѣлами былъ назначенъ флигель-адъютантъ пол-

Генераль-адъютантъ
князь Италійскій,
графъ Александръ Аркадіевичъ
СУВОРОВЪ-РЫМНИКСКІЙ.

По портр. Крюгера,
съ лит. Ф. Денцена.

Изъ собр. портр.
Имп. Гл. Кв.

¹⁾ Т. е. дѣлами III отдѣленія этой Канцеляріи.

²⁾ За № 43.

Флигель-адъютантъ
графъ Валеріанъ Егоровичъ
КАНКРИНЪ.

По рис. В. Гау,
съ лит. Шевалье.

Изъ собр. портр.
Имп. Гл. Кв.

ковникъ Львовъ, а старшимъ адъютантомъ — Л.-Гв. Преображенскаго полка штабсъ-капитанъ Самсоновъ ¹⁾, и никакихъ измѣненій въ личномъ составѣ управленія не послѣдовало вплоть до 1848 г., когда старшимъ адъютантомъ былъ назначенъ ротмистръ Кавалергардскаго Ея Величества полка Николай Леонтьевичъ Дубельтъ. Въ 1849 г., 20 Ноября, былъ назначенъ старшимъ адъютантомъ флигель-адъютантъ штабсъ-капитанъ Веймарнъ ²⁾, занимавшій эту должность до 1860 г.

А. О. Львовъ былъ смѣненъ лишь въ 1853 г. Свиты Его Величества генераль-маіоромъ княземъ В. А. Меншиковымъ, такъ

что почти все продолжительное царствованіе Николая I Львовъ провелъ на службѣ въ Главной Квартирѣ.

При разсмотрѣніи перваго штата Управленія Императорской Главной Квартиры нельзя не обратить вниманія на его малочисленность: штатомъ предусмотрѣно всего двѣ офицерскихъ должности (управляющаго дѣлами, въ чинѣ генераль-маіора или полковника, и старшаго адъютанта, въ чинѣ отъ поручика до капитана), двѣ писарскихъ (унтеръ-офицерскаго званія) и три денщичьихъ. Размѣръ содержанія для офицерскихъ чиновъ былъ опредѣленъ: жалованье—по чинамъ, столовыхъ управляющему—560 р. 40 к., адъютанту — 280 р. 20 к., квартирныхъ управляющему — 285 руб. 90 к. и адъютанту — 214 р. 50 к.

¹⁾ Д. Имп. Гл. Кв., 1843 г., № 16.

²⁾ Ibid., 1849 г., № 59.

Общая смета содержания управления, не включая жалованья офицерскимъ чинамъ, опредѣлена въ 2,194 р. 70 к.

Какъ видно изъ предыдущаго бѣлаго изложенія, за весь промежутокъ времени, съ 25 Юня 1826 года (дня назначенія Командующимъ генераль-адъютанта Бенкендорфа) до 18 Февраля 1855 года (дня кончины Императора Николая), въ исторіи Императорской Главной Квартіры не произошло значительныхъ перемѣнъ. Канцелярія Квартіры, слитая вначалѣ въ одно цѣлое со штабомъ корпуса жандармовъ, получаетъ въ 1839 г. отдѣльнаго Управляющаго дѣлами, а въ 1843 г.—первый штатъ для этого Управления. Точно также не были значительны и перемѣны въ личномъ составѣ: за разсматриваемый періодъ было всего два Командующихъ Квартірою, два Управляющихъ дѣлами ¹⁾ и три старшихъ адъютанта.

Въ случаѣ отсутствія Командующаго Императорскою Главною Квартірою изъ Петербурга, управленіе дѣлами Собственнаго Его Величества Конвоя поручалось обыкновенно Управляющему дѣлами А. Ф. Львову. Такъ, въ 1845 г. Командующій Квартірою ²⁾ предписалъ генераль-майору Львову, „если что важное случится въ Конвоѣ Его Императорскаго Величества, превышающее власть“ его, „доносить Его Императорскому Высочеству Государю Наслѣднику Цесаревичу“; „текущія дѣла“ графъ Орловъ приказалъ „исполнять по преж-

Свѣты ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА генераль-майоръ
Иванъ Дмитріевичъ
ЛУЖИНСКІЙ.

По рис. Соколова,
изд. П. Пети.

Изъ собр. портр.
Имп. Гл. Кв.

¹⁾ Одно время въ должности Управляющаго дѣлами состоялъ полковникъ Леонтьевъ, коего при отъѣздѣ его въ 10-дневный отпускъ, замѣщалъ адъютантъ Шефа жандармовъ, капитанъ в.п. Урусовъ (Д. Имп. Гл. Кв., 1844 г., № 41, предп. полк. Леонтьева отъ 29 Мая, за № 510).

²⁾ Д. Имп. Гл. Кв., 1845 г., № 81; предп. отъ 18 Сент., за № 191.

нимъ примѣрамъ“, доклады же, требующіе разрѣшенія Государя Императора, присылать „къ нему, не измѣняя прежняго порядка“.

Кругъ дѣятельности Императорской Главной Квартіры. Императорская Главная Квартіра долженствовала, главнымъ образомъ, сосредоточивать въ себѣ свѣдѣнія о Государевой Свитѣ, вести нарядъ дежурнымъ при Особѣ Государя Императора и заботиться объ удовлетвореніи всѣхъ потребностей при Высочайшихъ путешествіяхъ.

Флигель-адъютантъ
Иванъ Васильевичъ
АННЕНКОВЪ.

Съ акварели, В. Гау. Зпмній дворець ¹⁾.

Свиты ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА генераль-маіоръ
Павелъ Константиновичъ
АЛЕКСАНДРОВЪ.

По рис. Митрейтера,
съ лит. Роппольта.

Офицерское Собраніе
Л.-Гв. Коннаго п.

Относительно сосредоточенія въ Квартірѣ дѣлъ по завѣдыванію личнымъ составомъ Государевой Свиты, можно отыскать слѣды этого въ перепискѣ, относящейся къ самымъ первымъ годамъ существованія Императорской Главной Квартіры. Такъ, въ 1832 г., дежурный генераль Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества доносилъ рапортомъ Командующему Квартірою ²⁾: „Военному Министру угодно, чтобы въ представляемомъ къ Его Сіятельству изъ Инспекторскаго Департамента Военнаго Министрства спискѣ гг. генераламъ

¹⁾ Собств. Его Величества бібліотека, шк. 18, полка 2, № 8.

²⁾ Отъ 9 Декабря, за № 10918; Д. Имп. Гл. Кв., 1832 г., № 62.

Императорская Главная Квартира при Императорѣ Николаѣ I въ лагерь
По рисунку Шварца, съ литографіи Шмидта.

и флигель-адъютантамъ было назначено, гдѣ они состоятъ, или какія имѣютъ порученія. Вслѣдствіе сего я покорнѣйше прошу Ваше Сіятельство почтить меня увѣдомленіемъ, кто изъ гг. генераловъ и флигель-адъютантовъ какія имѣютъ порученія и равно, гдѣ они состоятъ. Вмѣстѣ съ симъ, не благоугодно ли будетъ Вашему Сіятельству сдѣлать распоряженіе, чтобы таковыя свѣдѣнія присылаемы были впредь въ Инспекторскій Департаментъ, въ то же время, какъ кто изъ гг. генераловъ и флигель-адъютантовъ получитъ какое-либо особое назначеніе или порученіе“. Точно такъ же,

Князь Александръ Ивановичъ
БАРЯТИНСКІЙ.

Съ портрета пастелью, Изъ собр. портр.
раб. В. Дартигенава. Имп. Гл. Кв.

Александръ Павловичъ
ГАЛАХОВЪ.

Съ литографіи.

Изъ собр. портр.
Имп. Гл. Кв.

графъ Потоцкій, имѣвшій общее руководство торжествами при коронаціи Императора Николая I, обратился къ Командующему Квартирою съ просьбою ¹⁾ доставить свѣдѣнія о лицахъ Государевой Свиты, для выдачи имъ установленной въ память коронаціи медали.

Приведемъ еще рапортъ флигель-адъютанта штабсъ-ротмистра Бутурлина, взятаго въ плѣнъ польскими войсками въ 1830 г. Объ освобожденіи изъ плѣна флигель-адъютантъ Бутурлинъ доноситъ не кому-либо другому, а именно Командующему Главною

¹⁾ Изложенной въ письмѣ отъ 2 Сентября 1826 г., за № 68; Д. Имп. Гл. Кв., 1826 г., № 2.

Флигель-адъютантъ
графъ Генрихъ Киприяновичъ
КРЕЙЦЪ.

Съ акварели В. Гау. Зимній дворецъ ¹⁾.

своему за ничто“; затѣмъ я „весьма тайнымъ и осторожнымъ образомъ началъ узнавать объ окрестныхъ городахъ и ближайшихъ путяхъ къ границѣ; всевозможными происками достигнулъ наконецъ моей цѣли, какъ узнавъ достоверно о нѣкоторыхъ малыхъ дорожкахъ и тропинкахъ, ведущихъ черезъ лѣса къ границѣ. такъ и сыскавъ проводника“; сговорившись съ другими плѣнными, „съ 16 на 17 число сего Юня, въ 12-мъ часу ночи, перодѣвшись въ платье польскаго шляхта, учинили побѣгъ изъ Ченстохова, во время пути стара-

Квартирою. Вотъ что, между прочимъ, излагаетъ Бутурлинъ въ этомъ рапортѣ: „со времени несчастнаго дня, 17 Ноября 1830 г., тоска и грусть мучили меня; ежеминутно мысля, что не нахожусь я тамъ, гдѣ всѣ русскіе исполняютъ священный долгъ, сражавшись за Государя Императора, Благодѣтеля нашего; по отправленіи меня въ Чистоховъ ¹⁾, лежащій недалеко отъ границы прусскихъ владѣній, искра надежды освобожденія снова мнѣ блеснула; грусть и тоска день ото дня увеличивались во мнѣ, чувствовалъ, что содержусь подъ стражей тѣхъ, кои забыли Бога и почитаютъ вѣрность присяги Государю

Князь Владиміръ Андреевичъ
ДОЛГОРУКОВЪ.

По рис. И. Фридрица,
съ лит. Мошарскаго.

Изъ собр. портр.
Имп. Гл. Кв.

¹⁾ Ченстоховъ.

²⁾ Собств. Его Величества библіотеки, шк. 18, полка 2, № 8.

лись, елико возможно, углубляться въ лѣса и избѣгать селеній; въ 5-мъ часу утра добрались мы до границы прусской, гдѣ, подавши знакъ бѣлыми платками, были приняты прусскимъ карауломъ¹⁾. Слѣдующимъ рапортомъ²⁾ Бутурлинъ доносилъ, что онъ 2 Августа прибылъ къ дѣйствующей арміи.

Касательно завѣдыванія Командующимъ Императорскою Главною Квартирою Высочайшими путешествіями, можно упомянуть объ отношеніи Военно-Топографическаго департамента Главнаго Штаба³⁾, коимъ отъ Управленія Квартiry запрашивались, для составленія атласа вояжей Государя Императора подробныя свѣдѣнія о Высочайшихъ путешествіяхъ.

Для раздачи наградъ и подарковъ передъ подобными путешествіями выдавались Командующему Квартирою отъ Министра Императорскаго Двора орденскіе знаки и драгоцѣнныя вещи; въ израсходованіи ихъ велся реестръ; предметы же, остававшіеся не выданными, препровождались обратно Министру Императорскаго Двора.

Для примѣра укажемъ, что во время Высочайшаго путешествія въ 1840 г. было выдано графу Бенкендорфу вещей на 40,701 руб. 69 к., а сдано имъ обратно на 10,648 р. 01 к.⁴⁾.

ПЕТРЪ ПЕТРОВИЧЪ
ЛАНСКОЙ⁴⁾.

По рис. Вагнера,
съ лит. Мюллера.

Изъ собр. портр.
Имп. Гл. Кв.

¹⁾ Рапортъ отъ 17 Іюня 1831 г.; Д. Имп. Гл. Кв., 1831 г., № 9.

²⁾ Отъ 3 Августа 1831 г.

³⁾ Отъ 21 Января 1844 г., за № 64; Д. У. Имп. Гл. Кв., 1844 г., № 8.

⁴⁾ Въ Свитѣ Государя находился съ 1834 по 1877 г.

⁵⁾ Вещи и ордена были пожалованы: генералъ-адъютантамъ прусскаго короля Фонъ-Кнезе-

Первый Командующий — генераль-адъютантъ Бенкендорфъ.

Обращаясь къ историческому выясненію обстоятельствъ назначенія генераль-адъютанта Бенкендорфа 1-го на должность Командующаго Императорскою Главною Квартирою, нельзя оставить безъ отвѣта невольна зарождающагося вопроса о томъ, почему именно на немъ остановился Высочайшій выборъ.

Отвѣтъ на вопросъ не представляетъ затрудненія для разрѣшенія. Естественно, Высочайшій выборъ Бенкендорфа проистекалъ изъ особаго къ послѣднему Монаршаго довѣрія и полной увѣренности въ его высокихъ вѣрноподданническихъ чувствахъ. Вотъ, напримѣръ, что писалъ неизвѣстный авторъ замѣтки „Въ память сослуживца на военномъ поприщѣ“ на страницахъ „Русскаго Инвалида“ въ 1830 г. про братьевъ Бенкендорфъ ¹⁾: „Константинъ Бенкендорфъ ²⁾ былъ второй сынъ заслуженнаго генерала, коего супруга имѣла счастье быть подругою великодушной Той Монархини, которая, къ несказанному сожалѣнію всѣхъ ея облагодѣтельствованныхъ, скипетръ благотворительности въ обширной Имперіи своихъ сыновей носила не

беку—орденъ св. Андрея Первозваннаго съ брилліантами (стоимостью въ 5,093 р.), фонъ-Нацмеру—орденъ св. Александра Невскаго (стоимостью въ 3,591 руб.), прусскому посланнику при Россійскомъ Дворѣ Либерману—орденъ св. Анны 1 ст. (стоимостью въ 2,536 р.), гессенъ-дармштадтской службы форстмейстеру Бибро, флигель-адъютанту прусскаго короля капитану фонъ-Бонину, королевско-прусской службы дѣйствительному тайному совѣтнику Миллеру и гессенъ-дармштадтской службы мундшенку барону Бубно—тотъ же орденъ 2 степ. (стоимостью соответственно въ 324 р., 323 р. 279 р. и 236 р.); табакерки, украшенныя брилліантами, съ портретами Его Величества—управляющему почтовымъ департаментомъ королевства прусскаго Наглеру (стоимостью въ 4,251 р.), гофмаршалу королевско-прусскаго двора Мосову (въ 2,859 р.) и шталмейстеру королевства прусскаго Кнобельздорфу (въ 2,397 руб.); табакерка съ вензелемъ Его Величества—флигель-адъютанту короля прусскаго Мосову (въ 1,079 р.); перстни прусскому военному совѣтнику Сольдову (въ 790 р.), флигель-адъютанту короля прусскаго маіору Браухину (въ 725 р.), шталмейстеру саксенъ-веймарскаго герцогства барону Эглофштейну (въ 655 руб.); перстни съ цвѣтными камнями—капитанъ-лейтенанту Окулову (въ 772 р.), агенту Бандеру въ Эмсѣ (въ 590 руб.), російскому консулу въ Килѣ Шредеру (въ 528 руб.), прусскимъ тайнымъ секретарямъ Стербергу (въ 311 р.) и Кобу (въ 206 р.), фельдъегерскаго корнуса прапорщику Чернову, «за скорый пріѣздъ съ донесеніемъ во Франкфуртъ», 4 Іюня 1840 г. (въ 195 р.), казачьему офицеру Шипшареву (въ 129 р.), адъютанту полиціи Варшавской губерніи секретарю Шлятинскому (въ 127 р.); брилліантовые фермуары—женѣ полковника Абрамовича (въ 1,208 р.), командиру парохода «Богатырь» капитанъ-лейтенанту Глазану (въ 627 р.), командиру парохода «Ижора» капитанъ-лейтенанту Нордману (въ 299 р.); золотые часы—трихъ фельдфебелямъ прусской службы, «находившимся на ординарахъ у Его Императорскаго Величества въ Берлинѣ» (изъ нихъ двумъ въ 85 р. и одному въ 57 р.). Кромѣ сего, часть вещей была передана Министру Императорскаго Двора еще во время самаго путешествія.

¹⁾ № 26.

²⁾ Т. е. Бенкендорфъ 2-й (Константинъ Христофоровичъ), родной братъ Бенкендорфа 1 (Александра Христофоровича), Командующаго Императорскою Главною Квартирою.

болѣе тридцати лѣтъ“; словомъ, мать обоихъ братьевъ Бенкендорфовъ (Александра и Константина Христофоровичей) пользовалась личною дружбою Императрицы Маріи Ѳеодоровны, а отсюда, какъ слѣдствіе, и личная извѣстность ихъ Августѣйшимъ Ея Дѣтямъ—Императорамъ

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ I
И
ГЕНЕРАЛЪ-АДЪЮТАНТЪ КНЯЗЬ ЛОВАНОВЪ-РОСТОВСКІЙ.

Съ картины Лядюрнера въ музеѣ Императора Александра III.

Александру I и Николаю I. Самъ Александръ Христофоровичъ, въ обширной перепискѣ, которую онъ велъ съ княземъ М. С. Воронцовымъ, намѣстникомъ Кавказа, неоднократно указываетъ на особое расположеніе Императора Николая I, и въ письмѣ, датированномъ 16 Января 1826 г., т. е. писанномъ чуть-ли не за полгода до разбираемаго назначенія, Бенкендорфъ, между прочимъ, пишетъ про Императора:

НИКОЛАЙ I.

По рис. В. Адама.

Съ лит. Лемерсие.

„il daigne me traiter avec une bonté toute particulière; ce que je puis lui offrir, c'est un zèle pur et infatigable“ ¹⁾). Отношения Николая I къ первому Командующему Квартирою—замѣтимъ здѣсь же—не измѣнились, въ общемъ, въ продолженіе весьма долгаго времени, и въ письмѣ, напримѣръ, отъ 3 Іюля 1837 г., Бенкендорфъ тому же Воронцову сообщаетъ ²⁾): „je retourne donc tristement à Fall et y passerai le reste de la belle saison à soigner ma santé et à tacher d'être pour la suite capable de servir le Souverain que j'adore, et le public qui m'a comblé de preuves d'intérêt pendant ma maladie, et qui a la bonté maintenant de s'intéresser à mon rétablissement avec une amitié qui me touche au de la de toute expression“; очевидно, Бенкендорфъ подразумѣваетъ здѣсь то Высочайшее посѣщеніе, коимъ удостоилъ его Николай I, и во время коего—какъ передавала въ то время стоустая молва—были Императоромъ произне-

¹⁾ Арх. кн. Воронцова, кн. XXXV, письмо № 110.

²⁾ Ibid., письмо № 147.

сены лестныя для Бенкендорфа слова: „вотъ человекъ, помилившій меня со многими и не поссорившій ни съ кѣмъ“. Цесаревичъ Константинъ Павловичъ, въ письмѣ отъ 25 Ноября 1826 г. ¹⁾, писалъ Бенкендорфу: „довѣріе, которымъ почтилъ васъ нынѣ царствующій

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ I-ый
навѣщаетъ генералъ-адъютанта Сухожанета, которому ядро оторвало ногу подъ
Варшавой 7 Февраля 1831 г.

Съ лит. Корна.

Изъ собр. портр.
Имп. Гл. Кв.

Государь Императоръ, служить для меня вѣрнымъ ручательствомъ того, что вы удвоите свойственныя вамъ дѣятельность и усердіе“.

Каратыгинъ также въ своихъ воспоминаніяхъ передаетъ, что Бенкендорфъ пользовался большимъ расположеніемъ Императора Николая I; однажды, Бенкендорфъ осмѣлился доложить Государю, что

¹⁾ Переписка Великаго Князя Константина Павловича съ графомъ А. Х. Бенкендорфомъ. «Русск. Арх.», 1884 г., № 6, письмо № 8.

изъ приговоровъ, подтвержденныхъ Императоромъ наканунѣ, исполнены только тѣ, по которымъ преступники вполне заслужили постигшее ихъ наказаніе, и что два приговора, постановленные Государемъ, слишкомъ строги, превышая мѣру содѣяннаго; къ сему Бенкендорфъ присовокупилъ: „Зачѣмъ ожесточать людей? Зачѣмъ возбуждать напрасно ропотъ? Ненавистниковъ у Васъ, Государь, и безъ того довольно!“.—Зато, другъ одинъ!—отвѣтилъ Императоръ, обнимая Бенкендорфа. Даже оставляя въ сторонѣ оцѣнку достовѣрности сообщаемого Каратыгинымъ случая, это свидѣтельство, какъ всякое свидѣтельство современника, важно потому, что указываетъ если и не на то, что было, то, по крайней мѣрѣ, на то, что могло бы быть. Тотъ же Каратыгинъ сообщаетъ, что бюстъ Бенкендорфа, послѣ его кончины, находился въ кабинетѣ Императора Николая I, среди бюстовъ и портретовъ членовъ Августѣйшей Фамиліи, гдѣ находится и понинѣ, на каминѣ, въ ногахъ желѣзной кровати, на которой почилъ Николай Павловичъ ¹⁾).

Такимъ образомъ, довѣріе, коимъ пользовался у Императора Николая I А. Х. Бенкендорфъ, привело послѣдняго на должность Командующаго Императорскою Главною Квартирою.

Высочайшій смотръ Гвардіи въ С.-Петербургѣ на Марсовомъ полѣ.

Съ соврем. грав. по дереву Бобета, по рис. А. Васильева, изданіе «Русскій солдатъ».

Еще болѣе подчеркивается довѣріе Императора къ Бенкендорфу тѣмъ, что въ лицѣ послѣдняго была совмѣщена и должность Главнаго Начальника III отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи. Конечно, руководство разнообразною дѣятельностью этого отдѣленія, долженствовавшего олицетворять собою

¹⁾ П. П. Каратыгинъ. Бенкендорфъ и Дубельтъ. «Истор. Вѣсти.», 1887 г., Окт., стр. 167.

высшій органъ государственной полиціи и заботиться объ общественномъ благосостояніи и спокойствіи, требовало лица, облеченнаго особымъ Монаршимъ довѣріемъ. II такимъ былъ генераль-адъютантъ Бенкендорфъ, лишь исключительнымъ расположеніемъ къ коему Императора Николая I и возможно объяснить соединеніе въ одномъ лицѣ такихъ различныхъ другъ отъ друга функций, какъ завѣдываніе Императорскою Главною Квартирою, сосредоточивавшей дѣлопроизводство по личному составу Государевой Свиты, и III отдѣленіемъ Канцеляріи и Корпусомъ жандармовъ, какъ органами высшей государственной полиціи.

Императоръ НИКОЛАЙ со Свитою.

По рис. Раффе. 1830 г. Приложение къ 1-му изданію книги Демидова «Путешествіе по Южной Россіи».

Изъ формулярнаго списка ¹⁾ перваго Командующаго Квартирою видно, что онъ 31 Декабря 1798 г. былъ произведенъ въ прапорщики Л.-Гв. Семеновскаго полка, съ назначеніемъ флигель-адъютантомъ къ Его Императорскому Величеству; 2 Марта 1807 года онъ произведенъ въ полковники, 27 Юля 1812 г.—въ генераль-маіоры, 22 Юля 1819 г.—пожалованъ въ генераль-адъютанты, 20 Сентября 1821 г.—произведенъ въ генераль-лейтенанты, 6 Декабря 1826 г.—назначенъ сенаторомъ, 21 Апрѣля 1829 г.—произведенъ въ генераль-отъ-кавалеріи, 8 Февраля 1831 г.—назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта и Комитета Министровъ, а 7 Января 1837 г.—членомъ Сибирскаго комитета. Кромѣ сего, Бенкендорфъ былъ возведенъ въ графское достоинство 10 Ноября 1832 г.

Особыя, по Высочайшему повелѣнію, командировки графъ Бенкендорфъ сталъ выполнять со втораго года своей службы, и уже въ 1800 г. онъ былъ отправленъ въ Мекленбургъ-Шверинъ. Съ назначеніемъ же на должность Командующаго Квартирою, графъ Бенкендорфъ начинаетъ сопутствовать Государю въ Высочайшихъ путешествіяхъ ²⁾.

¹⁾ Выписано изъ кн. форм. списковъ за 1843 г., по архиву № 6401/2.

²⁾ Въ 1828 г., какъ значится по послужному списку, онъ сопровождалъ Императора Николая I «изъ Шумлы къ Варшѣ, откуда Чернымъ моремъ до Одессы»; въ 1829 г.—въ Варшаву, «по случаю бывшаго тамъ, Мая 12-го, коронаванія Ихъ Императорскихъ Величествъ, а оттуда въ Бер-

Флигель-адъютантъ
Его Императорское Высочество
Великій Князь и Наслѣдникъ Цесаревичъ
АЛЕКСАНДРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ.

Съ лит. Гельбаха.

Изъ собр. портр.
Имп. Гл. Кв.

Въ 1841 году графъ Бенкендорфъ, „по особой Высочайшей волѣ Государя Императора, отправился чрезъ г. Ревель въ Лифляндію, гдѣ распространяемые съ давняго времени злоумышленными людьми ложные слухи о возможности тамошнимъ крестьянамъ переселяться въ южныя губерніи Россіи съ большими для нихъ выгодами произвели, наконецъ, въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Лифляндіи, особенно съ Іюня мѣсяца настоящаго года, сильное между поселянами волненіе, которое принятыми мѣстнымъ начальствомъ

и правительствомъ мѣрами не только было не утишено, но, все болѣе и болѣе развиваясь, начинало принимать видъ явнаго возмущенія; въ самое короткое время успокоивъ всѣ умы и совершенно возстановивъ прежній порядокъ, возвратился въ С.-Петербургъ“.

Для болѣе яснаго представленія о дѣятельности графа Бенкендорфа во время Высочайшихъ путешествій приведемъ отрывокъ изъ

линь, обратно, чрезъ Варшаву, Тульчинъ и Кіевъ, въ С.-Петербургъ»; въ 1830 г.—опять въ Варшаву, «по случаю бывшаго тамъ отъ 16 Мая по 16 Іюня сейма, а оттоль обратно въ С.-Петербургъ»; въ 1833 г.—«въ путешествіи Его Величества, сначала моремъ, но, бывъ въ первый день плаванія настигнуты бурей, возвратились въ С.-Петербургъ, откуда отправились сухимъ путемъ въ Пруссію и Австрію»; въ 1834 г.—въ Москву, Калугу, Орелъ, Ярославль, Нижній-Новгородъ, Владиміръ и, обратно, въ С.-Петербургъ; въ 1835 г.—въ Калишъ, «по случаю бывшихъ тамъ большихъ маневровъ, и въ Пруссію»; въ 1836 г.—въ Москву и въ губерніи Нижегородскую, Казанскую, Сибирскую, Пензенскую и изъ г. Чебаръ, обратно, въ С.-Петербургъ; въ 1839 г.—въ Москву; въ 1840 г.—въ Новгородъ, Гомель, Кіевъ, Брестъ-Литовскъ, Варшаву и, обратно, въ С.-Петербургъ; въ 1841 г.—въ Рыбинскъ, Ярославль, Москву и, обратно, въ С.-Петербургъ, а также въ Варшаву и, обратно, въ С.-Петербургъ.

его дневника, касающійся любопытнаго эпизода, происшедшаго въ 1836 г. близъ Чембарь. Вотъ что пишетъ Бенкендорфъ:

„Государь и я крѣпко спали въ коляскѣ, но вдругъ, въ часъ пополудни, насъ разбудилъ крикъ фореитора и кучера; лошади понесли, и почти въ ту же минуту коляска опрокинулась съ грохотомъ пушечнаго выстрѣла“. У Государя оказалась переломленной ключица. Вскорѣ „настигъ насъ слѣдовавшій всегда за Государемъ фельдъегерь, котораго я тотчасъ отослалъ обратно ускорить, сколько можно, прибытіе лейбъ-медика Арендта, ѣхавшаго въ одной коляскѣ съ генераль-адъютантомъ Адлербергомъ. Государь велѣлъ мнѣ дать знать во всѣ мѣста, чрезъ которыя лежалъ нашъ дальнѣйшій маршрутъ, чтобы его туда не ждали, а Адлербергу, завѣдывавшему въ пути военною частію, приказалъ разослать такія же извѣстія князю Паскевичу, военному министру и начальникамъ собранныхъ въ разныхъ пунктахъ войскъ. Городокъ, въ которомъ мы принуждены были устроиться, одинъ изъ самыхъ ничтожныхъ въ цѣлой Имперіи, не представлялъ никакихъ мѣстныхъ ресурсовъ; поэтому надо было тотчасъ позаботиться о снабженіи нашей кухни нужными припасами, добыть какую-нибудь мебель, выписать изъ Москвы вина, образовать родъ пожарной команды въ нашемъ деревянномъ домишкѣ, покрытомъ въ большей его части соломою; наконецъ, устроить движеніе курьеровъ и дать повсемѣстно знать о новой резиденціи Государя. Безсрочно-отпускные изъ гвардейскихъ и армейскихъ полковъ послѣшили къ намъ со всѣхъ концовъ губерніи, съ просьбой употребить ихъ въ дѣло; первыхъ я опредѣлилъ въ комнатную прислугу, а вторыхъ — въ составъ полицейской команды. Чембарскіе жители цѣлыми

Генераль-адъютантъ
Его Императорское Высочество
Великій Князь

МИХАИЛЪ ПАВЛОВИЧЪ.

Бюстъ работы
Съ лит. П. Петв. фл.-адъют. А. Е. Тимашева.

днями окружали наше скромное жилище въ грустномъ молчаніи, составляя такимъ образомъ царскую стражу и удаляя всякій шумъ. Сосѣдніе помѣщики наслали фруктовъ и запасовъ всякаго рода, и кладовыя нашего дорожнаго метръ-д'отеля Миллера вскорѣ обильно всѣмъ наполнились. Дорожные мои спутники, Адлербергъ и прусскій полковникъ Раухъ, въ особенности же Арендтъ, съ ранняго утра приходили изливаться предо мною въ жалобахъ и плачахъ. Утромъ до обѣда и потомъ опять послѣ стола я оставался у Госу-

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧЪ И ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ МИХАИЛЪ ПАВЛОВИЧЪ.

Силуэты сдѣланы съ натуры Лошкаревымъ. Оригиналы хранятся въ музеѣ Пажескаго ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА корпуса.

даря по цѣлымъ часамъ, стараясь развлекать его разговорами; въ промежутки моего отсутствія, Адлербергъ по утру приносилъ ему бумаги по военному министерству, а вечеромъ что-нибудь читалъ“. Пробывъ въ Чембарѣ съ 26 Августа по 9 Сентября, Государь, приказавъ „наградить всѣхъ прислуживавшихъ ему, а также раздать значительныя суммы въ церковь, въ училище и на бѣдныхъ“, отправился въ Москву, а затѣмъ въ Петербургъ.

Мнѣнія и ходатайства графа Бенкендорфа пользовались большимъ значеніемъ у Императора Николая I. Это доказываютъ тѣ прошенія и письма, которыя сохранились въ архивѣ Штаба Корпуса жандармовъ.

Приведемъ нѣкоторые изъ этихъ неопубликованныхъ документовъ.

Въ Динабургѣ случилось наводненіе; въ числѣ прочихъ потерпѣвшихъ убытки былъ мѣщанинъ Тарасъ Панковъ, подавшій во время Высочайшаго пребыванія въ Динабургѣ прошеніе о пособіи. Графъ Бенкендорфъ Всеподданнѣйшимъ докладомъ отъ 18 Августа 1829 г.

NICOLAS 1-er.
Empereur de Toutes les Russies.

Съ литографи Робилларъ.

Изъ колекциѣ Ѡ. Г. Козлянинова.

вошелъ съ ходатайствомъ объ удовлетвореніи просьбы Панкова. Государь 10 Августа положилъ резолюцію: „дать 1000 сер.“. Гр. Бенкендорфъ принялъ также участіе въ судьбѣ отставного подпоручика Павлова, который, „показывая, что по недоброжелательству полкового командира онъ былъ отставленъ отъ службы, будто бы за пьянство, и чрезъ то приведенъ въ самое крайнее положеніе, просилъ объ оказаніи ему вспомошествованія“; собранныя чрезъ мѣстнаго губернатора справки показали, что поведеніе Павлова „похваляется всѣми начальствующими лицами и многими благородными гражданами“ и что Павловъ, „къ тому же будучи старъ, дряхлъ и совершенно бѣденъ, не имѣетъ никакихъ средствъ къ дневному даже пропитанію, которое снискиваетъ отъ благотворительныхъ особъ“. На докладѣ отъ 5 Іюля 1830 г. Государь положилъ резолюцію: „дать 200 сер.“. Не отказался точно такъ же просить гр. Бенкендорфъ и о зачисленіи въ кадетскій корпусъ двухъ дѣтей умершаго генераль-маіора Родзянко, служившаго въ корпусѣ жандармовъ. На докладѣ отъ 5 Іюля 1830 г. Государь положилъ собственноручную резолюцію: „записать кандидатами“. Вдова генераль-маіора Родзянко, въ письмѣ отъ 1 Марта 1829 г., писала графу Бенкендорфу, между прочимъ: „я рѣшилась беспокоить васъ моею покорнѣйшею просьбою о принятіи надъ ними (ея дѣтьми) и оставшимся послѣ покойнаго мужа моего имѣніемъ званія попечителя; зная многочисленныя государственныя занятія ваши, я никогда не осмѣлюсь беспокоить васъ въ семъ отношеніи, кромѣ случаевъ совершенной необходимости, но одно имя ваше и извѣстность, что вы не оставите вашимъ покровительствомъ и защи-

Императоръ Николай и Великій Князь Михаилъ Павловичъ
на смотрѣ воспитанниковъ Военно-Учебныхъ заведеній.

Силуэтъ вырѣзаной.

Оригиналъ принадлежитъ Г. С. Габаеву

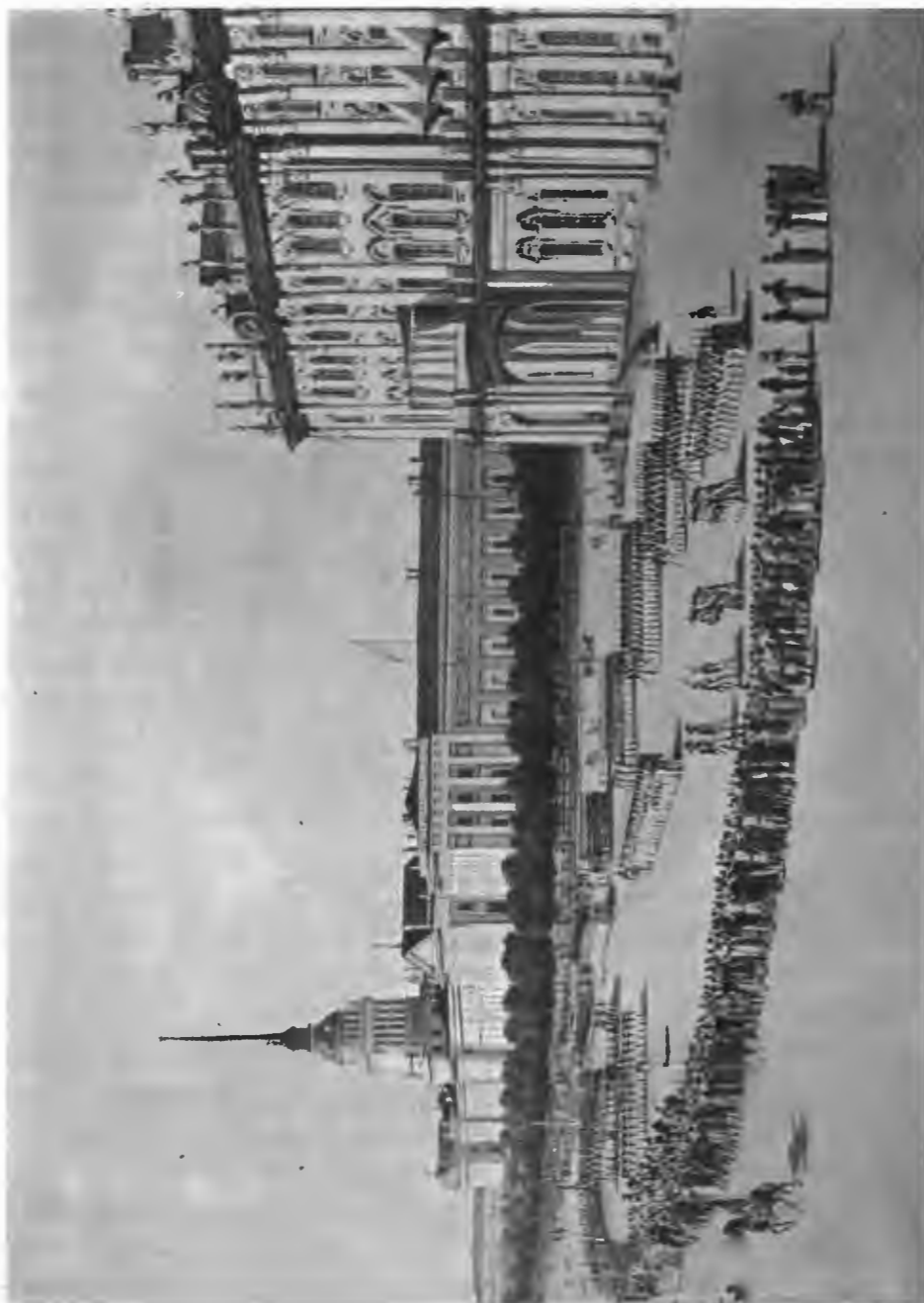
тою вдовы и сиротъ отъ всякихъ утѣснительныхъ намѣреній неблагонамѣренныхъ людей, могутъ много содѣйствовать распоряженіямъ моимъ къ ускоренію уплаты долговъ“. На письмѣ имѣется помѣтка рукою Бенкендорфа: „беру очень охотно на себя званіе опекуна“.

Отзывчивое отношеніе гр. Бенкендорфа къ различнымъ просьбамъ и близость его къ Особѣ Императора, конечно, повлекли обильное количество неосновательныхъ ходатайствъ. Для примѣра приведемъ хотя бы просьбу подполковника Полтавскаго гарнизоннаго баталіона Плохова, который привезъ въ Петербургъ своего 18-лѣтняго сына для обученія художеству и отдалъ его, по контракту на шесть лѣтъ, содержателю литографіи Беггрову. Оказалось, что „молодой человекъ теперь теряетъ зрѣніе надъ работами мелочными, но крайне обременительными, и не только не усовершенствуется никогда въ художествѣ, но ожидать должно, что въ немъ погаснетъ и геній истинный, коего искры видны въ немъ несомнѣнно“. Бенкендорфъ по этому дѣлу положилъ резолюцію: „Государь не можетъ измѣнять того, что сдѣлалъ отецъ, имѣющій полную власть надъ сыномъ“.

Иногда ходатайства графа Бенкендорфа, видимо желавшаго оказать помощь лицамъ, къ нему обращающимся, вызывали неудовольствіе Императора. Торговый домъ астраханскихъ купцовъ братьевъ Сапожниковыхъ занимался крупною рыбопромышленностью и мукодѣліемъ, воспользовавшись для этой цѣли крѣпостнымъ недвижимымъ имуществомъ ихъ сестры, коллежской ассесорши Милашевой. Докладомъ отъ 11 Декабря 1834 г. графъ Бенкендорфъ, испрашивая Всемилостивѣйшаго пожалованія дворянскаго права коммерціи совѣтнику Алексѣю Сапожникову и дѣтямъ умершаго его брата, личнаго дворянина и кавалера Александра Сапожникова, дабы они тѣмъ получили право владѣнія деревнями, присовокуплялъ, что „за такую милость Сапожниковъ готовъ пожертвовать до двухсотъ тысячъ рублей наличными деньгами въ пользу коммерческаго училища, требующаго улучшенія во многихъ отношеніяхъ“. Государь 12 Декабря 1834 г. положилъ резолюцію: „Дворянское право не покупается ¹⁾, и впредь не смѣть входить ко мнѣ съ подобными представленіями“.

Приведемъ еще любопытный примѣръ прошенія, прошедшаго черезъ руки гр. Бенкендорфа. Корреспондентъ военно-ученаго коми-

¹⁾ Слова «не покупается» подчеркнуты собственноручно.

Разводъ карауловъ на Дворцовой площади въ царствованіе Императора Николая I.

Съ акварели того времени.

тета Лешевичъ-Бородулинъ подалъ на Высочайшее Имя прошеніе, представивъ „въ маломъ видѣ неоконченныя пострѣлы, заключающіе въ себѣ пять свойствъ — ядра, брандугля, кнпеля, гранаты и шо-

НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ
Императоръ и Самодержавецъ Всероссийскій!

Рис. съ природы и грав. О. Райтъ 1833 г.

Румянцевскій музей, собр. Д. Ровинскаго.

страпы“; въ прошеніи изобрѣтатель излагалъ, что эти „пострѣлы“ изобрѣтены „при помощи Бога для Твоихъ армій и флотовъ, а также корпусу Киргизской степи, для постепеннаго покоренія Тебѣ и потомству Твоему всей Азіи“; далѣе онъ просилъ дать ему послѣднюю секретную аудіенцію, „для изустнаго объясненія вышеупомянутыхъ

предметовъ и открытія неминуемаго способа, вопреки вооруженію противъ Тебя цѣлаго свѣта на сушѣ и на моряхъ, присоединить къ Россіи на вѣчныя времена всѣ крѣпости по обѣ стороны Дуная, обще съ Константинополемъ и сдѣлаться повелителемъ всѣхъ морей“. Письмомъ отъ 8 Февраля 1829 г. за № 114, графъ Бенкендорфъ сообщилъ Лешевичу-Бородулину, что онъ имѣлъ счастье представить прошеніе лично Государю Императору и что Его Величество поручить ему изволилъ поблагодарить г. Бородулина за усердіе и ревность его къ пользамъ отечества и объяснить, что Его Величество „не желаетъ завоевывать чуждыя земли безъ всякой къ этому причины, ибо Онъ имѣетъ довольно заботъ при утвержденіи благосостоянія настоящихъ своихъ подданныхъ“; самый же „инструментъ“ Государь нашель „столь ужаснымъ, что и не желаетъ даже, чтобы изобрѣтеніе онаго было извѣстно, и увѣренъ, что такой, по крайней мѣрѣ во время Его Царствованія, въ Его владѣніяхъ вѣрно употребленъ не будетъ“.

Нельзя также не привести для характеристики того большого значенія, какимъ пользовался графъ Бенкендорфъ въ средѣ лицъ, занимавшихъ даже крупныя служебныя посты и не состоявшихъ съ нимъ въ отношеніяхъ какой-либо подчиненности, ходатайствъ барона Розена и графа Уварова.

„Призванный къ главноначальствованію на Кавказѣ“, — баронъ Розенъ пишетъ 25 Апрѣля 1835 г. графу Бенкендорфу, — „я находилъ, что, въ силу самаго положенія вещей, было моею задачею—поддерживать достоинство занимаемой мною должности и вести образъ жизни, соответствующій званіямъ командира корпуса и генераль-губернатора; между тѣмъ, издержки послѣднихъ лѣтъ значительно превышаютъ состояніе мое и моей жены, а получаемое по службѣ содержаніе достигаетъ въ общей суммѣ 39,000 р. въ годъ, при ежегодномъ расходѣ въ 75,000 р.“.

Графъ Бенкендорфъ нашель нужнымъ письмомъ отъ 3 Мая 1835 г. обратиться къ Военному Министру съ просьбою исходатайствовать увеличеніе содержанія барону Розену до 75,000 р.

Въ письмѣ же отъ 2 Января 1828 г. сенаторъ и президентъ Академіи Наукъ Уваровъ ¹⁾ писалъ Бенкендорфу, что онъ, имѣвъ

¹⁾ Впослѣдствіи Министръ Народнаго Просвѣщенія.

Командующій ИМПЕРАТОРСКОЮ Главною Квартирою,
генералъ-адъютантъ,
графъ Алексѣй Федоровичъ
ОРЛОВЪ.

Съ гравюры Турнера.

Изъ собр. портр.
Имп. Гл. Кв.

счастіе быть постоянно принимаемымъ на всѣ придворные балы и вечера, не получилъ между тѣмъ приглашенія на два послѣднихъ бала; такъ какъ, по произведенной Уваровымъ справкѣ, оказалось, что приглашенію его помѣшало званіе сенатора, то онъ и просилъ графа Бенкендорфа исходатайствовать ему, въ видѣ исключенія, право присутствія на придворныхъ празднествахъ и въ новомъ званіи.

11 Сентября 1844 г. скончался за границею генераль-адъютантъ графъ Бенкендорфъ, и Высочайшимъ приказомъ отъ 17 Сентября того же года на его мѣсто былъ назначенъ членъ Государственнаго Совѣта, генераль-адъютантъ, генераль-отъ-кавалеріи, графъ Алексѣй Ѳеодоровичъ Орловъ. Графъ Орловъ еще ранѣе, въ 1837 г., во время болѣзни Бенкендорфа, исполнялъ его должность, а при отъѣздѣ его въ отпускъ въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ 1844 г. былъ назначенъ, на время его отсутствія, Высочайшимъ приказомъ отъ 18 Апрѣля, „Командующимъ Корпусомъ жандармовъ и Императорскою Главною Квартирою“.

Второй Командующій — генераль-адъютантъ графъ Орловъ.

Въ дѣлахъ Штаба Корпуса жандармовъ ¹⁾ сохранилось отношеніе Военнаго Министра ²⁾ къ графу Орлову, въ коемъ первый увѣдомлялъ послѣдняго о состоявшемся назначеніи графа Командующимъ Квартирою; на отношеніи рукою графа Орлова написано: „дай Богъ оправдать довѣренность Государя Императора и ожиданіе добрыхъ людей“.

Въ проектѣ приказа по Корпусу жандармовъ ³⁾ (безъ означенія числа, а съ проставленіемъ одного лишь мѣсяца Сентября), по поводу смерти графа Бенкендорфа, читаемъ: „Высочайшимъ приказомъ 17 Сентября ⁴⁾ Государю Императору благоугодно было назначить меня Шефомъ жандармовъ и Командующимъ Императорскою Главною Квартирою, вмѣсто умершаго генераль-адъютанта графа Бенкендорфа, который исключенъ изъ списковъ; съ душевнымъ прискорбіемъ объявляя

¹⁾ Д. Ш. К. Ж., 1844 г., № 209.

²⁾ Отъ 17 Сентября 1844 г., № 194.

³⁾ Д. Ш. К. Ж., 1844 г., № 209.

⁴⁾ Въ томъ же Высочайшемъ приказѣ, кстати замѣтимъ, напечатано: «умершій, по кавалеріи, Шефъ жандармовъ, Командовавшій Императорскою Главною Квартирою, сенаторъ и членъ Государственнаго Совѣта, генераль-адъютантъ, генераль-отъ-кавалеріи, графъ Бенкендорфъ исключается изъ списковъ».

чинамъ Корпуса жандармовъ о кончинѣ доблестнаго ихъ начальника, всегда находившаго въ подчиненныхъ своихъ отголосокъ чувствъ усердія и высокой преданности къ Престолу, которыми постоянно отличалось блистательное его поприще, я вмѣняю себѣ въ священную обя-

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ I
въ Петергофѣ.

Съ литографіи Сверчкова.

Румянцевскій музей.
Изъ собранія Д. Ровинскаго.

занность исполнить предсмертное желаніе графа Бенкендорфа, передавая душевную его признательность всѣмъ его сослуживцамъ, для коихъ память его останется, я увѣренъ, навсегда незабвенною; съ благоговѣніемъ принимая назначеніе, которымъ Государю Императору угодно меня удостоить, я убѣжденъ, что единодушное содѣйствіе подчиненныхъ будетъ постоянно поддерживать во мнѣ силы для достиженія единственнаго желанія оправдать высокое довѣріе Монарха и доставить возможность свидѣтельствовать предъ Его Величествомъ о томъ усердіи и ревности, которыми служба ихъ донинѣ отличалась“.

Конечно, и назначеніе графа Орлова на должность Командующаго Императорскою Главною Квартирою должно разсматриваться какъ одно изъ осязательныхъ доказательствъ особаго Монаршаго къ нему довѣрія. Здѣсь у мѣста будетъ привести изъ его формулярнаго

Флигель-адъютантъ
Его Императорское Высочество
Великій Князь
АЛЕКСАНДРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ.

Съ портрета масл. красками.

Офиц. Собраніе Кавалергардскаго полка.

списка данныя, касающіяся его службы до назначенія на должность Командующаго.

Графъ Орловъ, имѣя семнадцать лѣтъ отъ роду, былъ произведенъ ¹⁾ въ корнеты 28 Октября 1804 г. и уже въ 1805 г. участвовалъ въ Аустерлицкомъ сраженіи, за что получилъ орденъ Св. Анны 4 ст., а въ 1807 г.—въ битвѣ подъ Фриландомъ, за что награ-

¹⁾ Нижеприводимыя данныя излагаются по двумъ формулярнымъ спискамъ, сохранившимся въ дѣлахъ Штаба Корпуса жандармовъ (1844 г., № 209), и изъ коихъ одинъ составленъ въ Іюні 1835 г., а другой—13 Мая 1841 г.

жденъ золотою саблею съ надписью: „за храбрость“. Въ Отечественную войну графъ Орловъ, конечно, не оставался нѣмымъ зрителемъ вторженія великой арміи Наполеона: онъ участвовалъ въ сраженіяхъ подъ Витебскомъ, Смоленскомъ, при Бородинѣ, гдѣ получилъ семь ранъ, и подъ Краснымъ. вмѣстѣ съ російскою арміею онъ перешелъ Прусскую границу и участвовалъ въ битвахъ подъ Люценомъ, Бауценомъ, Дрезденомъ и Лейпцигомъ ¹⁾; 30 Августа 1813 г., въ день Тезоименитства Императора Александра I, онъ произведенъ за отличіе въ полковники, а за участіе при взятіи въ Мартѣ 1814 г. Парижа награжденъ орденомъ Св. Владиміра 3 ст. Съ 31 Августа 1814 г. по 1 Августа 1815 г. гр. Орловъ состоялъ въ отставкѣ. Снова поступивъ на службу, онъ 12 Апрѣля 1817 г. пожалованъ флигель-адъютантомъ, 16 Января 1819 г. назначенъ командиромъ Л.-Гв. Коннаго полка и 4 Юня 1820 г. пожалованъ генераль-адъютантомъ. Высочайшимъ указомъ, даннымъ 25 Декабря 1825 г. Правительствующему Сенату, было повелѣно ²⁾: „въ воздаяніе отличнаго служенія Намъ и Отечеству, Нашего генераль-адъютанта, командира Л.-Гв. Коннаго полка, генераль-маіора Орлова, пожаловавъ ему лично и его потомству графское Россійской Имперіи достоинство, повелѣваемъ поднести къ подписанію Нашему установленную на оное достоинство грамоту“. Высокая награда застала, какъ видно, Орлова всего лишь въ чинѣ генераль-маіора ³⁾. Уволенный 21 Апрѣля 1828 г. отъ командованія Л.-Гв. Коннымъ полкомъ, графъ Орловъ входитъ съ составъ дѣйствующей арміи и 27 Мая, во время перехода черезъ Дунай близъ Сатунова, состоитъ при Особѣ Государя Императора, а затѣмъ участвуетъ при взятіи Мачина и Гирсова, за что былъ пожалованъ алмазами украшеною шпагою. Произведенный 25 Юня 1829 г. въ генераль-лейтенанты, графъ Орловъ былъ командированъ въ качествѣ перваго полномочнаго, для заключенія съ Турціею мира, въ Адрианополь, за успѣшное выполненіе каковой миссіи онъ былъ 22 Сентября того же года пожалованъ орденомъ Св. Александра Невскаго. Тридцатые года девятнадцатаго столѣтія сплошь наполнены различными отвѣтственными порученіями, выполнявшимися графомъ: въ 1830 г. онъ ѣздилъ къ турецкому султану, „съ особенными порученіями“ и въ Вѣну—

¹⁾ Въ сраженіи подъ Лейпцигомъ графъ Орловъ награжденъ орденомъ Св. Георгія 4 степени.

²⁾ «Русскій Инвалидъ», 1826 г., № 2.

³⁾ Въ этотъ чинъ онъ произведенъ 6 Октября 1817 г.

Его Императорское Величество Государь Императоръ
НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧЪ,
Его Императорское Высочество Наслѣдникъ Цесаревичъ и Великій Князь
АЛЕКСАНДРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ
и
г.г. офицеры Л.-Гв. Коннаго полка.
Въ Свитѣ состояли: 1—И. В. Анненковъ; 2—П. П. Ланской; 3—П. П. Альбединскій
4—Графъ Г. К. Крейцъ.

„для присутствованія при коронованіи Короля Венгерскаго“, въ 1831 г. — въ дѣйствующую армію съ Высочайшими къ генераль-

Высочайшій смотръ въ Петергофѣ, въ Александри.

Съ литографіи.

Изъ 1-го изд. исторіи Кавалергардовъ.

фельдмаршалу порученіями; въ этомъ же году, при возникшихъ въ Петербургѣ по случаю холеры беспорядкахъ, онъ былъ назначенъ военнымъ губернаторомъ въ 1 Адмиралтейской, Московской и Нарвской частяхъ, послѣ чего былъ командированъ въ Новгородскія и Старорусскія поселенія, для усмиренія и прекращенія „безпокойствъ“; въ слѣдующемъ, 1832 г., графъ былъ отправленъ въ Пруссію, Голландію, Англію опять-таки съ Высочайшими порученіями. Въ 1833 г. графъ Орловъ назначенъ чрезвычайнымъ посломъ въ Константинополь и Главноначальствующимъ Черноморскимъ флотомъ, находившимся въ Босфорѣ, и десантными войсками; по „счастливомъ возвращеніи войскъ и флота въ Россію“, графъ Орловъ, 11 Юля 1833 г., произведенъ въ генераль-отъ-кавалеріи. Въ 1835 году, по случаю кончины австрійскаго Императора Франца I, Орловъ отправленъ чрезвычайнымъ посломъ въ Вѣну, къ Императору Фердинанду I, для принесенія поздравленія со вступленіемъ на престолъ; 11 Января 1837 г. онъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта; 26 Марта 1839 г. по-

Рисована на юамаме об радной старинной .интерации и отпечатано у И.Кодушина СПб 1966.

*Генералъ - Адъютантъ
Графъ Алексѣй Федоровичъ Орловъ.*

лучилъ орденъ Св. Андрея Первозваннаго, а 16 Апрѣля 1841 г.— алмазныя къ этому ордену украшенія.

Изъ предыдущаго изложенія ясно, какъ значительны были боевыя заслуги графа Орлова и насколько почетныя и вмѣстѣ съ тѣмъ отвѣтственныя порученія возлагались на него Высочайшею волею. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что графъ Орловъ избирался Императоромъ для сопровожденія въ своихъ путешествіяхъ, въ каковыхъ онъ и принималъ участіе: въ 1837 г.—съ 31 Іюля по 1 Ноября, въ 1838 г.—со 2 Мая по 3 Іюня и съ 13 Іюня по 26 Сентября, въ 1842 г.—съ 31 Августа по 5 Октября и въ 1843 г.—съ 20 Августа по 4 Октября.

Назначеніе Орлова на мѣсто Бенкендорфа 1-го не было неожиданностью. П. Г. Дивовъ, въ своемъ дневникѣ, подъ 24 Апрѣля 1837 г., при разнесшемся тогда ложномъ слухѣ о болѣзни Бенкендорфа, считая этотъ слухъ истиннымъ, отмѣчаетъ ¹⁾: „графъ Бенкендорфъ скончался 52-хъ лѣтъ отъ роду; всѣ жалѣютъ о кончинѣ этого прекраснаго человѣка, котораго можетъ замѣнить только графъ Орловъ; эта потеря будетъ тяжела для Императора; Бенкендорфъ пользовался его неограниченнымъ довѣріемъ“. Слухъ о смерти Бенкендорфа оказался, какъ выше замѣчено, ложнымъ, хотя Бенкендорфъ былъ, дѣйствительно, боленъ, находясь временно за границей; туда Императоръ Николай писалъ 19 Іюня 1837 г., между прочимъ, такое лестное письмо ²⁾ „d'abord je remercie Dieu de vous savoir heureusement continuer votre convalescence, et je vous remercie d'avoir été sage et d'avoir consenti à achever votre guérison sur place“. Въ 1837 г. графъ Бенкендорфъ оправился отъ болѣзни, но чрезъ семь лѣтъ новая тяжелая болѣзнь свела его въ могилу, и его замѣстителемъ явился графъ Орловъ.

Довѣріе Императора Николая къ графу Орлову было, можно сказать, неограниченнымъ. Да и иначе не могло быть, такъ какъ такого довѣрія требовалъ самый характеръ занимаемаго имъ поста Шефа жандармовъ. Вѣдь извѣстно, что когда Бенкендорфъ, назначенный Главнo-управляющимъ III отдѣленіемъ Собственной Его Величества Канцеля-

¹⁾ Изъ дневника П. Г. Дивова. «Русск. Стар.», 1900 г., № 11.

²⁾ Письма Императора Николая Павловича къ графу А. Х. Бенкендорфу. «Русск. Арх.», 1884 г., кн. I.

ри, спросилъ Государя Императора объ инструкціи, то Николай Павловичъ вынулъ изъ кармана носовой платокъ и, показавъ его

Генералъ-адъютантъ
князь Алексѣй Федоровичъ
ОРЛОВЪ.

Съ портрета Крюгера,
литогр. Ф. Левтцена.

Изъ собр. портр.
Имп. Гл. Кв.

Бенкендорфу, сказалъ: „вотъ тебѣ инструкція,—чтобъ ни одинъ платокъ въ Россіи не былъ омоченъ слезами“ ¹⁾. Слѣдовательно, постъ

¹⁾ «Изъ недавней старины». «Русск. Арх.», 1885 г., № 3.

Шефа исключалъ возможность имѣть какую-нибудь писанную, точно регламентированную инструкцію: поставлялась лишь одна цѣль, а способъ ея достиженія зависѣлъ отъ лица, занимавшаго эту должность. Точно такъ же извѣстно, что предъ кончиною Николай I рекомендовалъ Наслѣднику Престола графа Адлерберга, графа Орлова и князя Долгорукова; про перваго онъ, между прочимъ, сказалъ: „этотъ былъ мнѣ другомъ въ теченіе сорока лѣтъ“. Государь подарилъ князю Долгорукову свои часы, замѣтивъ при этомъ: „ты никогда не опаздывалъ ко мнѣ съ докладомъ“; графу Орлову онъ отдалъ свою чернильницу, прибавивъ: „изъ этой чернильницы мы съ тобой много переписали“; графу Адлербергу достался портфель ¹⁾).

Въ должности Командующаго Императорской Главной Квартирой графъ Орловъ оставался до кончины Николая I; лишь въ царствованіе Александра II, 5 Апрѣля 1856 г., онъ былъ назначенъ Предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта.

Говоря о графѣ А. Ѳ. Орловѣ, нельзя не привести характеристики его, сдѣланной въ 1819 г. А. С. Пушкинымъ, въ стихотвореніи: „Къ Алексѣю Ѳедоровичу Орлову, отсовѣтовавшему мнѣ вступить въ военную службу“ ²⁾). По поэтическому выраженію Пушкина, Орловъ—„у трона вѣрный гражданинъ, сочеталъ съ душою пылкой, откровенной, любезность, разумъ просвѣщенной“, и далѣе — „съ каждымъ днемъ вставая на военну муку, усталымъ усачамъ верхомъ преподаешь князей науку, но не безславишь сторяча свою воинственную руку презрѣнной палкой палача!“ Въ это время А. Ѳ. Орловъ былъ командиромъ Л.-Гв. Коннаго полка. Любопытно, что тутъ же Пушкинъ говоритъ о Киселевѣ, бывшемъ тогда командиромъ Кавалергардскаго полка. Вотъ характеристика Киселева: „на генерала Киселева не возложу своихъ надеждъ—онъ очень милъ, о томъ ни слова; онъ врагъ коварства и невѣждъ; за жирнымъ, медленнымъ обѣдомъ я радъ сидѣть его сосѣдомъ, до ночи слушать радъ его; но онъ—придворный; обѣщанья ему не стоятъ ничего“. Стихотвореніе заканчивается обращеніемъ къ Орлову и обѣщаніемъ, когда „возстанетъ съ одра покоя богъ мечей“—стать „подъ знамены твоихъ воинственныхъ дружинъ“; тогда—„въ патрахъ, средь сѣчи, средь пожаровъ, съ ме-

¹⁾ «Изъ записокъ стараго преображенца». «Русск. Арх.», 1885 г., № 1.

²⁾ Автографъ хранится въ Собств. Его Величества библиотекѣ, Лобановскій отдѣлъ.

чемъ и лирой боевой, рубиться буду предъ тобою и славу пѣтъ твоихъ ударовъ“.

Военно-походная
Его Величества
Канцелярія; уч-
режденіе и перво-
начальная органи-
зація.

При общей реорганизаціи высшаго управленія всѣми военно-сухопутными силами Россійской Имперіи 1 Мая 1832 года была снова учреждена Военно-походная Его Величества Канцелярія, существовавшая ранѣе съ 1797 г. по 1812 г.

Военно-походная Канцелярія въ царствованіе Императора Николая I^{го} не входила въ составъ Императорской Главной Квартіры, а представляла изъ себя, какъ увидимъ ниже, лишь часть Канцеляріи Военнаго Министерства. Въ царствованіе же Императора Александра II^{го} Военно-походная Канцелярія сначала входитъ въ составъ Главной Квартіры отдѣльнымъ установленіемъ, а затѣмъ постепенно присоединяется къ послѣдней и въ царствованіе Императора Александра III^{го} сливается съ существовавшимъ тогда Управленіемъ дѣлами Императорской Главной Квартіры въ одну вновь образованную „Канцелярію Императорской Главной Квартіры“¹⁾. Поэтому-то, имѣя въ виду позднѣйшій переходъ Военно-походной Канцеляріи въ составъ Императорской Главной Квартіры, и чтобы не прерывать историческаго хода развитія и образованія современной Главной Квартіры, позволяемъ себѣ, хотя бы вкратцѣ, остановиться и на Военно-походной Канцеляріи эпохи Императора Николая Павловича.

¹⁾ Позднѣе, въ 1904 г., Канцелярія Императорской Главной Квартіры переименована въ Военно-походную Канцелярію Его Императорскаго Величества. Это послѣднее названіе бывшей Канцеляріи Главной Квартіры нѣкоторые пытаются объяснить разными историческими выкладками, но всѣ приводимыя ими соображенія совершенно не соотвѣтствуютъ бывшей дѣйствительности. Въ самомъ дѣлѣ, въ царствованіе Императора Павла I и въ началѣ царствованія Императора Александра I, съ 1796 по 1808 г., Военно-походная Канцелярія близко походила на современную Императорскую Главную Квартіру и представляла учрежденіе съ болѣе обширнымъ кругомъ полномочій, чѣмъ имѣть ихъ Главная Квартіра въ настоящее время. Въ 1808 г., съ назначеніемъ Министромъ Военно-сухопутныхъ Силъ графа Аракчеева, дѣятельность Канцеляріи сразу уменьшается, а въ 1812 году Военно-походная Канцелярія исчезаетъ. Въ періодъ войнъ 1812—1815 г. г. возникаетъ Императорская Главная Квартіра. Въ 1832 году хотя Военно-походная Канцелярія и возрождается, но она далеко уже не играетъ той роли, какая ей была ранѣе присвоена и, имѣя второстепенное значеніе, входитъ въ составъ Канцеляріи Военнаго Министерства. На ряду съ этимъ Императорская Главная Квартіра, присвоивъ себѣ значеніе и кругъ дѣятельности бывшей Военно-походной Канцеляріи, представляетъ вполне самостоятельное учрежденіе, имѣвшее свое самостоятельное управленіе дѣлами, въ лицѣ своей Канцеляріи. Такимъ образомъ, современная Военно-походная Канцелярія, не получила своего историческаго значенія, а присвоила одно лишь названіе.

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ I-й.

Съ лит. Р. Ульриха.

Изъ собранія Д. Ровинскаго.

Согласно проекту образования Военнаго Министерства, удостоенному Высочайшаго утверждения 1 Мая 1832 г. ¹⁾, во главѣ Военно-походной Канцеляріи поставленъ начальникъ ея, подчиненный, какъ входящій въ составъ Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества, лишь Военному Министру ²⁾, и вполнѣ независимый отъ Командующаго Императорскою Главною Квартирою.

Все дѣлопроизводство военнаго управленія „какъ по частямъ, въ непосредственномъ вѣдѣніи Военнаго Министра состоящимъ, такъ и отъ

Военнаго Совѣта зависящимъ“, сосредоточивалось въ одной канцеляріи, названной Канцеляріей Военнаго Министерства. Изъ этой канцеляріи, „въ случаѣ отбытія Государя Императора изъ столицы“, должна была образовываться Военно-походная Его Величества Канцелярія.

„Особое назначеніе“ начальника Военно-походной Канцеляріи, долженствовавшего присутствовать въ Военномъ Совѣтѣ, на одинаковыхъ правахъ съ членами сего Совѣта, заключалось въ сопровожденіи Особы Государя Императора, „для принятія и объявленія Высочайшихъ повелѣній и разрѣшеній по дѣламъ военно-сухопутнаго управленія, если Военный Министръ лично не сопровождаетъ Его Импе-

Свиты ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА генералъ-майоръ князь Владимиръ Андреевичъ ДОЛГОРУКОВЪ.

По рис. Мартынова, съ литографіи.

Изъ собр. портр Имп. Гл. Кв.

¹⁾ Собр. закон. и пост., по части воен. упр. относящ. 1832 г., кн. II, стр. 365.

²⁾ П. Г. Дивовъ въ своемъ дневникѣ, «Русск. Стар.» 1900 г., Янв., подъ 4 Мая 1832 г. отъ-часть: «появился указъ объ упраздненіи Главнаго Штаба военнаго вѣдомства; вся власть сосредото-чена въ лицѣ Военнаго Министра».

раторское Величество ¹⁾). „На сей конецъ“, т. е. для ознакомленія съ общимъ устройствомъ и характеромъ дѣлопроизводства высшаго военного управленія, начальникъ Военно-походной Канцеляріи обязанъ „присутствовать при ежедневномъ докладѣ Военному Министру Директора Канцеляріи Военнаго Министра“ ²⁾).

Флигель-адъютантъ
князь СЕМЕНЪ МИХАЙЛОВИЧЪ
ВОРОНЦОВЪ.

По рис. В. Тимма,
съ литографіи.

Изъ собр. портр.
Имп. Гл. Кв.

князь АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ
БАРЯТИНСКІЙ.

По рис. В. Тимма,
съ литографіи.

Изъ собр. портр.
Имп. Гл. Кв.

Кругъ дѣйствія Начальника Военно-походной Канцеляріи ограничивался „собственно объявленіемъ Военному Министру и обращеніемъ къ дальнѣйшему его исполненію Высочайшихъ разрѣшеній и повелѣній по дѣламъ военносухопутнаго управленія, къ Его Величеству поступившимъ“ ³⁾). Приказы по арміи должны отдаваться за подписью Начальника Военно-походной Канцеляріи, съ добавленіемъ словъ „за отсутствіемъ Воен-

¹⁾ § 116. Существо обязанностей начальника Военно-походной Канцеляріи. См. прилож. 13.

²⁾ § 117. Ibid.

³⁾ § 123. Ibid.

Генералъ-адъютантъ
баронъ Карлъ Карловичъ
ПРИТВИЦЪ.

Съ лит. Доленя.

Изъ собр. портр.
Имп. Гл. Кв.

нихъ представленіямъ“¹⁾, то „о предметѣ сихъ сношеній, разрѣшеній и повелѣній Начальникъ Военно-походной Канцеляріи въ то же время доноситъ во всей подробности Военному Министру, для сохраненія общей связи дѣлъ и распоряженій по Министерству, если они касаются перемѣны въ составѣ, вооруженіи, снаряженіи или расположеніи войскъ, перемѣны въ назначеніи лицъ, или расхода денежныхъ и вещественныхъ капиталовъ, въ вѣдѣніи Мини-

наго Министра“¹⁾. Въ случаѣ, если „для выигрыша времени Его Величество за благо признать изволить поручить начальнику Военно-походной Канцеляріи войти въ непосредственное сношеніе съ находящимися въ столицѣ мѣстами и лицами, Военному Министру подвѣдомственными, или объявить имъ прямо отъ себя Высочайшія разрѣшенія и повелѣнія по поступившимъ отъ

Флигель-адъютантъ
Александръ Николаевичъ
СТЮРЛЕРЪ.

По рис. Смирнова,
изд. Дарленга.

Изъ собр. портр.
Имп. Гл. Кв.

¹⁾ § 124. Существо обязанностей начальника Военно-походной Канцеляріи. См. Прилож. 13.

²⁾ § 125. Ibid.

Генералъ-адъютантъ
ЛѢВЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ
НАРЫШКИНЪ.

Съ литографіи.

Изъ собр. портр.
Имп. Гл. Кв.

и вѣдомствамъ, если означенныя повелѣнія не имѣютъ „связи съ дѣлами военно-сухопутнаго управленія“ ³⁾).

Обращаясь къ изложенію организаціи личнаго состава Военно-походной Канцеляріи, помимо ея начальника, слѣдуетъ замѣтить, что въ мирное время эта Канцелярія въ видѣ отдѣльнаго, самостоятельнаго органа, вовсе не существовала, а въ случаѣ Высочайшаго отъѣзда изъ столицы, персоналъ ея пополнялся изъ чиновниковъ и писарей канцеляріи Военнаго Министерства ⁴⁾. Для сего въ штатъ Канцеляріи Военнаго Министерства положены по штату одинъ старшій и четыре младшихъ чиновника Военно-походной Канцеляріи, изъ коихъ первый состоитъ въ „качествѣ“ помощника директора Канцеляріи Военнаго Министерства, раздѣляетъ его занятія въ наблюденіи за

стерства состоящихъ“ ¹⁾. Но начальникъ Военно-походной Канцеляріи не обязанъ доносить Военному Министру въ случаѣ затребованія имъ дополнительныхъ свѣдѣній, „къ объясненію поступившихъ представленій необходимыхъ“, или если имъ сдѣланы сношенія, относящіяся „до обстоятельствъ и случаевъ, прямой связи съ дѣлами Министерства не имѣющихъ“ ²⁾. Наконецъ, начальникъ Военно-походной Канцеляріи имѣлъ право объявлять непосредственно Высочайшія повелѣнія подлежащимъ министерствамъ

¹⁾ § 126. Существо обязанностей начальника Военно-походной Канцеляріи. См. прилож. 13.

²⁾ § 127. Ibid.

³⁾ § 128. Ibid.

⁴⁾ § 131. Ibid.

правильнымъ и безостановочнымъ движеніемъ дѣлъ по всѣмъ отдѣленіямъ канцеляріи и въ особенности по отчетности департаментовъ и пріобрѣтаетъ, такимъ образомъ, полное о положеніи каждой изъ составныхъ частей Министерства свѣдѣніе, на случай образованія Военно-походной Его Величества Канцеляріи ¹⁾. Младшіе же чиновники „распредѣляются въ качествѣ помощниковъ къ начальникамъ 1, 2, 3 и 6 отдѣленій Канцеляріи Военнаго Министерства“ ²⁾.

Такимъ образомъ персоналъ Военно-походной Канцеляріи, учреждаемой въ видѣ самостоятельной единицы лишь въ случаѣ Высочайшаго изъ столицы выѣзда, имѣлъ всѣ данныя для возможно полного ознакомленія съ дѣлопроизводствомъ Военнаго Министерства и къ удовлетворительному исполненію своихъ обязанностей по Военно-походной Канцеляріи.

Владдей Владдеевичъ
БЕЛИНСГАУЗЕНЪ.

По рис. В. Шульмана,
съ лит. У. Штейбаха.

Изъ собр. портр.
Имп. Гл. Кв.

Вскорѣ послѣ- Измѣненія въ органи-
зовало первое въ цар- низаціи Канцеляріи.
ствованіе Императора Николая
Павловича преобразование Во-
енно-походной Канцеляріи, и
въ 1834 г. она совершенно
отдѣлена отъ Канцеляріи Воен-
наго Министерства: во главѣ
ея поставленъ Управляющій ³⁾,
а штатомъ установлены двѣ
должности чиновниковъ ⁴⁾.
Вмѣстѣ съ тѣмъ тогда же на
Военно-походную Канцелярію
была возложена обязанность—
помимо сопутствованія Госу-
даря Императора — занимать-

¹⁾ § 171. Существо обязанностей начальника Военно-походной Канцеляріи. См. Прилож. 13.

²⁾ § 172. Ibid.

³⁾ Управляющимъ Канцелярію состоялъ съ 1834 г. по 1840 г. дѣйствительный статскій совѣтникъ Статсъ-Секретарь Его Императорскаго Величества М. П. Позень.

⁴⁾ Высочайшее утвержденіе новаго положенія о Военно-походной Канцеляріи послѣдовало 19 Апрѣля 1834 г.

ся, „подъ непосредственнымъ распоряженіемъ Министра, дѣлами по общему устройству управленія и другими, выходящими изъ разряда дѣлъ текущихъ“¹⁾).

На долю Военно-походной Канцеляріи выпала въ это время, вплоть до 1836 г., тяжелая работа, по разработкѣ постановленій, относящихся до образованія Военнаго Министерства, на новыхъ, указанныхъ Высочайшею волею, началахъ. Этотъ обширный трудъ удостоился Высочайшаго утвержденія 29 Марта 1836 г.²⁾ Вмѣстѣ съ тѣмъ и Военно-походная Канцелярія получила новую организацію³⁾.

Къ штату Канцеляріи былъ прибавленъ одинъ писарь и, кромѣ того, разрѣшалось при усиленныхъ занятіяхъ прикомандировывать къ Военно-походной Канцеляріи чиновниковъ изъ Канцеляріи Министерства и имѣть, сверхъ штата, нѣкоторое число молодыхъ людей для подготовки къ занятію дѣлами.

Генераль-адъютантъ
Александръ Андреевичъ
КАТЕНИНЪ.

Съ портр. масл. Офицерское Собраніе
красками. Л.-Гв. Преображенскаго п.

Кругъ дѣятельности Канцеляріи, по положенію 1836 г., былъ двоякаго рода: во время Высочайшихъ путешествій — съ одной стороны, и во время пребыванія Государя Императора въ столицѣ — съ другой. Въ послѣднемъ отношеніи Канцелярія занималась дѣлами по общему устройству управленія и другими выходящими изъ разряда дѣлъ текущихъ (напр., изданіями новыхъ положеній, измѣненіями дѣйствующихъ положеній и пр.). Такимъ образомъ чины Канцеляріи принимали участіе въ занятіяхъ по устройству Закавказскаго края — въ 1837 г., по изданію Свода Военныхъ Постановленій — въ 1838 г., по организаціи мѣръ

¹⁾ Ст. 7 Положенія. См. приложение 15.

²⁾ Конечно, этотъ трудъ не могъ быть выполненъ скроинными силами одной Военно-походной Канцеляріи и къ послѣдней были прикомандированы чины Канцеляріи Военнаго Министерства.

³⁾ П. С. З., 2-е собр. 1836 г., т. XI, № 9038.

народнаго продовольствія въ среднихъ губерніяхъ—въ 1840 г.

Однако, въ 1841 г. послѣдовало, вмѣстѣ съ сокращеніемъ штатовъ всѣхъ вообще военныхъ управленій, уменьшеніе круга обязанностей Военно-походной Канцеляріи, которая должна была заниматься только текущими дѣлами; обязанности же ея во время Высочайшихъ путешествій были оставлены прежнія, опредѣленныя положеніемъ 1836 г.; кромѣ того, было упразднено званіе Управляющаго дѣлами Канцеляріи ¹⁾. Съ назначеніемъ же въ 1842 г. генераль - адъютанта

Левъ Ивановичъ
Киль ²⁾.

Съ литографіи.

В. Θ. Адлерберга Главнначальствующимъ надъ Почтовымъ Департаментомъ, было повелѣно, „дабы во время Высочайшихъ путешествій, онъ же, генераль-адъютантъ Адлербергъ, представлялъ Его Величеству доклады по дѣламъ Военнаго Министерства, по примѣру тому, какъ это исполняемо имъ было въ качествѣ начальника Военно-походной Канцеляріи“.

Въ 1844 г. въ штатъ Военно-походной Канцеляріи была введена должность младшаго чиновника ³⁾, и затѣмъ, въ царствованіе Императора Николая Павловича, въ ней не произошло уже болѣе никакихъ измѣненій.

Во главѣ Военно-походной Канцеляріи стоялъ во все продолженіе царствованія Императора Николая I графъ Владиміръ Ѳедоровичъ Адлербергъ I.

При томъ значеніи, какое имѣло въ то время лицо, Начальникъ Канцеляріи графъ В. Θ. Адлербергъ, вѣдавшее этою Канцеляріею, порученіе ея В. Θ. Адлербергу нужно объяснить, конечно, особою близостью его къ Особѣ Монарха. Нельзя забывать, что В. Θ. Адлербергъ „принадлежалъ къ

¹⁾ П. С. З., 2-е собр., 1841 г., т. XVI, ст. 15081.

²⁾ П. С. З., 2-е собр., 1844 г., т. XVII, ст. 17586.

³⁾ Въ Свѣтѣ Имп. Николая I состоялъ въ званіяхъ фл.-адъют. и Свиты Е. В. ген.-маіора.

числу первыхъ товарищей въ играхъ Великаго Князя Николая Павловича“¹⁾. Фельдмаршалъ же Дибичъ²⁾ въ своихъ воспоминаніяхъ подъ 1830 г. выражался о генераль-адъютантахъ Адлербергѣ и Бенкендорфѣ, что „они одни во всякое время и во всѣхъ обстоятельствахъ всегда готовы пожертвовать самую жизнь для своего Монарха“

Генераль-адъютантъ
графъ Владиміръ Федоровичъ
АДЛЕРБЕРГЪ I.

Съ портр. Крюгера,
рис. на камнѣ П. Смирновъ.

Изъ собр. портр.
Имп. Гл. Кв.

Многочисленными Всемилостивѣйшими рескриптами, помѣщенными въ приложеніи къ настоящему выпуску, ярче всего обрисовывается отношеніе Императора Николая I къ графу В. Ѳ. Адлербергу.

¹⁾ Сб. Импер. Русск. Истор. Общ., т. ХСVIII.

²⁾ Фельдмаршалъ кн. Дибичъ-Забалканскій въ его воспом. «Русск. Стар.», 1891 г., № 5.

Приведемъ еще два эпизода, характеризующіе отношенія Императора Николая къ Его Военно-походной Канцеляріи и къ графу В. Ө. Адлербергу.

По окончаніи Венгерской кампаніи, во время которой на долю Канцеляріи выпала значительная работа, Императоръ Николай I удостоилъ ее, въ Варшавѣ, Своимъ высокимъ посѣщеніемъ, объявилъ

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ I-й на маневрахъ у цѣпи застрѣльщиковъ.

По рис. Шварца.

Изъ собр. Ө. Г. Козлянинова.

чинамъ Военно-походной Канцеляріи объ окончаніи кампаніи и заключеніи почетнаго для Россіи мира и собственноручно соизволилъ возложить на графа Владиміра Өдоровича Адлерберга орденъ Св. Апостола Андрея Первозваннаго, присовокупивъ: „не забудь своихъ труженниковъ и представь ихъ къ наградѣ“.

Въ 1853 году, во время пребыванія Императора Николая I въ Варшавѣ, Военно-походная Канцелярія была вновь осчастливлена Высочайшимъ посѣщеніемъ. Графъ В. Ө. Адлербергъ, по нездоровью,

переслалъ докладъ Государю въ запечатанномъ конвертѣ. Положивъ на всѣхъ присланныхъ бумагахъ собственноручныя резолюціи, Государь послалъ ихъ съ фельдъегеремъ для исполненія въ Канцелярію, приказавъ ему объявить чинамъ ея, что Онъ Самъ сейчасъ туда придетъ. Императоръ былъ встрѣченъ на подъѣздѣ чинами Канцеляріи и, обратившись къ нимъ, повелѣлъ исполнить бумаги по Его собственноручнымъ резолюціямъ и затѣмъ представить къ подписи графа В. Ѳ. Адлерберга. Затѣмъ Его Величество, пріотворивъ дверь въ квартирѣ графа Адлерберга, изволилъ сказать ему, чтобы онъ не безпокоился объ исполненіи доклада, такъ какъ всѣ приказанія уже отданы Имъ.

Въ заключеніе настоящей главы скажемъ, что Военно-походная Канцелярія, помимо вышеприведенной дѣятельности въ царствованіе Императора Николая I сопровождала Государя въ цѣломъ рядѣ Высочайшихъ путешествій, перечисленныхъ въ приложеніяхъ къ настоящему выпуску.

Обложка печатана в Типографии „Т-ва Художественной Печати“.